

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИБРАТЕРИЈЕ ПАМЯТИКИ

CORNELIUS TACITUS

КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Д. Д. Благой, И. С. Брагинский,
В. В. Виноградов, Н. Н. Голенищев-Кутузов, А. А. Елистратова,
В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад (председатель), Д. С. Лихачев,
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь), Ю. Г. Оксман,
Ф. А. Петровский, А. М. Самсонов,
С. Д. Сказкин, С. Л. Утченко*

Ответственный редактор

С. Л. УТЧЕНКО

ОТ РЕДАКЦИИ

Основная задача настоящего издания заключается в том, чтобы познакомить читателя с двумя наиболее выдающимися произведениями великого римского историка Корнелия Тацита — «Анналами» и «Историей».

Как известно, первый крупный труд Тацита — «История» — был написан раньше, чем «Анналы», однако исторические события, излагаемые в «Анналах» (период правления императоров Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона), предшествуют периоду правления династии Флавиев, описанию которого и посвящена «История». Поэтому, руководствуясь интересами читателя (и, кстати говоря, восстанавливая традицию, существовавшую в эпоху Возрождения), мы помещаем в первом томе нашего издания «Анналы», «Историю» же — во втором томе. Таким образом, наш читатель получит хронологически последовательное изложение истории ранней Римской империи в период правления династий Юлиев—Клавдиев и Флавиев.

В первом томе также даны так называемые «малые произведения» римского историка («Агрикола», «Германия», «Диалог об ораторах»). Следовательно, настоящее издание включает в себя все дошедшие до нас произведения римского историка. Они даны в новых переводах (перевод Тацита, осуществленный В. И. Модестовым в 80-х годах прошлого века, выглядит ныне в ряде случаев архаичным, да и самое издание его давно превратилось в библиографическую редкость), снабжены комментарием, аннотированным указателем имен, географических и этни-

ческих названий, генеалогической таблицей династий Юлиев—Клавдиев и Флавиев и заключительной статьей о самом Таците.

Перевод «Анналов» и «Малых произведений», а также комментарий к этим трудам (т. I) осуществлены А. С. Бобовичем (редакторы переводов — Я. М. Боровский и М. Е. Сергеенко).

Перевод «Истории» и комментарий к т. II осуществлены Г. С. Кнабе (редактор перевода — М. Е. Грабарь-Пассек).

Автор статьи о Корнелии Таците — И. М. Тронский. Аннотированный указатель составлен А. С. Бобовичем, генеалогические таблицы — Г. С. Кнабе. Общая редакция издания — С. Л. Утченко.

А Н Н А Л Ы

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Городом Римом от его начала правили цари: ¹ народовластие и консулат установил Луций Брут. Лишь на короткое время вводилась единоличная диктатура; ² власть децемвиров длилась не дольше двух лет, ³ недолго существовали и консульские полномочия военных трибунов. ⁴ Ни владычество Цинны, ни владычество Суллы не было продолжительным, и могущество Помпея и Красса вскоре перешло к Цезарю, а оружие Лепида и Антония — к Августу, который под именем принцепса ⁵ принял под свою руку истомленное гражданскими раздорами государство. Но о древних делах народа римского, счастливых и несчастливых, писали прославленные историки; не было недостатка в блестящих дарованиях и для повествования о времени Августа, пока их не отвратило от этого все возраставшее пресмыкательство пред ним. Деяния Тиберия и Гая, а также Клавдия и Нерона, покуда они были всеильны, из страха пред ними были излагаемы живо, а когда их не стало — под воздействием оставленной ими по себе еще свежей ненависти. Вот почему я намерен, в немногих словах рассказав о событиях под конец жизни Августа, повести в дальнейшем рассказ о принципате Тиберия и его преемников, без гнева и пристрастия, причины которых от меня далеки.

2. Когда после гибели Брута и Кассия ⁶ республиканское войско перестало существовать и когда Помпей был разбит у Сицилии, ⁷ отстранен от дел Лепид, ⁸ умер Антоний, ⁹ не осталось и у юлианской партии ¹⁰ другого вождя, кроме Цезаря, который, отказавшись от звания триумвира, именуя себя консулом и якобы довольствуясь трибунскою властью для защиты прав простого народа, ¹¹ сначала покориł своими щедротами воинов, раздачами хлеба — толпу и всех вместе — сладостными благами мира, а затем, набираясь мало-помалу силы, начал подменять собою сенат, магистратов и законы, не встречая в этом противодействия, так как наиболее непримиримые пали в сражениях и от проскрипций, ¹² а остальные из знати, осыпанные им в меру их готовности к раболепию богатством и почестями и возвысившиеся благодаря новым порядкам, предпочитали безопасное

настоящее исполненному опасностей прошлому. Не тяготились новым положением дел и провинции: ведь по причине соперничества знати и алчности магистратов доверие к власти, которой располагали сенат и народ, было подорвано, и законы, нарушаемые насилем, пройсками, наконец подкупом, ни для кого не были надежною защитой.

3. И вот Август, стремясь упрочить свое господство, возвеличил Клавдия Марцелла, еще совсем юного сына своей сестры, сделав его верховным жрецом,¹³ а также курульным эдилом,¹⁴ и Марка Агриппу, родом незнатного, но хорошего полководца, разделавшего с ним славу победы, — предоставляя ему консульство два года сряду¹⁵ и позднее, после кончины Марцелла, взяв его в зятя. Своих пасынков Тиберия Нерона и Клавдия Друза¹⁶ он наделил императорским титулом, хотя все его дети были тогда еще живы. Ведь он принял в род Цезарей¹⁷ сыновей Агриппы, Гая и Луция, и страстно желал, чтобы они, еще не снявшие отроческую претексту,¹⁸ были провозглашены главами молодежи¹⁹ и наперед избраны консулами,²⁰ хотя по видимости и противился этому. После того как Агриппы не стало, Луция Цезаря, направлявшегося к испанским войскам, и Гая, возвращавшегося из Армении с изнурительной ранюю, унесла смерть, ускоренная судьбой или кознями мачехи Ливии, а Друз умер еще ранее, Нерон остался единственным пасынком принцепса. Все внимание теперь устремляется на него одного. Август усыновляет его, берет себе в соправители, делит с ним трибунскую власть; и уже не в силу темных происков Ливии, как прежде, — теперь его открыто почитают и превозносят во всех войсках. Более того, Ливия так подчинила себе престарелого Августа, что тот выслал на остров Планазию единственного своего внука Агриппу Постума, молодого человека с большою телесною силой, буйного и неотесанного, однако не уличенного ни в каком преступлении. Правда, во главе восьми легионов на Рейне Август все же поставил сына Друза — Германика и приказал Тиберию усыновить его: хотя у Тиберия был родной сын юношеского возраста,²¹ представлялось желательным укрепить семью дополнительной опорой. Войны в эти годы не было, за исключением войны против германцев, продолжавшейся скорее для того, чтобы смыть позор поражения и гибели целого войска вместе с Квинтилием Варом, чем из стремления распространить римскую власть или ради захвата богатой добычи. Внутри страны все было спокойно, те же неизменные наименования должностных лиц; кто был помоложе, родился после битвы при Акции, даже старики, и те большей частью — во время гражданских войн.²² Много ли еще оставалось тех, кто своими глазами видел республику?

4. Итак, основы государственного порядка претерпели глубокое изменение, и от общественных установлений старого времени нигде ничего не осталось. Забыв о еще недавнем всеобщем равенстве, все наперебой ловили приказания принцепса; настоящее не порождало опасений, покуда Август, во цвете лет, деятельно заботился о поддержании своей власти,

целостности своей семьи и гражданского мира. Когда же в преклонном возрасте его начали томить недуги и телесные немощи и стал приближаться его конец, пробудились надежды на перемены и некоторые принялись толковать впустую о благах свободы, весьма многие опасались гражданской войны, иные — желали ее. Большинство, однако, на все лады разбирало тех, кто мог стать их властелином: Агриппа — жесток, раздражен нанесенным ему бесчестьем и ни по летам, ни по малой опытности в делах непригоден к тому, чтобы выдержать такое бремя; Тиберий Нерон — зрел годами, испытан в военном деле, но одержим присущей роду Клавдиев надменностью, и часто у него прорываются, хотя и подавляемые, проявления жестокости. С раннего детства он был воспитан при дворе принцепса; еще в юности превознесен консульствами и триумфами;²³ и даже в годы, проведенные им на Родосе под предлогом уединения, а в действительности изгнанником,²⁴ он не помышлял ни о чем ином, как только о мести, притворстве и удовлетворении тайных страстей. Ко всему этому еще его мать с ее женской безудержностью: придется рабски повиноваться женщине и, сверх того, двоим молодым людям,²⁵ которые какое-то время будут утеснять государство, а когда-нибудь и расчленят его.

5. Пока шли эти и им подобные толки, здоровье Августа ухудшилось, и некоторые подозревали, не было ли тут злое умысла Ливии. Ходил слух, что за несколько месяцев перед тем Август, открывшись лишь несколько избранным и имея при себе только Фабия Максима, отплыл на Планазию, чтобы повидаться с Агриппой; здесь с обеих сторон были пролиты обильные слезы и явлены свидетельства взаимной любви, и отсюда возникло ожидание, что юноша будет возвращен пенатам деда; Максим открыл эту тайну своей жене Марции, та — Ливии. Об этом стало известно Цезарю; и когда вскоре после того Максим скончался, — есть основания предполагать, что он лишил себя жизни, — на его похоронах слышали причитания Марции, осыпавшей себя упреками в том, что она сама была причиной гибели мужа. Как бы то ни было, но Тиберий, едва успевший прибыть в Иллирию, срочно вызывается материнским письмом; не вполне выяснено, застал ли он Августа в городе Ноле еще живым или уже бездыханным. Ибо Ливия, выставив вокруг дома и на дорогах к нему сильную стражу, время от времени, пока принимались меры в соответствии с обстоятельствами, распространяла добрые вести о состоянии принцепса, как вдруг молва сообщила одновременно и о кончине Августа, и о том, что Нерон принял на себя управление государством.

6. Первым деянием нового принципата было убийство Агриппы Постума, с которым, застигнутым врасплох и безоружным, не без тяжелой борьбы справился действовавший со всею решительностью центурион. Об этом деле Тиберий не сказал в сенате ни слова; он создавал видимость, будто так распорядился его отец, предписавший трибуну, при-

ставленному для наблюдения за Агриппой, чтобы тот не замедлил предать его смерти, как только принцепс испустит последнее дыхание. Август, конечно, много и горестно жаловался на нравы этого юноши и добился, чтобы его изгнание было подтверждено сенатским постановлением; однако никогда он не ожесточался до такой степени, чтобы умертвить кого-либо из членов своей семьи, и маловероятно, чтобы он пошел на убийство внука ради безопасности пасынка. Скорее Тиберий и Ливия — он из страха, она из свойственной мачехам враждебности — поторопились убрать внушавшего подозрения и ненавистного юношу. Центуриону, доложившему, согласно воинскому уставу, об исполнении отданного ему приказа, Тиберий ответил, что ничего не приказывал и что отчет о содеянном надлежит представить сенату. Узнав об этом, Саллюстий Крисп, который был посвящен в эту тайну (он сам отослал трибуну письменное распоряжение) и боясь оказаться виновным — ведь ему было равно опасно и открыть правду, и поддерживать ложь, — убедил Ливию, что не следует распространяться ни о дворцовых тайнах, ни о дружеских совещаниях, ни об услугах воинов и что Тиберий не должен умалять силу принцепата, обо всем оповещая сенат: такова природа власти, что отчет может иметь смысл только тогда, когда он отдается лишь одному.

7. А в Риме тем временем принялись соперничать в изъявлении раболепия консулы, сенаторы, всадники. Чем кто был знатнее, тем больше он лицемерил и подыскивал подобающее выражение лица, чтобы не могло показаться, что он или обрадован кончиною принцепса, или, напротив, опечален началом нового принцепата; так они перемешивали слезы и радость, скорбные сетования и лесть. Консулы Секст Помпей и Секст Аппулей первыми принесли присягу на верность Тиберию; они же приняли ее у Сея Страбона, префекта преторианских когорт,²⁶ и Гая Туррания, префекта по снабжению продовольствием; вслед за тем присягнули сенат, войска и народ. Ибо Тиберий все дела начинал через консулов, как если бы сохранялся прежний республиканский строй и он все еще не решался властвовать; даже эдикт, которым он созывал сенаторов на заседание, был издан им с ссылкой на трибунскую власть, предоставленную ему в правление Августа. Эдикт был немногословен и составлен с величайшею сдержанностью: он намерен посоветоваться о почестях скончавшемуся родителю; он не оставляет заботы о теле покойного, и это единственная общественная обязанность, которую он присвоил себе. Между тем после кончины Августа Тиберий дал пароль преторианским когортам, как если бы был императором; вокруг него были стража, телохранители и все прочее, что принято при дворе. Воины сопровождали его на форум и в курию.²⁷ Он направил войскам послания, словно принял уже титул принцепса, и вообще ни в чем, кроме своих речей в сенате, не выказывал медлительности. Основная причина этого — страх, как бы Германик, опирающийся на столькие легионы, на сильнеешие вспомогательные войска союзников и исключительную любовь народа,

не предпочел располагать властью, чем дожидаться ее. Но Тиберий все же считался с общественным мнением и стремился создать впечатление, что он скорее призван и избран волей народной, чем пробрался к власти происками супруги принцепса и благодаря усыновлению старцем. Позднее обнаружилось, что он притворялся колеблющимся ради того, чтобы глубже проникнуть в мысли и намерения знати; ибо, наблюдая и превратно истолковывая слова и выражения лиц, он приберегал все это для обвинений.

8. На первом заседании сената Тиберий допустил к обсуждению только то, что имело прямое касательство к последней воле и похоронам Августа, в чьем завещании, доставленном девами Весты,²⁸ было записано, что его наследники — Тиберий и Ливия; Ливия принималась в род Юлиев и получала имя Августы.²⁹ Вторыми наследниками назначались внуки и правнуки, а в третью очередь — наиболее знатные граждане,³⁰ и среди них очень многие, ненавистные принцепсу, о которых он упомянул из тщеславия и ради доброй славы в потомстве. Завещанное не превышало оставляемого богатыми гражданами, если не считать сорока трех миллионов пятиста тысяч сестерциев,³¹ отказанных казне и простому народу, и денег для раздачи по тысяче сестерциев каждому воину преторианских когорт, по пятисот — воинам римской городской стражи³² и по триста — легионерам и воинам из когорт римских граждан.³³ Затем перешли к обсуждению погребальных почестей; наиболее значительные были предложены Галлом Азинием — чтобы погребальное шествие проследовало под триумфальной аркой, и Луцием Аррунцием — чтобы впереди тела Августа несли заголовки законов, которые он издал, и наименования покоренных им племен и народов. К этому Мессала Валерий добавил, что надлежит ежегодно возобновлять присягу на верность Тиберию; на вопрос Тиберия, выступает ли он с этим предложением, по его, Тиберия, просьбе, тот ответил, что говорил по своей воле и что во всем, касающемся государственных дел, он намерен и впредь руководствоваться исключительно своим разумением, даже если это будет сопряжено с опасностью вызвать неудовольствие; такова была единственная разновидность лести, которая оставалась еще неиспользованной. Сенат единодушными возгласами выражает пожелание, чтобы тело было отнесено к костру на плечах сенаторов. Тиберий с высокомерною скромностью отклонил это и обратился к народу с эдиктом, в котором увещивал его не препятствовать сожжению тела на Марсовом поле, в установленном месте, и не пытаться совершить это на форуме, возбуждая из презренного рвения беспорядки, как некогда на похоронах божественного Юлия.³⁴ В день похорон Августа воины были расставлены словно для охраны, и это вызвало многочисленные насмешки всех, кто видел собственными глазами или знал по рассказам родителей события того знаменательного дня, когда еще не успели привыкнуть к порабощению и была столь несчастливо снова обретаена свобода и когда убийство дик-

татора Цезаря одним казалось гнуснейшим, а другим величайшим деянием; а теперь старика принцепса, властвовавшего столь долго и к тому же снабдившего своих наследников средствами против народо-властия, считают необходимым охранять с помощью воинской силы, дабы не было потревожено его погребение.

9. И затем — бесконечные толки о самом Августе, причем очень многих занимал такой вздор, как то, что тот же день года, в который некогда он впервые получил власть, стал для него последним днем жизни³⁵ и что жизнь свою он окончил в Ноле, в том же доме и том же покое, где окончил ее и Октавий, его отец. Называли также число его консульств, которых у него было столько же, сколько у Валерия Корва и Гая Мария вместе:³⁶ трибунская власть находилась в его руках на протяжении тридцати семи лет, титулом императора³⁷ он был почтен двадцать один раз, и неоднократно возобновлялись другие его почетные звания и присуждались новые. Среди людей мыслящих одни на все лады превозносили его жизнь, другие — порицали. Первые указывали на то, что к гражданской войне³⁸ — а ее нельзя ни подготовить, ни вести, соблюдая добрые нравы, — его принудили почтительная любовь к отцу и бедственное положение государства, в котором тогда не было места законам. Во многом он пошел на уступки Антонию, стремясь отомстить убийцам отца,³⁹ во многом — Лепиду. После того как этот утратил влияние по неспособности, а тот опустился, погрязнув в пороках,⁴⁰ для истощаемой раздорами родины не оставалось иного спасения, кроме единовластия; но, устанавливая порядок в государстве, он не присвоил себе ни царского титула, ни диктатуры, а принял наименование принцепса: ныне империя ограждена морем Океаном и дальними реками;⁴¹ легионы, провинции, флот — все между собою связано; среди граждан — правосудие, в отношении союзников — умеренность; сам город украсился великолепным убранством; лишь немногое было совершено насильем, чтобы во всем остальном были обеспечены мир и покой.

10. Другие возражали на это: почтительная любовь к отцу и тяжелое положение государства — не более как предлог; из жажды власти он привлек ветеранов щедрыми раздачами; будучи еще совсем молодым человеком и частным лицом, он набрал войско, подкупил легионы консула,⁴² изображал приверженность к партии помпеянцев; затем, когда по указу сената он получил фасции и права претора и когда были убиты Гирций и Панса, — принесли ли им гибель враги или Пансе — влитый в его рану яд, а Гирцию — его же воины и замысливший это коварное дело Цезарь, — он захватил войска того и другого; вопреки воле сената, он вырвал у него консульство, и оружие, данное ему для борьбы с Антонием, обратил против республики; далее, проскрипции граждан, разделы земель, не находившие одобрения даже у тех, кто их проводил. Пусть конец Кассия и обоих Брутов — это дань враждебности к ним в память отца, хотя подобало бы забыть личную ненависть ради общественной

пользы; но Помпей был обманут подобием мира, а Лепид личиною дружбы; потом и Антоний, усыпленный соглашениями в Таренте и Брундизии, а также браком с его сестрой,⁴³ заплатил смертью за это коварно подстроенное родство. После этого, правда, наступил мир, однако запятнанный кровью: поражения Лоллия и Вара, умерщвление в Риме таких людей, как Варрон, Эгнаций, Юл. Не забывали и домашних дел Августа: он отнял у Нерона жену и издевательски запросил верховных жрецов, дозволено ли, зачав и не разрешившись от бремени, вступить во второе замужество.⁴⁴ Говорили и о роскоши Тедия⁴⁵ и Ведия Поллиона;⁴⁶ наконец, также о Ливии, матери, опасной для государства, дурной мачехе для семьи Цезарей. Богам не осталось никаких почестей, после того как он пожелал, чтобы его изображения в храмах были почитаемы фламинами и жрецами как божества.⁴⁷ И Тиберий он назначил своим преемником не из любви к нему или из заботы о государстве, но потому, что, заметив в нем заносчивость и жестокость, искал для себя славы от сравнения с тем, кто был много хуже. Ведь несколько лет назад, требуя от сенаторов, чтобы они снова предоставили Тиберию трибунскую власть,⁴⁸ Август, хотя речь его и была хвалебною, обронил кое-что относительно осанки, образа жизни и нравов Тиберия, в чем под видом извинения заключалось порицание. Но так или иначе, после того как погребение было совершено с соблюдением всех полагающихся обрядов, сенат постановил воздвигнуть Августу храм и учредить его культ.

11. Затем обращаются с просьбами к Тиберию. А он в ответ уклончиво распространялся о величии империи, о том, как недостаточны его силы. Только уму божественного Августа была подстать такая огромная задача; призванный Августом разделить с ним его заботы, он познал на собственном опыте, насколько тяжелое бремя — единодержавие, насколько все подвластно случайностям. Поэтому пусть не возлагают на него одного всю полноту власти в государстве, которое опирается на стольких именитых мужей; нескольким объединившим усилия будет гораздо легче справляться с обязанностями по управлению им. В этой речи было больше напыщенности, нежели искренности; Тиберий, то ли от природы, то ли по привычке, и тогда, когда ничего не утаивал, обычно выражался расплывчато и туманно. Теперь, когда он старался как можно глубже упрятать подлинный смысл своих побуждений, в его словах было особенно много неясного и двусмысленного. Но сенаторы, которые больше всего боялись как-нибудь обнаружить, что они его понимают, не поскупились на жалобы, слезы, мольбы; они простирали руки к богам, к изображению Августа, к коленям Тиберия; тогда он приказал принести и прочесть памятную записку.⁴⁹ В ней содержались сведения о государственной казне, о количестве граждан и союзников на военной службе, о числе кораблей, о царствах, провинциях, налогах прямых и косвенных, об обычных расходах и суммах, предназначенных для раздач и пожалований. Все это было

собственноручно написано Августом, присовокуплявшим совет держаться в границах империи, — неясно, из осторожности или из ревности.

12. На одну из бесчисленных униженных просьб, с которыми сенат простирался перед Тиберием, тот заявил, что, считая себя непригодным к единодержавию, он, тем не менее, не откажется от руководства любой частью государственных дел, какую бы ему ни поручили. Тогда к Тиберию обратился Азиний Галл: «Прошу тебя, Цезарь, указать, какую именно часть государственных дел ты предпочел бы получить в свое ведение?». Растерявшись от неожиданного вопроса, Тиберий не сразу нашелся; немного спустя, собравшись с мыслями, он сказал, что его скромности не пристало выбирать или отклонять что-либо из того, от чего в целом ему было бы предпочтительнее всего отказаться. Тут Галл (по лицу Тиберия он увидел, что тот раздосадован) разъяснил, что со своим вопросом он выступил не с тем, чтобы Тиберий выделил себе долю того, что вообще неделимо, но чтобы своим признанием подтвердил, что тело государства едино и должно управляться волею одного. Он присовокупил к этому восхваление Августу, а Тиберию напомнил его победы и все выдающееся, в течение стольких лет совершенное им на гражданском поприще. Все же он не рассеял его раздражения, издавна ненавистный ему, так как, взяв за себя Випсанию, дочь Марка Агриппы, в прошлом жену Тиберия, он заносился, как казалось Тиберию, выше дозволенного рядовым гражданам, унаследовав высокомерие своего отца Азиния Поллиона.

13. После этого говорил Луций Аррунций, речь которого, мало чем отличавшаяся по смыслу от выступления Галла, также рассердила Тиберия, хотя он и не питал к нему старой злобы; но богатый, наделенный блестящими качествами и пользовавшийся такой же славой в народе, он возбуждал в Тиберии подозрения. Ибо Август, разбирая в своих последних беседах, кто, будучи способен заместить принцепса, не согласится на это, кто, не годясь для этого, проявит такое желание, а у кого есть для этого и способности, и желание, заявил, что Маний Лепид достаточно одарен, но откажется, Азиний Галл алчет, но ему это не по плечу, а Луций Аррунций достоин этого и, если представится случай, дерзнет. В отношении первых двоих сообщения совпадают, а вместо Аррунция некоторые называют Гнея Пизона. Все они, за исключением Лепида, по указанию принцепса были впоследствии обвинены в различных преступлениях. Квинт Гатерий и Мамерк Скавр также затронули за живое подозрительную душу Тиберия: Гатерий — сказав: «Доколе же, Цезарь, ты будешь терпеть, что государство не имеет главы?», а Скавр — выразив надежду на то, что просьбы сената не останутся тщетными, раз Тиберий не отменил своей трибунскою властью постановления консулов.⁵⁰ На Гатерия Тиберий немедленно обрушился, слова Скавра, к которому возгорелся более непримиримой злобой, обошел молчанием. Наконец, устав от общего крика и от настояний каждого в отдельности, Ти-

берий начал понемногу сдаваться и не то чтобы согласился принять под свою руку империю, но перестал отказываться и тем самым побуждать к уговорам. Рассказывают, что Гатерий, явившись во дворец, чтобы отвести от себя гнев Тиберия, и бросившись к коленям его, когда он проходил мимо, едва не был убит дворцовою стражей, так как Тиберий, то ли случайно, то ли наткнувшись на его руки, упал. Его не смягчила даже опасность, которой подвергся столь выдающийся муж; тогда Гатерий обратился с мольбою к Августе, и лишь ее усердные просьбы защитили его.

14. Много лести расточали сенаторы и Августе. Одни полагали, что ее следует именовать родительницей, другие — матерью отечества, многие, что к имени Цезаря нужно добавить — сын Юлии.⁵¹ Однако Тиберий, утверждая, что почести женщинам надлежит всячески ограничивать, что он будет придерживаться такой же умеренности при определении их ему самому, а в действительности движимый завистью и считая, что возвеличение матери умаляет его значение, не дозволил назначить ей ликтора, запретил воздвигнуть жертвенник Удочерения⁵² и воспротивился всему остальному в таком же роде. Но для Цезаря Германика он потребовал пожизненной проконсульской власти,⁵³ и сенатом была направлена к нему делегация, чтобы оповестить об этом и вместе с тем выразить соболезнование в связи с кончиною Августа. Для Друза надобности в таком назначении не было, так как он находился в то время в Риме и был избран консулом на следующий год. Тиберий назвал двенадцать одобренных им кандидатов на должности преторов — это число было установлено Августом — и в ответ на настоятельные просьбы сенаторов увеличить его поклялся, что оно останется неизменным.

15. Тогда впервые избирать должностных лиц стали сенаторы, а не собрания граждан на Марсовом поле, ибо до этого, хотя все наиболее важное вершилось по усмотрению принцепса, кое-что делалось и по настоянию триб.⁵⁴ И народ, если не считать легкого ропота, не жаловался на то, что у него отняли исконное право, да и сенаторы, избавленные от щедрых раздач и унижительных домогательств, охотно приняли это новшество, причем Тиберий взял на себя обязательство ограничиться выдвижением не более четырех кандидатов, которые, впрочем, не подлежали отводу и избрание которых было предрешено.⁵⁵ Народные трибуны между тем обратились с ходатайством, чтобы им было разрешено устраивать на свой счет театральные зрелища, которые были бы занесены в фасты⁵⁶ и назывались по имени Августа августалиями. Но на это были отпущены средства из казны, и народным трибунам было предписано присутствовать в цирке в триумфальных одеждах,⁵⁷ однако приезжать туда на колесницах им разрешено не было.⁵⁸ Впоследствии эти ежегодные празднования были переданы в ведение претора, занимавшегося судебными тяжбами между римскими гражданами и чужестранцами.

16. Таково было положение дел в городе Риме, когда в легионах, стоявших в Панионии, внезапно вспыхнул мятеж, без каких-либо новых причин, кроме того, что смена принцепса открывала путь к своеволию и беспорядкам и порождала надежду на добычу в междоусобной войне. В летнем лагере размещались вместе три легиона,⁵⁹ находившиеся под командованием Юния Блеза. Узнав о кончине Августа и о переходе власти к Тиберию, он в ознаменование траура освободил воинов от несения обычных обязанностей. Это повело к тому, что воины распустились, начали бунтовать, прислушиваться к речам всякого негодяя и в конце концов стали стремиться к праздности и роскошной жизни, пренебрегая дисциплиною и трудом. Был в лагере некий Перценний, в прошлом глава театральных клакёров, затем рядовой воин, бойкий на язык и умевший благодаря своему театральному опыту распалить сборища. Людей бесхитростных и любопытствовавших, какой после Августа будет военная служба, он исподволь разжигал в ночных разговорах или, когда день склонялся к закату, собирая вокруг себя, после того как все благоразумные расходились, неустойчивых и недовольных.

17. Наконец, когда они были уже подготовлены и у него явились сообщники, подстрекавшие воинов к мятежу, он принялся спрашивать их, словно выступая перед народным собранием, почему они с рабской покорностью повинуются немногим центурионам и трибунам, которых и того меньше. Когда же они осмелятся потребовать для себя облегчения, если не сделают этого безотлагательно, добиваясь своего просьбами или оружием от нового и еще не вставшего на ноги принцепса? Довольно они столь долгие годы потворствовали своей нерешительностью тому, чтобы их, уже совсем одряхлевших, и притом очень многих с изувеченным ранами телом, заставляли служить по тридцати, а то и по сорока лет. Но и уволенные в отставку не освобождаются от несения службы: перечисленные в разряд вексиллариев,⁶⁰ они под другим названием претерпевают те же лишения и невзгоды. А если кто, несмотря на столько превратностей, все-таки выживет, его гонят к тому же чуть ли не на край света, где под видом земельных угодий он получает болотистую трясиину или бесплодные камни в горах. Да и сама военная служба — тяжелая, ничего не дающая: душа и тело оцениваются десятью ассами в день; на них же приходится покупать оружие, одежду, палатки, ими же откупаться от свирепости центурионов, ими же покупать у них освобождение от работ. И, право же, побои и раны, суровые зимы, изнуряющее трудами лето, беспощадная война и не приносящий им никаких выгод мир — вот их вечный удел. Единственное, что может улучшить их положение, — это служба на определенных условиях, а именно: чтобы им платили по денарию⁶¹ в день, чтобы после шестнадцатилетнего пребывания в войске их увольняли, чтобы, сверх этого, не удерживали в качестве вексиллариев и чтобы вознаграждение отслужившим свой срок выдавалось тут же на месте и только наличными.⁶² Или

поины преторианских когорт, которые получают по два денария в день и по истечении шестнадцати лет расходятся по домам, подвергаются бóльшим опасностям? Он не хочет выражать пренебрежение к тем, кто охраняет столицу; но ведь сами они, пребывая среди диких племен, видят врагов тут же за порогом палаток.

18. Толпа шумела в ответ; отовсюду слышались возбужденные возгласы: одни, разражаясь проклятиями, показывали рубцы, оставленные на их теле плетью, другие — свои седины; большинство — превратившуюся в лохмотья одежду и едва прикрытое тело. Под конец они до того распалились, что надумали свести три легиона в один; отказавшись от этого из-за соперничества — ведь каждый хотел, чтобы его легиону было отдано предпочтение, — они обратились к другому: и трех орлов и значки когорт⁶³ составили вместе; кроме того, чтобы их местонахождение было заметнее, они тут же рядом, нанеся дерну, начали выкладывать из него трибунал.⁶⁴ За этим делом их застал Блез; он принялся упрекать их и угрожать каждому по отдельности, восклицая: «Уж лучше омочите руки в моей крови: убить легата — меньшее преступление, чем изменить императору; или целый и невредимый я удержу легионы верными долгу, или, погибнув, подтолкну вас моей смертью к раскаянью!».

19. Тем не менее они продолжали выкладывать дерн, который поднялся уже высотой по грудь, но тут наконец победила настойчивость Блеза, и они оставили начатое дело. Блез с большим красноречием говорил о том, что пожелания воинов нельзя доводить до Цезаря, прибегая к мятежу и бесчинствам, что ни их предки у своих полководцев, ни они сами у божественного Августа никогда не просили о таких новшествах и что совсем не ко времени обременять заботами принцепса в самом начале его правления. Если, однако, они все же хотят попытаться предъявить в мирное время требования, которых не предъявляли даже победители в гражданских войнах, то к чему нарушать привычное повиновение, прибегать к силе наперекор установленной дисциплине? Пусть лучше назначат уполномоченных и в его присутствии дадут им наказ. Собравшиеся закричали, что избирают уполномоченным сына Блеза, трибуна; пусть он добивается ограничения срока службы шестнадцатью годами; прочие требования они назовут после удовлетворения этого. Молодой человек отправился в путь, и наступило некоторое успокоение; но воины стали заносчивее, так как всякому было ясно, что, отправив сына легата ходатаем за общее дело, они угрозами и насилием добились того, чего не добились бы смиренными просьбами.

20. Между тем манипулы, еще до того, как разразился мятеж, отправленные в Навпорт для починки дорог и мостов и ради других надобностей, узнав о беспорядках в лагере, повернули назад и разграбили ближние деревни и самый Навпорт, имевший положение муниципия;⁶⁵ на центурионов, старавшихся удержать их от этого, они сначала обрушили насмешки и оскорбления, а под конец и побой, причем их озлоб-

ление в особенности излилось на префекта лагеря⁶⁶ Авфидиена Руфа, которого они стащили с повозки и, нагрузив поклажею, погнали перед собой, издевательски спрашивая, нравится ли ему столь непомерный груз и столь длинный путь. Дело в том, что Руф, сначала рядовой воин, затем центурион и, наконец, префект лагеря, насаждал старинную суровую дисциплину и, состарившись среди трудов и лишений, был тем беспощаднее, что сам в свое время все это испытал на себе.

21. С их прибытием мятеж возобновляется с новою силой, и, разбредясь в разные стороны, бунтовщики принимаются грабить окрестности. Некоторых из них, главным образом тех, кто был схвачен с добычею, Блез, чтобы утратить остальных, приказал высечь плетью и бросить в темницу; центурионы и наиболее надежные воины тогда еще оказывали легату повиновение. Арестованные, сопротивляясь, стали обнимать колени окружающих и призывать на помощь то поименно своих товарищей, то центурию, в какой они состояли, то когорту, то легион и кричали, что то же самое угрожает и всем остальным. Вместе с тем они осыпают бранью легата, взывают к небу и богам, не упускают ничего, что могло бы возбудить ненависть, сострадание, страх и гнев. Отовсюду сбегаются воины и, взломав темницу, освобождают их от оков и укрывают дезертиров и осужденных за уголовные преступления.

22. После этого мятеж разгорается еще сильнее, умножается число его вожаков. Некий Вибулен, рядовой воин, поднявшись перед трибуналом Блеза на плечи окружающих, обратился к возбужденной и напряженно ожидавшей его слов толпе: «Вот вы вернули этим несчастным и неповинным людям свет и дыхание; но кто вернет жизнь моему брату, а мне — брата? Ведь его, направленного к вам германскою армией,⁶⁷ дабы сообща обсудить дела, клонящиеся к общему благу, Блез умертвил минувшею ночью руками своих гладиаторов, которых он держит и вооружает на погибель нам, воинам. Отвечай, Блез, куда ты выбросил труп? Ведь даже враги, и те не отказывают в погребении павшим. Когда я утолю мою скорбь поцелуями и слезами, прикажи умертвить и меня, и пусть обоих убитых безо всякой вины, но только из-за того, что мы думали, как помочь легионам, погребут здесь присутствующие!».

23. Свою речь он подкреплял громким плачем, ударяя себя в грудь и в лицо: затем, оттолкнув тех, кто поддерживал его на своих плечах, он спрыгнул наземь и, припадая к ногам то того, то другого, возбудил к себе такое сочувствие и такую ненависть к Блезу, что часть воинов бросилась вязать гладиаторов, находившихся у него на службе, часть — прочих его рабов, тогда как все остальные устремились на поиски трупа. И если бы вскоре не стало известно, что никакого трупа не найдено, что подвергнутые пыткам рабы решительно отрицают убийство и что у Вибулена никогда не было брата, они бы не замедлили распорядиться с легатом. Все же они прогнали трибунов и префекта лагеря, разграбили личные вещи бежавших и убили центуриона Луцилия, которого солдатское остро-

словие отметило прозвищем «Давай другую», ибо, сломав лозу о спину избиваемого им воина, он зычным голосом требовал, чтобы ему дали другую и еще раз другую. Остальные скрылись; бунтовщиками был задержан лишь Юлий Клемент, который благодаря своей природной находчивости был сочтен ими подходящим для сношений с начальством. Ко всему восьмой и пятнадцатый легионы едва не подняли друг против друга оружие, так как одни хотели предать смерти центуриона по имени Сирпик, а другие его защищали. Столкновение было предотвращено только уговорами, а когда уговоры не действовали, то и угрозами воинов девятого легиона.

24. Хотя Тиберий был скрытен и особенно тщательно утаивал наиболее неприятные обстоятельства, все же, узнав о случившемся, он решил направить в Паннонию своего сына Друза и вместе с ним высших сановников государства, а также две преторианские когорты; Друз не получил от него прямых указаний, и ему было предоставлено действовать смотря по обстановке. Когорты были сверх обычного усилены отборными воинами. Вместе с ними выступила значительная часть преторианской конницы и лучшие из германцев, охранявших в то время особу императора; тут же находился и префект преторианцев Элий Сеян, имевший большое влияние на Тиберия; он был назначен в сотоварищи Страбону, своему отцу, и должен был руководить юным Друзом, а всем остальным быть как бы напоминанием об ожидающих их опасностях и наградах. Навстречу Друзу вышли, словно выполняя тягостную обязанность, мятежные легионы, не изъявлявшие подобающей такой встрече радости и не блиставшие воинскими отличиями, но безобразно неряшливые и с лицами, на которых под напускной скорбью выражалось скорее своеволие.

25. После того как Друз миновал укрепления и оказался по ту сторону вала, они ставят у ворот караулы и велят крупным отрядам находиться в определенных местах внутри лагеря и быть наготове; остальные окружили плотной стеной трибунал. На нем стоял Друз, требуя рукою молчания. Мятежники, оглядываясь на толпу, всякий раз раздражались угрожающими возгласами, а посмотрев на Цезаря, впадали в трепет; смутный ропот, дикие крики, внезапная тишина. Противоположные движения души побуждали их то страшиться, то устрашать. Наконец, воспользовавшись временным успокоением, Друз огласил послание отца, в котором было написано, что заботу о доблестных легионах, с которыми им было проделано столько походов, он считает своей первейшею обязанностью и, как только душа его оправится от печали, доложит сенаторам о пожеланиях воинов: а пока он направляет к ним сына, дабы тот безотлагательно удовлетворил их во всем, в чем можно немедленно пойти им навстречу; решение всего прочего следует предоставить сенату, ибо не подобает лишать его права миловать или прибегать к строгости.

26. В ответ на это собравшиеся заявили, что их требования поручено изложить центуриону Клементу. Тот начинает с увольнения в отставку после шестнадцати лет,⁶⁸ далее говорит о вознаграждении отслужившим свой срок, о том, чтобы солдатское жалование было по денарию в день, чтобы ветеранов не задерживали на положении вексиллариев. Когда Друз возразил, что это могут решить только сенат и отец, его прервали громкими криками. Зачем же он прибыл, если у него нет полномочий ни повисить воинам жалование, ни облегчить их тяготы, ни, наконец, хоть чем-нибудь улучшить их положение? А вот плети и казни разрешены, видят боги, всем и каждому. Когда-то Тиберий, отклоняя пожелания воинов, имел обыкновение прикрываться именем Августа. Те же уловки повторяет ныне и Друз. Неужели к ним никогда не пришлют никого иного, кроме младших членов семейства? Но вот и нечто новое: император отсылает к сенату только в тех случаях, когда дело идет о выгоде воинов! Пусть же сенат запрашивают всякий раз и тогда, когда должна быть совершена казнь или дано сражение. Или награды распределяют влиятельные государства, а наказания налагает кто вздумает?

27. Наконец, толпившиеся у трибунала начали расходиться; встречаю кого-нибудь из преторианцев или из приближенных Цезаря, они грозили им кулаками, стараясь разжечь раздор и затеять вооруженное столкновение. Особенную враждебность вызывал Гней Лентул, так как считалось, что, превосходя всех остальных годами и военной славой, он удерживает Друза от каких-либо уступок и первым выступил с осуждением этих волнений в войске. Когда немного спустя, уйдя с собрания вместе с Цезарем, он в предвидении опасности направлялся к зимнему лагерю, его окружили мятежники, спрашивая, куда же он так торопится, уж не к императору ли или к сенаторам, чтобы и там помешать легионам в осуществлении их надежд; вслед за тем они устремляются на него и кидают в него камнями. Раненный брошенным камнем, обливаясь кровью, он был уже уверен в неизбежной гибели, но его спасла толпа подоспевших к нему на помощь из числа тех, которые прибыли с Друзом.

28. Наступила ночь, в которую едва не разразились ужасные преступления, чему воспрепятствовала только случайность: сиявшая на ясном небе луна начала меркнуть. Не зная, в чем причина происходящего, воины увидели в нем знамение, относящееся к тому, что их больше всего занимало, и затмение небесного светила поставили в связь со своей борьбой: если богиня⁶⁹ снова обретет свое сияние и яркость, то благополучно разрешится и то, что они предприняли. И они принялись бряцать медью, трубить в трубы и рожки; смотря по тому, становилась ли луна ярче или, напротив, тускнела, они радовались или печалились; и после того как набежавшие облака скрыли ее от глаз и все сочли, что она окончательно исчезла во мраке и что этим им возвещаются страдания на вечные времена — ведь единожды потрясенные души легко склоняются к суевериям, — они предались скорби, думая, что боги порицают их поведение.

Цезарь, решив, что нужно воспользоваться этими настроениями и обратиться ко благу ниспосланное случаем, приказал обойти палатки мятежников: призываются центурион Клемент, а также другие, кто снискал расположение воинов, не совершив вместе с тем ничего дурного. Они расходятся по охранениям, дозорам, караулам у ворот лагеря, подают надежды, внушают страх: «До каких пор мы будем держать в осаде сына нашего императора? Где конец раздорам? Или мы присягнем Перценнию и Вибулену? Перценний и Вибулен будут выплачивать воинам жалованье, а отслужившим срок раздавать земли? Или вместо Неронов и Друзов возьмут на себя управление римским народом? Не лучше ли нам, примкнувшим последними к мятежу, первыми заявить о своем раскаянии? Не скоро можно добиться того, чего домогаются сообща, но тем, кто действует сам за себя, благоволение приобретаетса сразу, как только ты его заслужил». Внеся этими разговорами смятение в души, породив взаимное недоверие, они отрывают новобранцев от ветеранов, легион от легиона. И постепенно возвращается привычная готовность к повиновению; мятежники снимают караулы возле ворот и относят значки, собранные в начале мятежа в одном месте, туда, где они были ранее.

29. С наступлением дня Друз созывает собрание воинов и, хотя он не был красноречив, с прирожденным достоинством упрекает их за поведение в прошлом и одобряет их последние действия; он заявляет, что не уступит устрашению и угрозам; если он убедится, что они готовы повиноваться, если они обратятся к нему с мольбами, он напишет отцу, чтобы тот благосклонно отнесся к ходатайству легионов. По их просьбе к Тиберию посылают снова того же Блеза, Луция Апония, римского всадника из числа приближенных Друза, и Юста Катония, центуриона первого манипула. Между тем в окружении Цезаря мнения разделились: одни полагали, что впредь до возвращения посланных нужно улаживать воинов ласковым обращением, другие — что следует прибегнуть к более решительным средствам: чернь не знает середины, — если она не боится, то устрашает, а после того как сама проникнется страхом, с ней можно совсем не считаться; пока она все еще под воздействием суеверия, необходимо, устранив зачинщиков мятежа, заставить ее трепетать перед военачальником. Друз по своему душевному складу был склонен к крутым мерам; вызвав к себе Перценния и Вибулена, он приказал их умертвить. Многие говорят, что их трупы были зарыты в палатке военачальника, другие — что выброшены за вал в назидание всем остальным.

30. Затем были схвачены главнейшие вожаки мятежа; одних, скрывавшихся за пределами лагеря, убили центурионы и воины преторианских когорт; других в доказательство своей преданности выдали сами манипулы. Немало забот доставила воинам и преждевременная зима с непрекращающимися и до того сильными ливнями, что не только нельзя было выходить из палаток и устраивать сходки, но и оберегать значки, уносимые ветром или водою, можно было лишь с величайшим трудом. Не утихал и

страх перед гневом небес: ведь не без причины во устрашение нечестивцев затмеваются светила и обрушиваются бури; единственный способ облегчить бедствия — это покинуть злополучный и оскверненный лагерь и, искупив вину, уйти каждому в свои зимние лагеря. Сначала снялся восьмой, потом пятнадцатый легионы; воины девятого легиона кричали, что следует дожидаться ответа Тиберия, но и они, оставшись в одиночестве после ухода всех остальных, предупредили в конце концов по своей воле то, что им пришлось бы сделать в силу необходимости. И Друз не стал дожидаться возвращения посланных и, так как наступило успокоение, вернулся в Рим.

31. Почти в те же самые дни и по тем же причинам взбунтовались и германские легионы, и тем более бурно, чем они были многочисленнее;⁷⁰ они рассчитывали на то, что Германик не потерпит власти другого и примет сторону легионов, которые, опираясь на свою силу, увлекут за собою всех остальных. На берегу Рейна стояло два войска; то, которое носило название Верхнего, было подчинено легату Гаю Силию; Нижним начальствовал Авл Цецина. Верховное командование принадлежало Германику, занятому в то время сбором налогов в Галлии. Те, что были под началом у Силия, колебались и выжидали, к чему поведет мятеж, поднятый их соседями; но воины Нижнего войска загорелись безудержной яростью; начало возмущению было положено двадцать первым и пятым легионами, увлекшими за собою первый и двадцатый, которые, размещаясь в том же летнем лагере, в пределах убиен, пребывали в праздности или несли необременительные обязанности. Так, прослышав о смерти Августа, многие из пополнения, прибывшего после недавнего произведенного в Риме набора, привыкшие к разнузданности, испытывающие отвращение к воинским трудам, принялись мутить бесхитостные умы остальных, внушая им, что пришло время, когда ветераны могут потребовать своевременного увольнения, молодые — прибавки жалованья, все вместе — чтобы был положен конец их мучениям, и когда можно отмстить центурионам за их жестокость. И все это говорил не кто-либо один, как Перценний среди паннонских легионов, и не перед боязливо слушающими воинами, оглядывавшимися на другие, более могущественные войска; здесь мятеж распадался множеством уст и голосов, постоянно твердивших, что в их руках судьба Рима, что государство расширяет свои пределы благодаря их победам и что их именем нарекаются полководцы.⁷¹

32. И легат не воспротивился этому: безумие большинства лишило его твердости. Внезапно бунтовщики, обнажив мечи, бросаются на центурионов: они издавна ненавистны воинам и на них прежде всего обрушивается их ярость. Поверженных наземь восставшие избивают плетьюми, по шестидесяти каждого, чтобы сравняться числом с центурионами в легионе;⁷² затем, подхватив изувеченных, а частью и бездыханных, они кидают их перед валом или в реку Рейн. Септимия, прибежавшего к трибуналу и

валявшегося в ногах у Цецины, они требовали до тех пор, пока он не был выдан им на смерть. Кассий Херея, снискавший впоследствии у потомков известность тем, что убил Гая Цезаря, тогда отважный и воинственный молодой человек, проложил себе дорогу мечом сквозь обступившую его вооруженную толпу. Ни трибун, ни префект лагеря больше не имели никакой власти; сами воины распределяют дозоры и караулы и сами распоряжаются в соответствии с текущими надобностями. Для способных глубже проникнуть в солдатскую душу важнейшим признаком размаха и неукротимости мятежа было то, что не каждый сам по себе и не по наущению немногих, а все вместе они и распались, и вместе хранили молчание, с таким единодушием, с такой твердостью, что казалось, будто ими руководит единая воля.

33. Весть о кончине Августа застала Германика в Галлии, где он занимался, как мы сказали, сбором налогов. Он был женат на внучке Августа Агриппине и имел от нее нескольких детей; сам он был сыном Друза, брата Тиберия, и внуком Августа, и все же его постоянно тревожила скрытая неприязнь дяди и бабки,⁷³ тем более острая, чем несправедливее были ее причины. Римский народ чтит память Друза, и считалось, что если бы он завладел властью, то восстановил бы народоправство; отсюда такое же расположение и к Германику и те же связанные с его именем упования. И в самом деле, этот молодой человек отличался гражданской благонамеренностью, редкостной обходительностью и отнюдь не походил речью и обликом на Тиберия, надменного и скрытного. Отношения осложнялись и враждой женщин, так как Ливия, по обыкновению мачех, преследовала своим недоброжелательством Агриппину; да и Агриппина была слишком раздражительна, хотя и старалась из преданности мужу и из любви к нему обуздывать свою неукротимую вспыльчивость.

34. Но чем доступнее была для Германика возможность захвата верховной власти, тем ревностнее он действовал в пользу Тиберия. Он привел к присяге на верность Тиберию секванов и соседствующие с ними племена белгов. Затем, узнав о возмущении легионов, он поспешно направился к ним, и они вышли из лагеря ему навстречу, потупив глаза, как бы в раскаянии. После того как, пройдя вал, он оказался внутри укрепления, начали раздаваться разноголосые жалобы. И некоторые из воинов, схватив его руку как бы для поцелуя, совывали в свой рот его пальцы, чтобы он убедился, что у них не осталось зубов; другие показывали ему свои обезображенные старостью руки и ноги. Он приказал собравшейся вокруг него сходке, казавшейся беспорядочным скопищем, разойтись по манипулам — так они лучше услышат его ответ — и выставить перед строем знамена, чтобы хоть этим обозначались когорты; они нехотя повиновались. Начав с прославления Августа, он перешел затем к победам и триумфам Тиберия, в особенности восхваляя те из них, которыми тот отличился в Германии вместе с этими самыми легионами.

Далее он превозносит единодушие всей Италии, верность Галлии: нигде никаких волнений или раздоров. Это было выслушано в молчании или со слабым ропотом.

35. Но когда он заговорил о поднятом ими бунте, спрашивая, где же их воинская выдержка, где безупречность былой дисциплины, куда они дели своих трибунов, куда — центурионов, все они обнажают тела, укоризненно показывая ему рубцы от ран, следы плетей; потом они наперебой начинают жаловаться на взятки, которыми им приходится покупать увольнение в отпуск, на скудость жалования, на изнурительность работ, упоминают вал и рвы, заготовку сена, строительного леса и дров, все то, что вызывается действительной необходимостью или изыскивается для того, чтобы не допускать в лагере праздности. Громче всего шумели в рядах ветеранов, кричавших, что они служат по тридцати лет и больше, и моливших облегчить их, изнемогающих от усталости, и не дать им умереть среди тех же лишений, но, обеспечив средствами к существованию, отпустить на покой после столь трудной службы. Были и такие, что требовали раздачи денег, завещанных божественным Августом; при этом они высказывали Германику наилучшие пожелания и изъявляли готовность поддержать его, если он захочет достигнуть верховной власти. Тут Германик, как бы запятнанный соучастием в преступлении, стремительно соскочил с трибунала. Ему не дали уйти, преградили дорогу, угрожая оружием, если он не вернется на прежнее место, но он, воскликнув, что скорее умрет, чем нарушит долг верности, обнажил меч, висевший у него на бедре, и, занеся его над своей грудью, готов был поразить ее, если бы находившиеся рядом не удержали силою его руку. Однако кучка участников сборища, толпившаяся в отдалении, а также некоторые, подошедшие ближе, принялись — трудно поверить! — всячески побуждать его все же пронзить себя, а воин по имени Калузидий протянул ему свой обнаженный меч, говоря, что он острее. Эта выходка показалась чудовищной и вконец непристойной даже тем, кто был охвачен яростью и безумием. Воспользовавшись мгновением замешательства, приближенные Цезаря увлекли его с собою в палатку.

36. Там они принялись обсуждать, как справиться с мятежом; к тому же стало известно, что мятежники собираются послать своих представителей к Верхнему войску, чтобы склонить его на свою сторону, и что они задумали разорить город убиев и, захватив добычу, устремиться вооруженными шайками в Галлию, дабы разграбить и ее. Положение представлялось тем более угрожающим, что враги знали о восстании в римском войске и было очевидно, что они не преминут вторгнуться, если берег Рейна будет оставлен римлянами; а двинуть против уходящих легионов вспомогательные войска и союзников — значило положить начало междоусобной войне. Пагубна строгость, а снисходительность — преступление; уступить во всем воинам или ни в чем им не уступать — одинаково опасно для государства. Итак, взвесив все эти соображения,

они порешили составить письмо от имени принцепса; в нем говорилось, что отслужившие по двадцати лет подлежат увольнению, отслужившим по шестнадцать лет дается отставка с оставлением в рядах вексиллариев, причем они освобождаются от каких-либо обязанностей, кроме одной — отражать врага; то, что было завещано Августом и чего они домогались, выплачивается в двойном размере.

37. Воины поняли, что эти уступки сделаны с расчетом на время, и потребовали немедленного осуществления обещаний. Трибуны тут же провели увольнение; что касается денежных выдач, то их отложили до возвращения в зимние лагеря. Однако воины пятого и двадцать первого легиона отказывались покинуть лагерь, пока им тут же на месте не выдали денег, собранных из того, что приближенными Цезаря и им самим предназначалось для дорожных расходов. Первый и двадцатый легионы легат Цецина отвел в город убиев; их походный порядок был постыден на вид, так как денежные ящики, похищенные у полководца, они везли посреди значков и орлов. Отправившись к Верхнему войску, Германик тотчас же по прибытии привел к присяге на верность Тиберию второй, тринадцатый и шестнадцатый легионы; воины четырнадцатого легиона проявили некоторое колебание: им были выданы деньги и предоставлено увольнение, хоть они и не предъявляли никаких требований.

38. В стране хавков начали волноваться размещенные там вексиллярии взбунтовавшихся легионов; немедленной казнью двух воинов беспорядки, однако, на некоторое время были пресечены. Приказ о казни исходил от префекта лагеря Манья Энния, опиравшегося скорее на необходимость устрашающего примера, чем на свои права. Позднее, когда возмущение разгорелось с новой силой, он бежал, но был схвачен и, так как убежище его не укрыло, нашел защиту в отваге, воскликнув, что они наносят оскорбление не префекту, но полководцу Германику, но императору Тиберию. Устрашив этим тех, кто его обступил, он выхватил знамя и понес его по направлению к Рейну; крича, что, кто покинет ряды, тот будет числиться дезертиром, он привел их назад в зимний лагерь, — раздраженных, но ни на что не осмелившихся.

39. Между тем к Германику, возвратившемуся туда, где находился жертвенник убиев, прибывают уполномоченные сената. Там зимовали два легиона — первый и двадцатый, а также ветераны, только что переведенные на положение вексиллариев. Последних, обеспокоенных прибытием делегации и тревожимых нечистой совестью, охватывает страх, что этим посланцам сената дано повеление отнять у них добытое мятежом. И так как обычно водится находить виноватого в бедствии, даже если само бедствие — выдумка, они проникаются ненавистью к главе делегации, бывшему консулу Мунацию Планку, считая, что сенатское постановление принято по его почину; поздней ночью ветераны принимаются требовать свое знамя, находившееся в доме Германика. Сбежавшись к дверям, они их выламывают и, грозя смертью насильственно поднятому с постели

Германику, вынуждают его передать знамя в их руки. Затем, рассыпавшись по улицам, они сталкиваются с представителями сената, которые, прослышав о беспорядках, направлялись к Германику. Накинувшись на них с оскорблениями, они собираются расправиться с ними, причем наибольшей опасности подвергается Планк, которому его сан не позволил бежать и которому не оставалось ничего иного, как укрыться в лагере первого легиона. Там, обняв значки и орла, он искал спасения под защитой этих святынь, но, если бы орлоносец Кальпурний не уберег его от насильственной смерти, случилось бы то, что недопустимо даже в стане врага: и посланец римского народа, находясь в римском лагере, окропил бы своею кровью жертвенники богов. Наконец, на рассвете, когда стало видно, кто полководец, кто воин и что происходит, Германик, явившись в лагерь, приказывает привести к себе Планка и приглашает его рядом с собою на трибунал. Затем, осудив роковое безумие и сказав, что его породил гнев не воинов, а богов, он разъясняет, зачем прибыли делегаты; в красноречивых выражениях он скорбит о покушении на неприкосновенность послов, о тяжелем и незаслуженном оскорблении, нанесенном Планку, и о позоре, которым покрыл себя легион, и так как собранные на сходку воины были скорее приведены в замешательство, чем успокоены его речью, он отсылает послов под охраной отряда вспомогательной конницы.

40. В эти тревожные дни все приближенные порицали Германика: почему он не отправляется к Верхнему войску, в котором нашел бы повиновение и помощь против мятежников? Он совершил слишком много ошибок, предоставив увольнение ветеранам, выплатив деньги, проявив чрезмерную снисходительность. Пусть он не дорожит своей жизнью, но почему малолетнего сына, почему беременную жену держит он при себе среди беснующихся и озверевших насильников? Пусть он хотя бы их вернет деду и государству. Он долго не мог убедить жену, которая говорила, что она внучка божественного Августа и не отступает перед опасностями, но, наконец, со слезами, прижавшись к ее лону и обнимая их общего сына, добился ее согласия удалиться из лагеря. Выступало горестное шествие женщин и среди них беглянкою жена полководца, несущая на руках малолетнего сына и окруженная рыдающими женами приближенных, которые уходили вместе с нею, и в меньшую скорбь были погружены остающиеся.

41. Вид Цезаря не в блеске могущества и как бы не в своем лагере, а в захваченном врагом городе, плач и стенания привлекли слух и взоры восставших воинов: они покидают палатки, выходят наружу. Что за горестные голоса? Что за печальное зрелище? Знатные женщины, но нет при них ни центуриона, ни воинов для охраны, ничего, подобающего жене полководца, никаких приближенных; и направляются они к тревогам, полагаясь на преданность чужестранцев. При виде этого в воинах просыпаются стыд и жалость; вспоминают об Агриппе, ее отце, о ее деде

Августе; ее свекор — Друз; сама она, мать многих детей, славится целомудрием; и сын у нее родился в лагере, вскормлен в палатках легионов, получил воинское прозвище Калигулы, потому что, стремясь привязать к чему простых воинов, его часто обували в солдатские сапожки.⁷⁴ Но ничто так не подействовало на них, как ревность к треверам: они удерживают ее, умоляют, чтобы она вернулась, осталась с ними; некоторые устремляются за Агриппиной, большинство возвратилось к Германику. А он, все еще исполненный скорби и гнева, обращается к окружившим его со следующими словами.

42. «Жена и сын мне не дороже отца и государства, но его защитит собственное величие, а Римскую державу — другие войска. Супругу мою и детей, которых я бы с готовностью принес в жертву, если б это было необходимо для вашей славы, я отсылаю теперь подальше от вас, впадших в безумие, дабы эта преступная ярость была утолена одной моею кровью и убийство правнука Августа, убийство невестки Тиберия не отягчили вашей вины. Было ли в эти дни хоть что-нибудь, на что вы не дерзнули бы посягнуть? Как же мне назвать это сборище? Назову ли я воинами людей, которые силой оружия не выпускают за лагерный вал сына своего императора? Или гражданами — не ставящих ни во что власть сената? Вы попрали права, в которых не отказывают даже врагам, вы нарушили неприкосновенность послов и все то, что священо в отношениях между народами. Божественный Юлий усмирил мятежное войско одним единственным словом, назвав квиритами тех, кто пренебрегал данной ему присягой;⁷⁵ божественный Август своим появлением и взглядом привел в трепет легионы, бившиеся при Акции;⁷⁶ я не равняю себя с ними, но все же происхожу от них, и если бы испанские или сирийские воины ослушались меня, это было бы и невероятно, и возмутительно. Но ты, первый легион, получивший значки от Тиберия,⁷⁷ и ты, двадцатый, его товарищ в стольких сражениях, возвеличенный столькими отличиями, ужели вы воздадите своему полководцу столь отменною благодарностью? Ужели, когда изо всех провинций поступают лишь приятные вести, я буду вынужден донести отцу,⁷⁸ что его молодые воины, его ветераны не довольствуются ни увольнением, ни деньгами, что только здесь убивают центурионов, изгоняют трибунов, держат под стражею легатов, что лагерь и реки обагрены кровью и я сам лишь из милости влачу существование среди враждебной толпы?

43. «Зачем в первый день этих сборищ вы, непредусмотрительные друзья, вырвали из моих рук железо, которым я готовился пронзить себе грудь?! Добрее и благожелательнее был тот, кто предлагал мне свой меч. Я пал бы, не ведая о стольких злодеяниях моего войска; вы забрали бы себе полководца, который хоть и оставил мою смерть безнаказанной, но зато отместил бы за гибель Вара и трех легионов. Да не допустят боги, чтобы белгам, хоть они и готовы на это, достались слава и честь спасителей блеска римского имени и покорителей народов Гер-

мани. Пусть душа твоя, божественный Август, взятая на небо, пусть твой образ, отец Друз, и память, оставленная тобою по себе, ведя за собой этих самых воинов, которых уже охватывают стыд и стремление к славе, смоят это пятно и обратят гражданское ожесточение на погибель врагам. И вы также, у которых, как я вижу, уже меняются и выражения лиц, и настроения, если вы и вправду хотите вернуть делегатов сенату, императору — повиновение, а мне — супругу и сына, удалитесь от заразы и разъедините мятежников; это будет залогом раскаянья, это будет доказательством верности».

44. Те, изъявляя покорность и признавая, что упреки Германика справедливы, принимаются умолять его покарать виновных, простить заблуждавшихся и повести их на врага; пусть он возвратит супругу, пусть вернет легионам их питомца и не отдает его галлам в заложники. Он ответил, что возвратить Агриппину не может ввиду приближающихся родов и близкой зимы, сына вызовет, а что касается прочего, то пусть они распрядутся по своему усмотрению. Совершенно преобращенные, они разбегаются в разные стороны и, связав вожakov мятежа, влекут их к легату первого легиона Гаю Цетронию, который над каждым из них в отдельности следующим образом творил суд и расправу. Собранные на сходку, стояли с мечами наголо легионы; подсудимого выводил на помост и показывал им трибун; если раздавался общий крик, что он виновен, его сталкивали с помоста и приканчивали тут же на месте. И воины охотно предавались этим убийствам, как бы снимая с себя тем самым вину; да и Цезарь не препятствовал этому; так как сам он ничего не приказывал, на одних и тех же ложились и вина за жестокость содеянного, и ответственность за нее. Ветераны, последовавшие примеру легионеров, вскоре были отправлены в Рецию под предлогом защиты этой провинции от угрожавших ей свебов, но в действительности — чтобы удалить их из лагеря, все еще мрачного и зловещего столько же из-за суровости наказания, сколько и вследствие воспоминания о свершенных в нем преступлениях. Затем Германик произвел смотр центурионам. Каждый вызванный императором⁷⁹ называл свое имя, звание, место рождения, количество лет, проведенных на службе, подвиги в битвах и, у кого они были, боевые награды. Если трибуны, если легион подтверждали усердие и добросовестность этого центуриона, он сохранял свое звание; если, напротив, они изобличали его в жадности или жестокости, он тут же увольнялся в отставку.

45. Так были улажены эти дела, но не меньшую угрозу составляло упорство пятого и двадцать первого легионов, зимовавших у шестидесятого миллиария,⁸⁰ в месте, носящем название Старые лагерь.⁸¹ Они первыми подняли возмущение; наиболее свирепые злодеяния были совершены их руками; возмездие, постигшее товарищей по оружию, их нисколько не утратило, и, не проявляя раскаяния, они все еще были возбуждены и не желали смириться. Итак, Цезарь снаряжает легионы, флот, союзников,

чтобы отправить их вниз по Рейну, решившись начать военные действия, если мятежники откажутся повиноваться.

46. А в Риме, где еще не знали о том, каков был исход событий в Иллирии, но прослышали о мятеже, поднятом германскими легионами, горожане, охваченные тревогой, обвиняли Тиберия, ибо, пока он обманывал сенат и народ, бессильных и безоружных, своей притворною нерешительностью, возмущившихся воинов не могли усмирить два молодых человека, еще не располагавших нужным для этого авторитетом. Он должен был самолично во всем блеске императорского величия отправиться к возмущившимся; они отступили бы, столкнувшись с многолетнею опытностью и с высшей властью казнить или миловать. Почему Август в преклонном возрасте мог столько раз посетить Германию, а Тиберий во цвете лет упорно сидит в сенате, перетолковывая слова сенаторов? Для порабощения Рима им сделано все, что требовалось; а вот солдатские умы нуждаются в успокоительных средствах, дабы воины и в мирное время вели себя подобающим образом.

47. Тиберий, однако, к этим речам оставался глух и был непреклонен в решении не покидать столицу государства и не подвергать случайностям себя и свою державу. Ибо его тревожило множество различных опасений: в Германии — более сильное войско, но находящееся в Паннонии — ближе; одно опирается на силы Галлии, второе угрожает Италии. Какое же из них посетить первым? И не восстанет ли он против себя тех, к которым прибудет позднее и которые сочтут себя оскорбленными этим? Но если в обоих войсках будут находиться сыновья, его величие не претерпит никакого ущерба, ибо чем он дальше и недоступнее, тем большее внушает почтение. К тому же молодым людям протестительно оставить некоторые вопросы на усмотренье отца, и он сможет либо умиротворить, либо подавить силою сопротивляющихся Германику или Друзу. А если легионы откажут в повиновении самому императору, где тогда искать помощи? Впрочем, он избрал себе спутников, точно вот-вот двинется в путь, подготовил обозы, оснастил корабли и, ссылаясь то на зиму, то на дела, обманывал некоторое время людей здравомыслящих, долее — простой народ в Риме и долгие всего — провинции.

48. Снарядив войско и готовый обрушить возмездие на восставших, Германик все же решил предоставить им время одуматься и последовать недавнему примеру их соговарившей; с этой целью он отправил письмо Цецине, извещая его, что выступает с крупными силами и что, если они до его прибытия не расправятся с главарями, он будет казнить их поголовно. Это письмо Цецина доверительно прочитал орлоносцам, значконосцам и другим наиболее благонадежным в лагере, добавив от себя увещание, чтобы они избавили их всех от бесчестья, а самих себя от неминуемой смерти; ибо в мирное время учитываются смягчающие вину обстоятельства и заслуги, но, когда вспыхивает война, гибнут наравне и виновные, и безвинные. Испытав тех, кого они сочли подходящими, и

выяснив, что большинство в легионах привержено долгу, они назначают по уговору с легатом время, когда им напасть с оружием в руках на самых непримиримых и закоренелых мятежников. И вот по условленному знаку они вбегают в палатки и, набросившись на ничего не подозревающих, принимаются их убивать, причем никто, за исключением посвященных, не понимает, ни откуда началась эта резня, ни чем она должна кончиться.

49. Тут не было ничего похожего на какое бы то ни было междоусобное столкновение из всех случавшихся когда-либо прежде. Не на поле боя, не из враждебных лагерей, но в тех же палатках, где днем они вместе ели, а по ночам вместе спали, разделяются воины на два стана, обращают друг против друга оружие. Крики, раны, кровь повсюду, но причина происходящего остается скрытой; всем вершил случай. Были убиты и некоторые благонамеренные, так как мятежники, уразумев, наконец, над кем творится расправа, также взяли за оружие. И не явились сюда ни легат, ни трибун, чтобы унять сражавшихся: толпе было дозволено предаваться мщению, пока она им не пресытится. Вскоре в лагерь прибыл Германик; обливаясь слезами, он сказал, что происшедшее — не целительное средство, а бедствие, и повелел сжечь трупы убитых.

Все еще не остывшие сердца воинов загорелись жгучим желанием идти на врага, чтобы искупить этим свое безумие: души павших товарищей можно умилоствовать не иначе, как только получив честные раны в нечестивую грудь. Цезарь поддержал охвативший воинов пыл и, наведя мост, переправил на другой берег⁸² двенадцать тысяч легионеров, двадцать шесть когорт союзников и восемь отрядов конницы, дисциплина которых во время восстания была безупречною.

50. Пока нас задерживали сначала траур по случаю смерти Августа, а затем междоусобица, обитавших недалеко германцев никто не тревожил. Между тем римляне, двигаясь с большой быстротой, пересекают Цезийский лес и линию пограничных укреплений, начатую Тиберием;⁸³ на этой линии они располагаются лагерем, защищенным с фронта и с тыла валами, а с флангов — засеками. Отсюда они устремляются в глухие, поросшие лесом горы и здесь обсуждают, избрать ли из двух возможных путей короткий и хорошо знакомый или более трудный и неизведанный и потому не охраняемый неприятелем. Отдав предпочтение более длинной дороге, они идут возможно быстрее, так как поступает сообщение от разведчиков, что этой ночью германцы справляют праздник с торжественными пирами и игрищами. Цецина получает от Германика приказание двигаться впереди с когортами налегке и расчищать дорогу в лесу; следом за ним на небольшом расстоянии идут легионы. Помогала ясная лунная ночь; подошли к селениям марсов, расположили вокруг них заслоны, а марсы безо всякого опасения продолжали спать или бражничать, не расставив даже дозорных, — до того все было у них в расстройстве из-за беспечности и настолько они не ждали нападения неприятеля; впрочем,

не было у них и подобающего в мирное время порядка, а повсюду — лишь безобразие и распущенность, как это водится между пьяными.

51. Чтобы разорить возможно бóльшую площадь, Цезарь разделил рвавшиеся вперед легионы на четыре отряда и построил их клиньями; огнем и мечом опустошил он местность на пятьдесят миль в окружности. Не было снисхождения ни к полу, ни к возрасту; наряду со всем остальным сравнивается с землею и то, что почиталось этими племенами священным, и прославленное у них святилище богини Танфаны, как они его называли. Среди воинов, истреблявших полусонных, безоружных, беспорядочно разбегавшихся в разные стороны, ни один не был ранен. Эта резня возмутила бруктеров, тубантов и узипетов, и они засели в лесистых ущельях, по которым пролегал обратный путь войска. Полководец узнал об этом и, выступая в поход, приготовился к отражению неприятеля. Впереди шла часть конницы и когорты вспомогательных войск, за ними первый легион; воины двадцать первого легиона прикрывали левый фланг находившихся посередине обозов, воины пятого — правый, двадцатый легион обеспечивал тыл, позади него двигались остальные союзники. Враги, пока войско не втянулось в ущелья, оставались в бездействии, но затем, слегка беспокоя головные части и фланги, обрушились всеми силами на двигавшихся последними. Под напором густо наседавших врагов когорты легковооруженных начали было приходить в замешательство, но Цезарь, подскочив к воинам двадцатого легиона, стал зычным голосом восклицать, что пришла пора искупить участие в мятеже; пусть они постараются, пусть торопятся покрыть свою вину воинскими заслугами. И сердца воинов распались; прорвав боевые порядки врагов стремительным натиском, они гонят их на открытое место и там разбивают наголову; одновременно передовые отряды вышли из леса и укрепили лагерь. В дальнейшем поход протекал спокойно, и воины, ободренные настоящим и забыв о прошлом, размещаются на зимовку.

52. Эта весть доставила Тиберию и радость, и заботу: он радовался подавлению мятежа, но был встревожен возросшей военной славой Германика и тем, что раздачею денег и досрочным увольнением ветеранов он снискал расположение воинов. Тем не менее он доложил сенату обо всем, им достигнутом, многократно напоминая о его доблести в таких напыщенных выражениях, что никто не поверил в искренность его слов. Менее пространно он воздал хвалу Друзу и пресечению иллирийского мятежа, но высказал ее с большей ясностью и в речи, внушавшей доверие. Все уступки Германика он распространил и на паннонское войско.

53. В том же году скончалась Юлия, некогда из-за распутного поведения заточенная своим отцом Августом на острове Пандатерии, а затем в городе тех регийцев, которые обитают у Сицилийского пролива.⁸⁴ При жизни Гая и Луция Цезарей она была замужем за Тиберием, но пренебрегала им как неравным по происхождению; это и было главнейшей причиной его удаления на Родос. Теперь, достигнув власти, он извел ее —

ссылную, обесславленную и после убийства Агриппы Постума потерявшую последние надежды — лишениями и голодом, рассчитывая, что ее умерщвление останется незамеченным вследствие продолжительности ссылки.⁸⁵ По сходным побуждениям он расправился и с Семпронием Гракхом, который, знатный, наделенный живым умом и злоязычный, соблазнил ту же Юлию, состоявшую в браке с Марком Агриппой. Но его любострастие не успокоилось и тогда, когда она была выдана замуж за Тиберия. Упорный любовник разжигал в ней своенравие и ненависть к мужу; и считали, что письмо с нападками на Тиберия, которое Юлия написала своему отцу Августу, было сочинено Гракхом. И вот, сосланный на Керкину, остров Африканского моря, он прожил в изгнании четырнадцать лет. Воины, посланные туда, чтобы его умертвить, нашли его на выдававшемся в море мысе не ожидающим для себя ничего хорошего. По их прибытии он обратился к ним с просьбою немного повременить, чтобы он мог написать письмо с последними распоряжениями своей жене Аллиарии. После этого он подставил шею убийцам; своей мужественной смертью он показал себя достойным имени Семпрониев, чем при жизни. Некоторые передают, что воины были посланы к нему не из Рима, а Луцием Аспренатом, проконсулом Африки, по приказанию Тиберия, который тщетно рассчитывал, что ответственность за это убийство молва возложит на Аспрената.

54. В том же году учреждается жреческая коллегия августалов,⁸⁶ подобно тому как некогда Титом Татием была основана для поддержания священнодействий сабинян коллегия титиев,⁸⁷ и вводятся новые религиозные празднества. Ее членами были по жребию избраны наиболее видные граждане в количестве двадцати одного, не считая Тиберия, Друза, Клавдия и Германика. Впервые устроенные тогда августалами публичные зрелища были омрачены беспорядками, вызванными соревнованием мимов. Август снисходил к этой забаве из уважения к Меценату, страстно любившему Бафилла, да и сам он не чуждался развлечений подобного рода, считая гражданской заслугой разделять с толпой ее удовольствия. Взгляды Тиберия были иными, но он еще не решался навязывать более суровые нравы народу, на протяжении стольких лет привыкшему к мягкому управлению.

55. В консульство Друза Цезаря и Гая Норбана Германику назначается триумф, несмотря на то что война еще не закончилась. Хотя он деятельно готовился к тому, чтобы развернуть ее с наступлением лета, он выступил раньше и в начале весны внезапным набегом устремился на хаттов. Дело в том, что появилась надежда на разделение врагов на два стана — приверженцев Арминия и Сегеста, из которых один был примечателен своим коварством по отношению к нам, другой — верностью. Арминий — возмутитель Германии; а Сегест неоднократно извещал нас о том, что идет подготовка к восстанию,⁸⁸ и в последний раз он говорил об этом на пирушестве, после которого германцы взялись за оружие;

больше того, он советовал Вару, чтобы тот бросил в оковы его самого, Арминия, и других видных вождей; простой народ ни на что не осмелится, если будут изъяты его предводители; а вместе с тем будет время разобрать, на чьей стороне вина и кто ни в чем не повинен. Но Вар пал по воле судьбы и сломленный силой Арминия. Сегест, хоть и был вовлечен в войну общим движением племени, все же оставался в разладе с Арминием; к тому же между ними усилилась личная вражда, так как Арминий похитил у него дочь, обещанную другому; зять был ненавистен тестю, и то, что у живущих в согласии скрепляет узы любви, у них, исполненных неприязни друг к другу, возбуждало взаимное озлобление.

56. Итак, Германик отдает под чачало Цецине четыре легиона, пять тысяч воинов из вспомогательных войск и наспех собранные отряды германцев, обитавших по эту сторону Рейна; сам он ведет на врага столько же легионов и двойное число союзников. Построив крепостцу на развалинах оборонительных сооружений, возведенных его отцом на горе Тавне, он устремляется ускоренным походом на хаттов, оставив Луция Апрония для прокладки дорог и постройки мостов. Ибо, двигаясь благодаря сухости почвы и низкому уровню вод (что бывает в этих краях очень редко) быстро и беспрепятственно, он опасался дождей и подъема рек на обратном пути. К хаттам он подошел настолько внезапно, что все, кто из-за возраста или пола не мог спастись бегством, были либо захвачены в плен, либо перебиты на месте. Мужчины зрелого возраста, переправившись вплавь через реку Адрану, мешали римлянам приступить к наведению моста. Отогнанные затем метательными снарядами и стрелами лучников и тщетно попытавшись начать переговоры о мире, некоторые из них перебежали к Германику, а остальные, покинув свои поселения и деревни, рассеиваются в лесах. Предав огню Маттий (главный город этого племени) и опустошив открытую местность, Цезарь повернул к Рейну; враги не осмелились тревожить тыл отходящих, что у них было в обыкновении, когда они отступали больше из хитрости, чем из страха. У херусков было намерение оказать помощь хаттам, но их устрасил Цецина, то здесь, то там появлявшийся с войском; и марсов, отважившихся напасть на него, он обуздал удачно проведенною битвой.

57. Немного спустя прибыли послы от Сегеста с просьбой о помощи против насилия соплеменников, которые его осаждали; Арминий был влиятельнее, так как настаивал на войне; ведь у варваров в ком больше дерзости, тот и пользуется большим доверием и, когда поднимается народное движение, берет верх над всеми другими. Вместе с послами Сегест направил и своего сына по имени Сегимунд; но тот медлил, зная за собою вину перед нами. Ибо назначенный жрецом при святилище убиен⁸⁹ в том же году, когда восстала Германия, он, сорвав с себя жреческие повязки, перебежал в лагерь восставших. Все же, положившись на милость римлян, он доставил письмо отца и, принятый благосклонно, был переправлен с охраной на галльский берег. Германик решил, что ради этого дела

стоит повернуть войско; произошел бой с державшими в осаде Сегеста, и он был вызволен с большим числом родичей и клиентов. Здесь были и знатные женщины, и среди них жена Арминия, она же — дочь Сегеста, более приверженная устремлениям мужа, чем отца, и не унижившая себя до слез или мольбы, со скрещенными на груди руками и глазами, опущенными к своему отягощенному бремени чреву. Тут же несли доспехи, захваченные при поражении Вара и в качестве военной добычи розданные многим из тех, кто теперь передался римлянам; вместе со всеми был тут и Сегест, выделявшийся ростом и осанкою и спокойный от сознания, что всегда безусловно соблюдал союз с нами.

58. Он сказал следующее: «Сегодня я не впервые приношу доказательства моей верности и преданности народу римскому; с той поры как божественный Август даровал мне права гражданства, я избирал себе друзей и врагов, помышляя только о вашем благе, и не из ненависти к родной стране (ведь предатели омерзительны даже тем, кому они отдают предпочтение), а потому, что считал одно и то же полезным для римлян и германцев и мир мне был дороже войны. Итак, похитителя моей дочери и нарушителя договора, заключенного с вами, я обвинил пред Варом, который тогда начальствовал вашим войском. Встретив равнодушие со стороны полководца и не находя достаточной защиты в правосудии, я просил бросить в оковы меня самого, Арминия и остальных заговорщиков: свидетельница — та ночь, — о если б она была для меня последнею! Все случившееся в дальнейшем позволительнее оплакивать, чем оправдывать; и Арминий был закован мною в цепи, и я сам претерпел их от его приверженцев. И когда явилась возможность обратиться к тебе, я предпочел старое новому и покой — волнениям, и не ради награды, но чтобы снять с себя подозрение в вероломстве и стать полезным германскому народу посредником, если он предпочтет раскаяние гибели. Прошу снисходительно отнестись к юношеским заблуждениям сына; о дочери скажу откровенно, что она прибыла не по своей воле: тебе дано рассудить, что перевешивает: то ли, что она зачала от Арминия или что рождена мною». Цезарь в милостивом ответе обещает его детям и родичам безнаказанность, а ему самому — пребывание в прежней провинции. После этого он отвел назад войско и по внесенному Тиберием предложению получил титул императора. Жена Арминия родила ребенка мужского пола, который был воспитан в Равенне; о том, как над мальчиком насмеялась судьба, я расскажу в своем месте.⁹⁰

59. Слух о том, что Сегест передался римлянам и ему оказан благоклонный прием, воспринимается одними с надеждой, другими — с горечью, смотря по тому, были ли они против войны или стремились к ней. Похищение жены и то, что ее будущее дитя обречено рабству, приводила Арминия, гневливого и от природы, в безудержную ярость, и он носился среди херусков, требуя, чтобы они подняли оружие на Сегеста, оружие на Цезаря. Не воздерживался он и от поношений: превосходный

отец, выдающийся полководец, храброе войско, столько рук, которыми увезена одна женщина! Перед ним полегли три легиона и столько же легатов;⁹¹ он ведет войну не предательски и не против беременных женщин, но открыто и против вооруженных врагов. В священных рощах германцев еще можно видеть значки римского войска, которые он там развесил в дар отечественным богам. Пусть Сегест живет на покоренном берегу,⁹² пусть его сын снова станет жрецом у алтаря смертному,⁹³ — германцы вовек не простят, что между Альбисом и Рейном им пришлось увидеть розги, и секиры, и тогу.⁹⁴ Другие народы, не знакомые с римским владычеством, не испытали казней, не знают податей. Германцы же избавились от всего этого, и с пустыми руками ушел от них этот причисленный к богам Август, этот его избранник Тиберий; так неужели они станут бояться неопытного юнца⁹⁵ и мятежного войска? Если они предпочитают родину, предков и старину господам над собою и новым колониям,⁹⁶ пусть лучше пойдут за Арминием, который ведет их к свободе и славе, чем за Сегестом, ведущим к постыдному рабству.

60. Эти речи подняли не только херусков, но и соседние племена; примкнул к Арминию и его дядя со стороны отца Ингвиомер, издавна пользовавшийся у римлян большим уважением, и это еще больше озаботило Цезаря. Чтобы не встретиться с объединенными силами неприятеля, он посылает Цецину с сорока когортами римлян пройти через земли бруктеров к реке Амизии и отвлечь врага, а конницу ведет в область фризов префект Педон. Сам Цезарь перевозит на кораблях по озерам четыре легиона; пехота, конница и корабли одновременно прибыли к названной реке. Нашими союзниками в этой войне стали и хавки, предложившие выставить вспомогательные отряды. Бруктеров, поджегших свои селения, рассеял Луций Стертиний, посланный Германиком с отрядом легковооруженных; истребляя неприятеля, он среди добычи обнаруживает орла девятнадцатого легиона, захваченного врагами при поражении Вара. Затем войско проследовало до наиболее отдаленных границ бруктеров и опустошило земли между реками Амизией и Лупией, неподалеку от Тевтобургского леса, в котором, как говорили, все еще лежали непогребенными останки Вара и его легионов.

61. Тогда Цезаря охватывает желание отдать последний долг воинам и полководцу; и все находившееся с ним войско было взволновано скорбью о родственниках и близких и мыслями о превратностях войн и судьбе человеческой. Выслав вперед Цецину, чтобы обследовать чащи горных лесов, навести мосты и проложить гати через трясины и заболоченные луга, они вступают в унылую местность, угнетавшую и своим видом, и печальными воспоминаниями. Первый лагерь Вара большими размерами и величиной главной площади⁹⁷ свидетельствовал о том, что его строили три легиона; далее полуразрушенный вал и неполной глубины ров указывали на то, что тут оборонялись уже остатки разбитых легионов: посреди поля белелись скелеты, где одинокие, где наваленные

грудами, смотря по тому, бежали ли воины или оказывали сопротивление. Были здесь и обломки оружия, и конские кости, и человеческие черепа, пригвожденные к древесным стволам. В ближних лесах обнаружались жертвенники, у которых варвары принесли в жертву трибунов и центурионов первых центурий.⁹⁸ И пережившие этот разгром, уцелев в бою или избежав плена, рассказывали, что тут погибли легаты, а там попали в руки врагов орлы; где именно Вару была нанесена первая рана, а где он нашел смерть от своей злосчастной руки и обрушенного ею удара; с какого возвышения произнес речь Арминий, сколько виселиц для расправы с пленными и сколько ям было для них приготовлено, и как, в своем высокомерии, издевался он над значками и орлами римского войска.

62. Итак, присутствовавшее здесь войско на шестой год после поражения Вара предало погребению останки трех легионов, и хотя никто не мог распознать, прикрывает ли он землей кости чужих или своих, их всех хоронили как близких, как кровных родственников, с возросшей ненавистью к врагам, проникнутые и печалью, и гневом. В основание насыпанного затем над их могилой холма первую дернину положил Цезарь, принося усопшим дань признательности и уважения и разделяя со всеми скорбь. Это не встретило одобрения у Тиберия, то ли потому, что все поступки Германика он всегда истолковывал в худшую сторону, то ли потому, что, по его мнению, вид убитых и оставшихся непогребенными должен был ослабить боевой дух войска и возбудить в нем страх перед врагом; к тому же полководцу, облеченному саном авгура и отправляющему древнейшие священнодействия, не подобало заниматься погребением мертвых.⁹⁹

63. Германик, следуя за Арминием, отступавшим в непроходимые джбри, при первой представившейся возможности приказывает коннице захватить стремительным натиском поле, на котором расположились враги. Арминий, повелев своим сомкнуться как можно теснее и направиться к лесу, внезапно поворачивает назад, а затем спрятанному им в лесистом ущелье отряду подает знак устремиться на римлян. Свежими силами неприятеля наша конница была приведена в замешательство, а посланные ей на подмогу вспомогательные когорты, смятые толпой беглецов, усугубили смятение; и они были бы загнаны в топь, хорошо известную одолевающим и гибельную для ничего не знавших о ней, если бы Цезарь не подоспел с легионами и не построил их в боевые порядки; это испугало врагов и вселило уверенность в наших: противники разошлись без перевеса на чьей-нибудь стороне. Затем, снова приведя войско к Амизии, Цезарь переправляет легионы на кораблях, точно так же, как их доставил; части конницы было приказано следовать вдоль берега Океана до Рейна; Цецине, который вел свой старый отряд, было дано указание миновать как можно скорее, несмотря на то что он возвращался уже известным путем, длинные гати. Это узкая тропа среди расстилавшихся на большом

пространстве болот, которая была когда-то проложена Луцием Домицием; вдоль нее все было илистым, вязким от густой грязи и ненадежным из-за обильных ручьев. Вокруг — леса, подымавшиеся на пологих склонах и занятые Арминием, который, двигаясь кратчайшей дорогой и с предельной поспешностью, опередил наших обремененных поклажей и оружием воинов. Цецина, будучи неуверен, сможет ли он одновременно чинить обветшавшие гати и отражать неприятеля, решил расположиться лагерем тут же на месте, чтобы одни принялись за работу, а другие вступили в бой.

64. Варвары, стараясь прорвать выставленные заслоны и ринуться на ведущих работы, затевают стычки, обходят, наступают с разных сторон; смешиваются крики работающих и сражающихся. Все было неблагоприятно для римлян: топкая почва, засасывавшая остановившихся и скользкая для пытавшихся двигаться, тела, стесненные панцирями; и всины, увязавшие в жидкой грязи, не могли как следует метать дротики. Херуски, напротив, привыкли сражаться в болотах, отличались большим ростом и своими огромными копьями могли разить с очень далекого расстояния. Только ночь избавила от разгрома дрогнувшие уже легионы. Но германцы, воодушевленные успехом, и тут не дали себе отдыха, и всю воду, рождающуюся на окрестных возвышенностях, отвели в низину; она залила ее и смыла то, что уже было сделано, удвоив работу воинам. Сороковой год служил в рядах войска Цецина и как подчиненный, и как начальник; повидав и хорошее и плохое, он был благодаря этому неустрашим. Обдумав, как могут в дальнейшем обернуться дела, он не нашел лучшего выхода, как удерживать в лесах неприятеля, пока не продвинутся вперед раненые и весь громоздкий обоз; ибо между горною цепью и болотами расстилась равнина, на которой можно было обороняться, построив войско неглубокими боевыми порядками. Итак, назначаются легионы: пятый на правый фланг, двадцать первый — на левый, первый — чтобы вести за собой остальных, двадцатый — отражать преследующего врага.

65. Ночь и в том, и в другом лагере прошла беспокойно: варвары праздничным пиршеством, радостным пением или грозными кликами оглашали разбросанные внизу долины и отвечавшие эхом ущелья, а у римлян — тусклые огни, заглушенные голоса, воины, здесь и там прикорнувшие возле вала или бродившие между палаток, скорее бессонные, нежели бдительные. И военачальника устранил тревожный сон, ибо он видел и слышал Квинтилия Вара, поднявшегося из болотной пучины и залитого кровью и как бы его призывавшего, но не последовал за ним и оттолкнул его протянутую руку. На рассвете легионы, посланные на фланги, покинули отведенные им участки, то ли из страха, то ли из своеволия, и поспешно расположились на поле за заболоченною низиной. Арминий, однако, напал не сразу, хотя и мог это сделать, не встретив сопротивления; и лишь когда обозы увязли в грязи и рытвинах, пришли в смятение находившиеся возле них воины, был нарушен порядок

движения, все сбилось в кучу, и, как это бывает в подобных обстоятельствах, каждый думал более всего о себе, и уши стали плохо воспринимать приказания, лишь тогда он велит германцам броситься в бой, воскликнув: «Вот он Вар и вторично скованные той же судьбой легионы!». И он тотчас же с отборными воинами врывается в ряды римского войска, поражая по преимуществу лошадей. Те, скользя в своей крови и в болотной топи, стряхивают с себя всадников, опрокидывают встречных, топчут упавших. Особенное смятение возникло вокруг орлов: не было возможности ни нести их под градом копий и стрел, ни воткнуть в топкую почву. Цецину, пытавшегося навести порядок в рядах, сбросил подколотый снизу конь, и он был бы окружен неприятелем, если б к нему не пришли на выручку воины первого легиона. Нашим помогла жадность врага, ради грабежа добычи прекратившего битву, и под вечер легионы выбрались наконец на ровное место и на твердую почву. Но и здесь их бедствиям еще не пришел конец. Нужно было насыпать вал и таскать для него землю, но многое из того, на чем ее носят и чем вырезают дерн, было потеряно; манипулы не имели палаток, нечем было перевязывать раненых; деля между собою забрызганные грязью и кровью припасы, воины горестно сетовали на надвигавшуюся гробовую тьму и на то, что для стольких тысяч людей пришел последний день.

66. Случилось, что сорвавшаяся с привязи лошадь, испугавшись какого-то крика, бросилась бежать и сбила с ног нескольких оказавшихся на ее пути воинов. Из-за этого среди римлян, решивших, что в лагерь вторглись германцы, возникло такое смятение, что все устремилось к воротам, и особенно к задним, так как, находясь с противоположной от врага стороны, они сулили спасавшимся бóльшую безопасность. Цецина, установив, что обуявший их ужас порожден ложной тревогой, тщетно пытался, приказывая, прося и даже хватая за руки, остановить или задержать воинов и наконец лег в самом проходе ворот, преградив таким образом дорогу бегущим, которые посовестились пройти по телу легата; к тому же центурионам и трибунам удалось разъяснить толпе, что ее страх ложен.

67. Затем, собрав всех на главной лагерной площади, он призвал их к молчанию и разъяснил, чего требуют сложившиеся обстоятельства. Единственное спасение в оружии, но применить его нужно обдуманно и оставаться внутри укрепленного лагеря, пока неприятель, рассчитывая захватить его приступом, не подойдет вплотную к нему; а тогда необходимо со всех сторон обрушиться на врага; благодаря этой вылазке они смогут достигнуть Рейна. Если они предпочтут бежать, их ожидают еще более глухие леса, еще более глубокие топи, свирепый и беспощадный враг; если одержат победу — почет и слава. Он напоминает им и о том, что каждому из них дорожно на родине, и об их воинской чести; о трудностях их положения он умолчал. После этого он раздает коней, начав со своих и не делая исключения ни для легатов, ни для трибунов, наиболее

доблестным воинам, чтобы они первыми ринулись на врага, увлекая за собой пехотинцев.

68. Не менее беспокойно было и у германцев, возбужденных надеждами, нетерпением и разногласием между вождями: Арминий советовал не препятствовать римлянам выйти из лагеря и затем снова загнать их в болота и непроходимые топи, тогда как Ингвиомер склонял к более решительным и желанным для варваров действиям, предлагая пойти на укрепления приступом: так они быстро захватят лагерь, им достанется больше пленных и добыча будет в полной сохранности. Итак, с первым светом они принимаются засыпать рвы, заваливать их валежником, расшатывать частокол на валу, на котором, словно оцепенев от страха, неподвижно стояли редкие воины. И когда враги сгрудились у вала, когортам был подан знак к выступлению и раздаются звуки рожков и труб. Римляне с громкими кликами бросаются на германцев, заходя на них с тыла и крича, что тут им не леса и болота и что на ровном месте все равны пред богами. Врагов, надеявшихся на то, что они с легкостью разгромят римлян и что биться придется с немногочисленным и кое-как вооруженным противником, звуки труб и сверкающее оружие приводят в тем большее замешательство, чем неожиданное они для них были, и они гибнут, столь же беспомощные при неудаче, насколько бывают дерзкими при успехе. Арминий вышел из боя целый и невредимый, Ингвиомер — с тяжелою раной; остальных римляне истребляли, пока длился день и не была утолена жажда мщения. Легионы вернулись в лагерь лишь ночью, и, хотя раненых было больше, чем накануне, и по-прежнему не хватало продовольствия, в одержанной победе для них было все — и сила, и здоровье, и изобилие.

69. Между тем распространилась молва об окружении римского войска и о том, что несметные силы германцев идут с намерением вторгнуться в Галлию, и если бы не вмешательство Агриппины, был бы разобран наведенный на Рейне мост, ибо нашлись такие, которые в страхе были готовы на столь позорное дело. Но эта сильная духом женщина взяла на себя в те дни обязанности военачальника и, если кто из воинов нуждался в одежде или в перевязке для раны, оказывала необходимую помощь. Гай Плиний, описавший германские войны,¹⁰⁰ рассказывает, что при возвращении легионов она стояла в головной части моста и встречала их похвалами и благодарностями. Все это глубоко уязвляло Тиберия: неспроста эти ее заботы, не о внешнем враге она помышляет, домогаясь преданности воинов. Нечего делать полководцам там, где женщина устраивает смотры манипулам, посещает подразделения, заискивает раздачами, как будто ей недостаточно для снискания благосклонности возить с собою повсюду сына главнокомандующего в простой солдатской одежде и выражать желание, чтобы его называли Цезарем Калигулой. Агриппина среди войска могущественнее, чем легаты, чем полководцы: эта женщина подавила мятеж, против которого было бессильно

ния самого принцепса. Сеян разжигал и усугублял эти подозрения: хорошо изучив нрав Тиберия, он заранее сеял в нем семена ненависти, чтобы тот тайл ее про себя, пока она вырастет и созреет.

70. Германик между тем из перевезенных на судах легионов второй и четырнадцатый передает Публию Вителлию и приказывает ему вести их дальше сухим путем; это было сделано ради того, чтобы облегченные корабли свободнее плавали в обильных мелями водах и с меньшей опасностью садились на них при отливе. Вителлий сначала беспрепятственно двигался по суше, лишь слегка увлажняемой во время прилива; вскоре, однако, северный ветер и созвездие равноденствия, от которого особенно сильно вздувается Океан, обрушились на войско тяжелыми ударами. И земля была залита: море, берег, поля — все стало одинаковым с виду, и нельзя было отличить трясину от твердой земли, мелководье от глубокой пучины. Воинов опрокидывают волны, поглощают водовороты; лошади, грузы, трупы плавают между ними и преграждают им путь. Перемешиваются между собою манипулы; воины бредут в воде то по грудь, то по шею и порою, когда теряют дно под ногами, отрываются друг от друга или тонут. Ни крики, ни взаимные ободрения не помогают против набегающих волн; исчезло различие между проворным и вялым, рассудительным и неразумным, между предусмотрительностью и случайностью: все с одинаковой яростью сокрушается волнами. Наконец, Вителлий, добравшись до более высокого места, вывел туда свое войско. Ночевали без необходимой утвари, без огня, многие раздетые и израненные, едва ли не более жалкие, нежели те, кто окружен врагом: ибо там смерть по крайней мере почетна, тогда как здесь их ожидала лишь бесславная гибель. Рассвет возвратил им сушу, и они дошли до реки,¹⁰¹ куда с флотом направился Цезарь. Легионы были посажены на суда, между тем как распространился слух, что они утонули: и никто не верил в их спасение, пока люди не увидели своими глазами Цезаря и вернувшееся с ним войско.

71. Между тем Стертиний, высланный навстречу пожелавшему передаться нам Сегимеру, брату Сегеста, доставил его вместе с сыном¹⁰² в город убиев. Обоим было дано прощение; Сегимеру — легко, сыну — после некоторых колебаний, так как говорили о том, что он глумился над трупом Квинтилия Вара. Галлия, Испания и Италия, соревнуясь друг с другом в усердии, предлагали в возмещение понесенных войском потерь оружие, лошадей, золото — что кому было сподручнее. Похвалив их рвение, Германик принял только оружие и лошадей, необходимых ему для военных действий, а воинам помог из собственных средств. И для того чтобы смягчить в них воспоминание о пережитом бедствии еще и ласковым обращением, он обходит раненых и каждого из них перевозит за его подвиги; осматривая их раны, он укрепляет в них, — в ком ободрением, в ком обещанием славы, во всех — беседою и заботами, — чувством преданности к нему и боевой дух.

72. В этом году Авлу Цецине, Луцию Апронию и Гаю Силию при-суждаются триумфальные знаки отличия за деяния, совершенные ими вместе с Германиком. Тиберий отклонил титул отца отечества, который ему не раз предлагался народом; несмотря на принятое сенатом решение, он не позволил присягнуть на верность его распоряжениям,¹⁰³ повторяя, что все человеческое непрочно и что чем выше он вознесется, тем более скользким будет его положение. Это, однако, не внушило доверия к его гражданским чувствам. Ибо он уже восстановил закон об оскорблении величия,¹⁰⁴ который, нося в былое время то же название, преследовал совершенно другое: он был направлен лишь против тех, кто причинял ущерб войску предательством, гражданскому единству — смутами и, наконец, величию римского народа — дурным управлением государством; осуждались дела, слова не влекли за собой наказания. Первым, кто на основании этого закона повел дознание о злонамеренных сочинениях, был Август, возмущенный дерзостью, с какою Кассий Север порочил знатных мужчин и женщин в своих наглых писаниях; а затем и Тиберий, когда претор Помпей Макр обратился к нему с вопросом, не возобновить ли дела об оскорблении величия, ответил, что законы должны быть неукоснительно соблюдаемы. И его также раздражили распространявшиеся неизвестными сочинителями стихи о его жестокости и надменности и неладах с матерью.

73. Тут будет, пожалуй, излишним рассказать о первых обвинениях подобного рода, испытанных на незначительных римских всадниках Фалании и Рубрии, чтобы стало понятно, с чего пошло это наитягчайшее зло, с каким искусством Тиберий дал ему возможность неприметно пустить ростки, как затем оно было подавлено, как в дальнейшем вспыхнуло с новой силой и, наконец, заразило решительно все. Фаланию обвинитель вменял в преступление принятие им в число блюстителей культа Августа, — которые были во всех домах, на положении жреческих коллегий, — некоего мима Кассия, известного телесным непотребством, и еще то, что, продав сад, он уступил вместе с ним в собственность покупателю и статую Августа. Рубрий обвинялся в том, что клятвopреступлением оскорбил святыню Августа. Когда это стало известно Тиберию, он написал консулам, что его отец признан небожителем не для того, чтобы это воздаваемое ему почитание было обращено на погибель гражданам; лицедей Кассий вместе со своими товарищами по ремеслу постоянно принимает участие в зрелищах, посвящаемых его, Тиберия, матерью памяти Августа; если статуи Августа, как и другие изображения богов, при сделках на дома и сады переходят вместе с ними во владение покупателей, то это не является святотатством; на нарушение клятвы нужно смотреть так же, как если бы был обманут Юпитер: оскорбление богов — забота самих богов.

74. Немного спустя претора Вифинии Грания Марцелла¹⁰⁵ обвинил в оскорблении величия его квестор Цепион Криспин, заявление которого

было поддержано и Романом Гиспоном. Этот Криспин первым вступил на жизненный путь, который впоследствии сделали обычным тяжелые времена и человеческое бесстыдство. Нищий, безвестный, неугомонный, пока при помощи лживых наветов, питавших жестокость принцепса, не вверся к нему в доверие, он стал опасен для самых выдающихся людей государства и, сделавшись могущественным у одного и ненавистным для всех, подал пример, последовав которому многие, превратившись из бедняков в богатей и из презираемых во внушающих страх, приутоновили гибель другим, а под конец и самим себе. Что до Марцелла, то его он изобличал в поносных речах против Тиберия — неотвратимое обвинение, так как, выбрав из характера Тиберия самое мерзкое, обвинитель передавал это как слова обвиняемого. И так как все, о чем он говорил, было правдой, казалось правдой и то, что это было сказано обвиняемым. К этому Гиспон добавил, что свою собственную статую Марцелл поставил у себя в доме выше, чем статуи Цезарей, и что, отбив у другой статуи голову Августа, он заменил ее головою с лицом Тиберия. Выслушав это, Тиберий до того распалился, что, нарушив обычное для него молчание, заявил, что по этому делу открыто подаст свое мнение, подкрепив его клятвой, чтобы побудить и остальных поступить так же, как он. Но тогда еще сохранялись следы умиравшей свободы. И Гней Пизон на это сказал: «Когда же, Цезарь, намерен ты высказаться? Если первым, я буду знать, чему следовать; если последним, то опасаясь, как бы, помимо желанья, я не разошелся с тобой во мнении». Смущенный словами Пизона и тем больше раскаиваясь в своей горячности, чем неожиданнее она была для него самого, он позволил снять с подсудимого обвинение в оскорблении величия; разбор дела о вымогательстве был поручен рекуператорам.¹⁰⁶

75. Не довольствуясь дознаниями в сенате, он присутствовал и в обыкновенных судах, сидя в углу трибунала, чтобы не сгонять претора с курульного кресла; и в его присутствии было принято немало решений вопреки проискам и ходатайствам власть имущих. Однако, способствуя торжеству справедливости, он тем самым ущемлял свободу. Так, например, сенатор Аврелий Пий, жалуясь, что прокладка проезжей дороги и постройка водопровода расшатала и привели в негодное состояние его дом, обратился к сенату за вспомоществованием. Преторы казначейства ответили на его просьбу отказом, и тогда Цезарь пришел ему на помощь и оплатил Аврелию стоимость его дома, желая, чтобы все выплаты из казны производились по-честному; эту добродетель, утратив все остальные, он сохранял в течение долгого времени. Бывшему претору Проперцию Целеру, просившему о своем исключении ввиду бедности из сенаторского сословия, он выдал миллион сестерциев, убедившись, что нужда была унаследована им от отца. Однако, когда другие попытались добиться того же, Тиберий велел им представить сенату доказательство своей недостаточности: из желанья быть суровым он проявлял черствость

и в том, что делал по справедливости. По этой причине прочие предпочли молчание и нужду признанию в ней и благодеяниям.

76. В том же году из-за непрерывных дождей Тибр вышел из берегов и затопил низкие части Рима; после спада воды обрушилось много построек, и под ними погибли люди. По этому поводу Азиний Галл предложил обратиться к Сивиллиным книгам.¹⁰⁷ Тиберий, одинаково боявшийся гласности как в относящемся к воле богов, так и в делах человеческих, воспротивился этому, и изыскать средства к обузданию своенравной реки было поручено Атею Капитону и Луцию Аррунцию. Было решено освободить на время от проконсульской власти и передать в управление Цезарю Ахайю и Македонию, просивших облегчить им бремя налогов.¹⁰⁸ Распоряжаясь на гладиаторских играх, даваемых им от имени его брата Германика и своего собственного, Друз слишком открыто наслаждался при виде крови, хотя и низменной; это ужаснуло, как говорили, простой народ и вынудило отца выразить ему свое порицание.¹⁰⁹ Почему Тиберий воздержался от этого зрелища, объясняли по-разному; одни — тем, что сборища внушали ему отвращение, некоторые — прирожденной ему угрюмостью и боязнью сравнения с Августом, который на таких представлениях неизменно выказывал снисходительность и благожелательность.¹¹⁰ Не думаю, чтобы он умышленно предоставил сыну возможность обнаружить перед всеми свою жестокость и навлечь на себя неприязнь народа, хотя было высказано и это мнение.

77. В театре еще больше усилились беспорядки, начавшиеся в минувшем году: было убито не только несколько человек из народа, но также воины и центурион, был ранен трибун преторианской когорты, когда они пытались пресечь буйство черни, обрушившейся с бранью на магистратов.¹¹¹ Эти волнения обсуждались в сенате, и было внесено предложение предоставить преторам право налагать на актеров наказание розгами. Против этого заявил протест народный трибун Гатерий Агриппа, на которого напустился с бранной речью Азиний Галл, между тем как Тиберий хранил молчание, оставляя сенату эту видимость свободы. Все же протест трибуна возымел силу, так как божественный Август некогда заявил, что актеры не подлежат телесному наказанию,¹¹² и Тиберию не подобало отменять его решение. Были приняты постановления о размере жалованья актерам и против разнузданности их поклонников; из этих постановлений важнейшие: чтобы сенатор не посещал мимов у них на дому, чтобы римские всадники не толпились вокруг них в общественном месте и не встречались с ними нигде, кроме как в театре; сверх того, преторы были наделены властью карать изгнанием распущенность зрителей.

78. Испанцам, согласно их просьбе, было дано разрешение на постройку в Тарраконской колонии храма Августу, и это послужило примером для всех прочих провинций. Народ обратился с ходатайством отменить налог с оборота в размере одной сотой его, введенный после междоусобных войн, на что Тиберий ответил эдиктом, в котором указывал, что

у военной казны нет иных источников пополнения; вместе с тем он заявил, что государство не выдержит бремени непомерных расходов, если войны будут служить менее двадцати лет. Таким образом, непродуманные уступки, сделанные в силу необходимости во время последнего мятежа¹¹³ и сокращавшие срок службы в войске до шестнадцати лет, были отменены.

79. Затем Аррунцием и Атеем был поставлен перед сенатом вопрос, считает ли он возможным для уменьшения разливов Тибра запрудить реки и озера, из-за которых и повышается его уровень; по этому поводу были заслушаны представители муниципиев и колоний, причем флорентинцы просили ни в коем случае не отводить Кланиса из привычного русла и не направлять его в Арн, так как это было бы для них губительно. Близкое к этому заявляли и жители Интерамны: плодороднейшие земли Италии придут в запустение, если река Нар, спущенная в канавы (как это предполагалось), заболотит близлежащую местность. Не молчали и реатинцы, возражая против постройки плотины на Велинском озере, в том месте, где из него изливается Нар, и говоря, что оно выйдет из берегов и затопит окрестности; что природа, определившая рекам их устья и течение, истоки и разливы, достаточно позаботилась о делах человеческих; к тому же нельзя не считаться с обычаями и верованиями союзников,¹¹⁴ посвятивших рекам родной страны обряды, рощи и жертвенники, да и сам Тибр не желает, чтобы у него отняли соседствующие с ним реки и его течение стало от этого менее величавым. Оказались ли тут решающими просьбы колоний, или трудности работ, или, наконец, суеверия, но взяло верх высказанное Гнеем Пизоном мнение, что все следует оставить как оно есть.

80. За Поппеем Сабиним была сохранена провинция Мезия с добавлением еще Ахайи и Македонии. И вообще у Тиберия было обыкновение удерживать большинство должностных лиц во главе тех же войск и тех же гражданских управлений. Объясняют это по-разному: одни говорят, что он оставлял в силе свои назначения из нежелания затруднять себя дополнительными заботами, некоторые — что делал это по злобе, чтобы не расточать милостей многим; есть и такие, которые полагают, что, будучи весьма проницателен умом, он был столь же нерешителен в суждениях. С одной стороны, он не выказывал предпочтения добродетелям, а с другой — ненавидел порочность: в выдающихся людях он видел опасность для себя, в дурных — общественное бесчестье. В этих колебаниях он дошел до того, что не раз поручал провинции тем, кого не согласился бы выпустить из Рима.

81. Что касается консульских выборов, происходивших тогда впервые при этом принцепсе и всех последовавших за ними в годы его правления, то я едва ли решусь сказать по этому поводу что-либо определенное: до того разноречивы сведения не только у писавших о них, но и содержащиеся в речах самого Тиберия. Иногда, не называя имен кандидатов, он с такими подробностями говорил об их происхождении, образе жизни, про-

деланных ими походах, что всем было ясно, о ком идет речь; иногда, воздерживаясь даже и от таких объяснений, он увещевал кандидатов не осложнять выборов проiscaми и подкупом и давал обещание взять на себя заботу об их избрании. В большинстве случаев он утверждал, что о своем желании выступить соискателями ему заявили лишь те, чьи имена он сообщил консулам; могут сделать подобное заявление и другие, если рассчитывают на общее расположение и свои заслуги; но это были красивые слова, на деле пустые и исполненные коварства, и чем больше в них было видимости свободы, тем большее порабощение они с собою несли.

КНИГА ВТОРАЯ

1. В консульство Сизенны Статилия (Тавра) и Луция Либона было нарушено спокойствие в царствах Востока и в римских провинциях. Началось с парфян, которые, испросив у Рима и получив оттуда царя, гнушались им, как чужестранцем, невзирая на то, что он принадлежал к роду Арсакидов. Это был Вонон, отданный Фраатом в заложники Августу. Ибо Фраат, хотя он и изгнал римское войско и его полководцев,¹ все же оказывал Августу всяческое почтение и ради укрепления дружбы отослал к нему часть своего потомства² не столько из страха пред нами, сколько из недоверия к своим соплеменникам.

2. После смерти Фраата и следовавших за ним царей парфянская знать вследствие кровавых междоусобиц направила в Рим послов, призвавших на царство старшего из детей Фраата — Вонона. Цезарь³ воспринял это как дань высокого уважения к себе и возвысил Вонона богатыми дарами. Варвары встретили его ликованием, как это чаще всего бывает при воцарении новых властителей. Вскоре, однако, их охватил стыд: выродились парфяне; на другом конце света вымолили они себе царя, отравленного воспитанием во вражеском стане; трон Арсакидов уже предоставляется наравне с римскими провинциями. Где слава тех, кто умертвил Красса, изгнал Антония, если раб Цезаря, на протяжении стольких лет прозябавший в неволе, повелевает парфянами? Да и сам Вонон давал пищу этой враждебности: чуждый обычаям предков, он редко охотился и был равнодушен к конным забавам; на улицах городов появлялся не иначе как на носилках и пренебрегал такими пирами, какими они были на его родине. Вызывали насмешки и его приближенные греки, и то, что любая безделица из его утвари хранилась под замком и опечатанной. Его доступность, ласковость и доброжелательность — добродетели, неведомые у парфян, — были, на их взгляд, не более чем пороками; и поскольку все

это было несходно с их нравами, они питали равную ненависть и к дурному, и к хорошему в нем.

3. Итак, они вызывают Артабана, по крови Арсакида, выросшего среди дагов; разбитый в первом сражении, он собирает новые силы и овладевает Парфянским царством. Победенный Вонон укрылся в Армении, которая тогда оставалась без государя и, находясь между могущественными державами парфян и римлян, была в отношении нас ненадежна вследствие бесчестного поступка Антония, завлекшего под личиною дружбы, затем бросившего в оковы и, наконец, предавшего смерти армянского царя Артавазда. Его сын Артаксий, враждебный нам в память отца, обезопасил себя и свое царство, опираясь на мощь Арсакидов. После того как Артаксий был предательски убит родичами, Цезарь дал армянам Тиграна, которого возвел на престол Тиберий Нерон.⁴ Но ни царствование Тиграна, ни царствование его детей, соединившихся по чужеземному обычаю в браке и правивших сообща,⁵ не были длительными.

4. Потом по приказанию Августа власть над армянами получил Артавазд,⁶ который спустя короткое время был свергнут ими не без ущерба для нас. Тогда, чтобы навести порядок в Армении, туда был направлен Гай Цезарь. С согласия и одобрения армян он поставил царем над ними Ариобарзана, родом мидянина, отличавшегося телесною красотой и выдающимися душевными качествами. После того как его постигла смерть от несчастного случая, армяне не пожелали терпеть царями его детей; испытали они и правление женщины, которую звали Эрато, но и она была вскоре низложена; и вот растерянные и скорее потому, что были лишены государя, чем по свободному выбору, они принимают на царство безавшего к ним Вонона. Но так как ему начал угрожать Артабан, — а если бы мы стали его защищать, нам пришлось бы вступить в войну с парфянами, — правитель Сирии Кретик Силан вызвал Вонона к себе и, сохранив ему прежнюю роскошь и царский титул, окружил его стражею. Как поступил Вонон, чтобы снять с себя это бесчестье, мы сообщим в свое время.

5. Неурядицы на Востоке не были, впрочем, неприятны Тиберию: это был хороший предлог, чтобы разлучить Германика с преданными ему легионами и, назначив его правителем новых провинций, сделать его доступным и для коварства, и для случайностей. А Германик, чем большую преданность выказывали ему воины, а неприязнь — дядя, тем упорнее стремился ускорить победу и тщательно вникал в ход сражений и причины всех неудач и успехов, выпавших на его долю за время войны, которую он вел уже третий год. Он видел, что германцы не могут устоять в правильных битвах на подходящей для этого местности; им помогают леса, болота, короткое лето и ранняя зима; в действиях против германцев воины не столько страдают от ран, сколько от больших расстояний, которые им приходится проходить, и от убыли вооружения; Галлия больше не в состоянии поставлять лошадей; длинная вереница обозов уязвима для засад,

и охранять ее трудно. Но если отправиться морем, то римлян оно не страшит, тогда как врагам совершенно неведомо; в этом случае можно раньше начинать военные действия и одновременно с легионами перевозить необходимое им продовольствие; всадники и лошади, переправленные по устьям и течениям рек, придут свежими в самое сердце Германии.

6. Итак, он приступает к осуществлению своего замысла. Послав в Галлию для сбора податей Публия Вителлия и Гая Анция, он поручает Силию, Антею и Цецине руководить постройкою флота. Было сочтено достаточным соорудить тысячу судов, и вскоре они были готовы — одни короткие, с тупым носом и такой же кормой, но широкие посредине, чтобы лучше переносить волнение на море, другие — плоскодонные, чтобы могли без повреждения садиться на мели; у большинства кормила были прилажены и сзади, и спереди, чтобы, гребя то вперед, то назад, можно было причалить, где понадобится;⁷ многие суда с насланными палубами для перевозки метательных машин были вместе с тем пригодны и для того, чтобы перевозить на них лошадей или продовольствие; приспособленные для плаванья под парусами и быстроходные на веслах, эти суда, несшие на себе умелых и опытных воинов, могли утратить уже одним своим видом. Местом сбора был назначен Батавский остров, так как тут было легко причалить и погрузить войско, с тем чтобы переправить его туда, где намечались военные действия. Дело в том, что Рейн, который на всем протяжении имеет одно единственное русло или обтекает небольшие острова, у границы земли батавов расчленяется как бы на две разные реки, причем там, где он проходит мимо Германии, он сохраняет то же название и ту же стремительность, пока не смешивается с водами Океана; у галльского же берега он разливается вширь и течет гораздо спокойнее. Местные жители, дав ему другое название, именуют его здесь Вагалом; а затем, сменив и это наименование на имя реки Мозы, он огромным устьем изливается в тот же Океан.

7. Между тем Цезарь в ожидании подхода судов приказывает легату Силию с налегке снаряженным отрядом сделать набег на хаттов; сам же, узнав, что поставленное на реке Лупии укрепление осаждено неприятелем, ведет туда шесть легионов. Но ни Силию из-за внезапно разразившихся ливней не удалось сделать что-либо большее, чем захватить незначительную добычу, а также жену и дочь вождя хаттов Арпа, ни Цезарю — дать сражение осаждающим, так как, прослышав о его приближении, они сняли осаду и рассеялись. Все же враги разметали могильный холм, недавно насыпанный над останками воинов Вара, и разрушили старый жертвенник, некогда поставленный Друзу. Полководец восстановил этот жертвенник и торжественно провел мимо него свои легионы, воздав отцу эту почесть. Насыпать еще раз могильный холм он счел излишним. И все пространство между укреплением Ализоном и Рейном было ограждено новыми пограничными сооружениями и валами.

8. Между тем прибыл флот; выслав заранее продовольствие и распределив суда между легионами и союзниками, Германик, войдя в канал, носивший имя Друза, обратился с мольбой к отцу Друзу, чтобы тот благосклонно и милостиво отнесся к сыну, дерзнувшему пойти по его следам, и помог ему своим примером и напоминанием о своих замыслах и деяниях; затем он в благополучном плавании прошел озера и Океан вплоть до Амизии. Войско высадилось с судов у устья Амизии, у левого ее берега, и это было ошибкой, так как воинов, направлявшихся в земли, лежащие по правую руку от этой реки, не подвезли и не переправили куда следовало; из-за этого было потеряно много дней, потраченных на наводку мостов. И конница, и легионы бесстрашно перешли первые затопляемые низины, так как они еще не были залиты приливной волной, но шедшие последними вспомогательные отряды союзников, и среди них батавы, желая показать свое умение плавать и бросившись в воду, смешались, и некоторые были ею поглощены. Цезарь был занят разбивкой лагеря, когда пришло известие об отпадении у него в тылу ангривариев: посланный против них с конницей и легковооруженными воинами Стертиний огнем и мечом покарал их вероломство.

9. Между римлянами и херусками протекала река Визургий. На ее берег пришел Арминий с другими вождями. Осведомившись, прибыл ли Цезарь, и получив утвердительный ответ, он попросил разрешения переговорить с братом. Этот брат, находившийся в нашей войне, носил имя Флава; отличаясь безупречной преданностью, Флав, служа под начальством Тиберия, за несколько лет до этого был ранен и потерял глаз. Получив дозволение на свидание, Флав вышел вперед, и Арминий обратился к нему с приветствием; затем он отослал своих спутников и потребовал, чтобы ушли и наши лучники, которые были расставлены на берегу. После того как это было исполнено, Арминий спрашивает брата, откуда у него на лице увечье. Когда тот назвал место и битву, Арминий допытывается, какую награду он за него получил. Флав ответил, что ему увеличили жалованье и дали ожерелье, венец и другие воинские награды, и Арминий стал насмехаться над ним, говоря, что это дешевая плата за рабство.

10. После этого между ними разгорается спор; один говорит о римском величии, о мощи Цезаря, о суровом возмездии, ожидающем побежденных, о милости, обеспеченной всякому, кто покорится, о том, что с женою и сыном Арминия не обращаются как с врагами; другой — о долге перед родиной, об унаследованной от предков свободе, об исконных германских богах, о том, что и мать также призывает Флава вернуться и быть не перебежчиком и предателем в отношении родственников и близких, наконец всего племени, а его предводителем. Понемногу дело дошло до ссоры, и даже разделявшая их река не помешала бы им схватиться друг с другом, если бы подсакавший Стертиний не удержал распаленного гневом Флава, требовавшего оружие и коня. На другом берегу был виден Арминий, который раздражался угрозами и вызывал римлян на бой;

в свою речь он вставлял многое на латинском языке, так как когда-то служил в римском войске, начальствуя над своими соотечественниками.

11. На следующий день германцы построились в боевом порядке на той стороне Визургия. Сочтя, что долг полководца возбраняет ему подвергнуть легионы величайшей опасности, когда мосты не наведены и надежные заслоны не выставлены, Цезарь переправляет вброд только конницу. Возглавляли ее Стертиний и центурион первого манипула Эмилий, которые бросились в воду на некотором расстоянии друг от друга, чтобы разединить силы врага. Там, где поток был особенно бурным, пробился к тому берегу Хариовальда, вождь батавов. Херуски притворным бегством завлекли его на поляну, окруженную поросшими лесом холмами; здесь, снова появившись пред ним и высыпав отовсюду, они теснят противников, преследуют отходящих и поражают собравшихся в круг батавов, кто, вступая с ними в рукопашную схватку, кто — издали. Хариовальда, долгое время сдерживавший яростный натиск врагов, призвал своих сплотиться и прорвать напирające на них толпы херусков, пробивается вперед и оказывается в самой их гуще; там, осыпаемый дротиками и стрелами, он падает с раненого коня, и рядом с ним — многие из знатных батавов. Других спасли от гибели собственная их сила и подоспевшие к ним на помощь всадники со Стертением и Эмилием.

12. Переправившись через Визургий, Цезарь узнал из показания перебежчика, какое поле сражения выбрал Арминий и что другие племена собрались в посвященном Геркулесу лесу и решили произвести ночное нападение на римский лагерь. Это показание внушало доверие, да и были видны неприятельские костры; к тому же разведчики, пробравшиеся поближе к врагам, донесли, что слышно конское ржание и смутный шум, поднимаемый огромным и беспорядочным людским скопищем. Итак, сочтя, что перед решающей битвой следует ознакомиться с настроением воинов, Германик принялся размышлять, каким образом получить о нем неискаженные сведения. Трибуны и центурионы чаще всего сообщают скорее приятные, чем достоверные вести, вольноотпущенники по своей природе угодливы, приближенным свойственно льстить; если он созовет легионы на сходку, то что на ней скажут немногие первые, то и будет подхвачено остальными. Глубже можно познать душу воинов лишь тогда, когда, оставшись в своей среде и выйдя из-под надзора, они делятся за солдатской едой своими надеждами и опасениями.

13. С наступлением ночи, выйдя всего с одним провожатым из авгура⁸ и пробираясь с накинутой на плечи звериной шкурой по неведомым ночной страже темным закоулкам, он обходит лагерные дорожки, останавливается возле палаток, слышит, что о нем говорят: один превозносит похвалами знатность своего полководца, другой — его благородную внешность, большинство — его выдержку и обходительность, постоянство характера и в важных делах, и в шутках, и все они приходят к решению, что должны отблагодарить его на поле сражения и что вероломных нару-

шителей мира нужно принести в жертву мщению и славе. И в это самое время один из врагов, знавший латинский язык, подкакав к валу, громко объявил, что Арминий обещает каждому, кто перейдет в войско германцев, жен и поля и по сто сестерциев в день, пока не закончатся военные действия. Это оскорбление разбудило гнев легионов: пусть только наступит срок и начнется сражение; они захватят земли германцев и завладеют их женами; они принимают только что явленное им предзнаменование⁹ и предназначают себе в добычу женщин и имущество врагов. Около третьей стражи¹⁰ на лагерь пытались совершить набег, но неприятелем не было брошено ни одного дротика, так как он обнаружил, что на укреплениях плотно стоят когорты и все надежно защищено.

14. Той же ночью Германику приснился хороший сон; ему снилось, что, принося жертву, он забрызгал себе претексту священной кровью и получил из рук своей бабки Августы другую, еще красивее. Окрыленный этим знаменем и подкрепившими его ауспициями, он созывает воинскую сходку и излагает, чему учит предусмотрительность и как следует действовать в предстоящей битве. Римский воин может успешно сражаться не только в открытом поле, но, если разумно использует обстановку, то и в лесах, и в поросших лесом горах; ведь огромные щиты варваров и их непомерно длинные копья менее пригодны для боя среди древесных стволов и низкой поросли, чем римские дротики и мечи и покрывающие тело доспехи. Нужно учащать удары, направляя острие оружия в лицо: у германцев нет панцирей, нет шлемов, да и щиты у них не обиты ни железом, ни кожей — они сплетены из прутьев или сделаны из гонких выкрашенных дощечек. Только сражающиеся в первом ряду кое-как снабжены у них копьями, а у всех остальных — обожженные на огне колья или короткие дротики. И тела их, насколько они страшны с виду и могучи при непродолжительном напряжении, настолько же невыносимы к ранам; германцы, не стыдясь позора, насколько не думая о своих вождах, бросают их, обращаются в бегство, трусливые при неудаче, попирающие законы божеские и человеческие, когда возьмут верх. Если его воины хотят покончить с тяготами походов и плаваний, то это сражение приближает желанный отдых. Теперь река Альбис ближе, чем Рейн, а за нею воевать не с кем, лишь бы ему, идущему по той же земле, что отец и дядя, и ступающему по их следам, они добыли решительную победу.

15. Речь полководца воспламенила воинов, и был подан знак к началу сражения. Арминий и остальные вожди германцев также не переставали убеждать своих соплеменников, что это те самые римляне — наиболее быстрые в бегстве, какие были в войске у Вара, — которые, чтобы больше не воевать, подняли возмущение; они предстанут перед ожесточившимся снова врагом, пред разгневанными ими богами, часть — заклейменные ранами в спину, часть — с перебитыми в морских бурях членами, без малейшей надежды на спасение. Они прибегли к кораблям и околь-

ному переходу по Океану, чтобы, направляясь сюда, не встретиться с теми, кто стал бы на их пути, кто, нанеся им поражение, преследовал бы их по пятам; но где сходятся врукопашную, там побежденные не найдут помощи у ветров и вёсел: «Вспомним о римской алчности, жестокости и надменности; есть ли у нас другой выход, как только отстоять свою независимость или погибнуть, не давшись в рабство?».

16. Распаленных такими речами и требующих боя воинов они выводят на равнину, носящую название Идиставизо. Расположенная между Визургием и холмами, она имеет неровные очертания и различную ширину, смотря по тому, отступают ли берега реки или этому препятствуют выступы гор. В тылу у германцев поднимался высокоствольный лес с голой землей между деревьями. Равнины и опушки лесов занимали отряды варваров; голько херуски засели на вершинах холмов, чтобы во время сражения обрушиться сверху на римлян. Наше войско двигалось так: впереди вспомогательные отряды галлов и германцев, за ними — пешие лучники; затем — четыре легиона и Цезарь с двумя преторианскими когортами и отборною конницею; далее столько же других легионов и легковооруженные воины вместе с конными лучниками и когортами союзников. Воины были готовы вступить в бой, соблюдая тот же порядок, в каком они шли.

17. Увидев яростно устремившиеся вперед толпы херусков, Германик приказывает наиболее доблестным всадникам напасть на них с фланга, а Стертинию с остальной конницею обойти врага и ударить на него с тыла; сам он должен был в подходящий момент оказать им поддержку. Между тем внимание полководца привлекло прекрасное предзнаменование: восемь орлов пролетели по направлению к лесу и там опустились. Увидав это, он воскликнул, обращаясь к воинам, чтобы они последовали за римскими птицами, исконными святынями легионов. Навстречу херускам устремляются пехотинцы, и одновременно их тыл и фланги теснит высланная заранее конница. И удивительное дело! Два отряда врагов пускаются бежать в противоположные стороны, те, что были в лесу, — на открытое поле, а те, что стояли на поле, — в лес. Находившихся между ними херусков римляне теснили с холмов; среди врагов виднелся Арминий, который словом, примером в бою, стойкостью в перенесении ран побуждал их держаться. И он опрыкнул бы лучников и прорвался, если бы ему не преградили пути когорты ретов, винделиков и галлов. Употребив всю свою силу и быстроту коня, он все же пробился, измазав себе лицо своею кровью, чтобы остаться неузнанным. Некоторые передают, что хавки, сражавшиеся среди римских вспомогательных войск, узнали его, но дали ему ускользнуть. Такая же доблесть или хитрость спасла и Ингвиомера; остальные были перебиты. Большинство пытавшихся переплыть Визургий отпущенных в них стрел и дротиков или в стремнинах реки, наконец — в потоке бегущих или от обвалов под их тяжестью берегов. Некоторые, в позорном бегстве взобравшиеся на верхушки деревьев

и прятавшиеся там между ветвей, расстреливались забавы ради подоспевшими лучниками, другие были раздавлены сваленными под ними деревьями.

18. Это была большая победа и почти не стоившая нам крови. С пятого часа дня¹¹ и до ночи наши рубили врагов; на протяжении десяти тысяч шагов все было усеяно их трупами и оружием, причем среди доставшейся нам добычи были обнаружены цепи, которые, не сомневаясь в исходе битвы, запасли для римлян германцы. Воины тут же на поле сражения провозгласили Тиберия императором и, выложив насыпь, водрузили на нее в виде трофея оружие с надписью, в которой были поименованы побежденные племена.

19. Не столько раны, потери и поражение, сколько вид этой насыпи наполнил германцев скорбью и яростью. Только что собиравшиеся покинуть свои селения и уйти за Альбис, они теперь жаждут боя, хватаются за оружие; простые и знатные, молодежь, старики — все совершают внезапные набеги на продвигавшееся римское войско и приводят его в расстройство. Наконец, они выбирают поле сражения, зажатое между рекой и лесами, с тесной и толпой равниною посередине; да и леса отовсюду были окружены непроходимым болотом, кроме той стороны, где ангриварины, чтобы отгородиться от херусков, возвели широкую насыпь. Здесь стала пехота, а всадники укрылись в ближайших рощах, с тем чтобы оказаться в тылу у вошедших в лес легионов.

20. Цезарь был обо всем этом осведомлен: он знал замыслы и места расположения неприятеля, все явное и все тайное, и обращал его хитрость ему же на погибель. Легату Сею Туберону он поручает конницу и открытое поле; пехотинцев же выстраивает таким образом, чтобы часть их вошла в лес ровной дорогой, а другая — преодолев противоположащую насыпь. Более трудное он оставляет себе, остальное поручает легатам. Кому выпало наступать по равнине, те вторглись без трудностей, но кому досталось захватить насыпь, на тех сверху посыпались удары, как если бы они подошли к крепостной стене. Полководец понял, что ближний бой невыгоден римлянам, и, отведя поодаль легионы, приказывает пращникам и камнеметателям бить по врагу. Извергали копья и метательные машины, и чем больше защитников показывалось на насыпи, тем большее число раненых сваливалось с нее. По овладении валом Цезарь первым во главе преторианских когорт ворвался в лес, и там завязалась рукопашная схватка; у врагов к тылу примыкало болото, у римлян — река и горы; и тем и другим некуда было податься: они могли рассчитывать только на свою доблесть, их спасение было только в победе.

21. Германцы дрались с неменьшей отвагой, чем римляне, но условия боя и их оружие были неблагоприятны для них: стиснутые во множестве на узком пространстве, они не могли ни наносить ударов своими чрезмерно длинными копьями, ни быстро отводить их назад, ни применять выпады, используя свою подвижность и ловкость; напротив, римские

воины, у которых щит был тесно прижат к груди, а рука крепко держала рукоятку меча, пронзали огромные тела варваров и их ничем не защищенные лица, пробивая себе дорогу в гуще повергаемых ими врагов; да и Арминий действовал с меньшей стремительностью, чем прежде, то ли потому, что был утомлен непрерывными битвами, или, может быть, свежая рана сковывала его движения. И Ингвиомера, который носился по всему полю боя, скорее покинуло военное счастье, чем личная доблесть. Германник, чтобы его легче могли узнать в рядах римлян, снял шлем с головы и призывал своих не прекращать сечу: не нужны пленные, только уничтожение племени положит конец войне. Уже на исходе дня он вывел из боя один легион, чтобы разбить лагерь; прочие легионы лишь с наступлением темноты пресытились вражеской кровью. Всадники сражались с переменным успехом.

22. Созвав сходку воинов и воздав на ней хвалу победителям, Цезарь повелел сложить в груды захваченное оружие с гордой надписью: «Одолев народы между Рейном и Альбисом, войско Тиберия Цезаря посвятило этот памятник Марсу, Юпитеру и Августу». О самом себе Германник ничего не добавил, опасаясь ли зависти или довольствуясь сознанием выполненного им дела. Вслед за тем он поручает Стертгинию пойти походом на ангривариев, если они не поторопятся изъявить покорность. Те смиренно попросили пощады на любых условиях и получили прощение за все прошлое.

23. Но так как первая половина лета уже миновала, Цезарь, отправив сухим путем несколько легионов в зимние лагеря, посадил остальную, большую, часть своего войска на корабли и провел их по реке Амизии в Океан. Сначала спокойствие морской глади нарушалось только движением тысячи кораблей, шедших на веслах или под парусами; но вскоре из клубящихся черных туч посыпался град; от налетавших со всех сторон вихрей поднялось беспорядочное волнение: пропала всякая видимость, и стало трудно управлять кораблями; перепуганные, не изведавшие превратностей моря воины или мешали морякам в их работе, или, помогая им несвоевременно и неумело, делали бесплодными усилия самых опытных кормчих. Затем и небом, и морем безраздельно завладел южный ветер, который, набравшись силы от влажных земель Германии, ее полноводных рек и проносащегося над нею нескончаемого потока туч и став еще свирепее от стужи близкого севера, подхватил корабли и раскидал их по открытому Океану или повлек к островам, опасным своими отвесными скалами или неведомыми мелями. Лишь с большим трудом удалось немного от них отойти, но, когда прилив сменился отливом, который понес корабли в ту же сторону, куда их относил ветер, стало невозможно держаться на якоре и вычерпывать беспрерывно врывавшуюся воду; тогда, чтобы облегчить корабли, протекавшие по бокам и захлестываемые волнами, стали выбрасывать в море лошадей, вьючный скот, снаряжение воинов и даже оружие.¹²

24. Насколько Океан яростнее прочих морей и климат в Германии суше, чем где бы то ни было, настолько и это бедствие выдавалось небывальными размерами. Кругом были враждебные берега или такое бесконечное и глубокое море, что казалось, будто оно на краю света и земля больше не будет. Часть кораблей поглотила пучина, большинство было отброшено к лежащим вдалеке островам; и так как они были необитаемы, воины, за исключением тех, кого поддержали выкинутые прибоем конские трупы, погибли от голода. Только трирема Германика причалила к земле хавков; дни и ночи проводил он на прибрежных утесах или вдававшихся в море мысах, называя себя виновником этого бедствия, и приближенные с большим трудом удержали его от того, чтобы он не нашел себе смерть в том же море. Наконец, вместе с приливом и попутным ветром вернулись разбитые корабли с немногочисленными гребцами и одеждой, натянутой взамен парусов, иные — влекомые менее пострадавшими. Поспешно починив корабли, Германик отправил их обойти острова; благодаря этой его заботливости было подобрано немало воинов; многие были возвращены недавно принятыми под нашу власть ангривариями, выкупившими их у жителей внутренних областей; некоторые были увезены в Британию и отпущены тамошними царьками. И каждый, вернувшись из дальних краев, рассказывал чудеса о невероятной силе вихрей, невиданных птиц, морских чудовищ, полулюдей-полузверей — обо всем, что он видел или во что со страху уверовал.

25. Слух о гибели флота возродил в германцах воинственный пыл, и это заставило Цезаря принять необходимые меры. Он велит Гаю Силию с тридцатью тысячами пехотинцев и тремя тысячами всадников выступить в поход против хаттов; сам он с еще большим войском нападает на марсов, недавно передавшийся римлянам вождь которых Малловенд сообщил, что зарытый в находящейся поблизости роще орел одного из легионов Квинтилия Вара охраняется ничтожными силами. Туда немедленно был выслан отряд с предписанием отвлечь неприятеля на себя, и другой — чтобы, обойдя его с тыла, выкопать орла из земли; и тем и другим сопутствовала удача. Тем решительнее Цезарь устремляется внутрь страны, опустошает ее, истребляет врага, не смевшего сойтись в открытом бою или если кое-где и оказывавшего сопротивление, тотчас же разбиваемого и никогда, как стало известно от пленных, не трепетавшего так перед римлянами. Ибо они, как утверждали марсы, непобедимы и не могут быть сломлены никакими превратностями: ведь, потеряв флот, лишившись оружия, усеяв берега трупами лошадей и людей, они с той же доблестью и тем же упорством и как будто в еще большем числе вторглись в их земли.

26. После этого воины были отведены в зимние лагеря, и у них было радостно на душе оттого, что несчастье на море они уравновесили удачным походом. Воодушевил их и Цезарь своею щедростью, возместив каждому заявленный им урон. Было очевидно, что неприятель пал духом и склоняется к решению просить мира и что нужно еще одно лето, и тогда

можно будет закончить войну. Но Тиберий в частых письмах напоминал Германику, чтобы тот прибыл в Рим и отпраздновал дарованный ему сенатом триумф. Довольно уже успехов, довольно случайностей. Он дал счастливые и большие сражения, но не должен забывать, что ветры и бури, без вины полководца, причинили жестокий и тяжелый ущерб. Божественный Август девять раз посылал самого Тиберия в Германию, и благоразумием он добился там большего, нежели силою. Именно так были им подчинены отдавшиеся под власть римлян сугамбры и укрошены мирным договором свебы и царь Маробод. И херусков, и остальные непокорные племена, после того как римляне им должным образом отмстили, можно предоставить их собственным междоусобицам и раздорам. В ответ на просьбу Германика дать ему год для завершения начатого Тиберий еще настойчивее пытается разжечь в нем тщеславие, предлагая ему консульство на второй срок, с тем чтобы свои обязанности он отправлял лично и находясь в Риме. К этому Тиберий добавлял, что если все еще необходимо вести войну, то пусть Германик оставит и своему брату Друзу¹³ возможность покрыть себя славой, так как при отсутствии в то время других врагов он только в Германии может получить императорский титул и лавровый венок. И Германик не стал дольше медлить, хотя ему было ясно, что все это вымышленные предлоги и что его желают лишить уже добытой им славы только из зависти.

27. В это же время на Либона Друза из рода Скрибониев поступил донос, обвинявший его в подготовке государственного переворота. О возникновении, ходе и окончании этого дела я расскажу подробнее, так как тогда впервые проявилось то зло, которое столько лет развело государство. Сенатор Фирмий Кат, один из ближайших друзей Либона, склонил этого недалеконovidного и легковверного юношу к увлечению предсказаниями халдеев, таинственными обрядами магов и снотолкователями; настойчиво напоминая ему, что Помпей — его прадед, Скрибония, некогда жена Августа, — тетка, Цезари — двоюродные братья¹⁴ и что его дом полон изображений прославленных предков, он, соучаствуя в его разгульном образе жизни и помогая ему в добывании взаймы денег, всячески побуждал его к роскошеству и вводил в долги, чтобы собрать возможно больше изобличающих его улики.

28. Найдя достаточное число свидетелей и хорошо осведомленных рабов, он начинает домогаться свидания с принцепсом, предварительно сообщив ему через римского всадника Флакка Вескулария, имевшего доступ к Тиберию, о преступлении и виновном в нем. Отнюдь не отвергая доноса, Цезарь все же отказался встретиться с Катом: ведь они могут общаться при посредстве того же Флакка. Между тем Тиберий жалуется Либону претурой, допускает на свои пиршества, разговаривает с ним, не меняясь в лице и ни словом не выказывая своего раздражения — так глубоко затаил он гнев! И хотя он легко мог сдержать Либона, Тиберий выжидает, предпочитая знать все его слова и дела, пока некий Юний, кото-

рого Либон попросил вызвать заклятиями тени из подземного царства, не донес об этом Фульцинию Триону. Этот Трион среди обвинителей слыл выдающимся и дорожил своей недоброю славой. Он тотчас же берет на себя обвинение, отправляется к консулам, требует, чтобы сенат произвел расследование. И сенаторы созываются на заседание, оповещенные о том, что предстоит рассмотреть важное и ужасное дело.

29. Между тем в траурной одежде, в сопровождении знатных женщин Либон ходит из дома в дом, упрашивает родственников, ищет у них поддержки против грозящей ему опасности, но под разными предложениями, а в действительности вследствие все той же боязни ему повсюду в этом отказывают. В день сенатского заседания его, измученного страхом и телесным недугом или, как утверждали некоторые, притворившегося больным, доставляют на носилках к дверям курии, и он, опираясь на брата, протягивает руки и обращает слова мольбы к Тиберию, но тот встречает его с окаменевшим лицом. Затем Цезарь оглашает доносы и вызывает свидетелей, стараясь показать, что он беспристрастно относится к обвинениям, не смягчая и не отягощая их.

30. К Триону и Катю присоединились в качестве обвинителей также Фонтей Агриппа и Гай Вибий, и у них возник спор, кому должно быть предоставлено право произнесения обвинительной речи, пока наконец Вибий не заявил, что, поскольку они не смогли между собою договориться и Либон явился в суд без защитника, он по отдельности изложит обвинения, после чего предъявил письма Либона, настолько нелепые, что в одном из них, например, им задавался магам вопрос, будет ли он настолько богат, чтобы покрыть деньгами Аппиеву дорогу¹⁵ вплоть до Брундизия. За этим письмом следовали другие, столь же глупые и вздорные, а если отнестись к ним снисходительнее — в высшей степени жалкие. Было, однако, и такое письмо, в котором, по утверждению обвинителя, возле имен Цезарей и некоторых сенаторов рукою Либона были добавлены зловещие или таинственные и непонятные знаки. И так как подсудимый отрицал, что это сделано им, было решено допросить под пытку принадлежавших ему и свидетельствовавших против него рабов. Однако старинным сенатским постановлением воспрещалось пытать рабов, когда дело шло о жизни или смерти их господина, и искусный изобретатель судебных новшеств Тиберий повелел казначейству приобрести через своего представителя нескольких рабов Либона, дабы их можно было подвергнуть допросу под пытку, не нарушая сенатского постановления. Вследствие этого обвиняемый попросил отложить на день разбирательство его дела и, возвратившись домой, через своего родственника Публия Квинрия обратился к принцепсу с просьбою о прощении.

31. Ему было отвечено, чтобы свое ходатайство он направил сенату. Между тем дом его окружили воины; они толпились у самого входа, так что их можно было и слышать, и видеть, и тогда Либон, измученный пиршеством, которым он пожелал насладиться в последний раз, начинает

призывать, чтобы кто-нибудь поразил его насмерть, хватает рабов за руки, протягивает им меч, а они, трепеща от страха, разбегаясь от него в разные стороны, опрокидывают находившийся на столе светильник, и в уже объявшей его как бы могильной тьме он двумя ударами пронзил свои внутренности. На стон, который он издал падая, сбежались вольноотпущенники, между тем как воины, увидев, что он мертв, удалились. Однако в сенате дело Либона разбиралось с прежним рвением; ему был вынесен обвинительный приговор, и Тиберий поклялся, что попросил бы сохранить ему жизнь, сколь бы виновным он ни был, если бы он сам не избрал добровольную смерть.

32. Имущество Либона было поделено между его обвинителями, и тем из них, кто принадлежал к сенаторскому сословию, вне установленного порядка были даны претуры.¹⁶ Тогда же Котта Мессалин предложил, чтобы на похоронах потомков Либона его изображение не допускалось к участию в шествии, а Гней Лентул — чтобы никто из рода Скрибониев не принимал фамильное имя Друз. По предложению Помпония Флакка были назначены дни благодарственных молебствий богам, а решения о дарах Юпитеру, Марсу, Согласию и о том, чтобы день сентябрьских ид,¹⁷ в который Либон покончил самоубийством, отныне считался праздничным, добились Луций Пизон, Галл Азиний, Папий Мутил и Луций Апроний; я остановился на этих угодливых предложениях, чтобы показать, сколь давнее это зло в нашем государстве. Были приняты также сенатские постановления об изгнании из Италии астрологов и магов; из их числа Луций Питуаний был сброшен с Тарпейской скалы, а Публия Марция консулы, повелев трубить в трубы, предали за Эсквилинскими воротами казни принятым в старину способом.¹⁸

33. На следующем заседании сената пространно говорили против распроstrанившейся в государстве роскоши бывший консул Квинт Гатерий и бывший претор Октавий Фронтон, и было принято постановление, воспрещавшее употреблять на пирах массивную золотую посуду и унижать мужское достоинство шелковыми одеждами. Фронтон шел и дальше, требуя установить предельную меру для домашнего серебра, утвари и проживающих при доме рабов (ведь тогда у сенаторов еще было в обычае высказываться, когда подходила их очередь голосовать, обо всем, что они считали существенным для общего блага). Но против этого выступил с возражениями Азиний Галл: с увеличением государства возросли и частные средства, и в этом нет ничего нового, так повелось с древнейших времен: одно состояние было у Фабрициев, иное у Сципионов; все соотносится с общественным достоянием; если оно скромно, тесны и дома граждан, но, после того как оно достигло такого великолепия, богатеет и каждый в отдельности. А что касается количества находящихся при доме рабов, серебра и всего прочего, приобретаемого для удовлетворения наших потребностей, то чрезмерное или умеренное определяется здесь только одним: совместимо ли оно с возможностями владельца. Имущественные цензы сената и всадни-

ков¹⁹ выше не потому, что они по природе отличаются от остальных граждан, но для того, чтобы, имея преимущество в местах,²⁰ звании и общественном положении, они располагали им также и в том, что необходимо для душевного удовлетворения и телесного здоровья, если только людей, наиболее выдающихся, которые должны брать на себя больше забот и подвергаться бóльшим опасностям, чем кто бы то ни было, не следует лишать средств, приносящих смягчение этих забот и опасностей. Признание за пороками права называться благопристойными именами и приверженность к ним со стороны слушателей легко доставили Галлу общую поддержку. Да и Тиберий добавил, что дальнейшие ограничения в роскоши несвоевременны, но, если нравы хоть в чем-нибудь пошатнутся, то найдется кому заняться их исправлением.

34. На этом заседании выступил и Луций Пизон, который обрушился на происки при ведении общественных дел, на подкупность судов, на дерзость ораторов, угрожающих обвинениями, и заявил, что он удаляется и покидает Рим, чтобы поселиться в глухой и дальней деревне; закончив речь, он направился к выходу из сената. Это взволновало Тиберия, и, хотя ему удалось успокоить Пизона ласковыми словами, он, сверх того, обратился к его родственникам и близким, чтобы они удерживали его своим влиянием или просьбами. Вскоре тот же Пизон с наименьшей свободой проявил свое недовольство существующими порядками, вызвав на суд Ургуланию которую дружба Августы поставила выше законов. Ургулания, пренебрегая Пизоном и не явившись на вызов, отправилась во дворец Цезаря, но и Пизон не отступился от своего иска, несмотря на жалобы Августы, что ее преследуют и унижают. Тиберий, полагая, что ему следует пойти навстречу пожеланиям матери хотя бы открытым заявлением, что он отправится к трибуналу претора и окажет поддержку Ургулании, вышел из дворца, повелев воинам следовать за ним в некотором отдалении. Встречный народ мог наблюдать, как, затевав с бесстрастным лицом безразличные разговоры, он всячески тянул время и медлил в пути, пока Августа не приказала внести причитавшиеся с Ургулании деньги, так как попытки родственников Пизона убедить его отказаться от своих притязаний оказались напрасными. Так и закончилось это дело, из которого и Пизон вышел не посрамленным, и Цезарь с вящею для себя славою. Все же могущество Ургулании было настолько неодолимым для должностных лиц, что, являясь свидетельницей в каком-то деле, которое разбиралось в сенате, она не пожелала туда явиться; к ней пришлось послать претора, допросившего ее на дому, хотя, в соответствии с давним обыкновением, всякий раз как весталкам требовалось свидетельствовать, их выслушивали на форуме или в суде.

35. Я не стал бы рассказывать, что разбирательство дел, подлежащих суду сената, было в этом году отложено, если бы не считал заслуживающими упоминания противоположные мнения, высказанные по этому вопросу Гнеем Пизоном и Азинием Галлом. Пизон полагал, что, хотя Це-

зарь, как он сам сообщил, будет в отъезде, эти дела тем более должны быть подвергнуты рассмотрению и что государству послужит к чести, если сенат и всадники, несмотря на отсутствие принцепса, смогут отправлять возложенные на них обязанности. Галл, которого Пизон опередил в показном свободолюбии, настаивал, напротив, на том, что без Цезаря и не у него на глазах не может быть ничего блистательного и возвеличивающего римский народ, и поэтому нужно повременить с разбирательством дел, на которое соберется вся Италия и стекутся провинции, до его возвращения. Тиберий все это слушал, сохраняя молчание, хотя обе стороны спорили с большою горячностью; разбирательство дел все же было отложено.

36. У Галла возник спор с Цезарем. Он предложил избирать высших должностных лиц сразу на пятилетие, так, чтобы легаты, начальствовавшие над легионами и занимавшие в войсках эту должность до получения ими претуры, уже заранее были избираемы в преторы и чтобы принцепс ежегодно называл двенадцать своих кандидатов. Не было ни малейших сомнений, что предложенные им новшества метят гораздо глубже и затрагивают самую сущность единой державы. Однако Тиберий, словно дело шло о возвеличении его власти, возражал Галлу следующим образом: для его скромных способностей непосильно выдвигать или отклонять столько кандидатур. Даже при выборах на один год едва удастся не нанести кому-либо обиды, хотя потерпевший неудачу в данном году может легко утешиться надеждами на успех в следующем; сколько же неприязни возникнет среди тех, чье избрание будет отложено на целое пятилетие? И разве можно предвидеть, какими будут по истечении столь долгого промежутка времени образ мысли, домашние обстоятельства и состояние у каждого заранее избранного? Люди проникаются высокомерием даже при избрании за год вперед; чего же можно от них ожидать, если своей должностью они будут кичиться в течение пятилетия? Все это означает не больше, не меньше как пятикратное увеличение числа высших должностных лиц, как ниспровержение действующих законов, установивших для соискателей определенные сроки, в течение которых они должны показать себя достойными своих притязаний, быть включенными в число кандидатов и вступить в должность. При помощи этой по видимости заслуживающей одобрения речи Тиберий сохранил за собой безраздельную власть.

37. Некоторым сенаторам он помог восполнить их состояние до уровня, требуемого законом.²¹ Тем более непонятно, почему просьбу Марка Гортала, молодого человека знатного рода, пребывавшего в явной нужде, он встретил с открытой неприязнью. Гортал, внук оратора Квинта Гортензия, был склонен щедростью божественного Августа, который пожаловал ему миллион сестерциев, взять жену и вырастить детей, чтобы не угас столь прославленный род. Итак, поставив своих четырех сыновей у порога курии, Гортал, когда до него дошла очередь голосовать (на этот раз сенат заседал во дворце), устремляя взгляд то на изображение Квинта Гортен-

зия, находившееся среди изображений ораторов, то на изображение Августа, начал речь таким образом: «Почтеннейшие сенаторы, тех, число и малолетство которых вы воочию видите, я вырастил не по своей воле, но потому, что таково было желание принцепса; да и предки мои заслужили, чтобы у них были потомки, ибо я, из-за превратности обстоятельств²² не имевший возможности ни унаследовать, ни достигнуть — ни богатства, ни народного расположения, ни красноречия, этого исконного достояния нашего рода, был бы доволен своею судьбой, если бы моя бедность не покрывала меня позором и не была в тягость другим. Я женился по повелению императора. Вот потомство и отпрыски стольких консулов, стольких диктаторов.²³ Я вспоминаю об этом не из тщеславия, но чтобы привлечь сострадание. В твоё правление, Цезарь, они получают от тебя почетные должности, которыми ты их соблаговолишь одарить; а пока спаси от нищеты правнуков Квинта Гортензия и тех, к кому благоволил божественный Август!».

38. Благожелательность сената к Горталу повела лишь к тому, что Тиберий тем резче обрушился на него, высказавшись примерно в таких словах: «Если все бедняки, сколько их ни есть, станут являться сюда и выпрашивать для своих детей деньги, то никто из них никогда не насытится, а государство между тем впадет в нищету. И, конечно, не для того дозволено нашими предками отвлекаться порою от обсуждаемого предмета и вместо подачи голоса высказывать клонящиеся к общему благу суждения, чтобы мы устраивали здесь наши дела и умножали свои состояния, навлекая на сенат и принцепсов неприязнь, снисходят ли они к просьбе или отказывают в ней. Ведь это — не просьба, а вымогательство, несвоевременное и неожиданное, подниматься со своего места, когда сенаторы собрались для обсуждения совсем иных дел, и давить на добрые чувства сената числом и малолетством своих детей, применять то же насилие и надо мною и как бы взламывать государственную сокровищницу, пополнить которую, если мы опустошим ее своими искательствами, можно будет лишь преступлениями. Да, божественный Август даровал тебе, Гортал, деньги, но он сделал это по доброй воле и не беря на себя обязательства, что они будут выдаваться тебе и впредь. Притом же иссякнет старательность и повсюду распространится беспечность, если основание для своих опасений или надежд никто не будет видеть в себе самом, но все станут беззаботно ждать помощи со стороны, бесполезные для себя, а нам — в тягость». Это и прочее в том же роде, хотя и выслушанное с одобрением теми, у кого в обычае восхвалять все, что исходит от принцепсов, будь оно честным или бесчестным, большинство восприняло в молчании или с глухим ропотом. Тиберий это почувствовал и, немного помедлив, сказал, что таково его мнение по делу Гортала, но, если сенаторы пожелают, он выдаст его детям мужского пола по двести тысяч сестерциев каждому. Сенаторы стали изъявлять Тиберию благодарность, но Гортал молчал, то ли от волнения, то ли, несмотря на жалкие свои обстоятельства,

сохраняя унаследованное от предков душевное благородство. Позднее Тиберий больше не проявлял к его семье сострадания, хотя род Гортензиев и впал в позорную нищету.

39. В том же году дерзость одного раба могла бы, не будь своевременно приняты меры, привести к смуте и гражданской войне и потрясти государство. Раб Агриппы Постума по имени Клемент, узнав о кончине Августа, задумал с несвойственной рабской душе отвагою отплыть на остров Планазию и, похитив там силою или обманом Агриппу, доставить его затем к войску, стоявшему против германцев. Осуществлению его замысла помешала медлительность торгового судна, и расправа над Агриппой была совершена. Тогда Клемент, решившись на еще большее и более дерзновенное, выкрадывает его прах и, перебравшись на мыс в Этрурии Козу, скрывается в уединенных местах, пока у него не отросли волосы и борода; а внешностью и годами он был похож на своего господина. Затем, при посредстве сообщников, пригодных для этого и знающих его тайну, он распространяет слух, что Агриппа жив, о чем сначала они говорят с осторожностью, как это обычно бывает, когда речь заходит о чем-нибудь недозволенном, а затем широко и открыто перед людьми бесхитростными и легковверными, готовыми ловить их слова, или недовольными существующими порядками и жаждавшими поэтому перемен. Клемент и сам, после того как стемнеет, посещал муниципии, избегая, однако, показываться на людях и нигде подолгу не оставаясь, и так как истина утверждает себя доступностью взорам и временем, а ложь — неопределенностью и суетливостью, он здесь оставляя по себе молву, а там упреждал ее.

40. Между тем по всей Италии распространился слух, что попечением богов Агриппа спасся от гибели; верили этому и в Риме: уже в народе шли толки о его прибытии в Остию, уже в городе²⁴ происходили тайные собрания, а Тиберий, озабоченный и встревоженный, все еще метался между двумя решениями, обуздать ли своего раба военною силою или выждать, чтобы этот нелепый слух со временем рассеялся сам собою: колеблясь между стыдом и страхом, он то утверждался в мысли, что нельзя пренебрегать никакими мерами, то — что не подобает всего бояться. Наконец, он поручает Саллюстию Криспу взяться за это дело. Тот выбирает из своих клиентов двоих (по словам некоторых — воинов) и внушает им, чтобы, притворившись единомышленниками Клемента, они посетили его, предложили ему денег и уверили в своей преданности и готовности разделить с ним опасности. Они поступили как им было приказано. Затем, выждав ночь, когда он остался без всякой охраны, и взяв с собою достаточно сильный отряд, они связали Клемента и, заткнув ему рот кляпом, доставили во дворец. Рассказывают, что на вопрос Тиберия, как же он стал Агриппою, Клемент ответил: «Так же, как ты — Цезарем». Его не смогли принудить выдать сообщников. И Тиберий, не решившись открыто казнить Клемента, повелел умертвить его в одном из глухих помещений дворца, а труп тайно вынести. И хотя говорили, что многие придворные,

а также всадники и сенаторы снабжали Клементя средствами и помогали ему советами, дальнейшего расследования произведено не было.

41. В конце года близ храма Сатурна²⁵ была освящена арка по случаю возвращения потерянных при гибели Вара значков, отбитых под начальством Германика при верховном руководстве Тиберия; на берегу Тибра, в садах, завещанных народу диктатором Цезарем, был также освящен храм в честь богини Фортуны, а в Бовиллах — святилище рода Юлиев и статуя божественному Августу.

В консульство Гая Целия и Луция Помпония, в седьмой день до июньских календ,²⁶ Цезарь Германик справил триумф над херусками, хаттами, ангривариями и другими народами, какие только ни обитают до реки Альбис. Везли добычу, картины, изображавшие горы, реки, сражения; вели пленных; и хотя Тиберий не дал Германику закончить войну, она была признана завершенной. Особенно привлекали взоры зрителей прекрасная внешность самого полководца и колесница, в которой находилось пятеро его детей. Многие, однако, испытывали при этом затаенные опасения, вспоминая, что всеобщее поклонение не принесло счастья его отцу Друзу, что его дядя Марцелл еще совсем молодым был похищен смертью у горячей народной преданности; что недолговечны и несчастливы любимцы римского народа.

42. Впрочем, Тиберий роздал от имени Германика по триста сестерциев на человека и выдвинул себя ему в сотоварищи на время его консульства. Но не добившись этим веры в искренность своей любви и привязанности к Германику, он порешил удалить молодого человека под видом почестей и для этого измыслил уважительные причины или, быть может, ухватился за случайно представившиеся. Царь Архелай пятидесятый год владел Каппадокией и был ненавистен Тиберию, так как в бытность того на Родосе не оказал ему никакого внимания. Поступил же Архелай таким образом не из надменности, но вследствие предостережения приближенных Августа, ибо пока был в силе Гай Цезарь, посланный тогда на Восток для устроения дел, дружба с Тиберием считалась небезопасной. Завладев после пресечения рода Цезарей императорской властью, Тиберий заманил Архелая написанным Августой письмом, в котором, не умалчивая о нанесенных сыну обидах, она предлагала ему его милость, если он прибудет, чтобы ее испросить. И Архелай, не заподозрив коварства или опасаясь насильственных действий, если поймут, что он его разгадал, поспешил отправиться в Рим; неприязненно принятый принцепсом и затем обвиненный в сенате, он преждевременно завершил дни своей жизни, то ли по своей воле, то ли по велению рока, но не потому, чтобы сознавал за собой приписываемые ему мнимые преступления, а от охватившей его тревоги, старческого изнурения и оттого, что царям непривычно пребывать даже на положении равного, не говоря уже об униженном положении. Царство его было превращено в провинцию, и Цезарь, заявив, что доходы с нее позволяют снизить налог, составлявший до этого одну сотую с торгового

оборота, повелел ограничиться в будущем одной двухсотой. Тем временем скончались Антиох, царь коммагенский, и Филопатор, царь киликийский, что вызвало среди их народов волнения, причем большинство выражало желание, чтобы ими правили римляне, а остальные — чтобы их собственные цари; тогда же провинции Сирия и Иудея, обремененные непомерно большими поборами, обратились с ходатайством о снижении податей.

43. Итак, Тиберий выступил перед сенаторами с изложением всего этого, а также того, что я уже упоминал об Армении, утверждая, что со смутю на Востоке может справиться лишь мудрость Германика; ведь сам он уже в преклонных летах, а Друз еще не вполне достиг зрелого возраста. Тогда сенат вынес постановление, которым Германик назначался правителем всех заморских провинций, располагая, куда бы он ни направился, большею властью, нежели та, какою обычно наделялись избранные по жребию или назначенные по повелению принцепса. Вместе с тем Тиберий отстранил от управления Сирией Кретика Силана, связанного свойством с Германиком, так как дочь Силана была помолвлена с Нероном, старшим из сыновей Германика, и поставил на его место Гнея Пизона, человека неукротимого нрава, не способного повиноваться; эту необузданность он унаследовал от отца, того Пизона, который во время гражданской войны своею кипучей деятельностью немало помог в борьбе против Цезаря враждовавшей с ним партии, когда она снова поднялась в Африке, и который, примкнув затем к Бруту и Кассию, после того как получил разрешение возвратиться, упорно воздерживался от соискания государственных должностей, пока его не уговорили принять предложенное ему Августом консульство. Впрочем, помимо унаследованного им от отца духа строптивости, гордыня его находила для себя обильную пищу в знатности и богатстве его супруги Планцины; он едва подчинялся Тиберию, а к детям его относился с пренебрежением, ставя их много ниже себя. Он несколько не сомневался, что Тиберий остановил на нем выбор и поставил во главе Сирии с тем, чтобы пресечь надежды Германика. Некоторые считали, что и Тиберий дал ему тайные поручения, но не подлежит сомнению то, что Августа, преследуя Агриппину женским соперничеством, восстановила против нее Планцину. Ибо весь двор был разделен на два противостоящих друг другу стана, молчаливо отдававших предпочтение или Германику, или Друзу. Тиберий благоволил к Друзу, так как тот был его кровным сыном; холодность дяди усиливала любовь к Германику со стороны всех остальных; этому же способствовало и то, что он стоял выше Друза знатностью материнского рода, имея своим дедом Марка Антония и двоюродным дедом — Августа.²⁷ Напротив, прадед Друза Помпоний Аттик, простой римский всадник, считался недостойным родословной Клавдиев,²⁸ да и супруга Германика Агриппина превосходила числом рожденных ею детей и доброю славой Ливию, жену Друза. Впрочем, братья жили в примерном согласии, и распри близких несколько не отражались на их отношениях.

44. Вскоре Друз был отправлен в Иллирию; это было сделано для того, чтобы он освоился с военной службой и снискал расположение войска; Тиберий считал, что молодого человека разумнее держать в лагере, вдали от соблазнов столичной роскоши, а вместе с тем что и сам он обеспечит себе большую безопасность, если легионы будут распределены между обоими его сыновьями. В качестве предлога Тиберий воспользовался просьбою свебов помочь им против херусков, ибо, после ухода римлян, избавившись от страха перед внешним врагом, оба племени, как это постоянно случается у германцев, а на этот раз борясь к тому же за первенство, обратили друг против друга оружие. Силы этих племен и доблесть властвовавших над ними вождей были равны; однако титул царя, который носил Маробод, был ненавистен его соплеменникам, тогда как Арминий, отстаивая свободу, находил повсюду сочувствие и поддержку.

45. Таким образом, в войну со свебами вступили не только херуски и их союзники — давние воины Арминия, — но и примкнувшие к нему, отмежевавшись от Маробода, свебские племена семнонов и лангобардов. После их присоединения Арминий был сильнее противника, если бы к Марободу не перешел с отрядом зависимых от него воинов Ингвиомер, сделавший это не по какой-либо иной причине, как только из-за того, что, приходясь Арминию дядей и будучи в летах, он не желал повиноваться молодому племяннику, сыну своего брата. Войска устремляются в бой с равною надеждою на успех; и германцы не бросаются беспорядочно на врага, как это некогда бывало у них, и не дерутся нестройными толпами; ибо за время длительной войны с нами они научились следовать за значками, приберегать силы для решительного удара и повиноваться военачальникам; и вот Арминий, верхом объезжая войско и наблюдая за ходом сражения, напоминает каждому отряду, что не кто иной, как он, Арминий, возвратил им свободу и уничтожил римские легионы, и указывает при этом на захваченные у римлян оружие и доспехи, которыми все еще пользовались многие из его воинов; Маробода он называет жалким трусом, уклонявшимся от сражений и укрывавшимся в чаще Герцинского леса, впоследствии добившимся посредством даров и посольств заключения мира с римлянами, предателем родины, заслуживающим, чтобы его отвергли с такою же беспощадностью, с какою они истребляли легионы Квинтилия Вара. Пусть они вспомнят о стольких битвах, исход которых, равно как и последовавшее затем изгнание римлян, в достаточной мере показывают, кто взял верх в этой войне.

46. И Маробод также не воздерживался от самовосхваления и поношений врага: держа за руку Ингвиомера, он заявлял, что в нем одном воплощена вся слава херусков и что победа была достигнута исключительно благодаря его советам и указаниям; между тем Арминий — человек безрасудный и в делах совершенно несведущий — присваивает чужую славу, ибо коварным образом завлек три заблудившихся легиона и их

полководца,²⁹ не подозревавшего об обмане, что, однако, навлекло на Германию великие бедствия, а на него самого — позор, поскольку его жена и сын все еще томятся в рабстве.³⁰ А он, Маробод, выдержав натиск двенадцати легионов, во главе которых стоял сам Тиберий,³¹ сохранил непомеркнувшей славу германцев, а затем заключил мир на равных условиях, и он отнюдь не раскаивается, что теперь зависит от них самих, предпочтут ли они новую войну с римлянами или бескровный мир. Помимо этих речей, которыми были распалены оба войска, у них были и собственные причины, побудившие их к столкновению, ибо херуски и лангобарды сражались, отстаивая былую славу или только что обретенную ими свободу, а их противники — ради усиления своего владычества. Никогда прежде они не устремлялись друг против друга с такой яростью, и никогда исход боя не оставался столь же неясным; ожидали, что сражение разразится с новой силой, но Маробод отошел на возвышенности, где и расположился лагерем. Это свидетельствовало о том, что он потерпел поражение; лишившись в конце концов из-за большого числа перебежчиков почти всего своего войска, он отступил в пределы маркоманов и отправил послов к Тиберию с мольбою о помощи. Ему ответили, что он не вправе призывать римское войско для борьбы против херусков, так как ничем не помог в свое время римлянам, сражавшимся с тем же врагом. Впрочем, как мы уже сообщили, ради пресечения этих усобиц отправили Друза.

47. В том же году были разрушены землетрясением двенадцать густо населенных городов Азии, и так как это произошло ночью, бедствие оказалось еще неожиданнее и тяжелее. Не было спасения и в обычном в таких случаях бегстве на открытое место, так как разверзшаяся земля поглощала бегущих. Рассказывают, что осели высочайшие горы; вспучилось то, что было дотоле равниной; что среди развалин полыхали огни. Больше всего пострадали жители Сард, и они же удостоились наибольших милостей со стороны Цезаря, ибо он пообещал им десять миллионов сестерциев и на пять лет освободил от всех платежей, которые они вносили в государственное казначейство или в казну императора. Жители Магнесии, что поблизости от горы Сипил, чей город пострадал почти так же, как Сарды, получили сходное вспомоществование. Было принято постановление освободить на тот же срок от уплаты податей жителей Темна, Филадельфии, Эги, Аполлониды, тех, кого называют мостенцами или македонскими гирканами, а также города Гиерокесарию, Мирину, Киму и Тмол, и послать к ним сенатора, который на месте ознакомился бы с их положением и оказал необходимую помощь. Избран был для этого Марк Атей, бывший претор, так как Азией управлял бывший консул; тем самым устранялась опасность соперничества между людьми равного звания, из-за чего могли бы возникнуть нежелательные помехи.

48. Эту благородную щедрость в делах общественных Цезарь укрепил милостивыми пожалованиями, доставившими ему не меньшую бла-

годарность: имущество Эмилии Музы, на которое притязала императорская казна, так как эта богатая женщина не оставила завещания, он уступил Эмилию Лепиду, поскольку умершая принадлежала, по-видимому, к его роду, а наследство после состоятельного римского всадника Пантулея, хотя ему самому в нем была отказана доля, отдал Марку Сервилию по более раннему и не внушавшему подозрения завещанию, единственному, как он узнал, наследнику Пантулея, причем, объясняя свое решение, Тиберий сказал, что знатности того и другого нужно оказать денежную поддержку. И вообще он принимал наследство только в том случае, если считал, что заслужил его своею дружбой, и решительно от него отказывался, если оно было завещано человеком, ему неизвестным, питавшим вражду ко всем прочим и лишь поэтому назначившим своим наследником принцепса. Облегчая честную бедность людей добродетельных, он вместе с тем удалил из сената — или не возражал, чтобы они ушли из него по своей воле, — заведомых расточителей или впавших в нужду по причине распутства, а именно Виблидия Варрона, Мария Непота, Аппия Аппиана, Корнелия Суллы и Квинта Вителлия.

49. Тогда же Тиберий освятил обветшавшие или пострадавшие от огня древние храмы, восстановление которых было начато Августом: храм Либеру, Либере и Церере возле Большого цирка,³² построенный по обету диктатора Авла Постумия, находящийся там же храм Флоре, возведенный эдилами Луцием и Марком Публициями, и святилище Янусу, сооруженное близ Овощного рынка³³ Гаем Дуилием, первым из римлян одержавшим победу на море и удостоенным морского триумфа над карфагенянами. Храм Надежде был освящен Германиком. — обет построить его дал во время той же войны Авл Атилий.

50. Закон об оскорблении величия приобретал между тем все большую силу: на его основании доносчик привлек к ответственности внуку сестры Августа Аппулею Вариллу, которая, как он утверждал, издевалась в поносных словах над божественным Августом и Тиберием, равно как и над его матерью, и, кроме того, являясь родственницей Цезаря, пребывала в прелюбодейной связи. Что касается прелюбодеяния, то сочли, что оно в достаточной мере наказуется по закону Юлия,³⁴ но оскорбление величия Цезарь потребовал выделить и, подвергнув особому разбирательству, покарать Аппулею, если она действительно отзывалась непочтительно о божественном Августе; за сказанное ему, Тиберию, в поношение он не желает преследовать ее по суду. На вопрос консула, каково будет его решение касательно того, что обвиняемая якобы говорила о его матери, Цезарь ничего не ответил; на следующем заседании сената он попросил, однако, от имени матери не вменять кому-либо в вину слова, сказанные против нее. В конце концов он снял с Вариллы обвинение в оскорблении величия; он также ходатайствовал о том, чтобы за прелюбодеяние ей не было назначено чрезмерно сурового наказания, и посоветовал, чтобы, последовав в этом примеру предков, ее выслали за двухсотый миллиарий от Рима

Прелюбодеею Манлию было запрещено проживать в Италии, а также в Африке.

51. В связи с назначением претора на место умершего Випстана Галла разгорелась борьба. Германик и Друз (оба тогда еще были в Риме) поддерживали родственника Германика Гатерия Агриппу;³⁵ напротив, большинство настаивало на том, чтобы из числа кандидатов предпочтение было отдано наиболее многодетному, что отвечало и требованиям закона.³⁶ Тиберий радовался, что сенату приходится выбирать между его сыновьями и законом. Закон, разумеется, был побежден, но не сразу и незначительным большинством голосов, как побеждались законы и в те времена, когда они еще обладали силою.

52. В том же году в Африке началась война, возглавляемая со стороны неприятеля Такфаринатом. Нумидиец родом, он служил в римском лагере во вспомогательном войске; бежав оттуда, он принялся ради грабежа и захвата добычи набирать всякий привычный к разбою сброд, а затем, создав по принятому в войске обыкновению отряды пеших и конных, стал вождем уже не беспорядочной шайки, как это было вначале, но целого племени мусуламиев. Племя это, значительное и сильное, обитавшее близ африканских пустынь и тогда совершенно не знавшее городской жизни, взялось за оружие и вовлекло в войну с нами соседних мавританцев, которыми предводительствовал Мазиппа. Неприятельское войско было разделено на две части: Такфаринат держал в лагере отборных и вооруженных на римский лад воинов, приучая их к дисциплине и повиновению, тогда как Мазиппа, неожиданно налетая с легковооруженными, жег, убивал и сеял повсюду ужас. Они успели подбить на то же самое и кинифиев, народ немалочисленный и отнюдь не слабый, когда проконсул Африки Фурий Камилл повел на врага легион вместе с воинами вспомогательных войск, какие только у него были, — ничтожную силу, если сравнить ее с множеством нумидийцев и мавританцев; и все же римский военачальник больше всего опасался, как бы враги из страха не уклонились от битвы. Но надежда на победу привела их к поражению. Итак, легион располагается посередине, а по флангам — когорты легковооруженных и два конных отряда. Такфаринат не отказался от боя. Нумидийцы были разбиты, и вновь после долгих лет имя Фуриев украсилось воинской славою. Ибо после знаменитого освободителя Рима³⁷ и его сына Камилла полководческая слава принадлежала другим родам, да и сам Фурий, про которого мы здесь вспоминаем, считался человеком, в военном деле несведущим. Тем охотнее Тиберий превознес в сенате его деяния, а сенаторы присудили ему триумфальные почести, что, по причине неприятельского образа жизни Камилла, прошло для него безнаказанно.

53. В следующем году Тиберий получил консульство в третий раз, Германик — вторично. В эту должность, однако, он вступил в ахейском городе Никополе, куда прибыл, следуя вдоль иллирийской побережья, чтобы повидать брата, находившегося в Далмации, после тяжелого пла-

ванья сначала по Адриатическому, а затем Ионическому морю. В Никополе он провел несколько дней, пока чинились корабли его флота; вместе с тем он побывал в Актийском заливе и посетил знаменитый храм, построенный Августом на вырученные от продажи добычи средства,³⁵ а также места, где находился лагерь Антония, вспоминая о своих предках. Ибо, как я уже говорил, Август был ему дядей, Антоний — дедом, и там пред ним постоянно витали великие образы радости и скорби. Отсюда направился он в Афины, где в честь союзного, дружественного и древнего города оставил при себе только одного ликтора. Греки приняли его с изысканнейшими почестями, непрерывно превознося дела и слова своих предков, чтобы тем самым придать большую цену расточаемой ими лести.

54. Отплыв затем на Эвбею, он переправился оттуда на Лесбос, где Агриппина родила ему Юлию, своего последнего ребенка. Потом, пройдя мимо крайней оконечности Азии, он посещает фракийские города Перинф и Бизантий, минует пролив Пропонтиды и достигает выхода в Понт, движимый желанием познакомиться с этими древними и прославленными молвою местами; одновременно он пытается успокоить и ободрить провинции, изнуренные внутренними раздорами и утеснениями со стороны магистратов. На обратном пути дувший навстречу северный ветер помешал ему добраться до Самофраки, где он хотел увидеть тамошние священнодействия.³⁹ Итак, посетив Илион и осмотрев в нем все, что было достойно внимания как знак изменчивости судьбы и как памятник нашего происхождения,⁴⁰ он снова направляется в Азию и пристает к Колофону, чтобы выслушать прорицания Кларосского Аполлона. Здесь не женщина, как принято в Дельфах, но жрец, приглашаемый из определенных семейств и почти всегда из Милета, осведомляется у желающих обратиться к оракулу только об их числе и именах; затем, спустившись в пещеру и испив воды из таинственного источника, чаще всего не зная ни грамоты, ни искусства стихосложения, жрец излагает складными стихами ответы на те вопросы, которые каждый мысленно задал богу. И рассказывали, что Германику иносказательно, как это в обычае у оракулов, была возведена преждевременная кончина.

55. Между тем Гней Пизон, торопясь приступить к осуществлению своих целей, обрушивается со злобною речью на испуганный его стремительным появлением город афинян, задев в ней косвенным образом и Германика, слишком ласково, по его мнению, обошедшегося не с подлинными афинянами, которые истреблены столькими бедствиями, а с носящим то же название сбродом племен и народов: ведь это они заодно с Митридатом пошли против Суллы,⁴¹ заодно с Антонием — против божественного Августа. Он упрекал их также за прошлое, за их неудачи в борьбе с македонянами,⁴² за насилия, которые они чинили над своими согражданами,⁴³ питая при этом и личную неприязнь к их городу, так как, невзирая на его просьбы, они не простили некоего Теофила, осужденного за подлог ареопагом.⁴⁴ Затем, поспешно совершив плаванье с заходом на Киклады и

всячески сокращая путь по морю, Пизон настагает у острова Родоса Германика, для которого не было тайною, с какими нападками тот обрушился на него; но Германик повел себя с таким великодушием, что, когда разразившаяся буря понесла Пизона на скалы и гибель его могла бы найти объяснение в случайном несчастье, Германиком были высланы на помощь ему триремы, благодаря чему тот избежал кораблекрушения. Это, однако, нисколько не смягчило Пизона, и, едва переждав один день, он покинул Германика и, опережая его, отправился дальше. Прибыв в Сирию и встав во главе легионов, щедрыми раздачами, заискиванием, потворством самым последним из рядовых воинов, смещая вместе с тем старых центурионов и требовательных трибунов и назначая на их места своих ставленников или тех, кто отличался наиболее дурным поведением, а также терпя праздность в лагере, распущенность в городах, бродяжничество и своеволие воинов в сельских местностях, он довел войско до такого всеобщего разложения, что получил от толпы прозвище «Отца легионов». Да и Пландина не держалась в границах того, что прилично для женщин, но присутствовала на учениях всадников, на занятиях когорт, поносила Агриппину, поносила Германика, причем кое-кто даже из добпорядочных воинов изъявлял готовность служить ей в ее кознях, так как ходили смутные слухи, что это делается не против воли самого принцепса. Все это было известно Германику, но он считал своей первой заботой как можно скорее прибыть к армянам.

56. Этот народ испокон века был ненадежен и вследствие своего душевного склада, и вследствие занимаемого им положения, так как земли его, гранича на большом протяжении с нашими провинциями, глубоко вклиниваются во владения мидян; находясь между могущественнейшими державами, армяне по этой причине часто вступают с ними в раздоры, ненавидя римлян и завидуя парфянам. Царя в то время, по устранении Вонона, они не имели;⁴⁵ впрочем, благоволение народа склонялось к сыну понтийского царя Полемона Зенону, так как, усвоив с раннего детства обычаи и образ жизни армян, он своими охотами, пиршествами и всем, что в особой чести у варваров, пленил в равной мере и придворных, и простолыдинов. Итак, Германик в городе Артаксате, с полного одобрения знатных и при стечении огромной толпы, возложил на его голову знаки царского достоинства. Присутствовавшие, величая царя, нарекли его Артаксием, каковое имя они дали ему по названию города. Между тем жители Каппадокии, преобразованной в римскую провинцию, приняли правителем легата Квинта Верания; при этом, чтобы породить надежду, что римское управление окажется более мягким, были снижены кое-какие из царских налогов; над жителями Коммагены, тогда впервые подчиненной преторской власти, ставится правителем Квинт Сервей.

57. И хотя государственные дела были успешно улажены, Германика это не радовало из-за заносчивости Пизона, который пренебрег его приказанием либо самому привести часть легионов в Армению, либо отпра-

вить их со своим сыном. Встретились они только в Кирре, зимнем лагере десятого легиона, — оба с непроницаемыми и бесстрастными лицами, — Пизон, чтобы показать, что он ничего не боится, Германик — чтобы не выдать своего раздражения: ведь он был, как я уже сказал, мягким и снисходительным. Но злокозненные друзья, стремясь разжечь в нем вражду, преувеличивали в своих сообщениях правду, нагромождали ложь и всеми возможными способами чернили в его глазах и Пизона, и Пландину, и их сыновей. Наконец, в присутствии нескольких приближенных, Цезарь, стремясь подавить в себе гнев, первым обратился к Пизону; тот принес извинения, в которых, однако, чувствовались упорство и своеволие: и они разошлись с открытой обоюдной ненавистью. После этого Пизон редко бывал в трибунале, заседавшем под председательством Цезаря, а когда ему все же случалось присутствовать на его заседаниях, был мрачен и всем своим видом выражал несогласие. А однажды, когда на пиру у царя набатеев Цезарю и Агриппине были предложены массивные золотые венки, а Пизону и остальным — легковесные, он громко сказал, что это пиршество дается не в честь сына царя парфян, а в честь сына римского принцепса, и, оттолкнув от себя венки, добавил многое в осуждение роскоши, что, сколь бы неприятным оно ни было для Германика, тот молча стерпел.

58. Между тем явились послы от парфянского царя Артабана. Он направил их ради того, чтобы они напомнили римскому полководцу о дружбе и договоре и заявили о его, Артабана, желании возобновить прежние связи: стремясь оказать Германику честь, он прибудет, помимо того, к берегам Евфрата; а пока он просит о том, чтобы Вонон не оставался более в Сирии и не подстрекал к смуте вождей парфянских племен, посылая своих людей в близлежащие местности. Германик в достойных словах отозвался о союзе римлян с парфянами, а на сообщение о приезде царя и о воздании ему, Германику, почестей ответил любезно и скромно. Вонон был удален в Помпейополь, приморский город Киликии. Цезарь сделал это, не только идя навстречу просьбам царя, но и с тем, чтобы задеть Пизона, который был весьма расположен к Вонону, пленившему Пландину многочисленными услугами и подарками.

59. В консульство Марка Силана и Луция Норбана Германик отбывает в Египет для ознакомления с его древностями. Впрочем, он ссылался на необходимость позаботиться об этой провинции и, действительно, открыв государственные хлебные склады, снизил благодаря этому цены на хлеб и сделал много добра простому народу; здесь он повсюду ходил без воинской стражи, в открытой обуви и в таком же плаще, какой носили местные греки, подражая в этом Публию Сципиону,⁴⁶ который, как мы знаем, сходным образом поступал в Сицилии, невзирая на то, что война с Карфагеном была еще в полном разгаре. Тиберий, слегка попеняв Германику за его одежду и образ жизни, суровейшим образом обрушился на него за то, что, вопреки постановлению Августа, он прибыл в Алек-

сандрию, не испросив на это согласия принцепса. Ибо Август наряду с прочими тайными распоряжениями во время своего правления, запретив сенаторам и виднейшим из всадников приезжать в Египет без его разрешения, преградил в него доступ, дабы кто-нибудь, захватив эту провинцию и ключи к ней на суше и на море⁴⁷ и удерживая ее любыми ничтожно малыми силами против огромного войска, не обрек Италию голоду.

60. Но Германик, еще не зная о том, что его поездка осуждается принцепсом, отплыл из города Канопы по Нилу. Основали этот город спартанцы, похоронившие здесь корабельного кормчего, прозывавшегося Канопом, что произошло в те времена, когда Менелай, возвращаясь в Грецию, был отброшен бурей в противоположащее море, к земле Ливии. Затем Германик направился в ближайший отсюда рукав реки, посвященный Геркулесу, относительно которого туземные жители утверждают, что он родился в этих местах и является древнейшим их обитателем и что те, кто позднее обладал такою же доблестью, были наречены его именем; посетил Германик и величественные развалины древних Фив. На обрушившихся громадах зданий там все еще сохранялись египетские письмена, свидетельствующие о былом величии, и старейший из жрецов, получив приказание перевести эти надписи, составленные на его родном языке, сообщил, что некогда тут обитало семьсот тысяч человек, способных носить оружие, что именно с этим войском царь Рамсес овладел Ливией, Эфиопией, странами мидян, персов и бактрийцев, а также Скифией и что, сверх того, он держал в своей власти все земли, где живут сирийцы, армяне и соседящие с ними каппадокийцы, между Вифинским морем, с одной стороны, и Ликийским — с другой. Были прочитаны надписи и о податях, налагавшихся на народы, о весе золота и серебра, о числе вооруженных воинов и коней, о слоновой кости и благовониях, предначавшихся в качестве дара храмам, о том, какое количество хлеба и всевозможной утвари должен был поставлять каждый народ, — и это было не менее внушительно и обильно, чем взимаемое ныне насилем парфян или римским могуществом.

61. Но Германик обратил внимание и на прочие чудеса Египта, из которых главнейшими были вытесанное из камня изображение Мемнона, издающее, когда его коснутся солнечные лучи, громкий звук, похожий на человеческий голос,⁴⁸ пирамиды наподобие гор среди сыпучих и непроходимых песков, возведенные иждивением соревнующихся царей, озеро,⁴⁹ искусно вырытое в земле и принимающее в себя полые нильские воды, и еще находящиеся в другом месте теснины, через которые пробивается Нил, здесь настолько глубокий, что никому не удастся измерить его глубину. Отсюда он прибыл на Элефантину и в Сиену, некогда пограничные твердыни Римского государства, которое простирается ныне вплоть до Красного моря.

62. Пока для Германика это лето проходило во многих провинциях, Друз, подстрекая германцев к раздорам, чтобы довести уже разбитого

Маробода до полного поражения, добился немало для себя славы. Был между готонами знатный молодой человек по имени Катувальда, в свое время бежавший от чинимых Марободом насилий и, когда тот оказался в бедственных обстоятельствах, решившийся ему отомстить. С сильным отрядом он вторгается в пределы маркоманов и, соблазнив подкупом их вождей, вступает с ними в союз, после чего врывается в столицу царя и расположенное близ нее укрепление. Тут были обнаружены захваченная свебами в давние времена добыча, а также маркитанты и купцы из наших провинций, которых — каждого из своего края — занесли во вражескую страну свобода торговли, жажда наживы и, наконец, забвение родины.

63. Для Маробода, всеми покинутого, не было другого прибежища, кроме милосердия Цезаря. Переправившись через Дунай там, где он протекает вдоль провинции Норик, он написал Тиберию, — однако, не как изгнанник или смиренный проситель, но как тот, кто все еще помнит о своем былом положении и достоинстве: хотя его, некогда прославленного властителя, призывают к себе многие племена, он предпочел дружбу римлян. На это Цезарь ответил, что пребывание в Италии, если он пожелает в ней оставаться, будет для него почетным и безопасным; если же его обстоятельства сложатся по-иному, он сможет покинуть ее так же свободно, как прибыл. В сенате, однако, Тиберий доказывал, что ни Филипп для афинян, ни Пирр или Антиох для народа римского не представляли столь грозной опасности. Сохранилась речь Тиберия, в которой он говорит о могуществе этого человека, о неукротимости подвластных ему племен, о том, как близко от Италии находится этот враг, и сообщает о мерах, которые он предполагает принять, чтобы его сокрушить. И Маробода поселили в Равенне, всячески давая понять, что ему будет возвращена царская власть, если свебы начнут своевольничать; но он в течение восемнадцати лет не покидал пределов Италии и состарился там, немало омрачив свою славу чрезмерной привязанностью к жизни. Сходной оказалась и судьба Катувальды, и убежище он искал там же, где Маробод. Изгнанный несколько позже силами гермундулов, во главе которых стоял Вибиллий, и принятый римлянами, он был отправлен в Форум Юлия, город в Нарбоннской Галлии. Сопровождавшие того и другого варвары, дабы их присутствие не нарушило спокойствия мирных провинций, размещаются за Дунаем между реками Маром и Кузом, и в цари им дается Ванний из племени квадов.

64. Получив одновременно известие о том, что Германик поставил Артаксию царем над армянами, сенаторы постановили предоставить Германику и Друзу триумфальное вступление в Рим. По бокам храма Марсу Мстителю были возведены арки с изображениями обоих Цезарей; и Тиберию, достигшему мира разумным ведением дел, он принес большую радость, чем если бы война была закончена на поле сражения. Таким образом, он решает действовать хитростью и против царя Фракии Рескупорида. Всеми фракийцами правил ранее Реметалк; после его кончины власть

над одной частью фракийцев Август отдал его брату Рескупориду, а над другой — его сыну Котису. При этом разделе пашни и города — все, что находится по соседству с греками, — отошло к Котису, тогда как все невозделанное, дикое и граничащее с врагами — Рескупориду; различны были и нравы самих царей; первый был уступчив и мягок, тогда как второй — свиреп, жаден и неуживчив. Все же вначале они жили в притворном согласии; но затем Рескупорид стал понемногу выходить за пределы своих земель, присваивать отданное во владение Котису, а если тот оказывал сопротивление, то и применять против него насилие; при жизни Августа, который предоставил царства и тому, и другому и пред которым Рескупорид испытывал страх, так как он мог бы его покарать за самоуправство и ослушание, действия его были нерешительны и осторожны, но, прослышав о смене принцепса, он принялся засылать в царство Котиса шайки разбойников и разрушать его крепости, выискивая поводы к открытой войне.

65. Ни о чем Тиберий так не тревожился, как о том, чтобы не нарушалось улаженное. Он выбирает центуриона и велит ему возвестить обоим царям, чтобы они прекратили вооруженные споры, после чего Котис немедленно распустил набранные им вспомогательные отряды. Рескупорид, лицемерно изображая покорность воле Тиберия, предлагает Котису выбрать место, где бы они могли встретиться, чтобы разрешить распри посредством переговоров. Они быстро пришли к соглашению о времени, месте, а потом и об условиях мира, так как один из миролюбия, а другой из коварства уступали и шли навстречу друг другу. Рескупорид, ведя речь о закреплении договора, устраивает пир и посреди веселья, затянувшегося до поздней ночи, налагает оковы на Котиса, который беззаботно пил за пиршественным столом, а когда, наконец, раскрылось вероломство Рескупорида, тщетно пытался воззвать к его совести, напоминая ему о святости царского сана, о том, что они одного и того же рода и поклоняются тем же богам, о законах гостеприимства. Завладев всею Фракией, Рескупорид написал Тиберию, что против него строились козни и он предупредил коварного злоумышленника; вместе с тем под предлогом войны против бастарнов и скифов он укрепил свои силы вновь набранными всадниками и пехотинцами. На это Цезарь в сдержанных выражениях ответил ему, что, если он не обманывает, то может положиться на свою невинность; впрочем, ни он сам, ни сенат, не рассмотрев дела, не могут решить, на чьей стороне право и кто допустил насилие; поэтому пусть, передав римлянам Котиса, он выезжает в Рим, чтобы отстранить от себя возможное обвинение.

66. Это письмо пропретор Мезии Латиний Пандуса отправил во Фракию с воинами, которым Рескупорид должен был передать Котиса. Колеблясь между страхом и злобой, Рескупорид в конце концов предпочел быть обвиненным не в задуманном только, но в уже совершенном злодеянии: он велит убить Котиса и измышляет, будто тот сам себя лишил жизни.

Цезарь, однако, не изменил полюбившемуся ему образу действий, и после смерти Пандусы, на которого Рескупорид жаловался, что тот питает к нему неприязнь, назначил правителем Мезии старого воина Помпония Флакка, остановившись на нем главным образом потому, что, связанный с царем тесною дружбою, он был наиболее пригодным, чтобы его обмануть.

67. Флакк прибыл во Фракию и, надавав царю далеко идущие обещания, склонил его, несмотря на колебания, которые вызывало в нем сознание своей преступности, посетить вместе с ним пограничное укрепление римлян. Здесь царя под видом почетной охраны окружил сильный отряд, и трибуны с центурионами стали завлекать его сначала приглашениями и уговорами, а когда отошли подальше, прибегая и к более откровенному принуждению, и, наконец, осознавшего, что он попал в западню, повезли в Рим. Обвиненный в сенате женою Котиса, он присуждается к изгнанию из своего царства. Фракия была поделена между сыном его Реметалком, о котором было известно, что он не одобрял козней отца, и детьми Котиса, и так как они были тогда малолетними, к ним приставили бывшего претора Требеллена Руфа, чтобы тот некоторое время правил за них, подобно тому как наши предки послали в Египет Марка Лепида опекать детей Птолемея. Рескупорида отправили в Александрию, и там он был убит, то ли пытаясь бежать, то ли по чьему-то навету.

68. В это самое время Вонон, об удалении которого в Киликию я упоминал выше, предпринял попытку перебежать в Армению, чтобы перебраться оттуда к альбанам и гениохам и далее к своему родичу царю скифов. Отдалившись под предлогом охоты от моря, он укрылся в чаще горных лесов, а затем, используя резвость своего коня, примчался к реке Пираму; но на реке не оказалось мостов, так как, прослышав о бегстве царя, их разрушили местные жители, а переправа через нее вброд была невозможна. На берегу этой реки он и был схвачен Вибием Фронтоном, префектом всадников, и здесь же ветеран Ремий, который был прежде приставлен к царю, чтобы за ним надзирать, якобы придя в ярость, пронзил его насмерть мечом. Принимая во внимание все обстоятельства, более вероятно, однако, что, будучи пособником этого преступления, он умертвил Вонона, страшась его показаний.

69. На обратном пути из Египта Германик узнал, что все его распоряжения, касавшиеся войска и городов, или отменены, или заменены противоположными. Отсюда — тяжкие упреки, которые он обрушивал на Пизона и не менее ожесточенные выпады последнего против Цезаря. Наконец, Пизон решил удалиться из Сирии. Болезнь Германика задержала, однако, его отъезд, и, когда его известили, что Германик поправился и что в городе выполняют обеты, данные ради его исцеления, он разгоняет, послав своих ликторов, жертвенных животных у алтарей, тех, кто совершал жертвоприношения, и толпу участвующих в праздничном торжестве антиохийцев. После этого он отбывает в Селевкию, где ждет исхода бо-

лезни, снова одолевшей Германика. Свирепую силу недуга усугубляла уверенность Германика в том, что он отравлен Пизоном; и действительно, в доме Германика не раз находили на полу и на стенах извлеченные из могил остатки человеческих трупов, начертанные на свинцовых табличках заговоры и заклятия и тут же — имя Германика, полуобгоревший прах, сочащийся гноем, и другие орудия ведовства, посредством которых, как считают, души людские препоручаются богам преисподней. И тех, кто приходил от Пизона, обвиняли в том, что они являются лишь затем, чтобы выведать, стало ли Германику хуже.

70. Все это наполняло Германика столько же гневом, сколько и тревогою: если его порог осаждают, если придется испустить дух на глазах у врага, то какая же участь уготована его несчастной жене, его малолетним детям? Действие яда Пизону, видимо, кажется чересчур медленным: он спешит и торопит, чтобы единолично властвовать над провинцией, над легионами. Но Германик еще в состоянии постоять за себя, и убийца не извлечет выгоды из своего злодеяния. И он составляет письмо, в котором отказывает Пизону в доверии; многие утверждают, что в нем, сверх того, Пизону предписывалось покинуть провинцию. И Пизон, не задерживаясь, отплывает на кораблях, но умышленно замедляет плаванье, чтобы поскорее вернуться, если смерть Германика снова откроет перед ним Сирию.

71. На короткое время Цезарь проникся надеждою, но вскоре силы его иссякли, и, видя близкую кончину, он обратился к находившимся возле него друзьям с такими словами: «Если бы я уходил из жизни по велению рока, то и тогда были бы справедливы мои жалобы на богов, преждевременной смертью похищающих меня еще совсем молодым у моих родных, у детей, у отчизны; но меня злодейски погубили Пизон и Планцина, и я хочу запечатлеть в ваших сердцах мою последнюю просьбу: сообщите отцу и брату, какими горестями терзаемый, какими кознями окруженный, я закончил мою несчастливую жизнь еще худшею смертью. Все, кого связывали со мною возлагаемые на меня упования, или кровные узы, или даже зависть ко мне живому, все они будут скорбеть обо мне, о том, что, дотоле цветущий, пережив превратности стольких войн, я пал от коварства женщины. Вам предстоит подать в сенат жалобу, воззвать к правосудию. Ведь первейший долг дружбы — не в том, чтобы проводить прах умершего бесплодными сетованиями, а в том, чтобы помнить, чего он хотел, выполнить все, что он поручил. Будут скорбеть о Германике и люди незнакомые, но вы за него отомстите, если питали преданность к нему, а не к его высокому положению. Покажите римскому народу мою жену, внучку божественного Августа, назовите ему моих шестерых детей. И сочувствие будет на стороне обвиняющих, и люди не поверят и не простят тем, кто станет лживо ссылаться на какие-то преступные поручения».⁵⁰ И друзья, касаясь руки умирающего, поклялись ему в том, что они скорее испустят последнее дыхание, чем пренебрегут отмщением.

72. Затем, повернувшись к жене, он принялся ее умолять, чтобы она, чтя его память и ради их общих детей, смирила свою заносчивость, склонилась пред злобною судьбой и, вернувшись в Рим, не раздражала более сильных, соревнуясь с ними в могуществе. Это было сказано им перед всеми, а оставшись с нею наедине, он, как полагали, открыл ей опасность, угрожающую со стороны Тиберия. Немного спустя он угасает, и вся провинция и живущие по соседству народы погружаются в великую скорбь. Оплакивали его и чужеземные племена, и цари: так ласков был он с союзниками, так мягок с врагами; и внешность, и речь его одинаково внушали к нему глубокое уважение, и, хотя он неизменно держался величаво и сдержанно, как подобало его высокому сану, он был чужд недоброжелательства и надменности.

73. Похоронам Германика — без изображений предков, без всякой пышности — придала торжественность его слава и память о его добродетелях. Иные, вспоминая о его красоте, возрасте, обстоятельствах смерти и, наконец, также о том, что он умер поблизости от тех мест, где окончилась жизнь Александра Великого, сравнивали их судьбы. Ибо и тот, и другой, отличаясь благородною внешностью и знатностью рода, прожили немногим больше тридцати лет, погибли среди чужих племен от коварства своих приближенных; но Германик был мягок с друзьями, умерен в наслаждениях, женат единственный раз и имел от этого брака законных детей; а воинственностью он не уступал Александру, хотя и не обладал его безрассудной отвагою, и ему помешали поработить Германию, которую он разгромил в стольких победоносных сражениях. Будь он самодержавным вершителем государственных дел, располагая царскими правами и титулом, он настолько быстрее, чем Александр, добился бы воинской славы, насколько превосходил его милосердием, воздержностью и другими добрыми качествами. Перед сожжением обнаженное тело Германика было выставлено на форуме антиохийцев, где его и предали огню; проступили ли на нем признаки отравления ядом, осталось невыясненным, — ибо всякий, смотря по тому, скорбел ли он о Германике, питая против Пизона предвзятое подозрение, или, напротив, был привержен Пизону, толковал об этом по-разному.

74. Затем легаты и оказавшиеся налицо другие сенаторы стали совещаться о том, кому поручить управление Сирией. И так как все остальные не очень стремились к этому назначению, его долго оспаривали между собой Вибий Марс и Гней Сенций, пока Марс не уступил старшему возрастом и более настойчивому Сенцию. И Сенций, по настоянию Вителлия, Верания и других, собиравших доказательства и готовившихся предъявить обвинение, как если бы дело шло об уже изобличенных преступниках, отправил в Рим известную в этой провинции и чрезвычайно любимую Планциной смесительницу ядов Мартину.

75. Агриппина, изнуренная горем и страдающая телесно и все же нетерпимая ко всему, что могло бы задержать мщение, поднимается с пра-

хом Германика и детьми на один из кораблей отплывавшего вместе с ней флота, провожаемая общим состраданием: женщина выдающейся знатности, еще так недавно счастливая мать семейства, окруженная общим уважением и добрыми пожеланиями, она несла теперь, прижимая к груди, останки супруга, неуверенная, удастся ли ей отомстить, страшась за себя и подверженная стольким угрозам судьбы в своей многодетности, не принесшей ей счастья. Между тем Пизона у острова Коса настигает известие о кончине Германика. Приняв его с торжеством, он устраивает жертвоприношения и посещает храмы, не скрывая своих истинных чувств, а Планцина ведет себя еще непристойнее и, сняв тогда впервые траурную одежду, которую носила по случаю смерти сестры, сменяет ее на нарядное платье.

76. Между тем к Пизону стекались центурионы и убеждали его в готовности легионов оказать ему всяческую поддержку: ему нужно только вернуться в провинцию, отнятую у него незаконно и все еще не имеющую правителя. На совещании, которое он собрал, чтобы решить, как следует действовать, его сын Марк Пизон предложил поспешить в Рим: еще не сделано никаких непоправимых шагов и нечего опасаться ни вздорных подозрений, ни пустой болтовни. Раздоры с Германиком могут, пожалуй, навлечь на его отца ненависть, но они не подлежат наказанию; к тому же отнятие у него провинции вполне удовлетворило его врагов. Но если он туда возвратится, то вследствие сопротивления Сенция дело не обойдется без гражданской войны, а центурионы и воины недолго будут оставаться на его стороне, так как возьмет верх еще свежая память об их полководце и глубоко укоренившаяся преданность Цезарям.

77. Напротив, Домиций Целер, один из ближайших друзей Пизона, настаивал, что нужно использовать случай: Пизон, а не Сенций поставлен правителем Сирии, и ему вручены фасции, преторская власть и легионы. Если туда вторгнется враг, то кому же еще отражать его силой оружия, как не тому, кто получил легатские полномочия и особые указания? Со временем толки теряют свою остроту, а побороť свежую ненависть чаще всего не под силу и людям, ни в чем неповинным. Но если Пизон сохранит за собой войско, укрепит свою мощь, многое, что не поддается предвидению, быть может, обернется по воле случая в лучшую сторону. «Или мы поторопимся, чтобы причалить одновременно с прахом Германика, чтобы тебя, Пизон, невыслушанного и не имевшего возможности отвести от себя обвинение, погубили при первом же твоем появлении рыдания Агриппины и невежественная толпа? Августа — твоя сообщница, Цезарь благоволит к тебе, но негласно; и громче всех оплакивают смерть Германика те, кто наиболее обрадован ею».

78. Неизменно склонный к решительным мерам, Пизон легко присоединяется к этому мнению и в письме, отосланном им Тиберию, обвиняет Германика в высокомерии и чрезмерно роскошном образе жизни:

изгнанный Германиком из провинции, чтобы не мешать ему в осуществлении государственного переворота, он снова и с прежнею преданностью берет на себя попечение о войсках. Одновременно он приказывает Домицию отплыть на триreme в Сирию, держа курс мимо островов и подалее от берега. Тем временем Пизон распределяет собравшихся у него перебежчиков по манипулам, вооружает нестроевых, и, переправившись кораблями на материк, перехватывает подразделение шедших в Сирию новобранцев, и пишет киликийским царькам, чтобы они помогли ему своими отрядами; в этих военных приготовлениях принимает участие и молодой Марк Пизон, не разделявший, однако, взгляда, что нужно открыть военные действия.

79. Следуя вдоль берегов Ликии и Памфилии, они встретились с кораблями, сопровождавшими Агриппину, и обе стороны схватились было за оружие, но вследствие страха, который они друг другу внушали, дело ограничилось перебранкой, причем Марс Вибий вызвал Пизона в Рим для судебного разбирательства. Тот насмешливо ответил ему, что, разумеется, не замедлит туда прибыть, как только ведающим делами об отравлениях претором будет назначен день явки подсудимому и обвинителем. Между тем Домиций, пристав к сирийскому городу Лаодикее, направился на зимние квартиры шестого легиона,⁵¹ так как считал его наиболее пригодным для осуществления своих планов, но его опередил легат Пакувий. Сенций обращается к Пизону с письмом, в котором сообщает ему об этом и увещевает его не возбуждать лагерь засылкою в него возмутителей, а провинцию — военными действиями. Собрав всех, о ком ему было известно, что они чтят память Германика или враждебны его врагам, он настойчиво убеждает их в том, что Пизон поднимает оружие на величие императора, на Римское государство; и Сенций выводит навстречу Пизону сильный и готовый к бою отряд.

80. Несмотря на неудачи, постигавшие Пизона в его начинаниях, он не упустил случая обезопасить себя, насколько это было возможно при сложившихся обстоятельствах, и занял сильную киликийскую крепость Келендерий; пополнив перебежчиками, недавно перехваченными новобранцами и рабами, своими и Планцины, присланные ему на помощь царьками отряды киликийцев, он довел численность своих сил до уровня легиона. Он заверял своих, что его, легата Цезаря, не пускают в провинцию, отдавшую ему в управление, не воины легионов (ибо они и призвали его возвратиться), но Сенций из личной ненависти к нему, которую он прикрывает ложными обвинениями. Так пусть же они выйдут на поле боя — ведь легионеры не станут сражаться, когда поймут, что Пизон, кого они еще так недавно звали своим отцом,⁵² одержит верх, если спор будет решаться на основании права, и не бессилен, если — оружием. Затем он располагает свои манипулы у стен крепости на обрывистом и крутом холме, — с других сторон ее окружало море. Против них стояли построенные боевыми порядками ветераны и резервы; здесь было преимущество в выучке воинов, там — в труднодоступной местности, но у тех, кто ее

занимал, не было ни боевого пыла, ни веры в успех, ни даже оружия, кроме того, каким располагают сельские жители, или изготовленного наспех. Когда враги сошлись врукопашную, исход битвы мог вызывать сомнение лишь до тех пор, пока когорты римлян не вышли на ровное место; киликийцы бежали и заперлись в крепости.

81. Между тем Пизон тщетно попытался овладеть флотом, ожидавшим недалеко исхода сражения; возвратившись к стенам крепости, он, то ударяя себя в грудь, то называя по имени римских воинов и суля им награды, старался склонить их к измене и успел привести их в такое смущение, что значконосец шестого легиона перешел к нему со значком. Тогда Сенций приказал трубить в рожки и трубы, устремиться к валу, установить лестницы и наиболее храбрым и ловким пойти на приступ, а всем остальным, используя метательные машины, осыпать врага дротиками, камнями и горящими факелами. Когда, наконец, упорство защитников было сломлено, Пизон стал просить, чтобы, по сдаче оружия, ему было дозволено оставаться в крепости, пока не придет указание Цезаря, кому править Сирией. Эти условия были, однако, отклонены, и единственное, что было ему предоставлено, — это корабли и безопасное возвращение в Рим.

82. А в Риме, лишь только стали доходить вести о болезни Германика, как все доходящие издалека, до последней степени мрачные, воцарились общая скорбь и гнев, а порой прорывались и громкие сетования. Для того, очевидно, и сослали его на край света, для того и дали Пизону провинцию; вот к чему привели тайные совещания Августы с Планциною. И сущую правду говорили старики относительно Друза: не по нраву пришлась властителям приверженность к народоправству их сыновей, и их погубили не из-за чего-либо иного, как только за то, что они замыслили вернуть римскому народу свободу и уравнять всех в правах. Весть о смерти Германика настолько усилила в толпе эти толки, что прежде указа властей, прежде сенатского постановления все погружается в траур, пустеют площади, запираются дома. Повсюду безмолвие, прерываемое стенаниями, нигде ничего показного; если кто и воздерживается от внешних проявлений скорби, то в душе горюет еще безутешнее. Случилось так, что купцы, выехавшие из Сирии, когда Германик был еще жив, привезли более благоприятные вести о его состоянии. Этим вестям сразу поверили, и они тотчас же распространились по всему городу; и всякий, сколь бы непроверенным ни было то, что он слышал, сообщает добрую новость каждому встречному, а те передают ее, приукрашивая от радости, в свою очередь, дальше. Люди носятся по всему городу, взламывает двери храмов, и ночь немало способствует их легковерию, так как во мраке всякий скорее поддается внушению. Тиберий не пресекал ложных слухов, предоставив им рассеяться с течением времени; и народ погрузился в еще большую скорбь, как если бы Германик был у него отнят вторично.

83. Между тем для Германика были придуманы почести, какие только могла внушить каждому в меру его изобретательности любовь к умершему, и сенат постановил следующее: чтобы имя Германика провозглашалось в песнопении салиев; чтобы всюду, где отведены места для жрецов августалов, были установлены курульные кресла⁵³ Германика с дубовыми венками над ними; чтобы перед началом цирковых зрелищ было пронесимо его изображение из слоновой кости; чтобы фламины⁵⁴ или авгуры, выдвигаемые на его место, избирались только из рода Юлиев. К этому были добавлены триумфальные арки в Риме, на берегу Рейна и на сирийской горе Амане, с надписями, оповещавшими о его деяниях и о том, что он отдал жизнь за отечество; гробница в Антиохии, где его тело подверглось сожжению, и траурный постамент в Эпидафне, где он скончался. И нелегко перечислить все его статуи и места поклонения его памяти. Но когда было предложено поместить большой золотой щит с его изображением среди таких же изображений столпов римского красноречия,⁵⁵ Тиберий решительно заявил, что он посвятит Германику щит такой же и того же размера, что и все остальные: ведь красноречие оценивается не по высокому положению в государстве, и пребывать среди древних писателей — уже само по себе достаточно почетно. Сословие всадников присвоило имя Германика тому сектору амфитеатра, который носил название Сектора младших, и, кроме того, постановило, чтобы в июльские иды отряды всадников следовали позади его статуи. Большая часть упомянутого сохраняется в силе и по сейчас, кое-что сразу же было заброшено или забылось за давностью лет.

84. Немного позднее, при все еще свежей печали по случаю смерти Германика, сестра его Ливия, жена Друза, родила двух младенцев мужского пола.⁵⁶ Событие это, редкое и приносящее радость даже в простых семьях, наполнило принцепса таким ликованием, что он не удержался, чтобы не похвалиться им перед сенаторами, подчеркивая, что ни у кого из римлян такого сана не рождались до этого близнецы: ведь решительно все, — даже случайное, он неизменно обращал во славу себе. При сложившихся обстоятельствах народу, однако, и это доставило огорчение, ибо он опасался, как бы Друз, обогатившись потомством, не оттеснил еще больше семью Германика.

85. В том же году были изданы строгие указы сената против распутного поведения женщин и строжайше воспрещено промышлять своим телом тем, чьи деды, отцы или мужья были римскими всадниками. Поводом было то, что Вистилия, дочь претора, объявила эдилам, что занимается проституцией,⁵⁷ — поступила же она так в соответствии с принятым у наших предков обыкновением, согласно которому достаточной карю для продажных женщин почиталось их собственное признание в своем позоре. Были потребованы и от Титидия Лабеона,⁵⁸ мужа Вистилии, объяснения, почему он не наказал, согласно закону, свою изобличенную в непотрбстве жену. И так как в свое оправдание он сослался на то,

что предоставленные ему по закону шестьдесят дней на обдумывание еще не прошли, сочли достаточным принять постановление против Вистилии, и она была сослана на остров Сериф. Обсуждался и вопрос о запрещении египетских и иудейских священнодействий, и сенат принял постановление вывезти на остров Сардиния четыре тысячи зараженных этими суевериями вольноотпущенников,⁵⁹ пригодных по возрасту для искоренения там разбойничьих шаек, полагая, что если из-за тяжелого климата они перемерут, то это не составит большой потери; остальным предписывалось покинуть Италию, если до определенного срока они не откажутся от своих нечестивых обрядов.

86. После этого Цезарь сообщил о необходимости избрать девственницу на место Окции, которая в течение пятидесяти семи лет с величайшим благочестием руководила священнодействиями весталок; при этом он выразил благодарность Фонтю Агриппе и Домицию Поллиону за то, что, предлагая взамен нее своих дочерей, они соревновались в преданности государству. Предпочтение было отдано дочери Поллиона, ибо супружеские узы ее родителей продолжали пребывать нерушимыми, тогда как Агриппа расторжением первого брака нанес урон доброй славе своей семьи. Цезарь, впрочем, утешил отвергнутую, даровав ей приданое в раз-
мере миллиона сестерциев.

87. Вследствие жалоб народа на дороговизну хлеба Тиберий, установив цену, которую должен был платить покупатель, объявил, что хлебо-
торговцы будут получать от него дополнительно по два нумма за модий.⁶⁰ Предложенный ему за это и предлагавшийся ранее титул отца отечества он, однако, не принял и высказал суровое порицание тем, кто называл его почетом о народе божественным, а его самого — государем. Вот почему любое высказывание в присутствии принцепса, которому свобода внушала страх, а лезть — подозрения, бывало сдержанным и настороженным.

88. У историков и сенаторов того времени я нахожу сообщение о письме предводителя хаттов Адгандестрия, которое было оглашено в сенате и в котором он предлагал умертвить Арминия, если ему пришлют яду, чтобы он мог осуществить это убийство; Адгандестрию было отвечено, что римский народ отмщает врагам, не прибегая к обману, и не тайными средствами, но открыто и силой оружия. Благодарством ответа Тиберий сравнял с древними полководцами, запретившими отравить царя Пирра и открывшими ему этот замысел. Впрочем, притязая после ухода римлян и изгнания Маробода на царский престол, Арминий столкнулся со свободолюбием соплеменников; подвергшись с их стороны преследованию, он сражался с переменным успехом и пал от коварства своих приближенных. Это был, бесспорно, освободитель Германии, который выступил против римского народа не в пору его младенчества, как другие цари и вожди, но в пору высшего расцвета его могущества, и хотя терпел иногда поражения, но не был побежден в войне. Тридцать семь лет он прожил,

двенадцать держал в своих руках власть; у варварских племен его воспевают и посейчас; греческие анналы его не знают, так как их восхищает только свое, римские — уделяют ему меньше внимания, чем он заслуживает, ибо, превознося старину, мы недостаточно любопытны к недавнему прошлому.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1. Ни разу не прервав плавания по бурному зимнему морю, Агриппина прибывает на остров Коркиру, лежащий против побережья Калабрии. Объятая горем и неспособная с ним совладать, она проводит там несколько дней, чтобы восстановить душевные силы. Между тем, прослышав о скором ее прибытии, ближайшие из друзей и множество воинов, служивших под начальством Германика, а также многие, никогда не видавшие его прежде обитатели расположенных недалеко муниципиев, иные — полагая, что этим они выполняют свой долг перед принцепсом, иные — последовав их примеру, устремляются в город Брундизий, так как для плывущей в Италию Агриппины тут было всего ближе и удобнее высадиться на сушу. Едва флот показался в открытом море, как толпой заполняются не только гавань и набережные: люди облепляют укрепления и крыши домов, они всюду, откуда открывался вид на далекое расстояние, и, погруженные в печаль, спрашивают друг друга, как пристойнее встретить сходящую с корабля Агриппину — безмолвием или каким-либо возгласом. И все еще оставалось нерешенным, что здесь уместнее, когда флот стал медленно подходить к месту причала; не весело и размахисто, как принято в таких случаях, заносили весла гребцы, но все было проникнуто глубокою печалью. Когда же, сойдя на берег вместе с двумя детьми и погребальной урной в руках, Агриппина вперила взор в землю, раздался общий стон, и нельзя было отличить, исходят ли эти стенания от близких или от посторонних, от мужчин или женщин; но встречающие превосходили в выражении своего еще свежего горя измученных длительной скорбью спутников Агриппины.

2. Тиберий прислал в Брундизий две преторианские когорты и, кроме того, повелел магистратам Калабрии, Апулии и Кампании воздать последние почести памяти его сына. В соответствии с этим прах Германика несли трибуны с центурионами; им предшествовали нечищенные¹ и лишенные украшений значки и опущенные вниз фасции; и, когда шествие проходило через колонии, простой народ в черном и облачившиеся в трабеи² всадники, смотря по достатку места, сжигали ценные ткани, благовония и все, что предусмотрено похоронным обрядом. Выходили навстречу и жители остававшихся в стороне городов; принося жертвы душам усопших³

и воздвигая им жертвенники, они изливали свою печаль в слезах и горестных восклицаниях. Друз с теми детьми Германика, которые оставались в Риме,⁴ и его братом Клавдием проследовал в Таррацину. Погребальное шествие заполнило дорогу. Тут были консулы Марк Валерий и Марк Аврелий (они успели уже вступить в должность), сенат и значительная часть населения Рима, которые шли нестройной толпой; никто не сдерживал слез, и никакой лести здесь не было, так как все хорошо знали, что Тиберий обрадован смертью Германика и едва это скрывает.

3. Тиберий с Августою не показались в народе, то ли считая, что унижат свое величие, предаваясь горю у всех на виду, то ли боясь обнаружить свое лицемерие под столькими устремленными на их лица взглядами. Ни у историков, ни в «Ежедневных ведомостях»⁵ я не нашел никакого упоминания о том, чтобы мать Германика Антония принимала заметное участие в погребальном обряде, тогда как все прочие кровные родственники, не говоря уж об Агриппине, Друзе и Клавдии, упомянуты поименно; быть может, ей помешала болезнь, быть может, ее сломленная горем душа не могла вынести лицемерия столь большого несчастья. Я склонен скорее думать, что Тиберий с Августой, которые не покидали дворца, умышленно не пустили ее на похороны, чтобы могло казаться, будто бабка и дядя скорбят одинаково с матерью и что их всех удерживает дома одна и та же причина.

4. В день, когда останки Германика были переносимы в гробницу Августа,⁶ то царило мертвенное безмолвие, то его нарушали рыдания: улицы города были забиты народом, на Марсовом поле пылали факелы. Там воины в боевом вооружении, магистраты без знаков отличия, народ, распределенный по трибам, горестно восклицали, что Римское государство погибло, что надеяться больше не на что — так смело и так открыто, что можно было подумать, будто они забыли о своих повелителях. Ничто, однако, так не задело Тиберия, как вспыхнувшая в толпе любовь к Агриппине: люди называли ее украшением родины, единственной, в ком струится кровь Августа,⁷ непревзойденным образцом древних нравов, и, обратившись к небу и богам, молили их сохранить в неприкосновенности ее отпрысков и о том, чтобы они пережили своих недоброжелателей.

5. Были и такие, кто находил, что общенародные похороны на счет государства могли бы быть более пышными, и сравнивал их с великолепием погребальных почестей, оказанных Августом отцу Германика Друзу. Ведь в разгар зимы он проехал вплоть до Тицина и, не отходя от тела покойного, вместе с ним вступил в Рим; катафалк окружали изображения Клавдиев и Юлиев; умершего почтили оплакиванием на форуме, хвалебной речью с ростральных трибун; было исполнено все завещанное от предков и добавленное позднейшими поколениями; а Германику не воздали даже тех почестей, которые полагаются всякому знатному. Правда, из-за дальности расстояния его тело было кое-как сожжено на чужбине; но если случайные обстоятельства не позволили своевременно окружить

его должным почетом, то тем более подобало выполнить это впоследствии. Да и брат его выехал только на день пути, а дядя — до городских ворот.⁸ Где же обычаи древности, где выставляемая у погребального ложа посмертная маска, где стихи, сложенные для прославления его памяти, где слезы или хотя бы притворное выражение горя?

6. Это стало известно Тиберию, и, чтобы пресечь толки в народе, он напомнил ему особым эдиктом, что множество прославленных римлян отдало жизнь за отечество, но ни о ком не сокрушались столь безутешно, как о Германике. Это было бы великою честью и для него, и для всех, если бы соблюдалась должная мера. Но мужам, занимающим высокое положение, и народу-повелителю не пристало уподобляться рядовым семьям и малым общинам. Свежему горю приличествовали стенания, и оно утолялось трауром; однако пора обрести былую душевную твердость, как это сделали некогда, подавив печаль, божественный Юлий, понесший утрату единственной дочери, и божественный Август, потеряв внуков.⁹ Нет нужды обращаться к более древним примерам, — сколько раз римский народ стойко переносил поражения своих войск, полное истребление знатных родов. Правители смертны — государство вечно. Поэтому пусть они возвращаются к повседневным занятиям и — так как близкились театральные представления на празднествах в честь Великой Матери¹⁰ — не отказываются также от удовольствий.

7. По снятии траура все вернулись к своим делам, и Друз выехал к иллирийскому войску. Но ненависть к Пизону не улеглась: со всех сторон раздавались требования обрушить на него кару, и часто слышались сетования на то, что он объезжает прелестные местности Азии и Ахайи, нагло и коварно затягивая возвращение в Рим, чтобы тем временем уничтожить доказательства своих преступлений. И в самом деле, распространился слух, что знаменитая отравительница Мартина, высланная в Италию, как я уже говорил, Гнеем Сенцием, умерла внезапною смертью в Брундизии, причем в ее убранных узлом волосах нашли припрятанный ею яд, однако на ее теле не было обнаружено следов отравления.

8. Послав впереди себя сына и поручив ему дать принцепсу объяснения, которые могли бы того смягчить, сам Пизон между тем направляется к Друзу, рассчитывая найти в нем скорее признательность за устранение соперника, чем ненависть за умерщвление брата. Тиберий, желая показать, что он далек от предвзятости, принял молодого человека радушно и одарил его с такою же щедростью, какая была обычна по отношению к сыновьям знатных семейств. Но Друз заявил Пизону, что если обвинения против него справедливы, никто не принес ему столько горя, как он; впрочем, он, Друз, предпочел бы, чтобы они оказались пустыми и лживыми и смерть Германика не повела к чьей-либо гибели. Это было высказано в присутствии многих, а от беседы наедине Друз уклонился; и в то время не сомневались, что такое поведение ему предписал Тибери-

рий, ибо, обычно бесхитростный и по-молодому податливый, он на этот раз прибегнул к стариковским уловкам.

9. Переплыв Далматинское море и оставив корабли у Анконы, Пизон направился через Пицен и далее по Фламиниевой дороге и нагнал легион, следовавший из Паннонии в Рим, а оттуда в Африку для усиления находившегося там войска. Много толковали о том, что Пизон часто показывался в дороге двигавшимся походным порядком воинам. Из Нарнии, чтобы избежать подозрений или, может быть, потому, что у тех, кто охвачен тревогою, решения переменчивы, Пизон спустился по Нару и затем по Тибру, но еще больше воспротивился против себя народ и тем, что его судно причалило возле гробницы Цезарей,¹¹ и тем, что в самое оживленное время дня, когда берег был заполнен людьми, на глазах у всех прошествовал вместе с Планциной, он — сопровождаемый большою толпой клиентов, она — целою вереницею женщин, — и оба с веселыми лицами. Ненависть к нему распаляло и то, что его возвышавшийся над форумом дом был украшен по-праздничному и в нем собрались на пиршество гости, а вследствие людности места все происходившее в нем было у всех на виду.

10. На следующий день Фульциний Трион потребовал Пизона к ответу перед консулами. Этому воспротивились Вителлий, Вераний и другие из находившихся при Германике, заявившие, что Трион — лицо постороннее, а сами они не в качестве обвинителей, но рассказывая и свидетельствуя обо всем происшедшем, выполняют данное им Германиком поручение. Трион, отказавшись от своего требования, добился разрешения обвинять Пизона за его предыдущие преступления, и принцепса попросил взять на себя их расследование. Ничего не имел прогив этого и обвиняемый, который боялся враждебности сенаторов и народа, а вместе с тем знал, что Тиберий располагает достаточной властью, чтобы пренебречь слухами, и к тому же связан причастностью к этому делу собственной матери: одному судье легче отличить истину от клеветы, а если их много, над ними всеильны зависть и ненависть. Но Тиберий не обманывался в трудности такого расследования и в том, какая молва шла о нем самом. Итак, выслушав в присутствии всего нескольких приближенных нападки со стороны обвиняющих и просьбы — с другой, он полностью передал это дело сенату.

11. Между тем возвратился из Иллирии Друз, и, хотя за переход к нам Маробода и совершенные прошлым летом деяния сенат назначил ему гриумфальное вступление в Рим, он въехал в него безо всякой торжественности, на время отложив эти почести. После этого обвиняемый обращался к Луцию Аррунцию, Публию Виницию, Азинию Галлу, Эзернину Марцеллу и Сексту Помпею, прося их себе в защитники, но так как они под разными предлогами отказались, защищать его взялись Маний Лепид, Луций Пизон и Ливиней Регул; Рим проникся настороженным ожиданием: насколько друзья Германика окажутся верны его памяти,

насколько уверенно поведет себя подсудимый, сможет ли Тиберий в достаточной степени сдержать и подавить свои чувства. Возбуждение народа достигло крайних пределов: никогда прежде не позволял он себе столько тайных пересудов о принцепсе и столько молчаливых подозрений.

12. На заседании сената Цезарь выступил со сдержанной, тщательно продуманной речью. Пизон был легатом и другом его отца, и по совету сената он, Цезарь, дал его в помощь Германику для устройства дел на Востоке. Раздражал ли там Пизон молодого человека своим упрямством и препирательствами и только ли радовался его кончине или злодейски его умертвил — это требует беспристрастного разбирательства. «Ибо, если он превышал как легат свои полномочия и не повиновался главнокомандующему, радовался его смерти и моему горю, я возненавижу его и отдаю от моего дома, но за личную враждебность не стану мстить властью принцепса. Однако если вскрыется преступление, состоящее в убийстве кого бы то ни было и подлежащее каре, доставьте и детям Германика, и нам, родителям, законное утешение. Подумайте и над тем, разлагал ли Пизон легионы, подстрекал ли их, заискивал ли пред воинами, домогаясь их преданности, пытался ли силой вернуть утраченную провинцию, или все это — ложь и раздуто его обвинителями, чрезмерное рвение коих я по справедливости осуждаю. Ибо к чему было обнажать тело покойного, делая его зрелищем толпы, к чему распускать, к тому же среди чужеземцев, слухи о том, что его погубили отравой, раз это не установлено и посейчас и должно быть расследовано? Я оплакиваю моего сына и буду всегда оплакивать, но я никоим образом не запрещаю подсудимому изложить все, что бы он ни счит нужным, для установления его невиновности или в подтверждение несправедливости к нему Германика, если она и вправду имела место; и прошу вас отнюдь не считать доказанными предъявленные ему обвинения только из-за того, что с этим делом тесно связано мое горе. И вы, защитники, которых ему доставили кровное родство или вера в его правоту, насколько кто сможет, помогите ему в опасности своим красноречием и усердием; к таким же усилиям и такой же стойкости я призываю и обвинителей. Единственное, что мы можем предоставить Германику сверх законов, это — рассматривать дело о его смерти в курии, а не на форуме, перед сенатом, а не пред судьями;¹² во всем остальном пусть оно разбирается в соответствии с заведенным порядком, пусть никто не обращает внимания ни на слезы Друза, ни на мою печаль, ни на распространяемые нам в поношение вымыслы».

13. Затем сенат выносит постановление предоставить два дня обвинителям и три, после шестидневного перерыва, подсудимому для защиты. Тогда Фульциний заводит речь о вещах давних и незначительных, о том, что Пизон управлял Испанией заносчиво и своекорыстно; но ни избличение не могло бы ему повредить, если бы он отвел от себя новые обвинения, ни признание его невиновности — принести ему оправдание, если бы

было доказано, что на его совести более тяжелые преступления. После этого Сервей, Вераний и Вителлий с одинаковым рвением, а Вителлий и с выдающимся красноречием обвинили Пизона в том, что из ненависти к Германику и желания захватить власть он настолько развратил солдатскую массу, попустительствовал ее распушенности и насилиям над союзниками, что наиболее разнузданными из воинов был прозван «Отцом легионов»; и, напротив, беспощадно преследуя всякого исправного воина, и особенно друзей и приближенных Германика, он в конце концов погубил его чарами и отравой; обвинили они Пизона и в нечестивых жертвоприношениях и молебствиях, устроенных им и Планциною, в том, что он поднял оружие на государство и что для того, чтобы он предстал пред судом, его нужно было одолеть на поле сражения.

14. Против большинства обвинений защита была бессильна: Пизон не мог опровергнуть ни заискивания у легионов, ни того, что провинция была отдана им во власть негодяям, ни даже оскорбительных выпадов против главнокомандующего. Единственное, что казалось опровергнутым, — это обвинение в том, что он умертвил ядом Германика, так как даже обвинители, показывавшие, что на пиру у Германика Пизон, возлежа выше него, своими руками отравил ему пищу, не очень настаивали на этом. Ибо казалось в высшей степени невероятным, чтобы среди чужих рабов, на виду у стольких присутствующих, рядом с самим Германиком, он решился на это. Подсудимый предложил подвергнуть пытке его рабов и требовал того же для прислуживавших на пиршестве. Но судьи по разным причинам остались неумолимы: Цезарь — так как провинция была ввергнута в междоусобную распрю, сенат — так как никогда не был до конца убежден, что Германик не погиб от коварства¹³ .. требуя то, что писали, чему Тиберий воспротивился не меньше Пизона. Между тем в народе, собравшемся перед курией, слышались выкрики, что они не выпустят из своих рук Пизона, если он выйдет из сената оправданным. И толпа потащила статуи Пизона к Гемониям¹⁴ и разбила бы их, если бы по приказанию принцепса их не спасли и не водворили на прежние места. Затем Пизона поместили на носилки, и в сопровождении трибуна преторианской когорты он был доставлен к себе, что вызвало в народе противоречивые толки, так как одни считали, что трибун приставлен к нему, чтобы охранять его жизнь, а другие — чтобы предать смерти.

15. Планцину окружала такая же ненависть, но она располагала могущественной поддержкой, и поэтому было неясно, насколько по отношению к ней Цезарь располагает свободой действий. Пока по делу Пизона можно было надеяться на благополучный исход, она не раз заявляла, что не расстанется с ним, какая бы участь его ни постигла, и если так повелит судьба, пойдет с ним на смерть. Но добившись тайным заступничеством Августы прощенья, она начала понемногу отдаляться от мужа и защищать себя обособленно от него. Увидев в этом верное предвестие

гибели, подсудимый стал сомневаться, продолжать ли ему борьбу за свое оправдание, но, вняв настояниям сыновей, укрепился духом и явился в сенат. Стойко вынеся возобновившиеся обвинения, угрозы сенаторов, всеобщую враждебность и озлобление, он ничем не был так утрашен, как видом Тиберия, который, не выказывая ни гнева, ни сострадания, упрямо замкнулся в себе, чтобы не дать обнаружиться ни малейшему проявлению чувства. Возвратившись домой, Пизон некоторое время что-то писал, как бы набрасывая, что он скажет в защитительной речи, и, запечатав, вручил написанное вольноотпущеннику. Затем он уделил обычное время трапезе и отдыху. Поздней ночью, после того как жена вышла из его спальни, он велел запереть двери, и, когда забрезжил утренний свет, его нашли с пронзенным горлом, а на полу лежал меч.

16. Припоминаю, что слышал от стариков, будто в руках у Пизона не раз видели памятную записку, которую он так и не предал гласности, но друзья его говорили, что в ней приводились письма Тиберия и его указания, касавшиеся Германика, и что Пизон готовился предъявить их сенаторам и обличить принцепса, но был обманут Сеяном, надававшим ему лживые обещания; говорили и о том, что он умер не по своей воле, но от руки подосланного убийцы. Не решаясь утверждать ни того, ни другого, я, тем не менее, не счел себя вправе умолчать о рассказах тех, кто дожил до нашей юности. Цезарь, придав лицу печальное выражение, жаловался в сенате, что смертью такого рода хотели вызвать против него ненависть...¹⁵ и принялся допытываться, как Пизон провел последний день и последнюю ночь. И после того как тот, кого он расспрашивал, ответил ему по большей части благоразумно и осторожно, а кое в чем и не очень обдуманно, он оглашает письмо Пизона, составленное приблизительно в таких выражениях: «Сломленный заговором врагов и ненавистью за якобы совершенное мной преступление и бессильный восстановить истину и тем самым доказать мою невиновность, я призываю в свидетели бессмертных богов, что вплоть до последнего моего вдоха, Цезарь, я был неизменно верен тебе и не менее предан твоей матери; и я умоляю вас, позаботьтесь о моих детях, из которых Гней Пизон решительно не причастен к моим поступкам, какими бы они ни были, так как все это время был в Риме, а Марк Пизон убеждал меня не возвращаться в Сирию. И насколько было бы лучше, если б я уступил юноше сыну, чем он — старику отцу! Тем настоятельнее прошу вас избавить его, ни в чем не повинного, от кары за мои заблуждения. В память сорокапятилетнего повиновения, в память нашего совместного пребывания консулами, ценимый некогда твоим отцом, божественным Августом, и твой друг, который никогда больше ни о чем тебя не попросит, прошу о спасении моего несчастного сына». О Планцине он не добавил ни слова.

17. После этого Тиберий снял с молодого человека¹⁶ вину за участие в междоусобной борьбе, оправдывая его приказом отца, которому сын не мог не повиноваться; одновременно он выразил сожаление об участи

столь знатной семьи и даже о печальном конце самого Пизона, сколько бы он его ни заслужил. В защиту Планцины он говорил с чувством неловкости и сознанием постыдности своего выступления, и притом сославшись на просьбу матери, о которой честные люди отзывались в разговорах между собой со все возрастающим негодованием. Итак, бабке позволительно благоволить к той, чьими происками умерщвлен ее внук, видеться с ней, укрывать ее от сената! И одному Германику было отказано в том, что обеспечивается законом всякому гражданину! Цезаря оплакивали Вителлий с Веранием, а Планцину вызволили принцепс с Августой! И теперь ей только и остается, что обратиться свои яды и столь успешно испытанные козни против Агриппины, против ее детей и насытить кровью несчастнейшего семейства превосходную бабу и дядю! Этому подобию судебного разбирательства было отдано два заседания, причем Тиберий настойчиво побуждал сыновей Пизона отстаивать невинность матери. Но так как обвинители и свидетели непрерывно выступали один за другим и никто их не оспаривал, Планцина в конце концов стала вызывать скорее жалость, чем ненависть. Приглашенный первым высказать свое мнение консул Аврелий Котта (ибо, когда по делу докладывал Цезарь, магистраты также привлекались к выполнению этой обязанности)¹⁷ предложил: выскоблить из фастов имя Пизона, часть его имущества конфисковать, часть — передать его сыну Гнею Пизону, которому, однако, надлежит сменить личное имя;¹⁸ Марка Пизона лишить senatorского достоинства и, выдав ему пять миллионов сестерциев, выслать из Рима сроком на десять лет; Планцину, по просьбе Августы, от наказания освободить.

18. Многие в этом приговоре было смягчено принцепсом: он признал неуместным изымать из фастов имя Пизона, раз в них сохраняются имена Марка Антония, пошедшего войной на отечество, и Юла Антония, нанесшего оскорбление дому Августа. Больше того, он избавил от бесчестия Марка Пизона и отдал ему оставшееся от отца имущество, как всегда шепетильный, о чем я уже неоднократно упоминал, во всем, касавшемся денег, а на этот раз к тому же более снисходительный, так как стыдился, что Планцина осталась безнаказанной. Он же отклонил предложение Валерия Мессалина — установить золотую статую в храме Марса Мстигеля, и Цецины Севера — воздвигнуть жертвенник Мщению,¹⁹ заявив, что подобным образом отмечаются победы над внешним врагом, а домашние неурядицы следует таить под покровом печали. Тогда Мессалин предложил принести благодарность Тиберию, Августе, Антонии, Агриппине и Друзу, воздавшим возмездие за Германика, причем он не упомянул Клавдия. И Луций Аспренат перед всем сенатом спросил Мессалина, умышленно ли он его пропустил, после чего имя Клавдия было, наконец, внесено в этот перечень. Чем больше я размышляю о недавнем или давно минувшем, тем больше раскрывается предо мной, всегда и во всем, суетность дел человеческих. Ибо молва, надежды и почитание

предвещали власть скорее всем прочим, чем тому, кому судьба определила стать принцепсом и кого она держала в тени.

19. Спустя несколько дней Цезарь внес предложение о даровании сенатом жреческих званий Вителлию, Веранию и Сервею. Пообещав Фульцинию поддержать его своим голосом на выборах магистратов, он вместе с тем преподал ему совет удерживать свое красноречие от излишней порывистости. На этом закончилось дело о покарании виновных в смерти Германика, о которой не только среди современников, но и в позднейшее время ходили самые разнообразные слухи. Так большие события всегда остаются загадочными, ибо одни, что бы им ни довелось слышать, принимают это за достоверное, тогда как другие считают истину вымыслом, а потомство еще больше преувеличивает и то и другое. Между тем Друз, покинув Рим, чтобы возобновить ауспиции,²⁰ вступил в него вскоре как триумфатор. Спустя несколько дней скончалась его мать Випсания, единственная из детей Агриппы, умершая своей смертью, ибо все остальные были умерщвлены, — кто явно оружием, кто, по общему мнению, — ядом и голодом.²¹

20. В том же году Такфаринат, предыдущим летом, как я указывал, разбитый Камиллом, возобновив войну в Африке, сперва совершает беспорядочные набеги, вследствие его стремительности оставшиеся безнаказанными, а затем принимается истреблять деревни, увозя с собою большую добычу, и, наконец, недалеко от реки Пагида окружает когорту римлян. Начальствовал над укреплением Декрий, усердный и закаленный в походах воин, смотревший на эту осаду как на бесчестье. Решив дать бой на открытом месте, он обратился с увещанием к своим воинам и построил их перед лагерем. При первом же натиске неприятеля когорта была рассеяна, и он, осыпаясь дротиками и стрелами, бросается наперерез бегущим и накидывается на значконосцев, браня их за то, что римские воины показали тыл беспорядочным толпам и дезертирам; получив вскоре затем несколько ран, он устремляется, несмотря на пробитый глаз, навстречу врагу и не перестает драться, пока, покинутый своими, не падает мертвым.

21. Узнав об этом, Луций Апроний (ибо он сменил Камилла в должности проконсула), встревоженный не столько добытой врагами славой, сколько позором своих, прибегает к применявшемуся в те времена крайне редко старинному наказанию: отобрав жеребьевкой каждого десятого из осрамившей себя когорты, он до смерти забивает их палками.²² И эта суровая мера оказалась настолько действенной, что подразделение ветеранов, числом не более пятисот, отогнало то же самое войско Такфарината, напавшее на укрепление, которое называется Тала. В этой битве рядовой воин Руф Гельвий совершил подвиг спасения римского гражданина, и Апроний наградил его ожерельем и почетным копьем. Цезарь пожаловал ему, сверх того, гражданский венец,²³ скорее сетуя на словах, чем на самом деле досадуя, что Апроний не сделал этого своей прокон-

сульской властью. И так как подавленные неудаче нумидийцы не желали осаждать укрепления, Такфаринат повел войну сразу во многих местах, отступая там, где на него наседали, и затем опять появляясь в тылу у римлян. Пока варвары применяли эти уловки, они безнаказанно издевались над терпящими неудачи и утомленными римлянами, но, когда они повернули в приморские области и им, связанным добычей, пришлось осесть в постоянном лагере, Апроний Цезиан, которого отец выслал против них с конницей, когортами вспомогательных войск и добавленными к ним наиболее проворными и ловкими легионерами, успешно сразившись с нумидийцами, изгнал их в пустыню.

22. Между тем в Риме на Лепиду, которая, принадлежа к славному роду Эмилиев, была к тому же правнучкой Луция Суллы и Гнея Помпея, поступает донос, что она обманным образом утверждает, будто родила от бездетного богача Публия Квирина. К этому присоединялись обвинения в прелюбодеянии, отравлениях и в том, что она обращалась к халдеям, имея враждебные семье Цезаря умыслы; защищал подсудимую ее брат Маний Лепид. Квириний, продолжая преследовать ее своей ненавистью и после того как объявил ей развод,²⁴ усилил сострадание к ней, сколь ни была она обесчещена и изобличена в преступлениях. И нелегко было в ходе этого разбирательства распознать истинные помыслы принцепса, — настолько часто он менял и перемежал проявления гнева и милости. Попросив сначала сенат не заниматься разбором обвинения в оскорблении величия, он в дальнейшем склонил бывшего консула Марка Сервилия и прочих свидетелей сообщить в своих показаниях о вещах, которых он якобы не хотел затрагивать. Он же передал содержащихся в военной тюрьме рабов Лепиды в распоряжение консулов, но не допустил, чтобы их под пыткой допрашивали о том, что касалось его семьи. Далее, он воспрепятствовал Друзу, хотя тот был избранным на ближайший год консулом, первому предложить приговор,²⁵ в чем одни усматривали гражданскую скромность и желание освободить остальных от необходимости согласиться с предложением Друза, а некоторые — коварство и злобность: ведь Друз не уступил бы первенства, если бы не имел предписания осудить обвиняемую.

23. В дни публичных игр, прервавших на время судебное разбирательство, Лепида, появившись в театре в сопровождении знатных женщин, принялась с горестными рыданиями взывать к своим предкам и к самому Помпею, чье сооружение и чьи статуи она видела пред собой,²⁶ и вызвала такое к себе сострадание, что присутствовавшие, обливаясь слезами, стали осыпать Квирина угрозами и проклятиями: в угоду бездетному старику темного, никому не ведомого происхождения собираются расправиться с той, которая некогда предназначалась в жены Луцию Цезарю и в невестки божественному Августу. Но затем показаниями подвергнутых пыткам рабов она была изобличена в преступлениях, и сенат присоединился к мнению Рубеллия Бланда, потребовавшего лишить ее воды и огня.²⁷

Это было поддержано Друзом, тогда как другие предлагали более мягкие меры. Из уважения к Скавру, который имел от Лепиды дочь,²⁸ было решено не подвергать ее имущество конфискации. И только тогда Тиберий, наконец, заявил, что он узнал от рабов Квириния о попытке Лепиды отравить мужа.

24. Некоторым утешением в постигших знатные семьи ударах (ведь за короткое время Кальпурнии потеряли Пизона, а Эмилии — Лепиду) было возвращение Децима Силана из рода Юниев. Коротко сообщу об этом случае. Насколько божественный Август был счастлив в делах государственных, настолько же был он несчастлив в семейных своих обстоятельствах из-за распутного поведения дочери, а потом внучки,²⁹ которых он удалил из Рима, наказав их любовников смертью³⁰ или изгнанием. Присвоив этому столь обычному между мужчинами и женщинами проступку грозные наименования святотатства и оскорбления величия, он отступал от снисходительности предков и своих собственных законов. Но об исходе остальных дел этого рода и прочих событиях того времени я буду рассказывать, лишь завершив начатое, если только жизнь моя продлится и я смогу взяться за другие работы.³¹ Хотя Децим Силан, избалованный в любовной связи с внучкою Августа, не был подвергнут суровому наказанию, и принцепс только лишил его своей благосклонности, он понял это как приказание отправиться в ссылку и лишь при Тиберии решился обратиться к сенату и принцепсу с просьбою о прощении, сделал это через своего брата Марка Силана, который благодаря выдающейся знатности и красноречию пользовался большим влиянием. Однако Марку Силану, в присутствии сенаторов приносившему Тиберию благодарность, Тиберий ответил, что рад возвращению его брата из дальнего изгнания и что тот имеет на это право, так как не был сослан ни сенатским постановлением, ни в силу закона, но что он, Тиберий, хорошо помнит о нанесенных его отцу оскорблениях и что с прибытием Силана отнюдь не отменяются распоряжения Августа; Децим Силан жил после этого в Риме, но не был допущен к занятию государственных должностей.

25. После этого рассматривался вопрос о смягчении закона Папия и Поппея, введенного престарелым Августом в дополнение к Юлиеву закону об ограничении прав не состоящих в браке и направленного также к усилению притока средств в государственную казну.³² Однако супружества не стали от этого чаще и детей рождалось не больше, чем прежде, так как против желания оставаться бездетными эта мера оказалась бессилой. Но зато росло число тех, кому угрожала опасность, — ведь каждая семья по навету доносчиков могла подвергнуться разорению, и если раньше она страдала от порчи нравов, то теперь — от законов. Это и побуждает меня подробнее рассказать о первых начатках права и о том, каким образом мы дошли до такого бесконечного множества всевозможных законов.

26. Первородные смертные, не зная еще дурных побуждений, жили без проступков, без злодеяний и поэтому без наказания и стеснений. Не было нужды и в наградах, ибо люди по своим природным качествам стремились к честности; а раз они не желали ничего непозволительного, то ничто и не запрещалось через устрашение карой.³³ Но после того как согласие между ними нарушилось и на смену умеренности и скромности пришли честолюбие и насилие, возникло единодержавие, и у многих народов оно осталось навечно. Но некоторые народы, либо сразу, либо после того как им стали в тягость цари, предпочли управляться законами. Сначала, пока души людей были бесхитростными, — и законы были простыми; самые прославленные молвой — это составленные Миносом для критян, Ликургом для спартанцев и более многочисленные и сложные — написанные Солоном для афинян. У нас Ромул повелевал по своему усмотрению; затем Нума связал народ религиозными обрядами и божественным правом; кое-что было установлено Туллом и Анком; но главным создателем законов, которым должны были подчиняться даже цари, был Сервий Туллий.

27. После изгнания Тарквиния простой народ, чтобы защитить свободу и укрепить согласие, принял многочисленные меры против партии знатных, и были избраны децемвиры, которые, взяв отовсюду все лучшее, составили Двенадцать таблиц — последний свод нелицеприятного права. Ибо последующие законы, хотя и бывали порою направлены против преступников, чаще, однако, проводились насильственно, среди раздоров между сословиями, для достижения недозволенных почестей, для изгнания знаменитых мужей или в других злонамеренных целях. Отсюда — возмутители плебса Гракхи и Сатурнины и не менее щедро именем сената расточавший обещания Друз; отсюда — обольщенные надеждой и вследствие противодействия того же сената обманутые союзники.³⁴ Далее, во время италийской, а затем и гражданской войны³⁵ продолжали принимать многочисленные и противоречащие друг другу законы, пока диктатор Луций Сулла, отменив или изменив предшествующие и добавив еще больше новых, не пресек на короткий срок деятельность этого рода. Вскоре Лепид внес свои мятежные предложения,³⁶ и немного спустя была возвращена трибунам свобода вести за собою народ, куда бы они ни хотели.³⁷ И тут начали появляться указы, относившиеся уже не ко всем, но к отдельным лицам, и больше всего законов было издано в дни наибольшей смуты в республике.

28. Тогда для исправления нравов был избран в третий раз консулом Гней Помпей,³⁸ применивший ради их врачевания средства более пагубные, чем самое зло,³⁹ создавший свои законы и сам же ниспровергнувший их⁴⁰ и потерявший от оружия то, что защищал оружием. Затем началась непрерывная, в течение двадцати лет,⁴¹ усобица, когда не стало ни нравственности, ни правосудия: оставались безнаказанными преступнейшие деяния, а добродетель бывала причиною гибели. Наконец, в шестое свое

консульство Цезарь Август, обеспечив себе прочную власть, отменил сделанные во время триумvirата распоряжения и дал законы, чтобы мы наслаждались миром и нами управлял принцепс. В дальнейшем их пути стали еще крепче; появились надзиратели, по закону Папия и Поппея поощряемые наградами, чтобы римский народ наследовал как общий отец после отказавшихся от преимуществ отцовства выморочное имущество. Но эти надзиратели заходили гораздо дальше, накидывались на Рим, на Италию, на все, где только были римские граждане, и довели многих до разорения. И опасность грозила бы уже всем, если бы Тиберий не назначил по жребию, чтобы справиться с этой бедой, пятерых бывших консулов, пятерых бывших преторов и столько же из прочих сенаторов, и они, устранив многочисленные стеснения, созданные этим законом, не принесли на короткий срок облегчения.

29. Тогда же, представив сенату уже достигшего юношеского возраста Нерона, сына Германика, Тиберий, не без насмешливых перешептываний присутствующих, испросил для него, чтобы, освобожденный от вигинтивирата⁴² и на пять лет раньше установленного законом возраста, он был допущен к квестуре.⁴³ При этом Тиберий ссылался на то, что по ходатайству Августа такое же решение было принято о нем самом и о его брате.⁴⁴ Не сомневаюсь, что и тогда не было недостатка в гайно насмеявшихся над подобными домогательствами, но то было в начале возвышения Цезарей, и старинные установления были еще у всех пред глазами, да и родственные связи пасынков с отчимом менее близки, чем у деда с внуком. Нерону присваивается, сверх того, жреческий сан, и в день, когда он впервые вступил на форум, раздавался конгиарий⁴⁵ простому народу, ликовавшему, что перед ним возмужалый отпрыск Германика. Еще более радостно было встречено бракосочетание Нерона с дочерью Друза Юлией. Но насколько одобрительно отнесся к этому народ, настолько же неприязненно принял он сообщение, что сыну⁴⁶ Клавдия назначается в тести Сеян. Считали, что Тиберий запятнал этим честь своего рода и еще больше возвысил Сеяна, и без того внушавшего подозрения, что он слишком далеко заносится в своих замыслах.

30. В конце года скончались выдающиеся мужи Луций Волузий и Саллюстий Крисп. Волузий принадлежал к древнему роду, не поднявшемуся, однако, выше претуры; что касается его самого, то он достиг консульства, наделялся цензорской властью для проведения выборов всаднических декурий и скопил те богатства, которые так возвеличили и усилили эту семью. Крисп, происходивший из всаднического сословия, был внуком сестры прославленного римского историка Гая Саллюстия, усыновившего его и давшего ему свое имя. Но хотя Криспу был открыт легкий доступ к высшим магистратурам, он последовал примеру Мецената и, не имея сенаторского достоинства, превзошел могуществом многих отпраздновавших триумф или облеченных званием консула. Стремясь к изысканному образу жизни, он отошел от обычаев предков и, окруженный

богатством и роскошью, был склонен к изнеженности. Но при всем этом в нем таилась душевная сила, способная вершить большие дела и тем более бурная и кипучая, чем равнодушнее и бездеятельнее он старался казаться. При жизни Мецената — один из многих, а затем — первый, кому император доверял свои тайны, он был причастен к убийству Агриппы Постума; но на старости лет он скорее по видимости, чем на деле сохранял дружеское расположение принцепса. То же случилось и с Меценатом, потому ли, что волею рока могущество редко бывает незабываемым, или потому, что наступает пресыщение, охватывающее как тех, кто даровал все, что было возможно, так и тех, кому желать больше нечего.

31. Затем следуют четвертое консульство для Тиберия, второе — для Друза, примечательное разделением консульской власти между отцом и сыном. За три года до этого тот же почет был оказан Германику и Тиберию, но дяде это не доставило радости, и они были не так тесно связаны природными узами. В начале того же года Тиберий якобы для укрепления пошатнувшегося здоровья удалился в Кампанию, то ли постепенно подготавливая длительную непрерывную отлучку, то ли для того, чтобы Друз в отсутствие отца единолично отправлял консульские обязанности. И вышло так, что ничтожное дело, вызвавшее, однако, жаркие споры, доставило молодому человеку возможность снискать общее расположение. Бывший претор Домиций Корбулон обратился к сенату с жалобой на знатного молодого человека Луция Суллу, не уступившего ему места во время гладиаторских игр. На стороне Корбулона были его возраст, дедовские обычаи, сочувствие стариков; против него выступали Мамерк Скавр, Луций Аррунций и другие родичи Суллы. С обеих сторон произносились речи; делались ссылки на предков, суровыми указами осуждавших непочтительность молодежи, пока не выступил Друз, сумевший умерить страсти. Кончилось тем, что Корбулону принес извинения дядя и отчим Суллы Мамерк, самый красноречивый из ораторов того времени. Тот же Корбулон, повсюду крича о том, что из-за злоупотреблений подрядчиков и нерадивости магистратов дороги в Италии по большей части совершенно разбиты и приведены в непроезжее состояние, охотно взялся навести в этом деле порядок, что не принесло большой общественной пользы, но оказалось гибельным для весьма многих, с чьим добрым именем и имуществом он беспощадно расправился посредством осуждений и продаж с торга.

32. Немного спустя в присланном сенату письме Тиберий сообщал о набеге Такфарината, снова вызвавшем осложнения в Африке, и велел сенаторам по своему усмотрению избрать для нее проконсула, который знал бы военное дело, отличался крепким здоровьем и мог взять на себя руководство войной. Этот повод был использован Секстом Помпеем для очернения Марка Лепида, который, по его словам, был ленив, беден и являлся позором для своих предков, вследствие чего его не следует допустить к жеребьевке на управление Азией; сенат, однако, не разделяя

этого мнения, считая, что Лепид скорее мягок, чем нерадив, что нужду он унаследовал от отца и что, ничем не запятнав своей знатности, скорее заслуживает похвалы, чем бесчестья. Итак, Лепида направили в Азию, а относительно Африки было вынесено постановление предоставить самому Цезарю выбрать, кому ее поручить.

33. Между тем Цецина Север предложил воспретить уезжающим в провинцию магистратам брать с собой жен; предварительно он несколько раз повторил, что живет с женой в добром согласии, что она шесть раз рожала ему детей и что предлагаемое им в качестве общественного мероприятия он неуклонно соблюдал у себя в семье, оставляя ее в Италии, хотя его сорокалетняя военная служба протекала во многих провинциях. Ведь недаром некогда было вынесено решение не возить с собой женщин ни к союзникам, ни к чужеземцам: присутствие женщин неминуемо связано с осложнениями, из-за их роскоши в мирное время, из-за их страхов — в военное; из-за них римское войско в походе уподобляется кочующей орде варваров. Этот пол не только слабосилен и неспособен к перенесению трудностей, но, если дать ему волю, то и жесток, тщеславен и жаден до власти; они выступают перед воинами, прибирают к рукам центурионов — и вот недавно женщина распорядилась упражнением когорт, боевыми учениями легионов.⁴⁷ Пусть они, сенаторы, сами припомнят, что всякий раз, когда происходят осуждения за лихоимства, в большей части преступлений бывают повинны жены; вокруг них тотчас же собираются худшие люди провинции; женщины предпринимают и совершают всевозможные сделки. Торжественные встречи устраиваются обоим, существуют два претория,⁴⁸ в своих приказах женщины чаще всего упорны и неумеренны, и те, которые некогда были обузданы Оппиевыми и другими законами,⁴⁹ а теперь освободились от этих оков, норовят распоряжаться не только дома и на форуме, но и в войсках.

34. Лишь немногие слушали эту речь с одобрением: большинство перебывало ее, выкрикивая, что этот вопрос не был поставлен на обсуждение и что не Цецине быть судьей в таком деле. С ответом ему выступил Валерий Мессалин, который, будучи сыном Мессалы, в некоторой мере унаследовал отцовское красноречие: многие из суровых установлений древности заменены лучшими и более снисходительными — ведь вокруг Рима уже не свирепствуют, как некогда, войны, и в провинциях не осталось былой враждебности. И если кое-что отпускается на женские нужды, то это не ложится тяжелым бременем на плечи мужей и, тем более, на союзников; всем остальным жена пользуется наравне с мужем, и в мирное время это не мешает ему заниматься своими делами. На войну, разумеется, нужно идти только тем, кто способен носить оружие; но есть ли для возвращающихся после бранных трудов более чистое и добродетельное отдохновение, чем даруемое супругой? Некоторые из них охвачены тщеславием или жадностью? Но разве многие магистраты и сами не подвержены различным страстям? Тем не менее их все-таки посылают

в провинции. Испорченность жен совращает мужей? Но разве всякий холостяк безупречен? Некогда были приняты Оппиевы законы, что было вызвано обстоятельствами, в которых тогда пребывала республика;⁵⁰ кое в чем в них позднее были сделаны послабления и уступки, ибо это требовалось общею пользою. Тщетно прикрывать нашу слабость, выискивая для нее другие названия: если жена в чем бы то ни было преступает должную меру, виноват в этом муж. Далее, несправедливо из-за безволия нескольких отнимать у мужей подруг, делящих с ними и счастье, и горести, и, покидая пол, по природе слабый, предоставлять его собственной неводержанности и чужим вождениям. Ведь и в присутствии мужа едва удастся сохранить нерушимость супружеского союза; что же произойдет, если жены на долгие годы будут забыты, словно они получили развод? Поэтому, противодействуя беспорядкам вне Рима, следует помнить и об охране нравов в самом Риме. Несколько слов было добавлено Друзом, сославшимся на свою семейную жизнь: ведь принципсам приходится посещать отдаленнейшие места империи. Сколько раз божественный Август ездил на Запад и на Восток в сопровождении Ливии! Да и сам Друз выезжал в Иллирию и, если понадобится, отправится и к другим народам, но не всегда хранил бы спокойствие духа, если бы отрывался от своей дорогой супруги и матери стольких его детей. Итак, предложение Цецины было отвергнуто.

35. На ближайшем заседании сената было прочитано письмо Тиберия, в котором, бросив скрытый упрек сенаторам за то, что все заботы они взваливают на принцепса, он называл Мания Лепида и Юния Блеза в качестве кандидатов, одного из которых надлежало избрать проконсулом Африки. После этого были выслушаны выступления их обоих: Лепид с большой настойчивостью уклонялся от этого назначения, ссылаясь на слабость здоровья, малолетних детей, дочь на выданье, но всем было ясно и то, о чем он умалчивал, — что Блез — дядя Сеяна и поэтому преимущество на его стороне. Для вида отказывался и Блез, но не упорствовал, когда льстецы единодушно поддержали его подлинные желания.

36. Затем открыто заговорили о том, на что многие жаловались лишь в тесном кругу друзей. Все чаще случалось, что последние негодяи, прикасаясь к изображению Цезаря,⁵¹ безнаказанно поносили честных людей и возбуждали против них ненависть; стали бояться даже вольноотпущенников и рабов, когда те бранили своего патрона или хозяина или угрожали ему расправой. И вот сенатор Гай Цестий выступил с речью, в которой сказал, что хотя принцепсы подобны богам, но и боги прислушиваются лишь к справедливым просьбам молящихся, и никто не укрывается в Капитолии или других храмах Рима, чтобы, пользуясь этим убежищем, совершать преступления. Законы полностью отменены и повержены, если на форуме, рядом с сенатом, Анния Руфилла, которую судья по его иску признал виновной в мошенничестве, осыпает его руганью и угрозами, а он не смеет воззвать к правосудию, потому что ее защищает изображе-

ние императора. Зашумели со всех сторон и другие, сообщая о сходных или еще более возмутительных случаях, и принялись упрашивать Друза преподать устрашающий пример наказания; в конце концов Руфилла была допрошена, изобличена и по приказанию Друза заключена в государственную тюрьму.

37. На основании сенатского постановления, принятого по указанию принцепса, были также подвергнуты наказанию римские всадники Консидий Экв и Целий Курсор, клеветнически обвинившие в оскорблении величия претора Магия Цецилиана. И то и другое вменили в заслугу Друзу: живя в Риме и охотно вращаясь среди людей, он сглаживал своею доступностью нелюбимость и отчужденность отца. Не вызывало осуждения в молодом человеке и его легкомыслие: пусть уж лучше тешится своими забавами, проводя дни на постройках,⁵² а ночи — в пирах, чем, отгородившись от всех и лишив себя каких бы то ни было развлечений, погружается в угрюмую настороженность и вынашивает злобные замыслы.

38. Между тем Тиберий не унимался, не унимались и обвинители. Так, Анхарий Приск привлек к суду проконсула Крита Цезия Корда, обвинив его в лихоимстве и, сверх того, в оскорблении величия, что тогда неизменно присоединялось ко всем обвинениям. Цезарь, сделав выговор судьям, оправдавшим обвинявшегося в прелюбодеянии знатнейшего македонянина Антистия Ветера, снова предал его суду — на этот раз за оскорбление величия, как бунтовщика и соучастника замыслов Рескупорида в те дни, когда, убив Котиса, тот замышлял войну против нас. Итак, подсудимый был лишен воды и огня, и было добавлено, чтобы он содержался на острове, удаленном как от Македонии, так и от Фракии. Ибо Фракия, после того как власть над нею была поделена между Реметалком и детьми Котиса, к которым из-за их малолетства сенат приставил опекуном Требеллена Руфа, все еще не смирившись с нашим господством, была беспокойна, и фракийцы, видя в Требеллене виновника своих бедствий, не меньше возмущались Реметалком, оставлявшим неотмщенными обиды своих соплеменников. И вот взялись за оружие сильные племена келалетов, одрисов и диев, каждое во главе со своими вождями, среди которых ни один не превосходил остальных известностью и влательностью, что и было причиною, почему они не смогли сплотиться и повести войну крупными силами. Часть восставших разоряла близлежащие местности, другие перешли через Гемские горы с намерением возмутить обитавшие вдалеке народы, а большинство, и притом наиболее боеспособное, осадило царя⁵³ в основанном Филиппом Македонским городе Филиппополе.

39. Узнав об этом, Публий Веллий (он начальствовал над ближайшим войском) бросил отряды вспомогательной конницы и когорты легковооруженных на тех, которые, предаваясь грабежу или рассчитывая собрать подкрепления, переходили с места на место, а сам повел основное ядро пехоты, чтобы освободить от осады обложенный город. Все завершилось

полным успехом: грабители были уничтожены, среди осаждающих возникли раздоры, царь произвел удачную вылазку, и к нему своевременно подошел легион. Происшедшее не подобает даже назвать ни правильной битвою, ни сражением, — ведь кое-как вооруженные и разрозненные враги были перебиты без пролития нашей крови.

40. В том же году обремененные долгами галльские племена попытались поднять восстание, наиболее деятельными подстрекателями к которому были среди треверов Юлий Флор, у эдуев — Юлий Сакровир. Оба принадлежали к знатым родам, и их предки за свои подвиги получили некогда римское гражданство, которое в те времена было редкой наградой и давалось только за выдающиеся заслуги. Заручившись поддержкой наиболее решительных и отважных, а также всех тех, у кого вследствие нищеты или страха пред наказанием за совершенные преступления не оставалось иного выхода, как примкнуть к мятежу, они на тайных переговорах условились, что Флор возмутит белгов, а Сакровир — обитающих ближе к Италии галлов. Итак, в местах, где постоянно собирался народ, и на созванных ради этого сходках они принимают произносить мятежные речи, говорят о вечном гнете налогов, о произволе ростовщиков, о жестокости и надменности правителей, о том, что, узнав про гибель Германика, римские воины беспокойны и ропщут, — словом, что пришло время отвоевать независимость, если они, полные сил, поразмыслят над тем, насколько слаба Италия, как невоинственно население Рима и что в римском войске надежны только провинциалы.

41. Не было почти ни одной общины, в которую не запали бы семена этого мятежа, но первыми поднялись андекавы и туроны. Андекавов усмирил легат Ацилий Авиола, вызвав когортю, стоящую гарнизоном в Лугдуне. Туронов подавили под начальством того же Авиолы легионы, присланные легатом Нижней Германии Визеллием Варроном, и поддержавшие их некоторые из галльских вождей, поступившие таким образом, чтобы скрыть свою причастность к восстанию и при более благоприятных обстоятельствах открыто присоединиться к мятежникам. Видели и Сакровира, призывавшего с непокрытою головою, чтобы выказать, как он говорил, свою храбрость, биться на стороне римлян; однако пленные утверждали, что он делал это, чтобы восставшие узнали его и не поднимали на него оружия. Запрошенный по этому поводу Тиберий пренебрег полученным донесением и своей нерешительностью затянул военные действия.

42. Между тем Флор, упорствуя в осуществлении своих замыслов, подстрекает отряд вспомогательной конницы, набранный из треверов, но прошедший нашу военную выучку и приученный к дисциплине, перебить римских купцов и начать восстание; ему удалось совратить лишь немногих всадников, тогда как большинство осталось верным долгу. Тем временем взялось за оружие множество должников и подневольного люда; они попытались проникнуть в поросшие лесом горы, носящие название Ардуенна, но их не пустили туда легионы обеих войск, с двух сторон вы-

ставленные Визеллием и Гаем Силием. Высланный вперед с отрядом отборной конницы Юлий Инд, соплеменник Флора, враждебный ему и поэтому с особенным пылом выполнявший свое поручение, рассеял не успевшую изготовиться к бою беспорядочную толпу. Флору сначала удалось скрыться от победителей, но, увидев позднее римлян, засевших у выходов из его убежища, он поразил себя собственною рукой. Таков был конец возмущения треверов.

43. У эдучей восстание приобрело больший размах, поскольку их община была могущественнее и военные силы для ее усмирения находились гораздо дальше. Главный город этого племени Августодун захватывается вооруженными толпами Сакровира, рассчитывавшего увлечь за собой обучавшихся там юношей из виднейших галльских родов⁵⁴ и, располагая такими заложниками, — их отцов и родичей; в этих целях он раздает молодежи тайно изготовленное оружие. Всего у него набралось сорок тысяч, из которых одна пятая имела оружие римского образца, а у остальных были только рогатины, ножи и прочее вооружение, каким пользуются охотники. К ним были добавлены предназначенные для гладиаторских игр рабы, по обычаю племени облаченные в сплошные железные латы, так называемые крупелларии,⁵⁵ малопригодные для нападения, но зато неуязвимые для наносимых врагом ударов. Численность этих полчищ непрерывно росла и благодаря притоку проникнутых тем же рвением из еще не примкнувших открыто к восставшим соседних племен, и вследствие соперничества между римскими военачальниками, спорившими о том, кому из них возглавлять руководство военными действиями, пока отягченный старостью Варрон не уступил полному сил и решимости Силию.

44. А в Риме между тем распространился слух, что восстали не только треверы и эдуи, но все шестьдесят четыре галльские общины,⁵⁶ что они объединились с германцами, что Испания ненадежна, и все это, как обычно бывает, встречало веру и преувеличивалось молвою. Всех благомыслящих эти известия огорчили и наполнили тревогой за государство; но многие из ненависти к существующему порядку и жажды перемен, невзирая на то, что сами подвергались опасности, были ими обрадованы и бранили Тиберия, продолжавшего при таком расстройстве в делах углубляться в наветы доносчиков. Или, быть может, и Сакровир предстанет пред сенатом за оскорбление величия? Нашлись, наконец, мужи, которые силой оружия положат предел кровожадным посланиям принцепса. Пусть уж лучше война, чем столь жалкий мир. Но Тиберий тем упорнее хранил полнейшую невозмутимость и, не сменив ни местопребывания, ни выражения лица, ни в чем не нарушил в те дни привычного образа жизни, то ли от скрытности нрава, то ли установив, что опасность не столь значительна и во всяком случае меньше, чем изображает молва.

45. Тем временем Силий, выслав вперед отряд вспомогательных войск, а сам наступая с двумя легионами, опустошает округа секванов, обитавших в пограничной местности по соседству с эдучями, заодно с которыми

они взялись за оружие. Затем стремительным броском он продвигается к Августодуну — его значконосцы соревнуются друг с другом в усердии, рядовые воины требуют не устраивать обычных привалов и не располагаться ночами на отдых: лишь бы они увидели пред собою противника и были замечены им — этого достаточно для победы. Наконец, в открытом поле, у двенадцатого милиария, показался Сакровир со своими полчищами. Впереди он поставил латников, с боков — правильные когорты, сзади — толпу кое-как вооруженных. Сопровождаемый приближенными, он объезжал на статном коне ряды своего войска и говорил о былой славе галлов, о поражениях, которые они некогда нанесли римлянам, о том, как почетна для победителей отвоеванная ими свобода и насколько несноснее рабство для побежденных вторично.

46. Но речи эти были недолгими и не вызвали одушевления: на эдуев надвигались в боевом строю легионы; и неопытные в военном деле, не прошедшие никакой выучки горожане отдавали свое зрение и слух только этому. Напротив, Силий, хотя заранее усвоенная уверенность в победе делала излишними всякие увещания, тем не менее восклицал, что им, победителям германцев, должно казаться зазорным, что их ведут против таких врагов, каковы галлы. «Недавно одна когорта разгромила туронов, одно конное подразделение — треверов, несколько конных отрядов этого самого войска — секванов. Чем эдуи богаче деньгами, чем больше предаются они удовольствиям, тем менее рвутся в бой. Разите же их, но оказывайте пощаду бегущим». В ответ на это раздались громкие клики, и конница, обойдя неприятеля, ударила на него сзади, пехота бросилась на передних; не замешкались и действовавшие на флангах. Разгром эдуев несколько задержали латники, так как их доспехи не поддавались ни копьям, ни мечам; впрочем, воины, схватившись за секиры и кирки, как если бы они рушили стену, стали поражать ими броню и тела; другие при помощи кольев и вил валили эти тяжелые глыбы, и они, словно мертвые, продолжали лежать на земле, не делая ни малейших усилий подняться. Сакровир сначала направился в Августодун, а затем, опасаясь выдачи римлянам, с наиболее преданными приверженцами — в ближнюю загородную усадьбу. Там он поразил себя своею рукой, а остальные — пронзив насмерть друг друга. Подоженная усадьба сгорела, и огонь поглотил их тела.

47. Только тогда, наконец, Тиберий написал сенату о возникновении и завершении войны; он сообщил все, как оно было, ничего не убавив и ничего не прибавив: одержали верх верность и доблесть легатов и его указания. Приводя тут же причины, почему ни он, ни Друз не отправились на эту войну, он превозносил величие Римской державы и заявлял, что принцепсам не пристало, если взбунтуются одно-два племени...⁵⁷ покинув город, откуда осуществляется руководство всем государством. Но теперь, поскольку его побуждает к этому не тревога, а другие соображения, он выедет в Галлию, дабы на месте ознакомиться с положением

дел и навести порядок. Сенаторы постановили дать обеты ради благополучного его возвращения, а также устроить молебствия и все принятое в подобных случаях. Только Долабелла Корнелий, стремясь превзойти остальных и дойдя в своей лести до полнейшей несообразности, предложил назначить Тиберию, которому предстояло прибыть из Кампании, овацию⁵⁸ при въезде в Рим. В ответном письме Цезарь писал, что он не так уж бесславен, чтобы после покорения стольких неукротимых народов, стольких оглажденных в молодости триумфов и стольких, от которых он отказался, добиваться уже в пожилом возрасте необоснованной награды за загородную поездку.

48. Тогда же он повелел сенату отметить смерть Сульпиция Квирина устройством ему торжественных похорон на государственный счет. Этот Квириний, происходя из города Ланувия, не принадлежал к древнему патрицианскому роду Сульпициев, но, отличившись на военной службе и ревностным исполнением возлагаемых на него обязанностей, был удостоен при божественном Августе консульства, а позднее, овладев в Киликии крепостями гомонадов, — триумфальных отличий и был дан в руководители и советники управлявшему Арменией Гаю Цезарю. К тому же он оказывал внимание Тиберию в бытность того на Родосе. Сообщив тогда обо всем этом в сенате, принцепс превозносил похвалами Квирина за его предупредительность лично к нему и всячески попрекал Марка Лоллия, виновного, по его словам, в возбуждении против него Гая Цезаря и в их разногласиях. У всех прочих Квириний, однако, не оставил по себе доброй памяти из-за преследований, которым, как я упоминал, он подверг Лепиду, а также за его скаредность и всемогущество в старости.

49. В конце года римского всадника Клутория Приска доносчик обвинил в том, что, пожалованный Цезарем денежным даром за прославленные стихи, в которых оплакивалась кончина Германика, он во время болезни Друза сочинил новые, чтобы в случае его смерти предать их гласности и получить еще большее вознаграждение. Это Клуторий якобы обронил из тщеславия в доме Публия Петрония перед его тещей Вителлией и многими знатными женщинами. Когда разнеслась весть об этом доносе, остальные со страху подтвердили его; лишь Вителлия решительно заявила, что ничего не слышала. Но тем, чьи свидетельства навлекали на Клутория гибель, было дано больше веры, и избранный консулом на следующий срок Гатерий Агриппа предложил приговорить подсудимого к высшему наказанию.

50. Против этого следующим образом высказался Маний Лепид: «Если мы станем, отцы сенаторы, исходить лишь из того, сколь нечестивыми словами Клуторий Приск осквернил свою душу и слух людей, то для него мало и тюрьмы, и петли, и даже тех пыток, которым подвергают рабов. Но если для нечестия и преступлений не существует предела, а в наказаниях и средствах воздействия его ставит умеренность принцепса, а также примеры, оставленные предками и вами самими, равно как

и различие, существующее между вздорным и злонамеренным, между словами и злодеяниями, то здесь уместно вынести приговор, который не оставил бы вины Клутория безнаказанной и вместе с тем не дал бы нам оснований раскисаться ни в его мягкости, ни в чрезмерной суровости. Я не раз слышал, как наш принцепс выражал сожаление, если кто предупреждал самоубийством его милосердие. Жизнь Клутория в наших руках; если она будет нами сохранена, от этого не воспоследует опасности для государства, если отнята, никто в этом не почерпнет для себя назидания. Его стремления столь же исполнены безумия, сколько суетны и ничтожны; и нельзя бояться чего-либо важного и существенного со стороны человека, который сам разглашает свои собственные проступки и жаждет пленить сердца не мужей, но безвольных и слабых женщин. Итак, пусть он покинет Рим, пусть его имущество будет взято в казну, а сам он лишен воды и огня; я говорю это, предполагая, что он подвергнется осуждению по закону об оскорблении величия».⁵⁹

51. Из бывших консулов Лепида поддержал только Рубеллий Бланд; остальные согласились с приговором Агриппы; Приск был тут же отправлен в тюрьму и немедленно по прибытии туда умерщвлен. Тиберий как обычно в двусмысленных выражениях попенял за это сенату, одновременно превознося преданность тех, кто беспощадно карает даже за мало-важные оскорбления принцепса, и порицая столь поспешное наказание только лишь за слова, хвалил Лепида, но не осуждал и Агриппы. В итоге было принято сенатское постановление, предписывавшее передавать в казначейство⁶⁰ приговоры сената лишь по истечении десяти дней после их вынесения и тем самым продлевавшее на такой же срок жизнь осужденного. Но ни сенат не располагал возможностью менять свои приговоры, ни Тиберий в предусмотренное для этого время не смягчал наказания.

52. Затем последовало консульство Гая Сульпиция и Децима Гатерия; в этом году во внешних делах не произошло никаких осложнений, но в самом Риме стали бояться строгостей против роскоши, которая безудержно распространялась по всем путям расточительства. Иные расходы, сколь бы огромными они ни были, удавалось утаивать, чаще всего уменьшая цены, но что касается трат на чревоугодие и распутство, то о них постоянно толковали в народе, и это вызвало опасения, как бы принцепс круто не повернул к старинной бережливости. И вот по почину Гая Бибула и остальные эдилы заговорили о том, что закон об издержках⁶¹ никем ни во что не ставится, что недозволенные цены на съестные припасы повышаются с каждым днем, что обычными мерами их рост не остановить; обсудив этот вопрос, сенаторы передали его целиком на усмотрение принцепса. Тиберий, тщательно взвесив в своих размышлениях, можно ли обуздать столь распространившиеся страсти и не принесет ли их обуздание еще больший вред государству, к лицу ли ему братья за то, чего он или не добьется; или, если добьется, то навлечет

позор и бесчестье на прославленных и почтенных мужей, наконец, составил письмо к сенату, в котором говорил следующее.

53. «Быть может, отцы сенаторы, при рассмотрении других дел было бы полезнее, если бы я выслушивал ваши вопросы, лично присутствуя среди вас, и говорил тут же о том, что по-моему нужно для общего блага. Но при обсуждении этого дела мне было лучше отсутствовать, дабы я не видел своими глазами и в некотором роде не ловил с поличным тех отдельных сенаторов, которых вы осуждаете за постыдную роскошь и на чьи лица и чей испуг вы бы указывали мне вашими взглядами. И если бы ревностные мужи эдилы предварительно спросили меня о моем мнении, то, пожалуй, я скорее посоветовал бы им предоставить эти могущественные и укоренившиеся пороки самим себе, чем вести с ними борьбу, чтобы в конце концов обнаружить пред всеми, с какими позорными недостатками мы не в состоянии справиться. Эдилы, разумеется, поступили соответственно своему долгу, и я хотел бы, чтобы все прочие магистраты столь же усердно отправляли свои обязанности; но что касается меня, то мне неудобно молчать и вместе с тем затруднительно высказаться: ведь я не облечен полномочиями эдила, претора или консула. От принцепса требуется нечто большее и более выдающееся, и, если всякий снижает одобрение за добросовестно выполненные дела, промахи всех вменяются в вину ему одному. С чего мне начать? Что запретить или ограничить, возвращаясь к прежним обычаям? Огромные размеры загородных домов? Число рабов и их принадлежность к множеству различных племен? Вес золотой и серебряной утвари? Чудеса, созданные в бронзе и на картинах? Одинаковые одеяния мужчин и женщин⁶² или пристрастия одних только женщин, ведущие к тому, что ради драгоценных камней наши состояния уходят к чужим или даже враждебным народам?

54. «Мне известно, что на пирах и в дружеских собраниях возмущаются этой непомерною роскошью и требуют, чтобы ей был положен предел; но если бы кто-нибудь издал в этих целях закон и определил в нем наказания, те же самые люди стали бы вопить, что ниспровергаются общественные устои, что всякому наиболее выдающемуся приуготовляется гибель и что никто не огражден от опасности быть обвиненным. И подобно тому как застарелые и с давних пор укреплявшиеся недуги нашего тела не пресекаются иначе, как сильно действующими и суровыми лечебными мерами, так и развращенная и одновременно развращающая, больная и пылающая в горячке душа должна быть обуздана средствами, не менее мощными, чем распалившие ее страсти. Столько законов, введенных нашими предками, столько обнародованных божественным Августом, утратив всякую силу, одни — из-за того, что забыты, другие — что еще постыднее — из пренебрежения к ним, еще больше укрепили в приверженных роскоши самоуверенность и беззаботность. Ибо, желая того, что пока не запрещено, опасаясь, как бы на него не был наложен запрет, но, безнаказанно преступив грань дозволенного, забываешь и страх, и со-

весть. Почему некогда господствовала бережливость? Потому что каждый сам себя ограничивал, потому что мы были гражданами лишь одного города и, властвуя в пределах Италии, не знали многих одолевающих нас ныне соблазнов. Но, победив внешних врагов, мы научились безудержно расточать чужое, а в междоусобицах — и свое собственное. Однако сколь незначительно зло, о котором напоминают эдилы! Какой безделицей мы должны его счесть, если взглянем на все остальное! А ведь никто, к сожалению, не докладывает сенату, что Италия постоянно нуждается в помощи со стороны, что жизнь римского народа всечасно зависит от превратностей моря и бурь⁶³ и что, не поддерживай провинции своими излишками и господ, и рабов, и самые пашни, нам пришлось бы ожидать пропитания от своих увеселительных садов и вилл. Вот какая забота, отцы сенаторы, неизменно отягощает принцепса, и, если она будет оставлена, ничто не сможет спасти государство. Остальному должно помочь исцеление самих душ; так пусть же нас изменит к лучшему ощущение меры дозволенного, бедняков — нужда, богачей — пресыщение. И если кто из высших должностных лиц обещает такое усердие и такую твердость, что для него будет посильным вступить в борьбу с роскошью, я воздам ему похвалу и признаюсь, что он снимает с меня часть моего бремени; но если они пожелают подвергнуть пороки лишь словесному бичеванию, а затем, добыв этим славу, оставят мне распри, то поверьте, отцы сенаторы, и я также не хочу попреков; мирясь с ними, тягостными и по большей части несправедливыми, в делах государственной важности, я по праву прошу избавить меня от пустых и бесплодных, не возмещаемых пользой ни для меня, ни для вас».

55. По прочтении письма Цезаря с эдилов была снята эта забота, и само собой постепенно изжило себя соперничество в роскоши пиршественных столов, поглощавшей огромные средства на протяжении целых ста лет после битвы при Акции⁶⁴ и вплоть до вооруженного переворота, отдавшего верховную власть Сервию Гальбе. Мне хочется выяснить причины этого изменения в обиходе. Богатые и знатные или особенно знаменитые семьи с давних пор были влекомы к показному блеску. Ибо в те времена еще не возбранялось благодетельствовать простому народу, союзникам и подвластным нам царствам и быть почитаемым ими. И чем больше кто-либо выделялся богатством, великолепием дома и пышностью его внутреннего убранства, тем больший почет окружал его имя и тем больше имел он клиентов. Но после того как начали свирепствовать казни и громкая слава стала неминуемо вести к гибели, остальные благоразумно притихли и затаились. Вместе с тем все чаще допускавшиеся в сенат новые люди из муниципиев, колоний и даже провинций принесли с собою привычную им бережливость, и хотя многие среди них благодаря удаче или усердию к старости приобретали богатство, они сохраняли тем не менее прежние склонности. Но больше всего способствовал возвращению к простоте нравов державшийся старинного образа жизни Веспасиан.

Угодливость по отношению к принцепсу и стремление превзойти его в неприязнительности оказались сильнее установленных законами наказаний и устрашений. Впрочем, быть может, всему существующему свойственно некое круговое движение, и как возвращаются те же времена года, так обстоит и с нравами; не все было лучше у наших предшественников, кое-что похвальное и заслуживающее подражания потомков принес и наш век. Так пусть же это благородное соревнование с предками будет у нас непрерывным!

56. Поставив предел потоку доносов и тем приобретя славу умеренности, Тиберий направляет сенату письмо, в котором просит о предоставлении Друзу трибунской власти. Это наименование было придумано Августом для обозначения высшей власти: не желая называться царем или диктатором, он, однако, хотел выделяться среди магистратов каким-нибудь титулом. Позднее он избрал себе сотоварищем в этой власти Марка Агриппу, а после его кончины — Тиберия Нерона,⁶⁵ дабы не оставалось неясности, кого он назначил своим преемником. Он считал, что благодаря этому будут рассеяны злонамеренные надежды других; вместе с тем он был уверен в преданности Нерона и непоколебимости собственного величия. И вот, руководствуясь этим примером, Тиберий разделил с Друзом верховную власть, тогда как при жизни Германика выбор между ними оставлял нерешенным. Начав письмо с просьбы богам обратить его замысел ко благу республики, он, в сдержанных выражениях и ничего не преувеличивая, обрисовал нравы молодого человека. У него есть жена и трое детей, и он в том же возрасте, в каком сам Тиберий был призван божественным Августом к несению тех же обязанностей. И теперь не поспешно и необдуманно, но после восьмилетнего испытания, после того как Друз подавил мятежи и успешно завершил войны, он привлекает его, триумфатора и дважды консула, к соучастию в хорошо знакомых ему трудах.

57. Сенаторы предвидели это обращение принцепса, и поэтому тем более тонкой была их лесть. И все-таки они ничего не придумали, кроме обычных постановлений об изображениях принцепсов, жертвенниках богам, храмах, арках и тому подобном; только Марк Силан изыскал для принцепсов новые почести в умалении консульского достоинства и внес предложение выставлять на общественных строениях, в случае указания на них памятной даты, имена не консулов, но тех, кто облечен трибунской властью. Но когда старик Квинт Гатерий выразил пожелание, чтобы сенатские постановления этого дня были начертаны золотыми буквами в курии, это вызвало насмешки, ибо единственной наградой, которую он мог ожидать, было бесславие низкой лесты.

58. Так как Юнию Блезу тогда же были продлены полномочия на управление Африкой, фламий Юпитера Сервий Малугинский потребовал предоставить ему провинцию Азию,⁶⁶ утверждая, что распространенное мнение, будто фламиям недозволено покидать Италию, лишено основа-

ний и что у него те же права, какие у фламинов Марса или Квирина; а если они управляют провинциями, то почему не допускать к тому же фламинов Юпитера? Нет об этом постановлений народных собраний, ничего такого не найти и в обрядовых книгах. Нередко, если фламину препятствовали болезнь или государственные обязанности, жертвы Юпитеру за него приносили понтифики. В течение семидесяти пяти лет после смерти Корнелия Мерулы никто не был избран на его место, и тем не менее священнодействия не прерывались.⁶⁷ Если столько лет можно было вовсе не избирать фламина Юпитера без ущерба для религии, то не намного ли легче допустить, чтобы фламин Юпитера отбыл на один год для выполнения проконсульских обязанностей? Некогда из-за личных раздоров великие понтифики воспрещали фламинам Юпитера отправляться в провинцию, но теперь, по милости богов, верховный глава понтификов — вместе с тем и верховный глава людей,⁶⁸ и он выше соперничества, ненависти и личных пристрастий.

59. Сервию возражали, приводя различные доводы, авгур Лентул и другие сенаторы, и ввиду этого было решено подождать, что скажет великий понтифик.⁶⁹ Тиберий, отказавшись заниматься вопросом о правах фламинов, несколько ограничил сенатские постановления о торжествах по поводу предоставления Друзу трибунской власти и особенно порицал неуместность предложения о золотых буквах, противоречащего обычаям предков. Было также оглашено послание Друза, и, хотя оно было скромным, сенаторы сочли его проявлением величайшей надменности: низко пали нравы, если удостоенный такой чести молодой человек не желает посетить богов Рима, показаться в сенате и хотя бы начать на земле отцов свое новое поприще. Как будто идет война или он задерживается где-нибудь на краю света, а не объезжает сейчас побережье и озера Кампании! Вот чему учат руководители рода людского, вот что он прежде всего усвоил из советов отца! Пусть престарелого императора тяготит лицемерие граждан, пусть он ссылается на преклонный возраст и свершенные им труды; но что за помехи у Друза, кроме высокомерия?

60. Неуклонно укрепляя единовластие, Тиберий оставлял, однако, сенату видимость его бывшего величия и отсылал с этой целью на его рассмотрение возбуждаемые провинциями ходатайства. Ибо в греческих городах учащались случаи ничем не стесняемого своеволия в определении мест, служивших убежищами:⁷⁰ храмы были заполнены наихудшими из рабов; там же находили приют и защиту преследуемые заимодавцами должники и подозреваемые в злодеяниях, наказуемых смертной казнью, и нигде не было достаточно сильной власти, способной справиться с бесчинством народа, оберегавшего заядлых преступников под предлогом почитания богов. Поэтому сенат повелел городам прислать представителей с подтверждением своих прав. Некоторые города добровольно отказались от незаконно присвоенных прав, другие рассчитывали на старинные суеверия и на свои заслуги перед римским народом. И прекрасное зрелище

являл собою сенат в день рассмотрения дарованных нашими предками привилегий, договоров с союзниками, указов царей, которые властвовали еще до установления владычества римлян, и самих религиозных преданий, свободно, как некогда, подтверждая их или внося в них изменения.

61. Первыми прибыли в Рим эфесцы, говорившие о том, что, вопреки распространенному мнению, Диана⁷¹ и Аполлон не родились на Делосе; близ их города есть река Кенхрей и роща Ортигия, где Латона, прислонившись к существующей и поныне оливе, разрешилась от бремени этими божевами; по указанию богов, эта роща почитается священной, и в ней, истребив киклопов, спасался от гнева Юпитера сам Аполлон.⁷² Позднее победоносный отец Либер здесь же простил амазонок, которые молили его о пощаде, припав к его жертвеннику.⁷³ Изволением овладевшего Лидией Геркулеса почитание этого святилища возросло, не умалилось оно и при владычестве персов; сохраняли его македоняне, а затем также и мы.

62. За эфесцами последовали магнесийцы, сославшиеся на указы Луция Сципиона и Луция Суллы, из которых первый, разбив Антиоха, а второй — Митридата, вознаградили верность и доблесть магнесийцев, объявив храм Дианы Левкофрины неприкосновенным убежищем. Жители Афродисиады, а затем и Стратоникеи представили указ диктатора Цезаря, отмечавший их давние заслуги пред его партией, и более поздний, изданный божественным Августом, воздававшим им похвалу за непоколебимую преданность римскому народу, которую они сохранили во время нашествия парфян. Город Афродисиада отстаивал права храма Венеры, а Стратоникея — Юпитера и Тривии. На еще большую старину опирались гиерокесарейцы, утверждавшие, что их храм Дианы Персидской⁷⁴ был освящен царем Киром; ими же упоминались Перперна, Исаврик и имена других полководцев, признававших права убежища не только за самим храмом, но и на две тысячи шагов от него. Далее, киприоты защищали права трех храмов, из которых древнейший, Пафосской Венеры,⁷⁵ был воздвигнут Аэрией, второй, Венеры Амафунтской,⁷⁶ — сыном его Амафунтом и третий, Юпитера Саламинского,⁷⁷ — Тевкром, бежавшим сюда от гнева своего отца Теламона.⁷⁸

63. Были выслушаны и представители других городов. Обширность материалов, требовавших рассмотрения, и горячность прений утомили сенаторов, и они поручили консулам рассмотреть, на чем основываются предъявленные притязания, и затем, ничего не решая, снова доложить это дело сенату. И консулы доложили, что, помимо упомянутых мною городов, только Пергам имеет бесспорное право на убежище Эскулапия; остальные же опираются на доводы, уходящие в темную древность. Так, жители Смирны говорят об оракуле Аполлона, по повелению которого они будто бы учредили святилище Венеры Стратоникиды, а теносцы — о прорицании того же оракула, предписавшем им воздвигнуть статую и храм Нептуна; о более близком к нам времени — жители Сард: право на убежище даровано им победителем Александром. Столь же упорно, ссы-

лаясь на царя Дария, отстаивают свои права милетцы; но святыни у тех и других одинаковы, и почитают они Диану или Аполлона. Того же добиваются и критяне для статуи божественного Августа. И был издан сенатский указ, ксторым с соблюдением полного уважения к религиозным чувствам, но и со всюю решительностью ограничивалось число убежищ; вместе с тем было велено прибить в храмах медные доски с этим указом, чтобы память о нем сохранилась навеки и чтобы не допустить в будущем прикрывающихся благочестием честолюбивых стремлений.

64. Около этого времени тяжелая болезнь Юлии Августы поставила принцепса перед необходимостью поторопиться с возвращением в Рим, было ли до того согласие между матерью и сыном искренним или они питали друг к другу скрытую неприязнь. Незадолго до этого Августа, освящая невдалеке от театра Марцелла статую божественного Августа, поместила в надписи имя Тиберия после своего, и считали, что, усмотрев в этом умаление своего величия и оскорбительный выпад, он глубоко за-таил обиду. Между тем сенатом назначаются молебствия богам и большие игры, проведение которых возлагалось на верховных жрецов, авгуров, квиндецемвиров, септемвиров⁷⁹ и коллегию августалов. Луций Апроний предложил привлечь к руководству этими играми и фециалов.⁸⁰ С возражениями ему выступил Цезарь, указав, что права жреческих коллегий различны, и приведя примеры в подтверждение этого; ведь фециалы никогда еще не были удостоены столь высокой чести. Августалы же привлечены лишь потому, что они — коллегия того дома,⁸¹ за который должны выполняться обеты.

65. Я решил приводить только те высказывания в сенате, которые представляются мне либо достойными всяческой похвалы, либо примечательными по своей исключительной низости, ибо я считаю главнейшей обязанностью анналов сохранить память о проявлениях добродетели и противопоставить бесчестным словам и делам устрашение позором в потомстве. А те времена были настолько порочны и так отравлены грязною лезтью, что не только лица, облеченные властью, которым, чтобы сохранить свое положение, необходимо было угождать, но и бывшие консулы, и большая часть выполнявших в прошлом преторские обязанности, и даже многие рядовые сенаторы наперебой выступали с нарушающими всякую меру, постыдными предложениями. Передают, что Тиберий имел обыкновение всякий раз, когда покидал курию, произносить по-гречески следующие слова: «О люди, созданные для рабства!». Очевидно, даже ему, при всей его ненависти к гражданской свободе, внушало отвращение столь низменное раболепие.

66. Затем от недостойных слов понемногу перешли к гнусным делам. На проконсула Азии Гая Силана, привлеченного союзниками к суду по закону о вымогательствах, накинулись сообща бывший консул Мамерк Скавр, претор Юний Отон и эдил Бруттедий Нигер, обвиняя его в осквернении божественного достоинства Августа и в оскорблении величия Ти-

берия, причем Мамерк сослался на примеры, заимствованные из древности, на то, что Луций Котта был обвинен Сципионом Африканским,⁸² Сервий Гальба — Катонем Цензором, Публий Рутилий — Марком Скавром. Как будто не за какие-нибудь иные, а за точно такие же преступления карали Сципион и Катон и тот самый Скавр, которого — своего прадеда — бесчестил теперь столь грязным поступком Мамерк — позор своих предков. Юний Отон многие годы преподавал в начальной школе риторики, но затем, покровительствуемый Сеяном, проник в сенат и еще больше запятнал свое темное прошлое бесстыдным и наглым поведением. Бруттедия, который был наделен от природы выдающимися способностями и, если бы пошел по правильному пути, мог бы добиться заслуженной славы, подстрекало нетерпение, ибо он стремился опередить сначала равных себе, затем тех, кто стоял выше него, и, наконец, свои собственные мечты и надежды. А это погубило и многих хороших людей, презревших то, что дается медленно, но зато верно, и погнавшихся за преждевременным, даже если это грозило им гибелью.

67. Число обвинителей увеличили примкнувшие к ним Геллий Публикола и Марк Паконий, один — квестор Силана, другой — его легат. Не подлежали сомнению ни крутой нрав и жестокости подсудимого, ни то, что он, действительно, вымогал деньги; но к этому присоединялось и многое такое, что навлекло бы опасность даже на людей, ни в чем не повинных: ведь Силан один, без чьей-либо поддержки, не обладая к тому же даром речи, подавленный страхом (а это ослабляет даже искусственное красноречие), должен был отражать натиск — не говоря уже о стольких враждебных ему сенаторах — самых прославленных, и потому избранных для его обвинения, ораторов Азии; притом и Тиберий не воздержался от давления на ход дела тоном, в каком высказывался, выражением лица и частыми вопросами, на которые было бы непозволительно отвечать решительным отрицанием или уклончиво, но, напротив, нередко требовалось давать утвердительные ответы, чтобы вопрос принцепса не остался тщетным. Рабы Силана, дабы их можно было подвергнуть допросу под пыткой, были приобретены государственным казначейством; а чтобы никто из родных и близких не оказал помощи попавшему в беду подсудимому, ему было, сверх того, предъявлено обвинение в оскорблении величия — цепи, налагавшие необходимость молчать. Итак, испросив перерыв на несколько дней, Силан оставил намерение защищаться и отважился обратиться к Цезарю с письмом, в котором перемежались упреки с мольбами.

68. Решив обрушить на Силана суровую кару и желая ее оправдать в общем мнении примером из прошлого, Тиберий велит прочитать в сенате письмо божественного Августа о проконсуле той же Азии Волезе Мессале и принятое по его делу сенатское постановление. После того как это было исполнено, Тиберий приглашает Луция Пизона изложить свое мнение. Распространившись сначала о великодушии и мягкости принцепса, тот предлагает лишить Силана огня и воды и сослать на остров Гиар.

К нему присоединились и все остальные; впрочем, Гней Лентул, основываясь на том, что мать Силана происходила из рода Атиев,⁸³ предложил выделить из имущества осужденного то, что он от нее унаследовал, и передать эту часть его сыну, и Тиберий дал на это согласие.

69. Но зато Корнелий Долабелла, усердствуя в лести, накинулся на нравы Гая Силана и заключил свою речь предложением не допускать к жеребьевке и не посылать правителями провинций тех, кто ведет порочную жизнь и запятнан бесчестьем; и пусть вопрос о них решается принцепсом. Хотя проступки и наказуются правосудием, но не намного ли милостивее было бы по отношению к таким людям и благодетельнее для союзных народов, если бы самая возможность творить преступления пресекалась заранее? Против этого выступил Цезарь: ему, разумеется, неизвестно, какая молва идет о Силане, но недопустимо судить на основании одних слухов. Многие своими действиями в провинциях не оправдали надежд, которые на них возлагались, многие, напротив, опровергли существовавшие на их счет опасения; одних поднимает значительность возникающих перед ними задач, других угнетает. Да и не может принцепс обладать всеобъемлющим знанием, и вместе с тем ему не пристало идти на поводу у чужого тщеславия. Законы потому и направлены против уже совершенных деяний, что будущее недоступно предвидению. Так уж установлено предками: наказание следует за преступлением. И незачем менять то, что мудро придумано и всегда встречало всеобщее одобрение; у принцепсов достаточно трудов, достаточно и власти. Всякое возрастание их могущества ведет к ущербу для установленного правопорядка, и не следует употреблять власть, где можно обходиться законами. Чем реже в Тиберии обнаруживалось уважение народных прав, с тем большею радостью оно принималось. Умея быть умеренным, — если только он не был охвачен гневом, порожденным личными причинами, — принцепс добавил, что остров Гиар дик и суров, и поэтому, из уважения к роду Юниев и памятуя, что осужденный еще недавно принадлежал к их сословию, сенаторы поступили бы правильнее, проявив к нему снисходительность и дозволив ему удалиться на Кинф. Об этом просит и сестра Силана, весталка Торквата, — дева древнего благочестия. С этою поправкою к приговору все согласились.

70. Затем были выслушаны киренцы, и на основании обвинения, предьявленного Анхарием Приском, был осужден по закону о вымогательствах Цезий Корд. Римского всадника Луция Энния, привлеченного к суду за оскорбление величия, так как статую принцепса он переплавил в серебряную утварь, Тиберий воспретил считать обвиняемым. Под видом защиты свободы ему открыто возражал Атей Капитон: «Не следует отнимать у сенаторов право делать заключения о подсудности и нельзя оставлять безнаказанным столь вопиющее злодеяние. Пусть принцепс равнодушен к чинимым ему обидам, но он не должен пренебрегать оскорблениями, нанесенными государству». Тиберий уловил в этих словах раболепие и на-

стоял на своем. А Капитон оказался тем более посрамленным, что, являясь знатоком человеческого и божественного права, унижил тем не менее общественное достоинство и запятнал свою личную славу.

71. После этого возник вопрос, в каком храме поместить дар Всаднической Фортуны, сделанный римскими всадниками ради выздоровления Августа; хотя в Риме насчитывалось немало святилищ этой богини, но не было ни одного, которое носило бы такое название.⁸⁴ В конце концов выяснилось, что это наименование носит существующий в Анции храм и что в италийских городах все священнодействия, храмы и изображающие божества статуи подлежат римской юрисдикции и состоят в ведении Рима. Итак, дар направили в Анций. И поскольку речь зашла о религиозных вопросах, Цезарь дал свое заключение по недавно отложенному делу Сервия Малугинского и прочел, кроме того, постановление верховных жрецов, гласившее, что фламин Юпитера, всякий раз, когда заболит, может отлучиться на срок, превышающий две ночи сряду, только с ведома великого понтифика и по его разрешению, но отнюдь не в дни общественных жертвоприношений и не более двух раз в году. Из этого постановления, принятого в бытность Августа принцепсом, с полною очевидностью вытекало, что ни годовичная отлучка из Рима, ни управление провинциями фламинам Юпитера дозволены быть не могут. При этом вспомнили и о случае с великим понтификом Луцием Метеллом, не отпустившим из Рима Авла Постумия. Итак, проконсульство в Азии отдается тому из бывших консулов, который следовал в списке непосредственно за Сервием Малугинским.

72. В эти дни Лепид обратился к сенату за разрешением обновить и украсить на свои средства базилику Павла, памятник рода Эмилиев.⁸⁵ Тогда еще сохранялся обычай жертвовать крупные суммы на общественное строительство; в свое время и Август не воспрепятствовал Тавру, Филиппу и Бальбу⁸⁶ отдать на украшение города и ради славы в потомстве захваченную ими в битвах с врагами добычу или долю принадлежавших им несметных богатств. Следуя подобным примерам, и Лепид, не располагавший большими деньгами, поддержал честь и достоинство своих предков. Но отстроить сгоревший от случайного пожара театр Помпея пообещал Цезарь, ибо никто из этого рода не имел средств для его восстановления; при этом, однако, за театром сохранялось имя Помпея. Одновременно принцепс превознес похвалами Сеяна, благодаря усердию и предусмотрительности которого такая сила огня была остановлена и не причинила другого ущерба; и сенаторы постановили поставить Сеяну статую в театре Помпея. Немного спустя, присуждая проконсулу Африки Блезу триумфальные отличия, Тиберий сказал, что дарует их ему в честь Сеяна, которому Блез приходился дядей. А между тем деяния Блеза были и без того достойны этой награды.

73. Ибо Такфаринат, несмотря на неоднократные поражения, собрал наново силы во внутренних областях Африки и настолько возомнил о себе, что направил послов к Тиберию, требуя для себя и своего войска

земель, на которых они могли бы осесть, и в противном случае угрожая беспощадной войной. Рассказывают, что никогда Тиберий не был сильнее задет ни одним оскорблением, нанесенным лично ему или народу римскому, чем тем, что дезертир и разбойник дерзнул счесть себя воюющей стороной. Ведь даже Спартак, разгромивший столько консульских войск и безнаказанно опустошавший Италию, и притом тогда, когда государство было ослаблено непомерно тяжелыми войнами с Серторием и Митридатом, не мог добиться открытия мирных переговоров; а при достигнутом римским народом величии и могуществе тем более не пристало откупаться от разбойника Такфарината заключением мира и уступкой ему земель. Итак, Тиберий дает Блезу поручение соблазнить всех остальных надеждою на безнаказанность при условии, что они сложат оружие, но во что бы то ни стало захватить самого вождя. Благодаря этому обещанию многие передались римлянам. А против хитростей и уловок Такфарината был применен его же способ ведения войны.

74. Так как, имея войско, уступавшее римскому в силе и скорее пригодное для разбойничьих набегов, он налетал несколькими отрядами сразу и затем стремительно уходил, оставляя засады, наши задумали наступать в трех направлениях и разделились на три колонны. Легат Корнелий Сципион начальствовал над той из них, задачей которой было оградить жителей Лепты от грабежей и отрезать Такфаринату пути отступления в страну гарамантов; на другом фланге вел свои обычные части Блез Младший — ему надлежало не допускать безнаказанного опустошения окрестностей Кирты; сам главнокомандующий с отборными войнами, устраивая в подходящих местах укрепления и заставы, теснил зажатых отовсюду врагов, так что, куда бы они ни подались, у них неизменно оказывалась, — впереди, с фланга, а часто и с тылу, — та или иная часть римского войска; и многие из них таким образом были истреблены или захвачены в плен. В дальнейшем полководец разбил три первоначальные колонны на большее число мелких отрядов и поручил начальствование над ними центурионам испытанной доблести. И, вопреки обыкновению, он не отвел войско по окончании лета и не разместил его в зимних лагерях старой провинции,⁸⁷ но, возведя укрепления, словно война была в самом начале, беспокоил непрерывно менявшего стоянки Такфарината действиями опытных и знакомых с пустынею воинов, пока, захватив в плен его брата, не отошел, наконец, назад, впрочем поспешнее, чем того требовала польза союзников, так как оставались недобитыми те, кто мог снова разжечь войну. Однако Тиберий счел ее завершеною и даже милостиво дозволил войнам Блеза провозгласить его императором — старинная почеть, которую охваченное радостным порывом победоносное войско оказывало своему успешно закончившему войну полководцу; одновременно бывало несколько императоров, и они не пользовались никакими преимущественными правами. И Август дозволил некоторым носить этот титул, но дозволение этого рода, данное Тиберием Блезу, было последним.

75. В этом году скончались именитые мужи Азиний Солонин, примечательный тем, что его дедами были Марк Агриппа и Азиний Поллион, а братом — Друз, и к тому же предназначавшийся в мужья внучке Цезаря,⁸⁸ и уже упоминавшийся мною Атей Капитон, который, предаваясь изучению права, достиг первостепенного положения в государстве, хотя дед его был в войске Суллы центурионом, а отец — только претором. Назначение его консулом было ускорено Августом, так что достоинством этой магистратуры он опередил блиставшего такими же дарованиями Лабео́на Антистия. Ибо этот век породил два воссиявших на мирном прище светоча. Но Лабео́н, отличавшийся неподкупным свободолобием, пользовался благодаря этому более громкою славой, тогда как уступчивость Капитона встречала большее одобрение властителей. Один, так как не пошел дальше претуры, возвысился в общественном мнении вследствие испытанной им несправедливости, другой, так как достиг консульства, возбудил против себя порожденную завистью неприязнь.

76. Тогда же, на шестьдесят четвертом году после битвы при Филиппах, умерла Юния, племянница Катона, супруга Гая Кассия, сестра Марка Брута. Ее завещание вызвало много толков в народе: уважительно упомянув в нем почти всех наиболее знатных граждан как наследников своего весьма значительного богатства, она пропустила Цезаря. Им это было воспринято снисходительно, и он не воспрепятствовал почтить ее похороны похвальным словом с ростральных трибун и прочими торжественными обрядами. Во главе погребальной процессии несли изображения двадцати знатнейших родов — Манлиев, Квинктиев и многих других, носивших не менее славные имена. Но ярче всех блистали Кассий и Брут — именно потому, что их изображений не было видно.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Консульство Гая Азиния и Гая Антистия пришлось на девятый год принципата Тиберия; в государстве царили мир и покой, в его семье — благоденствие (ведь смерть Германика он считал счастливым событием), как вдруг судьба стала бушевать, а сам он — свирепствовать или поощрять тех, кто свирепствовал. Положил этому начало и был причиною этого префект преторианских когорт Элий Сеян, о могуществе которого я упоминал выше; теперь расскажу о его происхождении, нравах и о том, каким злодеянием задумал он захватить в свои руки верховную власть. Сеян родился в Вульсингиях и был сыном римского всадника Сея Страбона; в ранней юности он состоял при внуке божественного Августа Гае Цезаре, и не без слухов о том, что он продавал свою развращенность богачу и моту

Апицию; в дальнейшем посредством различных уловок он настолько пленил Тиберия, что тот, обычно непроницаемый для окружающих, с ним одним оставлял свою скрытность и настороженность; и Сеян достиг этого не столько благодаря свойственному ему хитроумию (ведь и его одолели тем же оружием), сколько вследствие гнева богов, обрушенного ими на Римское государство, для которого и его возвышение, и его низложение было одинаково роковым. Тело его было выносливо к трудам и лишениям, душа — дерзновенна; свои дела он таил ото всех, у других выискивал только дурное; рядом с льстивостью в нем уживалась надменность; снаружи — притворная скромность, внутри — безудержная жажда главенствовать, и из-за нее — порою щедрость и пышность, но чаще усердие и настойчивость, — качества не менее вредоносные, когда они используются для овладения самодержавною властью.

2. Сеян значительно приумножил умеренное влияние, которым прежде пользовался префект преторианцев, сведя рассеянные по всему Риму когорты в один общий лагерь, чтобы можно было сразу ими распорядиться и чтобы их численность, мощь и пребывание на глазах друг у друга внушали им самим уверенность в своей силе, а всем прочим — страх. В обоснование этой меры он утверждал, что разбросанные воинские подразделения впадают в распущенность, что в случае неожиданной надобности собранные все вместе они смогут успешнее действовать и что, если они окажутся за лагерным валом, вдали от соблазнов города, у них установится более суровая дисциплина. Как только лагерь был закончен устройством, Сеян принялся мало-помалу втираться в доверие к воинам, посещая их и обращаясь к ним по именам; вместе с тем он стал самолично назначать центурионов и трибунов. Не воздерживался он и от воздействия на сенаторов, стремясь доставить своим клиентам должности и провинции. Тиберий не мешал ему в этом и был до того расположен к нему, что не только в частных беседах, но и в сенате, и перед народом превозносил Сеяна как своего сотоварища и сподвижника и допускал, чтобы в театрах, на городских площадях и преториях в расположении легионов воздавались почести его статуям.

3. Но большая семья Тиберия, сын — во цвете лет, взрослые внуки¹ были помехой к осуществлению желаний Сеяна: напасть на них разом было опасно, а коварный расчет говорил ему, что преступления должны быть отделены одно от другого некоторыми промежутками времени. Итак, он предпочел действовать более тайными средствами и начать с Друза, к которому питал еще не успевшую остыть злобу. Ибо Друз, не вынося соперников и вспыльчивый от природы, в разгаре случайно возникшего между ним и Сеяном спора поднял на него руку; тот не уступал, и он ударил его по лицу. И вот, обдумывая, что ему предпринять в первую очередь, Сеян пришел к выводу, что вернее всего подступиться к жене Друза Ливии, — эта сестра Германика, в ранней юности непривлекательная, впоследствии отличалась редкостной красотой. Изобразив, что воспылал к ней

любовью, он склонил ее к прелюбодеянию и, принудив к этому первому постыдному шагу, внушил ей желание соединиться с ним в браке, стать его соправительницей и умертвить мужа (ведь потерявшая целомудрие женщина уже ни в чем не отказывает!). И она, чей дядя был Август, свекор — Тиберий, и у которой были дети от Друза, осквернила себя, а также предков и потомков своих связью с любовником из муниципия, в ожидании преступного и неверного взамен почетного и того, чем она прочно владела. В их тайну посвящается также друг и врач Ливии Эвдем, который, используя права своего ремесла, нередко оставался наедине с Ливией. Тогда же Сеян, чтобы не возбуждать в любовнице ревности и сомнений, удаляет из дома свою жену Апикату, от которой у него было трое детей. Но трудности, связанные с выполнением их злодейского умысла, вселяли в них страх и вызывали отсрочки, а порою и противоречащие друг другу решения.

4. Между тем сын Германика Друз в начале года облекся в мужскую тогу, и сенат определил ему то же самое, что и его брату Нерону.² В добавление к этому Цезарь выступил с речью, в которой восхвалял своего сына за отеческое попечение о племянниках. Ибо Друз — хоть и трудно найти согласие там, где обитает мсгущество, — был, как все признавали, благожелателен к юношам и во всяком случае не проявлял к ним враждебности. Далее, принцепс вспомнил о своем давнем, но часто высказываемом только для вида намерении объехать провинции. Как на повод император указывал на то, что скопилось множество подлежащих увольнению ветеранов и что по этой причине необходимо пополнить войска посредством наборов: добровольно поступающих на военную службу мало, а если бы таких и оказалось достаточно, они не выдерживают никакого сравнения с воинами, пришедшими по призыву, ни в доблести, ни в дисциплине, потому что по собственному желанию в войска преимущественно бедняки и бродяги. Тиберий назвал также число легионов, охранявших те или иные провинции. Полагаю, что и мне следует указать, каковы были тогда римские вооруженные силы, какие цари состояли с нами в союзе и насколько более тесными были в те времена пределы империи.

5. Италию на обоих морях охраняли два флота: один со стоянкой в Мизенах, другой — в Равенне, а ближайшее побережье Галлии — снабженные таранами корабли, захваченные в битве при Акции и посланные Августом с должным числом гребцов в Форум Юлия. Но главные силы составляли восемь легионов на Рейне, являвшиеся одновременно оплотом и против германцев, и против галлов. Недавно умиротворенные испанские области³ были заняты тремя легионами. Мавританию римский народ отдал в дар царю Юбе.⁴ Прочие африканские земли удерживались двумя легионами, столькими же — Египет, а огромные пространства от Сирии и вплоть до реки Евфрата — четырьмя легионами; по соседству с ними властвовали цари иберов и албанов и других народов, ограждаемые от посягновений со стороны пограничных государств нашим величием; Фра-

кийи прави́ли Ремета́лк и сыно́вья Котиса; на берегах Дуная были размещены два легиона в Паннонии и два в Мезии, столько же находилось в Далмации; вследствие положения этой страны они могли бы поддержать с тыла дунайские легионы, а если бы Италии внезапно потребовалась помощь, то и туда было недалеко; впрочем, Рим имел собственные войска — три городские и девять преторианских когорт, — набираемые почти исключительно в Умбрии и Этрурии, а также в Старом Лации и в древнейших римских колониях.⁵ В удобных местах провинций стояли союзнические триремы, отряды конницы и вспомогательные когорты, по количеству воннов почти равные легионам; впрочем, точность здесь невозможна, так как в зависимости от обстоятельств эти силы перебрасывались с места на место и их численность то возрастала, то падала.

6. Считаю уместным остановиться и на других сторонах деятельности Тиберия, а также на том, каким было его правление вплоть до дня, до которого доведен мой рассказ; ибо уже в этом году принципат начал меняться к худшему. В начале его государственные дела, равно как и важнейшие частные, рассматривались в сенате и видным сенаторам предоставлялась возможность высказать о них мнение, а если кто впадал в лесть, то сам Тиберий его останавливал; предлагая кого-либо на высшие должности, он принимал во внимание знатность предков, добытые на военной службе отличия и дарования на гражданском поприще, чтобы не возникло сомнений, что данное лицо — наиболее подходящее. Воздавалось должное уважение консулам, должное — преторам; беспрепятственно отправляя свои обязанности и низшие магистраты. Повсюду, кроме судебных разбирательств об оскорблении величия, неуклонно соблюдались законы. Снабжением хлеба и сбором налогов и прочих поступлений в государственную казну занимались объединения римских всадников. Ведать личными своими доходами Цезарь обычно поручал честнейшим людям, иногда ранее ему неизвестным, но доверяясь их доброй славе; принятые к нему на службу, они неограниченно долгое время пребывали на ней, так что большая их часть достигала старости, выполняя все те же обязанности. Хотя простой народ и страдал от высоких цен на зерно, но в этом не было вины принцепса, не жалевшего ни средств, ни усилий, чтобы преодолеть бесплодие почвы и бури на море. Заботился он и о том, чтобы во избежание волнений в провинциях их не обременяли новыми тяготами, и они безропотно несли старые, не будучи возмущаемы алчностью и жестокостью магистратов; телесных наказаний и конфискаций имущества не было. Поместья Цезаря в Италии были немногочисленны, рабы — доброго поведения, дворцовое хозяйство — на руках у немногих вольноотпущенников; и если случались у него тяжбы с частными лицами, то разрешали их суд и законы.

7. Неприветливый в обращении и большинству соприкасавшихся с ним внушавший страх, он держался тем не менее этих порядков, и лишь после смерти Друза все пошло по-другому. При его жизни они оставались нетро-

нутыми, потому что Сеян, входя в силу, хотел слыть человеком, подающим благие советы принцепсу, и, кроме того, боялся отпора со стороны того, кто не скрывал своей ненависти к нему и часто жаловался, что при живом сыне Тиберий величает другого помощником императора: многого ли не хватает, чтобы он назначил его своим соправителем? Вначале стремление к власти наталкивается на преграды, но едва приобщишься к ней, как у тебя тотчас же появляются ревностные приверженцы; по желанию префекта уже создан лагерь; в его руки отданы воины; его статуя красуется в театре Гнея Помпея; он породнится с семьей Друза, и у них будут общие внуки;⁶ после этого только и остается, что молиться богам о ниспослании ему скромности, дабы он не пожелал большего. Друз нередко высказывал это и за пределами тесного круга приближенных, но даже самые доверительные его слова изменницею-женою передавались Сеяну.

8. И вот, полагая, что нужно поторопиться с выполнением задуманного, Сеян избирает яд, действие которого — медленное и постепенное — создавало бы подобие случайного заболевания. Он был дан Друзу евноухом Лигдом, как выяснилось спустя восемь лет.⁷ Во время болезни сына Тиберий ежедневно являлся в курию, то ли нисколько за него не тревожась, то ли, чтобы выказать стойкость духа; явился он туда и в день смерти Друза, когда тот еще не был погребен. Консулам, в знак печали севшим вместе с сенаторами, он напомнил об их достоинстве и предложил занять подобающее им место;⁸ затем, не позволив себе ни единого проявления горя, он обратился к проливавшим слезы сенаторам с целой речью, чтобы поднять их дух: он понимает, что может вызвать упрек, представ, несмотря на столь свежее горе, перед глазами сената; большинство людей, скорбя по умершим, едва выносит обращаемые к ним близкими слова утешения, едва может смотреть на дневной свет. Он не винит их по этой причине в малодушии, но для себя ищет облегчения более мужественного и намерен ради этого погрузиться в государственные дела. Далее он посетовал на преклонные лета Августы, на незрелый еще возраст внуков, на свои пожилые годы и велел привести сыновей Германика,⁹ единственную отраду в постигшем его несчастье. Вышедшие за ними консулы, ободлив юношей дружественными словами, ввели их в сенат и подвели к Цезарю. Взяв их за руки, он сказал: «Отцы сенаторы, после того как они лишились родителя, я поручил их попечению дяди и попросил его, чтобы, имея своих детей, он лелеял и этих не иначе, чем кровных отпрысков, возвысил и воспитал на радость себе и потомству; и теперь, когда смерть похитила Друза, я умоляю и заклинаю вас перед богами и родиной: примите под свое покровительство правнуков Августа, потомков славнейших предков, руководите ими, выполните свой и мой долг. Отныне они будут вам, Нерон и Друз, вместо родителей. Так предопределено вашим рождением: ваше благоденствие и ваши невзгоды неотделимы от благоденствия и невзгод Римского государства».

9. Эта речь вызвала у многих слезы; Цезаря осыпали пожеланиями благополучия в будущем; и если бы он ограничился сказанным, сердца слушателей остались бы преисполненными сочувствия к его горю и преклонения перед ним; но он вернулся к пустым и уже столько раз осмеянным заявлениям, что намерен отречься от власти, и пусть консулы или кто другой возьмет на себя управление государством; это подорвало доверие даже к тому искреннему и честному, что было им только что высказано. Друзы были определены такие же почести, как в свое время Германику, впрочем, с добавлением многих других; льстецы любят превосходить своих предшественников. Похороны отличались пышной процессией с обильными изображениями предков, и в длинной их веренице можно было увидеть Энея, к которому восходит род Юлиев,¹⁰ всех царей Альбы Лонги, основателя Рима Ромула, а за ними — сабинских родоначальников, Атта Клавса и остальных Клавдиев.¹¹

10. В рассказе о смерти Друза я привел только то, о чем упоминает большинство источников, и притом наиболее заслуживающих доверия. Но не умолчу и о слухе, настолько в то время упорном, что он не заглох и поныне. Подбив на преступление Ливию, Сеян посредством развратной связи завладел якобы и волей евнуха Лигда, так как тот благодаря своей юности и красоте пользовался расположением господина и был одним из его приближенных слуг. После того как заговорщики условились относительно места и времени отравления, Сеян дошел до такой наглости, что отправил подметное письмо Цезарю, в котором, обвинив Друза в намерении отравить отца, убеждал Тиберия не прикасаться за обедом у сына к первой предложенной ему чаше. Старик поддался обману и, явившись на пир, передал врученную ему чашу Друзу, а тот, ни о чем не догадываясь и осушив ее с юношеской живостью, еще больше укрепил подозрение в том, что из страха и со стыда он сам себя присудил к смерти, которую подстроил отцу.

11. Этот широко распространенный в народе слух, помимо того, что не существует достоверных свидетельств в его подтверждение, может быть с легкостью опровергнут. И вправду, кто, обладая хотя бы крупницей благоразумия, не говоря уже о Тиберии с его огромным жизненным опытом, погубил бы сына, не выслушав его объяснений, и к тому же собственноручно, и не мучился бы затем раскаяньем? Почему бы он не подверг скорее пытке поднесшего ему отраву раба, не дознался, кем было задумано преступление, не действовал, имея дело с единственным сыном, ни разу не избалованным в злокозненности, с той медлительностью и неторопливостью, которые были присущи ему даже по отношению к посторонним? Но так как Сеян считался источником всех злодеяний, а также вследствие чрезмерной привязанности к нему Тиберия и всеобщей ненависти и к тому и к другому люди охотно верили любым выдумкам, сколь бы чудовищны они ни были, тем более что кончина властителей всегда связывается молвою со всякими ужасами. Кроме того, обстоятель-

ства преступления, выданного женою Сеяна Апикатой, были раскрыты под пыткой Эвдемом и Лигдом. Далее, не нашлось такого историка, который, с какой бы ненавистью он ни относился к Тиберию, упрекнул бы его в смерти сына, хотя они тщательно собирали и даже преувеличивали все прочее. Что до меня, то, сообщая этот слух и тут же опровергнув его, я имел в виду показать на ярком примере лживость молвы и убедить тех, в чьи руки попадет этот труд, не отдавать предпочтения ходячим и вздорным выдумкам, с такою жадностью подхватываемым людьми, перед правдивым повествованием, которое дорожит истиной и не уклоняется к сказочному.

12. Когда Тиберий произносил с ростральной трибуны похвальное слово сыну, народ и сенат, сохраняя печальный облик и разражаясь горестными стенаниями, делали это скорее притворно, чем искренне, и в глубине души радовались, что семейство Германика вновь обретает силу. Это первое проявление народной любви и то, что Агриппина не скрывала своих материнских надежд, ускорила его гибель, ибо Сеян, видя, что умерщвление Друза осталось для убийц безнаказанным и не вызвало подлинной скорби в народе, и готовый на новые злодеяния, так как первое было успешно доведено до конца, принялся размышлять, как ему истребить сыновей Германика, которые, бесспорно, станут наследниками Тиберия. Он не мог покончить со всеми тремя, подсыпав им яду, так как служившие им рабы отличались преданностью и целомудрие Агриппины было неколебимо. Итак, он принимается порицать ее высокомерие, распалая давнюю ненависть к ней Августы и подстрекать свою недавно обретенную сообщницу Ливию с тем, чтобы они восстали против нее Тиберия, нашептывая ему, что она, гордясь многочисленностью рожденных ею детей и опираясь на расположение к ним народа, замышляет захватить власть. Того же добивался он и через искусных клеветников, из которых особенно рассчитывал на Юлия Постума, благодаря прелюбодейной связи с Мутилей Приской втершегося в доверие к бабке¹² и по этой причине весьма пригодного для его целей, так как Приска, имевшая большое влияние на Августу, разжигала в старухе, и от природы властолюбивой и не терпящей соперничества, непримиримую враждебность к невестке. Вместе с тем и между приближенными Агриппины нашлись такие, которых удалось подговорить, чтобы они возбуждали злонамеренными речами ее честолюбие.

13. Между тем Тиберий, стараясь забыться в трудах, неустанно занимался государственными делами, рассматривая жалобы римских граждан и просьбы союзников; по его предложению сенат, идя навстречу разрушенным землетрясением городам — Кибире в Азии, Эгию в Ахайе, — издал указ, освободивший их на три года от уплаты налогов. Тогда же проконсул Дальней Испании Вибий Серен, осужденный за насилие и жестокость по закону о превышении власти, ссылается на остров Аморг. Выносятся оправдательный приговор Карсидию Сацердоту, преданному

суду за то, что он якобы снабжал хлебом врага Римского государства Такфарината; равно как и Гаю Гракху, привлеченному по такому же обвинению. Последнего, еще совсем малым ребенком, взял с собою в ссылку на остров Керкину его отец Семпроний. Выросший там среди людей, которых не коснулось образование, он кормился жалкою меновою торговлей в Африке и Сицилии и тем не менее не избегнул опасностей, сопряженных с высоким положением в обществе. И если бы этого ни в чем не повинного Гракха не защитили управлявшие тогда Африкой Элий Ламия и Луций Апроний, его несомненно погубили бы принадлежность к прославленному несчастному роду и гонения, которым подвергся его отец.

14. Также и в этом году греческие общины прислали своих представителей, просивших подтвердить давнее право убежища: самосцы — за храмом Юноны,¹³ граждане Коса — за храмом Эскулапия. Самосцы ссылались на постановление амфикионов,¹⁴ обладавших высшею властью и вершивших всеми делами в то далекое время, когда греки, основав города в Азии, владели ее побережьем. Основания, на которые опирались кбсцы, имели за собой не меньшую древность, к чему присоединялись и заслуги их предков, ибо они открыли для римских граждан храм Эскулапия, когда тех, по приказанию царя Митридата, истребляли на всех островах и во всех городах Азии.¹⁵

После неоднократных, но безуспешных жалоб со стороны преторов Цезарь самолично доложил, наконец, сенату о бесчинствах комедиантов и мимов: много смуты вносят они в общественные места, много мерзостей творят за стенами частных домов; древнее представление осков — безобидное и забавное народное зрелище¹⁶ — стало настолько бесстыдным и настолько распространенным, что сенату надлежит положить предел этому безобразию. Вслед за тем комедианты и мимы были изгнаны из Италии.

15. В том же году Цезарь понес и другие утраты: умер один из близнецов Друза;¹⁷ не менее тяжелой потерей была и смерть друга. То был Луцилий Лонг, давний товарищ всех его печалей и радостей, единственный из сенаторов, разделявший с ним его уединение на Родосе. И так, невзирая на то, что Лонг принадлежал к новой знати, сенаторы решили устроить ему цензорские похороны на государственные счет и установить его статую на форуме Августа. Тогда все дела еще рассматривались сенатом, так что пред ним предстал и прокуратор Азии Луцилий Капитон; привлеченный к суду по предъявленному этой провинцией обвинению, причем принцепс решительно заявил, что он предоставил Капитону право распоряжаться лишь его, принцепса, имуществом и рабами, а если тот присвоил себе преторскую власть и пользовался в своих целях воинской силой, то тем самым превысил свои полномочия; так пусть же сенаторы выслушают союзников. По расследовании дела подсудимый был осужден. За это заступничество, а также за то, что и в минувшем году был наказан Гай Силан,¹⁸ города Азии постановили воздвигнуть храм

в честь Тиберия, его матери и сената. На его постройку было дано разрешение, и благодарил за него сенаторов и деда Нерон, благожелательно принятый слушателями, которым, при еще свежем воспоминании о Германике, представлялось, будто они снова видят его и его слушают. Юноша отличался скромностью и достойной мужа высокого положения внешностью и имел тем больший успех, чем большей подвергался опасности вследствие всем известной ненависти к нему Сеяна.

16. Тогда же Цезарь выступил с речью по поводу избрания фламينا Юпитера вместо умершего Сервия Малугинского, в которой предложил издать новый закон о порядке замещения этой должности. Ведь древний обычай предписывает выдвинуть кандидатами трех патрициев, чьи родители сочетались браком по обряду конфарреации,¹⁹ и на одном из них остановить выбор; теперь, однако, в отличие от старины нет прежнего обилия соискателей, потому что обряд конфарреации вышел из обихода или удержался среди очень немногих (он привел несколько причин этого. и главнейшая из них — нерадивость мужчин и женщин; сюда присоединяются и сопряженные с самой церемонией трудности, которых желают избежать) и еще потому, что принявший на себя сан фламينا Юпитера, равно, как и та, кто, выйдя за него замуж, подчинена его власти, выходят из-под власти отца.²⁰ Здесь нужно внести послабления, подобно тому как некогда Август приспособил к нуждам своего времени кое-что из завещанного суровой древностью. По рассмотрении сакральных установлений сенат определил не менять порядка назначения на должность фламينا, но издал закон, согласно которому супруга фламينا подвластна мужу лишь в том, что имеет касательство к священнодействиям, а в остальном пользуется одинаковыми с прочими женщинами правами. Преемником Сервия Малугинского назначили его сына. Чтобы возвысить достоинство жрецов и чтобы сами они с большим рвением служили богам, было постановлено выдать весталке Корнелии, заместившей Скантию, два миллиона сестерциев, и, кроме того, было решено, что Августа при посещении театра всякий раз будет занимать место среди весталок.

17. В консульство Корнелия Цетега и Визеллия Варрона понтифики, а по их примеру и остальные жрецы, вознося молитвы о благополучии принцепса и давая соответствующие обеты, препоручили попечению тех же богов Нерона и Друза, не столько из любви к этим молодым людям, сколько из лести. Но при порче нравов как отсутствие, так и чрезмерность ее в равной мере опасны. Тиберий, никогда не питавший расположения к семейству Германика, глубоко уязвленный тем, что его, старика, поставили в один ряд с молодыми людьми, вызвал к себе понтификов и спросил их, уступили ли они просьбам Агриппины или ее угрозам. Они отрицали то и другое, но принцепс их побранил, впрочем, довольно мягко: ведь значительную их часть составляли его родственники, а другие были виднейшими гражданами государства. Тем не менее он выступил с речью в сенате, в которой предупредил, чтобы впредь никто

возданием преждевременных почестей не распался честолюбия в восприимчивых душах юношей. На него воздействовал и Сеян, твердивший, что государство расчленено на враждебные станы, как если бы было охвачено гражданской войной: есть такие, которые открыто заявляют о своей принадлежности к партии Агриппины, и если не принять мер, их станет гораздо больше; и не существует другого средства против углубляющейся усобицы, как убрать одного или двух из наиболее рьяных смутьянов.

18. Итак, во исполнение своего замысла Сеян решает расправиться с Гаем Силием и Титием Сабином. Близость к Германику была пагубна для обоих, но для Силия — еще и то, что в течение семи лет он начальствовал большим войском, одолел в войне Сакровира, заслужил в Германии триумфальные отличия, и с чем большей высоты он был бы низвергнут, тем больший страх навело бы его падение на остальных. По мнению некоторых, своею несдержанностью он еще сильнее восстановил против себя принцепса, ибо заносчиво похвалялся, что его воины соблюдали повиновение, когда все прочие были вовлечены в мятеж, и что Тиберий не сохранил бы власти, если бы и эти легионы пожелали перемен. Цезарь считал, что это умаляет его достоинство и что он бессилен отблагодарить за такие заслуги. Ибо благодеяния приятны лишь до тех пор, пока кажется, что за них можно воздать равным; когда же они намного превышают такую возможность, то вызывают вместо признательности ненависть.

19. У Силия была жена Созия Галла, ненавистная принцепсу, потому что питала привязанность к Агриппине. И вот было решено погубить их обоих, отложив на время расправу с Сабином. Против них выступает с обвинением консул Варрон, который, прикрываясь враждою своего отца с Силием, взялся ценою собственного позора угодить ненависти Сеяна. В ответ на ходатайство подсудимого немного отсрочить разбирательство его дела, с тем чтобы выждать, когда обвинитель сложит с себя консульские обязанности, Цезарь возразил, что вполне обычно для магистратов привлекать к суду частных лиц и не подобает лишать этого права консула, ревностно наблюдающего за тем, чтобы республика не потерпела ущерба. Так уж было заведено у Тиберия — прикрывать древними формулами только что измышленные беззакония. Итак, сенаторам строжайше предписывается собраться на заседание, как если бы Силия судили согласно законам, Варрон был настоящим консулом и республика — подлинной. Подсудимому не давали говорить, так как, пытаясь высказаться в свою защиту, он не скрывал, чей гнев, по его мнению, навлек на него преследования. Обвинение гласило, что, зная о причастности Сакровира к восстанию, он долгое время утаивал это, что своей алчностью запятнал победу и что его сообщницею была жена. Не подлежит сомнению, что они были замешаны в вымогательствах, но в суде все рассматривалось как оскорбление величия, и Силий, предвидя неизбежное осуждение, упредил его добровольною смертью.

20. Тем не менее накинудись на оставшееся после него имущество, и не для того чтобы возместить провинциалам их деньги, которых никто не требовал, но чтобы изъять, после того как были подсчитаны истребованные императорскою казною суммы, полученное им от щедрот Августа. Это был первый случай, когда Тиберий наложил руку на чужое добро. По предложению Азиния, Галла Созия присуждается к ссылке; он же высказался за конфискацию половины ее имущества с оставлением за детьми другой половины. Против этого возражал Маний Лепид, считавший, что одна четверть, как предписывает закон, должна быть отдана обвинителям, а все остальное — детям. И вообще я нахожу, что в те времена этот Лепид был мужем весьма достойным и мудрым, ибо его стараниями были смягчены многие жестокие приговоры, вынесенные другими сенаторами из раболепия перед принцепсом. Вместе с тем он не был лишен чувства меры, поскольку Тиберий не только прислушивался к его словам, но был также и расположен к нему. Это побуждает меня задуматься, определяется ли, как во всем прочем, благосклонность властителей к одним и их недовольство другими волею судьбы и предназначенным от рождения жребием или тут кое-что зависит и от нашего благоразумия и можно идти прямым и безопасным путем где-то посередине между непримиримую непреклонностью и низкою угодливостью. А вот Мессалин Котта, происходивший от столь же прославленных предков, но человек противоположного душевного склада, предложил издать сенатское постановление, в котором было бы предусмотрено, что магистраты, даже тогда, когда они ни в чем не виновны и не знали о предосудительных делах своих жен, наказуются за совершенные теми в провинциях преступления как за свои собственные.

21. Затем разбиралось дело Кальпурния Пизона, человека знатного, смелого и независимого. Ибо, как я рассказал выше, он во всеуслышание заявил в сенате, что намерен покинуть Рим из-за бесчинствующих в нем шаек доносчиков; он же, не побоявшись всемогущей Августы, осмелился выступить с обвинением против Угулании и вызвать ее в суд из дома самого принцепса. В свое время Тиберий не выказал по этому поводу неудовольствия, но, снова и снова возвращаясь в душе к пережитому оскорблению, он хорошо помнил о нем и после того, как первый порыв злости миновал. Квинт Граний обвинил Пизона в оскорблении величия, на которое тот дерзнул в беседе с глазу на глаз; к этому он добавил, что у себя дома Пизон хранит яд и что входит в курию, имея при себе меч.²¹ Последнее обвинение было отвергнуто как слишком чудовищное и превосходящее меру правдоподобия, но под тяжестью остальных — а их возвели на него множество — он был признан подлежащим суду, который, однако, не состоялся, так как Пизон вовремя умер. Шла речь и об изгнаннике Кассии Севере, который, происходя из низов и предаваясь порочной жизни, но обладая при этом ораторским дарованием, своими безудержными нападкамии вызвал такую

враждебность к себе, что по приговору принесшего клятву сената²² был удален на Крит; но и там, ведя себя точно так же, возбудив новую ненависть и оживив старую, он был присужден к конфискации имущества и, лишенный огня и воды, состарился на скале Серифе.

22. Тогда же претор Плавтий Сильван по невыясненным причинам выбросил из окна жену Апронию и, доставленный тестем Луцием Апронием к Цезарю, принялся сбивчиво объяснять, что он крепко спал и ничего не видел и что его жена умертвила себя по своей воле. Тиберий немедленно направился к нему в дом и осмотрел спальню, в которой сохранялись следы борьбы, показывавшие, что Апрония была сброшена вниз насильственно. Обо всем этом принципс докладывает сенату, и по назначении судей бабка Сильвана Ургулания послала ему кинжал. Так как Ургулания была в дружбе с Августой, считали, что это было сделано ею по совету Тиберия. После неудачной попытки заколоться подсудимый велел вскрыть себе вены. Привлеченная вскоре к суду его первая жена Нумантина, обвинявшаяся в том, что посредством заклинаний и приворотного зелья наслала безумие на своего бывшего мужа, была признана невиновной.

23. Этот год избавил наконец римлян от длительной войны с нумидийцем Такфаринатом. Затянулась она по той причине, что воевавшие с ним полководцы, добившись успехов, достаточных, как они полагали, для получения триумфальных отличий, тотчас же оставляли врага в покое. В Риме уже стояли три увенчанные лаврами статуи, а Африку по-прежнему грабил Такфаринат, снова усилившийся благодаря вспомогательным войскам мавританцев. Сын Юбы Птолемей по молодости лет ни во что не вникал, и мавританцы предпочитали отправиться на войну, чем терпеть над собой царских вольноотпущенников и повиноваться вчерашним рабам. Укрывателем захваченной Такфаринатом добычи и его сообщником в грабеже был царь гарамантов; он не действовал во главе своего войска, но посылал к нумидийцам незначительные отряды, численность которых за отдаленностью преувеличивалась молвой. К тому же и из самой провинции перебегало к Такфаринату немало таких, кого гнали к нему нищета и буйные нравы, тем более что после одержанных Блезом побед Цезарь приказал девятому легиону возвратиться из Африки, как если бы там не осталось врагов, а проконсул этого года Публий Долабелла, для которого приказания принцепса были страшнее неожиданностей войны, не посмел его задержать.

24. Между тем, распустив слух, что Римское государство теснят и другие народы, что это и есть истинная причина, по которой римляне понемногу уходят из Африки, и что окружить оставшихся не составит труда, если все, кто предпочитает свободу рабству, приложат старание к этому, Такфаринат наращивает силы и, разбив лагерь, облагает осадой город Тубуск. Но Долабелла, стянув отовсюду воинов, какие только у него были, благодаря страху, который внушало римское имя, и неспо-

собности нумидийцев вести бой с пехотою одним ударом снял осаду с Тубуска и укрепился в удобных местах; одновременно он казнит замышлявших измену вождей мусуламиев. И так как неоднократные походы против Такфарината убедительно показали, что тяжело вооруженному и наступающему в одном направлении войску за столь подвижным противником не угнаться, Долабелла вызвал царя Птолема с его соплеменниками и, разбив свои силы на четыре колонны, отдал начальствование над ними легатам и трибунам; летучие отряды для захвата добычи возглавили мавританцы; сам он ководел всеми.

25. Немного спустя поступает известие, что нумидийцы, раскинув шатры, расположились у полуразрушенного, ими самими сожженного укрепления по названию Авзея, рассчитывая на неприступность этого места, так как его окружают пустынные, заросшие лесом горы. Немедленно туда с величайшей поспешностью устремляются когорты легковооруженных и подразделения конницы, не осведомленные о том, куда их ведут. И едва забрезжил рассвет, как под звуки труб, с яростным криком они бросились на полусонных варваров, кони которых были стреножены или бродили по удаленным пастбищам. У римлян — сомкнутый строй пехотинцев, правильно расставленные отряды всадников, все предусмотрено для сражения; напротив, у ни о чем не подозревавших врагов ни сружия, ни порядка, ни плана боевых действий, и их хватают, тащат, убивают, как овец. Воины, ожесточенные воспоминанием о перенесенных трудностях и лишениях, о том, сколько раз они искали битвы с уклонявшимся от нее неприятелем, упивались мщением и вражеской кровью. По манипулам передается приказ: не упустить Такфарината, которого все хорошо знают в лицо, так как видели его в стольких битвах; пока вождь не убит, не будет отдыха от войны. А он, увидев, что его телохранители отеснены, что его сын уже заключен в оковы, что со всех сторон к нему устремляются римляне, избежал плена, бросившись на их мечи и недешево продав свою жизнь; таков был конец этой войны.

26. Домогавшемуся триумфальных отличий Долабелле Тиберий отказал в угодку Сеяну, дабы не померкла слава его дяди Блеза. Но Блез не стал от этого знаменитее, а отказ в предоставлении заслуженных почестей еще больше возвысил в общем мнении Долабеллу; ведь он с меньшими силами захватил занимавших видное положение пленных, умертвил вождя и стяжал себе славу завершителя этой войны. Затем прибыли послы гарамантов, которых редко приходилось видеть в Риме; народ, потрясенный гибелью Такфарината, но не знавший за собою вины, направил их, чтобы представить объяснения римлянам. Узнав об усердии Птолема в этой войне, сенат восстановил старинный обычай и пожаловал его почетной наградой: к нему был послан один из сенаторов, чтобы вручить жезл из слоновой кости и расшитую тогу — принятые в древности подарки сената — и назвать его царем, союзником, другом.

27. Тем же летом едва не вспыхнуло восстание рабов; подавить его возникшие по всей Италии очаги позволила только случайность. Зачинщик волнений, бывший воин преторианской когорты Тит Куртизий, начал с тайных сборищ в Брундизии и расположенных поблизости городах, а затем в открыто выставленных воззваниях стал побуждать к борьбе за освобождение диких и буйных сельских рабов, обитавших в отдаленных горах посреди лесных дебрей; и вот, как бы по милости богов при были три биремы, назначенные для сопровождения и охраны плывавших по этому морю. Квестором в этих краях был Кутий Луп, которому по установленному с древних времен порядку достались в управление леса и дороги.²³ Расставив подобающим образом моряков, он рассеял уже готовых выступить заговорщиков. Срочно присланный Цезарем трибун Стай с сильным отрядом доставил самого вожака и ближайших со товарищей его дерзости в Рим, уже охваченный страхом из-за великого множества находившихся в нем рабов, численность которых неимоверно росла, тогда как свободнорожденных плебеев с каждым днем становилось все меньше.

28. При тех же консулах перед сенатом предстали — горестный пример бедствий и жестокости — в качестве обвиняемого отец, в качестве обвинителя сын (имя и тому и другому было Вибий Серен). Привезенный из ссылки, оборванный, покрытый грязью и закованный в цепи отец стоит лицом к лицу с произносящим обвинительную речь сыном. А нарядно одетый молодой человек — он же доносчик и он же свидетель — утверждал, не смущаясь, что его отец готовил покушение на принцепса и послал в Галлию подстрекателей к мятежу, и добавил, что деньги на это дал бывший претор Цецилий Корнут; последний, угнетаемый страхом, ибо полагал, что подвергнуться такому обвинению означало верную гибель, поспешил себя умертвить. Подсудимый, напротив, нисколько не потеряв твердости духа, устремляет взор на сына и, потрясая оковами, взывает к богам-мстителям, моля их возвратить его в ссылку, где он мог бы жить вдали от подобных нравов, а на его сына когда-нибудь обрушить возмездие. Он твердо стоял на том, что Корнут ни в чем не повинен и беспричинно поддался страху. Это нетрудно выяснить, назвав других участников заговора, — не мог же он, Вибий Серен, имея одного единственного сообщника, замыслить убийство принцепса и государственный переворот.

29. Тогда обвинитель называет Гнея Лентула и Сея Туберона, приводя этим в величайшее смущение Цезаря: первые граждане государства, его преданные друзья — Лентул в преклонных летах, Туберон — немощный телом, обвиняются в подстрекательстве враждебных народов, в сеянии внутренних смут! Обвинение было тут же с них снято; допросили рабов относительно Серена-отца, но допрос оказался неблагоприятным для обвинителя. Тот, в преступном неистовстве и в страхе перед ропотом простого народа, угрожавшего ему подземной темницей, скалой²⁴ и казнью,

предусмотренной для отцеубийц,²⁵ покидает Рим. Но его возвращают из Фавенны и заставляют довести до конца обвинение, причем Тиберий не скрывает своей давней ненависти к изгнаннику Серену. Дело в том, что вскоре после осуждения Либона Серен написал письмо Цезарю, в котором жаловался, что лишь его усердие осталось не награжденным, и позволил себе кое-какие резкости, не безопасные, когда они обращены к человеку надменному и склонному к раздражительности. Обо всем этом Цезарь напомнил ему спустя восемь лет, обвинив его во всяческих преступлениях, якобы совершенных им за истекшее с той поры время, хотя подвергнутые пыткам рабы упорно их отрицали.

30. Затем были собраны голоса: Серен осуждался на казнь принятым нашими предками способом,²⁶ на что, однако, Тиберий не согласился, чтобы смягчить неприязнь, которую он навлек на себя этим процессом. А когда Азиний Галл предложил заточить осужденного на Гиаре или Донусе, он возразил и против этого, заявив, что на обоих островах нет воды и что кому даруется жизнь, тому нужно предоставить и средства для поддержания жизни. Итак, Серена снова отправили на Аморг. В связи с самоубийством Корнута в сенате заговорили о том, что не следует награждать обвинителей, если обвиняемый в оскорблении величия сам себе причинит смерть до завершения судебного разбирательства. Это предложение было бы принято, если бы против него не выступил Цезарь, который решительно и вопреки обыкновению открыто стал на сторону обвинителей, говоря, что без них законы будут бессильны и государство окажется на краю пропасти; пусть уж сенат скорее откажется от установленного правопорядка, чем устранил его опору. Так доносчиков — разряд людей, придуманный на общественную погибель и до того необузданный, что никогда не удавалось сдержать его в должных границах даже при помощи наказаний, поощряли обещаниями наград.

31. Среди этих столь привычных и столь печальных событий выпадает и одно довольно отрадное: римского всадника Гая Коминия, избличенного в написании порочащего Цезаря стихотворения, он великодушно простил, вняв мольбам его брата-сенатора. Тем более казалось непостижимым, почему, зная лучшее и какую славою вознаграждается милосердие, он отдает предпочтение худшему. Ведь он не страдал отсутствием проницательности и не обманывался насчет того, когда деяния императоров прославляются искренне, а когда восторги притворны. Да и сам он, хотя обычно говорил принужденно и как бы борясь со словами, был гораздо красноречивее всякий раз, когда приходил к кому-либо на помощь. Впрочем, когда было принято постановление воспретить пребывание в Италии бывшему квестору Германика Публию Суиллию, избличенному в получении взятки при судебном разбирательстве, и Цезарь потребовал для него ссылки на остров, он с такою горячностью доказывал важность этого для государства, что в подтверждение своих слов покаялся. Тогда это было принято с недовольством, но впоследствии, по возвраще-

нии Суиллия, обернулось для Тиберия похвалами: следующее поколение видело Суиллия всемогущим, продажным и долгое время своекорыстно пользовавшимся дружбой с принцепсом Клавдием и никогда — в благих целях. То же наказание сенаторы определили и Кату Фирмию, клеветнически обвинившему сестру в оскорблении величия. Этот Кат, как я уже говорил, предательски опутал Либона и затем, донеся на него, погубил. Помня об оказанной им услуге, но прикрываясь другим, принцепс попросил не отправлять его в ссылку, но не возражал против удаления его из сената.

32. Я понимаю, что многое из того, о чем я сообщил и сообщаю, представляется, возможно, слишком незначительным и недостойным упоминания; но пусть не сравнивают наши анналы с трудами писателей, излагавших деяния римского народа в былые дни. Они повествовали о величайших войнах и взятии городов, о разгроме и пленении царей, а если обращались к внутренним делам, то ничто не мешало им говорить обо всем, о чем бы они ни пожелали: о раздорах между консулами и трибунами, о земельных и хлебных законах, о борьбе плебса с оптиматами; а наш труд замкнут в тесных границах и поэтому неблагоприятен: нерушимый или едва колеблемый мир, горестные обстоятельства в Риме и принцепс, не помышлявший о расширении пределов империи. И все же будет бесполезным всмотреться в эти незначительные с первого взгляда события, из которых нередко возникают важные изменения в государстве.

33. Всеми государствами и народами правят или народ, или знатнейшие, или самодержавные властители; наилучший образ правления, который сочетал бы и то, и другое, и третье, легче превозносить на словах, чем осуществить на деле, а если он и встречается, то не может быть долговечным. Итак, подобно тому как некогда при всесии плебса требовалось знать его природу и уметь с ним обращаться или как при власти патрициев наиболее искусными в ведении государственных дел и сведущими считались те, кто тщательно изучил образ мыслей сената и оптиматов, так и после государственного переворота,²⁷ когда Римское государство управляется не иначе, чем если бы над ним стоял самодержец, будет полезным собрать и рассмотреть все особенности этого времени, потому что мало кто благодаря собственной проникающей отличает честное от дурного и полезное от губительного, а большинство учится этому на чужих судьбах. Впрочем, сколько бы подобный рассказ ни был полезен, он способен доставить лишь самое ничтожное удовольствие, ибо внимание читающих поддерживается и восстанавливается описанием образа жизни народов, превратностей битв, славной гибели полководцев; у нас же идут чередой свирепые приказания, бесконечные обвинения, лицемерная дружба, истребление ни в чем не повинных и судебные разбирательства с одним и тем же неизбежным исходом — все, утомляющее своим однообразием. У древних писателей редко когда отыскивается хули- тель, потому что никого не волнует, восхищаются ли они пуническими

или римскими боевыми порядками; но потомки многих, подвергнутых при власти Тиберия казни или обесчещению, здравствуют и поныне. А если их род и угас, все равно найдутся такие, которые из-за сходства в нравах сочтут, что чужие злодеяния ставятся им в упрек. Даже к славе и доблести ныне относятся неприязненно, потому что при ближайшем знакомстве с ними они воспринимаются как осуждение противоположного им. Но возвращаюсь к прерванному повествованию.

34. В консульство Корнелия Косса и Азиния Агриппы привлекается к судебной ответственности Кремуций Корд по дотоле неслыханному и тогда впервые предъявленному обвинению, за то, что в выпущенных им в свет анналах он похвалил Брута и назвал Кассия последним римлянином. Обвиняли Корда клиенты Сеяна Сатрий Секунд и Пинарий Натта. Уже это одно предвещало подсудимому верную гибель, да и сам Цезарь грозно хмурился, слушая его речь в свое оправдание, которую он, зная, что ему предстоит расстаться с жизнью, начал следующим образом: «Отцы сенаторы, мне ставят в вину только мои слова, до того очевидна моя невиновность в делах. Но и они не направлены против принцепса или матери принцепса, которых имеет в виду закон об оскорблении величия. Говорят, что я похвалил Брута и Кассия, но многие писали об их деяниях, и нет никого, кто бы, упоминая о них, не воздал им уважения. Тит Ливий, самый прославленный, самый красноречивый и правдивый из наших историков, такими похвалами превознес Гнея Помпея, что Август прозвал его помпеянцем, и, однако, это не помешало их дружеским отношениям. Сципиона, Афрания, этого самого Брута, этого самого Кассия он часто именует выдающимися мужами и нигде — разбойниками и отцеубийцами, каковое наименование им присвоено ныне. Сочинения Азиния Поллиона также хранят о них добрую память; Мессала Корвин открыто называл Кассия своим полководцем, а между тем и тот и другой жили в богатстве и неизменно пользовались почетом. Ответил ли диктатор Цезарь на книгу Марка Цицерона, в которой Катон превозносится до небес, иначе чем составленной в ее опровержение речью, как если бы он выступал перед судьями? Письма Антония и речи Брута к народу содержат неосновательные, но проникнутые большим ожесточением упреки Августу. Общеизвестны полные оскорбительных выпадов против Цезарей стихотворения Бибакула и Катулла,²⁸ но сам божественный Юлий, сам божественный Август не обрушились на них и не уничтожили их, и я затруднился бы сказать, чего в этом больше — терпимости или мудрости. Ведь оставленное без внимания забывается, тогда как навлекшее гнев кажется справедливым.

35. «Не говорю о греках, у которых была безнаказанной не только свобода, но и разнузданность в выражениях, и если кто возмущался ими, то за слова мстил словами. И уж совсем беспрепятственно и не встречая отпора можно было высказываться у них о тех, кого смерть отняла у ненависти или пристрастия. Разве я на народном собрании возбуждаю

граждан к усобице, когда поднявшие оружие Кассий и Брут занимают поле сражения при Филиппах? Или, погибнув семьдесят лет назад, они не сохраняют своей доли памяти в книгах историков, подобно тому как их узнают по изображениям, которых не истребил даже одержавший над ними победу?²⁹ Потомство воздаст каждому по заслугам, и не будет недостатка в таких, которые, если на меня обрушится кара, помянут не только Кассия с Брутом, но и меня». Выйдя затем из сената, он отказался от пищи и так лишил себя жизни. Сенаторы обязали эдилов сжечь его сочинения, но они уцелели, так как списки были тайно сохранены и впоследствии обнародованы. Тем больше оснований посмеяться над недомыслием тех, которые, располагая властью в настоящем, рассчитывают, что можно отнять память даже у будущих поколений. Напротив, обаяние подвергшихся гонениям дарований лишь возрастает, и чужеземные цари или наши властители, применявшие столь же свирепые меры, не добились, идя этим путем, ничего иного, как бесчестия для себя и славы для них.

36. В этом году обвинения следовали одно за другим, и даже в первый день Латинских празднеств³⁰ к префекту Рима Друзу, стоявшему на трибунале, на который он поднялся в знак вступления в должность, обратился Кальпурний Сальвиан с доносом на Секста Мария: за этот поступок, вызвавший громкое порицание Цезаря, Сальвиан поплатился ссылкой.³¹ Жители Кизика были обвинены в нерадивом отправлении священнодействий в честь божественного Августа, и, кроме того, им вменялись в вину насилия над римскими гражданами. За это у них были отняты вольности, дарованные им во время войны с Митридатом, когда, подвергшись осаде, они отогнали царя столько же благодаря своей стойкости, сколько вследствие поддержки Лукулла. Но был оправдан Фонтей Капитон, занимавший ранее должность проконсула Азии, так как расследование установило, что обвинения, которые возвел на него Вибий Серен, лишены основания. Однако Серена не привлекли за это к ответственности, так как всеобщая ненависть обеспечивала ему безнаказанность. Ибо не знавшие ни стыда, ни совести обвинители становились как бы неприкосновенными личностями, а карались лишь ничтожные, никому не ведомые доноски.

37. Тогда же Испания Дальняя, направив послов в сенат, обратилась к нему с ходатайством дозволить ей по примеру Азии возвести храм Тиберию и его матери. Цезарь, который вообще умел пренебрегать почестями, счел нужным воспользоваться этим случаем, чтобы ответить тем, кто порицал его, утверждая, будто он стал поддаваться тщеславию, и начал речь следующим образом. «Я знаю, отцы сенаторы, что многие хотели бы видеть во мне большую твердость, поскольку недавно я не отказал городам Азии, просившим о том же. Итак, я постараюсь объяснить мое молчаливое согласие в прошлом и то, что я решил делать в будущем. Так как божественный Август не воспретил воздвигнуть в Пергаме храм ему и городу Риму, то и я, для которого его слова и

дела — закон, с тем большей готовностью последовал за предуказанным им образом, что мой культ объединялся в тот раз с почитанием сената. Но если разрешение культа такого рода могло быть оправдано в единичном случае, то допустить, чтобы во всех провинциях поклонялись мне в образе божества, было бы величайшим самомнением и заносчивостью; да и культ Августа подвергнется умалению, если лесть предоставит равные почести и другим.

38. «Что я смертен, отцы сенаторы, и несу человеческие обязанности, и вполне удовлетворен положением принцепса, я свидетельствую пред вами и хочу, чтоб об этом помнили также потомки; и они воздадут мне достаточно и более чем достаточно, если сочтут меня не опозорившим моих предков, заботившимся о ваших делах и ради общего блага не страшившимся навлекать на себя вражду. Это — храмы мне в ваших сердцах, это — прекраснейшие и долговечные мои изваяния. Ибо те, что создаются из камня, если благоволение оборачивается в потомках ненавистью, окружаются столь же презрительным равнодушием, как могильные плиты. Вот почему я молю союзников и граждан и самих богов, последних — чтобы они сохранили во мне до конца моей жизни уравновешенный и разбирающийся в законах божеских и человеческих разум, а первых — чтобы они, когда я уйду, удостоили похвалы и благожелательных воспоминаний мой дела и мое доброе имя». После этого он решительно отверг почитание подобного рода и так же отрицательно отзывался о нем в частных беседах. Одни объясняли его поведение скромностью, многие — робостью, некоторые — обыденностью его души. Ведь лучшие среди смертных всегда искали самого высокого: так, Геркулес и Либер³² у греков, а у нас Квири́н сопричислены к сонму богов; правильное поступал Август, который также на это надеялся. Все остальное дано властителям в настоящем, и лишь к одному им должно неустанно стремиться — к благожелательной памяти о себе; ибо в презрении к доброму имени сокрыто презрение к добродетелям.

39. Между тем безмерно взысканный судьбою Сеян утратил благоразумие и подстрекаемый к тому же женской нетерпеливостью (Ливия настойчиво требовала, чтобы он вступил с нею в обещанный брак) составил письмо к Цезарю, — ибо тогда было в обычае сноситься с ним письменно и когда он пребывал в Риме. Содержание этого письма было таково. Вследствие благосклонности отца Тиберия Августа, а затем многократно им самим явленных ему, Сеяну, знаков расположения он привык обращаться со своими надеждами и желаниями сперва к принцепсам и только потом к богам. Никогда он не добивался для себя блеска сановных должностей; он предпочитает трудную службу воина, несущего стражу ради безопасности императора. И тем не менее ему оказан величайший почет, поскольку его признали достойным породниться с семьею Цезаря; это и заронило в него надежду. И так как он слышал, что Август, подумывая о замужестве дочери, намечал ей в мужья даже римских всадников, он

просит, если для Ливии станут подыскивать мужа, иметь в виду друга, который не будет искать от такого родства иных выгод, кроме славы. Он не слагает с себя возложенных на него обязанностей и вполне довольствуется тем, что такой брак оградит его семью от враждебности Агриппины, да и к этому он стремится ради детей, ибо, сколько бы ему ни было дано жизни, для него будет достаточно и более чем достаточно, раз он прожил ее при таком принцепсе.

40. В ответ на это Тиберий, поблагодарив Сеяна за преданность и бегло коснувшись милостей, которые он ему оказал, а также попросив дать ему время для всестороннего размышления, добавил: прочие смертные принимают решения, клонящиеся к тому, что они считают выгодным для себя; не таков удел принцепсов, ибо в важнейших делах они должны считаться с тем, что об этом подумают люди. Вот почему он не прибегает к тому, что ему было бы всего удобнее написать, а именно, что лишь сама Ливия вольна решить, выйти ли ей замуж после кончины Друза или остаться у того же домашнего очага, что у нее есть мать и бабка³³ и с ними ей прежде всего следует посоветоваться. Но он склонен поступить проще и повесте речь прежде всего о враждебности Агриппины, которая разгорится с еще большей силою, если замужество Ливии разделит дом Цезаря на два противостоящих друг другу лагеря. Ведь и без того между женщинами прорывается соперничество, и от этого раздора страдают и его внуки. Что если этот брак еще больше обострит распрю? «Ты, Сеян, заблуждаешься, если думаешь, что останешься в своем прежнем сословии и что Ливия, состоявшая в супружестве сначала с Гаем Цезарем, а потом с Друзом, смирится с мыслью, что ей предстоит состариться в супружестве с римским всадником. Если бы я и допустил это, то неужели ты веришь, что те, кто видел ее брата, кто видел ее отца³⁴ и наших предков на высших государственных должностях, потерпят такое? Ты хочешь сохранить прежнее твое положение, но магистраты и знатнейшие граждане Рима, врывающиеся к тебе против твоего желания и советуящиеся с тобою обо всем, уже давно, не таясь, утверждают, что ты намного перерос всадническое сословие, превзойдя в этом друзей моего отца, и завидуя тебе, порицают за это меня. Но Август все-таки помышлял отдать дочь за римского всадника? Нет ничего удивительного, что, поглощенный всяческими заботами и предвидя, как безмерно возвысится тот, кто будет им вознесен таким боаком над всеми прочими, он, действительно, называл в беседах Гая Прокулея и некоторых других, отличавшихся скромным образом жизни и не вмешивавшихся в общественные дела. Но если мы придаем значение колебаниям Августа, то насколько существеннее, что он выдал дочь все-таки за Марка Агриппу, а затем за меня. Я не скрыл этого от тебя из дружбы. Впрочем, я не стану противиться ни твоим намерениям, ни намерениям Ливии. А о том, над чем я про себя размышляю, какими узами собираюсь связать тебя неразрывно со мной, об этом я сейчас распространяться не стану; скажу лишь одно: нет

ничего столь высокого, чего бы не заслужили твои добродетели и твоя верность, и когда придет время, я не умолчу об этом ни в сенате, ни перед народом».

41. И Сеян, думая уже не о браке, а о том, что гораздо больше его заботило, снова обращается с письмом к принцепсу, умоляя не питать к нему подозрений и не прислушиваться к толкам толпы, к нашептываниям ополчившейся на него зависти. Но считая, что, закрыв двери своего дома для бесчисленных посетителей, он утратит могущество, а поощряя их, подаст пищу для обвинений доносчикам, Сеян вознамерился убедить принцепса поселиться где-нибудь в приятных местах вдали от Рима. От этого он ждал для себя очень многого: от него будет зависеть доступ к Тиберию, и в его руках окажется почти вся его переписка, так как письма будут доставлять воины; а в дальнейшем уже достигший преклонного возраста и смягченный жизнью в уединении Цезарь с большей легкостью предоставит ему распоряжаться делами по своему усмотрению; он умерит возбуждаемую им зависть, преградив доступ толпе являющихся с утренними приветствиями, и, отказавшись от пустых почестей, усилит свое истинное могущество. И вот он начинает исподволь бранить суету города, скопление в нем народа, наплыв посетителей и всячески восхваляет покой и уединение, среди которых нет ничего такого, что докучало бы и раздражало, и ничто не мешает сосредоточенно размышлять о важнейших делах.

42. Случилось так, что в эти самые дни рассматривалось дело мужа выдающихся дарований Вотиена Монтана, и это судебное разбирательство побудило уже колебавшегося Тиберию утвердиться в мысли, что ему следует избегать заседаний сената, на которых в его присутствии оглашались бросаемые ему суровые и чаще всего справедливые упреки. Вотиен был привлечен за оскорбительные высказывания о Цезаре, и свидетель Эмилий, человек военный, усердствуя в желании изобличить обвиняемого, докладывает все, как оно было, и, несмотря на шум, поднятый сенаторами, чтобы его заглушить, настойчиво продолжает свои показания, так что Тиберию пришлось выслушать поношения, которым его подвергают в тесном кругу; это настолько его задело, что он вскричал, что немедленно или в ходе следствия опровергнет возводимые на него обвинения; уговоры приближенных и лесть со стороны всех присутствовавших едва его успокоили. Вотиен был подвергнут наказанию за оскорбление величия,³⁵ после этого Цезарь с тем более неумолимою беспощадностью к подсудимым, что его упрекали в ней, покарал ссылкой обвиненную в прелюбодейной связи с Варием Лигуром Аквилию, хотя избранный на следующий срок консул Лентул Гетулик осудил ее по Юлиеву закону,³⁶ а также повелел выскоблить из списка сенаторов Апидия Мерулу, уклонившегося от клятвы, что будет беспрекословно повиноваться распоряжениям Августа.

43. Затем были выслушаны посольства лакедемонян и мессенцев, споривших между собой о праве владения храмом Дианы Лимнатиды, возве-

денным, как утверждали лакедемоняне, ссылаясь на упоминания в исторических сочинениях и стихи поэтов, их предками на своей земле, отнятым у них Филиппом Македонским, с которым они воевали, и впоследствии возвращенным им по решению Гая Цезаря и Марка Антония. Мессенцы, напротив, настаивали на том, что еще в древности при разделе Пелопоннеса³⁷ между потомками Геркулеса Денфалийская равнина, на которой находится это святилище, отошла к их царю; доказательства этого, говорили они, и поныне сохраняются в надписях, вырезанных на камне или на старинных бронзовых досках. А что до того, что лакедемоняне указывают на исторические сочинения и на поэтов, то таких свидетельств у них много больше и они достовернее; да и Филипп поступил не по произволу победителя, а по справедливости; таков же был приговор царя Антигона, таков же — римского полководца Муммия; такое же решение вынесли и милетцы, когда их общине было предложено рассудить обе стороны, наконец, так же решил претор Ахайи Атидий Гемин. И храм был предоставлен мессенцам.

Жители Сегесты обратились с просьбою восстановить разрушившийся от времени храм Венеры на горе Эрике и привели при этом широко известные предания о его происхождении, лестные для Тиберия. И он, как прямой потомок основателя храма, взял на себя заботу об этом святилище.³⁸ Тогда же обсуждалось и ходатайство масилийцев, причем была признана убедительной их ссылка на пример Публия Рутилия, которого, когда он был в соответствии с законами изгнан из Рима, признали своим гражданином жители Смирны. На этом основании изгнаннику Вулкацию Мосху масилийцами были предоставлены те же права, и он оставил свое имущество этому городу, как если бы тот был его родиной.

44. В этом году³⁹ скончались именитые мужи Гней Лентул и Луций Домиций. Лентулу, помимо консульства и триумфальных отличий за победу над гетами,⁴⁰ доставило добрую славу и то, что он с достоинством переносил бедность, а затем, приобретя безупречным путем большое богатство, пользовался им умеренно и разумно. Домицию придавала блеск громкая известность его отца,⁴¹ господствовавшего на море во время гражданской войны, пока он не примкнул сначала к партии Антония, а потом — Цезаря. Дед его пал в битве при Фарсале, сражаясь на стороне оптиматов. Сам он, выбранный в мужа младшей Антонии, дочери Октавии, впоследствии переправился с войском через реку Альбис, проникнув в глубь Германии дальше, чем кто-либо из его предшественников, и за эти деяния был удостоен триумфальных отличий. Скончался и Луций Антоний, принадлежавший к очень знатному, но несчастливому роду. Ибо после того как его отец Юл Антоний был наказан смертью за прелюбодеяние с Юлией, Август отправил его, еще совсем юного внука своей сестры, в город Массилию, где он пребывал в ссылке под предлогом, что проходит там обучение. Впрочем, останкам его были оказаны почести, и его кости по решению сената были помещены в гробнице Октавиев.⁴²

45. При тех же консулах в Ближней Испании неким сельским жителем терместинского племени было совершено злодейское преступление. Неожиданно напав на находившегося в пути претора этой провинции Луция Пизона, пренебрегшего ввиду мирного времени надлежащими предосторожностями, он одним ударом поразил его насмерть; скрывшись благодаря резвости своего коня из виду и достигнув лесной чащи в горах, он оставил коня и, пробираясь по обрывистым и диким местам, ускользнул от погони. Но не надолго обманул он своих преследователей, ибо, поймав и показав в ближайших селениях брошенного убийцей коня, они установили, кому он принадлежал. Схваченный и преданный пыткам для выяснения, кто были его сообщники, он громко прокричал на родном языке, что его напрасно допрашивают; он хотел бы, чтобы здесь присутствовали его товарищи и видели, как его мучают; но не существует таких мучений, которые могли бы исторгнуть из него правду. И когда на следующий день его снова влекли на допрос, он с нечеловеческой силой вырвался из рук стражи и, ударившись головою о камень, тут же испустил дух. Полагают, что убийство Пизона было задумано несколькими терместинцами, с которых он так строго взыскивал присвоенные ими общественные деньги, что варвары не стерпели этого.

46. В консульство Лентула Гетулика и Гая Кальвизия⁴³ сенат определил наградить триумфальными отличиями Поппея Сабина за подавление восстания фракийских племен, обитавших высоко в горах в дикости и убожестве и по этой причине тем более неукротимых. Помимо природных свойств этих людей, причина волнений состояла и в том, что они не желали смириться с набором в наши войска и отдавать нам на службу своих самых доблестных воинов, да и своим царям они повиновались лишь когда им вздумается, а если направляли по нашему требованию вспомогательные отряды, то ставили над ними своих начальников и не соглашались вести военные действия ни с кем, кроме соседних народов. А тогда к тому же распространился слух, будто мы собираемся разведичить их друг с другом и, перемешав с другими народностями, отправить в дальние страны. Но прежде чем взяться за оружие, они прислали послов с напоминанием, что они дружелюбно настроены и готовы оказывать нам повиновение и что так будет и впредь, если на них не возложат какого-нибудь нового бремени; но если с ними станут обращаться как с побежденными и попытаются навязать им рабство, то у них есть оружие, и молодежь, и решимость скорее умереть, чем расстаться со свободой. При этом они показывали свои укрепления, построенные на неприступных скалах, где находились их родители и жены, и угрожали, что война будет трудной, изнурительной и кровопролитной.

47. В ожидании, пока сосредоточится его войско, Сабин ответил благожелательно, но после того как к нему прибыл Помпоний Лабеон с одним легионом из Мезии и царь Реметалк с теми из своих соплеменников, которые остались верными римлянам, он объединил с ними находившиеся

в его распоряжении силы и двинулся на неприятеля, уже успевшего расположиться в ущельях лесистых гор. На открытых холмах виднелись наиболее отважные из врагов, и римский полководец, напав на них, без труда отогнал варваров, понесших лишь незначительные потери вследствие близости их убежищ. Разбив тут же лагерь и укрепив его, он занимает сильным отрядом гору с узким и ровным гребнем, тянувшимся вплоть до вражеского укрепления, охраняемого большой, но нестройной толпой воинов. Вслед за тем Сабин отряжает отборных лучников против тех смельчаков, которые по обычаю этого племени плясали и пели перед крепостным валом. Пока лучники действовали издали, сами неуязвимые, они причиняли противнику сильный урон; однако, подойдя ближе, они были смяты внезапной его вылазкой, но выручены бросившейся на помощь когортой сугамбров, которых римляне держали наготове, как воинов стойких в опасности и устрашающих врагов своим боевым пением и звоном оружия.

48. После этого лагерь был перенесен ближе к врагу, а в прежних укреплениях оставлены те фракийцы, о которых я упоминал как о наших союзниках. Им было дозволено производить опустошения, жечь, забирать добычу, лишь бы эти набеги кончались засветло и ночь они проводили в лагере, бдительно охраняя его. Вначале это соблюдалось, но вскоре, предавшись разгулу и обогатившись грабежом, они стали самовольно покидать сторожевые посты ради разнузданных пиршеств и сваливались там, где их одолевали сон и вино. А враги между тем, проведав об их беспечности, подготовили два отряда, из которых одному поручалось напасть на грабителей, а другому — на римский лагерь, и не потому, чтобы они надеялись им овладеть, но чтобы всякий, отвлеченный криками и звоном оружия, думал только о своей безопасности и не слышал шума второго сражения. Стремясь создать еще большее замешательство, они избрали ночное время. Бросившиеся на лагерьный вал были легко отбиты, но служившие у нас вспомогательные отряды фракийцев, уstraшенные внезапностью нападения, когда воины частью спали у укреплений, а большинство бродило за их пределами, были перебиты с тем большею беспощадностью, что враги видели в них перебежчиков и предателей, поднявших оружие, чтобы поработить самих себя и отечество.

49. На следующий день Сабин выстроил свое войско в удобном месте на случай, если варвары, ободренные ночной удачей, осмелятся на сражение. Но так как они не вышли ни из своего укрепления, ни с прилегавших к нему возвышенностей, он приступает к осаде, воспользовавшись тем, что возведение осадных сооружений уже было начато; связав их между собой рвом с частоколом, он замыкает отовсюду пространство на четыре тысячи шагов в окружности и, постепенно продвигая вперед осадные работы, еще теснее сжимает кольцо вокруг неприятеля, с тем чтобы отрезать его от воды и подножного корма для лошадей и скота; и, наконец, сооружается насыпь, откуда уже с близкого расстояния можно было метать во врага камни, копыя и горящие головни. Но ничто так не мучило оса-

жденных, как жажда, ибо огромное количество как боеспособных, так и небоеспособных должно было пользоваться только одним источником; к тому же издыхали от бескормицы лошади и быки, по обыкновению варваров находившиеся вместе с ними внутри крепостной ограды; тут же лежали трупы людей, умерших от ран или от жажды; все было полно гнием, смрадом, заразой.

50. Ко всем трудностям прибавилось еще величайшее бедствие — разногласия: одни были готовы сдаться, другие предпочитали этому смерть и намеревались поразить друг друга; были и такие, кто убеждал не погибать, не отомстив за себя, и решиться на вылазку. Столь противоположных мнений придерживались не только в толпе рядовых воинов, но и среди вождей; так, Динис, достигший глубокой старости и благодаря длительному общению с римлянами знавший и их мощь, и их милосердие, утверждая, что нужно сложить оружие и что это единственный выход для побежденных, первый, с женой и детьми, отдался во власть победителя; за ним последовали и те, кто по возрасту или полу не мог биться с врагом, и те, кто ценил жизнь дороже славы. Молодежь разделилась, частью примкнув к Тарсе, частью к Туресу. И тот и другой решили не расставаться живыми со свободой, но Тарса призывал к быстрой развязке, к тому, чтобы разом покончить с надеждою и страхом, и подал пример остальным, пронзив грудь мечом; и было немало сделавших то же. Турес же со своим отрядом дожидался наступления темноты, что не осталось тайной для римского полководца, который поэтому усилил передовые позиции более многочисленными отрядами. Надвинулась ночь с жестокой грозой, оглашаемая к тому же дикими криками, по временам сменявшаяся полным безмолвием, что вселяло в осаждавших тревогу пред неизвестностью. Сабин стал обходить своих воинов, убеждая их не поддаваться на уловки врагов, не обращать внимания ни на загадочный гул, ни на обманчивую тишину, но каждому бестрепетно исполнять свой долг и не метать понапрасну оружия.

51. Между тем варвары, налетая толпами, то осыпают вал камнями, обожженными кольями, стволами срубленных деревьев, то закидывают рвы валежником, связками хвороста и мертвыми телами; иные подносят к нашим укреплениям заранее изготовленные мостки и лестницы, хватаются за частокол на валу, рушат его и дерутся врукопашную с обороняющимися римлянами. Наши воины мечут в них дротики, сталкивают щитами, поражают тяжелыми осадными копьями, сбивают сбрасываемыми на них каменными глыбами. Римлян воодушевляют надежда, порожденная уже одержанною над тем же врагом победою,⁴⁴ и боязнь тем большего бесчестья, если их одолеют, варваров — сознание, что это последняя попытка спастись, а многих из них к тому же — и находящиеся позади них жены и матери и их жалобные стенания. В одних ночь вселяет отвагу, в других — страх; удары наносятся наудачу, раны — внезапно; невозможность отличить своих от врагов и горные ущелья, доносящие с тыла от-

звуки голосов сражающихся, привели наших в такое смятение, что несколько укреплений было оставлено римлянами, решившими, что неприятель прорвался за вал. Но враги, кроме отдельных воинов, за него не проникли; всех остальных, после того как самые доблестные были сброшены с вала или изранены, уже на рассвете наши прогнали на вершину горы, к тому месту, где было расположено укрепление, и там, наконец, принудили их сложить оружие. Ближние селения изъявили покорность по доброй воле своих обитателей; прочие не были взяты приступом или осадой лишь потому, что в Гемских горах началась ранняя и суровая зима.

52. А в Риме, в доме принцепса, продолжались волнения и раздоры. Первым в ряду выпадов с целью погубить Агриппину было привлечение к суду ее двоюродной сестры Клавдии Пульхры по обвинению, предъявленному Домицием Афром. Этот Афр, недавно закончивший срок преторских полномочий, не занимавший видного положения, но жаждавший известности и ради нее готовый на любое преступление, обвинил Пульхру в развратном образе жизни, в прелюбодеянии с Фурнием, а также в вооружбе и злоумышлениях против принцепса. Агриппина, всегда горячая и несдержанная, а тогда к тому же взволнованная грозной опасностью, нависшей над ее родственницей, отправляется к Тиберию и застает его за принесением жертвы отцу. При виде этого она вскипела и сказала ему, что не подобает одному и тому же человеку заниматься закланием жертв божественному Августу и преследованием его потомков. Не в немые изваяния вселился его божественный дух: она — его действительное и живое подобие, порожденное божественной кровью, и она понимает свою обреченность и облачается в скорбные одежды. Незачем прикрываться именем Пульхры; ведь единственная причина ее преследования заключается в том, что она неразумно избрала Агриппину предметом своего преклонения, забыв о печальной участи, постигшей по той же причине Созию. Слова, которые пришлось выслушать от нее Тиберию, вызвали его скрытную душу на редкую для него откровенность, и, схватив Агриппину за руку, он предостерег ее греческим стихом, гласившим, что она гневается, потому что не царствует. Пульхра и Фурний были осуждены. А Афр был причислен молвою к первостепенным ораторам, так как проявил в этом деле свои дарования и сам Цезарь сказал, что ему свойственно прирожденное красноречие. В дальнейшем, выступая обвинителем или защитником подсудимых, он добыл себе славу, более благоприятную для его красноречия, чем для нравов, но в глубокой старости красноречие Афра значительно потускнело, так как при поблекшем уме он удержал неумение сохранять молчание.

53. А Агриппина, упорная в гневе и к тому же занемогшая телесным недугом, когда ее навестил Тиберий, сначала долго плакала молча, а потом принялась осыпать его упреками и просить: пусть он облегчит ее одиночество, пусть даст ей мужа; она еще молода и во цвете лет, и для поря-

дочной женщины нет утешения иначе, как в браке; найдутся в государстве...⁴⁵ которые не сочтут для себя зазорным взять супругу Германика вместе с его детьми. Но Цезарь, понимая, какими последствиями удовлетворение ее просьбы чревато для государства, и вместе с тем не желая выказать ни неудовольствия, ни своих опасений, покинул ее, так и не дав ответа, сколько она на нем ни настаивала. Об этом случае, не упомянутом составителями анналов, я узнал из записок Агриппины-дочери, в которых мать принцепса Нерона рассказала потомкам о своей жизни и о судьбе своих близких.

54. И Сеян нанес ей, погруженной в печаль и забывшей о своих опасениях, новый, еще глубже поразивший ее удар, подослав к ней мнимых доброжелателей, дабы те под личиною дружбы предупредили ее, что для нее изготовлен яд и что ей следует избегать яств, предлагаемых ей у свекра.⁴⁶ И вот, не умея притворяться, Агриппина, когда ей пришлось возлежать за столом возле принцепса, хмурая и молчаливая, не притрунулась ни к одному кушанью; это заметил Тиберий, случайно или, быть может, потому, что о чем-то слышал, и, желая ее испытать, похвалил поставленные пред ним плоды и собственноручно протянул их невестке. Это еще больше усилило подозрения Агриппины, и она, не отведав плодов, передала их рабам. Тиберий не проронил ни слова, но, обратившись к матери, сказал, что не удивительно, если он примет суровые меры по отношению к той, которая обвиняет его в намерении ее отравить. Отсюда пошел слух, что Агриппине готовится гибель, но император не решается сделать это открыто и для ее умерщвления изыскиваются тайные способы.

55. Чтобы отвлечь от себя эти толки, Цезарь стал часто бывать в сенате и в течение многих дней слушал представителей Азии, споривших, в каком городе возвести ему храм. Состязались одиннадцать городов, с одинаковою настойчивостью, но не с равными основаниями. Все они опирались на сходные доводы, ссылаясь на свое древнее происхождение, на преданность римскому народу в войнах с Персеем, Аристиком и другими царями.⁴⁷ Но Гипепа, Тралла и вместе с ними Лаодикея и Магнезия сразу же были отвергнуты, как города незначительные. И даже жители Илиона, заявившие, что Троя — мать Рима, не располагали ничем, кроме издревле утвердившейся за их городом славы. Некоторые колебания возникли по поводу Галикарнаса, так как его жители утверждали, что за тысячу двести лет их жилища ни разу не сотрясались от подземных толчков и что фундамент храма будет покоиться на природной скале. В отношении пергамцев было сочтено, что с них довольно существующего в их городе храма Августа, хотя именно это и было их главным доводом. Эфес и Милет отпали, потому что первый и без того совершает священнодействия Аполлону, а второй — Диане. Итак, оставалось выбрать лишь между Сардами и Смирной. Жители Сард огласили решение этрусков, признававших их своими кровными родичами: ведь Тиррен и Лид, сыновья царя Атиса, вследствие многочисленности своих соплеменников

поделили их между собой; Лид остался на землях предков, а Тиррену достались по жребию новые земли, с тем чтобы он основал на них поселения; этим народам были присвоены имена их властителей — одному в Азии, другому в Италии;⁴⁸ после этого могущество лидян возросло еще больше, так как они послали своих людей в Грецию, которая и стала называться затем по имени Пелопа. Одновременно жители Сард упоминали о грамотах, данных им нашими полководцами, о заключенных с нами во время Македонской войны договорах,⁴⁹ а также о полноводности протекающих у них рек, мягком климате их страны и богатстве земель, лежащих вокруг их города.

56. А представители Смирны, напомнив о ее древности, основал ли ее сын Юпитера⁵⁰ Тантал, или Тесей, который также был божественного происхождения, или одна из амазонок, перешли к тому, на что больше всего рассчитывали, а именно к своим заслугам перед римским народом, так как в помощь ему их город посылал свои корабли не только для войн с внешним врагом, но и для происходивших в самой Италии;⁵¹ они заявили, что первый храм городу Риму был выстроен в Смирне при консуле Марке Порции, когда римский народ уже свершил большие дела, но еще не достиг вершины могущества, потому что все еще стоял город пунийцев и в Азии были могущественные цари. Одновременно они призвали в свидетели Луция Суллу, что, когда его войско из-за суровой зимы и отсутствия теплой одежды оказалось в бедственном положении и об этом было сообщено в народном собрании, все присутствовавшие на нем сбросили с себя платье и отослали его нашим легионам. Итак, сенаторы, приглашенные высказать свое мнение, предпочли Смирну. И Вибий Марс внес предложение дать Манию Лепиду, которому досталась эта провинция, сверх положенного числа еще одного легата, с тем чтобы возложить на него заботу о храме. И так как Лепид из скромности отказался выбрать его по своему усмотрению, туда был направлен избранный жребием бывший претор Валерий Назон.

57. В разгар всех этих дел Цезарь после длительного обдумывания и неоднократного откладывания своего замысла отправился наконец в Кампанию под предлогом освятить храмы Юпитеру — в Капуе, Августу — в Ноле, а в действительности решив окончательно поселиться вдали от Рима. Хотя его удаление, следуя за большинством писателей, я объяснил происками Сеяна, но так как, расправившись с ним, Тиберий еще целых шесть лет прожил в таком же уединении, я часто задумываюсь, не правильнее ли было бы усматривать причину его отъезда в его личном желании прикрыть свою жестокость и свое любопытство, как бы они ни обнаруживались его поступками, хотя бы своим местопребыванием. Были и такие, кто полагал, что в старости он стыдился своего облика; он был очень высок, худощав и сутул; макушка головы у него была лысая, лицо в язвах и по большей части залепленное лечебными пластырями; к тому же во время своего уединения на Родосе он привык избегать об-

щества и скрывать утехы своего любострастия. Сообщают также, что его изгнало из Рима и властолюбие матери, которую он не желал признавать своей соправительницей и от притязаний которой не мог избавиться, так как самая власть ему досталась в дар от нее. Ибо Август подумывал, не поставить ли во главе государства внука своей сестры, всеми восхваляемого Германика, но, вынужденный сдаться на просьбы жены, усыновил Тиберия, повелев ему сделать то же с Германиком. Этим и попрекала его Августа, постоянно требуя от него благодарности.

58. Тиберий отбыл из Рима с немногими приближенными, среди которых был один сенатор, бывший консул, опытный законовед Кокцей Нерва, из высокопоставленных римских всадников, кроме Сеяна, только Курций Аттик и разные ученые люди, почти все греки, чтобы было с кем развлечься беседой. Знатоки астрологии утверждали, что Тиберий покинул Рим при таком положении небесных светил, которое исключало возможность его возвращения. Это предсказание для многих явилось причиной гибели, так как, поверив в близкий конец Тиберия, они повсюду толковали об этом; ведь не могли же они предвидеть столь невероятную вещь, как то, что он одиннадцать лет проведет добровольным изгнанником вне пределов родного города. А дальнейшее показало, насколько тесно соседствуют наука и заблуждение и насколько истина окутана тьмой. Что он не вернется в Рим, было сказано неспроста, но что касается прочего, то тут никто ничего не знал, ибо он прожил до глубокой старости, проводя время то в ближнем поместье, то на берегу моря, а то порою и у самых стен Рима.

59. Случайно в эти самые дни Цезарь подвергся смертельной опасности, что доставило новую пищу тем же пустым разговорам, а ему самому — повод еще больше уверовать в дружбу и преданность Сеяна. В поместье, которое называлось «Пещера» и находилось между Амункланским морем и Фундинскими горами, Тиберий с приближенными пировали в естественном гроте. Вдруг у входа в него произошел обвал и камнями завалило несколько прислуживавших рабов; всех объял безудержный страх, и участники пиршества разбежались. Сеян же, обратившись лицом к Цезарю и опираясь на колени и руки, прикрыл его собой от сыпавшихся камней и в таком положении был найден подоспевшими на помощь воинами. Это вознесло его еще выше, и сколь бы пагубные советы он ни давал, Тиберий, помня о проявленной им самоотверженности, выслушивал их с полным доверием. А Сеян, изображая себя беспристрастным судьей поведения сыновей Германика, в действительности выискивал подставных лиц, выступавших против них обвинителями и особенно преследовавших Нерона, как ближайшего преемника Тиберия; и хотя Нерон держался с подобающей юноше скромностью, однако нередко случалось, что он забывал, как нужно вести себя при сложившихся обстоятельствах, ибо его клиенты и вольноотпущенники, стремясь поскорее добиться влияния, всячески внушали ему, что он должен выказывать смелость и неза-

висимость: этого хочет римский народ, хочет войско, и Сеян, одинаково издевающийся над терпением старика и робостью юноши,⁵² не посмеет воспрепятствовать ему в этом.

60. Несмотря на эти и им подобные речи, Нерон не питал никаких преступных намерений, но иногда у него вырывались слишком дерзкие и необдуманные слова, которые подхватывались приставленными к нему соглядатаями и преувеличивались в их донесениях, тогда как он не имел возможности оправдаться; и вообще различные обстоятельства тревожили и раздражали его. Ибо одни старались уклониться от встречи с ним, другие, поздоровавшись, сейчас же от него отворачивались, многие торопились прервать начатый разговор и покинуть его, тогда как приверженцы Сеяна, напротив, следовали за ним по пятам и оскорбительно подшучивали над ним. Да и Тиберий принимал его, то угрюмо насупившись, то с деланной улыбкою на лице; но говорил ли юноша или молчал, ему вменялось в вину и его безмолвие, и его слова. Даже ночь подстерегала его своими опасностями: о его сне и бодрствовании, о каждом вздохе жена⁵³ сообщала своей матери Ливии, а та — Сеяну; последний сумел привлечь на свою сторону и его брата Друза, которого соблазнил надеждою на принципат, если он устранил старшего возрастом и уже пошатнувшегося Нерона. Друз был от природы злопамятен и, не говоря уже о стремлении властвовать и застарелой неприязни братьев друг к другу, ненавидел Нерона и за то предпочтение, которое ему оказывала их мать Агриппина. Впрочем, Сеян не так уж благоволил к Друзу, чтобы не обдумывать способов погубить в будущем и его, зная, что он неосмотрителен и что его легко завлечь в западню.

61. В конце года скончались видные мужи Азиний Агриппа, происходивший от скорее прославленных, чем родовитых предков и не посрамивший их своей жизнью, и Квинт Гатерий, при жизни славившийся красноречием; ныне плоды его дарования не в таком почете. Очевидно, сила его речей заключалась скорее в их вдохновенности, чем в тщательности отделки; и в то время как продуманность и трудолюбие у других ораторов приобретают для потомков все большую ценность, благозвучие и плавность речи Гатерия угасли вместе с ним.

62. В консульство Марка Лициния и Луция Кальпурния⁵⁴ неожиданное бедствие унесло не меньшее число жертв, чем их уносит кровопролитнейшая война, причем начало его было вместе с тем и его концом. Некто Атилий, по происхождению вольноотпущенник, взявшись за постройку в Фидене амфитеатра, чтобы давать в нем гладиаторские бои, заложил фундамент его в ненадежном грунте и возвел на нем недостаточно прочно сколоченное деревянное сооружение, как человек, затеявший это дело не от избытка средств и не для того, чтобы снискать благосклонность сограждан, а ради грязной наживы. И вот туда стеклись жадные до таких зрелищ мужчины и женщины, в правление Тиберия почти лишенные развлечений этого рода, люди всякого возраста, которых

скопилось тем больше, что Фидена недалеко от Рима; это усугубило тяжесть разразившейся тут катастрофы, так как набитое несметной толпой огромное здание, перекосившись, стало рушиться внутрь или валиться наружу, увлекая вместе с собой или погребая под своими обломками несчетное множество людей, как увлеченных зрелищем, так и стоявших вокруг амфитеатра. И те, кого смерть настигла при обвале здания, благодаря выпавшему им жребию избавились от мучений; еще большее сострадание вызывали те изувеченные, кого жизнь не покинула сразу; при дневном свете они видели своих жен и детей, с наступлением темноты узнавали их по рыданиям и жалобным воплям. Среди привлеченных сюда разнесшейся молвой тот оплакивал брата, тот — родственника, иные — родителей. И даже те, чьи друзья и близкие отлучились по делам из дому, также трепетали за них, и, пока не выяснилось, кого именно поразило это ужасное бедствие, неизвестность только увеличивала всеобщую тревогу.

63. Когда начали разбирать развалины, к бездыханным трупам устремились близкие с объятиями и поцелуями, и нередко возникал спор, если лицо покойника было обезображено, а одинаковое телосложение и возраст вводили в заблуждение признавших в нем своего. При этом несчастье было изувечено и раздавлено насмерть пятьдесят тысяч человек, и сенат принял постановление, воспрещавшее устраивать гладиаторские бои тем, чье состояние оценивалось менее четырехсот тысяч сестерциев, равно как и возводить амфитеатр без предварительного обследования надежности грунта. Атилий был отправлен в изгнание. Следует упомянуть, что сразу же после разразившейся катастрофы знать открыла двери своих домов: повсюду оказывали врачебную помощь и снабжали лечебными средствами; и в городе в эти дни, сколь ни был горестен его облик, как бы ожили обычаи предков, которые после кровопролитных битв поддерживали раненых своими щедротами и попечением.

64. Еще не успело поблекнуть воспоминание об этом несчастье, как на город обрушилась неистовая сила огня, причинившего невиданные до толе опустошения: выгорел весь Целиев холм; и пошла молва, что этот год несчастливый, что в недобрый час было принято решение принцепса удалиться из Рима, ибо толпе свойственно приписывать всякую случайность чьей-либо вине; но Цезарь пресек этот ропот раздачей денег в размере понесенных каждым убытков. В сенате ему принесли благодарность за это знатные граждане, и народ восхвалял его, ибо, невзирая на лица и безо всяких просьб со стороны приближенных, он помогал своей щедростью даже неизвестным ему и разысканным по его повелению погорельцам. Кроме того, в сенате было сделано предложение переименовать Целиев холм в Священный, ибо, когда все вокруг было истреблено пламенем, осталась невредимою только статуя Тиберия, стоявшая в доме сенатора Юния. То же произошло некогда и с изображением Клавдии Квинты: ее статуя, установленная нашими предками в храме Матери бо-

гое, дважды избегла разрушительной силы пожара.⁵⁵ Клавдии — священной, к ним благоволят божества, и нужно, чтобы была особо отмечена святость места, в котором боги оказали принцепсу столь великий почет.⁵⁶

65. Не будет неуместным сообщить здесь о том, что этот холм в старину прозывался Дубовым, так как был покрыт густыми дубовыми рощами, а Целиевым его называли впоследствии по имени Целия Вибенны, который, будучи предводителем отряда этрусков и придя вместе с ними на помощь римлянам, получил этот холм для заселения от Тарквиния Древнего, или его отдал ему кто-то другой из царей, ибо в этом историке расходятся между собой. Но не вызывает ни малейших сомнений, что воины Целия, которых было великое множество, обитали даже на равнине вплоть до мест по соседству с форумом, из-за чего эта часть города и стала называться по имени пришельцев Тусским кварталом.⁵⁷

66. Но если усердие знати и щедрость Цезаря доставили римлянам облегчение в стихийных несчастях, то ничто не ограждало их от бесчинств с каждым днем возрастающей и наглевшей шайки доносчиков; против родственника Цезаря богача Квинтилия Вара выступил с обвинениями Домиций Афр, ранее добившийся осуждения его матери Клавдии Пульхры, и никто не удивился тому, что, долго прозябавший в нужде и беспутно распорядившийся недавно полученной наградой, он замыслил новую подлость. Но всеобщее изумление вызвало соучастие в этом доносе Публия Долабеллы, ибо, происходя от прославленных предков и связанный родством с Варом, он по собственной воле пошел на то, чтобы запятнать свою знатность и навлечь позор на свое потомство. Сенат, однако, не дал ходу этому обвинению, постановив дожидаться прибытия императора, что было тогда единственным способом отвести на время нависшие бедствия.

67. По освящении храмов в Кампании Цезарь, невзирая на то, что предписал особым эдиктом, чтобы никто не осмеливался нарушать его покой, и расставленные ради этого воины не допускали наплыва к нему горожан, все же, возненавидев муниципии, колонии и все расположенное на материковой земле, удалился на остров Капреи, отделенный от оконечности Суррентского мыса проливом в три тысячи шагов шириною. Я склонен думать, что больше всего ему понравилась уединенность этого острова, ибо море вокруг него лишено гаваней, и лишь мелкие суда, да и то не без трудностей, находили на нем кое-какие прибежища, так что никто не мог пристать к нему без ведома стражи. Зима на острове умеренная и мягкая, так как от холодных и резких ветров его укрывает гора, а лето чрезвычайно приятное, потому что остров беспрепятственно обвеивает Фавоний⁵⁸ и кругом — открытое море. Отсюда открывался прекрасный вид на залив, пока огнедышащая гора Везувий не изменила облика прилегающей к нему местности.⁵⁹ Говорят, что Капреями когда-то владели греки и что остров был заселен телебоями. Но в то время его занимал Тиберий, в чьем распоряжении находилось двенадцать вилл

с дворцами, каждая из которых имела свое название; и насколько прежде он был поглощен заботами о государстве, настолько теперь предался тайному любострастию и низменной праздности. Он сохранил в себе присущие ему подозрительность и готовность верить любому доносу, а Сеян, еще в Риме привыкший растравлять в нем и ту и другую, делал это на Капреях еще безудержнее и уже не скрывая козней, подстраиваемых им Агриппине и Нерону. Приставленные к ним воины заносили словно в дневник сообщения обо всех гонцах, которые к ним прибывали, обо всех, кто их посещал, обо всем явном и скрытом от постороннего глаза, и больше того: к ним подсылались люди, убеждавшие их бежать к войску, стоявшему против германцев, или, обняв на форуме в наиболее людный час статую божественного Августа, воззвать о помощи к народу и сенату. И хотя эти советы были ими отвергнуты, им тем не менее вменялось в вину, что они якобы готовились к осуществлению их.

68. Год консульства Юния Силана и Силия Нервы⁶⁰ имел дурное начало: повлекли в темницу из-за привязанности к Германику прославленного римского всадника Тития Сабина; единственный из стольких его клиентов, он не перестал сказывать внимание его супруге и детям, посещая их дом и сопровождая их в общественных местах, за что порядочные люди его хвалили и уважали, а бесчестные ненавидели. На него и решили напасть бывшие преторы Луканий Лациар, Порций Катон, Петилий Руф и Марк Опсий, жаждавшие добиться консульства, доступ к которому был открыт только через Сеяна, чью благосклонность можно было снискать не иначе как злодеянием. Итак они сговариваются между собой, что Лациар, который был немного знаком с Сабином, коварно завлечет его в западню, что остальные будут присутствовать как свидетели и что затем все вместе выступят против него с обвинением. Лациар сначала заводит с Сабином как бы случайные разговоры, потом понемногу начинает превозносить его преданность, то, что не в пример прочим, будучи другом процветающего семейства, он не покинул его и тогда, когда оно оказалось в беде; одновременно он говорил с величайшей почтительностью о Германике и выражал сочувствие Агриппине. И после того как Сабин — ибо сердца смертных в несчастье смягчаются, — прослезившись, высказал кое-какие жалобы, он уже смелее принялся осуждать Сеяна, его жестокость, надменность, притязания; не воздержался он даже от упреков Тиберию. Эти беседы, которые их как бы объединили в запретном, придали их отношениям видимость тесной дружбы. И уже Сабин по собственному побуждению стал искать встреч с Лациаром, посещать его дом и делиться с ним, как с ближайшим другом, своими огорчениями.

69. Названные мной совещаются, как поступить, чтобы несколько человек могли подслушать такие беседы. Дело в том, что для этого нужно было присутствовать в таком месте, которое Сабин считал бы уединенным, но стоять за дверьми они не решались из опасения, что он

их увидит, услышит шорох или еще какая-нибудь случайность вызовет в нем подозрение. И вот три сенатора прячутся между кровлей и потолком, в укрытии столь же позорном, сколь омерзительной была и подстроенная ими уловка, и каждый из них припадает ухом к отверстиям и щелям в досках. Между тем Лациар, встретив Сабина на улице, увлекает его к себе в дом и ведет во внутренние покои, как бы намереваясь сообщить ему свежие новости, и тут нагромождает перед ним и давнишнее, и недавнее, — а было этого вдосталь, — и вызывающее опасения в будущем. Сабин делает то же, и еще пространнее, ибо чем горестнее рассказы, тем труднее, раз они уже прорвались, остановить их поток. После этого немедленно сочиняется обвинение, и в письме, отосланном Цезарю, доносчики сами подробно рассказали о том, как они подстроили этот подлый обман, и о своем позоре. Никогда Рим не бывал так подавлен тревогой и страхом: все затаились даже от близких, избегали встреч и боялись заговаривать как с незнакомыми, так и знакомыми; даже на предметы неодушевленные и немые — на кровлю и стены — взирали они со страхом.

70. А Цезарь в послании, прочитанном в сенате в день январских календ, после обычных пожеланий по случаю нового года, обратился к делу Сабина, утверждая, что тот подкупил нескольких вольноотпущенников с целью учинить на него покушение, и недвусмысленно требуя предать его смерти. Тут же было вынесено соответствующее сенатское постановление, и, когда осужденного влекли на казнь, он кричал, насколько это было возможно, — ибо его голова была прикрыта одеждой, а горло сдавлено, — что так освящается наступающий год, такие жертвы приносятся Сеяну. Куда бы он ни направлял взор, куда бы ни обращал слова, всюду бегут от него, всюду пусто: улицы и площади обезлюдели; впрочем, некоторые возвращались и снова показывались на пути его следования, устранившись и того, что они выказали испуг. «Какой же день будет свободен от казней, если среди жертвоприношений и обетов богам, когда по существующему обычаю подобает воздерживаться даже от нечестивых слов, заключают в оковы и накидывают петлю? И Тиберий не без намерения действует с такой отталкивающей жестокостью: это сделано обдуманно и умышленно, чтобы никто не воображал, будто вновь вступившим в должность магистратам что-нибудь может помешать отпереть двери темницы точно так же, как они отпирают храмы с их жертвенниками».⁶¹ Вслед за тем Цезарь в присланном им письме поблагодарил сенаторов за то, что они покарали государственного преступника, и добавил, что над ним нависла смертельная угроза из-за козней врагов, однако никого из них не назвал по имени; тем не менее всем было ясно, что он имеет в виду Нерона и Агриппину.

71. Если бы я не поставил себе за правило вести изложение по годам, меня бы увлек соблазн забежать вперед и здесь же рассказать, каков был конец Лациара, Опсия и других участников этого постыдного дела, не

только после того как властью завладел Гай Цезарь, но и при жизни Тиберия, который не желал, чтобы кто другой расправился с пособниками его злодейств, и вместе с тем, пресытившись их услугами, когда обретал возможность использовать в тех же целях новых людей, обычно истреблял прежних, ставших для него бременем; но о возмездии им и прочим виновным в преступлениях этого рода мы сообщим в свое время. В связи с письмом Цезаря Азиний Галл, чьим детям Агриппина приходилась теткою со стороны матери, предложил попросить его поставить сенат в известность, кого именно он опасается, и дозволить их устроить. Но ни одного из своих качеств, представлявшихся ему добродетелями, Тиберий не ценил так высоко, как умения притворяться; и тем более он был раздосадован тем, что его сокровенные мысли раскрыты. Впрочем, Сеян его успокоил, и не из любви к Галлу, но для того, чтобы выждать, пока улягутся колебания принцепса, ибо он знал, что, когда Тиберий, медлительный в размышлениях, наконец распадется, у него за гневными словами следуют беспощадные действия.

Тогда же скончалась Юлия, внучка Августа, избалованная в прелюбодейнии, осужденная и сосланная им на остров Триммер, находящийся близ берегов Апулии. Там она двадцать лет провела в изгнании, существуя на средства Августы, которая, ниспровергнув тайными происками своих пасынков и падчериц, проявляла показное сострадание к их бедствиям.

72. В том же году зарейнский народ фризы нарушил мир больше вследствие нашей жадности, чем из нежелания оказывать нам повинование. По причине бедности фризов Друз обложил их умеренной податью, повелев сдавать бычьи шкуры для нужд нашего войска, причем никто не следил за тем, какой они прочности и какого размера, пока Олений, центурион примиплов, назначенный правителем фризов, не отобрал турьи шкуры в качестве образца для приемщиков подати. Выполнить это требование было бы затруднительно и другим народам, а германцам тем более тяжело, что, хотя в их лесах водится много крупного зверя, домашний скот у них малорослый. И вот вместо шкур они стали сначала рассчитываться с нами быками, потом землями и, наконец, отдавать нам в рабство жен и детей. Отсюда — волнения и жалобы, и так как им не пошли в этом навстречу, у них не осталось другого выхода, кроме войны. Явившихся за получением подати воинов они схватили и распяли на крестах; Олений, предупредив нападение разъяренных врагов, спасся бегством и укрылся в укреплении, носившем название Флев; в нем стоял довольно сильный отряд римских воинов и союзников, охранявших океанское побережье.

73. Как только это стало известно пропретору Нижней Германии Луцию Апронию, он вызвал из Верхней провинции подразделения легионов и отборные отряды пехоты и конницы вспомогательных войск и, перевезя на судах вниз по Рейну и то и другое войско, двинулся на

взбунтовавшихся фризов, которые, сняв осаду с римского укрепления, ушли защищать свои земли. Тогда Апроний принимается укреплять в затопляемых приливом местах насыпи и мосты, чтобы провести по ним войско с тяжелым обозом, и между тем, отыскав броды, велит конному подразделению каннинифатов и пехотинцам из служивших в наших рядах германцев обойти с тыла врагов; но те, успев изготовиться к бою, опрокидывают конные отряды союзников и присланную к ним на помощь конницу легионов. В дальнейшем туда же были направлены три легковооруженные когорты, затем еще две и спустя некоторое время — вся конница вспомогательных войск: этих сил было бы совершенно достаточно, если бы они одновременно бросились на врага, но, подходя с промежутками, они не добавили стойкости уже приведенным в расстройство частям и сами заразились страхом бегущих. Все, что осталось от вспомогательных войск, Луций Апроний отдает в подчинение легату пятого легиона Цетегу Лабеону, но и тот, попав в трудное положение вследствие разгрома отданных ему под начало частей, посылает гонцов, умоляя поддержать его силою легионов. Раньше других к нему на выручку устремляются воины пятого легиона и после ожесточенной схватки отбрасывают фризов и спасают истомленные ранами когорты и отряды всадников. Римский военачальник не пустился, однако, в погоню за неприятелем и не предал погребению трупы, хотя пало большое число трибунов, префектов и лучших центурионов. Впоследствии узнали от перебежчиков, что близ леса, называемого рощею Бадугенны, в затянувшейся до следующего дня битве было истреблено девятьсот римлян и что воины другого отряда из четвортюрига и опасаясь измены, по взаимному уговору поразили друг друга насмерть.

74. Это прославило фризов среди германцев, тогда как Тиберий скрывал потери, чтобы не оказаться в необходимости назначить главнокомандующего для ведения войны с ними.⁶² Да и сенат заботился не о том, как бы империя не покрыла себя позором на одной из своих окраин: душами всех владел страх перед тем, что творилось внутри государства, и общие помыслы были направлены лишь на изыскание средств спасения при помощи лести. Итак, невзирая на то, что обсуждались совсем другие вопросы, сенаторы определили воздвигнуть жертвенник Милосердию и жертвенник Дружбе⁶³ и по обе стороны от них установить статуи Тиберия и Сеяна и часто обращались к ним с настоятельными мольбами доставить им возможность лицезреть их особы. Но Тиберий с Сеяном, однако, не появились ни в Риме, ни в его окрестностях; они сочли достаточным покинуть на время Капреи и показаться на ближайшем побережье Кампаний. Туда устремились сенаторы, всадники и много простого народа; все особенно трепетали перед Сеяном, доступ к которому был более затруднителен, и поэтому добиться его можно было лишь посредством искательства и готовности служить его замыслам. Разумеется,

что при виде столь отвратительного и столь откровенного раболепия он проникся еще бóльшим высокомерием; ведь в Риме обычная уличная суета большого города скрывает, кто по какому делу торопится; здесь же, расположившись в поле или на берегу, будь то день или ночь, они были вынуждены одинаково выносить как благосклонность, так и наглую спесь привратников, пока и это, наконец, не было запрещено. Те, кого Сеян не удостоил ни беседы, ни взгляда, возвратились в Рим, трепеща за будущее; иные радовались, но тщетно, ибо злосчастная дружба с Сеяном привела их вскоре к роковому концу.

75. Между тем Тиберий, выдав на Капреях замуж за Гнея Домиция свою внучку Агриппину, дочь Германика, повелел отпраздновать свадьбу в Риме. Он избрал Домиция, помимо древности его рода, также и потому, что тот состоял с Цезарями в кровном родстве, ибо мог похвалиться, что Октавия — его бабка, а через нее и Август — двоюродный дед.

КНИГА ПЯТАЯ

(Отрывок)

1. В консульство Рубеллия и Фуфия (фамильное имя того и другого было Гемин)¹ в глубокой старости скончалась Юлия Августа, происходившая от знатнейших римских родов: по крови она принадлежала к Клавдиям, через усыновления — к Ливиям и Юлиям.² Первым браком, от которого у нее были дети, она была замужем за Тиберием Нероном, во время Перузинской войны³ примкнувшим к восставшим и возвратившимся в Рим после заключения мира между Секстом Помпеем и триумвирами.⁴ В дальнейшем, пленившись ее красотой, Цезарь отнял ее у мужа, неизвестно, против ли ее воли, и действовал при этом с такой поспешностью, что, не выждав срока ее родов, ввел ее к себе в дом беременною. Детей у нее больше не было, но через брак Агриппины⁵ с Германиком она породнилась с семьей Августа и имела общих с ним правнуков.⁶ Святость домашнего очага она блюла со старинной неукоснительностью, была приветливее, чем было принято для женщин в древности; была страстно любящей матерью, снисходительной супругой и хорошей помощницей в хитроумных замыслах мужу и в притворстве сыну. Ее похороны не отличались пышностью, ее завещание долго оставалось невыполненным. Похвальное слово ей произнес ее правнук Гай Цезарь, позднее овладевший верховною властью.

2. Между тем Тиберий, ни в чем не нарушив приятности своей жизни и не прибыв в Рим отдать последний долг матери, в письме к сенату со-

слался на поглощенность делами и урезал как бы из скромности щедро определенные сенаторами в память Августы почести, сохранив лишь немногие и добавив, чтобы ее не обожевляли, ибо так хотела она сама. В том же послании он осудил дружбу с женщинами, косвенно задев этим консула Фуфия. Своим высоким положением тот был обязан поддержке Августы, ибо обладал привлекавшими женские сердца качествами и к тому же, будучи острословом, имел обыкновение задевать Тиберия едкими шутками, а это надолго сохраняется в памяти властвующих.

3. Вслед за тем наступила пора безграничного и беспощадного самовластия. При жизни Августы все же существовало какое-то прибежище для преследуемых, так как Тиберий издавна привык оказывать послушание матери, да и Сеян не осмеливался возвышаться над авторитетом его родительницы; теперь же они понеслись, словно освободившись от узды, и напустились на Агриппину и Нерона в письме к сенату, доставленном, как говорили в народе, уже давно, но задержанном Августою у себя; во всяком случае оно было оглашено в сенате вскоре после ее смерти. Это письмо было преднамеренно резким; впрочем, Тиберий упрекал внука не в подготовке военного мятежа и не в стремлении захватить власть, а в любовных отношениях с юношами и в грязном разврате. Против невестки он не решился измыслить даже обвинений подобного рода, но укорял ее за надменность и строптивый дух; это было выслушано сенатом в великом страхе и полном молчании, пока его не нарушили некоторые, не имевшие ни малейшей надежды пробиться честным путем (и общественные бедствия используются иными как случай выдвинуться); они потребовали немедленно подвергнуть этот вопрос обсуждению, и настойчивее всех Котта Мессалин, готовый выступить с предложением самого сурового приговора. Но другие видные сенаторы и особенно магистраты колебались: сколь враждебны ни были нападки Тиберия, свои намерения он оставил неясными.

4. Был в числе сенаторов Юний Рустик, избранный Цезарем для ведения сенатских протоколов и считавшийся поэтому способным проникать в его тайные помыслы. И вот этот Рустик, то ли по внушению ему свыше душевному побуждению (ибо никогда ранее он не выказывал твердости), то ли из чрезмерного усердия, невпопад, забыв о непосредственно угрожавшей опасности и страхась неопределенного будущего, поддержал колеблющихся, обратившись с увещанием к консулам не начинать разбирательства этого дела: он говорил, что важные последствия могут зависеть от ничтожнейших обстоятельств и что старик, быть может, когда-нибудь стал бы раскаиваться в истреблении семейства Германика. Как раз в это время курию окружил народ, явившийся с избраниями Агриппины и Нерона; выражая наилучшие пожелания Цезарю, в толпе вместе с тем кричали, что письмо подложно и что вопреки воле принцепса собираются погубить его родичей. Итак, в этот день не было принято никаких прискорбных решений. Распространялись также

от имени бывших консулов приписанные им заявления против Сеяна, ибо в этих обстоятельствах многие тайно и потому тем более дерзко упражняли свою страсть к остроумию. Это еще больше озлобило Сеяна и подало ему повод для обвинений: сенат пренебрег огорчением принцепса, народ взбунтовался; уже слушают и читают призывающие к новым порядкам речи и сенатские постановления, заготовленные в расчете на них; чего же недостает, чтобы мятежники взялись за оружие и избрали вождями и полководцами тех, за чьими изображениями они следуют как за знаменами?

5. А Цезарь, повторив обращенные к внуку и невестке упреки и выразив в особом указе порицание простому народу, сетовал в сенате, что из-за предательства одного сенатора⁷ императорское величие подверглось публичному оскорблению, и потребовал предоставить решение этого дела на его усмотрение. После этого сенат без дальнейших прений вынес постановление, которое хотя и не предусматривало немедленных крайних мероприятий (ибо это было воспрещено), но свидетельствовало, что сенат готов к возмездию и что единственное препятствие к этому — воля принцепса...⁸

КНИГА ШЕСТАЯ

V. 6. ... По этому делу¹ было произнесено сорок четыре речи, некоторые — из страха, большинство — по привычке² ... «Я подумал, что это навлечет на меня позор, а на Сеяна ненависть. Счастье от него отвернулось, и тот, кто избрал его себе в сотоварищи и зятя,³ прощает себе это, а прочие, униженно заискивавшие пред ним, теперь подлейшим образом поносят его. Трудно решить, что более жалкая доля — подвергаться обвинениям за дружбу или обвинять друга. Я не стану испытывать жестокость или милосердие кого бы то ни было, но, сам себе господин и с сознанием своей правоты, предвосхищу опасность. Прошу вас сохранить обо мне память без скорби, а скорее радуясь за меня и включив в число тех, кто достойною смертью избавил себя от общественных бедствий».

V. 7. После этого часть дня он провел, удерживая при себе тех, кто обнаруживал желание остаться и побеседовать с ним, и отпуская других, и при все еще большом стечении посетителей, видевших перед собою его бестрепетное лицо и считавших, что смертный час для него еще не настал, бросился грудью на меч, который скрывал под одеждою. И Цезарь не стал преследовать умершего поношениями и упреками, тогда как на Блеза возвел множество позорных обвинений.

V. 8. Затем сенату было доложено о делах Публия Вителлия и Помпония Секунда. Первого донсчики обвинили в том, что, ведая казначейством, он предложил ключи от него и деньги военной казны для подготовки государственного переворота; второму бывший претор Консидий вменял в вину дружбу с Элием Галлом, укрывшимся после казни Сеяна в садах Помпония, как в наиболее надежном убежище. Попавшие в беду подсудимые оказались безо всякой поддержки, кроме преданности их братьев, не побоявшихся за них поручиться. В дальнейшем Вителлий, одинаково истомленный как надеждою, так и страхом, ибо разбирательство его дела многократно откладывалось, попросил дать ему под предлогом литературных занятий нож для выкабливания написанного и, слегка надрезав им себе вены, ушел из жизни в душевной тоске. А Помпоний, отличавшийся большой изысканностью в образе жизни и блестящими дарованиями, спокойно претерпев удары судьбы, пережил Тиберия.

V. 9. После этого было сочтено нужным расправиться и с остальными детьми Сеяна, хотя народный гнев успел уже поостыть и большинство было удовлетворено предыдущими казнями. Итак, их доставляют в темницу, причем мальчик догадывался, какая судьба его ожидает, а девочка была еще до того несмышленной, что спрашивала, за какой проступок и куда ее тащат, говорила, что она больше не будет так делать, пусть лучше ее постегают розгами. Писатели того времени передают, что так как удавить девственницу было делом неслыханным, то палач сперва надругался над нею, а потом уже накинул на нее петлю; после того как они были задушены, их детские трупы выбросили на Гемонии.

V. 10. Тогда же Азию и Ахайю всполошил широко пронесшийся, хотя и быстро заглохший слух о том, что на Кикладских островах и затем на материке видели сына Германика Друза. В действительности это был молодой человек того же возраста, якобы опознанный несколькими вольноотпущенниками Цезаря. Сопровождая его, чтобы поддержать этот обман, они громким именем увлекали за собою не знавших его с тем большею легкостью, что греки по своему душевному складу падки до всего нового и поражающего воображение; рассказывали — и сами же начинали этому верить, — что, ускользнув от стражи, он направляется к отцовскому войску с намерением захватить Египет или Сирию. И вот к нему уже стала стекаться со всех сторон молодежь, уже городские общины начали оказывать ему почести, а он, воодушевленный этим успехом, увлекся несбыточными надеждами, когда весть об этом дошла до Пуппея Сабина, который тогда был занят устройением дел в Македонии и одновременно правил Ахайей. Тот, чтобы предупредить события, лежала ли в их основе ложь или истина, быстро переплывает Торонский и Термейский заливы, оставляет позади себя в Эгейском море остров Эвбею, на аттическом берегу Пирей, далее Коринфское побережье и Истм и, следуя уже другим морем,⁴ прибывает в римскую колонию Никополь, где, наконец, узнает, что, когда мнимого Друза принялись более искусно выпраши-

вать, кто он такой, тот ответил, что он сын Марка Силана, и, потеряв по этой причине многих приверженцев, взошел на корабль, будто бы направляясь в Италию. Сабин сообщил об этом Тиберию, но мы так и не смогли выяснить ни подлинного происхождения юноши, ни чем это дело окончилось.

V. 11. В конце года давно нараставшие разногласия между обоими консулами прорвались наружу. Ибо Трион, с легкостью затевавший ссоры и опытный судебный оратор, уязвил Регула, намекнув, что он вяло преследует приспешников Сеяна; Регул, неизменно скромный и сдержанный, пока его не задели, не только отразил нападки коллеги, но и сам потребовал начать о нем следствие как о соучастнике заговора. Несмотря на вмешательство многих сенаторов, умолявших положить конец этой распри, могущей оказаться губительной для обоих, они оставались враждебными и угрожающими друг другу вплоть до истечения срока магистратуры.

VI. 1. После вступления в должность консулов Гнея Домиция и Камилла Скрибониана⁵ Цезарь, переправившись через пролив, отделяющий Капри от Суррента, поплыл вдоль Кампании, оставляя неясным, направляется ли он в Рим или не имеет такого намерения и только делает вид, что собирается его посетить. Неоднократно высаживаясь в окрестностях Рима и побывав даже в садах на Тибре,⁶ он снова вернулся к скалам и уединенному острову на море, стыдясь своих злодеяний и любострастия, которым он проникся с такой необузданностью, что, подобно восточному деспоту, осквернял грязным развратом свободнорожденных юношей. И возбуждали в нем похоть не только телесная красота, но в одних — целомудрие юности, в других — знатность рода. Тогда впервые вошли в обиход такие неизвестные прежде слова, как селларии и спинтрии — одно, связанное с названием гнусного места, где совершались эти распутства, другое — с чудовищным его видом.⁷ Рабы, которым было поручено разыскивать и доставлять к Тиберию юношей, податливым раздавали подарки, строптивых стращали угрозами, а если кого не отпускали близкие или родители, тех они похищали силою и делали с ними все, что им вздумается, словно то были их пленники.

2. Между тем в Риме в начале года, как будто преступления Ливии были только что вскрыты и за них она не понесла давно наказания, предлагаются жестокие приговоры, направленные против ее статуй и самой ее памяти, а также передача оставшегося после Сеяна имущества из казначейства, куда оно поступило, в императорскую казну, как если бы это имело какое-нибудь значение. На всем этом с большим упорством, почти в тех же или слегка измененных словах, настаивали Сципионы, Силаны и Кассии,⁸ как вдруг, чтобы оказать со своею беззастенчивостью в одном ряду с носителями столь великих имен, выступает с насмешливой всех речью Тогоний Галл, умолявший принцепса назначить сенаторов, из которых двадцать человек, отобранных жребием и вооруженных мечами.

охраняли бы его жизнь всякий раз при посещении им заседаний сената. Очевидно, он поверил посланию, в котором Тиберий вызывал в помощь себе одного из консулов, дабы тот обеспечил ему безопасность от Капрей до Рима! Однако Тиберий, имевший обыкновение примешивать к существенно важному едкие шутки, поблагодарил сенаторов за благожелательство и заботу о нем; но кого можно обойти выбором, кого выбрать? И навсегда ли одних и тех же или время от времени производя замену другими? И тех ли, кто уже отправлял почетные должности, или только из молодых? Частных лиц или магистратов? Наконец, какой вид будут иметь сенаторы, на пороге курии препоясывающие себя мечами? И стоит ли дорожить жизнью, если ее нужно оберегать оружием? В таких сдержанных выражениях он отверг просьбу Тогония, ограничившись только советом забыть о его предложении.

3. Но на Юния Галлиона, предложившего даровать отслужившим срок преторианцам право занимать место в первых четырнадцати рядах амфитеатра,⁹ он напустился с ожесточением, спрашивая его, словно тот находился пред ним, какое ему дело до воинов, которым полагается получать приказания и награды только от императора и больше ни от кого. Выходит, что он придумал нечто такое, чего не предусмотрел божественный Август; или, скорее, он, как приспешник Сеяна, добивается возникновения раздоров и мятежа, посредством которых рассчитывает толкнуть грубых людей, прикрываясь мнимым стремлением воздать им почет, к нарушению воинской дисциплины и установленного порядка? Вот какую плату получил Галлион за обдуманное намерение подольститься. Немедленно он был изгнан из сената, а затем и из Италии; но так как о нем говорили, что, избрав Лесбос, прославленный и прекрасный остров, он легко будет переносить изгнание, его возвращают в Рим и содержат под стражей в домах высших должностных лиц. В том же письме Цезарь, к великому удовольствию сенаторов, обрушил свой гнев на бывшего претора Секстия Пакониана, наглого негодяя, постоянно выведывавшего чужие тайны и избранного Сеяном в помощники для завлечения Гая Цезаря в приготовленную для него западню. После того как это было раскрыто, прорвалась наружу давно созревшая общая ненависть к Пакониану, и он не избежал бы смертного приговора, если бы не заявил, что намерен представить донос.

4. Когда же Пакониан напал на Лукания Лациара, одинаково ненавистные обвинитель и подсудимый представляли собою приятное для всех зрелище. Лациар, как я сообщал выше, — главное действующее лицо в подстроенном некогда Титию Сабину предательстве, — на этот раз оказался первым, на кого обрушилась кара. Среди разбирательства этих дел Гатерий Агриппа напустился на консулов предыдущего года, почему они, осыпавшие друг друга взаимными обвинениями, теперь упорно хранят молчание; очевидно, страх и сознание за собою вины скрепляют между ними союз; но сенаторам никак не годится замалчивать то, о чем им до-

велось слышать. Регул на это ответил, что время отмщения не ушло и что он даст объяснения в присутствии принцепса; Трион сказал, что было соперничество между коллегами, и если они в пылу ссоры прибегали к угрозам, то об этом лучше забыть. Но так как Агриппа продолжал настаивать, бывший консул Санквиний Максим стал убеждать сенат не умножать забот императора, изыскивая для него новые огорчения; в его руках достаточно силы, чтобы принять необходимые меры. Так ему удалось добиться для Регула спасения, для Триона — отсрочки гибели. А Гатерий стал еще ненавистнее, так как расслабленный то ли вечной сонливостью, то ли ночным распутством и вследствие своей вялости не боявшийся принцепса, несмотря на всю его жестокость, он среди кутежа и разврата занимался измышлением способов губить выдающихся людей.

5. Затем неизменно выступавшему с наиболее свирепыми предложениями и поэтому всеми давно ненавистному Котте Мессалину при первом удобном случае предъявляется обвинение в том, что он распространял порочащие Гая Цезаря слухи о его, пятнающем мужчину, разврате, что, присутствуя среди жрецов на пиршестве в день рождения Августы, он назвал его поминальным обедом и что, посетовав на могущество Мания Лепида и Луция Аррунция, с которыми у него вышла размолвка в связи с какими-то денежными расчетами, он добавил: «Их, может быть, поддержит сенат, а меня защитит мой Тиберушка». Изобличенный в этом первейшими людьми государства и не оставляемый ими в покое, он обратился с жалобой на них к императору. И вскоре сенату было доставлено письмо Цезаря, в котором он вступился за Котту: вспомнив о начале своей дружбы с ним и указав на его многочисленные заслуги, он просил не истолковывать в худшую сторону его слов и не превращать в преступление бесхитростную застольную болтовню.

6. Примечательным показалось начало этого письма Цезаря, ибо в нем были следующие слова: «Что вам писать, почтеннейшие отцы сенаторы, или как писать, или о чем в настоящее время совсем не писать? Если я это знаю, пусть боги и богини нашьют на меня еще более тягостные страдания, нежели те, которые я всякий день ощущаю и которые влекут меня к гибели». Так обернулись для него казнью его собственные злодеяния и мерзости! И недаром мудрейший из мудрых¹⁰ имел обыкновение говорить, что, если бы удалось заглянуть в душу тиранов, то нам предстало бы зрелище ран и язв, ибо как бичи разрывают тела, так жестокость, любострастие и злобные помыслы — душу. И действительно, ни единовластие, ни уединение не оградили Тиберия от душевных терзаний и мук, в которых он сам признался.

7. Тогда же сенату было сделано указание, что он волен распорядиться судьбою сенатора Цецилиана, настойчивее других добивавшегося осуждения Котты, и было решено определить ему такое же наказание, какое понесли обвинители Луция Аррунция Арузей и Санквиний;¹¹ никогда ничего более почетного не выпадало на долю Котты, принадлежав-

шего, правда, к знатному роду, но из-за распутного образа жизни впадшего в бедность и обесславившего себя гнусными поступками, ибо данное ему удовлетворение ничем не отличалось от предоставленного Аррунцию, который был образцом добродетели.

После этого перед сенатом предстали Квинт Сервей и Минуций Терм; Сервей — бывший претор и в прошлом приближенный Германика, Минуций — из всаднического сословия, весьма скромно использовавший свои дружеские связи с Сеяном; и то и другое вызывало сочувствие к ним со стороны сенаторов. Но Тиберий, напротив, назвав их главнейшими участниками заговора Сеяна, принудил Гая Цестия-отца огласить в сенате, что он ему о них написал, и Цестий взял на себя их обвинение. Наиболее пагубным из всех бедствий, какие принесли с собой те времена, было то, что даже виднейшие из сенаторов не гнушались заниматься сочинением подлых доносов, одни — явно, многие — тайно; и когда доходило до этого, не делалось никакого различия между посторонними и близкими, между друзьями и людьми незнакомыми, между тем, что случилось недавно, и тем, что стерлось в памяти за давностью лет; все, что говорилось на форуме, в узком кругу на пиршестве, тотчас же подхватывалось и вменялось в вину, так как всякий спешил предвосхитить другого и обречь его на расправу, часть, чтобы спасти себя, большинство — как бы захваченные поветрием. Но Минуций и Сервей, уже будучи осуждены, превратились в доносчиков, запутав в свое дело Юлия Африкана из галльского племени сантонов и Сея Квадрата, происхождения которого я не выяснил. Мне не безызвестно, что большинство писателей обошло молчанием бесчисленные случаи несправедливых гонений и многие казни и потому, что они были подавлены их обилием, и потому, что опасались наскучить читателям, повествуя о том, что им представлялось чрезмерно мрачным; но мы обнаружили много такого, о чем они не упоминают, но что, по нашему мнению, заслуживает того, чтобы о нем рассказать.

8. Так, в те дни, когда остальные лживо отрекались от дружбы с Сеяном, римский всадник Марк Теренций, представший перед судом по такому же обвинению, осмелился заявить, что не отрицается от него. Он обратился к сенату со следующей речью: «Вероятно, для меня менее выгодно согласиться с предъявленным мне обвинением, чем достараться опровергнуть его. Но как бы дело ни обернулось, я все же признаюсь, что был другом Сеяна, домогался им стать и радовался, когда достиг этого. Сначала я видел, что он и его отец стоят во главе преторианских когорт, а позже — еще и то, что, неся обязанности военачальника, он одновременно управляет городом Римом. Его родственники и свойственники были осыпаны почестями; всякий, кто был другом Сеяна, тем самым выдаивался расположением принцепса; напротив, те, к кому он питал неприязнь, обрекались на вечный страх и жалкое прозябанье. Я не стану никого называть в подтверждение своих слов; попав в беду, я буду защищать всех, кто, подобно мне, непричастен к его последнему замыслу.

Ведь мы почитали не Сеяна из Вульсиний, но того, кто породнился с Клавдиями и Юлиями, с которыми он был связан свойством,¹² твоего, Цезарь, зятя, твоего товарища по консульству, исполнявшего в государстве общие с тобою обязанности. Не нам обсуждать, кого ты вознес над другими и по каким причинам ты это сделал: боги вручили тебе верховную власть, а наша слава — лишь в повиновении твоей воле. Мы знаем только то, что у нас на виду: кого ты одарил богатством и почестями, кто властен оказывать покровительство или вредить; и нет никого, кто решился бы отрицать, что все это было в руках у Сеяна. Пытаться проникнуть в сокровенные мысли принцепса, доискиваться, что он втайне в себе вынашивает, и непозволительно, и опасно; да и достигнуть этого невозможно. Вспомните, почтеннейшие сенаторы, что представлял собою Сеян не в последний день его жизни, а в течение шестнадцати лет. Ведь мы благоговели даже пред Сатрием и Помпонием; свести знакомство с вольноотпущенниками Сеяна, с его рабами-привратниками почиталось великим счастьем! Что же, моя защита распространяется на всех без разбора? Никким образом: пусть она имеет силу лишь в должных пределах. Козни против государства и умысел умертвить императора подлежат каре; но да будет нашим оправданием то, что дружбу с Сеяном и услуги ему мы прекратили, Цезарь, одновременно с тобой».

9. Мужество этой речи и сознание, что нашелся, наконец, человек, чтобы высказать то, что было у всех на уме, возымели такую силу, что его обвинителей, которым при этом припомнили их прежние низости, покарала изгнанием или смертью.

Затем последовало письмо Тиберия, полное нападок на бывшего претора Секста Вистилия, которого, как любимца твоего брата Друза, он некогда приблизил к себе. Причина же гнева на Вистилия была та, что он либо действительно сочинил что-то в поношение непотребств Гая Цезаря, либо это был навет на него, встретивший веру. Удаленный вследствие этого из окружения Цезаря, он старческой рукой вскрыл себе вены и, наложив повязки, письменно обратился к нему с мольбою возвратить благоволение, но, получив непреклонный ответ, снял повязки и истек кровью. Вслед за тем были разом обвинены в оскорблении величия Анний Поллион, Аппий Силан, Мамерк Скавр и Кальвизий Сабин, а к Поллиону-отцу присоединили и Поллиона-сына — Винициана; все они принадлежали к знатым родам и ранее занимали важнейшие должности в государстве. И сенаторы были бы окончательно повергнуты в трепет (много ли среди них было таких, кто не состоял в родстве или дружбе со столь выдающимися мужами?), если бы трибун городской стражи Цельс, в этом случае один из доносчиков, не выручил из беды Аппия и Кальвизия. Разбирательство дела Поллиона с Виницианом и Скавра Цезарь отложил, чтобы заняться им вместе с сенатом, но высказал при этом несколько замечаний о Скавре, не предвещавших тому ничего хорошего.

10. Даже женщины не были ограждены от опасности этого рода. Поскольку они не могли быть обвинены в намерении захватить власть, их карали за слезы, и мать Фуфия Гемина, престарелая Виция, была умерщвлена только за то, что оплакивала казненного сына.¹³ Так обстояли дела в сенате; не иначе поступал и принцепс, по чьему повелению были преданы смерти Вескуларий Флакк и Юлий Марин, давние его приближенные, некогда следовавшие за ним на Родос и неотлучно находившиеся с ним также на Капреях; при посредстве Вескулария строились козни против Либона, а при участии Марина Сеян расправился с Курцием Аттиком.¹⁴ Эти наставники в вероломстве к общей радости от вероломства и погибли.

Тогда же умер естественной смертью, что для столь значительного лица было в то время редкостью, понтифик Луций Пизон, ни разу по собственному почину не внесший ни одного раблепного предложения и неизменно, когда возникала необходимость, призывавший к благоразумной умеренности. Я упоминал, что его отец был в свое время цензором, сам он дожил почти до восьмидесяти лет; за заслуги во Фракии ему были пожалованы триумфальные отличия. Но больше всего он прославил себя на посту префекта города Рима; получив эту должность, незадолго пред тем ставшую постоянной и вследствие непривычки народа к повиновению весьма трудную, он выполнял свои обязанности с удивительным чувством меры.

11. В прошлом цари и позднее магистраты, отлучаясь из Рима, избирали, дабы в городе не было безначалия, своих временных заместителей, которым надлежало вершить правосудие и действовать в зависимости от обстоятельств; сообщают, что Ромул оставил своим заместителем Дентра Ромулия, позже Тулл Гостилий — Нуму Марция и Тарквиний Гордый — Спурия Лукреция. В дальнейшем такие же поручения исходили от консулов. Подобие этого обыкновения сохраняется и поныне, когда ради латинских празднеств всякий раз назначается особый префект, к которому в эти дни переходят консульские обязанности. Да и Август в пору гражданских войн поставил во главе Рима и всей Италии Цильния Мецената из всаднического сословия; затем, уже став главой государства, он вследствие обилия населения и медлительности судопроизводства повелел выделить кого-нибудь из числа бывших консулов для обуздания рабов и тех беспокойных граждан, чья дерзость не могла быть укрощена иначе как силой. Первым эту должность занял и спустя несколько дней оставил как неспособный справиться с нею Мессала Корвин; далее, несмотря на преклонный возраст, ее превосходно управлял Тавр Статилий и после него в течение двадцати лет Пизон, также заслуживший всеобщее одобрение и по этой причине удостоенный сенатом похорон на государственный счет.

12. Затем народный трибун Квинтилиан доложил сенаторам о Сивиллиной книге, приобщения которой к прочим книгам той же прорица-

тельницы соответствующим сенатским постановлением настойчиво добивался квиндецемвир Каниний Галл. Сенат дал на это согласие без предварительных прений, и Цезарь прислал письмо, в котором слегка попенял трибуну, по молодости лет не осведомленному в старинных обычаях. Галла, однако, он сурово упрекал в том, что, состарившись на изучении священных обрядов, он обратился с этим делом к неполному составу сената, не выяснив притом происхождения книги, не дождавшись, пока коллегия¹⁵ выскажет о ней свое мнение, не распорядившись, как того требовал обычай, чтобы прорицания были предварительно прочитаны и оценены магистрами.¹⁶ Одновременно Цезарь напомнил, что так как под этим прославленным именем распространялось немало всякого вздора, Август воспретил частным лицам хранить у себя книги этого рода, установив срок, в течение которого их полагалось сдавать городскому претору. Такой же указ издали и наши предки после сожжения Капитолия в Союзническую войну,¹⁷ ибо тогда было разыскано много прорицаний Сивиллы — одна ли она была или их было несколько — на Самосе, в Илионе, Эритрах, Африке, а также на Сицилии и в италийских колониях,¹⁸ и жрецам было дано поручение определить, насколько это доступно разумению человеческому, какие из них действительно подлинные. Таким образом, и эта книга в конце концов была отдана на рассмотрение квиндецемвиров.

13. При тех же консулах дороговизна съестных припасов едва не повела к мятежу: несколько дней подряд народ шумел в театре, выдвигая всевозможные требования с непозволительной по отношению к императору дерзостью. Встревоженный этим, он вменил в вину магистратам и сенаторам, что они не усмирили толпы имевшимися в их распоряжении средствами, и в конце письма указал, из каких провинций подвозит он продовольствие и насколько больше, чем подвозил его Август. Итак, в целях обуздания простого народа был составлен отличавшийся старинной суровостью сенатский указ, и не менее строгие распоряжения отдал консулы. Молчание самого Тиберия объясняли не его снисходительностью, на что он рассчитывал, а надменностью.

14. В конце года погибли обвиненные в причастности к заговору Сеяна римские всадники Геминий, Цельс и Помпей; из них дружески связан был с ним только Геминий, да и то не в существенно важном, и сближала их лишь приверженность того и другого к расточительству и изнеженному образу жизни. И трибун Юлий Цельс, закованный в кандалы со свободно свисавшей цепью, обмотав ее вокруг шеи и растягивая в разные стороны, сам себя удавил. А к Рубрию Фабату была приставлена стража, так как его заподозрили в том, что, тяготясь сложившимися в Римском государстве порядками, он пытался бежать к парфянам, рассчитывая найти у них дружелюбный прием. В самом деле, обнаруженный у Сицилийского пролива и доставленный в Рим центурионом, он не мог привести никаких правдоподобных причин в объяснение своего пре-

бывания в столь удаленном от его дома месте; тем не менее он остался в живых скорее потому, что о нем забыли, чем вследствие снисходительности.

15. В консульство Сервия Гальбы и Луция Суллы¹⁹ Цезарь после долгого раздумья, кого бы дать в мужа своим уже достигшим брачного возраста внукам, остановил выбор на Луции Кассии и Марке Виниции. Виниций происходил из провинциального рода; он родился в городе Калах; его отец и дед достигли консульского достоинства,²⁰ но все остальные в семье принадлежали к всадническому сословию; сам он был мягкого нрава и обладал даром изящной речи. Кассий происходил из римского плебейского рода, впрочем древнего и заслуженного; воспитанный отцом²¹ в строгости, он располагал к себе скорее своей обходительностью, чем душевною твердостью. Итак, выдав замуж дочерей Германика Друзиллу и Юлию — первую за Кассия, вторую за Виниция. — Тиберий сообщил об этом сенату, сдержанно похвалив молодых людей. Затем, довольно смутно изложив причины своего пребывания за пределами Рима, он перешел к делам более важным и к тому, что, заботясь о благоденствии государства, он навлек на себя недовольство, и закончил письмо просьбою допускать вместе с ним в курию всякий раз, когда он пожелает ее посетить, префекта Макрона²² и еще нескольких трибунов и центурионов.²³ И хотя соответствующий сенатский указ полностью учел его пожелания и в нем не упоминались ни звание, ни число сопровождающих императора, Тиберий не только не вошел ни в один римский дом, не говоря уже о народном собрании, но всякий раз объезжал родной город кожными путями.

16. Между тем посыпались доносы на тех, кто отдавал деньги в рост, нарушая закон диктатора Цезаря, определявший условия, на которых в пределах Италии дозволялось давать займы деньги и владеть земельною собственностью, и уже давно не применявшийся, ибо ради частной выгоды забывают об общественном благе. И действительно, ростовщичество в Риме — застарелое зло, весьма часто бывшее причиной восстаний и смут, и поэтому меры к его обузданию принимались также и в старину и при менее испорченных нравах. Сначала Двенадцатью табличами²⁴ было установлено, что никто не вправе взимать более одной унции росту,²⁵ тогда как ранее все зависело от произвола богатых; в дальнейшем по предложению народных трибунов эту ставку снизили до половины унции;²⁶ наконец, отдавать деньги в рост было полностью воспрещено.²⁷ В народных собраниях было принято множество постановлений, направленных против обходящих этот закон, но, в нарушение неоднократно подтвержденных указов, они все же никогда не переводились, так как займодавцы прибегали к хитроумным уловкам. Претор Гракх, на долю которого теперь выпало разбирательство этого дела, подавленный обилием обвиняемых, доложил об этом сенату, и перепуганные сенаторы (ибо никто не был свободен от этой вины) обратились

к принцепсу, моля его о прощении; и снизойдя к ним, он предоставил год и шесть месяцев на то, чтобы каждый привел свои денежные дела в соответствие с велениями закона.

17. Это повело к нехватке наличных денег и потому, что все долги были истребованы одновременно, и вследствие большого числа осужденных, так как после продажи их конфискованного имущества звонкая монета скопилась в государственном казначействе и в казне императора. К тому же сенат обязал каждого заимодавца истратить две трети отданных им взаймы денег на покупку земельной собственности в Италии и каждого должника немедленно внести такую же часть своего долга.²⁸ Но заимодавцы требовали погасить долги полностью, а должникам не подобало подрывать доверие к своей платежеспособности. Отсюда — сначала беготня и просьбы, затем — препирательства у трибунала претора, и то, что было придумано в качестве целебного средства — продажа и покупка земли, — возымело противоположное действие, так как заимодавцы задержали все деньги для приобретения земельных угодий. Вследствие множества продающих цены на поместья резко упали, и чем больше долгов обременяло владельца земли, тем труднее ему было ее продать, так что многие из-за этого вконец разорились; потеря имущества влекла за собою утрату достойного положения и доброго имени, и так продолжалось до тех пор, пока Цезарь, раздав по меняльным лавкам сто миллионов сестерциев, не разрешил получать из них ссуду всякому, кто мог представить народу в залог поместье в два раза большей ценности, на три года без взимания роста. Так было восстановлено деловое доверие, и понемногу снова появились частные заимодавцы. Но покупка земли осуществлялась не в том порядке, в каком это предписывалось сенатским постановлением: непреклонными были требования закона вначале, как это почти всегда бывает в подобных случаях, но под конец никто не заботился об их соблюдении.

18. Затем, после привлечения к суду Консидия Прокула по обвинению в оскорблении величия, вернулись прежние страхи; его, безмятежно праздновавшего свой день рождения, схватили, доставили в курию, осудили и немедленно предали смерти, а его сестра Санция была лишена воды и огня по обвинению, предъявленному Квинтом Помпонием. Человек беспокойного нрава, он объяснял этот и другие свои поступки такого рода желанием добиться благосклонности принцепса, чтобы выволить из опасности своего брата Помпония Секунда. Выносятся также решение об изгнании Помпеи Макриной, мужа которой Арголика и тестя Лакона, знатных ахейцев, Цезарь погубил ранее. Ее отец, выдающийся римский всадник, и брат, бывший претор, в ожидании неизбежного осуждения сами наложили на себя руки. Они были виноваты лишь в том, что некогда Гней Великий считал их прадеда Феофана из Митилен одним из своих ближайших друзей и что умершему Феофану греческое подобострастие воздало божеские почести.

19. После них поступает донос на богатейшего испанца Секста Мария, обвиненного в кровосмесительной связи с дочерью и сброшенного с Тарпейской скалы. И чтобы ни в ком не вызывало сомнения, что его погубило богатство, Тиберий присвоил себе принадлежавшие ему серебряные и медные рудники, хотя они подлежали передаче в собственность государства. Возбужденный этими казнями, он велит умертвить всех, кто содержался в темнице по обвинению в сообщничестве с Сеяном. Произошло страшное избиение, и на Гемониях лежало несметное множество убитых обоюга пола, всякого возраста, знатных и из простого народа, брошенных поодиночке или сваленных в груды. Ни близким, ни друзьям не дозволялось возле них останавливаться, оплакивать их, сколько-нибудь подолгу смотреть на них: сторожившие их со всех сторон войны, внимательно наблюдая за всеми, так или иначе проявлявшими свою скорбь, неотступно следовали за разложившимися телами, пока их волочили к Тибру. Они уплывали вниз по течению, или их прибывало к берегу, и никто к ним не притрагивался и не предавал их сожжению. Так сознание общности жребия человеческого подавлялось силою страха, и чем сильнее свирепствовала жестокость, тем больше преград встречало сострадание.

20. Тогда же Гай Цезарь, отправившийся с дедом на Капреи, взяв в жены дочь Марка Силана Клавдию; скрывая под личиною скромности огромные притязания, он настолько владел собою, что ни осуждение матери, ни гибель братьев²⁹ не исторгли у него ни одного возгласа; как начинал день Тиберий, тот же вид, почти те же речи были и у него. Отсюда ставшее впоследствии широко известным крылатое слово оратора Пассиена: никогда не бывало ни лучшего раба, ни худшего господина.

Не умолчу и о предсказании Тиберия относительно Сервия Гальбы, в ту пору консула; вызвав его к себе и испытав в разносторонней беседе, он под конец обратился к нему по-гречески с такими словами: «И ты, Гальба, отведаешь когда-нибудь власти», намекая на то, что владычество его будет поздним и недолгим, и обнаружив тем самым знакомство с наукой халдеев: для ее постижения он располагал на Родосе и досугом, и наставником Трасиллом, чьи познания он испытал следующим образом.

21. Всякий раз, когда Тиберий, стремясь узнать свое будущее, встречался ради этого с прорицателями, он пользовался верхними покоями дома и услугами единственного посвященного в эти дела вольноотпущенника. Невежественный и наделенный огромной телесной силой, тот окольными и крутыми тропками (ибо дом стоял на скалистом обрыве) приводил прорицателя, искусство которого хотел испытать Тиберий, и на обратном пути, если его познания были сочтены Тиберием вздорными, а сам он обманщиком, сбрасывал его в море, чтобы не оставалось свидетеля тайных занятий его господина. И так, тем же путем по скалам

был приведен и Трасилл; после того как Тиберий задал ему те же вопросы и ответы Трасилла его взволновали, ибо тот искусно открыл ему, что он завладеет властью, а также все его будущее, Тиберий спросил его, может ли он прозреть свою собственную судьбу, что ему принесет данный год, данный день. Взглянув на расположение звезд и измерив расстояния между ними, тот сначала колеблется, потом пугается и чем больше всматривается в небо, тем сильнее и сильнее дрожит от растерянности и страха и наконец восклицает, что ему угрожает почти неотвратимая гибель. Тогда Тиберий, обняв его, поздравляет с тем, что он увидел надвигающуюся на него опасность и все же останется невредимым, и, сочтя все сказанное им за оракул, удерживает его при себе, как одного из своих ближайших друзей.

22. Когда я слышу о таких и подобных вещах, меня охватывает раздумье, определяются ли дела человеческие роком и непреклонной необходимостью или случайностью. Ведь среди величайших мыслителей древности и их учеников и последователей можно обнаружить приверженцев противоположных взглядов, и многие твердо держатся мнения, что богам нет ни малейшего дела ни до нашего возникновения, ни до нашего конца, ни вообще до смертных;³⁰ вот почему так часто жизнь хороших людей безрадостна, а счастье выпадает в удел дурным. Другие,³¹ напротив, считают, что жизненные обстоятельства предуказаны роком, но не вследствие движения звезд, а в силу оснований и взаимосвязи естественных причин; при этом, однако, они полагают, что мы свободны в выборе образа жизни, который, будучи единожды избран, влечет за собою определенную последовательность событий. И отнюдь не то — зло и благо, что признается таковыми толпой; многие, одолеваемые, как мы себе представляем, невзгодами, счастливы, тогда как иные, хотя и живут в богатстве и изобилии, влачат жалкое существование, ибо первые стойко переносят свою тяжелую участь, а вторые неразумно пользуются своею удачливою судьбой. Но большинство смертных считает, что будущее предопределено с их рождения и если что происходит не так, как предсказано, то в этом повинно невежество предсказателей: оно подрывает веру в науку, непроверяемые свидетельства истинности которой доставили нам и древность, и наше время. И действительно, сын того же Трасилла предрек и Нерону,³² что он завладеет властью, но об этом я сообщу в своем месте, чтобы не отойти еще дальше от начатого повествования.

23. При тех же консулах разносится весть о кончине Азиния Галла; что он умер от голода, не подлежит сомнению, но по доброй ли воле или по принуждению — считалось неустановленным. И когда к Цезарю обратились с вопросом, разрешит ли он его похороны, тот, не устыдившись, дал на них разрешение, посетовав при этом на обстоятельство, отнявшие у него подсудимого, прежде чем тот был изобличен в его присутствии; как будто за три года не нашлось у него времени, чтобы учинить суд над

стариком, бывшим консулом и отцом стольких консулов!³³ Затем умерщвляется Друз, который поддерживал себя жалкою пищей, поедая набивку своего тюфяка, и угас лишь на девятый день. Некоторые передают, что Макрону якобы было поручено в случае, если бы Сеян взялся за оружие, освободить юношу из-под стражи (он содержался в Палатинском дворце) и поставить его во главе народа.³⁴ Позднее, так как ходили упорные слухи, что Цезарь собирается примириться с невесткой и внуком, он предпочел жестокость раскаянию.

24. Больше того, он всячески поносил умершего, обвиняя его в грязных пороках, в том, что он намеревался погубить своих близких, что ненавидел отечество, и приказал прочесть ежедневные записи всех его поступков и слов; это показалось особенно ужасным: было бы трудно поверить, что в течение стольких лет к Друзу были приставлены соглядатаи, ловившие его взгляды, стоны, даже невинное бормотанье, и что его дед мог все это выслушивать, читать, предать гласности, если бы в донесениях центуриона Аттия и вольноотпущенника Дидима не назывались по именам рабы, какой из них ударил пытавшегося выйти из своего помещения Друза, какой поверг его в страх. Центурион приводил, как некое свидетельство своей доблести, и жестокие речи, с которыми он сам к нему обращался, и слова умирающего, вначале как бы в исступлении расточившего угрозы Тиберию, а затем, после утраты всякой надежды на сохранение жизни, призывавшего на его голову обдуманые и холодные проклятия, чтобы, после того как он умертвил невестку, племянника, внуков³⁵ и заполнил свой дворец трупами, он сам понес наказание, сняв позор с родового имени предков и послужив очистительной жертвою для потомков. Сенаторы зашумели, делая вид, что охвачены негодованием, тогда как в действительности были потрясены страхом и изумлением, что некогда столь осторожный и так тщательно скрывавший свои преступления принцепс дошел до такой откровенности, что, как бы раздвинув стены, показал внука под плетью центуриона, осыпаемого пинками рабов и тщетно молящего хоть о какой-нибудь пище для поддержания жизни.

25. Еще не заглохла скорбь, порожденная расправою с Друзом, как стало известно, что умерла Агриппина.³⁶ Жизнь ее после казни Сеяна продлила, думаю, поддерживавшая ее надежда, но в жестокой ее судьбе не произошло никаких изменений к лучшему, и она сама себя уморила голодом, если только добровольность ее кончины не была вымыслом и ее насильственно не лишили пищи. В самом деле, распаленный злобой Тиберий возвел на нее гнусное обвинение в распутстве, в том, что она сожительствовала с Азинием Галлом и после его смерти впала в отвращение к жизни. Но Агриппина, никогда не мирившаяся со скромным уделом, жадно рвавшаяся к власти и поглощенная мужскими заботами, была свободна от женских слабостей. Цезарь добавил, что она умерла в тот же день, в который за два года пред тем Сеяна постигло возмез-

дие, и что это заслуживает особого внимания; он также поставил себе в заслугу, что ее не удавили петлей и не бросили на Гемонии. За это сенат воздал ему благодарность, и было вынесено постановление ежегодно в пятнадцатый день перед ноябрьскими календами, ибо именно в этот день и Сеяна, и Агриппину постигла смерть, посвящать дар Юпитеру.

26. Немного позднее решил умертвить себя Кокцей Нерва, неизменный приближенный и спутник принцепса, хотя его положение несколько не пошатнулось и он не страдал никаким телесным недугом. Когда это стало известно Тиберию, он посетил его, стал доискиваться причин такого решения, уговаривать; наконец, признался, что тяжелым бременем ляжет на его совесть и добрую славу, если его ближайший и лучший друг, у которого не было никаких видимых оснований торопить смерть, безвременно расстанется с жизнью. Уклонившись от объяснений, Нерва до конца упорно воздерживался от пищи. Знавшие его мысли передавали, что чем ближе он приглядывался к бедствиям Римского государства, тем сильнее негодование и тревога толкали его к решению обрести для себя, пока он невредим и его не тронули, достойный конец.

Гибель Агриппины, сколь это ни невероятно, повлекла за собою и гибель Планцины. Будучи женой Гнея Пизона и открыто радуясь смерти Германика, она при падении мужа избежала возмездия, оберегаемая заступничеством Августы и в меньшей мере — враждой Агриппины. Но когда и той, что ее ненавидела, и той, которая ей покровительствовала, не стало, одержало верх правосудие, и, привлеченная к суду по хорошо известному обвинению,³⁷ она собственноручно предала себя скорее запоздалой, чем незаслуженной казни.

27. Удрученному столькими печальями городу добавила еще одно огорчение дочь Друза Юлия, в прошлом жена Нерона, унижившая себя до брака с Рубеллием Бландом, деда которого, римского всадника родом из Тибура, многие хорошо помнили. Скончавшийся в конце года Элий Ламия был удостоен цензорских похорон; освобожденный, наконец, от призрачного управления Сирией, он занимал должность префекта города Рима; происходил он из хорошего рода и, несмотря на возраст, был бодр и деятелен; придавало ему достоинство и то, что он не был отпущен в свою провинцию. Затем, по смерти пропретора Сирии Помпония Флакка, в сенате оглашается письмо Цезаря, в котором он сетовал, что наиболее выдающиеся и способные начальствовать войском уклоняются от несения этих обязанностей и что это вынуждает его обратиться к сенаторам с просьбой повлиять на нескольких бывших консулов и добиться от них согласия взять на себя попечение о провинциях. Он забыл, однако, о том, что сам он десятый год задерживает в Риме Аррунция и не отпускает его в Испанию.³⁸ В том же году умер и Маний Лепид, об умеренности и рассудительности которого я достаточно сказал в предыдущих книгах; нет надобности подробнее останавливаться и на его знатности, ибо род Эмилиев всегда изобиловал достойными гражданами, а если кто

из той же семьи отличался дурными нравами, то и такие не были лишены внешнего блеска.

28. В консульство Павла Фабия и Луция Вителлия³⁹ после длительного круговорота веков птица феникс⁴⁰ возвратилась в Египет и доставила ученым мужам из уроженцев этой страны и греков обильную пищу для рассуждений о столь поразительном чуде. Мне хочется изложить и то, в чем их суждения совпадают, и еще больше такого, в чем они между собой несогласны, но с чем стоит познакомиться. Что это существо по-свойству солнцу и отличается от других птиц головою и яркостью оперения, на этом сходятся все, кто описывал его внешний вид; о возрасте же его говорят различно. Большинство определяет его в пятьсот лет, но есть и такие, которые утверждают, что этот феникс живет уже тысячу четыреста шестьдесят один год, так как ранее фениксы прилетали в город, носящий название Гелиополь, в первый раз — при владычестве Сесосиса, во второй — Амасиса и в последний — Птолемея, который царствовал третьим из македонян, причем их всегда сопровождало множество прочих птиц, дивившихся их невиданному облику. Древность темна; но Тиберия от Птолемея отделяет менее двухсот пятидесяти лет.⁴¹ Поэтому некоторые считают, что последний феникс — не настоящий, что он не из арабской земли и на него не распространяется то, что говорит о фениксе предание древности. По истечении положенных ему лет, почувствовав приближение смерти, он у себя на родине строит гнездо и изливает в него детородную силу, от которой возникает птенец; и первая забота того, когда он достигнет зрелости, — это погребение останков отца, и он не берется за это опрометчиво, но сначала, подняв мирру⁴² равного веса, испытывает себя в долгом полете, и когда станет способен справиться с таким грузом и с таким дальним путем, переносит тело отца на жертвенник солнца и предает его там сожжению. Все это недостоверно и приукрашено вымыслом, но не подлежит сомнению, что время от времени эту птицу видят в Египте.

29. А в Риме, где непрерывно выносились смертные приговоры, вскрыл себе вены и истек кровью Помпоний Лабен, о котором я сообщал, что он был правителем Мезии; то же сделала и его жена Паксея. Готовность к смерти такого рода порождала страх перед палачом и то, что хоронить осужденных было запрещено и их имущество подлежало конфискации, тогда как тела умертвивших себя дозволялось предавать погребению и их завещания сохраняли законную силу — такова была награда за торопливость. Цезарь в направленном сенату письме припомнил принятый у наших предков обычай: порывая с кем-нибудь дружбу, они отказывали ему от дома и после этого прекращали с ним всякие отношения. Так же поступил и он с Лабеном, но тот, обвиняемый в дурном управлении провинцией и в других преступлениях, постарался выставить себя ни в чем не повинной жертвой его неприязни; а его жена напрасно страшилась, ибо, хотя бы она и была виновной, ей ничто не грозило.

После этого выдвигается обвинение против Мамерка Скавра, отличавшегося выдающейся знатностью и блестящим ораторским дарованием, но запятнавшего себя постыдным образом жизни. Его погубила не дружба с Сеяном, а столь же губительная ненависть Макрона, который строил такие же козни, но более скрытно и доложил Цезарю содержание сочиненной Скавром трагедии,⁴³ приведя из нее стихи, которые могли быть отнесены к Тиберию. Впрочем, обвинители Скавра Сервилий и Корнелий говорили только о его прелюбодеянии с Ливией⁴⁴ и об участии в магических таинствах. Скавр, как подобало потомку древних Эмилиев, предупредил осуждение, побуждаемый к этому женой Секстией, которая была и вдохновительницей, и соучастницей его самоубийства.

30. Впрочем, если представлялась возможность, подвергались наказанию и обвинители; так, Сервилий и Корнелий, ославившие себя тем, что погубили Скавра, были лишены огня и воды и сосланы на острова, ибо, пригрозив доносом Варию Лигуру, получили от него взятку, которою он от них откупился. И бывший эдил Абудий Рузон, донесший, чтобы погубить Лентула Гетулика, под началом которого он ранее командовал легионом, что тот предназначал сына Сеяна себе в зятя, также был осужден и изгнан из Рима. Гетулик в то время стоял во главе размещенных в Верхней Германии легионов, снискав у них редкостную любовь своей благожелательностью и справедливостью; пользовался он расположением и ближайшего римского войска благодаря своему тестю Луцию Апронию. Отсюда упорно державшаяся молва, что он осмелился отправить Тиберию письмо, в котором напомнил ему, что породниться с Сеяном намеревался не по своему побуждению, а по совету Тиберия; он обманулся в нем, как это случилось с самим Тиберием, и несправедливо, чтобы одна и та же ошибка одному сошла безнаказанно, а для других обернулась гибелью. Он соблюдает безупречную верность и будет ее соблюдать, пока против него не строятся козни; если на его место будет прислан другой, он воспримет это как вынесение смертного приговора. Поэтому им лучше заключить своего рода союз, с тем чтобы принцепсу сохранить власть над всем остальным государством, а ему удержать за собою свою провинцию. Этому слуху, сколь ни был он удивителен, верили, потому что из всех близких Сеяну людей только один Гетулик остался цел и даже был в большой милости у Тиберия, помнившего о своем престарелом возрасте, о том, что его ненавидят и что сохранением власти он обязан не своей силе, а общественному мнению.

31. В консульство Гая Цестия и Марка Сервилия⁴⁵ в Рим прибыли знатные парфяне без вельможи царя Артабана. Из страха перед Германиком он некоторое время сохранял верность римлянам и справедливо правил своими, но потом стал заноситься пред нами и свирепствовать над соотечественниками, так как преисполнился самоуверенности, проведя удачные войны с окружающими народами. Он пренебрежительно относился к Тиберию, считая, что тот по старости неспособен к войне, и жадно

добивался Армении, властителем которой после смерти Артаксия поставил старшего из своих сыновей, Арсака; более того, он нанес римлянам оскорбление, послав своих людей с требованием выдать сокровищницу, оставленную Вононом в Сирии и Киликии, говорил о старых границах персов и македонян, бахвалясь и угрожая вторгнуться во владения Кира и Александра.⁴⁶ На отправлении тайного посольства к Тиберию настояли один из наиболее родовитых и богатых парфян Синнак и близкий к нему внук Абд. Быть внуком у варваров совсем не позорно, больше того, это ведет к могуществу. Итак, вместе с примкнувшими к ним другими савновниками, не имея у себя ни одного Арсакида, чтобы провозгласить его своим верховным владыкой, ибо большинство из них было истреблено Артабаном, а остальные не достигли еще возмужалости, они просили отпустить к ним из Рима Фраата, сына царя Фраата: необходимы лишь имя и поддержка — пусть потомок Арсака с согласия Цезаря покажется на берегу Евфрата.

32. Это пришлось Тиберию по душе: он снаряжает Фраата и предоставляет ему необходимую помощь для овладения отцовским престолом, верный принятому им правилу — вести дела с чужеземными государствами посредством уловок и хитростей, избегая оружия. Между тем Артабан, проведая о подстроенных ему кознях, то медлит, охваченный страхом, то возгорается жаждою мщения. У варваров медлительность считается рабской чертой, поспешность в действиях — царственной; однако в нем победило благоразумие, и он решил, что для него будет полезнее, прикрывшись личиною дружелюбия, пригласить Абда на пир и обезвредить его медленно действующим ядом, а Синнака связать притворной благосклонностью, подарками и вместе с тем деловыми поручениями. Тем временем Фраат, сменив в Сирии образ жизни, усвоенный за долгие годы пребывания в Риме, на непривычный парфянский уклад, заболел и умер. Но Тиберий не отказался от начатого: теперь он избирает в соперники Артабану Тиридата, происходившего от той же крови, что и Фраат, а для отвоевания Армении — ибера Митридата, которого мирит с царствовавшим в своей стране братом его Фарасманом; во главе всего, что затевалось им на Востоке, он ставит Луция Вителлия. Мне известно, что об этом человеке в Риме ходила дурная слава и что он оставил по себе позорную память, но провинциями он управлял с поистине древнею доблестью. Возвратившись оттуда, он из страха пред Гаем Цезарем и из-за близости к Клавдию впал в гнуснейшее раболепие и слыл у потомков образцом омерзительной лстивости, так что ранние заслуги его поблекли перед позднейшими подлостями и деяния его молодости запятнала постыдная старость.

33. Первым из этих царьков начал действовать Митридат, побудив Фарасмана помочь его замыслам при помощи вероломства и военной силы, и подысканные люди, соблазнив золотом приближенных Арсака, склонили их к измене. Одновременно иберы вторгаются с большим вой-

ском в Армению и овладевают городом Артаксатой. Узнав об этом. Артабан поручает своему сыну Ороду отомстить неприятелю; он дает ему войско парфян и рассылает людей для набора отрядов наемников; Фарасман со своей стороны получает поддержку альбанов и поднимает сарматов, скептухи⁴⁷ которых, приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправились на помощь и к той, и к другой. Но иберы — хозяева этой страны — быстро пропустили по каспийской дороге⁴⁸ сарматов, двинувшихся против армян, между тем как сарматы, направлявшиеся к парфянам, были легко отрезаны, так как враг запер все проходы, кроме единственного — между морем и оконечностями альбанских гор, воспользоваться которым, однако, препятствовало летнее время, ибо из-за постоянно дующих в одном направлении ветров вода в эту пору заливают низкие берега, тогда как зимой южный ветер гонит ее назад, и, после того как она уйдет в море, обнажается береговая полоса мелководья.

34. Между тем усиленный отрядами союзников Фарасман вызывает на битву не имевшего вспомогательных войск Орода, и так как тот от нее уклоняется, тревожит его, кидается с конницей на его лагерь, препятствует заготовке корма для лошадей; и не раз он окружал вражеский стан заставами, как бы облагая его осадой, пока парфяне, не привыкшие к такому бесчестью, не обступили своего царевича и не потребовали, чтобы он повел их в сражение. Но они были сильны только конницей, а Фарасман располагал и хорошей пехотой. Ибо иберы и альбаны, обитая в лесистых горах, привыкли к тяжелым условиям существования и поэтому гораздо выносливее парфян; они утверждают, что происходят от фессалийцев, возводя свое происхождение к тому времени, когда Ясон, после того как увез Медею и прижил с нею детей, возвратился в опустевший дворец Эета и к оставшимся без властителя колхам. Они чтут многое, связанное с его памятью, а также святилище Фрикса; и никто из них не принесет в жертву барана, ибо они считают, что Фрикса к ним доставил баран, был ли он живым существом или знаком отличия корабля.⁴⁹ Итак, после того как оба войска изготовились к бою, парфянский полководец в речи к воинам напомнил о владычестве на Востоке, о славе Арсакидов, о том, что их враг — известный ибер с войском наемников; Фарасман же говорил, что, не зная над собой парфянского ига, чем к большему они будут стремиться, тем большую славу принесет им победа, а если обратятся в бегство, то тем больше позора и опасностей навлекут на себя; он указывал при этом на грозный боевой строй своих и на раззолоченные отряды мидян, говоря, что здесь мужи, там добыча.

35. Но сарматов воодушевила не только речь полководца: они сами убеждают друг друга не допустить, чтобы их осыпали стрелами: это необходимо предупредить стремительным натиском и рукопашною схваткой. Отсюда — несхожая картина в войсках обоих противников: парфянин, приученный с одинаковой ловкостью насакивать и обращаться вспять, рас-

сыпает свои конные части, дабы можно было беспрепятственно поражать врага стрелами, а сарматы, не используя луков, которыми владеют слабее парфян, устремляются на них с длинными копьями и мечами, и враги то сшибаются и откатываются назад, как это обычно в конном бою, то как в рукопашной схватке теснят друг друга напором тел и оружия. И вот уже альбаны и иберы хватают парфян, стаскивают их с коней, заставляют биться в неравных условиях, ибо сверху на них обрушивали удары всадники, а снизу поражали не отстававшие от них пехотинцы. В разгаре боя Фарасман и Ород, которые сражались среди передовых и бросались на помощь дрогнувшим и поэтому были заметны, узнают друг друга; с громким боевым кличем они устремляются с оружием один на другого, и Фарасман, упредив противника, рассек шлем Орода и нанес ему рану. Но, увлеченный вперед конем, он не смог повторить удар, и храбрейшие из воинов успели заслонить раненого; поверив, однако, ложной вести о его гибели, парфяне пришли в замешательство и уступили победу врагу.

36. После этого Артабан со всеми силами своего царства выступил отомстить противнику. Благодаря знанию местности иберы сражались успешнее парфян, но он не отстал бы от них, если бы не Вителлий, который, стянув легионы и распространив слух, что собирается вторгнуться в Месопотамию,⁵⁰ устранил его угрозой войны с римлянами. С оставлением Артабаном Армении пришел конец и его могуществу, так как Вителлий подстрекал парфян покинуть царя, свирепствующего над ними в мирное время и неудачными битвами обрекающего их гибели. И вот Синнак, о враждебности которого к Артабану я упоминал выше, склоняет к измене ему своего отца Абдагеза и некоторых других, затаивших и ранее такой умысел и теперь решившихся осуществить его вследствие непрерывных поражений царя: понемногу к ним примыкают все, кто повиновался царю больше из страха, чем из привязанности, и, после того как нашлись зачинщики, набрался решимости. И у Артабана никого не осталось, кроме телохранителей-чужеземцев, утративших родину, у которых не существует ни понимания добра, ни отвращения к злу, которые кормятся тем, что им платят, и за плату готовы на преступление. Взяв их с собою, он поспешно бежал в отдаленные и сопредельные Скифии места в надежде на то, что там ему будет оказана помощь, так как был связан родством с гирканами и карманиями, а также и на то, что парфяне, воздающие справедливость только своим отсутствующим властителям и мятежные, когда те рядом с ними, еще обратятся к раскаянию.

37. Между тем Вителлий, так как Артабан бежал из страны и народ проявлял готовность заменить его новым царем, убеждает Тиридата использовать представившиеся возможности и ведет к берегу Евфрата отборную силу легионов и союзников. Когда они совершали жертвоприношение, причем один по римскому обычаю предал закланию свинью, овцу и быка,⁵¹ а другой, чтобы умилистить реку, обрядил ей в жертву коня,⁵² прибрежные жители сообщают, что в Евфрате сама по себе, ибо

никаких ливней не было, значительно прибывает вода и, вздуваясь белою пеной, образует похожие на диадемы круги — предзнаменование, возвещающее им благополучную переправу. Иные истолковали его с большею проникательностью, утверждая, что их предприятие начнется удачно, но плоды его будут недолговечны, ибо предвещения земли и неба более надежны, а реки по своей природе непостоянны и, открыв знамения, немедля уносят их прочь. Как бы то ни было, навели мост на судах и войско переправилось через реку. Первым явился в лагерь со многими тысячами всадников Орноспад, некогда изгнанный с родины, потом отнюдь не бесславный сподвижник Тиберия при завершении им военных действий в Далмации,⁵³ награжденный за это римским гражданством, и наконец снова достигший царского благоволения и почета и поставленный правителем тех земель, которые орошаются знаменитыми реками Евфратом и Тигром и носят название Месопотамии. Немного спустя войско Тиридата усиливает также Синнак, и столп партии Абдагез добавляет к этому царские сокровищницу и облачение. Вителлий, сочтя, что он достаточно показал внушительность римской мощи, обращается с увещеванием к Тиридату постоянно помнить о своем деде Фраате и воспитавшем его Цезаре, о доблестных деяниях того и другого, и к парфянским сановникам — неуклонно соблюдать покорность царю, почтение к нам, собственную честь и верность. Затем он с легионами возвратился в Сирию.

38. События двух летних кампаний я объединил вместе,⁵⁴ дабы отдохнуть душою от повествования о внутренних бедствиях: ведь даже спустя три года после казни Сеяна Тиберия не смягчало то, что обычно побуждает других к снисходительности, — время, мольбы, пресыщенность мщением, — и он попрежнему карал недоказанное и преданное забвению не иначе, чем наитягчайшие и только что совершенные преступления. Отказавшись из страха пред ним от борьбы с преследующими его обвинителями, Фульциний Трион в оставленном им предсмертном письме высказал все, что думал о многочисленных злодействах Макрона и виднейших вольноотпущенников Тиберия, бросив и ему самому жестокий упрек, что на старости лет он ослабел разумом и удалился из Рима, будто в изгнание. Это письмо, которое наследники пытались сохранить в тайне, Тиберий повелел прочитать в сенате, красуясь терпимостью к чужому свободомыслию и презрением к бесчестящим его выпадам, а может быть, и потому, что, долгое время оставаясь в неведении о преступных делах Сеяна, он стал впоследствии предпочитать, чтобы предавалось огласке все сказанное о нем, каково бы оно ни было, желая, хотя бы из поношений себе знакомиться с правдою, так тщательно скрываемою от него лезть. В те же дни сенатор Граний Марциан, обвиненный Гаем Гракхом в оскорблении величия, сам пресек свою жизнь, а бывший претор Тарий Грациан на основании того же закона был осужден на смертную казнь.

39. Подобным же образом погибли Требеллен Руф и Секстий Пако-

ниан; Требеллен умертвил себя собственной рукой, а Пакониан был удушен в темнице за стихи против Тиберия, которые он там сочинил. Об этих случаях Тиберий узнал не из-за моря и не от проделавших долгий путь вестников, а находясь у самого Рима и отвечая на письма консулов в тот же день или по миновании ночи и как бы видя воочию льющуюся в домах римлян кровь и руки палачей. В конце года скончался Поппей Сабин, не отличавшийся знатностью происхождения, но благодаря близости к принципсам добившийся консульства и триумфальных отличий и на протяжении двадцати четырех лет стоявший во главе важнейших провинций не за выдающиеся дарования, а потому, что, справляясь с возложенными на него поручениями, не возвышался над ними.

40. Далее следует консульство Квинта Плавтия и Секста Папиния.⁵⁵ В этом году из-за привычки к творящимся вокруг ужасам не привлекло особого внимания дело Луция Арузея и предание смерти...⁵⁶ но оставили гнетущее впечатление обстоятельства гибели римского всадника Вибулена Агриппы. После выступления обвинителей он тут же в курии достал спрятанный под тогою яд и, проглотив его, тотчас упал, но подоспевшие ликторы подхватили умирающего и потащили его в темницу, где ему, уже бездыханному, затянули на шее петлю. Не избежал казни, совершаемой над римскими гражданами, и носивший царский титул Тигран,⁵⁷ некогда властитель Армении, а теперь подсудимый. Бывший консул Гай Гальба и оба Блезы добровольно наложили на себя руки: Гальба получил суровое письмо Цезаря, отстранявшее его от получения провинции, а Блезов Тиберий лишил жреческих должностей, которые обещал, пока их семья была благополучна, назначение на которые отложил после того, как ее постиг удар, и которые теперь отдал другим, как незаняты; и Гальба, и Блезы восприняли это как предписание умереть и сами над собой исполнили приговор. И Эмилия Лепида (о ее замужестве с молодым Друзом я сообщил выше),⁵⁸ преследовавшая мужа всевозможными обвинениями и при жизни своего отца Лепида, несмотря на постыдное поведение, оставшаяся безнаказанной, привлекается к ответу донощиками за прелюбодейную связь с рабом, и так как ее бесчестье не вызывало сомнений, она сама, не пытаясь оправдаться, положила предел своей жизни.

41. Тогда же подвластный каппадокийцу Архелаю народ клитов,⁵⁹ так как его заставляли по принятому в наших провинциях обыкновению подвергнуться цензу и вносить подати, ушел в Таврские горы и там благодаря условиям местности успешно оборонялся от невоинственных царских войск, пока легат Марк Требеллий, присланный наместником Сирии Вителлием с четырьмя тысячами легионеров и отборными вспомогательными войсками, не окружил осадными сооружениями два холма, на которых засели варвары (меньший из них называется Кадра, другой — Давара), и не вынудил силой оружия к сдаче дерзнувших на попытку прорваться и, отрезав воду, — всех остальных.

А Тиридат между тем с согласия парфян принял под свою руку Никефорий и Анфемусию и несколько других городов, которые, будучи основаны македонянами, носят греческие названия, а также Гал и Артемиту, исконные города парфян, и это было радостно встречено всеми, кто проклинал жестокость выросшего в Скифии Артабана и надеялся на мягкий нрав получившего римское воспитание Тиридата.

42. Наибольшим преклонением окружила его Селевкия, могущественный, обнесенный стенами город, не впавший в варварство и удерживающий устройство, которое ему дал его основатель Селевк. В нем избирают триста богатых или известных своей мудростью граждан, которые образуют сенат; есть гражданская власть и у простого народа. И когда между ними устанавливается согласие, они ни во что не ставят парфян, но, если у них возникают раздоры, тогда и те и другие стремятся заполучить их помощь против соперников, и те, поддержав одну из сторон, забирают власть над обеими. Это и случилось незадолго пред тем, в царствование Артабана, который, руководствуясь собственной выгодой, отдал простой народ в подчинение знатным, ибо управление, осуществляемое народом, создает свободу, тогда как господство немногих ближе к царскому произволу. Прибывшего к ним Тиридата они осыпали старинными царскими почестями, а также и теми, которые так щедро придумало новейшее время; вместе с тем они не скупились на поношения Артабану, по матери Арсакиду, а по отцу неизвестного происхождения. Управление Селевкией Тиридат предоставил народу. Затем, когда он стал обдумывать, в какой день ему торжественно вступить на престол, прибывают письма от Фраата и Гиерона, правителей наиболее значительных префектур, с просьбой немного повременить. Решив дожидаться столь могущественных мужей, он тем временем отправился в Ктесифон, местопребывание парфянских вассалов; но так как Фраат и Гиерон со дня на день откладывали поездку, сурена⁶⁰ в присутствии многих и под возгласы общего одобрения повязал голову Тиридата царскою диадемой.

43. Если бы он немедленно отправился внутрь страны и к другим племенам, колебания медлящих были бы этим рассеяны и все оказали бы ему полное повиновение. Но пребывая в крепости, в которой Артабан укрыл свою казну и наложниц, он предоставил парфянам время и тем самым возможность разорвать заключенное с ним соглашение. Ибо Фраат с Гиероном, а также другие, не присутствовавшие в назначенный день на торжестве возложения диадемы, обратили свои взоры в сторону Артабана, одни, страшась будущего, другие из зависти к Абдагезу, подчинившему тогда своей воле нового царя и весь двор. Артабана разыскивали среди гирканов; покрытый грязью, оборванный, он добывал себе пропитание луком и стрелами. Сначала он испугался, что ему подготавливается какая-то западня, но, когда его убедили, что дело идет о возвращении ему утраченного господства, он воспрянул духом и спросил, в чем причина столь неожиданных перемен. Тогда Гиерон стал бранить чрезмерную молодость

Тиридата, утверждая, что в их стране царствует не Арсакид, а только носящий это имя, изнеженный на чужбине и слабый юнец, а действительная власть в руках Абдагеца и его родичей.

44. Опытный в искусстве царствовать, Артабан сразу почувствовал, что, если они лгут, распинаясь в любви, то ненависть их во всяком случае непритворна. Итак, промедлив не дольше, чем было необходимо, чтобы вызвать на помощь скифов, он торопится выступить, дабы не дать врагам применить военные хитрости, а друзьям раскаяться в принятом ими решении; и он не снял своего рубища, чтобы привлечь к себе простой народ состраданием к его участи. Ни обман, ни просьбы — ничего не было им упущено, лишь бы сманить колеблющихся и внушить бодрость готовым примкнуть к нему. Он уже приближался с крупными силами к окрестностям Селевкии, а Тиридат, одновременно потрясенный молвою о нем и тем, что он уже рядом, все еще не решил, что ему предпринять: пойти ли Артабану навстречу или затянуть войну выжиданием. Те, кому были по душе битвы и стремительность в действиях, утверждали, что разрозненные и истомленные длительностью похода недавние предатели и враги Артабана, теперь снова поддерживающие его, еще недостаточно укрепились в желании повиноваться ему. Но Абдагез считал, что нужно возвратиться в Месопотамию, дабы, находясь за рекой и подняв между тем в тылу у врага армян, элимеев и другие народы, получить подкрепления от союзников и объединиться с тем войском, которое пришлет римский военачальник, и лишь после этого попытаться счастье. Это мнение возобладало, так как Абдагез пользовался наибольшим влиянием и Тиридат страшился опасностей. Но их отступление походило на бегство: после того как этому положило начало племя арабов, уходить домой или в лагерь Артабана начали и остальные, пока Тиридат с немногими спутниками не достиг Сирии, сняв тем самым со всех бесчестье предательства.

45. Тот же год поразил Рим ужасным пожаром: выгорела часть цирка, примыкающая к Авентинскому холму, и все строения на Авентинском холме. Уплатив владельцам сгоревших усадеб и доходных домов их полную стоимость, Цезарь обратил это несчастье себе во славу. Эти щедроты обошлись в сто миллионов сестерциев и встретили в простом народе тем большее одобрение, что для себя принцепс строил очень умеренно и даже в общественном строительстве ограничился возведением лишь двух зданий: храма Августу и сцены в театре Помпея; да и то, когда их постройка была закончена, он уклонился от их освящения, то ли из презрения к пышным обрядам, то ли по старости. Для определения понесенных каждым домовладельцем убытков были избраны мужья четырех внучек Цезаря — Гней Домиций, Кассий Лонгин, Марк Виниций, Рубеллий Бланд,⁶¹ и к ним добавлен по назначению консулов Публий Петроний. Кроме того, были определены почести принцепсу, придуманные каждым по своему разумению; какие из них были им отвергнуты, а какие приняты, осталось неизвестным, так как вскоре после этого он скончался:

немного позднее вступили в должность уже последние в правление Тиберия консулы Гней Ацерроний и Гай Понтий.⁶²

К этому времени Макрон достиг вершины своего могущества; он никогда не пренебрегал расположением Гая Цезаря, но теперь искал его с возрастающим день ото дня усердием, а после смерти Клавдии, о браке которой с Гаем Цезарем я сообщил выше, побудил свою жену Эннию прельстить юношу, изобразив страстную влюбленность в него, и связать его обещанием жениться на ней, а тот ни от чего не отказывался, лишь бы добиться владычества, ибо, хотя по своему душевному складу был порывистым и несдержанным, тем не менее, опекаемый дедом, — хорошо постиг науку лицемерия и притворства.

46. Принцепсу это было известно, и поэтому он колебался, кому передать после себя государство. Он подумал прежде всего о внуках, из которых сын Друза был ему ближе и по крови, и по влечению сердца, но еще не достиг возмужалости;⁶³ а сына Германика, хотя он и был во цвете молодости и полон сил,⁶⁴ любили в народе, и это вызывало в деде неприязнь к нему. Помышляя он также о Клавдии, так как тот, будучи уже в летах,⁶⁵ проявлял склонность к углубленным занятиям, но остановить выбор на нем препятствовала его умственная ограниченность. А найти преемника вне своего рода Тиберий не хотел, опасаясь навлечь насмешки и поношения на память Августа, на род Цезарей, — ведь он неизменно заботился не столько о благодарности современников, сколько о славе в потомстве. В конце концов, по-прежнему колеблясь душой и ослабев телом, он предоставил судьбе решение, непосильное ему самому, бросая, однако, порой замечания, из которых можно было понять, что он отчетливо представлял себе будущее: так, он в прозрачном иносказании упрекнул Макрона за то, что тот отворачивается от заходящего солнца и устремляет свой взор на восток, а Гаю Цезарю в случайно возникшей между ними беседе, когда тот стал высмеивать Суллу, предсказал, что он будет обладать всеми пороками Суллы и ни одной из его добродетелей. И когда он при этом со слезами обнял меньшого внука, а старший, увидев это, нахмурился, он, обратившись к нему, сказал: «Ты убьешь его,⁶⁶ а тебя — другой».⁶⁷ Но невзирая на ухудшение здоровья, Цезарь не оставлял ни одной из своих любострастных утех, делая вид, что они нисколько не изнуряют его, и по давней привычке потешаясь над врачебным искусством и над теми, кто, достигнув тридцати лет, нуждается в указаниях со стороны, что ему полезно и что вредно.

47. Между тем в Риме уже разбрасывались семена тех казней, которым предстояло свершиться после Тиберия. Лелий Бальб привлек к суду за оскорбление величия Акуцию, в прошлом жену Публия Вителлия; и когда после ее осуждения было предложено наградить обвинителя, народный трибун Юний Отон, использовав свое право, воспрепятствовал этому: из-за этого между ними разгорелась вражда, впоследствии повлекшая за собою гибель Отона. Затем обвиняется в неуважении к императору ослав-

ленная своими бесчисленными любовными связями Альбуцилла, вдова Сатрия Секунда, донесшего о заговоре Сеяна; по этому делу привлекаются также как ее сообщники и любовники Гней Домиций, Вибий Марс, Луций Аррунций. О знатности Домиция я ранее упоминал; также и Марс принадлежал к заслуженному древнему роду и, кроме того, приобрел известность своими литературными дарованиями. То, что допросом свидетелей и пыткой рабов руководил Макрон, как было видно из пересланных сенату протоколов дознания, а также то обстоятельство, что не было письма императора относительно подсудимых, давало основание подозревать, что во время его болезни и, быть может, без его ведома основное и главное в этом деле было вымышлено Макроном из-за его хорошо известной ненависти к Аррунцию.

48. Домиций, заявивший, что он готовится к речи в свою защиту, а Марс — что намерен умертвить себя голодом, сохранили жизнь, тогда как Аррунций, когда друзья убеждали его также найти предлог для отсрочки, ответил, что не всем приличествует одно и то же: ему уже много лет,⁶⁸ и единственное, в чем он себя укоряет, это то, что среди опасностей и издевательств терпел полную тревожений старость, всегда ненавистный кому-нибудь из стоящих у власти: долгое время Сеяну, теперь Макрону, — и не потому, что за ним какая-нибудь вина, а потому, что он не выносит подлости. Вполне вероятно, что можно протянуть несколько дней до кончины принцепса, но как ускользнуть от молодости того, кто немедленно займет его место? И если Тиберия, при столь большой опытности в делах, все-таки развратило и изменило единовластие, то ужели Гай Цезарь, едва вышедший из отрочества,⁶⁹ ни в чем ничего не смыслящий и воспитанный на самых дурных примерах, усвоит что-нибудь лучшее при таком руководителе, как Макрон, потому и выбранный для расправы с Сеяном, что сам он — еще больший злодей, чем тот, и истерзал государство еще большим числом преступлений? Он предвидит еще более жестокое порабощение и торопится уйти как от прошлого, так и от будущего. Произнеся эти пророческие слова, он вскрыл себе вены. Последующее явится подтверждением, что Аррунций избрал себе лучшую долю. Альбуцилла, не сумевшую нанести себе смертельный удар и только поранившую себя, по приказу сената переносят в темницу. Из пособников ее блуда бывший претор Карсидий Сацердот приговаривается к ссылке на остров, Понтий Фрегеллан — к исключению из сенаторского сословия, и к тем же наказаниям присуждается Лелий Бальб, причем в отношении Бальба сенаторы это делают с искренней радостью, ибо он был известен злокозненностью своего красноречия, неизменно готовый к нападкам на ни в чем не повинных жертв.

49. В те же дни сын бывшего консула Секст Папиний избрал для себя быструю и ужасную смерть, бросившись вниз с большой высоты. Вину за это возлагали на его мать, которая, уже давно пребывая в разводе, нежностью и обольщениями довела юношу до того, с чем покончить

он не нашел другого средства, как смерть. Обвиненная в сенате, она обнимала колени сенаторов и долго говорила о своем столь близком и понятном каждому горе, о том, насколько тягостнее переносить его слабому женскому сердцу, и много другого, скорбного и способного пробудить сострадание, о постигшем ее несчастье, и тем не менее ей было воспрещено проживать в Риме в течение десяти лет, пока ее младший сын не выйдет из легко доступного соблазнам юношеского возраста.

50. Уже Тиберия покидали телесные, покидали жизненные силы, но все еще не покидало притворство; он сохранял прежнюю черствость духа и холодность в речах и во взоре, но принуждал себя порою к приветливости, пытаясь за нею скрыть уже очевидное для всех угасание. Еще чаще, чем прежде, переезжая с места на место, он поселился наконец у Мизенского мыса, в некогда принадлежавшем Луцию Лукуллу поместье. Там и обнаружилось, что он на пороге смерти; и произошло это следующим образом. Был в его окружении весьма искусный в своем деле врач по имени Харикл, который не то чтобы постоянно его лечил, но приходил к нему на случай, если ему потребуется врачебный совет. И вот Харикл, измыслив, что по своим делам отлучается из поместья, и в знак почтения коснувшись его руки, нащупал у него пульс. Но он не обманул принцепса, и Тиберий, возможно рассерженный этим и потому тем более постаравшийся не выказать гнева, повелел приготовить пиршество и пробыл на нем дольше обычного, как бы желая оказать внимание уезжавшему другу. Харикл, однако, уверенно заявил Макрону, что жизнь в принцепсе еле теплится и что он не протянет больше двух дней. Это всех переполошило: пошли непрерывные совещания окружающих, и к легатам и войскам помчались гонцы. В семнадцатый день апрельских календ дыхание Цезаря пресеклось, и все решили, что жизнь его покинула. И уже перед большим стечением поздравляющих появился Гай Цезарь, чтобы взять в свои руки бразды правления, как вдруг сообщают, что Тиберий открыл глаза, к нему возвратился голос и он просит принести ему пищи для восстановления оставивших его сил. Это повергает всех в ужас, и собравшиеся разбегаются, снова приняв скорбный вид и стараясь казаться неосведомленными о происшедшем, между тем как только что видевший себя властелином Гай Цезарь, погрузившись в молчание, ожидал для себя самого худшего. Но не утративший самообладания и решительности Макрон приказывает удушить старика, набросив на него ворох одежды, и удалиться за порог его спальни. Таков был конец Тиберия на семьдесят восьмом году жизни.

51. Отцом его был Нерон, и как с отцовской, так и с материнской стороны он принадлежал к Клавдиям, хотя его мать по причине удочерений перешла сначала в род Ливиев, а затем — Юлиев. С раннего детства жребий его был переменчив: он последовал за объявленным вне закона отцом в изгнание,⁷⁰ а когда вошел в семью Августа, как его пасынок — принужден был бороться с многочисленными соперниками при

жизни Марцелла и Агриппы и впоследствии — Гая и Луция Цезарей. Большой любовью в народе пользовался и его брат Друз. Но в особенно трудном положении он оказался после заключения брака с Юлией, распутство которой он был вынужден или терпеть, или бежать от него. Позднее, возвратившись с Родоса,⁷¹ он двенадцать лет провел возле принцепса в его опустевшем дворце и, наконец, в течение двадцати трех лет единовластно распоряжался судьбами Римского государства. И нравы его в разное время также были несхожи: жизнь его была безупречна, и он заслуженно пользовался доброю славой, пока не занимал никакой должности или при Августе принимал участие в управлении государством; он стал скрытен и коварен, прикидываясь высокородетельным, пока были живы Германик и Друз; он же совмещал в себе хорошее и дурное до смерти матери; он был отвратителен своею жестокостью, но таил ото всех свои низкие страсти, пока благоволил к Сеяну или, быть может, боялся его; и под конец он с одинаковою безудержностью предался преступлениям и гнусным порокам, забыв о стыде и страхе и повинувшись только своим влечениям.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

1. ... ибо сочтя,¹ что Валерий Азиатик, который дважды занимал должность консула,² был когда-то любовником той,³ а вместе с тем, зарясь на сады, разбитые в свое время Лукуллом и доведенные Азиатиком до поразительного великолепия, она⁴ выпускает для обвинения их обоих Суиллия. Наряду с ним воспитатель Британника Сосибий, выполняя ее поручение, якобы из доброжелательства советует Клавдию остерегаться могущественных и богатых людей, так как они неизменно враждебны принцепсам: вдохновитель убийства Гая Цезаря Азиатик не побоялся в собрании римского народа признаться в этом, больше того — притязал на одобрение этого злодеяния; прославленный этим в Риме и даже в провинциях, он собирается отправиться к стоящим против германцев войскам и, будучи уроженцем Виенны, может легко возмутить, опираясь на многочисленных и влиятельных родичей, также племена своей родины. Клавдий, не утруждая себя дальнейшим расследованием, спешно послал вместе с воинами, как если бы предстояло подавить мятеж силой оружия, префекта преторианцев Криспина, и тот, обнаружив Азиатика в Байях, заковал его и препроводил в Рим.

2. Сенат не был допущен к рассмотрению этого дела; оно слушалось келейно в покоях принцепса, в присутствии Мессалины, и Суиллий обвинял Азиатика в развращении воинов, которые, получая от него, по

словам Суиллия, деньги и предаваясь распутству, превратились в толпу разнузданных негодяев, затем в прелюбодейной связи с Поппеей и, наконец, в недостойном мужчины разврате. Тут подсудимый не выдержал и, нарушив молчание, которое до того упорно хранил, сказал: «Спроси своих сыновей, Суиллий, и они признают, что я — мужчина»; после этого он приступил к своей защитительной речи, глубоко взволновавшей Клавдия и исторгнувшей слезы даже у Мессалины. Выходя из покая, чтобы их смыть, она наказывает Вителлию никоим образом не дать подсудимому ускользнуть. Сама же торопится погубить Поппею, подослав к ней своих приспешников, чтобы те, внушив ей страх пред темницею, побудили ее к добровольной смерти; причем Цезарь до того не был об этом осведомлен, что спустя несколько дней спросил обедавшего у него мужа ее Сципиона, почему он без жены, и тот ответил, что она по воле рока скончалась.

3. Но когда Клавдий спросил Вителлия, не оправдать ли им Азиатика, тот, упомянув об их давней дружбе, о том, как они оба окружали мать принцепса Антонию своими заботами, перечислив даже заслуги Азиатика перед Римской державою и указав на его участие в последнем походе против британцев⁵ и еще кое-что другое, что, казалось, должно было бы привлечь к нему милосердие, кончил тем, что предложил предоставить ему самому избрать для себя род смерти, и Клавдий подтвердил дарование ему этой милости. Немногим друзьям, убеждавшим его тихо угаснуть, воздерживаясь от пищи, Азиатик ответил, что отказывается от оказанного ему принцепсом благодеяния; проделав обычные гимнастические упражнения, обмыл тело и весело пообедав, он напоследок сказал, что для него было бы гораздо почетнее погибнуть от коварства Тиберия или от вспышки ярости Гая Цезаря, чем из-за того, что его оболгали женщина и мерзостный рот Вителлия, и затем вскрыл себе вены, осмотрев, однако, до этого свой погребальный костер и приказав перенести его на другое место, дабы от его жара не пострадала густая листва деревьев: таково было его самообладание в последние мгновения перед концом.

4. После этого был созван сенат, и Суиллий, продолжив начатое, выдвинул обвинение против двух выдающихся римских всадников, носивших фамильное имя Пётра. Истинною причиною их умерщвления было то, что они предоставляли свой дом для свиданий Мнестера и Поппеи. Но на суде одному из них вменили в вину приснившийся ему ночью сон — он будто бы видел Клавдия в венке из колосьев, причем они были перевернуты вниз, и на основании этого сновидения предсказывал дороговизну съестных припасов. Некоторые передают, что он видел венок из виноградной лозы с поблекшими на ней листьями и истолковал свой сон как предвещающий принцепсу смерть в конце осени. Но бесспорно одно, каково бы ни было его сновидение: и ему, и его брату оно принесло гибель. Криспину были определены полтора миллиона сестерциев и преторские знаки отличия. Вителлий добавил к этому миллион сестерциев для

Сосибия в награду за то, что он наставляет Британника и помогает советами Клавдию. Когда спросили и Сципиона о его мнении,⁶ он сказал: «Так как о проступках Поппеи я думаю то же, что все, считайте, что и я говорю то же, что все», — искусно найдя слова, одинаково совместимые и с его супружескою любовью, и с его долгом сенатора.

5. С этой поры Суиллий становится постоянным и злобным обвинителем подсудимых, и у него появились многочисленные последователи, соперничавшие с ним в наглости. Присвоив себе все права и обязанности законов и магистратов, принцепс тем самым открыл неограниченные возможности для любых злоупотреблений. Но ничто из доступного подкупу не было столь продажным, как бессовестность судебных ораторов. Так, влиятельный римский всадник Самий, узнав о двурушничестве Суиллия, которому он дал четыреста тысяч сестерциев,⁷ покончил с собой, бросившись на меч у того в доме. И вот, по почину избранного на следующий срок консулом Гая Силия, о могуществе и конце которого я расскажу в своем месте, сенаторы встают и в один голос требуют восстановления в силе закона Цинция, со стародавних времен воспрещавшего принимать деньги или подарок за произнесение в суде защитительной речи.

6. И так как те, кому это угрожало бесчестьем, стали шуметь, Силий, противодействуя Суиллию, принялся еще упорнее настаивать на своем требовании, ссылаясь на пример ораторов древности, считавших наградою за свое красноречие славу в потомстве. Это прекраснейшее и главнейшее из всех благородных искусств оскверняется грязной продажностью; где гонятся за высоким вознаграждением, там не останется безупречной и честности. Притом, если никто не будет получать плату за выступления на судебных процессах, их станет меньше: ныне же вражда, обвинения, ненависть и беззакония встречаются со стороны некоторых поддержку и поощрение, ибо подобно тому как поветрия приносят доходы врачам, так и порча нравов — обогащение адвокатам. «Вспомним об Азинии и Мессале, а из более поздних ораторов — об Аррунции и Эзернине: они достигли вершины почестей безупречной жизнью и столь же незапятнанным красноречием». Так как это говорил будущий консул и все остальные его одобрили, уже готовялось постановление о применении к торгующим своим красноречием закона о вымогательстве, как вдруг Суиллий, Коссуциан и прочие, понимая, что дело идет не о суде над ними, — ведь их вина была очевидна, — а об их осуждении, обступают Цезаря и начинают просить о прощении.

7. И добившись этого, они говорят так: «Кто же настолько самонадеян, чтобы уповать на бессмертную славу? Надо идти навстречу жизненной потребности, чтобы никто из-за отсутствия адвоката не подвергся утеснениям со стороны более сильного. Но отдаваться судебному красноречию, не нанося урона себе самому, невозможно: кто берет на себя чужие дела, тот уделяет меньше заботы своим. Многие добывают средства к существованию военною службой, некоторые — обработкой земли: никто,

однако, не станет трудиться, если заранее не предвидит для себя от этого выгоды. Легко было Азинию и Мессале, обогатившимся военной добычей около Антония и Августа, или Эзернинам и Аррунциям, наследникам богатых семейств, соблюдать бескорыстие. Но есть и другие примеры, и можно указать, за какое вознаграждение обычно выступали с речами Публий Клодий или Гай Курион. Сами они, Суиллий и Коссуциан, — скромные сенаторы в государстве, в котором царит ненарушаемое спокойствие, и они не домогались для себя иных благ, кроме доставляемых миром. Пусть принцепс подумает и о плебейх, чтобы и они могли отличиться на этом поприще: если не вознаграждать тех, кто проявляет усердие, от их усердия ничего не останется». Сочтя эти доводы не столь благородными, как доводы их противников, но тем не менее не лишены основания, принцепс установил предел для вознаграждения адвокатов в размере десяти тысяч сестерциев, с тем чтобы превысившие его привлекались к суду по закону о вымогательстве.

8. Около этого времени Митридат,⁸ о котором я сообщил, что он правил Арменией и по приказу Гая Цезаря был брошен в оковы,⁹ возвратился по повелению Клавдия в свое царство, рассчитывая на содействие Фарасмана. Этот последний, царь иберов и брат Митридата, сообщал ему, что между парфянами идет распря и при ожесточенной борьбе за престол они пренебрегают менее важными делами. Надо сказать, что Готарз наряду со многими другими жестокостями совершил убийство своего брата Артабана, его жены и его сына, и, трепеща перед ним, парфяне призвали Вардана. А тот, склонный к дерзким предприятиям, в два дня преодолевает три тысячи стадиев и прогоняет пораженного неожиданностью и страхом Готарза; не медлит он и с захватом ближайших префектур, и только жители Селевкии не пожелали признать его своим повелителем. Следуя более гневу против людей, изменивших ранее и его отцу, чем требованиям целесообразности при сложившихся обстоятельствах, он ввязался в осаду неприступного города, хорошо защищенного одновременно и рекою, и стенами и располагавшего обильными запасами продовольствия. Между тем Готарз, получив помощь от дагов и гирканов, возобновляет военные действия, и Вардан, вынужденный отступить от Селевкии, переносит свой лагерь на поля Бактрии.

9. И так как силы Востока были расчленены и оставалось неясным, кто подчинит их своей власти, перед Митридатом открылась возможность занять Армению; римские воины овладевали мощными крепостями, а войско иберов рыскало по полям. И после того как был разбит решившийся на битву префект Демонакт, армяне не выдержали. Некоторое промедление вызвал царь Малой Армении Котис с несколькими присоединившимися к нему сановниками, но затем и он был укрощен письмом Цезаря, после чего уже все армяне отдались под власть Митридата, выказавшего себя, однако, более жестоким, чем подобало бы только

что взошедшему на престол царю. Между тем оба парфянских властителя, готовившиеся к решительному сражению, узнав о направленных против них кознях соотечественников, о чем сообщил брату Готарз, внезапно заключают союз; и встретившись, нерешительные вначале, они затем протянули друг другу руки и торжественно поклялись перед жертвенником богов отомстить врагам их коварство и прийти к соглашению; и так как Вардан оказался сильнее, он удержал Парфянское царство, а Готарз, дабы устранить возможность соперничества, удалился в Гирканию. По возвращении Вардана в Парфию, на седьмой год после своего отпадения, ему сдается Селевкия, так долго к стыду для парфян от них ускользавшая.

10. Затем Вардан посетил важнейшие префектуры; он был полон желания отвоевать Армению и предпринял бы такую попытку, если бы легат Сирии Вибий Марс не грозил ему войною. Между тем, раскаиваясь в уступке царства Вардану и призываемый знатью, для которой подчинение чужой власти особенно тяжело в мирное время, Готарз собирает войско. Противник вышел навстречу к реке Эринду; столкнувшись при переправе через нее с упорным сопротивлением и разгромив врагов, Вардан после ряда удачных сражений покорил народы, обитавшие между названною рекой и рекой Синдом, которая отделяет дагов от ариев. На этом закончились успехи парфян, ибо, несмотря на победы, они не желали вести войну вдалеке от родины. Итак, установив памятники и начертав на них надписи, возвещавшие о его могуществе и о том, что ни один Арсакид до него не облагал эти племена данью, Вардан возвращается в Парфию, оваянный громкою славой и по этой причине еще более необузданный и несносный для своих подданных. Против него был составлен заговор, и во время охоты его убили, увлеченного ею и ни о чем не подозревавшего. Он был еще совсем молод, но его чтили бы, как немногих из старых годами царей, если бы он столько же думал о снискании любви своих соотечественников, сколько о внушении страха врагам. После убийства Вардана¹⁰ Парфию охватывает смута вследствие разногласий, кого призвать властителем этого царства. Многие склонялись к Готарзу, некоторые отдавали предпочтение Мегердату, потомку Фраата, отданному нам когда-то в заложники. В конце концов одержал верх Готарз; но, завладев царскою властью, он жестокостью и произволом вынудил парфян тайно обратиться к римскому принцепсу с просьбой разрешить Мегердату принять отцовский престол.

11. При тех же консулах¹¹ были устроены секулярные¹² игры, в восьмисотый год от основания Рима и спустя шестьдесят четыре года после того, как их впервые дал Август. Не буду останавливаться на соображениях того и другого принцепсов, ибо я достаточно рассказал об этом в тех книгах, в которых описал деяния императора Домициана.¹³ Ведь и он также дал секулярные игры,¹⁴ и в их устройстве я принимал деятельное участие, облеченный званием жреца-квиндецемвира и тогда, сверх того,

претор; говорю об этом не ради похвальбы, а потому, что эта забота издавна возлагалась на коллегия квиндецемвиров. И занимались отправлением религиозных обрядов преимущественно те из них, кто был магистратом. Во время игр, происходивших в цирке в присутствии Клавдия, подростки из знатных семейств, и среди них Британник, сын императора, и Луций Домиций, впоследствии через усыновление унаследовавший императорскую власть и имя Нерона,¹⁵ давали на конях троянское представление,¹⁶ и то, что народ благосклоннее отнесся к Домицию, было воспринято как предсказание. Ходила также молва, будто в младенчестве его в качестве стражей охраняли драконы — вымысел, позаимствованный из чужеземных сказок; во всяком случае он сам, отнюдь не склонный себя умялять, говорил, что в его спальном покое была обнаружена всего лишь змея.

12. Но в действительности расположение народа к нему проистекало из еще не заглохшего воспоминания о Германике, чьим последним потомком мужского пола он был, и подкреплялось, кроме того, сочувствием к его матери Агриппине вследствие преследований со стороны Мессалины, которая была всегда к ней враждебна, а в то время более, чем когда-либо, и если ни сама, ни через доносчиков не предъявляла ей обвинений, то только потому, что была поглощена своей новой и близкой к помешательству влюбленностью. Ибо она воспылала к Гаю Силию, красивейшему из молодых людей Рима, такой необузданной страстью, что расторгла его брачный союз со знатной женщиной Юнией Силаной, чтобы безраздельно завладеть своим любовником. Силий хорошо понимал, насколько преступна и чревата опасностями подобная связь, но отвергнуть Мессалину было бы верною гибелью, а продолжение связи оставляло некоторые надежды, что она останется тайной. Привлекаемый вместе с тем открывшимися пред ним большими возможностями, он находил утешение в том, что не думал о будущем и черпал наслаждение в настоящем. А Мессалина не украдкой, а в сопровождении многих открыто посещала его дом, повсюду следовала за ним по пятам, щедро наделяла его деньгами и почестями, и у ее любовника, словно верховная власть уже перешла в его руки, можно было увидеть рабов принцепса, его вольноотпущенников и утварь из его дома.

13. Между тем Клавдий, оставаясь в полном неведении о своих семейных делах, отправлял цензорские обязанности и осудил в строгих указах распущенность театральной толпы, осыпавшей бранью и поношениями бывшего консула Публия Помпония (ибо он давал для сцены свои стихи) и ряд знатных женщин. Тогда же ради обуздания произвола ростовщиков он издал закон, воспрепятствовавший ссужать деньги сыну при жизни отца с погашением долга после смерти отца. Дал он Риму и воду, проведя ее из ключей на Симбруинских холмах.¹⁷ Он прибавил также новые буквы и ввел их в обращение,¹⁸ установив, что и греческий алфавит был создан не сразу.

14. Египтяне первыми обозначили познанное умом при помощи изображений животных (эти древнейшие памятники истории человеческой все еще сохраняются высеченными на камнях), и они утверждают, что именно они изобрели буквы; впоследствии финикийцы, поскольку им принадлежало первенство на море, перенесли их в Грецию и присвоили себе славу изобретателей букв, хотя в действительности они их не придумали, а только заимствовали. Отсюда и возникло предание, будто Кадм, прибыв с финикийским флотом к еще диким в ту пору народам Греции, был создателем искусства письма. Некоторые передают, что Кекроп афинянин или Лин фиванец и во времена троянской войны Паламед аргивянин изобрели начертания для шестнадцати букв, а затем были изобретены и остальные, и это было сделано главным образом Симонидом. А в Италии этруски научились им от коринфянина Демарата, аборигены — от аркадянина Эвандра; и начертание латинских букв было таким же, как и древнейших греческих. И у нас также их было сначала меньше, а остальные добавлены позднее. Опираясь на этот пример, Клавдий прибавил три буквы, бывшие в ходу в годы его владычества, а затем вышедшие из употребления; их можно увидеть еще и поныне на бронзовых досках. . .,¹⁹ прибитых на площадях и в храмах.

15. Выступил Клавдий в сенате и с докладом об учреждении коллегии гаруспиков, дабы не заглохла по нерадивости древнейшая наука Италии: к ним часто обращались в трудные для государства дни, по их указанию восстанавливались священнодействия и в последующем более тщательно отправлялись; этрусская знать по собственному желанию или побуждаемая римским сенатом хранила преемственность этих знаний; теперь, однако, это делается гораздо небрежнее из-за всеобщего равнодушия к благочестию и распространения чужеземных суеверий. И хотя ныне во всем установилось благополучие, все же должно воздать благодарение богам за их благосклонность и не допустить, чтобы священные обряды, усердно почитавшиеся в тяжелые времена, оказались преданными забвению в счастливые. Исходя из этого и был составлен сенатский указ, предписывавший верховным жрецам рассмотреть, что необходимо для сохранения и закрепления искусства гаруспиков.

16. В том же году племя херусков испросило царя из Рима, так как их знать была истреблена во время междоусобных войн и оставался в живых лишь один единственный потомок царей, находившийся в Риме и носивший имя Италика. Отцом его был брат Арминия Флав, матерью — дочь Актумера, вождя хаттов; сам он обладал красивой наружностью и хорошо умел управляться с конем и оружием как на отеческий лад, так и по-нашему. Итак, Цезарь, снабдив его деньгами и дав ему охрану, призывает его воодушевиться исполнением наследственного почетного долга: он — первый родившийся в Риме, и не заложник, а римский гражданин, отправляется на чужеземное царствование. Сначала германцы радовались его прибытию, и так как, чуждый их распрям, он

одинаково благосклонно относился ко всем и располагал к себе то обходительностью и сдержанностью, что́ никому не претит, а чаще бражничаньем и разгулом, что́ по душе варварам, его всячески превозносили и почитали. И уже добрая слава о нем шла среди ближних племен, уже распространялась она и дальше, когда те, кто извлекал для себя выгоду из раздоров, страшась его усиления, удаляются к соседним народам и там распространяют убеждение, что древней свободе германцев приходит конец, ибо римляне начинают самовластно распоряжаться ими: ужели и в самом деле из родившихся на той же германской земле нет никого, чтобы править ими, и отпрыск лазутчика Флава — единственный, кого надлежало вознести выше всех? И незачем упоминать при этом Арминия; даже если бы повелевать ими прибыл его сын, возвращенный на чужой почве, то и тогда следовало бы опасаться, что он отравлен воспитанием, подчинением, жизненным укладом и вообще всем иноземным; но если Италик унаследовал к тому же образ мыслей отца, то никто не поднимал оружия против отцизы и отечественных богов с большим ожесточением, чем его родитель.

17. При помощи таких и подобных речей они собрали большое войско и не меньшее последовало за Италиком. Обращаясь к народу, он постоянно напоминал, что не ворвался силою к не желавшим его, но призван ими, так как превосходит всех знатностью; пусть они испытают его доблесть на деле, и он покажет, достоин ли своего дяди Арминия, своего деда Актумера. Ему нечего стыдиться отца, который, с согласия германцев, обещав верность римлянам, ни разу ее не нарушил. Ложно прикрываются именем свободы люди безродные, враждебные обществу, которые единственную надежду для себя видят в усобицах. В ответ на это толпа шумно выражала ему одобрение; спустя некоторое время между варварами произошла ожесточенная битва, в которой царь одержал победу, но вскоре, упоенный успехом, впал в высокомерие и был изгнан; поддержанный лангобардами, он возвратился на царство, утесняя племя херусков и когда судьба благоприятствовала ему, и когда она от него отворачивалась.

18. Тогда же хавки, свободные от внутренних смут и осмелевшие по причине смерти Санквиния,²⁰ подошли на легких судах к Нижней Германии и до прибытия Корбулона опустошали ее набегами; их предводитель Ганнаск, родом из племени каннинифатов, ранее служивший у нас во вспомогательном войске, а затем перебежавший к германцам, грабил и разорял главным образом галльский берег, хорошо зная, что обитатели его богаты и невоинственны. Но Корбулон, деятельно, а вскоре и со славою для себя, начало которой положили его действия против хавков, приступив к управлению этой провинцией, выслал против них по руслу Рейна триремы, направив остальные суда, смотря по тому, где какие были пригоднее, в его разливы и рукава; истребив вражеские ладьи и прогнав Ганнаска, он взялся, как только с наиболее неотложным было

покончено, за легионы, тяготившиеся воинскими трудами и лишениями, но с удовольствием предававшиеся грабежу, и восстановил в них старинную дисциплину, запретив самовольно покидать строй и вступать в битву. Воинам было приказано нести дозоры и караулы, а также все свои дневные и ночные обязанности, находясь при оружии; и рассказывают, что одного из них он покарал смертью за то, что тот копал землю для вала, не будучи препоясан мечом, а другого — так как он был вооружен только кинжалом. Это — чрезмерное наказание, и неизвестно, не вымысел ли рассказ о нем, но и в таком случае он порожден строгостью полководца; всякому ясно, насколько непреклонным и неумолимым он был, когда дело шло о крупных провинностях, если ему приписывалась такая суровость даже по отношению к мелким проступкам.

19. Эти меры устрашения по-разному воздействовали на римских воинов и на врагов: у нас они укрепили мужество, у варваров убавили спеси. И племя фризов, которое после восстания, начавшегося с поражения Луция Апрония,²¹ относилось к нам с откровенной враждебностью и было весьма ненадежным, выдав заложников, осело в отведенных ему Корбулоном местах; он же назначил им старейшин и должностных лиц и предписал законы. И чтобы они не нарушали его приказаний, он поставил у них гарнизон, а к Большим хавкам направил своих людей, дабы те склонили их сдаться на его милость и обманным образом убили Ганнаска. Эти козни против перебежчика и нарушителя клятвы имели успех. В них не было в сущности ничего бесчестного. Но его убийство глубоко возмутило хавков, и Корбулон сеял среди них семена мятежа, что большинством одобрялось, но некоторыми было встречено с осуждением. Зачем возбуждать врага? Неудача тяжело отразится на государстве, а если этот выдающийся муж добьется успеха, то станет опасной угрозой для гражданского мира и непосильным бременем для столь вялого принцепса. Итак, Клавдий решительно воспретил затевать в Германии новые военные предприятия и, более того, повелел отвести войска на нашу сторону Рейна.

20. Письмо Клавдия было вручено Корбулону, когда он уже укреплял лагерь на земле неприятеля. Пораженный неожиданным приказанием и волнуемый противоречивыми чувствами, опасаясь ослушаться императора и одновременно предвидя презрение варваров и насмешки союзников, он промолвил: «О, какими счастливыми были некогда римские полководцы!», — и, не добавив больше ни слова, подал сигнал к отступлению. Однако, чтобы не дать воинам закоснеть в праздности, Корбулон провел канал между Мозой и Рейном длиною в двадцать три тысячи шагов, который избавлял от необходимости подвергаться превратностям плавания по Океану. И Цезарь даровал ему триумфальные отличия, хотя и не дозволил вести войну.

Немногим позже той же почести был удостоен и Курций Руф, построивший в области маттиаков рудник для разработки сереброносных

жил. Добыча в нем была незначительной и вскоре иссякла. Копать водоотводные рвы и производить под землею работы, тяжелые и на ее поверхности, не говоря уже об изнурительности труда, было сопряжено для легионеров также с материальным ущербом. Выведенные этим из терпения, воины тайно составляют от имени нескольких армий, поскольку их товарищам приходилось претерпевать то же самое в различных провинциях, письмо императору, умоляя его заранее жаловать триумфальные отличия всякому, кого он собирается поставить во главе войска.

21. О происхождении Курция Руфа, о котором некоторые передают, что он сын гладиатора, не стану утверждать ложного и стыжусь сказать правду. Достигнув зрелого возраста, он отправился в Африку вместе с квестором, которому досталась эта провинция; и вот, когда он как-то в полуденный час бродил в одиночестве по опустевшим портикам города Адрумета, ему предстало видение в образе женщины большого роста, нежели человеческий, и он услышал следующие слова: «В эту провинцию, Руф, ты вернешься проконсулом». Окрыленный таким предсказанием, он по возвращении в Рим благодаря щедрой поддержке друзей и острому уму получил квестуру, а затем по избрании принцепса — и претуру, хотя его соперниками были знатные лица, причем Тиберий, набрасывая покров на его постыдное происхождение, заявил: «Руф, как мне кажется, родился от себя самого». Дожив до глубокой старости, с высшими отвратительно льстивый, с низшими — надменный, с равными — неуживчивый, он добился консульства, триумфальных отличий и наконец провинции Африки, прожив жизнь в соответствии с предсказанною ему судьбою.

22. Между тем в Риме в толпе явившихся приветствовать принцепса был обнаружен имевший при себе меч римский всадник Гней Ноний, причем ни тогда, ни позднее не были выяснены причины задуманного им преступления. Истерзанный пытками, он признался в своей злокозпности, но не назвал сообщников, и неизвестно, утаил ли он их или их не было.

При тех же консулах Публий Долабелла внес предложение, чтобы избранные на должность квесторов ежегодно давали на свои средства представление гладиаторов. У наших предков магистратура была наградю за добродетели, и каждому гражданину, полагавшему, что он справится с нею, дозволялось ее домогаться; и даже возраст не мог быть препятствием к получению консульства или диктаторских полномочий, хотя бы и в ранней молодости.²² Квестура была учреждена еще при власти царей, что доказывает возобновленный Луцием Брутом куриатский закон.²³ Право их выбора оставалось за консулами, пока и на эту почетную должность не стал избирать народ. Первыми избранными им квесторами были Валерий Потит и Эмилий Мамерк, на шестьдесят третьем году после изгнания Тарквиниев; им было вменено в обязанность сопровождать отправляющихся на войну консулов. Затем в связи с воз-

растанием числа дел и их усложнением было добавлено еще двое квесторов, которым поручалось вести лишь городские дела; в дальнейшем количество квесторов было удвоено, так как к тому времени уже вся Италия платила нам подати и к этому присоединялись, кроме того, поступления из провинций; еще позже, по закону Суллы, было избрано двадцать квесторов²⁴ для пополнения состава сената, которому было поручено вершить правосудие. И хотя всадники снова получили в свое ведение суд, квестура предоставлялась без каких-либо иных оснований, кроме достоинства кандидатов или расположения тех, кто их избирал, пока, по предложению Долабеллы, она не стала как бы продаваться с торгов.

23. В консульство Авла Вителлия и Луция Випстана,²⁵ когда было намечено пополнение римского сената и знатные из той Галлии, что зовется Косматою, давние наши союзники, получившие наше гражданство, стали домогаться для себя права быть избранными на высшие должности в государстве, этот вопрос начали горячо обсуждать и было высказано много различных мнений. И в окружении принцепса голоса разделились. Многие утверждали, что Италия не так уж оскудела, чтобы не быть в состоянии дать сенаторов своему главному городу. Некогда единокровные с нами народы²⁶ довольствовались уроженцами города Рима, и никто не стыдится нашего государства, каким оно было в древности. Больше того, и посейчас вспоминают об образцах доблести и величия, явленных римским характером при былых нравах. Или нам мало, что венеты и инсубры прорвались в курию, и мы жаждем оказаться как бы в плену у толпы чужеземцев? Но какие почести останутся после этого для нашей еще сохранившейся в небольшом числе родовой знати или для какого-нибудь небогатого сенатора из Лация? Все заполнят те богачи, чьи деды и прадеды, будучи вождями враждебных народов, истребляли наши войска мечом, теснили под Алезией божественного Юлия! Это — из недавнего прошлого. А если вспомнить о наших предках, которые пали от тех же рук у подножия Капитолия и крепости в Риме! Пусть, пожалуй, галлы располагают правами граждан; но никоим образом нельзя делать их достоянием сенаторские отличия и воздаваемые высшим должностным лицам почести!

24. Эти и подобные соображения не убедили принцепса; он, слушая их, возражал и, созвав сенат, обратился к нему со следующей речью: «Пример моих предков и древнейшего из них Клавса, родом сабинянина, который, получив римское гражданство, одновременно был причислен к патрициям, убеждает меня при управлении государством руководствоваться сходными соображениями и заимствовать все лучшее, где бы я его ни нашел. Я хорошо помню, что Юлии происходят из Альбы, Корункании — из Камерия, Порции — из Тускула, и, чтобы не ворошить древность, что в сенате есть выходцы из Этрурии, Лукании, всей Италии, и, наконец, что ее пределы были раздвинуты вплоть до Альп, дабы не только отдельные личности, но и все ее области и племена слились с римским народом в единое целое. Мы достигли прочного спокойствия внутри нашего госу-

дарства и блистательного положения во внешних делах лишь после того, как предоставили наше гражданство народностям, обитающим за рекой Падом и, использовав основанные нами во всем мире военные поселения, приняли в них наиболее достойных провинциалов, оказав тем самым существенную поддержку нашей истомленной империи. Разве мы раскаиваемся, что к нам переселились из Испании Бальбы и не менее выдающиеся мужи из Нарбоннской Галлии? И теперь среди нас живут их потомки и не уступают нам в любви к нашей родине. Что же погубило лакедемонян и афинян, хотя их военная мощь оставалась непоколебленной, как не то, что они отгораживались от побежденных, так как те — чужестранцы? А основатель нашего государства Ромул отличался столь выдающейся мудростью, что видел во многих народностях на протяжении одного и того же дня сначала врагов, потом — граждан. Пришельцы властвовали над нами; детям вольноотпущенников поручается отправление магистратур не с недавних пор, как многие ошибочно полагают, но не раз так поступал народ и в давние времена. Мы сражались с сенонами. Но разве вольски и эквы никогда не выходили против нас на поле сражения? Мы были разбиты галлами, но отдали мы заложников и этрускам, а самниты провели нас под ярмом.²⁷ И все же, если припомнить все войны, которые мы вели, то окажется, что ни одной из них мы не завершили в более краткий срок, чем войну с галлами; и с того времени у нас с ними нерушимый и прочный мир. Пусть же связанные с нами общностью нравов, сходством жизненных правил, родством они лучше принесут к нам свое золото и богатство, чем владеют ими раздельно от нас! Всё, отцы сенаторы, что теперь почитается очень старым, было когда-то новым; магистраты-плебеи появились после магистратов-патрициев, магистраты-латиняне — после магистратов-плебеев, магистраты из всех прочих народов Италии — после магистратов-латинян. Устаревает и это, и то, что мы сегодня подкрепляем примерами, также когда-нибудь станет примером».

25. За речью принцепса последовало сенатское постановление, в силу которого эдуи первыми получили право становиться сенаторами, в уважение к старинному союзу и к тому, что они единственные из галлов именовались братьями римского народа.

В те же дни Цезарь возвел в патриции старейших сенаторов, — и тех из них, чьи отцы прославили себя выдающимися деяниями, ибо уже оставалось немного родов, названных Ромулом старшими, и тех, которых Луций Брут назвал младшими; угасли даже роды, причисленные к патрицианским диктатором Цезарем по закону Кассия и принцепсом Августом по закону Сения;²⁸ эти благодетельные для государства мероприятия цензор²⁹ проводит с большим удовлетворением. Озабоченный удалением из сената покрывших себя бесчестьем, он применил недавно придуманный и мягкий по сравнению с былою суровостью способ, обратившись к ним с увещанием поразмыслить над своими делами и добро-

вольно заявить о своем намерении выйти из сенаторского сословия; дозволение на это будет дано без труда, и он одновременно назовет как исключенных из сената, так и тех, кто сам себя осудил, дабы сопоставление приговора цензоров, с раскаяньем ушедших по своей воле, послужило к умалению их беславия. По этому поводу консул Випстан предложил поднести Клавдию титул отца сената: ибо титул отца отечества стал обыденным и заслуги нового рода должны быть отмечены ранее неведомым наименованием. Но сам Клавдий остановил консула, сочтя, что тот слишком далеко зашел в лести. Тогда же Цезарь объявил об окончании переписи, согласно которой насчитывалось пять миллионов девятьсот восемьдесят четыре тысячи семьдесят два гражданина. Около этого времени пришел конец и его неведению относительно происходящего у него в доме: немного позже ему пришлось узнать о непотребствах жены и обрушить на нее кару, чтобы затем распалиться желанием вступить в кровосмесительный брак.

26. Мессалине уже наскучила легкость, с какою она совершала прелюбодеяния, и она искала новых, неизведанных еще наслаждений, когда Силий, толкаемый роковым безрассудством или сочтя, что единственное средство против нависших опасностей — сами опасности, стал побуждать ее покончить с притворством: их положение не таково, чтобы ждать, пока Клавдий умрет от старости; тем, кто ни в чем не повинен, благоразумие не во вред, но явные бесчинства могут найти опору лишь в дерзости. У них есть сообщники, которые страшатся того же. Он не женат, бездетен, готов вступить с ней в супружество и усыновить Британника. Если они опередят Клавдия, доверчивого и беспечного, но неистового во гневе, у Мессалины сохранится прежнее могущество, но добавится безопасность. К этим речам Мессалина отнеслась безучастно, но не из любви к мужу, а вследствие опасений, как бы, завладев властью, Силий не охладил к любовнице и не оценил настоящей ценой злодеяние, которое одобрял при угрожающих обстоятельствах. Но мысль о браке все-таки привлекла ее своей непомерно наглостью, в которой находят для себя последнее наслаждение растратившие все остальное. Итак, едва дождавшись отъезда Клавдия, отбывшего для жертвоприношения в Остию, она торжественно справляет все свадебные обряды.

27. Я знаю, покажется сказкой, что в городе, все знающем и ничего не таящем, нашелся среди смертных столь дерзкий и беззаботный, притом — консул на следующий срок, который встретился в заранее условленный день с женой принцепса, созвав свидетелей для подписания их брачного договора, что она слушала слова совершавших обряд бракосочетания, надевала на себя свадебное покрывало, приносила жертвы пред алтарями богов, что они возлежали среди пирующих, что тут были поцелуи, объятия, наконец, что ночь была проведена ими в супружеской вольности. Но ничто мною не выдуманно, чтобы поразить воображение, и я передаю только то, о чем слышали старики и что они записали.

28. Двор принцепса охватила тревога, и уже не в разговорах наедине, а открыто выражали свое возмущение главным образом те, кто располагал влиянием и боялся государственного переворота: пока ложе принцепса осквернял лицедей,³⁰ это, конечно, было постыдно, но не существовало угрозы роковых потрясений; но теперь его место занял знатный молодой человек, которому прекрасная внешность, сила духа и предстоящее консульство внушают надежды на осуществление дерзновеннейших замыслов: ведь ни для кого не тайна, что должно последовать за подобным бракосочетанием. Несомненно, в них закрадывался и страх, когда они вспоминали о безволии Клавдия, его подчиненности жене и о многих казнях, совершенных по настоянию Мессалины; с другой стороны, та же податливость императора позволяла рассчитывать, что, выставив столь тяжкое обвинение, они возьмут верх и с Мессалиною можно будет покончить, добившись ее осуждения без дознания; если же ей все-таки будет дана возможность оправдываться — а это всего опаснее, — нужно, чтобы Клавдий оставался глух даже к ее признаниям.

29. Сначала Каллист, о котором я рассказал в связи с умерщвлением Гая Цезаря, Нарцисс, подстроивший расправу над Аппием,³¹ и Паллант, пользовавшийся в то время величайшим благоволением принцепса, подумывали о том, не отвлечь ли безыменными угрозами Мессалину от любви к Силию, ограничившись только этим и умалчивая обо всем остальном. Но из опасения навлечь на самих себя гибель они в конце концов отказались от этой мысли, Паллант — из трусости, Каллист — потому, что, основываясь на опыте, почерпнутом им в правление предыдущего принцепса, хорошо знал, что для сохранения за собою могущества гораздо безопаснее прибегать скорее к осторожным, чем к решительным действиям; один только Нарцисс не оставил намерения разоблачить Мессалину, решив, однако, ни единым словом не предупреждать ее ни о выдвигаемом против нее обвинении, ни о наличии обвинителя. Внимательно следя за ходом событий и озабоченный затянувшимся пребыванием Клавдия в Остии, он склонил двух наложниц Клавдия, которым тот оказывал предпочтение, донести принцепсу обо всем происшедшем, воздействуя на них щедротами, посулами и указывая на то, что после того, как Клавдий оставит жену, их влияние возрастет.

30. И вот Кальпурния (так звали одну из наложниц), как только осталась без посторонних свидетелей с принцепсом, пав к его ногам, сообщает ему, что Мессалина вышла замуж за Силия; затем она спрашивает находившуюся тут же в ожидании того, что воспоследует, Клеопатру, знает ли и она об этом, и после того как та ответила утвердительно, зовет Нарцисса. Тот, умоляя принцепса простить его за молчание в прошлом, за то, что он скрывал любовные связи его жены с Веттиями и Плавтиями,³² указывает, что и теперь не выступает ее обвинителем в прелюбодеянии, не говоря уже о том, что не требует, чтобы Силий вернул дворец, рабов и утварь из дома Цезаря, а добивается лишь одного, чтобы тот возвратил

жену принцепсу и разорвал брачный договор с нею. «Или тебе неизвестно, что ты получил развод? Ведь бракосочетание Силия произошло на глазах народа, сената и войска, и, если ты не станешь немедленно действовать, супруг Мессалины овладеет Римом».

31. Затем Нарцисс созывает влиятельнейших из приближенных принцепса и первым спрашивает о том же префекта по снабжению продовольствием Туррания, потом — начальника преторианцев Лузия Гету. И после того как те подтверждают достоверность известия, все остальные начинают наперебой советовать Клавдию отправиться в преторианский лагерь и, позаботившись прежде о безопасности, а затем о мщении, обеспечить себе поддержку когорт. Клавдий впал в такую растерянность, что, как передают, то и дело задавал вопрос окружающим, располагает ли он верховною властью и частное ли еще лицо Силий. А между тем Мессалина, разнузданная более чем когда-либо, ссылаясь на осеннюю пору, устроила во дворце представление, изображавшее сбор винограда. Его выжималч в давилнях, в чаны струилось сусло, и женщины, облачившись в звериные шкуры, тут же плясали и прыгали как приносящие жертвы и исступленные вакханки; сама Мессалина с распущенными волосами, размахивая тирсом, и рядом с нею увитый плющом Силий, оба в котурнах, закидывали голову в такт распевавшему непристойные песни хору. Передают, что в порыве веселости Ветгий Валент взобрался на очень высокое дерево и, когда его спросили, что же он видит, ответил, что со стороны Остии надвигается страшная гроза: то ли и в самом деле она там начиналась, то ли случайно сорвавшиеся с его языка слова стали вещими.

32. Теперь уже дело не ограничивалось одними слухами, но отовсюду поступали точные сообщения, оповещавшие, что Клавдий обо всем знает и обуреваемый жаждою мести возвращается в Рим. Итак, Мессалина удаляется в сады Лукулла,³³ а Силий, чтобы показать, что ничего не боится, — на форум, к своим обязанностям. И пока остальные разбегаются в разные стороны, прибывают центурионы и заковывают их в цепи, кого захватив на улицах, кого — в потаенных убежищах. Мессалина, которой грозная и внезапно нагрянувшая опасность не оставила времени на размышление, решает поторопиться навстречу мужу и показаться ему, что ей уже не раз помогало, и одновременно посылает распорядиться, чтобы Британник и Октавия также поспешили в объятия отца. Она упростила и старейшую из весталок Вибидию добиться беседы с великим понтификом³⁴ и склонить его к снисходительности. А сама между тем, всего с тремя провожатыми — так мало оставалось у нее приближенных, — пройдя пешком через весь город, выезжает в телеге, в которой вывозили садовый мусор, на дорогу, ведущую в Остию, ни в ком не вызывая сочувствия, так как его убила гнусность ее поведения.

33. Не меньше тревожились и в окружении Цезаря, ибо считалось, что префект преторианцев Гета ненадежен и в одинаковой мере способен на честное и на бесчестное. И вот Нарцисс, собрав тех, кто разделял его

опасения, утверждает, что нет другого способа обеспечить Цезарю безопасность, как передать начальствование над воинами на один единственный день кому-либо из придворных вольноотпущенников, и заявляет, что готов взять его на себя. И чтобы при переезде в Рим Луций Вителлий и Цецина Ларг не изменили настроения Клавдия и не поколебали его решимости, требует предоставить ему место в повозке и занимает его.

34. Впоследствии много говорили о том, что, сколь противоречивые суждения ни исходили от принцепса, то поносившего жену за распутство, то обращавшегося порою к воспоминаниям об их совместной супружеской жизни и жалевшего малолетних детей, Вителлий неизменно повторял все то же: «Какая дерзость! Какое преступление!». И хотя Нарцисс настойчиво домогался, чтобы он перестал говорить недомолвками и высказался со всей прямоотой, ему не удалось добиться своего, и тот продолжал отвечать на вопросы с той же двусмысленностью, так что его слова можно было истолковать как кому заблагорассудится; следовал его примеру и Цецина Ларг. И вот уже перед ними Мессалина. Она умоляла выслушать мать Октавии и Британника, но ее заглушил обвинитель, который начал рассказывать Клавдию про Силия, про свадьбу; тут же, чтобы отвлечь от нее глаза принцепса, он вручил ему памятную записку с перечислением ее любовных связей. Немного погодя, при въезде в Рим, перед Клавдием предстали бы их общие дети, если бы Нарцисс не распорядился их удалить. Но он не мог помешать Вибидии горячо и настойчиво требовать, чтобы Клавдий не обрек на гибель супругу, не выслушав ее объяснений. Нарцисс ответил весталке, что принцепс непременно выслушает жену и она будет иметь возможность очиститься от возводимого на нее обвинения; а пока пусть благочестивая дева возвращается к отправлению священных действий.

35. Поразительным было при этом молчание Клавдия; Вителлий делал вид, что ему ничего не известно; итак, все подчинились вольноотпущеннику. Он велит отворить дом любовника Мессалины и вводит туда императора. Прежде всего он показывает ему в прихожей статую отца Силия,³⁵ которую, вопреки сенатскому постановлению, тот не уничтожил, а также все то, что, являясь наследственным достоянием Неронов и Друзов, перешло к нему в награду за прелюбодеяние. После этого распаленного гневом и разразившегося угрозами Клавдия он увлекает в лагерь, где воины уже были выведены на сходку; тут, после предварительного обращения к ним Нарцисса, принцепс произнес всего несколько слов, ибо стыд помешал ему высказать свое справедливое негодование. Когорты ответили на его выступление долго не смолкавшими криками, требуя назвать имена виновных и подвергнуть их наказанию; приведенный пред трибунал Силий не пытался ни оправдываться, ни оттянуть вынесение приговора: больше того, он попросил, чтобы ему ускорили смерть. Такую же твердость проявили и знатные римские всадники. И Клавдий повелел предать казни приставленного Силием к Мессалине в качестве стража и предлагавшего

дать показания Тития Прокула, признавшегося в прелюбодеянии с Мессалиной Веттия Валента и знавших об его виновности Помпея Урбика и Савфея Трога. Той же каре подверглись префект пожарной стражи Декрий Кальпурниан, начальник императорской гладиаторской школы Сульпиций Руф и сенатор Юнк Вергилиан.

36. Только с Мнестером возникла задержка: разорвав на себе одежду, он принялся кричать, призывая Цезаря взглянуть на следы от плетей и вспомнить о данном им самим повелении неукоснительно выполнять приказания Мессалины: другие пошли на преступление, так как их соблазнили ее щедроты или надежда возвыситься, он — поневоле; и завладей Силий верховной властью, он прежде всего расправился бы с ним, Мнестером. На Цезаря эти слова произвели впечатление, и он уже склонялся помиловать Мнестера, но был удержан от этого вольноотпущенниками: истребив столько именитых мужей, незачем жалеть какого-то лицедея; совершал ли он столь тяжкое преступление по своей воле или по принуждению — несущественно. Не было принято во внимание и сказанное в свою защиту римским всадником Травлом Монтаном. Это был юноша скромного поведения, отличавшийся вместе с тем замечательной красотой; его привели к Мессалине по ее повелению, но той же ночью она его прогнала, ибо в одинаковой мере не знала удержу ни в любовной страсти, ни в отвращении. Избегли смерти лишь Суиллий Цезонин и Плавтий Латеран — последний благодаря выдающимся заслугам своего дяди со стороны отца, тогда как Цезонина защитила его собственная порочность, ибо на этих омерзительных сборищах он, словно женщина, предоставлял свое тело чужой похоти.

37. Между тем Мессалина, удалившись в сады Лукулла, не оставляла попыток спасти свою жизнь и сочиняла слезные мольбы, питая некоторую надежду и порою впадая в бешенство, — столько в ней было надменности даже в грозных для нее обстоятельствах. И не поспеши Нарцисс разделиться с нею, она обратила бы гибель на голову своего обвинителя. Ибо, воротившись к себе и придя от обильной трапезы в благодушное настроение, Клавдий, разгоряченный вином, велит передать несчастной (как утверждают, он употребил именно это слово), чтобы она явилась на следующий день представить свои оправдания. Услышав это и поняв, что гнев принцепса остывает, что в нем пробуждается прежняя страсть и что в случае промедления следует опасаться наступающей ночи и воспоминаний о брачном ложе, Нарцисс торопливо покидает пиршественный покой и отдает приказание находившимся во дворце центурионам и трибуну не медля умертвить Мессалину: таково повеление императора. В качестве распорядителя и свидетеля ее умерщвления к ним приставляется вольноотпущенник Эвод. Отправившись тотчас в сады Лукулла, он застает Мессалину распростертою на земле и рядом с ней ее мать Лепиду, которая, не лая с дочерью, пока та была в силе, прониклась к ней состраданием, когда она оказалась на краю гибели, и теперь уговаривала ее не дожидаться прибытия палача: жизнь ее окончена и ей ничего иного не остается, как из-

брать для себя благопристойную смерть. Но в душе, извращенной любовью, не осталось ничего благородного. Не было конца слезам и бесплодным жалобам, как вдруг вновь прибывшие распахнули ворота и перед нею предстали безмолвный трибун и осыпавший ее площадными ругательствами вольноотпущенник.

38. Лишь тогда впервые осознала она неотвратимость своего конца и схватила кинжал; прикладывая его дрожащей рукой то к горлу, то к груди, она не решалась себя поразить, и трибун пронзает ее ударом меча. Тело ее было отдано матери. Пировавшему Клавдию сообщили о ее смерти, умолчав о том, была ли она добровольной или насильственной. И он, не спросив об этом, потребовал чашу с вином и ни в чем не отклонился от застольных обычаев. Да и в последовавшие дни он не выказал ни малейших признаков радости, ненависти, гнева, печали, наконец, какого-либо иного из движений души человеческой, ни при виде ликующих обвинителей, ни глядя на подавленных горем детей. Забыть Мессалину помог ему и сенат, постановивший убрать ее имя и ее статуи из всех общественных мест и частных домов. Нарциссу были определены квесторские знаки отличия — весьма незначительная награда сравнительно с его упованиями, — ведь в этом деле он превзошел своими заслугами Палланта и Каллиста.

Да, его побуждения были честными, но повели к наихудшим последствиям.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. После умерщвления Мессалины двор принцепса охватило волнение из-за возникшей между вольноотпущенниками борьбы, кому из них приискать новую жену Клавдию, не выносившему безбрачного существования и подпадавшему под власть каждой своей супруги. Таким же соперничеством загорелись и женщины: каждая выставляла на вид свою знатность, красоту и богатство как достойное основание для такого замужества. Спор шел главным образом о том, кого предпочесть, дочь ли бывшего консула Марка Лоллия Лоллию Паулину или дочь Германика Агриппину; последнюю поддерживал Паллант, первую — Каллист; со своей стороны Нарцисс выдвигал Элию Петину из рода Туберонов. Сам Клавдий, склонявшийся то туда, то сюда, смотря по тому, кого из своих советчиков он только что выслушал, созывает их, впавших между собой в разногласия, на совещание и велит каждому высказать свое мнение, подкрепив его соответствующими обоснованиями.

2. Нарцисс говорил о том, что Петина уже была женой принцепса, что у них общая дочь (ибо Антония родилась от нее) и что с возвращением

прежней супруги в его дом не будет внесено ничего нового, ибо она не станет питать обычной для мачехи неприязни к Британнику и Октавии, столь близким по крови ее собственным детям. Каллист возражал, что униженная длительным разводом Петина, будучи снова взята принцепсом в жены, неизбежно возгордится; гораздо разумнее поэтому ввести в семью Лоллию, которая никогда не имела детей и, свободная по этой причине от ревности и пристрастности, заменит пасынку и падчерице родную мать. А Паллант превозносил в Агриппине более всего то, что она приведет с собою внука Германика; вполне достойно императорского семейства присоединить этого отпрыска знатного рода к потомкам Юлиев и Клавдиев и тем самым не допустить, чтобы женщина испытанной плодовитости и еще молодая унесла в другой дом славу и величие Цезарей.

3. Подкрепленные чарами Агриппины, эти доводы возобладали: часто бывая у дяди на правах близкой родственницы, она оболестила его и, предпочтенная остальным, но еще не жена, пользовалась властью жены. Уверенная в своем предстоящем замужестве, она начала вынашивать дальнейшие замыслы и подготавливать брак своего рожденного от Гнея Агенобарба сына Домиция с Октавией, дочерью Цезаря; однако заключить этот брак можно было только преступным путем, так как Цезарь успел обручить Октавию с Луцием Силаном и привлек к этому и без того широко известному юноше благосклонность толпы дарованием ему триумфальных отличий и великолепием устроенных от его имени гладиаторских игр. Но представлялось нетрудным чего угодно добиться от принцепса, у которого не было других мыслей и другой неприязни, кроме подсказанных и внушенных со стороны.

4. И вот, прикрывая своим званием цензора подлые козни и предвидя, кто станет истинным властелином, Вителлий, дабы снискать признательность Агриппины, принимается содействовать ее замыслам и возводить обвинения на Силана, сестра которого, красивая и своенравная Юния Кальвина в недавнем прошлом была невесткой Вителлия. Отсюда и пошла клевета; отнюдь не преступную, но неосмотрительно откровенную братскую привязанность между ними он представляет кровосмесительной связью. А Цезарь из любви к дочери с тем большей готовностью прислушивался к этим наветам о своем будущем зяте. Между тем Силан, ничего не подозревавший о подстроенной ему западне и именно в этом году бывший претором, указом Вителлия внезапно исключается из сенаторского сословия, хотя незадолго пред тем был оглашен и окончательно утвержден список сенаторов на ближайшее пятилетие. Одновременно Клавдий объявляет ему, что его брак с Октавией не состоится; Силана принуждают сложить с себя преторские обязанности, и на один день, оставшийся до окончания срока его претуры, их возлагают на Эприя Марцелла.

5. В консульство Гая Помпея и Квинта Верания¹ брачный сговор Клавдия с Агриппиною подкрепляла и распространившаяся об этом молва и их вышедшая за пределы дозволенного близость; но они еще не осмели-

вались торжественно справить свадебные обряды, так как женитьба дяди на племяннице была делом неслыханным; такой союз считался кровосмесительным, а пренебречь этим они не решались из опасения, как бы их поступок не навлек несчастья на государство. Конец этому промедлению был положен Вителлием, который взялся уладить дело с помощью привычных для него ухищрений. Задав вопрос Цезарю, подчинится ли он требованиям народа и совету сената, и получив ответ, что он такой же гражданин, как все прочие, и не может противиться общей воле, Вителлий предлагает ему подождать во дворце. Сам он между тем прибывает в сенат и, заявив, что дело идет о вопросе величайшей государственной важности, просит разрешения выступить первым и начинает речь следующим образом: «Неся на себе тягчайшее бремя попечения обо всем мире, принцепс испытывает нужду в поддержке, дабы избавленный от забот о семье он мог всецело отдаться служению общему благу. Но есть ли более высоко-нравственная отрада для по-цензорски непреклонной к себе души, для того, кто никогда не предавался роскоши и наслаждениям, но с ранней юности неуклонно повиновался законам, чем взять жену, с которой он мог бы делиться своими самыми сокровенными мыслями, кому доверил бы малых детей?».

6. Начав с этого в своей сочувственно принятой речи, Вителлий, после того как сенаторы выразили свое полное согласие с нею, вернулся к тому, с чего начал, и заявил, что, поскольку все единодушно советуют принцепсу вступить в брак, следует избрать для него женщину, отмеченную знатностью, материнством, безупречными нравами. И нет надобности долго разыскивать таковую, ибо Агриппина превосходит всех остальных славою своего рода; она показала, что способна рождать детей и что ей присущи добрые качества. И поистине замечательно, что, произволением богов оставшись вдовою,² она может беспрепятственно связать себя с принцепсом, никогда не знавшим иной любви, кроме супружеской. Они, сенаторы, слышали от родителей и видели собственными глазами, как ради ублажения своих прихотей Цезари завладевали чужими женами.³ Сколь далека от этого скромность их нынешнего властителя! Так пусть же будет явлен пример на будущее, как надлежит императору прискивать для себя супругу! Но союз дяди с племянницей — для нас новшество. У других народов, однако, это — вещь совершенно обыденная, и не существует закона, которым она была бы воспрещена, да и браки с двоюродными сестрами, прежде у нас неведомые, с течением времени получили широкое распространение. Обычай закрепляется, если отвечает потребностям, и данное новшество несомненно окажется в числе тех, которые вскоре будут усвоены повсеместно.

7. Не было недостатка в таких, кто, восклицая, что если Цезарь промедлит, то они женят его насильственно, наперебой бросились вон из курии. Стала собираться беспорядочная толпа, в которой слышались выкрики, что римский народ обращается к Цезарю с мольбою о том же.

И Клавдий, долгие не дожидаясь, выходит на форум и предстает перед поздравляющими его, а войдя в сенат, требует, чтобы было вынесено постановление, которым раз и навсегда дозволялись бы браки между дядьями и племянницами. Впрочем, не нашлось никого, кто бы пожелал вступить в такое супружество, кроме единственного римского всадника Алледия Севера, о котором многие говорили, что его толкнуло на это желание угодить Агриппине. Этот брак принцепса явился причиной решительных перемен в государстве: всем стала заправлять женщина, которая вершила делами Римской державы отнюдь не побуждаемая разнузданным своеволием, как Мессалина; она держала узду крепко натянутой, как если бы та находилась в мужской руке. На людях она выказывала суровость и еще чаще — высокомерие; в домашней жизни не допускала ни малейших отступлений от строгого семейного уклада, если это не способствовало укреплению ее власти. Непомерную жадность к золоту она объясняла желанием скопить средства для нужд государства.

8. Силан покончил самоубийством в день свадьбы Клавдия, то ли теряя вплоть до этого дня надежды, что ему будет сохранена жизнь, то ли выбрав его умышленно, чтобы усилить неприязнь к своим врагам. Сестра Силана Кальвина была изгнана из Италии. Клавдий добавил к этому предусмотренные законами царя Тулла священнодействия и умиловительные жертвоприношения в роще Дианы, совершение которых возлагалось на понтификов, причем все потешались над тем, что кара за кровосмешение и очистительные обряды, чтобы его искупить, были назначены именно в это время. Между тем Агриппина, желая, чтобы ее знали не только с плохой стороны, добивается возвращения из ссылки Аннея Сенеки и одновременно доставляет ему претуру, полагая, что ввиду громкой литературной славы и то и другое будет приятно римскому обществу; вместе с тем она поступила так и ради того, чтобы отроческие годы Домиция протекли под руководством столь выдающегося наставника и чтобы она с сыном, осуществляя ее мечту о самовластном владычестве, могла пользоваться его советами, ибо считалось, что Сенека, помня о благодеянии Агриппины, питает к ней безграничную преданность, тогда как, затаив про себя горечь обиды, враждебен Клавдию.⁴

9. Затем было решено больше не медлить, и консула на будущий срок Маммия Поллиона щедрыми обещаниями соблазняют внести предложение, чтобы сенат обратился с просьбой к Клавдию просватать Октавию за Домиция, что, принимая во внимание возраст обоих, было вполне уместно и открывало возможности для далеко направленных замыслов. Поллион высказывается почти в тех же словах, в каких это сделал недавно Вителлий; Октавию просватывают за Домиция, и он, сделавшись в добавление к прежним родственным связям женихом дочери принцепса и будущим его зятем, стараниями матери и ухищрениями тех, кто, осудив на смерть Мессалину, боялся мщения со стороны ее сына, уравнивается в правах с Британиком.

10. Тогда же сенат принимает парфянских послов, прибывших, как я уже сообщил, просить о возвращении им Мегердата.⁵ Они в следующих словах приступают к выполнению своего поручения: они явились, помня о существующем с нами союзе и храня верность династии Арсакидов, лишь для того, чтобы пригласить к себе сына Вонона, внука Фраата, и таким образом освободиться от тирании Готарза, одинаково нестерпимой как для знати, так и для простого народа. Уже все его братья, близкие и даже дальние родственники истреблены казнями; теперь к этому добавляются убийства их беременных жен и малых детей, ибо нерадивый внутри страны, неудачливый в войнах, он прикрывает свою слабость жестокостью. У них с нами давняя и скрепленная договорами дружба, и мы должны прийти на помощь союзникам, нашим соперникам в силе, склонившимся перед нами только из уважения. Для того и отдают они нам заложниками царских детей, чтобы иметь возможность, если властитель их родины станет им в тягость, обратиться к принцепсу и сенаторам и получить от них более приемлемого и усвоившего наши нравы царя.

11. Отвечая на эти и подобные им слова, Цезарь начал речь с главенства римлян и подчиненности парфян, причем поставил себя рядом с божественным Августом, напомнив, что у него они также испросили себе царя, но умолчав о Тиберии, хотя царей посылал им и тот.⁶ К этому он добавил наставления присутствовавшему в курии Мегердату, чтобы он не считал себя господином, а всех прочих рабами, но видел в себе лишь правителя, а в остальных — граждан, чтобы проявляя милосердие и соблюдал справедливость, которые тем желаннее для варваров, чем менее им знакомы. Затем, обратившись к послам, он превозносит похвалами воспитанника города Рима, чья скромность до того времени была безупречною: впрочем, нужно терпеливо сносить властителей, и их частая смена ни к чему хорошему не ведет. Римское государство настолько пресыщено славой, что желает спокойствия даже чужеземным народам. После этого стоявшему во главе Сирии Гаю Кассию было отдано повеление проводить июношу до реки Евфрата.

12. В те времена Кассий слыл наиболее сведущим законоведом, — ведь военные дарования, когда всюду спокойно, остаются в тени и мирная обстановка стирает различия между деятельными и нерадивыми. Но, насколько это было возможно при отсутствии боевых действий, Кассий все же восстанавливал в войске старинную дисциплину и обучал легионы с таким старанием и такою предусмотрительностью, как если бы его теснили враги; он считал, что этого требует достоинство его предков и рода Кассиев, который прославил себя и в этих краях. Итак, вызвав тех, по чьему почину был испрошен новый царь для парфян, и разбив лагерь в Зевгме, откуда была наиболее удобная переправа через реку, он по прибытии знатных парфян и царя арабов Акбара напоминает Мегердату о том, что самые пламенные порывы варваров остывают при промедлении, а порой оборачиваются и вероломством: пусть он поспешит поэтому с завершением нача-

того. Этот совет, однако, был оставлен в пренебрежении из-за коварства Акбара, который на много дней задержал в Эдессе простодушного юношу, возомнившего, что высокое положение равнозначно сплошным удовольствиям. И хотя его звал Карен, обещавший в случае скорого их прибытия несомненный успех, Мегердат направился не в близлежащую Месопотамию, а окольным путем в Армению, в ту пору малодоступную, потому что начиналась зима.

13. Затем, истомленные горами и снегом, уже приближаясь к равнине, они соединяются с войском Карена и, переправившись через реку Тигр, проходят по земле адиабенцев, царь которых, Изат, вступив в показной союз с Мегердатом, втайне с большей преданностью склонялся к Готарзу. Объединенное войско по пути захватило Ниневию, древнейшую столицу Ассирии, а также крепость, весьма знаменитую тем, что в последнем сражении Дария с Александром у ее стен были сокрушены силы персов. Между тем Готарз приносил обеты местным богам на горе Санбул, где важнейшим был культ Геркулеса;⁷ в определенное время он напоминает жрецам, явившись им в сновидении, чтобы они привели к храму снаряженных для охоты коней. И после того как этих коней нагружают полными стрел колчанами, они разбредаются по горным лесам и лишь поутру, сильно запыхавшись, возвращаются с пустыми колчанами. После этого бог снова является в ночном сновидении и указывает леса, в которых он побывал, и в них повсюду находят убитых зверей.

14. Но Готарз, еще не вполне собрав войско, отсиживался за рекой Кормой как за крепостною стеной и, хотя его вызывали на битву оскорбительными насмешками и посылали к нему гонцов, всячески тянул время, менял стоянки и, заслав своих людей в стан врагов, при помощи подкупа склонял последних к измене. Из их числа Изат, царь Адиабены, и вслед за ним царь арабов Акбар уводят свои отряды с привычным для народов тех стран своеволием, ибо, как показал опыт, варвары более склонны просить из Рима царей, чем жить под их властью. Итак, Мегердат, лишившись значительной части вспомогательных войск и опасаясь предательства со стороны остальных, решает на единственное, что ему оставалось, а именно довериться случаю и попытать счастья в сражении. Не уклонился от него и Готарз, окрыленный ослаблением неприятеля. И вот они сошлись в кровопролитном сражении, протекавшем с переменным успехом, пока Карена, опрокинувшего противостоявших ему врагов и увлеченного их преследованием, не обошли с тыла свежие силы противника. Тогда Мегердат, увидев, что все потеряно, доверился клиенту своего отца Парраку, но был коварно обманут и в оковах выдан победителю. А тот, не признавая в нем ни своего родича, ни Арсакида, но именуя его чужеземцем и римлянином, велит, отрезав пленнику уши, оставить его в живых, дабы выказать этим свое милосердие и нанести нам бесчестие. Вскоре после этого Готарз заболел и умер, и на парфянский престол был призван Вонон, правивший мидянами. На его долю не выпало ни особой удачи, ни особых бедствий —

ничего достойного упоминания; царствование его было кратковременным и бесславным, и после него Парфянское государство перешло к сыну его Вологезу.

15. Между тем Митридат Боспорский, который, лишившись трона,⁸ не имел и постоянного пристанища, узнает об уходе основных сил римского войска во главе с полководцем Дидием и о том, что в наново устроенном царстве остались лишь неопытный по молодости лет Котис и несколько когорт под начальством римского всадника Юлия Аквилы; не ставя ни во что ни римлян, ни Котиса, он принимается возмущать племена и сманивать к себе перебежчиков и, собрав в конце концов войско, прогоняет царя дандаров и захватывает его престол. Когда это стало известно и возникла опасность, что Митридат вот-вот вторгнется в Боспорское царство, Котис и Аквила, не рассчитывая на свои силы, тем более что царь сираков Зорсич возобновил враждебные действия против них, стали искать поддержки извне и направили послов к Эвнону, правившему племенем аорсов. Выставляя на вид мощь Римского государства по сравнению с ничтожными силами мятежника Митридата, они без труда склонили Эвнона к союзу. Итак, было условлено, что Эвнон бросит на врага свою конницу, тогда как римляне займутся осадой городов.

16. И вот, построившись походным порядком, они выступают: впереди и в тылу находились аорсы, посередине — когорты и вооруженные римским оружием отряды боспорцев. Враг был отброшен, и они дошли до покинутого Митридатом вследствие ненадежности горожан дандарского города Созы; было принято решение им овладеть и оставить в нем гарнизон. Отсюда они направляются в земли сираков и, перейдя реку Панду, со всех сторон подступают к городу Успе, расположенному на высоте и укрепленному стенами и рвами; впрочем, его стены были не из камня, а из сплетенных прутьев с насыпанной посередине землей и поэтому не могли противостоять натиску нападавших, которые приводили в смятение осажденных, забрасывая их с возведенных для этого высоких башен пылавшими головнями и копьями. И если бы ночь не прервала сражения, город был бы обложен и взят приступом в течение одного дня.

17. На следующий день осажденные прислали послов, просивших пощадить горожан свободного состояния и предлагавших победителям десять тысяч рабов. Эти условия были отвергнуты, так как перебить сдавшихся было бы бесчеловечной жестокостью, а сторожить такое множество — затруднительно: пусть уж лучше они падут по закону войны; и проникшим в город с помощью лестниц воинам был подан знак к беспощадной резне. Истребление жителей Успе вселило страх во всех остальных решивших, что больше не стало безопасных убежищ, раз неприятеля не могут остановить ни оружие, ни крепости, ни труднодоступные и высокогорные местности, ни реки, ни города. И вот Зорсин после долгих раздумий, поддержать ли попавшего в беду Митридата или позаботиться о доставшемся ему от отца царстве, решил, наконец, предпочесть благо

своего народа и, выдав заложников, простерся ниц перед изображением Цезаря, что принесло великую славу римскому войску, которое, одержав почти без потерь победу, остановилось, как стало известно, в трех днях пути от реки Танаиса. Однако при возвращении счастье изменило ему: несколько кораблей (ибо войско возвращалось морем) выбросило к берегу тавров, и их окружили варвары, убившие префекта когорты и множество воинов из вспомогательного отряда.

18. Между тем Митридат, не находя больше опоры в оружии, задумывается над тем, к чьему милосердию он мог бы воззвать. Довериться брату Котису, в прошлом предателю, в настоящем — врагу, он опасался. Среди римлян не было никого, наделенного такой властью, чтобы его обещания можно было счесть достаточно вескими. И он решил обратиться к Эвнону, который не питал к нему личной вражды и, недавно вступив с нами в дружбу, пользовался большим влиянием. Итак, облачившись в подобавшее его положению платье и придав своему лицу такое же выражение, он вошел в покои царя и, припав к коленям Эвнона, сказал: «Пред тобою добровольно явившийся Митридат, которого на протяжении стольких лет на суше и на море преследуют римляне; поступи по своему усмотрению с потомком великого Ахемена — лишь одного этого враги не отняли у меня».

19. Громкое имя этого мужа,⁹ лицемерие превратностей дел человеческих и его полная достоинства мольба о поддержке произвели сильное впечатление на Эвнона, и тот, подняв Митридата с колен, хвалит его за то, что он предпочел предаться племени аорсов и лично ему, Эвнону, дабы с их помощью испросить примирения. И Эвнон отправляет к Цезарю послон и письмо, в котором говорилось так: «Начало дружбе между римскими императорами и царями великих народов кладется сжестостью занимаемого ими высокого положения; но его с Клавдием связывает и совместно одержанная победа. Исход войны только тогда бывает истинно славным, когда она завершается великодушием к побежденным — так и они ничего не отняли у поверженного ими Зорсина. Что касается Митридата, заслужившего более суровое обхождение, то он, Эвнон, просит не о сохранении за ним власти и царства, но только о том, чтобы его не заставили следовать за колесницею триумфатора и он не заплатил своей головой».

20. Однако Клавдий, обычно снисходительный к чужеземной знати, на этот раз колебался, что было бы правильнее, принять ли пленника, обязавшись сохранить ему жизнь, или захватить его силой оружия. К последнему его толкала горечь нанесенных ему оскорблений и жажда мести; но возникали и такие возражения: придется вести войну в труднодоступной местности и вдали от морских путей; к тому же цари в тех краях воинственны, народы — кочевые, земля — бесплодна; медлительность будет тягостна, а торопливость чревата опасностями; победа обещает мало славы, а возможное поражение — большой позор. Не лучше ли поэтому удовлетвориться предложенным и оставить жизнь изгнаннику, который,

чем дольше проживет в унижении, тем большие мучения испытает. Убежденный этими соображениями, Клавдий ответил Эвнону, что, хотя Митридат заслуживает наистрожайшего примерного наказания и он, Клавдий, располагает возможностью его покарать, но так уже установлено предками: насколько необходимо быть непреклонным в борьбе с неприятелем, настолько же подобает дарить благосклонность молящим о ней — ведь триумфы добываются только в случае покорения исполненных силы народов и государств.

21. После этого Митридат был выдан римлянам и доставлен в Рим прокуратором Понта Юнием Цилоном. Передавали, что он говорил с Цезарем более гордо, чем надлежало бы в его положении, и получили известность такие его слова: «Я не отослан к тебе, но прибыл по своей воле; а если ты считаешь, что это неправда, отпусти меня и потом ищи». Он сохранял бесстрастное выражение лица и тогда, когда, окруженный стражей, был выставлен напоказ народу у ростральных трибун. Цилону были определены консульские отличия, Аквиле — преторские.

22. При тех же консулах Агриппина, беспощадная в ненависти и считавшая своим врагом Лоллию, так как и она когда-то притязала на замужество с Цезарем, измышляет ей преступления и выставляет против нее обвинителя, приписывающего ей обращение к халдеям и магам и запрос относительно бракосочетания Цезаря, направленный ею оракулу Аполлона Кларосского. И Клавдий, даже не выслушав подсудимую, выступил в сенате с пространною речью, в которой сначала подробно говорил о ее знатности, о том, что она — дочь сестры Луция Волузия, что Котта Мессалин — брат ее прадеда, что ранее она была замужем за Мемнием Регулом (о ее браке с Гаем Цезарем он умышленно умолчал), и только в конце добавил, что ее намерения пагубны для государства и у нее необходимо отнять возможности к совершению злодеяний; по этой причине ее надо выслать из Италии с конфискацией имущества. И изгнаннице было оставлено из ее несметных богатств всего пять миллионов сестерциев. Было подстроено осуждение и женщине знатного рода Кальпурнии, красоту которой похвалил принцепс, сделал это безо всякого любовного чувства и в случайной беседе, что несколько сдержало гнев Агриппины, и она не дошла до крайних пределов мщения. К Лоллии отправляют трибуна, дабы он принудил ее к самоубийству. И по закону о вымогательствах был осужден Кадий Руф, привлеченный к ответу вифинцами.

23. Ввиду того что Нарбоннская Галлия неизменно оказывала сенату беспрекословное повиновение, на нее было распространено положение, существовавшее для Сицилии, а именно сенаторам из этой провинции было разрешено посещать ее по своим имущественным делам, не испрашивая дозволения принцепса. Итуреи и иудеи по смерти царей Сохема и Агриппы были присоединены к провинции Сирии.¹⁰ Тогда же сенат постановил возобновить после семидесятипятилетнего перерыва гадание о благе государства и впредь устраивать его ежегодно. Помимо этого,

Цезарь расширил пределы города Рима, поступив в соответствии со старинным обычаем, согласно которому тем, кто увеличил размеры империи, предоставлялось право отодвинуть и городскую черту. Но, кроме Суллы и божественного Августа, никто из римских военачальников, и среди них покорители великих народов, не использовал своего права.

24. Видеть ли в этом тщеславие царей или благородное честолюбие, судят по-разному. Но как бы то ни было, я считаю, что нелишне знать, как возник этот город и какие пределы установил для него Ромул. Итак, борозда для обозначения черты города была начата от Бычьего рынка, от того места, где мы теперь видим бронзового быка (ибо этих животных впрягают в плуг), в таком направлении, что большой жертвенник Геркулесу остался по эту сторону от нее; далее, на известном расстоянии друг от друга, были установлены камни, шедшие вдоль подножия Палатинского холма до жертвенника Консу, Старых курий, небольшого святилища Ларов¹¹ и Римского форума; согласно преданию, Форум и Капитолий были включены в черту города не Ромулом, а Титом Татием. В дальнейшем город Рим расширялся по мере роста римской державы. А границы, установленные для него Клавдием, хорошо известны и указаны в государственных документах.

25. В консульство Гая Антистия и Марка Суиллия¹² Клавдий по настоянию Палланта ускорил усыновление Домиция; связав себя с Агриппиною, как устроитель ее замужества, и позднее вступив к тому же в преступное сожительство с нею, Паллант всячески увещевал Клавдия подумать о благе Римского государства, о том, чтобы было кому поддержать Британника, пока он еще в отроческом возрасте; ведь и при божественном Августе, невзирая на то, что он располагал опорой в лице внуков, были в силе и пасынки; да и Тиберий, имея родного сына, принял Германика в лоно своего семейства; так пусть же и он, Клавдий, приблизит к себе юношу, готового взять на себя часть лежащих на нем забот. Убежденный этими доводами, Клавдий предпочел собственному сыну Домиция, который был тремя годами старше Британника, и, выступив с соответственной речью в сенате, повторил в ней выслушанное им от вольноотпущенника. Осведомленные люди отмечали по этому поводу, что в роду патрициев Клавдиев не было раньше ни одного случая усыновления и что кровная преемственность не прерывалась у них от самого Атта Клавса.

26. Тем не менее принцепсу была принесена благодарность с присовокуплением изысканной лести Домицию; был также предложен закон, определявший, что он переходит в род Клавдиев и принимает имя Нерона. Возвеличивается и Агриппина титулом Августы. По завершении всего этого не было никого столь бесчувственного, кто бы не скорбел о выпавшей на долю Британника участи. Лишившись постепенно даже рабских услуг, он воспринимал как насмешку неуместные ласки мачехи, понимая их лицемерие. Говорят, что он обладал природными дарованиями; то ли это

соответствует истине, то ли такая молва удержалась за ним из-за сочувствия к постигшим его несчастьям, хотя он и не успел доказать на деле ее справедливость.

27. Желая показать свое могущество и союзным народам, Агриппина добивается выведения в город убиен, где она родилась, колонии ветеранов, которая была названа ее именем.¹³ По случайному совпадению это переправившееся через Рейн племя принял под наше покровительство не кто иной, как ее дед Агриппа.

Около этого времени Верхнюю Германию охватили страх и смятение, вызванные грабительским набегом хаттов. Против них легат Публий Помпоний высылает когорты вангионов и неметов с приданной им союзною конницей, которым приказывает перехватить грабителей на обратном пути или, если они разбредутся, внезапно зажать их в кольцо. Старательно выполняя предписания полководца, воины разделились на два отряда, и те, что направились левой дорогой, устремились со всех сторон на недавно возвратившихся из похода врагов, которые после безудержного, поглотившего их добычу разгула, были объяты глубоким сном. Эта победа над хаттами доставила римлянам тем большую радость, что почти через сорок лет после поражения Вара ими были вызволены из плена несколько его воинов.

28. Между тем продвигавшиеся справа и кратчайшим путем причиняют еще больший урон попавшимся им навстречу и дерзнувшим на битву врагам, после чего со славою и обильной добычею возвращаются к горе Тавну, где их поджидал во главе легионов Помпоний на случай, если бы побуждаемые жаждою мщения хатты доставили ему возможность сразиться с ними. Но те, опасаясь, как бы их не обошли с одной стороны римляне, а с другой — херуски, с которыми у них были вечные распри, отправляют в Рим послов и заложников. Помпонию были определены триумфальные почести, но в них — лишь малая доля его известности у потомков, которые чтят его как выдающегося поэта.¹⁴

29. Тогда же свебы изгнали Ванния, которого поставил над ними царем Цезарь Друз; вначале хорошо принятый соплеменниками и прославляемый ими, а затем вследствие долговременной привычки к владычеству впавший в надменность, он подвергся нападению со стороны возненавидевших его соседних народов и поднявшихся на него соотечественников. Борьбу с ним возглавляли царь гермундуров Вибиллий и сыновья сестры Ванния Вангион и Сидон. Несмотря на неоднократные просьбы Ванния о поддержке, Клавдий не вмешался силой оружия в усобицы варваров, но обещал Ваннию надежное убежище, если он будет изгнан из своего царства, а вместе с тем написал правившему тогда Паннонией Палпеллию Гистру, чтобы он выставил вдоль Дуная один легион и набранные в той же провинции отряды вспомогательных войск для оказания помощи побежденным и устрашения победителей, если, подстрекаемые удачей, они попытаются нарушить мир и в наших владениях. Ведь на-

двигалась несметная сила — лугии и другие народности, — привлеченная слухами о богатстве царской казны, которую за тридцать лет накопил Ванний грабежами и пошлинами. Пехота у Ванния была собственная, конница — из сарматского племени язигов, и поскольку его войска уступали в численности вражеским полчищам, он решил уклоняться от открытого боя и отсиживаться за стенами укреплений.

30. Но не желавшие выносить осаду язиги рассеялись по окрестным полям, и так как их настигли лугии и гермундуры, Ванний оказался вынужденным сразиться. Итак, выйдя из укреплений, он вступил в бой и был в нем разгромлен, но, несмотря на неудачу, снискал похвалу, ибо бросился в рукопашную схватку и был в ней изранен, не показав тыла врагам. И все же ему пришлось бежать к поджидавшему его на Дунае нашему флоту; вскоре за ним последовали туда и его приближенные, и им были отведены земли в Паннонии. Царство Ванния поделили между собой Вангион и Сидон, соблюдавшие по отношению к нам безупречную честность, тогда как их подданные то ли в силу врожденных свойств или тех, которые в них воспитало порабощение, питали к ним, пока они добились владычества, пламенную любовь и, после того как они добились его, — еще большую ненависть.

31. Назначенный пропретором Британии¹⁵ Публий Осторий нашел ее охваченною брожением, ибо враги, сочтя, что новый военачальник, не ознакомившись со своим войском и ввиду наступившей зимы, не решится противодействовать им, с тем большей дерзостью вторглись в пределы наших союзников. Но Осторий, хорошо зная, что страх или самоуверенность в неприятеле порождаются успешною или неудачею первых боевых действий, незамедлительно устремляется во главе легковооруженных когорт на противника; истребив оказавших сопротивление и преследуя разбежавшихся, дабы они снова не собрались вместе и ненадежный мир не угрожал постоянными осложнениями полководцу и воинам, он решает отобрать оружие у подозрительных и, разбив лагерь, держать в узде область между реками Авоною и Сабриной. Первым воспротивилось сдаче оружия сильное племя иценов, не испытавшее разгрома на поле битвы, ибо оно добровольно заключило с нами союз. По их наушению обитавшие по соседству народы, задумав сразиться с нами, избрали местом расположения своего войска огороженное земляной насыпью поле с настолько узким проходом в него, что он был недоступен для нашей конницы. Римский военачальник, невзирая на то, что вел за собою лишь отряды союзников и не имел при себе основных сил легионов, подступает к вражеским укреплениям с намерением овладеть ими и, расставив когорты для приступа, велит и всадникам изготовиться к бою в пешем строю. Затем по данному знаку его воины преодолевают насыпь и приводят в смятение неприятеля, стесненного своими же заграждениями. Понимая, что их ждет заслуженное возмездие за мятеж, и так как пути к бегству были для них отрезаны, они свершили тут много доблестных и

славных деяний. В этой битве сын легата Марк Осторий заслужил боевое отличие за спасение римского гражданина.

32. Поражение иценов образумило тех, кто колебался между войною и миром, и Осторий повел войско на декангов.¹⁶ Были опустошены их поля, захвачена повсюду добыча, но враги так и не решились на битву, а если и пытались порою исподтишка нападать на наш походный порядок, то их коварство не оставалось без наказания. И наши уже приближились к морю, омывающему остров Гибернию, когда вспыхнувшие у бригантов раздоры принудили римского полководца повернуть вспять, ибо он твердо решил не предпринимать новых завоеваний, пока не закреплены старые. Бригантов удалось усмирить, истребив небольшое число взявшихся за оружие и даровав прощение остальным; но ни строгостью, ни снисходительностью нельзя было удержать от открытых военных действий племя силуров, и для его подавления нужно было располагать находящимся поблизости укрепленным лагерем. Стремясь возможно скорее достигнуть этого, Осторий под прикрытием значительного отряда ветеранов выводит на захваченные им земли колонию в Камулудун, чтобы создать оплот против мятежников и внушить союзникам покорность законам.

33. Затем был предпринят поход против силуров, чью воинственность поддерживали надежды на силы Каратака, которого выдвинули многочисленные, не завершившиеся нашей победою битвы и столь же многочисленные успехи в действиях против нас, так что он затмил своей славою остальных полководцев Британии. Превосходя нас в том, что вследствие пересеченности местности мог использовать ее в своих целях, но уступая нам в силе войска, Каратак переносит войну в страну ордовиков и, соединившись с теми, кто страшился установления мира с нами, готовится дать решительное сражение, избрав для него место, подход к которому и отступление от которого, равно как и все прочее, были неудобны для нас и выгодны для его воинов: с одной стороны его прикрывали крутые горы, а где, продвигаясь по более отлогому склону, на них можно было взобраться, там он навалил камни наподобие вала; с другой стороны перед нами протекала река с ненадежным руслом, и за укреплениями стояли толпы вооруженных врагов.

34. К тому же вожди племен обходили своих с увещаниями, укрепляли их дух, стремясь рассеять в них страх и воспламенить их надеждою и боевым пылом; сам Каратак носился взад и вперед, провозглашая, что этот день, эта битва положат начало либо отвсеванию ими свободы, либо вечному рабству; при этом он называл имена предков, изгнавших диктатора Цезаря, тех, чья доблесть избавила их от римского топора и от податей и сохранила им неоскверненными тела их жен и детей. И когда он говорил это и подобно этому, толпа отвечала ему криками одобрения и каждый клялся верой своих отцов, что ни копыя, ни раны не заставят его отступить.

35. Это воодушевление в стане врага смутило римского военачальника; вместе с тем его страшили и преграждавшая ему путь река, и вновь возведенное неприятелем укрепление, и нависавшие над головой горы — все это, казавшееся ему грозным препятствием и обороняемое многочисленными защитниками. Но римские воины рвались в бой: они кричали, что доблесть все преодолевает; им вторили префекты и трибуны, укрепляя в войске боевую решимость. Тогда Осторий, определив на взгляд, что действительно неприступно и где можно пройти, ведет за собою воодушевленных отвагой воинов и без труда переправляется через реку. Когда наши подошли к валу и пока бой велся при помощи метательных копий и стрел, наши потери ранеными и убитыми превышали потери врага; но после того как, построившись черепахою, они раскидали кое-как сложенные и лишенные связи каменные завалы и разгорелась рукопашная схватка в равных условиях, варвары начали отступать на горные кручи. Но и туда устремились наши застрельщики и тяжеловооруженные воины, одни — осыпая противника стрелами, другие — наступая сомкнутым строем, между тем как ряды британцев, не прикрытых ни панцирями, ни шлемами, пришли в расстройство; если они оказывали сопротивление воинам вспомогательных войск, их разили мечи и дротики легионеров; а если оборачивались к легионерам, их поражали обоюдоострые мечи и копья воинов вспомогательных войск. Победа была полной; наши взяли в плен жену и дочь Каратака и принудили его братьев сдаться на милость победителя.

36. Сам Каратак бежал к царице бригантов, по имени Картимандуя, рассчитывая найти у нее пристанище, но так как поверженный беззащитен, он был закован в цепи и выдан победителям. Это произошло на девятый год после начала войны в Британии.¹⁷ Отсюда молва о нем, перекинувшись на острова и распространившись в ближних провинциях, достигла также Италии, и здесь все хотели увидеть того, кто в течение стольких лет презирал наше могущество. Имя Каратака не оставалось без вестным и в Риме; и Цезарь, превознося свой успех, тем самым возвеличил славу побежденного. Итак, созвали народ, словно его ожидало чрезвычайное зрелище: преторианские когорты в полном вооружении стояли на поле, простиравшемся перед их лагерем. Сначала провели клиентов царя, потом пронесли фалеры и ожерелья, добытые им в войнах с другими народами, затем показали его братьев, жену и дочь, и наконец его самого. Униженными были внушенные страхом мольбы всех остальных, но Каратак не взывал к милосердию ни опущенным взором, ни речами, но когда подошел к трибуналу и встал подле него, сказал так.

37. «Если б я был, пока мне сопутствовала удача, столь же умерен в своих притязаниях, как знатен и взыскан судьбою, я бы прибыл в ваш город скорее в качестве друга, чем пленника, и ты бы, Цезарь, не погнушался заключить мир и союз с потомком прославленных предков и повелителем многих народов. И если мой нынешний жребий для меня

унизителен, то тебе, напротив, он прибавил величия. У меня были кони, воины, оружие, власть; нужно ли удивляться, что всего этого я лишился не по своей воле? Если вы хотите всеми повелевать, то следует ли из этого, что все обязаны безропотно становиться рабами? Если бы я беспрекословно и сразу отдался под твою руку, то и моя участь не обрела бы известности и ты не обрел бы новой славы победою надо мной. Моя казнь вскоре будет забыта, но если ты оставишь мне жизнь, я навеки стану примером твоего милосердия». В ответ на это Цезарь даровал прощение и Каратаку, и его жене, и братьям. После того как с них сняли оковы, они те же хвалы и выражения благодарности, с какими перед тем обратились к принцепсу, воздали и Агриппине, которую увидели невдалеке на другой трибуне. Пребывание женщины перед строем римского войска было, конечно, новшеством и не отвечало обычаям древних, но сама Агриппина не упускала возможности показать, что она правит вместе с супругом, разделяя с ним добытую ее предками власть.

38. Созванные затем сенаторы произнесли много высокопарных речей о захвате в плен Каратака, утверждая, что это событие не менее достойно, чем пленение Публием Сципионом Сифака, или Луцием Павлом Персея, или другими полководцами прочих царей, представших в оковах перед римским народом. Осторию определяют триумфальные отличия. Его до этого успешные действия сменяются в дальнейшем частичными неудачами, то ли потому, что после устранения Каратака наши сочли, что война окончена и повели ее не в полную силу, то ли потому, что, скорбя об утрате такого царя, враги возгорелись жаждою мщения. Они окружают префекта лагеря, оставленного вместе с когортами легионов для возведения крепостей на земле силуров. И если бы из ближних укреплений не отправили с известием об этом гонцов и осажденным не пришли спешно на выручку, они были бы полностью истреблены. Тем не менее в этих боях пали префект, восемь центурионов и наиболее отважные из рядовых воинов. Немного спустя неприятель снова разгромил наших, занимавшихся заготовкою продовольствия и фуража, и высланные для их поддержки отряды вспомогательной конницы.

39. Тогда Осторий бросил на помощь когорты легковооруженных, но и это не остановило бы бегства, если бы не вступили в бой легионы. Их мощь уравнила положение сражающихся сторон, и вскоре наши стали брать верх. Враги, понеся незначительные потери, ибо день был уже на исходе, бежали. С той поры следовали одна за другою бесконечные, чаще похожие на грабительские набеги, стычки то среди горных лесов, то среди топей, куда кого приводили случай или отвага, опрометчивая попытка или продуманный замысел, жажда мщения или поиски добычи, по приказанию, а иной раз и без ведома военачальников. В этих схватках силуры дрались с невиданным дотоле упорством, ибо их распаляла распространявшаяся молва о словах римского полководца, заявившего во всеуслышание, что, подобно тому как некогда было частью истреблено, частью

переправлено в Галлию племя сугамбров, так должно искоренить даже самое имя силуров. Захватив врасплох две когорты вспомогательных войск, неосторожно увлекшихся грабежом из-за жадности начальствовавших над ними префектов, враги принялись щедро распределять трофеи и пленных и подстрекать другие народы к возмущению против нас; и случилось так, что именно в эти дни, не выдержав бремени тяжких забот, умер Осторий; его кончина немало обрадовала врагов, считавших, что, если этот отнюдь не заслуживавший презрения полководец и не был умерщвлен в битве, его все же умертвила война.

40. Узнав о смерти легата, Цезарь, чтобы не оставлять провинцию без правителя, назначил вместо него Авла Дидия. Прибыв со всей возможной поспешностью, тот, однако, застал там тревожное положение, ибо, пока он находился в пути, враги нанесли поражение легиону, которым начальствовал Манлий Валент; молву об этом событии они всячески раздували, чтобы утратить прибывающего к ним римского полководца, а он, в свою очередь, преувеличил дошедшие до него слухи, чтобы снизить себе большую славу, если ему удастся положить конец беспорядкам, и большую снисходительность, если они затянутся. Этот урон причинили нам те же силуры, и они наседали на нас во многих местах, пока не были рассеяны стремительным наступлением Дидия. После пленения Каратака наиболее сведущим в военном деле среди врагов был Вenuций из племени бригантов, о чем я упоминал выше,¹⁸ долгое время хранивший нам верность и поддерживаемый римским оружием, пока он состоял в браке с царицею Картимандуей, но после происшедшего между ними разрыва, а затем и войны ставший проявлять враждебность и в отношении нас. Впрочем, вначале борьба шла лишь между ними самими, и Картимандуя, прибегнув к хитрости, захватила брата и родственников Вenuция. Это особенно распалило ее врагов, считавших бесчестьем подчиняться владычеству женщины, и отборные воины с их стороны предпринимают нападение на царский дворец. Мы предвидели это заранее, и высланные на помощь царице когорты вступили в ожесточенный бой с неприятелем, протекавший вначале с переменным успехом, но в конце концов увенчавшийся нашей победой. С таким же успехом сразился и легион, которым начальствовал Цезий Назика; и вообще, обремененный преклонным возрастом и осыпанный почетными наградами, Дидий полагал достаточным сдерживать неприятеля, действуя через своих подчиненных. Хотя сообщенное мною было выполнено в течение нескольких лет и двумя пропреторами, я объединил их деяния вместе, дабы, отдаленные друг от друга, они не подверглись незаслуженному забвению.¹⁹ Возвращаюсь к повествованию по годам.

41. При консулах Тиберии Клавдии (в пятый раз) и Сервии Корнелии (Орфите)²⁰ поспешили досрочно облачить Нерона в мужскую тогу,²¹ дабы создать впечатление, что он достаточно возмужал и способен заниматься государственными делами. Цезарь охотно внял настояниям рабо-

лепствующего сената, предложившего, чтобы Нерону, в возрасте неполных двадцати лет было предоставлено консульство, а до принятия им на себя этих обязанностей он располагал проконсульской властью за пределами города Рима и именовался главой молодежи. К тому же было решено раздать от его имени денежные подарки воинам и продовольственные простому народу. На цирковом представлении, данном с целью привлечь к нему благосклонность толпы, он появился в одеянии триумфатора, а Британник — в претексте: пусть народ, видя перед собою одного в убранстве полководца, а другого в детской одежде, в соответствии с этим предугадает грядущую судьбу их обоих. Вскоре затем были удалены из преторианских когорт, частью на основании вымышленных причин, частью под почетным предлогом повышения в должности, те из центурионов и военных трибунов, которые скорбели об уготованном Британнику жребии; были изгнаны из дворца и сохранявшие верность Британнику вольноотпущенники, причем это произошло в связи со следующим случаем. Однажды, когда Нерон и Британник при встрече обменялись приветствиями, первый обратился ко второму по имени, а тот назвал Нерона Домицием. Агриппина с горькими жалобами сообщает об этом мужу как о свидетельстве начавшейся между сводными братьями розни: с усыновлением Нерона не желают считаться, в лоне семьи отменяется постановленное сенатом, предписанное народом; если своевременно не пресечь вопиющую злонамеренность подстрекателей, она приведет к гибели государства. Встревоженный этими обвинениями, Клавдий обрекает на изгнание или смерть всех наиболее честных и неподкупных воспитателей сына и попечение о нем отдает в руки назначенных мачехой.

42. Но предпринять решительные шаги Агриппина все-таки не отваживалась, пока во главе преторианских когорт оставались Лузий Гета и Руфрий Криспин, которые, по ее убеждению, были преданы памяти Мессалины и питали привязанность к ее детям. И вот она внушает мужу, что, домогаясь расположения воинов, они разлагают когорты, тогда как при единоначалии в тех же когортах установится более строгая дисциплина. Так она добилась передачи когорт в подчинение Афранию Бурру, выдающемуся военачальнику, о котором шла добрая слава, но которому, однако, было известно, кому он обязан своим назначением. Вместе с тем Агриппина стремилась придать себе как можно больше величия: она поднялась на Капитолий в двуколке, и эта почесть, издавна воздававшаяся только жрецам и святыням, также усиливала почитание женщины, которая — единственный доныне пример — была дочерью императора, сестрою, супругою и матерью принцевов.²² Но тем не менее по доносу сенатора Юния Лупа предъявляется обвинение престарелому гсдами Вителлию, который был главнейшей ее опорой и пользовался огромным влиянием (сколь превратны судьбы могущественных!). Доносчик обвинял его в оскорблении величия и в намерении захватить власть, и Клавдий с готовностью поверил бы этому, если бы Агриппина

скорее угрозами, нежели просьбами, не переломила его и не вынудила лишить обвинителя воды и огня: таково было желание самого Вителлия.

43. В этом году было много знамений: на Капитолий сели зловещие птицы; во время землетрясения от следовавших друг за другом толчков обрушились дома, и так как страх пред еще большими бедствиями вызвал смятение, в образовавшейся давке было растоптано много людей; недостаток в зерне и возникший из-за этого голод также принимались за знаменья. И дело не ограничилось глухим ропотом, но разбивавшего судебные тяжбы Клавдия окружили с буйными выкриками и, оттеснив на край форума, зажали в кольцо и не выпускали оттуда, пока он не пробился наконец сквозь стену возбужденных людей, вырученный отрядом воинов. Стало известно, что продовольствия в Риме оставалось не более чем на пятнадцать суток, и от величайшего бедствия город избавили лишь благоволение богов и мягкость зимы. А ведь было время, когда Италия снабжала продовольствием свои находившиеся в отдаленных провинциях легионы, да и сейчас она не страдает бесплодием, но мы предпочитаем возделывать Африку и Египет, и жизнь римского народа доверена кораблям и случайностям.

44. Вспыхнувшая в том же году война²³ между армянами и иберами вызвала крайнюю напряженность и в отношениях римлян с парфянами. Парфянским народом повелевал Вологез, родившийся от гречанки-наложницы и получивший царскую власть по соглашению с братьями; над иберами с давних пор властвовал Фарасман, над армянами, при нашей поддержке, — брат его Митридат. У Фарасмана был сын по имени Радамист; статный, отличавшийся редкою телесною силой, овладевший всеми науками и искусствами, которым обучают на его родине, он был широко известен и среди соседних народов. Радамист слишком часто и горячо сетовал на старость отца, из-за которой скромные пределы Иберского царства остаются неизменными, чтобы сведавшее его честолюбие могло остаться для кого-нибудь тайною. И вот Фарасман, на склоне лет опасаясь охваченного жаждою власти и опирающегося на народную любовь юноши, начинает разжигать в нем иные надежды и указывать на Армению, вспоминая, что после изгнания из нее парфян он сам отдал ее Митридату; впрочем, применение силы следует отложить на будущее, а пока выгоднее прибегнуть к хитрости, чтобы тем легче осилить застигнутого врасплох царя. И Радамист, притворившись, что у него произошла ссора с отцом и он бессилен против гонений мачехи, отправляется к дяде и, принятый им с сердечною ласкою, словно он был его сыном, за спиной Митридата, который ни о чем не догадывался и всячески возвышал его, подстрекает армянских вельмож к государственному перевороту.

45. Под предлогом примирения возвратившись затем к отцу, он сообщает, что достигнуто все, чего можно было добиться обманом, а прочее следует довершить оружием. Тогда Фарасман измышляет повод

к войне: сражаясь в свое время с царем альбанов, он хотел обратиться за помощью к римлянам, чему, однако, воспротивился его брат, и в отместку за эту обиду он выступает в поход, чтобы его низложить. Одновременно он передал в распоряжение сына большое войско. И тот вынудил устрешенного внезапным вторжением и прогнанного с равнин Митридата укрыться в крепости Горнеях, защищенной и местоположением, и римским гарнизоном во главе с префектом Целием Поллионом и центурионом Касперием. Нет ничего, в чем варвары были бы столь же несведущи, как в осадных орудиях и искусстве брать приступом крепости. Тщетно и со значительными потерями попытавшись овладеть укреплениями, Радамист приступает к осаде; и так как тут ничего нельзя было сделать силою, он подкупает алчного Поллиона, несмотря на то что Касперий заклинал того не предавать вероломно и корыстно царя-союзника и Армению, отданную ему в дар римским народом. Но Поллион в свое оправдание ссылался на многочисленность неприятеля, а Радамист — на приказание, полученные им от отца, и Касперий, заключив перемирие, в конце концов оставляет крепость, с тем чтобы, если ему не удастся заставить Фарасмана отказаться от этой войны, известить хотя бы о положении дел в Армении правителя Сирии Умидия Квадрата.

46. После ухода центуриона префект, как бы избавившись от надзиравшего за ним стража, принимается уговаривать Митридата примириться с Фарасманом, указывая, что они кровные братья, что Фарасман — старше, что их связывают и другие узы родства: ведь он женат на дочери Фарасмана и тесть Радамисту; имея превосходство в силе, иберы тем не менее не отвергают мира; хорошо известно вероломство армян, и у него, Митридата, нет другой опоры, кроме не обеспеченной продовольствием крепости; не лучше ли без пролития крови покончить с распрєю, оставив сомнительные расчеты на оружие. И пока Митридат колеблется, не доверяя советам префекта, ибо тот насилем овладел царской наложницей и вообще считался человеком продажным, от которого можно ждать любой низости, Касперий проникает к Фарасману и настаивает, чтобы иберы сняли осаду с крепости. Тот, давая уклончивые ответы, не останавливаясь и перед лживыми обещаниями, секретно отправляет гонцов к Радамисту с повелением во что бы то ни стало и возможно скорее захватить Митридата. Плата за предательство увеличивается, и Поллион тайным подкупом подбивает воинов требовать заключения мира и угрожать, что в противном случае крепость будет ими покинута. Вынужденный необходимостью, Митридат соглашается на предложенные ему Радамистом время и место заключения мирного договора и оставляет Горнен.

47. В условленный день Радамист, устремившись навстречу, заключает его в объятия, обращается к нему с притворной почтительностью, называет тестем и отцом; клянется, что не посягнет на него ни мечом, ни ядом, и при этом увлекает его в ближнюю рощу, говоря, что в ней

сделаны необходимые приготовления к закланию жертвы, дабы мир между ними был заключен при богах-свидетелях. У восточных царей в обычае всякий раз, как они вступают в союз, выставлять перед собою правые руки и, приложив друг к другу большие пальцы, туго перетягивать их узлом; а когда пальцы нальются кровью, она выпускается из них посредством легких надрезов, и цари друг у друга ее высасывают. Заключенный подобным образом договор почитается нерушимым, будучи как бы освящен кровью его участников. Но тот, кто тогда перетягивал царям пальцы, сделал вид, будто падает, обхватывает колени Митридата и валит его с ног; немедленно сбегается много народа, и на Митридата налагают оковы. Затем его водили, влача за ножную цепь, что считается позорным у варваров, и так как он, властвуя, круто обходился с простым народом, толпа осыпала его поношениями и грозила расправой. Впрочем, попадались в ней и такие, кто, наблюдая столь разительную перемену в его судьбе, сострадали ему; рыдая в голос, в сопровождении малых детей за ним следовала жена. В ожидании испрошенных у Фарасмана распоряжений их порозы помещают в крытых повозках. Жажда завладеть царством пересилила в Фарасмане жалость к брату и дочери, и душою он был готов к совершению злодеяния; он не пожелал, однако, присутствовать при их умерщвлении, а Радамист, памятуя о данной им клятве не посягать на жизнь сестры и дяди ни мечом, ни ядом, велит их удушить, повалив на землю и накрыв большой и тяжелой грудой одежды. И так как сыновья Митридата оплакивали убитых родителей, были истреблены и они.

48. Между тем Квадрат, узнав, что Митридат предан и армянское царство захватили его убийцы, созывает совещание и, сообщив о случившемся, спрашивает собравшихся, нужно ли покарать виновных. Заботу о достоинстве Римского государства проявили лишь очень немногие; большинство высказалось за то, что безопаснее: всякое преступление у чужестранцев следует принимать с радостью; больше того, надлежит сеять семена междоусобиц, как нередко поступали римские принцепсы, предоставляя тому или иному под видом щедрого дара ту же Армению, дабы распалить души варваров и толкнуть их на смуту; пусть Радамист владеет преступно захваченным, лишь бы он был окружен всеобщей ненавистью и запятнан позором; ведь это выгоднее, чем если бы он был низложен, овеянный славой. Это мнение и возобладало. Впрочем, чтобы не могло показаться, что ими это злодеяние одобряется, и на случай, если бы Цезарь распорядился иначе, к Фарасману послали гонцов с требованием уйти из пределов Армении и увести с собой сына.

49. В Каппадокии был прокуратором Юлий Пелигн, одинаково презираемый как за низость души, так и за телесное безобразие, но тем не менее весьма близкий к Клавдию, ибо в былое время, будучи еще частным лицом, тот проводил свой бездеятельный досуг в обществе прихлебателей. Этот Пелигн созвал вспомогательное войско провинции якобы

с целью отвоевать Армению, но так как от творимых им грабежей больше страдали союзники, чем враги, его воинские силы редели, и, нуждаясь в защите от наседавших на него варваров, он явился в конце концов к Радамисту; купленный подарками Радамиста, он принялся убеждать его надеть царские знаки отличия, и сам присутствовал при их возложении как пособник и вдохновитель. Но когда распространилась молва о столь постыдном его поведении, чтобы и других не сочли такими же, как Пелигн, высылается легион во главе с легатом Гельвидием Приском, которому было поручено покончить со смутною, действуя в зависимости от обстоятельств. Итак, поспешно перевалив через Таврские горы и успев навести порядок больше умеренностью, чем применением силы, он получает приказ возвратиться в Сирию, дабы не вызвать войны с парфянами.

50. Ибо Вологез, сочтя, что представился случай вступить в Армению, ранее находившуюся во владении его предков и коварно захваченную иноземным царем, стягивает войска и готовится возвести на армянский престол брата своего Тиридата, чтобы никто из его рода не был обойден царством. Двинувшись на Армению, парфяне без боя прогнали иберов, и армянские города Артаксата и Тигранокерта сдались на милость победителя. Но затем суровость зимы и недостаток съестных припасов, а также возникшее из-за того и другого моровое поветрие побуждают Вологеза отказаться от начатого им предприятия. И в никем не занятую Армению опять вторгается Радамист, еще более свирепый, чем прежде, ибо на этот раз он смотрел на ее обитателей как на изменников, готовых, как только сложатся благоприятные обстоятельства, снова подняться на него мятежом. И действительно, они, сколь ни были приучены к рабству, теряют терпение и с оружием в руках окружают царский дворец.

51. Спасли Радамиста лишь быстрые кони, умчавшие его и жену. Беременная жена из страха перед врагами и любви к мужу вначале через силу переносила тяготы бегства; но измученная непрерывною скачкой, от которой сотрясалось ее отягощенное плодом чрево и внутренности, она стала молить Радамиста, чтобы, подарив ей честную смерть, он избавил ее от надругательства плена. Сперва он ее обнимает, поддерживает, уговаривает, то восхищаясь ее целомудрием, то впадая в неистовство при мысли о том, что, если она будет покинута им, ею овладеет другой. Наконец, охваченный ревностью, Радамист, обнажив акинак,²⁴ пронзает ее привычной к убийствам рукою, уносит раненую на берег Аракса и бросает в реку, чтобы даже мертвою она не досталась врагам: после этого он устремляется к пределам иберов и достигает отцовского царства. Между тем Зенобию (ибо таково было имя его жены), еще дышащую и подающую явные признаки жизни, замечают в спокойной заводи пастухи и, заключив по благородству ее лица, что она не простого звания, перевязывают ей рану, лечат деревенскими средствами и, узнав ее имя, а также, что с нею произошло, относят в город Артаксату, откуда попечением городских властей она была

доставлена к Тиридату, который ласково принял ее и отнесся к ней как к царице.

52. В консульство Фавста Суллы и Сальвия Оттона²⁵ был отправлен в изгнание Фурий Скрибониан, якобы вопрошавший халдеев, когда умрет Цезарь. К этому обвинению приплетали и его мать Вибию, которая не могла смириться с предыдущим своим осуждением (тогда она была сослана).²⁶ Отец Скрибониана Камилл в свое время поднял мятеж против Цезаря, и тот утверждал, что если этому отпрыску враждебного рода вторично оставлена жизнь, то этим он обязан только его милосердию. Однако последующая жизнь изгнанника оказалась недолгой: унесла ли его случайная смерть или он был умерщвлен ядом, об этом каждый толковал соответственно своему убеждению. Тогда же было издано сенатское постановление об изгнании астрологов из Италии — грозное и бесплодное. Позднее принцепс похвалил в своей речи сенаторов, по недостатку средств добровольно вышедших из сенаторского сословия, и вывел из него тех, кто, оставаясь в нем, добавлял к своей бедности еще и бесстыдство.

53. Тогда же Клавдий выступает в сенате с предложением относительно наказания женщин в случае их брачного сожительства с рабами, и сенаторы постановляют, что, если они дошли до такого падения без ведома владельца раба, их подобает считать обращенными в рабство, если с его согласия — вольноотпущенницами. И так как Цезарь объявил, что автор внесенного законопроекта — Паллант, консул на следующий срок Барей Соран предложил даровать Палланту преторские знаки отличия и пятнадцать миллионов сестерциев, а Корнелий Сципион добавил, что ему, сверх того, следует принести благодарность от лица государства, ибо, происходя от царей Аркадии, он ради общественной пользы пренебрег своей восходящей к глубокой древности знатностью и удовлетворяется положением одного из помощников принцепса. Клавдий подтвердил, что, довольствуясь почестями, Паллант по-прежнему беден. И вот, начертанный на медной доске, был вывешен сенатский указ, в котором вольноотпущенник, обладатель трехсот миллионов сестерциев, превозносился восхвалениями за старинную неприхотливость и довольство малым.

54. Но подобной умеренности не обнаруживал его брат, по имени Феликс, который, уже давно пребывая правителем Иудеи, считал, что при столь могущественной поддержке может безнаказанно творить беззакония. Среди иудеев, действительно, возникли волнения и начался мятеж, когда...²⁷ и хотя после того как стало известно о его умерщвлении, это исполнено не было, их тем не менее не оставлял страх, как бы кто из принцепсов не повелел им того же. Между тем Феликс неуместными мерами толкал их на новые беспорядки, причем в злоупотреблениях всякого рода с ним соревновался Вентидий Куман, ведавший частью провинции, которая была поделена между ними так, что Вентидию подчинялся народ галилеян, а Феликсу — самаритяне; те и другие издавна враждовали, а тогда, из презрения к обоим правителям, и вовсе перестали сдерживать

взаимную ненависть. Итак, они принялись грабить друг друга, посылать друг к другу шайки разбойников, подстраивать засады, а порою затевать и подлинные сражения, делясь с прокураторами награбленным и захваченною добычею. Те вначале были очень довольны, но, когда смута угрожающе возросла, вмешались в нее военною силою; наши воины были перебиты бунтовщиками, и провинция запылала бы в пожаре войны, если бы ей на помощь не явился правитель Сирии Квадрат. Он недолго раздумывал, как поступить с иудеями, дерзнувшими на убийство воинов, и они заплатились за него головой; медлил он лишь в отношении Кумана и Феликса (прослышав о причинах восстания, Клавдий предоставил ему свершить правосудие и над обоими прокураторами), но Квадрат, дабы умерить рвение обвинителей, взял Феликса с собою на трибунал и посадил его среди судей, и за преступление, совершенное ими обоими, был осужден только Куман, послé чего в провинции восстановилось спокойствие.

55. Немного позднее дикие племена Киликии, называемые клитами, нередко нарушавшие спокойствие и прежде, объединившись под предводительством Троксобора и расположив лагерь в труднопроходимых горах, стали производить оттуда набеги на побережье и города, нападая на земледельцев и горожан, и в особенности на купцов и мореплавателей. Они обложили осадю город Анемурий; высланный из Сирии ему на помощь конный отряд под начальством префекта Курция Севера потерпел поражение, так как пересеченная местность в окрестностях города, удобная для пехотинцев, была непригодна для действий конницы. В дальнейшем царь той страны Антиох, снискав расположение простых воинов и обманув их вождя, внес раскол в скопище врагов и, предав смерти Троксобора и нескольких других главарей, милостивым обращением смирил остальных.

56. Около того же времени была прорыта гора между Фуцинским озером и рекой Лирисом,²⁸ и чтобы возможно большее число зрителей могло увидеть это великолепное сооружение, на озере устраивают навмахию,²⁹ подобно тому как, соорудив водоем за Тибром, такую же битву, на более легких и менее многочисленных кораблях, показал некогда Август. Клавдий снарядил триремы и quadriремы, посадив на них девятнадцать тысяч человек; у берегов озера со всех сторон были расставлены плоты, чтобы сражающимся некуда было бежать, но внутри этого ограждения оставалось довольно простора для усилий гребцов, для искусства кормчих, для нападения кораблей друг на друга и для всего прочего, без чего не обходятся морские бои. На плотях стояли манипулы преторианских когорт и подразделения конницы, на них же были возведены выдвинутые вперед укрепления с готовыми к действию катапультами и баллистами, тогда как остальную часть озера стерегли моряки на палубных кораблях. Берега, холмы, вершины окрестных гор заполнили, как в амфитеатре, несметные толпы зрителей, привлеченных из ближних городов и даже из

Рима³⁰ жаждою к зрелищам, тогда как иных привело сюда стремление угодить принцепсу. Сам он в роскошном военном плаще и невдалеке от него Агриппина в вытканной из золотых нитей хламиде занимали первые места. И хотя сражение шло между приговоренными к смерти преступниками, они бились как доблестные мужи, и после длительного кровопролития оставшимся в живых была сохранена жизнь.

57. По окончании зрелища, разобрав запруду, открыли путь водам: но тут стала очевидной непригодность канала, подведенного к озеру выше уровня его дна или хотя бы половинной его глубины. Из-за этого в течение некоторого времени продолжались работы по его углублению, и затем, чтобы снова привлечь народ, на озере возводят помост для пешего боя и на нем даются гладиаторские игры. Возле места, где озеру предстояло устремиться в канал, было устроено пиршество, участников которого охватило смятение, когда хлынувшая с огромною силой вода стала уносить все попадавшееся на ее пути, сотрясая и находившееся поодаль, сея ужас поднятым ею ревом и грохотом. Воспользовавшись испугом принцепса, Агриппина принимается обвинять ведавшего работами на канале Нарцисса в алчности и хищениях, но и он не молчит, упрекая ее в женской необузданности и в чрезмерно высоко метящих замыслах.

58. В консульство Децима Юния и Квинта Гатерия³¹ шестнадцатилетний Нерон сочетался браком с дочерью Цезаря Октавией. Чтобы дать молодому человеку возможность блеснуть начитанностью и красноречием, ему поручили выступить в поддержку ходатайства жителей Илиона, и, упомянув в искусно составленной речи, что римский народ происходит из Трои, что родоначальник Юлиев — Эней и, прочее, по своей древности недалеко отстоящее от баснословных сказаний, он добивается снятия с жителей Илиона всех государственных повинностей. Он же выступил с речью, в которой убедил дать уничтоженной пожаром Бононской колонии вспомоществование в размере десяти миллионов сестерциев. Тогда же родосцам были возвращены их вольности, не раз отнимавшиеся у них и вновь закреплявшиеся за ними в зависимости от их заслуг в наших войнах с внешним врагом или от поднимаемых ими против нас мятежей, и на пять лет сложены подати с разрушенной землетрясением Апамен.

59. Между тем Агриппина своими кознями и ухищрениями толкала Клавдия на ничем не оправданные жестокости и с целью овладеть садами знаменитого своим богатством Статилия Тавра погубила его, найдя обвинителя в лице Тарквития Приска. Легат Тавра в бытность того проконсулом Африки, он вменял Тавру в вину, после их возвращения из провинции, отчасти лихоимство, но главным образом злонамеренные сношения с магами. И Тавр, не вынеся лживого обвинения и бесчестившей его клеветы, сам пресек себе жизнь, не дожидаясь приговора сената. Однако Тарквитий был исключен из сенаторского сословия: сенаторы, вопреки проискам Агриппины, настояли на этом решении из ненависти к доносчику.

60. В том же году от Клавдия не раз слышали, что судебные решения, которые будут приняты его прокураторами, должны выполняться с такой же неукоснительностью, как если бы их принял он сам. И чтобы не сочли его слова случайной обмолвкой, то же самое, еще пространнее и обстоятельнее, было закреплено в изданном по этому поводу сенатском постановлении. Ведь в свое время божественный Август повелел предоставить управлявшим Египтом всадникам право отправления правосудия и признавать за их приговорами такую же законную силу, как если бы они были вынесены римскими магистратами;³² затем и в других провинциях и в самом Риме им были присвоены многие такие права, которыми ранее располагали лишь преторы. Клавдий полностью передал в их руки судебную власть, из-за которой столько раз возникали гражданские раздоры и вооруженные столкновения, и когда по законопроекту Семпрония³³ отправление правосудия было поручено исключительно всадническому сословию. и когда законом Сервилия³⁴ судебную власть снова возвратили сенату, да и Марий некогда воевал с Суллою главным образом из-за этого права. Но тогда вели борьбу сословия и исход спора имел общее значение для государства. Опираясь на могущество Цезаря,³⁵ Гай Оппий и Корнелий Бальб оказались первыми всадниками, облеченными властью обсуждать условия мира и решать вопрос о войне. Незачем называть последовавших за ними Матия, Ведия и другие громкие имена прославленных римских всадников, раз Клавдий уравнивал с собой и с законом даже вольноотпущенников, которых он поставил ведать своим личным имуществом.

61. Затем он предложил сенату снять бремя повинностей с жителей острова Коса и при этом много говорил об их древности; древнейшими обитателями этого острова, если не считать Кея, отца Латоны, были аргивяне; впоследствии прибывший к ним Эскулапий познакомил их с искусством врачевания, которым усердно занимались его потомки, — Клавдий назвал их поименно и сообщил, в какое время кто из них был знаменит. Далее он сказал, что к тому же роду принадлежит и Ксенофонт, к знаниям которого он прибегает, и поэтому следует пойти навстречу его ходатайству и освободить жителей Коса от каких бы то ни было податей, дабы они полностью посвятили себя заботе об этом священном и всецело преданном богу острове. Можно было бы несомненно указать и на их многочисленные заслуги перед римским народом, на совместно с ними одержанные нами победы, но Клавдий с привычною для него беспечностью не стал утаивать с помощью дополнительных доводов, что, идя на эту уступку, он смотрит на нее как на личное одолжение Ксенофонту.

62. Но зато посланцы Бизантия, получив возможность предстать перед сенатом и жалуюсь на непомерную тяжесть податей, не упустили распространиться обо всем, что могло пойти им на пользу. Начав с союза, который они заключили с нами в те дни, когда мы воевали с царем македонян, получившим, поскольку он был самозванец, наименование Лжефилиппа,³⁶ они вслед за тем вспомнили о вооруженных силах, послан-

ных ими против Антиоха, Персея, Аристоника, о помощи Антонию во время войны с пиратами,³⁷ о том, что было сделано ими для Суллы, Лукулла, Помпея, наконец о позднейших услугах Цезарям, ибо местоположение их города таково, что они могут содействовать передвижению по суше и морю полководцев с войсками и подвозу для них продовольствия.

63. И действительно, греки расположили Bizантий на самом краю Европы, там, где пролив, отделяющий Европу от Азии, наиболее узок: запросив пифийского Аполлона, где им основать город, они получили орაკул, гласивший, что для этого следует приискать место напротив владений слепцов.³⁸ Это темное прорицание указывало на халкедонян, которые, попав сюда первыми и имея возможность постигнуть преимущества этой местности, избрали для себя худшую. Ведь Bizантий стоит на плодородной земле, возле обильного рыбою моря, ибо огромные косяки ее, пробившись из Понта и испуганные протянувшейся наискось грядою подводных скал, отклоняются от изгиба противолежащего берега и устремляются в гавани этого города. Благодаря столь благоприятному обстоятельству жители его извлекали вначале большую выгоду и богатели, но, изнемогая под тяжестью податей, вынуждены молить или о полном снятии их, или хотя бы об уменьшении их размера. Их просьба была поддержана принцепсом, подтвердившим, что, истощенные недавними войнами с фракийцами и Боспорским царством, они нуждаются в безотлагательной помощи. И их на пять лет освободили от податей.

64. В консульство Марка Азиния и Маня Ацилия³⁹ частые знамения заставили ожидать перемены к худшему. Сгорели зажженные небесным огнем боевые значки и палатки воинов; на вершине Капитолия сел пчелиный рой; рождались люди со звериными членами, и свинья произвела поросенка с ястребиными когтями. Зловещим предзнаменованием явилась и убыль в числе высших магистратов, ибо в течение немногих месяцев скончались квестор, эдил, народный трибун, претор и консул.⁴⁰ Но больше всего Агриппину устрошили слова, вырвавшиеся у захмелевшего Клавдия, что такова уж его судьба — выносить беспутство своих жен, а затем обрушивать на них кару;⁴¹ опасаясь за свое будущее, она решила действовать, и притом поспешить: прежде всего, движимая женскою нетерпимостью, она погубила Домицию Лепиду, ибо Лепида, дочь младшей Антонии, внучатая племянница Августа, двоюродная тетка Агриппины и сестра ее прежнего мужа Гнея, считала, что не уступает ей в знатности. Внешностью, возрастом, богатством они мало чем рознились: обе распутные, запятнанные дурною славою, необузданные. — они не меньше соперничали в пороках, чем в том немногом хорошем, которым их, возможно, наделила судьба. Но ожесточеннее всего они боролись между собой за то, чье влияние на Нерона возобладает — матери или тетки; Лепида завлекала его юношескую душу ласками и щедротами, тогда как Агриппина, напротив, была с ним неизменно сурова и непреклонна: она желала доставить сыну верховную власть, но терпеть его властвование она не могла.

65. Обвинили Лепиду в том, что посредством колдовских чар она пыталась известить жену принцепса и что, содержа в Калабрии толпы буйных рабов, нарушала мир и покой Италии. За это ее осудили на смерть, чему всеми силами противодействовал Нарцисс, который, день ото дня все больше и больше подозревая Агриппину в злонамеренных умыслах, сказал однажды, как сообщают, в тесном кругу друзей, что он обречен на верную гибель, достанется ли верховная власть Британнику или Нерону; однако он стольким обязан Цезарю,⁴² что ради его пользы готов пожертвовать жизнью. Он, Нарцисс, изобличил Мессалину и Силия; если власть попадет в руки Нерона, то и тот будет располагать сходными основаниями для его осуждения; но зато если наследником будет признан Британник, это избавит принцепса от опасности; а бесстрастно наблюдать козни мачехи, столь пагубные для всей семьи Цезаря, он считал бы для себя еще большим позором, чем если бы умолчал о распутстве его предыдущей жены. Хотя и на этот раз нет недостатка в распутстве: Паллант — любовник Агриппины, и ни в ком не вызывает сомнений, что честь, благопристойность, стыд — все это для нее не имеет значения по сравнению с властью. Так рассуждая, Нарцисс возлагал все упования на Британника и, простирая руки то к богам, то к нему самому, молился о том, чтобы он возможно скорее достиг зрелого возраста, чтобы, возмужав, низвергнул врагов отца и отмстил также убийцам матери.

66. Под гнетом тяжких забот Нарцисс занемог и для восстановления сил мягкой погодой и целебными водами отправился в Синуессу. Тогда Агриппина, уже давно решившаяся на преступление и торопившаяся воспользоваться удобным случаем, тем более что у нее были слуги, на которых она могла положиться, задумалась о том, какой вид яда ей следует применить: если его действие будет внезапным и быстрым, то как бы не раскрылось ее преступление; если же она выберет медленно действующий и убивающий исподволь, то как бы Клавдий на пороге смерти не понял, что он жертва коварства, и не возвратил своей любви сыну.⁴³ Ей было желательно нечто особенное, такое, от чего помутился бы его разум и последовало постепенное угасание. И она разыскивает понаторевшую в этих делах искусницу по имени Локуста, недавно осужденную за отравления, которую еще ранее долгое время использовали как орудие самовластия. Мастерством этой женщины был составлен соответствующий яд; дал же его Клавдию евнух Галот, в обязанности которого входило приносить и отвеживать предназначенные для Клавдия кушанья.

67. Вскоре все стало настолько явным, что писатели того времени подробно рассказали о происшедшем: яд был примешан к изысканному грибному блюду; что Клавдий отравлен, распознали не сразу из-за его беспечности или, может быть, опьянения; к тому же приступ поноса доставил ему видимое облегчение. Пораженная страхом Агриппина, опасаясь для себя самого худшего и не обращая внимания на неприязнь присутствующих, обращается к ранее предусмотренной помощи врача Ксено-

фонта. И тот, как бы затем, чтобы вызвать рвоту, ввел в горло Клавдия смазанное быстродействующим ядом перо, хорошо зная, что если затевать величайшие преступления невозможно, не подвергаясь опасности, то зато преуспевший в них щедро вознаграждается.

68. Между тем созывались сенаторы; консулы и жрецы провозглашали торжественные обеты, молясь об исцелении принцепса, тогда как его, уже бездыханного, обкладывали припарками и покрывалами с намерением скрывать его смерть, пока не будут приняты меры, которыми была бы закреплена за Нероном верховная власть. Как бы убитая горем и ищущая утешения Агриппина сразу же после кончины Клавдия припала к Британнику и заключила его в объятия; называя его точным подобием отца, она всевозможными ухищрениями не выпускала его из покоя, в котором они находились. Задержала она при себе и его сестер Антонию и Октавию и, приставив стражу ко всем дверям, время от времени объявляла, что состояние принцепса улучшается, делая это ради того, чтобы поддерживать в воинах надежду на хороший исход и дожждаться благоприятного часа, указанного предвещаниями халдеев.

69. И вот в полдень, в третий день до октябрьских ид, внезапно широко распахиваются двери дворца и к когорте, по заведенному в войске порядку охранявшей его, выходит сопровождаемый Бурром Нерон. Встреченного по указанию префекта приветственными кликами, его поднимают на носилках. Говорят, что некоторые воины заколебались: озираясь по сторонам, они спрашивали, где же Британник; но так как никто не призвал их к возмущению, им только и оставалось покориться. Принесенный в преторианский лагерь, Нерон, произнеся подобавшую обстоятельствам речь и пообещав воинам столь же щедрые, как его отец, денежные подарки, провозглашается императором. За решением войска последовали указы сената: никаких волнений не было и в провинциях. Клавдию определяются почести, воздаваемые богам, и похороны его обставляются с такой же торжественностью, с какою был похоронен Август, ибо Агриппина соревновалась в пышности со своей прабабкою Ливией. Завещание его, однако, оглашено не было, дабы предпочтение, отданное им пасынку, хотя у него был собственный сын, своею несправедливостью не смутило простой народ и не вызвало в нем негодования.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ

1. Первым, кто при новом принципате, но без ведома Нерона, пал жертвой коварства Агриппины, был проконсул провинции Азии Юний Силан, и не потому, что он навлек на себя гибель резким характером, — напротив, его вялость вызывала столь пренебрежительное отношение

к нему со стороны предыдущих властителей, что Гай Цезарь называл его золотой овечкой, — а потому, что, погубив его брата Луция Силана, Агриппина страшилась возмездия, ибо в народе шли упорные толки, что едва вышедшему из детского возраста и преступно овладевшему верховною властью Нерону следует предпочесть мужа в зрелых годах, ничем не запятнанного, знатного и из потомков Цезарей, что тогда почиталось превыше всего: ведь и Силан также был праправнук божественного Августа.¹ Такова была причина его умерщвления. Исполнителями были римский всадник Публий Целер и вольноотпущенник Гелий, ведавшие личным имуществом принцепса в провинции Азии. Они отравили проконсула среди пира, и притом так открыто, что это ни для кого не осталось тайною. С такой же поспешностью истребляется и Нарцисс, вольноотпущенник Клавдия, о столкновении которого с Агриппиною я уже говорил; брошенного в темницу, его, против воли принцепса, чьи еще не проявившиеся в ту пору пороки были столь родственны алчности и вместе с тем расточительности Нарцисса, жестоким обращением и лишениями довели до смерти.

2. И убийства подобного рода пошли бы одно за другим, если бы этому не воспрепятствовали Афраний Бурр и Анней Сенека. Руководители и наставники юного императора, пребывавшие (редкость у делящих власть) в добром согласии, они в равной мере, но различными путями приобрели силу, Бурр — заботами о войске и строгостью нравов, Сенека — наставлениями в красноречии и свободной от подобострастия обходительностью. Они совместно пеклись о том, чтобы, предоставив принцепсу, если он пренебрежет добродетелью, дозволенные наслаждения, тем легче уберечь его от соблазнов опасного возраста. И тот и другой боролись лишь с необузданным высокомерием Агриппины, одержимой всеми страстями жестокого властолюбия и поддерживаемой Паллантом, по наущению которого Клавдий кровосмесительным браком и роковым усыновлением сам себя обрек гибели. Но характер Нерона был не таков, чтобы покоряться рабам, и Паллант наглой заносчивостью, перейдя границы допустимого для вольноотпущенника, навлек на себя его неприязнь. Внешне, однако, Агриппине оказывались всевозможные почести, и когда трибун по заведенному в войске порядку спросил у Нерона, каков будет пароль, тот ответил: «Превосходная мать». Да и сенат постановил дать ей двоих ликторов и назначил ее жрицей Клавдия, одновременно определив ему цензорские похороны и вслед за тем обожествление.

3. В день похорон похвальное слово ему было произнесено принцепсом; пока речь шла о древности его рода и перечислялись консульства и триумфы всех его предков, Нерон говорил с подъемом, и его внимательно слушали; упоминание о научных занятиях Клавдия² и о том, что в его правление Римское государство не претерпело никаких неприятностей от иноземцев, было также выслушано с сочувствием; но когда он перешел к предусмотрительности и мудрости Клавдия, никто не мог побороть усмешку, хотя речь Нерона была составлена и тщательно отделана Сене-

кой, а у этого мужа было изящное, вполне соответствовавшее вкусам его времени дарование. Старики, у которых довольно досуга для сопоставления прошлого с настоящим, не преминули отметить, что из всех достигших верховной власти Нерон был первым, кто нуждался в чужом красноречии. Диктатор Цезарь являлся достойным соперником лучших ораторов. Август говорил легко и свободно, как и подобает принцепсу. Тиберий владел искусством взвешивать каждое слово и вкладывал в свои выступления богатое содержание, если намеренно не придавал им двусмысленности. Даже расстроенный разум Гая Цезаря не лишил его речь силы. Да и у Клавдия, когда он говорил обдуманно, не было недостатка в выразительности. А Нерон с раннего детства устремил живость своей души на другое: занимался чеканной работою, рисованием, пением, учился править лошадьми на ристалище; но порою, слагая стихи, и он обнаруживал, что им усвоены начатки учености.

4. По выполнении обрядов, создававших видимость скорби, Нерон явился в сенат и, начав с сенатского постаповления относительно вручения ему власти и согласия с этим войска, сказал о том, что располагает примерами и советами, как наилучшим образом управлять государством, что его юности не довелось соприкоснуться с междоусобными войнами и семейными раздорами и что поэтому он не приносит с собою ни ненависти, ни обид, ни жажды отмщения. Затем он наметил будущий образ правления, отмежевываясь главным образом от того, что вызывало еще не заглухшее озлобление: он не станет единоличным судьей во всех судебных делах, дабы, заперев в своем доме обвинителей и подсудимых, потакать таким образом произволу немногих могущественных; он не потерпит под своей кровлей никакой продажности, не допустит никакого искаательства; его дом и государство будут решительно отделены друг от друга. Пусть сенат отправляет свои издревле установленные обязанности, пусть Италия и провинции римского народа обращаются по своим делам в трибуналы консулов; пусть консулы передают их в сенат; он же будет вэдэг лишь теми провинциями, которые управляются военною властью.

5. Он не нарушил своего обещания, и сенат действительно беспрепятственно вынес по собственному усмотрению немало решений: так, он постановил, что никому не дозволяется брать на себя защиту в суде за какое бы то ни было вознаграждение, будь то деньги или подарки, а также, что квесторы, избранные на следующий срок, не обязаны давать за свой счет гладиаторские бои. И хотя Агриппина противилась этим решениям, поскольку ими отменялись указы Клавдия, сенаторы все-таки добились своего: для обсуждения этих вопросов их вызвали во дворец, дабы, пригавшись за недавно пробитыми позади их сидений дверьми, Агриппина, скрытая от их взоров занавесом, могла слышать все, что они говорили. Больше того, как-то раз, когда Нерон принимал армянских послов, отстаивавших перед ним дело своего народа, она возымела наме-

рение подняться на возвышение, на котором он находился, и сесть рядом с ним, что и случилось бы, если бы Сенека, когда все оцепенели, пораженные неожиданностью, не предложил принцепсу пойти навстречу подходящей к возвышению матери. Так под видом сыновней почтительности удалось избежать бесчестья.

6. В конце года распространились тревожные слухи, что парфяне снова ринулись на Армению и захватили ее, прогнав Радамиста, который не раз владел этим царством и бежал из него и теперь также не оказал неприятелю сопротивления. И в Риме, падком на всевозможные толки, принялись говорить о том, сможет ли принцепс, едва достигнув семнадцати лет, возложить на себя столь тяжелое бремя и справиться с ним, годится ли на что-нибудь тот, кем распоряжается женщина, по силам ли каким-то учителям³ руководить сражениями, осадами городов и всем тем, что несет с собою война. Другие, возражая им, утверждали, что, напротив, все обстоит много лучше, чем если бы беспомощный по старости и малодуший Клавдий был призван к военным трудам и следовал указаниям вольноотпущенников А Бурр и Сенека известны как мужи, опытные во многом; и так ли император незрел годами, если Гней Помпей на восемнадцатом году отроду, а Октавиан Август на девятнадцатом вел гражданские войны? Дела высших властителей вершатся более их ауспициями⁴ и замыслами, чем оружием и руками. Конечно, сам принцепс покажет, честные или бесчестные у него приближенные, остановив свой выбор, вопреки козням завистников, скорее на полководце выдающихся дарований, чем на каком-нибудь богаче, добывшем себе за деньги влиятельную поддержку.

7. Пока велись подобные разговоры, Нерон приказывает набрать в ближайших провинциях молодежь и отправить ее для пополнения восточных легионов; самые же легионы разместить ближе к Армении; давним нашим союзникам — царям Агриппе и Антиоху — подготовить войска и с ними вторгнуться в пределы парфян; навести мосты на реке Евфрате. Малую Армению он отдает во владение Аристовулу, область Софены — Сохему и жалует их царским достоинством. Тогда же весьма кстати для нас у Вологега объявился соперник — его сын Вардан; и парфяне ушли из Армении, как бы откладывая военные действия.

8. В сенате значение этих событий было сильно преувеличено теми, кто предлагал назначить благодарственные молебствия и чтобы в дни этих молебствий принцепс носил одеяние триумфатора, чтобы он вступил в Рим с малым триумфом, чтобы в храме Марса Мстителя ему была установлена статуя таких же размеров, как статуя самого Марса, — и во всем этом была не только привычная лесть: всех радовало, что во главе войска, предназначенного для удержания за нами Армении, Нерон поставил Домиция Корбулона, и казалось, что отныне для одаренных людей открывается широкое поприще. Вооруженные силы Востока распределяются таким образом, чтобы часть вспомогательных войск и два легиона

оставались в Сирии вместе с ее легатом Умидием Квадратом, тогда как равное число римских граждан и союзников с добавлением зимовавших в Каппадокии когорт и конных подразделений было передано Корбулону. Союзные цари получили приказание повиноваться, в зависимости от хода войны, либо одному, либо другому, но сами они склонялись к тому, чтобы находиться в подчинении у Корбулона. Тот, спешно отправившись на Восток, чтобы поскорее снискать себе добрую славу — столь значительную силу в новых предприятях, и проделав путь, встречается в городе киликийцев Эгах с Квадратом, который прибыл туда ради того, чтобы Корбулон — статный, красноречивый и, помимо опытности и проницательности, наделенный также способностью поражать своим внешним блеском, — если явится в Сирию принимать свое войско, не овладел всеобщим вниманием.

9. Между тем и тот и другой послали к Вологезу своих людей с увещаниями предпочесть мир войне и, выдав заложников, оказывать римскому народу, по примеру предыдущих царей, подобающее ему уважение. И Вологез, то ли чтобы беспрепятственно вести подготовку к войне, то ли чтобы удалить тех, в ком он подозревал возможных соперников, отдает в заложники виднейших из Арсакидов. Принял их посланный Умидием центурион Инстей, которому довелось первым прибыть к царю по этому делу. Узнав об этом, Корбулон приказывает префекту Аррию Вару незамедлительно отправиться в путь и отобрать у Инстея заложников. По этой причине у префекта с центурионом возникли жаркие препирательства, и, чтобы не затягивать их на потеху чужеземцам, они предоставляют решение этого дела самим заложникам и сопровождавшим их царским послам, и те отдали предпочтение овечьному еще свежей славою и чем-то привлекавшему к себе даже врагов Корбулону. Отсюда — разлад между обоими полководцами: Умидий жаловался, что у него отняты плоды его стараний, тогда как Корбулон, возражая ему, утверждал, что царь согласился выдать заложников лишь после того, как он, Корбулон, был поставлен во главе войска, что и сменило его самоуверенность на страх. Нерон, чтобы успокоить враждующих, повелел обнародовать, что в ознаменование одержанных Квадратом и Корбулоном успехов к императорским фасциям добавляется лавровая ветвь. Впрочем, я рассказал здесь и о том, что завершилось уже при других консулах.⁵

10. В том же году Цезарь испросил у сената статую своему отцу Гнею Домицию и консульские знаки отличия Асконию Лабелону, который был в свое время его опекуном; но он отклонил предложения установить ему самому статую из чистого золота или серебра. И хотя сенаторы высказались за то, чтобы считать началом года декабрь, так как в этом месяце родился Нерон, он сохранил древний обычай начинать год с январских календ. Не были преданы суду ни сенатор Карринат Целер, обвиненный своим рабом, ни всадник Юлий Денс, которому вменялась в вину приверженность к Британнику.

11. Когда в консульство Клавдия Нерона и Луция Антистия⁶ высшие магистраты присягали на верность распоряжениям принцевсов, Нерон не позволил своему коллеге Антистию присягнуть на верность его повелениям, за что сенаторы превознесли его восхвалениями, дабы юная душа, поощренная славой столь малых дел, влеклась к свершению больших. Вслед за этим он проявил снисходительность к Плавтию Латерану, который был исключен из сенаторского сословия за прелюбодейную связь с Мессалиною и которого он возвратил сенату; о своем стремлении к милосердию он часто упоминал и в речах, подготовлявшихся для него Сенекой с намерением показать, сколь благородные правила он ему внушает, или чтобы блеснуть своим писательским дарованием.

12. Между тем влюбившись в вольноотпущенницу по имени Акте и избрав своими наперсниками блестящих молодых людей Марка Отона и Клавдия Сенециона, — Отон принадлежал к семье консула, отец Сенециона был вольноотпущенник Цезаря,⁷ — Нерон стал понемногу выходить из-под опеки матери. Та сперва не знала о его страсти, потом начала тщетно бороться с нею, а Акте тем временем роскошью пиршеств и полными соблазна тайными встречами успела окончательно пленить принцепса, причем и старшие возрастом из его приближенных ничего не имели против того, чтобы эта гетера тешила, никому не причиняя вреда, его любострастие, тем более что к жене Октавии, при всей ее знатности и безукоризненной супружеской верности, он испытывал неодолимое отвращение, то ли по воле рока, или, может быть, потому, что все запретное слаще, и они опасались, как бы Нерон, если ему воспрепятствовать в этом его увлечении, не обратился к прелюбодейным связям с женщинами именитых родов.

13. Но Агриппина с женским неистовством накидывается на сына, говоря, что его оспаривает у нее какая-то вольноотпущенница, что вчерашняя рабыня — ее невестка и много другого в том же роде; и чем яростнее она осыпала его упреками, не желая выждать, когда он одумается или пресытится, тем сильнее распяла в нем страсть, пока он не вышел из повиновения матери и не доверился руководству Сенеки, один из друзей которого, Анней Серен, изобразив влюбленность в ту же вольноотпущенницу и предоставив свое имя, чтобы можно было открыто одарять эту гетеру тем, что, таясь ото всех, подносил ей принцепс, первое время прикрывал таким образом любовные утеху юноши. Тогда Агриппина, изменив обращение с сыном, стала окружать его лаской, предлагать ему воспользоваться ее спальным покоем и содействием с тем, чтобы сохранить в тайне те наслаждения, которых он добивался со всей неудержимостью первой молодости и к тому же наделенный верховною властью. Больше того, она признавалась, что была к нему излишне суровой, и предоставляла в его полное распоряжение свое состояние, лишь немногим уступавшее императорскому, и если ранее не знала меры в обуздании сына, то теперь была столь же неумеренно снисходительной. Эта пере-

мена, однако, не обманула Нерона, да и ближайšie друзья предостерегали его против козней этой неизменно жестокой, а тогда, сверх того, и лицемерной женщины. Случилось, что в эти самые дни, осмотрев уборы, которыми блистали жены и матери принцев, Цезарь отобрал платья и драгоценности и отослал их в дар матери, проявив отменную щедрость, ибо по собственному почину, прежде чем она попросила об этом, отправил ей действительно самое лучшее, то, что больше всего восхищало женщин. Но Агриппина тем не менее заявляет, что этим подарком сын не только не приумножил ее нарядов и украшений, но, напротив, отнял у нее все остальное, ибо выделил ей лишь долю того, чем владеет и что добыто ее стараниями.

14. Нашлись такие, которые поспешили передать ее слова принцепсу, не преминув добавить к ним яду, и Нерон, обрушив свой гнев на тех, кто поддерживал в его матери высокомерие, отстранил от заведования финансовыми делами Палланта, который, будучи приставлен к ним Клавдием, распоряжался ими как полновластный хозяин; и рассказывали, что, когда Паллант покидал дворец в сопровождении целой толпы приближенных, Цезарь не без остроумия заметил, что он уходит, дабы всенародно принести клятву.⁸ Дело в том, что Паллант заранее добился от принцепса обещания, что ничто из его прошлой деятельности никогда не будет ему вменено в вину и что его счета с государством признаются законченными. После этого Агриппина, вне себя от ярости, перешла к угрозам, не стесняясь в присутствии принцепса заявлять, что Британник уже подросток, что он кровный сын Клавдия и достоин того, чтобы унаследовать отцовскую власть, которою пользуется, чтобы обижать мать, усыновленный отпрыск чужого рода. Она не возражает против того, чтобы люди узнали правду обо всех бедствиях несчастной семьи и прежде всего — о ее кровосмесительном браке и об отравлении ею Клавдия. Но попечением богов и ее предусмотрительностью жив и невредим ее пасынок. Она отправится вместе с ним в преторианский лагерь, и пусть там выслушают, с одной стороны, дочь Германика, а с другой — калеку Бурра и изгнанника Сенеку, которые тщатся увечной рукою и риторским языком управлять родом людским. Она простирала руки, понося Нерона и выдвигая против него одно обвинение за другим, взывала к обожествленному Клавдию, к пребывавшим в подземном царстве теням Силанов, вспоминала о стольких напрасно свершенных ею злодеяниях.

15. Встревоженный этим и тем, что близился день, когда Британнику исполнится четырнадцать лет,⁹ Нерон размышлял о неукротимом нраве матери и о своем сводном брате, чей характер недавно раскрылся при одном самом по себе незначительном происшествии, которым тот, однако, привлек к себе всеобщее расположение. В дни праздника Сатурналий¹⁰ среди прочих забав со сверстниками они затеяли игру, участники которой тянули жребий, кому из них быть царем, и он выпал Нерону. Всем прочим Цезарь отдал различные приказания, которые можно было легко и безо

всякого стеснения выполнить; но когда он повелел Британнику подняться со своего места и, выйдя на середину, затянуть по своему выбору песню, рассчитывая, что мальчик, не привыкший даже к трезвому обществу, не говоря уже о хмельном сборище, смешается и будет всеми поднят на смех, — тот твердым голосом начал песнь, полную иносказательных жалоб на то, что его лишили родительского наследия и верховной власти. Эти сетования Британника возбудили к нему сочувствие, тем более откровенное, что поздний ночной час и праздничное веселье освободили присутствующих от необходимости утаивать свои чувства. И Нерон, поняв, что к нему относятся неприязненно, еще сильнее возненавидел Британника. Преследуемый угрозами Агриппины и не решаясь взвалить на брата обвинение в каком-нибудь преступном деянии или открыто распорядиться об его умерщвлении, он замышляет устранить его тайными кознями и велит изготовить для него яд, поручив это дело трибуну преторианской когорты Юлию Поллиону, под надзором которого содержалась осужденная за многие преступления прославленная отравительница по имени Локуста. А о том, чтобы среди приближенных Британника не было никого, кто ставил бы во что-нибудь честность и совесть, позаботились ранее. Итак, сначала он получил отраву из рук своих воспитателей, но яд вызвал понос и не возымел губительного действия, а может быть, его и изготовили с тем расчетом, чтобы он подействовал не сразу. Но Нерону не терпелось увидеть это злодеяние совершенным. Он стал угрожать трибуну и требовать казни отравительницы, говоря, что они, остерегаясь молвы и готовя себе лазейки для оправдания, медлят с обеспечением его безопасности. И вот, пообещав ему, что Британник умрет столь же мгновенно, как если бы его поразили мечом, они варят в помещении рядом со спальным покоем Цезаря быстродействующую отраву, составленную из уже прежде испытанных смертоносных зелий.

16. Дети принцев, в соответствии с давним обычаем, обедали вместе со своими сверстниками из знатных семейств, сидя за отдельным и менее обильным столом на виду у родителей. Обедал за таким столом и Британник, но так как его кушанья и напитки отведывал выделенный для этого раб, то, чтобы не был нарушен установленный порядок или смерть их обоих не разоблачила злодейского умысла, была придумана следующая уловка. Еще безвредное, но недостаточно остуженное и уже отведенное рабом питье передается Британнику; отвергнутое им как чрезмерно горячее, оно разбавляется холодной водой с разведенным в ней ядом, который мгновенно проник во все его члены, так что у него разом пресекались голос и дыхание. Сидевших вокруг него охватывает страх, и те, кто ни о чем не догадывался, в смятении разбегаются, тогда как более проникательные замирают, словно пригвожденные каждый на своем месте, и вперяют взоры в Нерона. А он, не изменив положения тела, все так же полулежа и с таким видом, как если бы ни о чем не был осведомлен, говорит, что это дело обычное, так как Британник с раннего детства

подвержен падучей и что понемногу к нему возвратится зрение и он придет в чувство. Но в чертах Агриппины мелькнули такой испуг и такое душевное потрясение, несмотря на ее старание справиться с ними, что было очевидно, что для нее, как и для сестры Британника Октавии, случившееся было полною неожиданностью; ведь Агриппина отчетливо понимала, что лишается последней опоры и что это братоубийство — прообраз ожидающей ее участи. Октавия также, невзирая на свои юные годы, научилась таить про себя и скорбь, и любовь, и все свои чувства. Итак, после недолгого молчания возобновилось застольное оживление.

17. Одна и та же ночь видела умерщвление и погребальный костер Британника, ибо все необходимое для его скромно обставленных похорон было предусмотрено и припасено заранее. Впрочем, его погребли все-таки на Марсовом поле при столь бурном ливне, что народ увидел в нем проявление гнева богов, возмущенных преступлением принцепса, тогда как многие, принимая во внимание известные в прошлом раздоры и усобицы между братьями¹¹ и то, что верховная власть неделима, отнеслись к нему снисходительно. Писатели той поры сообщают, что в течение нескольких дней перед умерщвлением брата Нерон неоднократно подвергал надругательствам отроческое тело Британника, делая это ради того, чтобы смерть последнего, в ком струилась кровь Клавдиев, оскверненного похотью ранее, нежели ядом, не могла показаться преждевременною и чрезмерно жестокою, хотя она и поразила его в нарушение священных правил гостеприимства за пиршественным столом, на глазах врага и с такою стремительностью, что ему даже не было дано времени на прощание с сестрами.¹² В особом указе Цезарь объяснял причины поспешности, с какой был погребен Британник; он ссылался на установление предков скрывать от людских глаз похороны безвременно умерших и не затягивать церемонии похвальными речами и пышно отправляемыми обрядами. Там же Нерон говорил и о том, что, потеряв в лице брата помощника, он отныне может рассчитывать только на содействие всего государства, и поэтому сенаторам и народу тем более надлежит оказывать всяческую поддержку принцепсу — единственному оставшемуся в живых отпрыску рода, предназначенного для возложения на него высшей власти.¹³

18. Затем Цезарь щедро одарил виднейших из своих приближенных. Были люди, осуждавшие тех, кто, выставляя себя поборниками нескгибаемой добродетели, тем не менее разделяли между собой, словно взятую на войне добычу, дома и поместья. Другие, однако, считали, что их вынудила к этому необходимость, так как принцепс, понимая преступность свершенного им, надеялся, что злодеяние будет ему прощено, если он свяжет своими щедротами тех, кто наиболее влиятелен и могуществен. Но никакой щедростью он не мог успокоить гнев матери: она расточала заботы и ласку Октавии, часто устраивала тайные совещания со своими друзьями и с жадностью, превосходившей ее врожденную страсть к стяжательству, где только могла, добывала деньги, как бы предвидя, что они ей вскоре

понадобятся; она обходительно принимала трибунов и центурионов, окружала почетом уцелевших представителей старой знати, превознося их славные имена и доблесть, как если бы приискивала вождя и привлекала приверженцев. Это стало известно Нерону, и он распорядился удалить караулы, охранявшие ее сначала как супругу, а впоследствии как мать императора, и германцев, незадолго пред тем приставленных к ней в качестве телохранителей. И чтобы ее не посещало множество являвшихся с утренними приветствиями, он удаляет ее из императорского дворца и поселяет в том доме, где некогда проживала Антония; сам он приходил туда не иначе как окруженный толпою центурионов, и всякий раз, наскоро поцеловав мать, тотчас же удалялся.

19. Среди дел человеческих нет ничего более шаткого и преходящего, чем обаяние не опирающегося на собственную силу могущества. У порога Агриппины сразу стало безлюдно: никто не являлся к ней с утешениями, никто не приходил проведать ее, кроме нескольких женщин, побуждаемых к этому, быть может, любовью, а быть может, и ненавистью. В их числе была и Юния Силана, о расстройстве Мессалиною брака которой с Гаем Силием я упоминал выше;¹⁴ женщина выдающейся знатности и красоты, известная своими многочисленными любовными связями, она долгое время пользовалась особым расположением Агриппины, но впоследствии между ними разгорелась глухая вражда, так как Агриппина отговорила от женитьбы на Силане знатного молодого человека Секстия Африкана, упорно внушая ему, что Силана — стареющая развратница, причем сделала это не для того, чтобы приберечь его для себя, но чтобы, став мужем неспособной к деторождению женщины, он не унаследовал после Силаны ее богатства. И вот, когда мелькнула надежда на возможность отмищения, Силана выпустила против Агриппины своих клиентов Итурия и Кальвизия, повелев им обвинить ее не в том, что стало уже привычным и не раз повторялось, а именно что она скорбит о смерти Британника и разглашает обиды Октавии, но в том, что она задумала вовлечь в государственный переворот Рубеллия Плавта, по материнской линии состоявшего в той же степени родства с божественным Августом, что и Нерон, дабы, вступив с ним в супружество, возратить себе верховную власть над Римским государством. Итурий и Кальвизий сообщают об этом вольноотпущеннику тетки Нерона Домиции Атимету, а тот, обрадованный столь важною новостью (надо сказать, что между Агриппиною и Домицией существовало полное обоюдной неприязни соперничество), побудил другого вольноотпущенника Домиции актера Парида, не мешкая и сгустив краски, донести об этом преступном умысле.

20. Была поздняя ночь, и у Нерона все еще пили, когда к нему входит Парид, обыкновенно оживлявший в эти часы увеселения принцепса, но на этот раз хмурый, с озабоченным видом; подробно изложив содержание пересказанного ему доноса, он так устрасил Нерона, что тот вознамерился не только немедленно умертвить мать и Плавта, но и отставить

Бурра от командования преторианцами, ибо, выдвинувшись благодаря расположению Агриппины, он будто бы воздавал ей за это содействием. Фабий Рустик рассказывает, что уже был составлен приказ на имя Цецины Туска, которым ему вручалось начальствование над преторианскими когортами, и лишь благодаря усилиям Сенеки этот пост остался за Бурром; Плиний и Клувий не сообщают о каких-либо сомнениях в преданности префекта; впрочем, Фабий вообще обнаруживает склонность восхвалять Сенеку, так как своим благоденствием был обязан его покровительству. Мы намерены следовать за этими авторами, когда их свидетельства совпадают, но, если они между собою расходятся, будем передавать приводимые ими сведения под их именами. Встревоженного и поглощенного мыслью об умерщвлении матери Цезаря удалось удержать от этого шага не раньше, чем Бурр дал ему обещание, что, если подтвердится ее виновность, он распорядится предать ее смерти; но всякому, а тем более матери, должна быть дана возможность представить свои оправдания; к тому же нет налицо обвинителей, и до них дошли лишь показания одного человека, да и то из враждебного дома; пусть принцепс примет во внимание и то, что кругом непроглядная тьма, что сам он провел ночь в бодрствовании за пиршественным столом и что любое действие было бы при таких обстоятельствах опрометчивым и неразумным.

21. Так успокоив страх принцепса и дождавшись рассвета, Бурр и другие отправились оповестить Агриппину о выдвинутых против нее обвинениях, дабы она опровергла их или понесла наказание. В присутствии Сенеки и нескольких свидетелей из вольноотпущенников Нерона Бурр приступил к выполнению своего поручения: указав, в каких преступлениях и кем она обвиняется, он закончил свое обращение к ней угрозами. Но Агриппина, не утратив свойственной ей надменности, ответила ему следующим образом: «Я нисколько не удивляюсь, что никогда не рожавшей Силане неведомы материнские чувства; ведь матери не меняют детей как погрязшая в распутстве — любовников. И если Итурий и Кальвизий, промотав свое достояние, продают этой старухе последнее, чем еще могут распорядиться, — свое пособничество в предъявлении клеветнических обвинений, то этого недостаточно, чтобы опозорить меня, приписав мне намерение умертвить сына, или чтоб обременить совесть Цезаря умерщвлением матери. Я воздала бы благодарность Домиции за враждебность, если б она соперничала со мной в доброжелательстве к моему Нерону. Но она занималась устройством рыбных садков в своих Байях, пока моими стараниями готовились Нерону усыновление, дарование проконсульских прав, консульство и все то, что ведет к высшей власти, а теперь вкупе со своим любовником Атиметом и лицедеем Паридом сочиняет небылицы по образцу представляемых на подмостках трагедий. Или, быть может, существует такой человек, который мог бы уличить меня в попытке возмутить размещенные в Риме когорты, в подстрекательстве провинций к нарушению верности, наконец, в подкупе рабов и

вольнотпущенников с целью побудить их к преступным деяниям? И разве я могла бы остаться в живых, если б Британник овладел верховною властью? А если бы Плавт или кто другой оказался во главе государства и вздумал свершить свой суд надо мною — разве не найдутся обвинители, которые вменяют мне в вину не вырвавшиеся неосмотрительно слова, порождаемые порою горячностью материнской любви, а такие преступления, оправдать в которых меня мог бы лишь сын?» Так как ее ответ произвел на присутствовавших сильное впечатление и они принялись ее успокаивать, Агриппина потребовала свидания с сыном. В разговоре с ним она ни словом не обмолвилась о своей невинности, чтобы он не подумал, что она допускает возможность недоверия к ней, равно как и о том, что она сделала для его возвышения, чтобы он не счел, что она его попрекает, но добилась наказания своих обвинителей и назначения друзей на видные должности.

22. Фений Руф назначается префектом по снабжению продовольствием, Аррунций Стелла — ведать даваемыми Цезарем зрелищами, Тиберий Балбилл — Египтом; Публию Антею была предоставлена Сирия, но под различными предлогами его долго туда не пускали и в конце концов удержали в Риме. Что до Силаны, то ее отправили в изгнание; не избежали ссылки и Кальвизий с Итурием; Атимет был казнен, а Парид занимал слишком важное место в развлечениях принцепса, чтобы быть доступным для наказания. О Плавте на время забыли.

23. Вскоре затем поступил донос на Паланта и Бурра с обвинением в заговоре с целью передать верховную власть Корнелию Сулле, принадлежавшему к именитому роду и состоявшему в свойстве с Клавдием, которому он, вступив в брак с Антонией, приходился зятем. Обвинителем по этому делу выступил некий Пет, ослабивший себя скупкою конфискованных казною земель и на этот раз изобличенный в заведомой клевете. Но всех не столько обрадовало снятие с Паланта предъявленных ему обвинений, сколько поразила его заносчивость. Ибо после того как были названы имена его вольнотпущенников, привлеченных им якобы к соучастию в заговоре, он в опровержение этого заявил, что никогда у себя дома не отдает своим людям распоряжений иначе как кивком головы или движением рук, а если есть нужда в более пространных указаниях, то прибегает к письму, дабы не вступать в изустные объяснения. Бурр, хотя и числился подсудимым, подал свое мнение вместе с судьями. Обвинителя приговорили к изгнанию, и были сожжены реестры, из которых он извлекал сведения о преданных забвению долгах в государственную казну.

24. В конце года в цирке упраздняется караул, который в дни представлений обычно составлялся преторианской когортой; это было сделано для того, чтобы создать видимость большей свободы, оградить воинов от развращения, порождаемого их пребыванием среди театральной разнузданности, и проверить на опыте, сможет ли простой народ соблюдать благопристойность и после удаления стражи. И так как храмов Юпитера

и Минервы коснулся небесный огонь, принцепс, во исполнение указаний гаруспиков, совершил обряд очищения Рима.¹⁵

25. В консульство Квинта Волузия и Публия Сципиона¹⁶ на границах римского государства царили мир и покой, а в самом Риме — отвратительная разнузданность, ибо одетый, чтобы не быть узанным, в рабское рубище, Нерон слонялся по улицам города, лупанарам и всевозможным притонам, и его спутники расхищали выставленные на продажу товары и наносили раны случайным прохожим, до того неосведомленным, кто перед ними, что и самому Нерону порою перепадали в потасовках удары и на его лице виднелись оставленные ими следы. В дальнейшем, когда открылось, что бесчинствует не кто иной, как сам Цезарь, причем насилия над именитыми мужчинами и женщинами все учащались, и некоторые, поскольку был явлен пример своеволия, под именем Нерона принялись во главе собственных шаек безнаказанно творить то же самое, Рим в ночные часы уподобился захваченному неприятелем городу. Принадлежавший к сенаторскому сословию, но еще не занимавший магистратур Юлий Монтан как-то в ночном мраке наткнулся на принцепса и с силою оттолкнул его, когда тот попытался на него броситься, но, узнав Нерона, стал молить о прощении, что было воспринято как скрытый укор, и Монтана заставили лишиться себя жизни. Впредь Нерон, однако, стал осторожнее и окружил себя воинами и большим числом гладиаторов, которые оставались в стороне от завязавшейся драки, пока она не отличалась особой жесточечностью, но, если подвергшиеся нападению начинали одолевать, брались за оружие. Попустительством и даже прямым поощрением Нерон превратил необузданные выходы зрителей и споры между поклонниками того или иного актера в настоящие битвы, на которые взирал таясь, а чаще всего открыто, пока для пресечения раздоров в народе и из страха перед еще большими беспорядками не было изыскано целебное средство,¹⁷ а именно все то же изгнание из пределов Италии вызывавших распри актеров и возвращение в театр воинских караулов.

26. Тогда же в сенате возник вопрос о поведении вольноотпущенников и было выдвинуто предложение предоставить патрону право отнимать свободу у провинившихся. Многие высказались за то, чтобы немедленно приступить к его обсуждению. Но консулы, не дерзнув начать столь важное дело без ведома принцепса, ограничились тем, что письменно известили его о пожеланиях сената. А он, колеблясь, дать ли на это согласие, собрал немногочисленное совещание, участники которого разошлись во мнениях: некоторые с негодованием отмечали, что непочтительность вольноотпущенников вследствие обретенной ими свободы дошла до того, что иные дерзают спрашивать у патрона, решать ли им возникшие между ними споры насилем или в суде, и либо безнаказанно поднимают на него руку, либо сами советуют, какое наказание ему применить по отношению к ним.¹⁸ А что может позволить себе пострадавший патрон, кроме высылки вольноотпущенника за сотый милиарий от Рима,

куда-нибудь на побережье Кампании? ¹⁹ Во всем остальном закон не знает между ними различия, и они пользуются одинаковыми правами: вот почему патрону необходимо такое оружие, с которым вольноотпущенникам придется считаться. И для получившего свободу совсем нетрудно удерживать ее за собою, соблюдая такое же повиновение, благодаря которому он добился ее; но совершивших явные преступления справедливо возвращать в рабское состояние, и пусть страх обуздывает тех, кого не изменили благодеяния.

27. Были и возражавшие против этого предложения: подлежат каре лишь немногие провинившиеся, и не подобает урезывать в правах остальных; ведь людей этого звания множество. Из них в большинстве состоят трибы, декурии, ²⁰ из них набираются служащие у магистратов и жрецов, наконец городские когорты: и немало всадников, немало сенаторов ведет свою родословную не от кого другого, как от них; если обособить вольноотпущенников, станет очевидной малочисленность свободнорожденных. И не напрасно наши предки, устанавливая различные преимущества для сословий, сохранили за всеми ними одинаковую свободу. Да и отпускаемых на волю они разделили на два разряда, ²¹ чтобы тем самым у господина оставалась возможность снова лишить их свободы или закрепить предыдущее благодеяние новым. Кого господин, даруя волю, не коснется преторским жезлом, те как бы удерживаются оковами рабства. Пусть каждый хорошо взвесит заслуги своего раба и лишь после этого дарует ему то, что уже не может быть затем отнято. Это мнение возобладало, и Цезарь письменно повелел сенату рассматривать дела обвиняемых своими патронами вольноотпущенников всякий раз по отдельности и не выносить общего постановления. Немного спустя тетка Нерона ²² якобы на основании гражданского права была лишена патроната над своим вольноотпущенником Паридом, что произошло не без умаления доброй славы принцепса, по приказанию которого суд признал Париду свободнорожденным.

28. Тем не менее все еще сохранялось некое подобие республиканского строя. Так, между претором Вибуллем и народным трибуном Антистием возгорелся спор из-за отданного трибуном распоряжения освободить из-под стражи задержанных претором неумеренно пылких поклонников актерских талантов. Осудив самоуправство трибуна, сенаторы одобрили действия претора. Тогда же трибунам было воспрещено заниматься разбирательством подсудных преторам и консулам дел и вызывать для суда из других областей Италии тех, чьи дела могли быть рассмотрены в законном порядке на месте. Кроме того, по предложению консула на следующий год Луция Пизона сенат присовокупил к этому, что за совершённые у них в доме проступки и преступления трибуны не вправе наказывать, пользуясь своей властью должностных лиц, и что подвергнутых ими денежным штрафам квесторы казначейства должны вносить в списки государственных должников не ранее, как по миновании четырех месяцев со дня вынесения приговора, с тем чтобы в течение

этого срока он мог быть обжалован, причем окончательное решение оставалось за консулами. Были сокращены и полномочия эдилов и установлены особо для курульных и особо для плебейских эдилов наивысшие ставки взимаемых ими залогов и налагаемых штрафов. А народный трибун Гельвидий Приск по собственному почину выступил против претора казначейства Обультрония Сабина, утверждая, что тот беспощадно расправляется с бедняками, слишком широко пользуясь правом продажи с торгов их имущества. После этого принципс освободил квесторов казначейства от ведения списка государственных должников и взыскания с них задолженности и возложил эти обязанности на префектов.

29. Это дело в разное время велось по-разному и претерпевало частые изменения. Так, выбор префектов Август предоставил сенату; затем во избежание злоупотреблений при голосовании их стали избирать жребием из числа преторов; но и этот порядок удержался недолго, так как жребий нередко впадал в заблуждение и благоволил к людям малопригодным. Тогда Клавдий снова возложил это дело на квесторов казначейства и, дабы они из опасения вызвать чье-либо неудовольствие не относились нерадиво к своим обязанностям, пообещал им внеочередное выдвижение на почетные должности; но для получения их они были чрезмерно молоды, ибо это была их первая магистратура. И Нерон назначил для отправления тех же обязанностей бывших преторов испытанной опытности.

30. При тех же консулах был осужден за лихоимство в провинции Сардинии Випсаний Ленат. Цестий Прокул, которому критяне предъявили обвинение в вымогательствах, был оправдан. Префект гребцов находившегося в Равенне флота Клодий Квиринал, произволом и жестокостью утеснявший Италию, словно последнюю из провинций, и привлеченный за это к суду, ядом предупредил неизбежное осуждение. Один из крупнейших законоведов и первейших богачей своего времени Каниний Ребил, чтобы избежать мучений томительной старости, вскрыл себе вены и истек кровью, хотя никто не предполагал, что у него хватит мужества принять добровольную смерть, ибо о нем шла молва, что он изнежен и по-женски сластолюбив. А вот Луций Волузий скончался, оставив по себе безупречную память; он прожил девяносто три года, владел большим, честно нажитым состоянием и, перевидав на своем веку столько императоров, неизменно пользовался их благосклонностью.

31. Консульство Нерона (второе) и Луция Пизона не изобиловало событиями, которые были бы достойны упоминания, — разве что найдутся такие, кто захочет заполнить целые книги восхвалениями воздвигнутого Цезарем на Марсовом поле громадного амфитеатра, его фундамента и употребленных на его сооружение бревен; но всякому понятно, что величину римского народа приличествует, чтобы в анналах отмечались лишь наиболее значительные деяния, а все остальное — в «Ежедневных ведомостях» города Рима.²³ Впрочем, укажем, что колонии Капуя и Нудерия

были укреплены поселением в них ветеранов, что простому народу был роздано в дар по чегыреста сестерциев на человека и что для поддержания доверия к платежеспособности казначейства Цезарь внес в него из своих личных средств чегыреста миллионов сестерциев. Была также упразднена пошлина, которую платил покупатель раба в размере одной двадцать пятой его цены; однако ее упразднение последовало больше по видимости, чем на деле, ибо, поскольку ту же пошлину было приказано платить продавцам, они соответственно подняли цены. Еще Цезарь воспретил магистратам и прокураторам устраивать в управляемых ими провинциях представления гладиаторов, травлю диких зверей и любые другие зрелища. Ранее подобною щедростью они наносили своим подчиненным не меньший ущерб, чем поборами и вымогательством денег, ибо, заручившись народным расположением, избегали возмездия за преступное стяжательство.

32. Как в карательных целях, так и для обеспечения безопасности был также издан сенатский указ, согласно которому в случае умерщвления господина собственными рабами в числе прочих его рабов подлежали казни и те, кто, оставаясь под одним кровом с ними, должен был, по его завещанию, быть отпущен на волю. Возвращается сенаторское достоинство бывшему консулу Лурию Вару,²⁴ некогда осужденному по обвинению в лихоимстве. Суд над обвиняемой в приверженности к чужеземному суеверию знатною женщиной Помпонией Грециной, женою того самого Авла Плавтия, который, как я сообщал, отпраздновал малый триумф над британцами, было предоставлено свершить мужу; проведя по старинному обычаю в присутствии родственников разбирательство этого дела, грозившего его супруге лишением жизни и доброго имени, он признал ее невиновною. Долгой была жизнь этой Помпонии, и прожила она ее в непрерывной скорби, ибо после умерщвления по проискам Мессалины дочери Друза Юлии Помпония сорок лет не носила других одежд, кроме траурных, и душа ее не знала другого чувства, кроме печали. При владычстве Клавдия это прошло для нее безнаказанно, а впоследствии обернулось славою.

33. В том же году были привлечены к суду и другие, и среди них Публий Целер, по обвинению, выдвинутому провинцией Азией, и так как Цезарь не мог настаивать на его оправдании, то затянул следствие, пока обвиняемый не умер: дело в том, что Целер, как я упоминал выше,²⁵ умертвил проконсула Сидана, и этим столь нужным Цезарю злодеянием оградил себя от осуждения за прочие преступления. Киликийцы представили жалобу на Коссуциана Капитона, человека бесчестного и грязного, полагавшего, что и в провинции он может вести себя столь же нагло, как в Риме: изблеченный неотступным обвинением, он в конце концов перестал защищаться и был осужден. Но что касается Эприя Марцелла, обвиненного ликинцами в вымогательстве, то давление покровительствовавших ему оказалось настолько могущественным, что некото-

рые из его обвинителей были наказаны ссылкой, как вознамерившиеся погубить ни в чем не повинного.

34. В третье консульство Нерона²⁶ вторым консулом был Валерий Мессала, прадед которого, оратор Корвин, о чем помнили лишь немногие старики, разделял ту же магистратуру с божественным Августом, прапрадедом Нерона. Достоинство этого знатного рода было укреплено пожалованием Мессале ежегодно по пятьсот тысяч сестерциев, чтобы помочь ему в его честной бедности. Ежегодное вспомоществование принцепс назначил также Аврелию Котте и Гатерию Антонину, хотя, расточив наследственные богатства, они сами довели себя до нужды.

В начале того же года с большим ожесточением разгорелась протекавшая до того вяло и нерешительно война римлян с парфянами за владычество над Арменией, ибо Вологез не мог допустить, чтобы его брат Тиридат был лишен предоставленного им царства или чтобы он владел им в качестве дара другого властителя, а Корбулон считал, что величие римского народа обязывает его к отвоеванию приобретенного некогда Лукуллом и Помпеем.²⁷ К тому же армяне, двуличные и непостоянные, призывали к себе и то и другое войско; по месту обитания, по сходству в нравах, наконец из-за многочисленных смешанных браков они были ближе к парфянам и, не познав благ свободы, склонялись к тому, чтобы им подчиниться.

35. Но Корбулона не столько заботило вероломство врагов, сколько небоеспособность собственных воинов; перемещенные из Сирии легионы, облепившись за время долгого мира, с величайшею неохотою несли лагерные обязанности. Хорошо известно, что в этом войске не были редкостью ветераны, ни разу не побывавшие в боевом охранении или ночном дозоре, разглядывавшие лагерные вал и ров как нечто невиданное и диковинное, отслужившие свой срок в городах, не надевая ни шлемов, ни панцирей, щеголеватые и падкие до наживы. Итак, уволив тех, кто был непригоден по старости или болезни, Корбулон потребовал пополнений. Были проведены наборы в Галатии и Каппадокии и, сверх того, переброшен из Германии легион²⁸ с приданной ему вспомогательной конницей и такой же пехотою. Корбулон держал все войско в зимних палатках, хотя зима была столь суровою, что земля покрылась ледяной коркою и, чтобы поставить палатки, требовалось разбивать смерзшуюся почву. Многие отморозили себе руки и ноги, некоторые, находясь в карауле, замерзли насмерть. Рассказывали об одном воине, несшем вязанку дров; кисти рук у него настолько примерзли к ноше, что, когда он ее опустил, отвалились от рук, которые остались у него изувеченными. Сам Корбулон, в легкой одежде, с непокрытой головой, постоянно был на глазах у воинов, и в походе, и на работах, хваля усердных, утешая немощных и всем подавая пример. Но так как многие не хотели выносить суровость зимы и тяготы службы и дезертировали, ему пришлось применить строгость. Он не прощал, как было принято в других армиях, первых проступков, но вся-

кий, покинувший ряды войска, немедленно платился за это головою. Эта мера оправдала себя и оказалась целительной и более действенной, чем снисходительность, и беглецов из лагеря Корбулона было значительно меньше, чем в армиях, где провинившиеся могли рассчитывать на прощение.

36. Прдержав легионы в лагере, пока не установилась весна, Корбулон расположил в подходящих местах отряды вспомогательных войск, приказав им не вступать первыми в битву с противником. Начальником над этими сторожевыми постами он поставил Пакция Орфита, имевшего звание центуриона первого манипула. И хотя тот написал ему, что варвары ведут себя крайне беспечно и представляется случай для успешных боевых действий, полководец распорядился не выходить за пределы сторожевых постов и дожидаться прибытия подкреплений. Однако после того как к нему подошло несколько конных отрядов, по неопытности требовавших сражения, Пакций, нарушив приказ, сразился с врагами и был разбит. Двигавшиеся к нему подкрепления были уstraшены его разгромом и обратились в бегство, — каждый отряд в свой лагерь. Известие о случившемся разгневало Корбулона: разбрав Пакция, префектов и воинов, он приказал им расположиться за лагерным валом и некоторое время держал их там опозоренными столь унижительным наказанием, пока, снизойдя к просьбам остального войска, не даровал им прощения.

37. Между тем Тиридат, поддержанный не только клиентами, но и братом своим, царем Вологезом, начал тревожить Армению уж не исподтишка совершаемыми набегами, но открытой войною, разорял тех, в ком видел приверженцев римлян и, если против него выслались воинские отряды, уклонившись от встречи с ними, производил то здесь, то там неожиданные налеты, больше сея страх шедшей о нем молвой, чем боевыми делами. И вот Корбулон, долго и тщетно искавший сражения и вынужденный по примеру врагов рассредоточить военные действия, распределяет свои силы между легатами и префектами, с тем чтобы они сразу во многих местах вторглись в Армению. Вместе с тем он склонил царя Антиоха напасть на ближайшие к нему области. Да и Фарасман, умертвив своего сына Радамиста якобы за предательство, старался доказать нам свою преданность и начал решительнее действовать против армян, к которым питал давнюю ненависть. Тогда же впервые были вовлечены в союз с нами мосхи, и этот народ, и поныне являющийся наиболее верным союзником римлян, устремился в глухую и труднодоступную часть Армении. Таким образом, замыслы Тиридага обернулись против него самого, и он стал направлять к Корбулону послов, чтобы те от его имени и имени парфия спросили римского полководца, на каком основании после недавней выдачи Вологезом заложников²⁹ и возобновления договора о дружбе, который, казалось, сулил ему новые наши благодеяния, он изгоняется из Армении, давнего своего владения. Да и Вологез еще ничего не предпринял именно потому, что они предпочитают разре-

шать споры посредством переговоров, а не силой оружия; но, если им навяжут войну, у Арсакидов не будет недостатка ни в доблести, ни в военном счастье, в чем не раз могли убедиться терпевшие от них поражения римляне. В ответ на это Корбулон, знавший, что Вологеза задерживает мятеж в Гиркании, посоветовал Тиридату обратиться со своей просьбой к Цезарю: он сможет без кровопролитной войны обеспечить себе прочную власть, если откажется от слишком далеко заходящих и несбыточных надежд и будет добиваться того, что достижимо и чему следует отдать предпочтение.

38. Так как разъезды послов взад и вперед несколько не продвинули заключения мира, было решено назначить время и место для непосредственных переговоров между Тиридатом и Корбулоном. Тиридат объявил, что возьмет с собою охрану из тысячи всадников; сколько воинов и какого рода оружия может сопровождать Корбулона, он не указывает, лишь бы они в доказательство своих мирных намерений были без шлемов и панцирей. Кто угодно, не говоря уже об опытном и проницательном военачальнике, легко разгадал бы уловку варваров: именно потому так строго определялась численность воинов для одного и допускалась бо́льшая для другого, что готовилось вероломное нападение; ведь, если искусным в стрельбе из лука всадникам противостоит не защищенный доспехами неприятель, то ему не поможет никакой численный перевес. Однако, не показав, что хитрость Тиридата раскрыта, Корбулон ответил, что договариваться о делах государственной важности было бы правильнее в присутствии того и другого войска и выбрал поле, с одной стороны которого полого поднимались пригодные для размещения пехоты холмы, а с другой простиралась равнина, где могли быть развернуты конные подразделения. В назначенный день Корбулон первым расположился на местности, имея на флангах когорты союзников и вспомогательные отряды царей и посередине — шестой легион, к которому добавил три тысячи воинов третьего, переброшенных ночью из другого лагеря, — всем им он дал одного орла, чтобы казалось, будто это один и тот же единственный легион. Прибыв уже под вечер, Тиридат предпочел держаться вдали от наших, откуда его можно было скорее видеть, чем слышать. Так и не встретившись с ним, римский полководец приказал своим возвратиться в лагери, каждой части в тот, из которого она прибыла.

39. Либо заподозрив обман, так как римское войско одновременно двигалось в разные стороны, либо, чтобы воспрепятствовать нашим получать продовольствие, поступавшее к нам по Понтийскому морю и из города Трапезунта, царь поспешно уходит. Но он не смог лишить нас продовольствия, ибо в горах, через которые его доставляли, были оставлены наши отряды, и Корбулон, дабы не затягивать бесплодной войны и вместе с тем заставить армян перейти к обороне, решает разрушить крепости и берет на себя захват наиболее сильной из находившихся в этом краю и называвшейся Воланд; взятие менее значительных он по-

ручает легату Корнелию Флакку и префекту лагеря Инстею Капитону. Итак, осмотрев укрепления и установив их наиболее уязвимые места, Корбулон обращается к воинам, призывая их разгромить одинаково уклоняющегося и от мира, и от битвы врага, который, всякий раз обращаясь в бегство, сам себя обличает в вероломстве и трусости, и изгнать его из занятых им твердынь, чтобы покрыть себя славой и овладеть добычей. Разделив войско на четыре части, одних, сомкнувшихся черепахой, он посылает разрушить вал, подрывая его основание, другим велит приставлять к стенам лестницы, многим — забрасывать неприятеля из осадных орудий горящими головнями и копьями. Для пращников и камнеметателей было также отведено место, откуда им надлежало издали осыпать врага своими снарядами, дабы теснимый со всех сторон он не мог подать помощь оказавшимся в затруднительных обстоятельствах. И такой боевой пыл охватил соревновавшихся между собой в доблести воинов, что потребовалось не более трети дня, чтобы очистить от защитников крепостные стены, раскидать у ворот заграждения, захватить, взобравшись по лестницам, крепость и перебить всех пребывавших в ней взрослых мужчин, причем мы не потеряли ни одного воина и насчитывали лишь несколько раненых. Неспособное носить оружие население было продано в рабство, а вся прочая добыча отдана победителям. Равный успех сопутствовал также легату и префекту, и после того как в один день были взяты три крепости, по настоянию охваченных страхом жителей, не оказав сопротивления, сдались и остальные. Это укрепило решимость римского полководца двинуться на столицу Армении Артаксату. Однако он повел легионы не кратчайшим путем, ибо в этом случае им пришлось бы переправляться по мосту через омывавшую городские стены реку Аракс и они неизбежно попали бы под удар неприятеля; итак, выйдя к этой реке, вдалеке от города, там, где она разливается шире, они перешли ее вброд.

40. А Тиридат, в котором происходила борьба между самолюбием и осмотрительностью, ибо, допустив осаду Артаксаты, он показал бы свое бессилие, а попытавшись воспрепятствовать ей, завяз бы со своей конницей в неблагоприятной для него местности, в конце концов принимает решение показаться на глаза римлянам и в назначенный для этого день либо вступить с ними в битву, либо притворным бегством доставить себе возможность заманить их в западню. И вот он внезапно окружает находившееся в движении римское войско, не застав, однако, врасплох нашего полководца, придавшего ему такой походный порядок, чтобы оно было готово и для ведения боя. Справа двигался третий легион, слева — шестой, посередине — отборные воины десятого; между рядами войска помещались обозы, а тыл прикрывала тысяча всадников, получивших приказание отбивать неприятельский натиск, но не преследовать врагов, если они обратятся в бегство. Фланги обеспечивались пешими лучниками и всей остальной конницей, причем доходивший до гряды холмов левый фланг был более растянут, чем правый, чтобы в случае налета против-

ника наши могли ударить на него одновременно — и в лоб, и сбоку. Тиридат между тем принимается в разных местах беспокоить римлян, впрочем, остерегаясь приближаться к ним на расстояние полета стрелы, и то угрожает им нападением, то делает вид, будто не осмеливается на него, стараясь расстроить наши ряды и затем перебить отделившихся от них воинов. Но так как они сохраняли благоразумие и держались все вместе и вырвался вперед лишь один, не в меру отважный и тотчас же пронзенный стрелами декурион конницы, своим примером укрепивший в остальных повиновение приказаниям, Тиридат, когда стало смеркаться, удалился.

41. Корбулон, расположившись тут же на месте лагерем и полагая, что Тиридат ушел в Артаксату, раздумывал, не отправиться ли ему ночью туда же, оставив обозы, и не обложить ли город осадой. Но извещенный разведчиками, что царь двинулся в дальний поход то ли в страну мидян, то ли к альбанам, римский полководец, дождавшись рассвета, высылает отряды легковооруженных, чтобы они окружили со всех сторон крепостные стены и начали, не сходясь врукопашную, боевые действия против врага. Однако горожане, добровольно открыв ворота, отдали себя и свое имущество на усмотрение победителей, и это спасло их от истребления; что же касается Артаксаты, то, подожженная нами, она была разрушена до основания и сравнена с землей, ибо из-за протяженности городских укреплений удержать ее за собою без сильного гарнизона мы не могли, а малочисленность нашего войска не позволяла выделить такой гарнизон и вместе с тем продолжать войну; покинуть же ее целою и невредимою безо всякой охраны означало бы, что мы не сумели извлечь для себя из овладения ею ни пользы, ни славы. В этом намерении римлян укрепило и как бы ниспосланное богом чудо; в то время как за пределами Артаксаты все сияло, ярко освещенное солнечными лучами, то, что было опоясано стенами, внезапно скрылось за полыхавшей молнией черною тучей, так что казалось, будто сами боги враждебны городу и он обрекается ими на гибель.

За эти успехи Нерон был провозглашен воинами императором, а по постановлению сената состоялись молебствия, были воздвигнуты арка и статуи и на несколько лет вперед определены принцепсу консульства; сверх того, было решено считать праздниками и тот день, в который наше войско одержало победу, и тот, в который известие о ней пришло в Рим, и тот, в который о ней было объявлено, а также многое прочее в том же роде, настолько превосходившее всякую меру, что Гай Кассий, согласившийся со всеми остальными назначенными Нерону почестями, заявил, что если за каждую благосклонность судьбы приносить благодарность богам, то для молебствий не хватит и полного года и поэтому следует разделить дни на праздничные и будни, так чтобы богам воздавался должный почет и это не служило помехою для человеческих дел.

42. Затем осуждается обвиняемый, испытавший всевозможные удары

судьбы и все же навлекший на себя справедливую ненависть многих, невзирая на то что его осуждение возбудило некоторое недоброжелательство к Сенеке. Это был Публий Суиллий, в правление Клавдия внушавший страх и известный своею продажною обвинитель, который с переменною обстоятельством не был низвергнут в той мере, как хотелось бы его недругам, но предпочел, чтобы в нем видели скорее злодея, чем молящего о прощении. Считали, что именно ради того, чтобы можно было его покарать, были подтверждены сенатский указ и мера наказания по закону Цинция в отношении произносящих судебные речи за деньги. Этот Суиллий не воздерживался от жалоб и поношений и не только вследствие необузданности своего нрава, но также и потому, что, достигнув преклонного возраста, не находил нужным стесняться в словах и бранил Сенеку за неприязненность к приближенным Клавдия, при котором он был с полным основанием отправлен в изгнание. Погрязший в нудных занятиях с не искушенными в жизненном опыте юношами, Сенека исходит, говорил он, от зависти к тем, кто использует живое и неиспорченное украшательством красноречие для судебной защиты сограждан. Сам Суиллий был квестором у Германика, тогда как Сенека — прелюбодеем в его семье.³⁰ Или, быть может, более суровому порицанию подлежит тот, кто по доброй воле тяжущихся получает от них честно заработанное вознаграждение, нежели соблазнитель, проникающий в спальни женщин из дома принцепсов? Благодаря какой мудрости, каким наставлениям философов Сенека за какие-нибудь четыре года близости к Цезарю нажил триста миллионов сестерциев? В Риме он, словно ищейка, выслеживает завещания и бездетных граждан, Италию и провинции обирает непомерно ставкою роста; а у него, Суиллия, скромное, приобретенное его личным трудом состояние. Он охотнее вынесет обвинение, опасности, все что угодно, чем, позабыв о своем давнем и им самим добытом достоинстве, станет заискивать перед внезапно разбогатевшим выскочкой.

43. Нашлись люди, которые в точности или сгустив краски пересказали его слова Сенеке. И вот подысканные обвинители донесли, что, управляя провинцией Азией,³¹ Суиллий грабил союзников и расхищал государственную казну. Но так как для расследования этого дела они потребовали годичного срока, представилось предпочтительным начать с преступлений, совершенных Суиллием в самом Риме, свидетели которых были налицо. Обвинители утверждали, что непомерностью предъявленного им обвинения Суиллий вынудил Квинта Помпония примкнуть к поднявшим противоправительственный мятеж,³² что дочь Друза Юлия и Сабина Поппея были доведены им до смерти, что он оговорил Валерия Азиатика, Лузия Сатурнина, Корнелия Лупа,³³ что по его наветам была осуждена тьма римских всадников, и вообще вину за все жестокости Клавдия возлагали на него одного. В защитительной речи Суиллий заявил, что ни одно из перечисленных дел не было начато им по собственному почину и он лишь выполнял приказания принцепса; в этом месте,

однако, Цезарь прервал его, сказав, что, судя по запискам отца, не было ни одного случая, чтобы обвинение против кого-либо было выдвинуто по его настоянию. Тогда Суиллий стал ссылаться на приказания Мессалины, и тут приводимые им в свое оправдание доводы утратили убедительность: почему этой кроваваждой распутницей был избран именно он, а не кто другой, чтобы служить ей своим красноречием? Исполнители злодеяний, получившие плату за свои преступления и старающиеся свалить эти преступления на других, подлежат строжайшему наказанию. Итак, по изъятии у Суиллия части имущества (ибо другая часть оставлялась сыну и внучке, равно как и то, что было ранее получено ими по завещанию матери и бабки) его ссылают на Балеарские острова, не сломенного духом ни во время столь спасного для него судебного разбирательства, ни после вынесения приговора; говорили, что он скрашивал свое уединенное существование, живя в неге и роскоши. И когда обвинители, из ненависти к отцу, выступили против сына его Неруллина, предъявив ему обвинение по закону о вымогательствах, принцепс воспротивился этому, сочтя наложенную на Суиллия кару достаточной.

44. Тогда же народный трибун Октавий Сагитта, охваченный страстью к замужней женщине Понтии, склоняет ее дорогими подарками сначала к прелюбодеянию, а затем, пообещав жениться на ней и взяв с нее слово, что она выйдет за него замуж, и к оставлению мужа. Но став свободною, эта женщина начинает всячески оттягивать свадьбу, ссылаясь на несогласие отца и другие причины, а когда у нее появились надежды на брак с более состоятельным человеком, и вовсе отказывается от своего обещания. Октавий не мог с этим смириться и то горько жаловался, то угрожал; призывая в свидетели богов, что из-за нее потерял доброе имя и остался без средств, он отдавал в ее распоряжение последнее, что у него оставалось, — жизнь. Но так как она и на это отвечала пренебрежением, он принимается умолять ее подарить ему в утешение одну ночь, после чего, утолив желание, он прекратит свои домогательства. Такая ночь назначается, и Понтия велит посвященной в эту тайну рабыне оставаться на страже у дверей ее спальни. Явившийся со своим вольноотпущенником Октавий пронесит спрятанный под одеждою меч. В дальнейшем, как всегда, когда любовь сплетается с ненавистью, последовали бурные ссоры, мольбы, упреки, наконец примирение, и часть ночи была отдана страсти. И вот Октавий, как бы все еще в любовном чаду, признает забывшую о своих опасениях Понтию; от бросившейся к нему рабыни он избавляется, нанеся ей рану, и беспрепятственно выбегает из спальни. На следующий день обнаруживают убитую; кто повинен в убийстве, ни в ком не вызывало сомнений, ибо Октавий был изобличен в том, что провел ночь у Понтии. Но вольноотпущенник берет преступление на себя и заявляет, что он отмстил за нанесенную его патрону обиду; и многих убедило величие его самоотверженности; однако очнувшаяся от беспамьятства раненая рабыня открыла истину. По истечении срока своего

трибуната Сагитта по требованию отца убитой предстал перед консулами и приговором сенаторов был осужден по закону об убийцах.³⁴

45. В том же году не менее достопамятный случай бесстыдства положил начало большим бедствиям Римского государства. Проживала в Риме Сабина Поппея, дочь Тита Оллия, позаимствовавшая, однако, имя у своего деда со стороны матери — прославленного Поппея Сабина, удостоенного консульства и триумфальных отличий, ибо Оллия, еще не достигшего высших магистратур, погубила дружба с Сеяном. У этой женщины было все, кроме честной души. Мать ее, почитавшаяся первой красавицей своего времени, передала ей вместе со знатностью и красоту; она располагала средствами, соответствовавшими достоинству ее рода; речь ее была любезной и обходительной, и вообще она не была обойдена природною одаренностью. Под личиной скромности она предавалась разврату. В общественных местах показывалась редко и всегда с полуприкрытым лицом, — то ли, чтобы не насыщать взоров, то ли, быть может, потому, что это к ней шло. Никогда не щадила она своего доброго имени, одинаково не считаясь ни с своими мужьями, ни со своими любовниками; никогда не подчинялась она ни своему, ни чужому чувству, но где предвиделась выгода, туда и несла свое любострастие. И вот, когда она пребывала в супружестве с римским всадником Руфрием Криспином, от которого родила сына, ее пленил Отон своей молодостью, блеском и еще тем, что слыл ближайшим другом Нерона; и немного спустя их прелюбодейная связь была скреплена браком.

46. Бывая у принцепса, Отон всякий раз превозносил красоту и прелесть жены, или неосмотрительный от пылкой влюбленности, или с целью разжечь его страсть к Поппее и, если бы они стали совместно обладать одной женщиной, использовать эти узы для усиления своего могущества. Нередко можно было услышать, как, поднимаясь из-за стола Цезаря, он говорил, что отправляется к ней, что ему достались знатность и красота, то, чего все так горячо желают и что составляет отраду счастливых. Эти и подобные им полные соблазна слова не замедлили возыметь действие, и, получив доступ ко дворцу принцепса, Поппея пускает в ход лесть и свои чары и, притворившись, будто покорена красотой Нерона и не в силах противиться нахлынувшей на нее страсти, сразу увлекает его; затем, когда любовь захватила его, она стала держать себя с ним надменно и властно и, если он оставлял ее у себя свыше одной или двух ночей, заявляла ему, что она замужняя женщина и не желает расторгнуть брак, плененная образом жизни Отона, с которым никто не может сравниться: у него возвышенная душа и неподражаемое умение держаться с достоинством; в нем она видит все качества прирожденного властителя; а Нерон, опутанный наложицею-рабыней и привычкою к Акте, из этого сожительства по образу и подобию презренных рабов не извлек ничего, кроме грязи и низости. И вот Отон лишается привычного для него общения с принцепсом, затем права бывать у него и состоять в ближайшем его

окружении и, наконец, чтобы в Риме не оставалось соперника, назначается правителем провинции Лузитании, где он и пробыл до начала междоусобной войны.³⁵ Там он заставил забыть о его прежнем бесславии, правил с безупречной честностью и показал себя столь же умеренным в пользовании властью, сколь разнузданным был ранее в частной жизни.

47. До этой поры Нерон старался скрывать свои бесчинства и злодеяния. Недоверчивый и подозрительный, он больше всего опасался Корнелия Суллы, беззаботность которого казалась ему притворной и в котором он видел коварного лицемера. Эти его опасения усугубил следующим вымыслом вольноотпущенник Цезаря Грапт, понаторевший в дворцовых происках, ибо со времени Тиберия он жил и состарился при дворе. В ту пору Мульвиев мост славился своими ночными соблазнами; нередко наведывался туда и Нерон, чтобы за чертой города свободнее предаваться разврату. И так как некие молодые люди по распространенной тогда среди молодежи распущенности ради озорства и забавы нагнали страху на возвращавшихся в город по Фламиниевой дороге телохранителей Цезаря, Грапт выдумывает, будто они наткнулись на подстроенную Нерону засаду, что он избежал ее лишь случайно, вернувшись другим путем в Саллюстиевы сады и что это вероломное нападение было подготовлено Суллой. И хотя в этом столкновении не был опознан ни один раб или клиент Суллы и выдвинутое против него обвинение самым решительным образом опровергалось его неспособным ни на что дерзновенное трусливым характером, тем не менее ему было приказано, как если бы он и в самом деле был изобличен в преступлении, покинуть пределы родины и безвыездно проживать в стенах Массилии.

48. При тех же консулах сенат выслушал два посольства путеоланцев, одно из которых было отправлено декурионами,³⁶ а другое — простым народом Путеол: первые жаловались на чинимые толпою насилия, вторые — на алчность магистратов и наиболее влиятельных граждан. Дабы пресечь эти волнения, сопровождавшиеся швырянием камней и угрозами поджога, и не допустить кровопролития и вооруженной борьбы, сенат избирает Гая Кассия. Но так как путеоланцам не понравились принятые им строгие меры, это поручение по его собственной просьбе возлагается на братьев Скрибониев, и страх перед данною им когортою преторианцев, а также казнь нескольких человек быстро восстановили согласие среди горожан.

49. Я не стал бы упоминать о весьма маловажном сенатском указе, разрешавшем жителям Сиракуз давать игры с участием большего, чем допускалось, числа гладиаторов, если бы против него не выступил с возражениями Тразей Пет и не подал тем самым своим недоброжелателям повода порицать его за высказанное им мнение. Если он и вправду считает, что государству на пользу свободные высказывания сенаторов, то к чему заниматься столь незначительными вопросами? Почему он не выражает своего одобрения или неодобрения, когда речь идет о мире или

войне, о пошлинах и законах, наконец обо всем том, на чем держится Римское государство? Ведь сенаторы, всякий раз, как им предоставляется право изложить свое мнение, могут беспрепятственно высказать все, что бы ни пожелали, а также потребовать обсуждения своих предложений. Или единственное, что достойно внимания, — это как бы зрелища в Сиракузах не обставлялись с чрезмерною пышностью? А все прочее в Римской империи так превосходно и безупречно, словно правит ею не Нерон, а Траезя? Но если умалчивается главнейшее, то не следует ли отсюда, что тем более должно воздерживаться от словопрений о пустяках? На просьбу друзей объяснить, что побудило его выступить против указа, Траезя ответил, что вносит поправки к постановлениям подобного рода не по незнанию действительного положения дел, но для того, чтобы сенат пользовался подобающим ему уважением и всякому было ясно, что кто не проходит мимо таких мелочей, те не преминут взять на себя заботу и о существенном.

50. В том же году, обеспокоенный настойчивыми жалобами народа, обвинявшего откупщиков в разнузданном произволе, Нерон задумался, не отдать ли ему приказ об уничтожении всех взимаемых пошлин, представив этим роду человеческому прекраснейший дар. Сенаторы превознесли похвалами великодушие принцепса, однако охладил его порыв, убедив его в том, что сокращение обеспечивающих могущество государства доходов неизбежно приведет к распаду империи: ведь за упразднением пошлин последует требование и об отмене налогов.³⁷ Большинство пошлин и товариществ для их взимания было введено и создано консулами и народными трибунами еще в те времена, когда римский народ располагал полной свободой и решал дела по своему усмотрению; впоследствии остальные устанавливались с той целью, чтобы расходы не превышали доходов и между ними существовало необходимое соответствие. Что касается алчности откупщиков, то ее, разумеется, следует обуздать, дабы их новые утеснения не возбудили ненависти к тому, что безропотно претерпевалось на протяжении стольких лет.

51. Итак, принцепс распорядился выставить для всеобщего ознакомления негласные ранее правила, которыми должны были руководствоваться откупщики при взимании того или иного государственного налога; там же указывалось, что, не предъявив требования об уплате налога в течение года, они лишаются права на его взыскание в судебном порядке, что в Риме претор, а в провинциях пропреторы и проконсулы обязаны разбирать вне очереди возбужденные против откупщиков дела, что за воинами сохраняется освобождение от налогов, кроме налогов на торговый оборот; тут содержалось и много другого, справедливого и разумного, что соблюдалось, однако, недолго, а затем было забыто. Впрочем, до наших дней остается в силе отмена пошлины в размере одной сороковой и одной пятидесятой,³⁸ а также прочих незаконно установленных откупщиками поборов. Был также облегчен подвоз в Италию хлеба из заморских

провинций и приказано при оценке имущества не учитывать стоимости купеческих кораблей и, соответственно, не взимать за них установленного налога.

52. Цезарь признал невинными двоих подсудимых — Сульпиция Камерина и Помпея Сильвана, привлеченных к суду по возвращении из провинции Африки, где они были облечены проконсульской властью; Камерина обвиняли немногие частные лица, и притом больше в жестокости, чем в вымогательстве; против Сильвана выступило множество обвинителей, просивших предоставить им срок для вызова свидетелей; подсудимый, напротив, настаивал, чтобы ему дали возможность немедленно представить свои оправдания и одержал верх, так как был богат, бездетен и в преклонных годах, не помешавших ему пережить, однако, тех, благодаря заступничеству которых он избежал осуждения.

53. До того времени³⁹ на германской границе царило ничем не нарушаемое спокойствие, ибо оба полководца надеялись поддержанием мира приобрести большую славу, нежели та, которую им могли бы доставить ставшие столь обыденною наградой триумфальные отличия. В ту пору германские войска⁴⁰ возглавлялись Паулином Помпеем и Луцием Ветером. Чтобы не оставлять воинов в праздности, первый закончил строительство дамбы для обуздания Рейна, за шестьдесят три года пред тем начатой Друзом,⁴¹ а Ветер задумал соединить Мозеллу с Араром, прорыв между ними канал, благодаря которому суда с войсками и грузами, проследовав по Средиземному морю, Родану, Арару, далее по упомянутому каналу и рекою Мозеллой в Рейн, могли бы затем спускаться до Океана; этим устранялись бы трудности передвижения по суше и был бы открыт водный путь между западным и северным побережьем. Помешал этому предприятую легат Белгики Элий Грацил; он уговорил Ветера не вводить свои легионы в неподведомственную ему провинцию⁴² и своими заботами не привлекать к себе расположения Галлии, утверждая, что это неминуемо возбудит подозрения императора, — довод, не раз препятствовавший осуществлению честных намерений.

54. Но из-за длительного бездействия наших войск распространился слух, что легатам запрещено вести их на врага. И вследствие этого фризы по наущению правивших ими, насколько можно править германцами, Веррита и Малорига продвинулись к берегу Рейна — боеспособные, пройдя лесами и топами, прочие, приплыв по озерам,⁴³ — и осели на отведенных для нужд наших воинов и тогда никем не занятых землях. И они успели построить себе жилища и уже засевали пашни, как если бы возделывали унаследованные от предков поля, когда принявший провинцию после Паулина Дубий Авит, угрожая применить силу, если фризы не возвратятся на старые места поселений или не добьются от Цезаря новых, принудил Веррита и Малорига обратиться к нему с ходатайством. Прибыв в Рим и дожидаясь, пока их примет занятый другими делами Нерон, они попали, осматривая все то, что показывают варварам, и в театр Пом-

пея, куда их привели, чтобы они увидели собственными глазами, как богат и могуществен римский народ. Там, не зная, чем себя занять (ибо по своей дикости не могли оценить представления), они принимаются спрашивать, кем заполнены ряды амфитеатра, как размещаются в нем сословия, где всадники, где сенаторы, и замечают на сенаторских скамьях некоторых, в ком по одежде узнают чужестранцев; осведомившись, кто это, и услышав в ответ, что такая честь даруется послам тех народов, которые отличаются доблестью и дружественным расположением к римлянам, они восклицают, что никому из смертных не превзойти германцев ни на поле сражения, ни в преданности, спускаются вниз и усаживаются среди сенаторов.⁴⁴ Зрители благосклонно отнеслись к их поступку, усмотрев в нем старинную непосредственность и похвальное соревнование. Нерон пожаловал их обоих римским гражданством, но тем не менее повелел фризам удалиться с занятых ими земель. И так как они пренебрегли его повелением, внезапно брошенная на них союзная конница заставила их покориться необходимости, захватив в плен или изрубив всех упорно сопротивлявшихся.

55. Немного спустя те же земли заняли амписварии, племя, справиться с которым было труднее не только из-за его численности, но и вследствие сочувствия к нему окрестных народов, ибо, согнанные со своих земель хавками и не имея мест обитания, они молили о предоставлении им надежного пристанища на чужбине. От их имени говорил широко известный среди этих племен и вместе с тем издавна преданный нам амписварий по имени Бойокал, заявивший, что во время восстания херусков⁴⁵ его по приказанию Арминия держали в оковах, что потом он служил в нашем войске под начальством Тиберия и Германика и теперь в добавление к пятидесятилетней верности отдает в нашу власть свое племя. Но к чему оставлять пустующими такие пространства, куда наши воины лишь некогда перегоняют своих овец и быков? Пусть римляне берегут для своих стад заповедные пастбища, когда людей мучает голод, но не лучше ли видеть близ себя дружественные народы, чем заброшенность и запустение. Этими пашнями некогда владели хамавы, затем тубанты, после них — узипы. Как богам отдано небо, так роду смертных — земля; и та, что лежит невозделанной, — общее достояние. После чего, подняв взоры, он обратил к солнцу и прочим светилам, как если бы они были рядом, прощая их, пожелают ли они и дальше взирать на заброшенные поля и не обрушат ли скорее хляби морские на расхищающих земли.

56. Эти слова тронули Авита: нужно покоряться воле более сильных; богам, к которым они взывают, более угодно, чтобы решение, что жаловать, а что отнимать, оставалось за римлянами и они не терпели над собой иных судей, кроме самих себя. Так он ответил племени амписвариев в целом, тогда как самого Бойокала, в память его давней преданности, пообещал наделить лугами и пашнями. Отвергнув это как плату за предательство, тот добавил: «У нас может не быть земли, чтобы жить, но не

для того, чтобы сразиться и умереть». На этом они расстались, унося с собой враждебность друг к другу. Амписварии стали призывать бруктеров, генктеров и даже более отдаленные племена принять участие в войне против римлян, а Авит, написав легату Верхней провинции Куртилию Манции, чтобы, переправившись через Рейн, он показал наше оружие в тылу неприятеля, ввел свои легионы в пределы тенктеров, угрожая им истреблением, если они не порвут с амписвариями. И после того как те от них отступились, той же угрозой были устрашены и бруктеры; вслед за ними, не желая разделять чужие опасности, покинули амписвариев и другие, и, оставшись в одиночестве, это племя отошло назад к узипам и тубантам. Изгнанные из их владений, они пытались пробиться сначала на земли хаттов, потом херусков и в этих долгих блужданиях, встречаемые порою как гости, порою как бесприютные нищие, порою как враги, потеряли убитыми в чужих краях всех, способных носить оружие. тогда как старики, женщины и дети стали добычей различных племен.

57. Тем же летом между гермундурами и хаттами произошла жестокая битва, ибо и те и другие хотели завладеть приносящей в изобилии соль пограничной между ними рекою,⁴⁶ и сразились они не только из страсти решать споры оружием, но и вследствие укоренившегося в них суеверия, будто эти места ближе всего к небу и нигде молитвы смертных не доходят скорее к богам. Вот почему по милости всемогущих божеств в этой реке и этих лесах зарождается соль, и притом не так, как у прочих народов, т. е. не из высохшей после разлива моря воды, но возникая от столкновения противоположных друг другу начал — воды и огня, — ибо добывают ее, поливая речную водой пылающую гряду деревьев. Война для гермундуров была удачной, для хаттов — гибельной, так как обе стороны заранее посвятили, если они победят, Марсу и Меркурию⁴⁷ войско противника, а по этому обету подлежат истреблению у побежденных кони, люди и все живое. В этом случае ярость наших врагов обратилась на них самих. Но союзное нам племя убивев постигло неожиданное несчастье. Ибо вырвавшиеся из-под земли огни повсюду истребляли поместья, пашни, деревни и уже подступали даже к стенам недавно основанной нами колонии.⁴⁸ И их не гасили ни выпадавшие дожди, ни речная вода, ни какая-либо иная влага, пока какие-то деревенские жители, не видя других средств и в отчаянии от этого бедствия, не принялись издали швырять в них камнями, и так как огни несколько стихли, подойдя ближе, устрашать их, словно диких зверей, нанося им побои дубинами и колотя по ним чем придется; наконец, они набрасывают на них, сорвав с себя, свои одежды из шкур, и чем более изношенными и загрязненными они были, тем скорее и легче ими подавлялся огонь.⁴⁹

58. В том же году у древа богини Румины на форуме, за восемьсот тридцать лет перед тем прикрывавшего своей тенью младенцев Рема и Ромула, стали отмирать ветви и сохнуть ствол, что было сочтено дурным предзнаменованием, но дерево ожило и пустило молодые побеги.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1. В консульство Гая Випстана и Гая Фонтея Нерон больше не стал откладывать давно задуманное злодеяние; ему придавало смелости многолетнее властвование,¹ и к тому же его страсть к Поппее день ото дня становилась все пламенней, а она, не надеясь при жизни Агриппины добиться его развода с Октавией и бракосочетания с нею самой, постоянно преследовала его упреками, а порой и насмешками, называя обездоленным сиротой, покорным чужим велениям и лишенным не только власти, но и свободы действий. Почему откладывается их свадьба? Не нравится ее внешность и ее прославленные триумфами деда?² Или, быть может, доказанная ею на деле способность рождать детей и ее прямота? Или опасаются, что, сделавшись женой Цезаря, она сообщит ему об обидах сенаторов и недовольстве народа надменностью и алчностью его матери? Раз Агриппина не может выносить другую невестку, кроме питающей вражду к ее сыну, пусть позволят ей, Поппее, вернуться к ее мужу Отону. Она готова удалиться куда угодно, ибо предпочитает слышать со стороны о наносимых императору оскорблениях, чем быть свидетельницей его позора и разделять с ним опасности. Таким и подобным этим речам, подкрепляемым слезами и притворством любовницы, никто не препятствовал, ибо всем хотелось, чтобы могущество Агриппины было подорвано, но никто вместе с тем не предвидел, что ненависть доведет сына до умерщвления матери.

2. Клувий передает, что, подстрекаемая неистовой жадной во что бы то ни стало удержать за собою могущество, Агриппина дошла до того, что в разгар дня, и чаще всего в те часы, когда Нерон бывал разгорячен вином и обильною трапезой, представляла перед ним разряженною и готовой к кровосмесительной связи: ее страстные поцелуи и предвещавшие преступное сожительство ласки стали подмечать приближенные, и Сенека решил побороть эти женские обольщения с помощью другой женщины; для этого он воспользовался вольноотпущенницею Акте, которую подослал к Нерону, с тем чтобы та, притворившись обеспокоенной угрожающей ей опасностью и нависшим над Нероном позором, сказала ему о том, что в народе распространяются слухи о совершившемся кровосмешении, что им похваляется Агриппина и что войска не потерпят над собою власти запятнанного нечестием принцепса. Фабий Рустик пишет, однако, что домогалась кровосмешения не Агриппина, а Нерон и что предотвращено оно было благодаря хитрой уловке той же вольноотпущенницы. Но сообщение Клувия подтверждается и другими авторами, да и молва говорит то же самое, либо потому, что Агриппина и в самом деле вынашивала столь мерзостное намерение, либо, может быть, потому, что представлялось более правдоподобным приписать замысел этого чудовищного прелюбодейния именно той, которая, соблазненная надеждою на господство, еще

в годы девичества не поколебалась вступить в сожителство с Лепидом, вследствие тех же побуждений унизилась до связи с Паллантом и, пройдя через брак с родным дядей, была готова на любую гнусность, что бы она собою ни представляла.

3. Итак, Нерон стал избегать встреч с нею наедине, а когда она отправлялась в загородные сады либо в поместья близ Тускула или Анция, одобрял, что она выезжает на отдых. В конце концов сочтя, что она тяготит его, где бы ни находилась, он решает ее умертвить и начинает совещаться с приближенными, осуществить ли это посредством яда, или оружия, или как-либо иначе. Сначала остановились на яде. Но если дать его за столом у принцепса, внезапную смерть Агриппины невозможно будет приписать случаю, ибо при таких же обстоятельствах погиб и Британник; а подкупить слуг этой женщины, искушенной в злодеяниях и научившейся осторожности, представлялось делом нелегким; к тому же, страшась отравления, она постоянно принимала противоядия. Что же касается убийства с использованием оружия, то никому не удавалось придумать, как в этом случае можно было бы скрыть, что она умерла насильственной смертью; кроме того, Нерон опасался, что избранный им исполнитель такого дела может пренебречь полученным приказанием. Наконец, вольноотпущенник Аникет, префект мизенского флота и воспитатель Нерона в годы его отрочества, ненавидевший Агриппину и ненавидимый ею, изложил придуманный им хитроумный замысел. Он заявил, что может устроить на корабле особое приспособление, чтобы, выйдя в море, он распался на части и потопил ни о чем не подозревающую Агриппину: ведь ничто в такой мере не чревато случайностями, как море; и если она погибнет при кораблекрушении, найдется ли кто столь злокозненный, чтобы объяснять преступлением то, в чем повинны ветер и волны? А Цезарь воздвигнет усопшей храм, жертвенники и вообще не пожалует усилий, чтобы выказать себя любящим сыном.

4. Этот ловко придуманный план был одобрен. Благоприятствовали ему и сами обстоятельства, ибо праздник Квинкватров³ Нерон проводил в Байях. Сюда он и заманивает мать, повторяя, что следует терпеливо носить гнев родителей и подавлять в себе раздражение, и рассчитывая, что слух о его готовности к примирению дойдет до Агриппины, которая поверит ему с легкостью, свойственной женщинам, когда дело идет о желанном для них. Итак, встретив ее на берегу (ибо она прибывала из Анция), он взял ее за руку, обнял и повел в Бавлы. Так называется вилла у самого моря в том месте, где оно образует изгиб между Мизенским мысом и Байским озером. Здесь вместе с другими стоял отличавшийся нарядным убранством корабль, чем принцепс также как бы воздавал почести матери; надо сказать, что ранее она постоянно пользовалась триремою с гребцами военного флота. Затем Нерон пригласил ее к ужину, надеясь, что ночь поможет ему приписать ее гибель случайности. Хорошо известно, что кто-то выдал его и предупредил Агриппину о подстроеной

ей западне, и она, не зная, верить ли этому, отправилась в Байи на кочных носилках. Там, однако, ласковость сына рассеяла ее страхи; он принял ее с особой предупредительностью и поместил за столом выше себя. Непрерывно поддерживая беседу то с юношеской непринужденностью и живостью, то с сосредоточенным видом, как если бы сообщал ей нечто исключительно важное, он затянул пиршество; провожая ее, отбывающую к себе, он долго, не отрываясь, смотрит ей в глаза и горячо прижимает ее к груди, то ли, чтобы сохранить до конца притворство или, быть может, потому, что прощание с обреченной им на смерть матерью тронуло его душу, сколь бы зверской она ни была.

5. Но боги, словно для того, чтобы злодеяние стало явным, послали ясную звездную ночь с безмятежно спокойным морем. Корабль не успел далеко отойти; вместе с Агриппиной на нем находились только двое из ее приближенных — Креперей Галл, стоявший невдалеке от кормила, и Ацеррония, присевшая в ногах у нее на ложе и с радостным возбуждением говорившая о раскаянии ее сына и о том, что она вновь обрела бывшее влияние, как вдруг по данному знаку обрушивается отягченная свинцом кровля каюты, которую они занимали; Креперей был ею задавлен и тут же испустил дух, а Агриппину с Ацерронией защитили высокие стенки ложа, случайно оказавшиеся достаточно прочными, чтобы выдержать тяжесть рухнувшей кровли. Не последовало и распада корабля, так как при возникшем на нем всеобщем смятении очень многие непосвященные в тайный замысел помешали тем, кому было поручено привести его в исполнение. Тогда гребцам отдается приказ накренить корабль на один бок и таким образом его затопить; но и на этот раз между ними не было необходимого для совместных действий единодушия, и некоторые старались наклонить его в противоположную сторону, так что обе женщины не были сброшены в море внезапным толчком, а соскользнули в него. Но Ацерронию, по неразумию кричавшую, что она Агриппина и призывавшую помочь матери принцепса, забивают насмерть багами, веслами и другими попавшими под руку корабельными принадлежностями, тогда как Агриппина, сохранявшая молчание и по этой причине неузнанная (впрочем, и она получила рану в плечо), сначала вплавь, потом на одной из встречных рыбацких лодок добралась до Лукринского озера и была доставлена на свою виллу.

6. Там, поразмыслив над тем, с какой целью она была приглашена лицемерным письмом, почему ей воздавались такие почести, каким образом у самого берега не гонимый ветром и не наскочивший на скалы корабль стал разрушаться сверху, словно наземное сооружение, а также приняв во внимание убийство Ацерронии и взирая на свою рану, она решила, что единственное средство уберечься от нового покушения — это сделать вид, что она ничего не подозревает. И она направляет к сыну вольноотпущенника Агерина с поручением передать ему, что по милости богов и храняемая его счастьем она спаслась от почти неминуемой гибели

и что она просит его, сколь бы он ни был встревожен опасностью, которую пережила его мать, отложить свое посещение: в настоящем она нуждается только в отдыхе. После этого все с тем же притворным спокойствием она прикладывает к ране целебные снадобья и к телу — согревающие примочки, а также велит разыскать завещание Ацерронии и опечатать оставшиеся после нее вещи, только в этом действуя без притворства.

7. А Нерону, поджидавшему вестей о выполнении злодеяния, тем временем сообщают, что легко раненная Агриппина спаслась, претерпев столько бедствий такого рода, что у нее не может оставаться сомнений, кто их виновник. Помертвев от страха, он восклицает, что охваченная жаждою мщения, вооружив ли рабов, возбудив ли против него воинов или воззвав к сенату и народу, она вот-вот придет, чтобы вменить ему в вину кораблекрушение, свою рану и убийство друзей:⁴ что же тогда поможет ему, если чего-нибудь не придумают Бурр и Сенека. И он будит их с повелением срочно явиться к нему, неизвестно, посвященных ли ранее в его замысел. И тот и другой долго хранят молчание, чтобы бесплодно не перечить ему или, быть может, считая дело зашедшим так далеко, что, если не упредить Агриппину, ничто не уберезет Нерона от гибели. Наконец Сенека, набравшись решимости, взглянул на Бурра и обратился к нему с вопросом, можно ли отдать приказ воинам умертвить Агриппину. Тот ответил, что преторианцы связаны присягою верности всему дому Цезарей и, помня Германика, не осмелятся поднять руку на его дочь: пусть Аникет выполняет обещанное. Тот, не колеблясь, предлагает возложить на него осуществление этого злодеяния. В ответ на его слова Нерон заявляет, что в этот день ему, Нерону, даруется самовластие и что столь бесценным подарком он обязан вольноотпущеннику; так пусть же он поторопится и возьмет с собою готовых беспрекословно повиноваться его приказаниям. А сам, узнав о прибытии посланного Агриппиною Агерина, решает возвести на нее ложное обвинение и, пока тот передает ему то, что было ею поручено, подбрасывает ему под ноги меч, а затем приказывает заключить его в оковы, имея в виду впоследствии клеветнически объявить, будто мать принцепса, задумавшая покуситься на его жизнь и опозоренная тем, что уличена в преступном деянии, сама себя добровольно предала смерти.

8. Между тем распространяется весть с несчастном случае с Агриппиной, и всякий, услышав об этом, бежит на берег. Одни поднимаются на откосы береговых дамб, другие вскакивают в ближайšie лодки; иные, насколько позволял рост, входят в воду, некоторые протягивают вперед руки; сетованиями, молитвенными возгласами, растерянными вопросами и сбивчивыми ответами оглашается все побережье; стеклась несметная толпа с факелами, и когда стало известно, что Агриппина жива, собравшиеся вознамерились пойти к ней с поздравлениями, но при виде появившегося и пригрозившего им воинского отряда рассеялись. Аникет, рас-

ставив вокруг виллы вооруженную стражу, взламывает ворота и, расталкивая встречных рабов, подходит к дверям занимаемого Агриппиною покоя; возле него стояло несколько человек, остальных прогнал страх перед ворвавшимися. Покой был слабо освещен — Агриппину, при которой находилась только одна рабыня, все больше и больше охватывала тревога: никто не приходит от сына, не возвращается и Агерин: будь дело благополучно, все шло бы иначе; а теперь — пустынно и тишина, внезапные шумы — предвестия самого худшего. Когда и рабыня направилась к выходу, Агриппина, промолвив: «И ты меня покидаешь», — оглядывается и, увидев Аникета с сопровождавшими его триерархом Геркулеем и флотским центурионом Обаритом, говорит ему, что если он пришел проведать ее, то пусть передаст, что она поправилась; если совершить злодеяние, то она не верит, что такова воля сына: он не отдавал приказа об умерщвлении матери. Убийцы обступают тем временем ее ложе; первым ударил ее палкой по голове триерарх. И когда центурион стал обнажать меч, чтобы ее умертвить, она, подставив ему живот, воскликнула: «Поражай чрево!», — и тот прикончил ее, нанеся ей множество ран.

9. В рассказе об этом нет расхождений. Но рассматривал ли Нерон бездыханную мать и хвалил ли ее телесную красоту, показания относительно этого разноречивы: кто сообщает об этом, кто это опровергает. Ее тело сожгли той же ночью с выполнением убогих погребальных обрядов; и пока Нерон сохранял верховную власть, над ее останками не был насыпан могильный холм и место погребения оставалось неогражденным. В дальнейшем попечением ее домочадцев ей была сооружена скромная гробница близ Мизенской дороги и виллы диктатора Цезаря, которая взвышается над раскинувшимся внизу изрезанным заливами побережьем. После того как был разожжен погребальный костер, вольноотпущенник Агриппины по имени Мнестер закололся мечом, из привязанности ли к своей госпоже или из страха пред возможною казнью. Агриппина за много лет ранее ожидала такого конца и не страшилась его: передают, что она обратилась к халдеям с вопросом о грядущей судьбе Нерона, и, когда те ей ответили, что он будет властвовать и умертвит мать, она сказала: «Пусть умерщвляет, лишь бы властвовал».

10. Но лишь по свершении этого злодеяния Цезарь постиг всю его непомерность. Неподвижный и погруженный в молчание, а чаще мечущийся от страха и наполовину безумный, он провел остаток ночи, ожидая, что рассвет принесет ему гибель. Первыми в нем пробудили надежду явившиеся со лъстивыми заверениями по наущению Бурра центурионы и трибуны, ловившие его руку и поздравлявшие с избавлением от неожиданной опасности, с раскрытием преступного умысла матери. Вслед за тем его приближенные стали обходить храмы, а ближние города Кампаний, подхватив их пример, — изъявлять свою радость жертвоприношениями и присылкою своих представителей; сам же он, напротив, изображал скорбь

и, будто возненавидев себя за то, что остался жив, притворно оплакивал мать. Но так как облик мест не меняется, подобно лицам людей, и тяготивший Нерона вид моря и берегов оставался все тем же (к тому же нашлись и такие, кому казалось, что среди окрестных холмов слышатся звуки трубы, а над могилою его матери — горестные стенания), он удалился в Неаполь, откуда направил сенату послание, в котором говорилось о том, что подосланный его убить приближенный вольноотпущенник Агриппины по имени Агерин был схвачен с мечом и что якобы осужденная собственной совестью за покушение на злодеяние, она сама себя предала смерти.

11. К этому он добавил и перечень более давних ее прегрешений, а именно что она надеялась стать соправительницей, привести преторианские когорты к присяге на верность повелениям женщины и подвергнуть тому же позору сенат и народ, а после того как эти надежды были развеяны, охваченная враждебностью к воинам, сенату и простому народу, возражала против денежного подарка воинам и раздачи конгиария бедноте и стала строить козни именитым мужам. Сколько трудов стоило ему добиться того, чтобы она не врывалась в курию, чтобы не отвечала от лица государства чужеземным народам! Косвенно высказав порицание временам Клавдия, вину за все творившиеся в его правление безобразия он также переложил на мать, утверждая, что ее смерть послужит ко благу народа. Больше того, он рассказывал и о злосчастном происшествии на корабле. Но нашелся ли хоть кто-нибудь столь тупоумный, чтобы поверить, что оно было случайным? Или что потерпевшей кораблекрушение женщиной был послан с оружием одиночный убийца, чтобы пробиться сквозь когорты и императорский флот? Вот почему неприязненные толки возбуждал уже не Нерон, — ведь для его бесчеловечности не хватало слов осуждения, — а составивший это послание и вложивший в него признания подобного рода Сенека.

12. С поразительным соревнованием в раболепии римская знать принимает решение о свершении молебствий во всех существующих храмах, о том, чтобы Квинкватры, в дни которых было раскрыто злодейское покушение, ежегодно отмечались публичными играми, чтобы в курии были установлены золотая статуя Минервы и возле нее изваяние принцепса, наконец, чтобы день рождения Агриппины был включен в число несчастливых. Тразея Пет, обычно хранивший молчание, когда вносились льстивые предложения, или немногословно выражавший свое согласие с большинством, на этот раз покинул сенат, чем навлек на себя опасность, не положив этим начала независимости всех прочих. Тогда же произошло много знамений, не имевших, однако, последствий: одна женщина родила змею, другая на супружеском ложе была умерщвлена молнией; внезапно затмилось солнце и небесный огонь коснулся четырнадцати концов города.⁵ Но боги были ко всему этому непричастны, и многие годы Нерон продолжал властвовать и беспрепятственно творить злодеяния. Впрочем,

чтобы усилить ненависть к Агриппине и показать, насколько после ее устранения возросло его милосердие, он возвратил в родной город знатных матрон Юнию и Кальпурнию и равным образом бывших преторов Валерия Капитона и Лициния Габола, некогда изгнанных Агриппиною. Он дозволил, кроме того, перевезти в Рим прах Лоллии Паулины и соорудить ей гробницу; освободил он от наказания также Итурия и Кальвизия, которых сам недавно сослал. Что касается их покровительницы Силаны, то она умерла своей смертью, возвратившись из дальней ссылки в Тарент, когда могущество Агриппины, враждебность которой ее сокрушила, уже пошатнулось и ее своеволие было обуздано.

13. Тем не менее Нерон медлит, объезжая один за другим города Кампании, озабоченный тем, как его встретят при въезде в Рим, найдет ли он в нем покорный его воле сенат, благосклонность простого народа; чтобы рассеять его колебания, негодяи из его окружения, которыми его двор изобиловал как никакой другой, настойчиво внушают ему, что имя Агриппины всем ненавистно и что с ее смертью народная любовь к нему возросла; пусть же он смело пустится в путь и убедится воочию, каким почитанием его окружают; одновременно они добиваются позволения отправиться в Рим несколько ранее его отъезда туда. И они находят даже бóльшую готовность к его приему, чем обещали ему, вышедшие навстречу трибы, сенаторов в праздничных одеяниях, расставленные по полу и возрасту ряды матрон и детей, сооруженные по пути его следования ступенчатые трибуны, с каких зрители смотрят на триумфальные шествия. Преисполнившись вследствие этого высокомерия, гордый одержанною победой и всеобщей рабской угодливостью, он торжественно поднялся на Капитолий, возблагодарил богов и вслед за тем безудержно предавался всем заложенным в нем страстям, которые до этой поры если не подавляло, то до известной степени сдерживало уважение к матери, каково бы оно ни было.

14. Уже давно он был одержим страстным желанием усовершенствоваться в умении править квадригою на ристалище и не менее постыдным влечением овладеть ремеслом кифареда. Он говорил, что конные состязания — забава царей и полководцев древности; их воспели поэты, и они устраивались в честь богов. А музыке покровительствует Аполлон, который, будучи величайшим и наделенным даром провидения божеством, во всех изваяниях, не только в греческих городах, но и в римских храмах, изображен с кифарой в руках. Убедившись в невозможности побороть эти его увлечения, Сенека и Бурр сочли нужным снизить к одному из них, дабы он не отдался им обоим. В Ватиканской долине было огорожено для него ристалище, на котором он мог бы править конной упряжкой в присутствии небольшого числа избранных зрителей; но вскоре он сам стал созывать туда простой народ Рима, превозносивший его похвалами, ибо чернь, падкая до развлечений, радовалась, что принцепсу свойственны те же склонности, что и ей. Но унизив свое достоинство публичными

выступлениями, Нерон не ощутил, как ожидали, пресыщения ими; напротив, он проникся еще большею страстью к ним. Рассчитывая снять с себя долю позора, если запятнает им многих, он завлек на подмостки вставших в нужду и по этой причине продавшихся ему потомков знаменитых родов; они умерли в назначенный судьбой срок, но из уважения к их прославленным предкам я не стану называть их имена. К тому же бесчестие ложится и на того, кто оделял их деньгами, скорее награждая проступки, чем для предупреждения их. Он заставил выступать на арене и именитейших римских всадников, склонив их к этому своими щедротами; впрочем, плата, полученная от того, кто может приказывать, не что иное, как принуждение.

15. Все еще не решаясь бесчестить себя на подмостках общедоступного театра, Нерон учредил игры, получившие название Ювеналий,⁶ и очень многие изъявили желание стать их участниками. Ни знатность, ни возраст, ни прежние высокие должности не препятствовали им подвизаться в ремесле греческого или римского лицедея, вплоть до постыдных для мужчины телодвижений и таких же песен. Упражнялись в непристойностях и женщины из почтенных семейств. В роще, разбитой Августом вокруг вырытого им для навмахий пруда,⁷ были построены здания для развлечений и лавки, торговавшие тем, что распаляет самые низкие страсти. Посещавшим их выдавались деньги, которые тут же издерживались, — благонравными по принуждению, распутными из бахвальства. Эти сборища стали рассадниками разнузданности и непотребства, и ничто не способствовало дальнейшему развращению и без того испорченных нравов в такой мере, как эти притоны. Даже среди занятых честным трудом едва поддерживается добропорядочность; как же сохраниться целомудрию, скромности или хоть каким-нибудь следам добродетели там, где соревнуются в наихудших пороках? Наконец, с помощью учителей пения подготовившись к выступлению и тщательно настроив кифару, последним выходит на сцену Нерон. Тут же присутствовали когорты воинов с центурионами и трибунами и сокрушенный, но выразивший ему одобрение Бурр. Тогда же впервые были набраны прозванные августианцами⁸ римские всадники, все молодые и статные; одних влекла прирожденная наглость, других — надежда возвыситься. Дни и ночи раздражались они рукоплесканиями, возглашая, что Нерон красотою и голосом подобен богам и величая его их именами. И были эти августианцы окружены славою и почетом, словно свершили доблестные деяния.

16. Но желая прославиться не только театральными дарованиями, император обратился также к поэзии, собрав вокруг себя тех, кто, обладая некоторыми способностями к стихотворству, еще не стяжал себе сколько-нибудь значительной славы. Пообедав, они усаживались все вместе и принимались связывать принесенные с собою или сочиненные тут же строки и дополнять случайные слова самого императора. Это явственно видно с первого взгляда на эти произведения, в которых нет ни порыва, ни

вдохновения, ни единства поэтической речи.⁹ После трапезы уделял он время и учителям философии, дабы позабавиться спорами между отстаивавшими противоположные мнения. И среди них не было недостатка в таких, кто своим глубокомысленным видом старался доставить императору подобные развлечения.

17. Приблизительно тогда же, начавшись с безделицы, во время представления гладиаторов, даваемого Ливинеем Регулом, об исключении которого из сената я сообщил,¹⁰ вспыхнуло жестокое побоище между жителями Нуцерии и Помпей. Задирая сначала друг друга по свойственной городским низам распушенности насмешками и поношениями, они схватились затем за камни и наконец за оружие, причем взяла верх помпейская чернь, в городе которой давались игры. В Рим были доставлены многие нуцерийцы с телесными увечьями, и еще большее их число оплакивало гибель детей или родителей. Разбирательство этого дела принцепс предоставил сенату, а сенат — консулам. И после того как те снова доложили о нем сенату, он воспретил общине помпейцев на десять лет устройство этого рода сборищ и распустил созданные ими вопреки законам товарищества. Ливиней и другие виновники беспорядков были наказаны ссылкой.

18. Тогда же из senatorского сословия был исключен Педий Блез, обвиненный киренцами в расхищении сокровищницы Эскулапия и в том, что, производя набор в войско, брал взятки и допускал злоупотребления. Те же киренцы настаивали на предании суду бывшего претора Ацилия Страбона, направленного к ним в свое время Клавдием для разбора дела о землях, некогда принадлежавших царю Апиону, завещанных им вместе с царством римскому народу и захваченных ближайшими землевладельцами, которые отстаивали давнее беззаконие и самоуправство, ссылаясь на право и справедливость. Вынеся решение об отобрании спорных земель, Страбон восстановил против себя эту провинцию. Сенат ответил киренцам, что ему неизвестны распоряжения Клавдия и что следует обратиться к принцепсу. А Нерон, одоблив принятое Страбоном решение, тем не менее написал сенату, что, идя навстречу союзникам, уступает им незаконно присвоенное.

19. Затем следуют кончины выдающихся мужей Домиция Афра и Марка Сервилия, занимавших в прошлом высшие должности и отличавшихся блистательным красноречием: первый был знаменит судебными речами, Сервилий — своими выступлениями на форуме, а в дальнейшем и сочинением по римской истории, и безупречностью образа жизни, отличавшего его перед Афром, который, будучи равен ему дарованиями, не обладал его нравами.

20. В консульство Нерона (четвертое) и Корнелия Косса¹¹ в Риме по образцу греческих состязаний¹² были учреждены игры, которые надлежало проводить раз в пятилетие,¹³ что, как всякое новшество, вызвало разноречивые толки. Нашлись и такие, кто говорил, что на их памяти

старики порицали даже Гнея Помпея за возведение им постоянного театра. Ведь ранее наспех сколачивали ступенчатые трибуны для зрителей и временную сцену, а если глубже заглянуть в старину, то народ смотрел представления стоя, ибо опасались, что, если в театре будут сидения, он станет проводить в нем целые дни в полном безделье. Пусть будут сохранены завещанные древностью зрелища, даваемые преторами, но без необходимости для кого бы то ни было из граждан вступать в состязания. А теперь вследствие заимствованной извне разнузданности уже расшатанные отчие нравы окончательно искореняются, дабы Рим увидел все самое развращенное и несущее с собой развращение, что только ни существует под небом, дабы римская молодежь, усвоив чужие обычаи, проводя время в гимназиях,¹⁴ праздности и грязных любовных утех, изнежилась и утратила нравственные устои, и все это — по наущению принцепса и сената, которые не только предоставили свободу порокам, но и применяют насилие, заставляя римскую знать под предлогом соревнований в красноречии и искусстве поэзии бесчестить себя на подмостках. Что же ей еще остается, как не обнажиться и, вооружившись цестами,¹⁵ заняться кулачными боями вместо того, чтобы служить в войске и совершенствоваться в военном деле? Или, быть может, возрастет справедливость и всаднические декуррии, наловчившись разбираться в переливах звучаний и прелести голосов, станут усерднее отправлять высокую обязанность правосудия? Даже ночи, и те отданы этому сраму, чтобы ни у кого не оставалось времени устыдиться, но посреди беспорядочных сборищ, пользуясь мраком, каждый распутник мог осмелиться на то, к чему он жадно тянулся на протяжении дня.

21. Многим, однако, эта распушенность пришла по душе, и они старались приискать для нее благовидные оправдания. Наши предки, говорили они, так же не чуждались доступных им по их тогдашним возможностям развлечений, доставляемых зрелищами, — так, лицедеев они призывали от тусков, у турийцев заимствовали конные состязания; а овладев Аханией и Азией, они стали тщательнее обставлять игры, и тем не менее в течение двухсот лет после триумфа Луция Муммия, который первым показал в Риме этот род зрелищ, ни один римлянин знатного происхождения не унизил себя ремеслом лицедея. Построить постоянный театр их побуждала и бережливость, так как это было гораздо выгоднее, чем, производя огромные траты, ежегодно возводить и разбирать театральные сооружения. К тому же магистратам не придется расточать личные средства и у народа не будет повода домогаться от них греческих состязаний, так как все издержки по их устройству лягут на государство. Победы ораторов и поэтов будут поощрять к развитию дарований, и никакому судье не в тягость послушать достойные произведения и уделить время дозволенным удовольствиям. Наконец, несколько ночей за целое пятилетие отдаются веселью, а не разгулу; ведь их озарит такое обилие ярких огней, что не сможет укрыться ничто предосудительное. И действи-

тельно, эти игры прошли без явного ущерба для благонравия и театральные страсти не распалили толпу, ибо, хотя мимы и были возвращены на подмостки, к священным состязаниям их все же не допустили. Главной награды за красноречие никто удостоен не был, но победителем объявлен Нерон. Греческая одежда, в которую в те дни многие облачились, по миновании их вышла из употребления.

22. Среди этих событий возблистала комета, по распространенному в толпе представлению предвещающая смену властителя. И вот, как будто Нерон был уже свергнут, пошли толки, кто же будет избран вместо него: все в один голос называли Рубеллия Плавта, знатнейшего мужа, мать которого принадлежала к роду Юлиев. Он чтит установления предков, облик имел суровый, жил безупречно и замкнуто, и чем незаметнее, побуждаемый осторожностью, старался держаться, тем лучше о нем говорили в народе. Распространению толков об ожидающем его будущем способствовало и порожденное тем же легкомыслием истолкование следующего происшествия: когда Нерон, находясь на вилле у Симбринских озер, которая носит название Сублаквей, возлежал за трапезой, молния разбила стол со всеми расставленными на нем яствами. И так как это случилось по соседству с Тибуром, из которого происходил отцовский род Плавта, было сочтено, что волей богов ему предназначается власть, и многие, наделенные нетерпеливым и чаще всего обманчивым честолюбием, толкающим их преждевременно восторгаться новым и еще не определившимся, стали окружать его чрезмерным вниманием. Встревоженный этим Нерон пишет Плавту письмо: пусть он подумает о спокойствии Рима и удалится от распространителей злонамеренных слухов; владея наследственными землями в Азии, он может в безопасности и безмятежно наслаждаться там своей молодостью. И Плавт удалился туда вместе с женою Антистией и немногими домочадцами.

В те же дни ненасытная страсть Нерона к беспутству подвергла его бесчестию и опасности, ибо он искупался и плавал в водоеме отведенного в Рим Марциева источника, и было сочтено, что, омыв в нем свое тело, он осквернил священные воды и святость этого места. И действительно, последовавшая затем угрожавшая его жизни болезнь подтвердила, что он разгневал богов.

23. После разрушения Артаксаты¹⁶ Корбулон решил воспользоваться еще владевшей врагами растерянностью и захватить Тигранокерту, чтобы или, уничтожив ее, вселить в них еще больший ужас, или, пощадив, — породить молву о своем милосердии. Он направляется к городу, не производя со своим войском опустошений, чтобы не отнимать надежды на снисхождение, и вместе с тем не забывая о мерах предосторожности, ибо он хорошо знал, как непостоянен этот народ, столь же малодушный в опасности, сколь вероломный при благоприятных для него обстоятельствах. Варвары, смотря по нраву каждого, одни — обращаются к нему с мольбами, другие — покидают свои селения и уходят в глухие места; были и

такие, которые вместе со всем, что было для них дороже всего, укрылись в пещерах. Поэтому и римский полководец поступал с ними по-разному: был милостив к взывающим о пощаде, стремителен в преследовании бегущих и безжалостен к засевшим в убежищах: он закладывает входы и выходы пещер сучьями и валежником и разводит огонь. А когда он проходил мимо пределов мардвов, привычные к разбойным набегам и защищенные от вторжения горами, они совершили на него нападение; бросив на них иберов, Корбулон разорил их земли и дерзость врагов отмстил чужой кровью.

24. Сам он и его войско, хоть оно и не понесло потерь от сражений, вынужденные утолять голод одним только мясом, изнемогали от лишений и трудностей; недостаток воды, знойное лето, дальность переходов — все это умерялось лишь терпением полководца, переносившего наравне с рядовым воином те же и даже большие тяготы. Наконец выбрались в обитаемые места и сняли жатву; из двух крепостей, в которых укрылись армяне, одна была взята приступом; тех же, кому удалось отбить первый натиск, вынудили к сдаче осадой. Перейдя затем в область тавравнитов, Корбулон избегнул неожиданной опасности: возле его палатки был схвачен с оружием некий варвар из знатного рода. Под пытку он раскрыл заговор и его цели, назвал его главой и зачинщиком и выдал своих сотоварищей; и были изобличены и наказаны те, кто под личиной друзей готовил злодейское покушение. Вскоре прибывшие из Тигранокерты послы заявили, что их город открыл ворота и его жители ждут приказаний; при этом в качестве дара гостеприимства они поднесли золотой венец; Корбулон благосклонно принял его, и городу не было причинено никакого ущерба, дабы горожане с тем большей готовностью соблюдали повиновение.

25. Но крепость Легерда, в которой заперлась отважная молодежь, была захвачена не без борьбы: враги осмелились дать битву у ее стен и, загнанные внутрь укреплений, перестали сопротивляться лишь после того, как нами был насыпан осадный вал и наши силою ворвались в крепость. Это было облегчено тем, что парфян связывала война с гирканами. Тогда же гирканы направили к римскому принцепсу посольство с просьбой о заключении с ними союза, указывая как на залог дружбы, что они сдерживают царя Вологеза. Корбулон при возвращении послов дал им охрану, чтобы, переправившись через Евфрат, они не были схвачены вражескими отрядами: их проводили до берегов Красного моря, откуда, избежав пределов парфян, они возвратились на родину.

26. А когда Тиридат, пройдя через земли мидян, вторгся в пограничные с ними пределы Армении, Корбулон вынудил его удалиться и оставить мысль о войне, выслав против него со вспомогательными войсками легата Верулана и поспешив вслед за ним с легионами; опустошив огнем и мечом владения тех, о чьей враждебности к нам он был осведомлен, Корбулон уже держал в своих руках всю Армению, когда прибыл Тигран, избранный Нероном ее властителем; он происходил из каппадокийской знати, был

внуком царя Архелая, но длительное пребывание в Риме заложником воспитало в нем рабскую приниженность. Принят он был не всеми с одинаковою готовностью, так как некоторые все еще питали привязанность к Арсакидам; но большинство ненавидело парфян за надменность и предпочитало иметь царя, присланного из Рима. Тиграну дали охрану из тысячи легионеров, двух союзнических когорт и двух отрядов вспомогательной конницы, и чтобы ему было легче удерживать за собою новый престол, определенным частям Армении, смотря по тому, к чьим землям они примыкали, было велено повиноваться Фарасману, Полемону, Аристобулу и Антиоху. Со смертью Умидия Квадрата Корбулон отбыл в Сирию, оставшуюся без наместника и отданную ему в управление.

27. В том же году Лаодикея, один из славнейших городов Азии, была разрушена землетрясением и без нашей помощи, своими средствами сама себя подняла из развалин. В Италии старинный город Путеолы получил от Нерона права колонии и название по его имени.¹⁷ К Таренту и Анцию были приписаны ветераны, не способствовавшие, однако, заселению этих пустынных местностей, так как в большинстве они разбрелись по провинциям, в которых закончили срок своей службы; не привыкшие к брачным союзам и воспитанию рожденных от них детей, они оставляли свои дома безлюдными, без наследников. К тому же теперь выводились на поселение не легионы в полном составе, со своими центурионами и трибунами, — как в былые времена, когда каждый воин вместе со своими товарищами составляли общину, живущую в добром согласии, — но воины, друг друга не знавшие, из различных манипулов, без руководителя, без взаимной привязанности, наскоро собранные все вместе как бы из разноплеменных людей, — скорее какое-то собрание, чем колония.

28. Так как избрание преторов, обычно производившееся сенатом, сопровождалось на этот раз особенно ожесточенной борьбой, принцепс внес успокоение, назначив троих из соискателей легатами легионов,¹⁸ так что число оставшихся сравнялось с числом преторских мест. Он также возвысил достоинство сената, определив, что апеллирующие к нему на решения судей по гражданским делам рискуют такой же суммой, как и апеллирующие к императору, тогда как ранее обращавшиеся с этим в сенат не вносили никакого залога. В конце года римский всадник Вибий Секунд по обвинению, выдвинутому против него мавританцами, осуждается за вымогательство и изгоняется из Италии; он избежал более сурового наказания лишь благодаря заступничеству своего брата Вибия Криспа.

29. В консульство Цезенния Пета и Петрония Турпилиана¹⁹ нам пришлось понести в Британии тяжелое поражение; Авл Дидий, как я упоминал выше, сохранил в ней только старые приобретения, а его преемник Вераний, незначительными набегами разорявший силуров, умер, не успев расширить военные действия; пользуясь при жизни славою мужа строгих нравственных правил, он выказал себя в завещании суетным честолюбцем: расточив Нерону обильную лесть, он под конец заявлял, что окончательно

подчинил бы его власти эту провинцию, доведись ему прожить еще хотя бы два года. Но в описываемое время британцами правил Светоний Паулин, знанием военного дела и славой в народе, который для всякого находит соперника, состязавшийся с Корбулоном и стремившийся укрощением неприятеля сравняться в заслугах с покорителем Армении. Итак, он решает напасть на густонаселенный и служивший пристанищем для перебежчиков остров Мону и с этой целью строит плоскодонные корабли, не боящиеся мелководья и подводных камней. На них он и перевез пехотинцев; всадники же переправились следуя по отмелям, а в более глубоких местах — плывя рядом с конями.²⁰

30. На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды²¹ с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия. Новизна этого зрелища потрясла наших воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары. Наконец, вняв увещаниям полководца и побуждая друг друга не страшиться этого иступленного, наполовину женского войска, они устремляются на противника, отбрасывают его и оттесняют сопротивляющихся в пламя их собственных факелов. После этого у побежденных размещают гарнизон и вырубают их священные рощи, предназначенные для отправления свирепых суеверных обрядов: ведь у них считалось благочестивым орошать кровью пленных жертвенники богов и испрашивать их указаний, обращаясь к человеческим внутренностям. И вот, когда Светоний был занят выполнением этих дел, его извещают о внезапно охватившем провинцию возмущении.

31. Царь иценов Прасутаг, славившийся огромным богатством, назначил в завещании своими наследниками Цезаря и двух дочерей, рассчитывая, что эта угодливость оградит его царство и достояние от насилий. Но вышло наоборот, и царство стали грабить центурионы, а достояние — рабы прокуратора, как если бы и то и другое было захвачено силой оружия. Прежде всего была высечена плетью жена Прасутага Боудикка и обесчещены дочери; далее, у всех видных иценов отнимается унаследованное от предков имущество (словно вся эта область была подарена римлянам), а с родственниками царя начинают обращаться как с рабами. Возмущенные этими оскорблениями и страшась еще худших, поскольку их земля стала частью провинции, ицены хватаются за оружие и привлекают к восстанию тринобантов, а также всех тех, кто, еще не сломленный порабощением, поклялся на тайных собраниях отвоевать утраченную свободу, питая особую ненависть к ветеранам. И в самом деле, недавно выведенные в колонию Камулудун, они выбрасывали тринобантов из их жилищ, сгоняли с полей, называя пленниками и рабами, причем воины потворствовали своеволию ветеранов и вследствие сходства в образе жизни, и в надежде на то, что им будет дозволено то же. К тому же возведенный божествен-

ному Клавдию храм представлялся тринобангам как бы оплотом вечного господства над ними, а назначенные его жрецами разоряли их под предлогом издержек на отправление культа. Между тем восставшим казалось делом отнюдь нетрудным уничтожить колонию, не имевшую никаких укреплений, ибо наши военачальники об этом не позаботились, думая более о приятном, чем о полезном.

32. При таком положении дел статуя Виктории в Камулодуне безо всякой явной причины рухнула со своего места и повернулась в противоположную сторону, как бы отступая перед врагами. И впавшие в исступление женщины стали пророчить близкую гибель: в курии камулодунцев раздавались какие-то непонятные звуки, театр оглашался воплями, и на воде в устье Тамезы явилось изображение поверженной в прах колонии; Океан стал красным, как кровь, и на обнаженном отливом дне виднелись очертания человеческих трупов. Все это толковалось как знамения, благоприятные для британцев, зловещие для ветеранов. И так как Светоний был далеко, обратились за помощью к прокуратору Кату Дециану. Тот прислал не более двухсот человек, и к тому же без надлежащего вооружения; стоял в Камулодуне и малочисленный отряд воинов. Уповая на храм как на неприступную крепость и встречая противодействие в осуществлении разумных мероприятий со стороны тех, кто был тайным сообщником восставших, они не провели вала и рва и не отослали женщин и стариков, с тем чтобы оставить при себе только боеспособных; и вот тьма варваров окружает их, столь же беспечных, как если бы кругом царил мир. Напавшие разграбили и сожгли все, кроме храма, в котором сосредоточились воины и который после двухдневной осады был также захвачен врагами. Победители-британцы, выйдя навстречу шедшему на выручку Камулодуна легату девятого легиона Петилию Цериалу, рассеяли его легион, перебив всех пехотинцев; сам Цериал с конницей ускользнул в лагерь и укрылся за его укреплениями. Устрашенный этим разгромом и ожесточением провинции, которую его корыстолюбие ввергло в мятеж, Кат переправился в Галлию.

33. А Светоний, с поразительной стойкостью пробившийся среди врагов, достиг Лондиния, города, хотя и не именовавшегося колонией,²² но весьма людного вследствие обилия в нем купцов и товаров. Здесь, размышляя над тем, не избрать ли его опорой для ведения дальнейших военных действий, он, учтя малочисленность своего войска и пример Петилия, которому дорого обошлась его опрометчивость, решает пожертвовать этим городом ради спасения всего остального. Ни мольбы, ни слезы взывавших к нему о помощи горожан не поколебали его решимости, и он подал сигнал к выступлению, взяв с собою в поход пожелавших ему сопутствовать; те, кого удержали от этого пол или преклонный возраст или привлекательность этого места, были истреблены врагами. Такая же участь постигла и муниципий Веруламий, так как варвары, обрадованные возможностью грабежа и не расположенные к бранному труду, обходя стороною крепости и гарнизоны, накидывались на то, что сулило особенно богатую добычу и

недостаточно охранялось защитниками. Известно, что в упомянутых мною местах погибло до семидесяти тысяч римских граждан и союзников. Ведь восставшие не знали ни взятия в плен, ни продажи в рабство, ни каких-либо существующих на войне соглашений, но торопились резать, вешать, жечь, распинать, как бы в предвидении, что их не минует возмездие, и заранее отмщая себя.

34. Светоний перестал выжидать и решился дать сражение неприятелю лишь после того, как в его распоряжении оказались четырнадцатый легион с вексиллариями двадцатого и подразделения вспомогательных войск из размещенных поблизости — всего около десяти тысяч вооруженных. Для сражения он избирает местность с узкой тесниною перед нею и с прикрывавшим ее сзади лесом, предварительно уверившись в том, что враг только пред ним на равнине и что она совершенно открыта и можно не опасаться засад. Итак, легионеров он расставил сомкнутым строем, по обе стороны от них — легковооруженных, а на крайних флангах — конницу в плотных рядах. А у британцев в каждом отряде конных и пеших шло ликование; их было такое множество, как никогда ранее, и они были преисполнены такой самоуверенности, что взяли с собою жен, дабы те присутствовали при их победе, и посадили их на повозки, находившиеся у краев поля.

35. Боудикка, поместив на колеснице впереди себя дочерей, когда приближалась к тому или иному племени, восклицала, что британцы привыкли воевать под предводительством женщин, но теперь, рожденная от столь прославленных предков, она мстит не за потерянные царство и богатства, но как простая женщина за отнятую свободу, за свое избитое плетью тело, за поруганное целомудрие дочерей. Разнузданность римлян дошла до того, что они не оставляют неоскверненным ни одного женского тела и не щадят ни старости, ни девственности. Но боги покровительствуют справедливому мщению: истреблен легион, осмелившийся на битву; остальные римляне либо прячутся в лагерях, либо помышляют о бегстве. Они не выдержат даже топота и кликов столь многих тысяч, не то что их натиска и ударов. И если британцы подумают, сколь могучи их вооруженные силы и за что они идут в бой, они убедятся, что в этом сражении нужно победить или пасть. Так решила для себя женщина; пусть же мужчины цепляются за жизнь, чтобы прозябать в рабстве.

36. Не молчал в столь решительный час и Светоний; убежденный в доблести своих воинов, он тем не менее обратился к ним с увещаниями и просьбами презреть вопли и пустые угрозы варваров; все видят, что среди них больше женщин, чем боеспособных мужей; малодушные, кое-как вооруженные, столько раз битые, они сразу же побегут, как только узнают доблесть и мечи своих победителей. Даже при большом числе легионов судьбу сражений решают немногие, и им достанется тем больший почет, если столь малый отряд покроет себя славою, выпадающей на долю целого войска. Только пусть они не расстраивают рядов и, метнув дротики, продолжают непрерывно поражать и уничтожать неприятеля выпуклостями

шитов и мечами и не думают о добыче. После того как они одержат победу, все достанется им. Эти слова полководца вызвали такое воодушевление и старые испытанные в походах воины с такой ловкостью изготовились метнуть дротики, что, уверившись в успешном исходе, Светоний подал сигнал к началу сражения.

37. Сначала легион, не двигаясь с места, стоял за тесниною, заменявшей ему укрепления, но, выпустив все свои дротики в подступивших на расстояние верного удара врагов, бросился на них в боевом порядке на подобие клина. Столь же стремительным был натиск воинов вспомогательных войск; ринулись на неприятеля и всадники с копьями наперевес, смявшие преграждавших им путь и оказывавших сопротивление. После этого остальные враги обратились в бегство, которому, однако, мешали расставленные повсюду и загромождавшие проходы телеги. Наши воины истребляли противника, не щадя и женщин; к грудам человеческих тел добавлялись и трупы пронзенных дротиками и копьями лошадей. Одержанная в тот день победа не уступает в блеске и славе знаменитым победам древности. Ведь было истреблено, как утверждают некоторые, немногим менее восьмидесяти тысяч британцев, тогда как мы потеряли лишь около четырехсот убитыми и не намного более ранеными Боудикка лишила себя жизни ядом. А префект лагеря второго легиона Пеней Постум, узнав об успешных действиях воинов четырнадцатого и двадцатого легионов, сразил себя мечом, ибо лишил свой легион той же славы, не выполнив, вопреки воинскому уставу, приказа полководца.

38. Затем для завершения войны все войско было сосредоточено в одном месте, где содержалось в зимних палатках. Цезарь усилил его, направив из Германии подкрепления — две тысячи легионеров, восемь когорт вспомогательных войск и тысячу всадников. Легионеры были использованы для пополнения девятого легиона, а когорты и конница размещены на зимовку во вновь устроенном лагере, и земли всех подозрительных или открыто враждебных народов римское войско подвергло опустошению огнем и мечом. Но больше всего британцы страдали от голода, ибо своевременно не позаботились о посевах и потому, что и старые и молодые отправились на войну, и потому, что рассчитывали на захват наших продовольственных складов. И все же эти неукротимые племена затягивали сопротивление, так как присланный взамен Ката Юлий Классичиан, неприязненно относясь к Светонию, из личной вражды препятствовал общему благу, сея слухи о том, что вскоре должен прибыть новый легат, который без злобы к противнику и свойственного победителю высокомерия милостиво отнесется к сдавшимся. Одновременно он писал в Рим, чтобы там не ждали скорого прекращения боевых действий, если не будет назначен преемник Светонию, чьи неудачи он объяснял его непригодностью, а успехи — благоприятствованием судьбы.

39. Итак, чтобы обследовать положение в Британии, туда был направлен вольноотпущенник Поликлит, на которого Нерон возлагал большие

надежды, рассчитывая, что его влияние сможет не только установить согласие между легатом и прокуратором, но и внести успокоение в непокорные души варваров. Поликлит не замедлил отправиться в путь; на Италию и Галлию он произвел впечатление пышностью и многочисленностью сопровождавших его, а переплыв Океан, внушил страх и нашим воинам: но враги, у которых тогда еще царила никем не стесняемая свобода и которым было неведомо могущество вольноотпущенников, смеялись над ним и поражались тому, что полководец и войско, завершившие такую войну, повинуются каким-то рабом. Однако обо всем он доложил императору в смягченных выражениях; за Светонием было оставлено руководство делами, но так как после этого он потерял на берегу несколько кораблей с гребцами, что было сочтено свидетельством продолжающейся войны, ему было приказано сдать войско закончившему срок своего консульства Петронию Турпилиану. Тот, не раздражая врагов и не тревожимый ими, пребывал в ленивом бездействии, которому присвоил благопристойное наименование мира.

40. В том же году в Риме были совершены два выдающихся преступления, одно — сенатором, другое — дерзким рабом. Бывший претор Домиций Бальб, и вследствие преклонного возраста, и вследствие бездетности, при большом богатстве был беззащитен против злокозненных посягательств на его собственность. И вот его родственник Валерий Фабиан, которому был открыт путь к занятию высших должностей в государстве, подделал его завещание с ведома и при содействии римских всадников Виниция Руфина и Теренция Лентина. Те, в свою очередь, привлекли к соучастию Антония Прима и Азиния Марцелла. Антоний отличался решительностью и дерзостью, Марцелл был правнуком знаменитого Азиния Поллиона и мог бы считаться неплохим человеком, если бы не находил бедность худшим из зол. Итак, Фабиан скрепляет завещание печатями упомянутых мною и других менее видных соучастников этого дела. Подлог был изобличен в сенате, и Фабиан, а также Антоний с Руфином и Теренцием осуждаются по Корнелиеву закону.²³ Марцелла избавили больше от наказания, чем от бесчестия, уважение к памяти его предков и заступничество Цезаря.

41. Сразил этот день и Помпея Элиана, молодого человека, прошедшего квестуру; ему, как знавшему о преступных деяниях Фабиана, было запрещено проживать в Италии и Испании, которая была его родиной. Такому же бесчестию подвергся Валерий Понтик, который, дабы воспрепятствовать привлечению виновных к ответственности через префекта города Рима, обратился с их обвинением к претору, прикрываясь законами и намереваясь выступить на суде таким образом, чтобы избавить их от заслуженной кары. В сенатском постановлении по его делу было добавлено, что виновные в подобном сговоре — и подкупленный, и подкупивший — подлежат такому же наказанию, какое назначается уголовным судом за клеветническое обвинение.²⁴

42. Немного позднее префекта города Рима Педания Секунда убил его собственный раб, то ли из-за того, что, условившись отпустить его за вы-

куп на волю, Секунд отказал ему в этом, то ли потому, что убийца, охваченный страстью к мальчику, не потерпел соперника в лице своего господина. И когда в соответствии с древним установлением²⁵ всех проживавших с ним под одним кровом рабов собрали, чтобы вести на казнь, бежался простой народ, вступившийся за стольких ни в чем не повинных, и дело дошло до уличных беспорядков и сборищ перед сенатом, в котором также нашлись решительные противники столь непомерной строгости, хотя большинство сенаторов полагало, что существующий порядок не подлежит изменению. Из числа последних при подаче голосов выступил со следующей речью Гай Кассий:

43. «Я часто присутствовал, отцы сенаторы, в этом собрании, когда предлагались новые сенатские постановления в отмену указов и законов, оставшихся нам от предков; я не противился этому, и не потому, чтобы сомневался, что некогда все дела решались и лучше, и более мудро и что предлагаемое преобразование старого означает перемену к худшему, но чтобы не думали, будто в своей чрезмерной любви к древним нравам я провяляю излишнее рвение. Вместе с тем я считал, что, если я обладаю некоторым влиянием, то не следует растрачивать его в частых возражениях, дабы оно сохранилось на тот случай, если государству когда-нибудь понадобятся мои советы. Ныне пришла такая пора. У себя в доме убит поднявшим на него руку рабом муж, носивший консульское звание, и никто этому не помешал, никто не оповестил о готовящемся убийстве, хотя еще нисколько не поколеблен в силе сенатский указ, угрожающий казнью всем проживающим в том же доме рабам. Постановите, пожалуй, что они освобождаются от наказания. Кого же тогда защитит его положение, если оно не спасло префекта города Рима? Кого убережет многочисленность его рабов, если Педания Секунда не уберегла целых четырехста? Кому придут на помощь проживающие в доме рабы, если они даже под страхом смерти не обращают внимания на грозящие нам опасности? Или убийца и в самом деле, как не стыдятся измышлять некоторые, лишь отмстил за свои обиды, потому что им были вложены в сделку унаследованные от отца деньги или у него сняли доставшегося от дедов раба? Ну что же, в таком случае давайте провозгласим, что, убив своего господина, он поступил по праву.

44. «Быть может, вы хотите, чтобы я привел доводы в пользу того, что было продумано людьми, превосходившими меня мудростью? Но если бы нам первым пришлось выносить приговор по такому делу, неужели вы полагаете, что раб, решившийся убить господина, ни разу не обронил угрозы, ни о чем не проговорился в запальчивости? Допустим, что он скрыл ото всех свой умысел, что припас оружие без ведома всех остальных. Но неужели ему удалось обмануть охрану, открыть двери спальни, внести в нее свет, наконец совершить убийство, и никто ничего не заметил? Многие улики предшествуют преступлению. Если рабам в случае недонесения предстоит погибнуть, то каждый из нас может жить один среди многих, пре-

бывать в безопасности среди опасаящихся друг друга, наконец знать, что злоумышленников настигнет возмездие. Душевные свойства рабов внушали подозрение нашим предкам и в те времена, когда они рождались среди тех же полей и в тех же домах, что мы сами, и с младенчества воспитывались в любви к своим господам. Но после того как мы стали владеть рабами из множества племен и народов, у которых отличные от наших обычаи, которые поклоняются иноземным святыням или не чтят никаких, этот сброд не обуздать иначе, как устрашением. Но погибнут некоторые безвинные? Когда каждого десятого из безавших с поля сражения засекают палками насмерть, жребий падает порою и на отважного. И вообще всякое примерное наказание, распространяемое на многих, заключает в себе долю несправедливости, которая, являясь злом для отдельных лиц, возмещается общественной пользой».

45. Никто не осмелился выступить против Кассия, и в ответ ему раздались лишь невнятные голоса сожалевших об участи такого множества обреченных, большинство которых бесспорно страдало безвинно, и среди них старики, дети, женщины; все же взяли верх настаивавшие на казни. Но этот приговор нельзя было привести в исполнение, так как собравшаяся толпа угрожала взяться за камни и факелы. Тогда Цезарь, разбранив народ в особом указе, выставил вдоль всего пути, которым должны были проследовать на казнь осужденные, воинские заслоны. Цингоний Варрон внес предложение выслать из Италии проживавших под тем же кровом вольноотпущенников, но принцепс воспротивился этому, дабы древнему установлению, которого не могло смягчить милосердие, жестокость не придала большую беспощадность.

46. При тех же консулах по жалобе вифинцев был осужден на основании закона о вымогательстве Тарквитий Приск, что доставило большую радость сенаторам, не забывшим про обвинения, которые он в свое время возвел на своего проконсула Статилия Тавра. Квинтом Волузием, Секстием Африканом и Требеллием Максимом был проведен в Галлии ценз; Волузий и Африкан соперничали между собою в знатности и, пренебрегая Требеллием, способствовали тем самым его выдвижению на первое место.

47. В этом году умер Меммий Регул; он выделялся влиятельностью, душевной стойкостью и доброй славой, насколько это возможно при всезатмевающим сиянии императорского величия, так что даже Нерон, когда занемог и окружавшие его льстецы принялись говорить, что, если его унесет судьба, придет конец и империи, ответил на это, что государству есть на кого опереться, и когда они стали допытываться, на кого именно, назвал Меммия Регула. Тем не менее Регул остался жив, защищаемый своею бездейтельностью и тем, что знатность его была недавнего происхождения, а состояние не таково, чтобы возбуждать зависть. В том же году Нерон освятил гимнасий и с греческой щедростью выдал оливковое масло всадникам и сенату.

48. В консульство Публия Мария и Луция Афиния²⁶ претор Антистий, который, как я упоминал выше, злоупотребил властью в бытность народным трибуном,²⁷ занимался писанием стихов в поношение принцепсу и огласил их в многолюдном собрании на пиру у Остория Скапулы. Об этом донес как об оскорблении величия Коссуциан Капитон, которому незадолго пред тем по ходатайству его тестя Тигеллина было возвращено сенаторское достоинство. Тогда, в первый раз при Нероне, был восстановлен в силе этот закон, причем считалось, что в данном случае преследуется не столько цель погубить Антистия, сколько возможность доставить императору всеобщее одобрение, ибо думали, что, воспользовавшись трибунскою властью для отмены вынесенного сенатом смертного приговора, он подарит жизнь осужденному. И хотя вызванный для дачи свидетельских показаний Осторий заявил, что он ничего не слышал, поверили свидетелям, утверждавшим противное; и консул на будущий срок Юний Марулл предложил отрешить подсудимого от претуры и предать его смерти по принятому у предков способу. Это предложение поддержали все, кроме Тразеи Пета, который воздал Цезарю величайший почет, ибо, со всей суровостью осудив Антистия, заявил, что при столь выдающемся принцепсе, не связанный никакими посторонними соображениями сенат не должен выносить такое постановление, сколь бы его ни заслуживал подсудимый. Палач и петля уже давно отошли в прошлое, и мера наказания предусматривается соответствующими законами, на основании которых, а не в зависимости от свирепости судей и на бесчестье своему времени и назначается кара. И чем дольше, после того как имущество осужденного подвергнется конфискации, он будет влачить на острове отягощенную преступлением жизнь, тем более жалким он станет как личность, являя собой вместе с тем величайший пример снисходительности со стороны государства.

49. Свободомыслие Тразеи сломило раболепие остальных, и после того как консулом было дано разрешение на дисцессию,²⁸ за Тразеей последовал весь сенат, кроме немногих льстецов. Наиболее ревностным из них был Авл Вителлий, который постоянно нападал с бранью на честнейших людей и, получив отпор, тотчас же смолкал, как это свойственно трусам. Тем не менее консулы, не решившись окончательно оформить сенатское постановление, ограничились сообщением его Цезарю, указав, что оно принято подавляющим большинством. Колеблясь между сдержанностью и гневом, тот некоторое время помедлил с ответом и наконец написал, что Антистий, не претерпев от него никакой обиды и безо всякого повода с его стороны, нанес ему наитягчайшие оскорбления; от сената потребовали воздать за них должную мерой, и было бы справедливо, если бы он определил ему наказание сообразно значительности проступка. Впрочем, он, намеревавшийся воспрепятствовать суровости приговора, никоим образом не воспрещает умеренности; пусть сенаторы решают, как им будет угодно; больше того, им не возбраняется и полностью оправдать подсудимого. По оглашении этого и подобного этому, невзирая на явно выраженное Нероном не-

удовольствие, ни консулы не внесли изменений в составленный ими по этому делу доклад, ни Траезя не отказался от своего предложения, как не отступились от него и все давшие ему свое одобрение, — часть, чтобы их не заподозрили в том, что они умышленно навлекают на принцепса неприязнь, большинство — черпая уверенность в своей многочисленности, а Траезя — в силу всегдашней твердости духа и чтобы не уронить себя в общем мнении.

50. Подобное же обвинение погубило и Фабриция Вейнтон, написавшего книгу, полную выпадов против сенаторов и жрецов и названную им Завещанием.²⁹ Обвинитель его Туллий Гемин указывал и на то, что Вейнтон продавал милости принцепса и право на занятие высших государственных должностей. Это и было причиной, побудившей Нерона взять на себя разбирательство его дела. Изобличив Вейнтон, принцепс изгнал его из Италии и повелел сжечь его книгу, старательно разыскивавшуюся и читавшуюся, пока доставать ее было небезопасно; в дальнейшем возможность открыто иметь ее у себя быстро принесла ей забвение.

51. В то время как общественные бедствия с каждым днем становились все тягостнее, государство теряло тех, кто мог бы с ними бороться: скончался Бурр, неясно — от болезни или от яда. Говорившие о болезни основывались на том, что у него в горле медленно разрасталась затруднявшая дыхание опухоль. Другие, и их большинство, утверждали, что по приказанию Нерона ему под видом лечения смазали нёбо губительною отравой, и Бурр, понимая, что он злодейски отравлен, когда принцепс пришел его навестить, даже не взглянул на него, и на вопрос, как он себя чувствует, ограничился кратким ответом: «Что до меня, то я чувствую себя хорошо». В Риме о нем горько сожалели, помня его достоинство и видя перед собою бездеятельную благонамеренность одного из его преемников и безграничную подлость другого: во главе преторианских когорт Цезарь поставил двоих — Фения Руфа, который пользовался любовью простого народа, ибо, ведая продовольственным снабжением Рима, проявлял бескорыстие, и Софония Тигеллина, привлечшего Нерона своим общеизвестным распутством. В дальнейшем молва о них соответствовала их нравам: Тигеллин пользовался большим расположением принцепса, и он допустил его к участию в своем самом сокровенном разврате, а Руфа любили в народе и среди воинов, и это вызывало неприязнь к нему Нерона.

52. Смерть Бурра сломила влияние Сенеки, ибо добрые правила, которые они оба внушали Нерону, с устранением одного из них утрачивали для него силу, и он стал приближать к себе недостойных людей. А те возводили на Сенеку всевозможные обвинения, говоря, что он продолжает наращивать свое огромное, превышающее всякую меру для частного лица состояние, что домогается расположения граждан, что красотою и роскошью своих садов и поместий превосходит самого принцепса. Упрекали они Сенеку также и в том, что славу красноречивого оратора он присваивает только себе одному и стал чаще писать стихи, после того как к их

сочинению пристрастился Нерон. Открыто осуждая развлечения принцепса, он умаляет его умение править лошадьми на ристалище и насмеяется над переливами его голоса всякий раз, когда тот поет. Доколе же будет считаться, что все достославное в государстве обязательно исходит от Сенеки? Отрочество Нерона отошло в прошлое, и он вступил в цветущую пору юности: так пусть он избавится, наконец, от докучного руководителя, — у него не будет недостатка в просвещенных наставниках в лице его предков.

53. Сенека не остался в неведении относительно поносивших его, ибо ему сообщили о них те, в ком не угасли честные побуждения, и, видя к тому же, что Цезарь все упорнее избегает близости с ним, попросил его уделить ему время для беседы и, получив согласие, начал следующим образом: «Уже четырнадцатый год, Цезарь, как мне были доверены возглававшиеся на тебя надежды и восьмой — как ты держишь в своих руках верховную власть.³⁰ За эти годы ты осыпал меня столькими почестями и такими богатствами, что моему счастью не хватает лишь одного — меры. Приведу поучительный пример, относящийся не к моему, а к твоему положению. Твой прадед Август дозволил Марку Агриппе уединиться в Митиленах, а Гаю Меценату, не покидая города, жить настолько вдали от дел, как если бы он пребывал на чужбине; один — его товарищ по войнам, другой — не менее потрудившийся в Риме получили от него хоть и очень значительные, но вполне заслуженные награды. А я что иное мог предложить твоей щедрости, кроме плодов моих усердных занятий, возвращенных, можно сказать, в тени и получивших известность лишь оттого, что меня считают наставником твоего детства, и это — великая награда за них. Но ты, сверх того, доставил мне столь беспредельное влияние и столь несметные деньги, что я постоянно сам себя спрашиваю: я ли, из всаднического сословия и родом из провинции, числюсь среди первых людей Римского государства? Я ли, безвестный пришелец, возблистал среди знати, которая по праву гордится предками, из поколения в поколение занимавшими высшие должности? Где же мой дух, довольствующийся немногим? Не он ли выращивает такие сады, и шествует в этих пригородных поместьях, и владеет такими просторами полей, и получает столько доходов с денег, отданных в рост? И единственное оправдание, которое я для себя нахожу, это то, что мне не подобало отвергать даруемое тобой.

54. «Но и ты, и я уже исчерпали меру того, что принцепс может пожаловать приближенному, а приближенный принять от принцепса; все превышающее ее умножает зависть. Конечно, она, как и все смертное, ниже твоего величия, но я подвергаюсь ее нападкам, и меня следует избавить от них. И подобно тому как, обессилев в бою или в походе, я стал бы просить о поддержке, так и теперь, достигнув на жизненном пути старости и утратив способность справляться даже с легкими заботами, я не могу более нести бремя своего богатства и взываю к тебе о помощи. Повели своим прокураторам распорядиться моим имуществом, включить его в твоё до-

стояние. Я не ввергну себя в бедность, но отдав то, что стесняет меня своим блеском, я уделю моей душе время, поглощаемое заботою о садах и поместьях. Ты полон сил и в течение стольких лет видел, как надлежит пользоваться верховною властью; а мы, старые твои приближенные, вправе настаивать, чтобы ты отпустил нас на покой. И тебе послужит только ко славе, что ты вознес превыше всего таких людей, которые могут обходиться и малым».

55. На это Нерон ответил приблизительно так: «Тем, что я могу тут же, без подготовки, возражать на твою обдуманную заранее речь, я прежде всего обязан тебе, научившему меня говорить не только о предусмотренном, но и о непредвиденном. Мой прапрадед Август, действительно, дозволил Агриппе и Меценату уйти на покой после понесенных ими трудов, но это было сделано им в таком возрасте, уважение к которому защищало все, что бы он им ни предоставил; к тому же он не отобрал у них пожалованного в награду. Они ее заслужили походами и опасностями, в которых проходила молодость Августа; и твой меч и рука не оставили бы меня, если бы мне пришлось употребить оружие; но так как обстоятельства того времени требовали другого, ты опекал мое отрочество и затем юность вразумлением, советами, наставлениями. И то, чем ты меня одарил, пока я жив, не умрет, тогда как предоставленное мною тебе — сады, поместья, доходы — подвержено превратностям. Пусть я был щедр к тебе, но ведь очень многие, не обладавшие и малой долей твоих достоинств, владели бóльшим, чем ты. Стыдно называть вольноотпущенников, которые богаче тебя. И меня заставляет краснеть, что ты, к которому я питаю привязанность как к никому другому, все еще не превосходишь всех остальных своим состоянием.

56. «К тому же и ты вовсе не в таком возрасте, который лишает возможности заниматься делами и наслаждаться плодами их, и мы еще в самом начале нашего властвования. Или ты находишь, что тебе нельзя равняться с Вителлием, который трижды был консулом, а мне — с Клавдием и что я неспособен дать тебе такое богатство, какое Волузий скопил длительной бережливостью? Но если кое-когда мы по легкомыслию молодости отклоняемся от правильного пути, то разве ты не зовешь нас назад и не направляешь с особенною настойчивостью наши юношеские силы туда, куда нужно, и не укрепляешь их своею поддержкой? И если ты отдашь мне свое достояние, если покинешь принцепса, то у всех на устах будет не столько твоя умеренность и самоустранение от государственной деятельности, сколько моя жадность и устранившая тебя жестокость. А если и станут превозносить твое бескорыстие, то мудрому мужу все-таки не подобает искать славы в том, что наносит бесчестье другу». Ко всему этому, созданный природою, чтобы таить в себе ненависть, прикрывая ее притворными ласками, и изощривший в себе эту способность постоянным ее использованием, он добавляет объятия и поцелуи. И Сенeca в заключение их беседы, как это неизменно происходит при встречах с властителями,

изъявляет ему благодарность, но вместе с тем немедленно порывает со сложившимся во времена его бывшего могущества образом жизни: перестает принимать приходящих с приветствиями, избегает появляться в общественных местах в сопровождении многих и редко показывается в городе, ссылаясь на то, что его удерживают дома нездоровье или философские занятия.

57. После падения Сенеки было нетрудно устранить и Фения Руфа, которому вменили в вину его близость к Агриппине. Между тем Тигеллин, день ото дня становясь влиятельнее и считая, что его безнравственность, на которой только и держалось его могущество, доставит ему еще больший успех, если он свяжет с собою принцепса соучастием в преступлениях, начинает доискиваться, кто ему внушает страх, и узнав, что больше всего он страшится Плавта и Суллы, недавно сосланных: Плавт — в провинцию Азию, Сулла — в Нарбоннскую Галлию, обращает его внимание на выдающуюся знатность обоих и на то, что они находятся поблизости от расположения войск, Плавт — азиатского, Сулла — германского. В отличие от Бурра он, Тигеллин, не двоедушен. а думает об одной только безопасности Нерона; если в Риме ценою его постоянных усилий удастся ограждать Цезаря от злонамеренных козней, то как подавить волнения в дальних краях? Галлия насторожилась, услышав имя, которое носил знаменитый диктатор, и не менее взволнованы народы Азии, узнавшие, что среди них внук прославленного Друза.³¹ Сулла беден, и это придает ему особенную дерзость; прикидываясь бездеятельным и равнодушным, он лишь выжидает случая, чтобы решиться на все. Плавт, располагая большими средствами, даже не притворяется, что ищет покоя, но открыто выражает свое преклонение перед древними римлянами, во всем подражает им и усвоил высокомерие стоической школы, приверженцы которой отличаются вызывающим самовольством. И промедления не было. На шестой день убийцы высаживаются в Массилии и, прежде чем их прибытие могло вызвать тревогу и толки, убивают возлежавшего за обеденным столом Суллу. Его голова была доставлена в Рим, и Нерон, взглянув на нее, издавательно заметил, что ее портит ранняя седина.

58. Столь же скрытно подготовить убийство Плавта не удалось; и потому что его безопасность заботила многих, и потому что долгий путь по суше и морю благоприятствовал распространению слухов; и в городе³² говорили, будто Плавт отправился к Корбулону, начальствовавшему тогда большим войском и, раз уже началось истребление знаменитых и ни в чем не повинных мужей, как никто другой подверженному опасности. Толковали и о том, что из преданности молодому человеку провинция Азии взялась за оружие, что воины, посланные его умертвить, не выполнив приказания то ли из-за того, что их численность оказалась недостаточной или по нерешительности, примкнули к восставшим. Весь этот вздор, как и всякая молва, обростал новыми выдумками, присочиняемыми на досуге вестовщиками; достоверно лишь то, что вольноотпущенник Плавта, опередив цен-

гуриона благодаря свежему попутному ветру, привез ему письмо от его тестя Луция Антистия: пока не исчерпана возможность борьбы, он не должен без сопротивления отдавать свою жизнь; уважение к его славному имени доставит ему поддержку честных людей, и он сплотит вокруг себя смелых. Не следует пренебрегать ничем, что может ему помочь. Если он сумеет противостоять шестидесяти воинам (именно столько их было в пути), пока донесение об этом дойдет до Нерона, пока будет направлен другой отряд, произойдет много событий, вплоть до того, что может развиться война. Наконец, последовав преподанному ему совету, он или спасется, или, отважно сражаясь, претерпит не больше, чем трус.

59. Но Плавта эти доводы не убедили, потому ли, что он не рассчитывал, чтобы ему, безоружному и изгнаннику, кто-либо оказал помощь, или ему было не по душе тешить себя сомнительными надеждами, или, наконец, из любви к жене и детям, ибо он считал, что принцепс отнесется к ним более милостиво, если не будет раздражен оказанным сопротивлением. Иные передают, что Плавт получил от тестя второе письмо, в котором тот сообщал, что угроза миновала; что философы Керан, родом грек, и Музоний — туск, советовали ему предпочесть мужественную смерть жизни в неуверенности и страхе. Известно, что он был застигнут убийцами в полдень раздевшимся для телесных упражнений. Таким и поразила его центурион в присутствии евнуха Пелагона, которому Нерон подчинил центуриона с манипулом как телохранителя при царском уполномоченном. Голова убитого была доставлена в Рим. Посмотрев на нее (я передам подлинные слова принцепса), Нерон сказал: «Зачем...»,³³ — и, избавившись от страха, принимает меры для ускорения отложенной из-за опасений этого рода свадьбы с Пoppеей и удаления от себя своей супруги Октавии, которая, сколь скромно и незаметно ни держала себя, тяготила его, как постоянное напоминание об отце и вследствие расположения к ней народа. Сенату он направляет письмо, в котором не признается в умерщвлении Суллы и Плавта и говорит только о том, что, хотя они оба и исполнены мятежного духа, он зорко следит за безопасностью государства. На этом основании сенаторы определили назначить молебствия и исключить Суллу и Плавта из состава сената — издевательство еще более гнусное, чем самое злодеяние.

60. Получив это сенатское постановление и увидев, что все его преступления принимаются как выдающиеся деяния, Нерон изгоняет Октавию, объявив, что она бесплодна, и тотчас же сочетается браком с Пoppеей. Та, долгое время его наложница, помыкавшая им сперва как любовником, потом как мужем, побуждает некоего из слуг Октавии обвинить ее в прелюбодейной связи с рабом. И измышляется, что с нею сожительствовал раб по имени Эвкер, родом александриец, искусный флейтист. По этому делу подверглись допросам рабыни, и некоторые из них были настолько истерзаны пыткой, что подтвердили подлый навет; большинство, однако, отстаивало безупречность целомудрия своей госпожи, и одна из них заявила тре-

бовавшему от нее лживого показания Тигеллину, что женские органы Октавии чище, чем его рот. И все-таки Октавию под предлогом развода сначала удаляют из императорского дворца, отдав ей во владение дом Бурра, поместья Плавта — дары, не сулившие ничего хорошего, — а затем высылают в Кампанию, где держат под стражей. Ее судьба вызывает частые и откровенные сетования в народе, который менее осторожен и которому по причине ничтожества его положения угрожает меньше опасностей. Этим...³⁴ будто бы раскаявшийся в дурном поступке Нерон снова признал Октавию своею супругой.

61. И вот ликующие римляне поднимаются на Капитолий и, наконец, снова обращают к богам благодарственные молитвы. Повергнув статую Поппеи, они приносят на плечах изображения Октавии, осыпают их цветами, устанавливают на форуме и в храмах. Затем толпа направляется воздать хвалу принцепсу. И она уже заполнила и оглашала приветственными кликами весь Палатин, как вдруг появляются высланные против нее воинские отряды и разгоняют ее плетьюми, угрожая оружием. Произведенные смутю изменения были устранены и статуи Поппеи поставлены на прежних местах. А она, всегда неистовая в гневе, а на этот раз и объятая страхом, как бы толпа не предалась еще большим бесчинствам и народные волнения не произвели перемены в Нероне, припадает к его коленям, говоря, что для нее дело идет уже не только о том, чтобы отстаивать свое супружество с ним, хотя и оно ей дороже жизни, но самую жизнь от угрожающих расправиться с нею клиентов и рабов Октавии, которые, изображая собой народ, дерзнули в мирное время на то, что не часто случается даже во время войны. Их оружие было направлено против принцепса, и им лишь не хватало вождя, а он без труда отыщется, когда разразится мятеж, стоит только Октавии покинуть Кампанию и направиться в Рим: ведь даже в ее отсутствие достаточно было одного ее мановения, чтобы вспыхнули беспорядки. В чем же все-таки ее, Поппеи, вина? Кому и чем она нанесла обиду? Или тем, что пенатам Цезарей даст законных наследников? Или, быть может, римский народ предпочитает наделить императорской властью отпрыска египетского флейтиста? Наконец, если так требуется для блага римского государства, пусть он, Нерон, добровольно, а не по принуждению призовет госпожу³⁵ или в противном случае позаботится о безопасности. Благодаря должному отпору и с применением незначительных сил первая вспышка была подавлена, но если приверженцы Октавии уверятся в том, что она не будет женою принцепса, они дадут ей супруга.

62. Эта возбужденная речь, направленная к тому, чтобы вызвать в слушателе тревогу и раздражение, испугала и распалила гневом Нерона. Обвинение Октавии в прелюбодеянии с рабом никому не внушало доверия и опровергалось подвергнутыми допросам рабынями. И вот ищут кого-нибудь, кто согласился бы признаться в преступной связи с Октавией, а вместе с тем и в намерении захватить верховную власть. Пригодным для

этого принцепс счел убийцу его матери Аникета, стоявшего, как я указывал выше, во главе Мизенского флота. К нему после осуществления этого злодеяния он проявлял мало расположения, а в дальнейшем проникся глубокою ненавистью, ибо пославшие на преступления видят в их исполнителях живой укор для себя. Итак, вызвав его, Цезарь начинает с упоминания о его прежней услуге: он один помог принцепсу спастись от покушавшейся на его жизнь матери; ныне ему представляется случай заслужить не меньшую его благодарностью, содействуя в удалении враждебной ему жены. Тут не понадобятся ни его рука, ни его меч; ему нужно будет лишь признаться в прелюбодеянии с Октавией. Нерон обещает ему пока негласное, но щедрое вознаграждение и приятное существование вне Италии, и грозит, если он откажется от этого поручения, предать его смерти. Аникет с прирожденным ему бездушием и с тою же легкостью, с какой шел на прежние злодеяния, измышляет и разглашает даже больше того, что ему было велено, в присутствии приближенных принцепса, собранных как бы на совещание. После этого Аникета отправляют в изгнание на остров Сардинию, где он безбедно проживал в ссылке и умер естественной смертью.

63. Между тем Нерон заявляет в изданном им указе, что, как он дознался, Октавия, дабы располагать флотом, соблазнила его префекта и, побуждаемая преступностью этой связи, пресекла беременность (он забыл свое недавнее утверждение, что она бесплодна), и заточает ее на острове Пандатерии. Ни одна изгнанница не вызывала большего сострадания у тех, кому пришлось повидать их собственными глазами. Некоторые еще помнили, как Тиберием была сослана Агриппина, еще свежее в памяти была судьба Юлии, сосланной Клавдием. Но и та и другая подверглись изгнанию, достигнув зрелого возраста: они обе испытали радости жизни, и безотрадное настоящее облегчалось для них воспоминанием о былой, лучшей, доле. А для Октавии день свадьбы сразу же стал как бы днем ее похорон: она вступила в супружество, не принеся ей ничего, кроме скорби: посредством яда у нее был отнят отец, а вскоре после того и брат; затем над госпожою взяла верх рабыня; потом Нерон, вступив в брак с Поппеей, тем самым обрек свою прежнюю жену гибели, и, наконец, — последнее обвинение, которое тягостней самой гибели.

64. Там в окружении центурионов и воинов томилась еще не достигшая двадцатилетнего возраста молодая женщина, уже, как предвещали ее несчастья, исторгнутая из жизни, но еще не нашедшая даруемого смертью успокоения. Прошло немного дней, и ей объявляют, что она должна умереть, хотя она уже признавала себя незамужнею женщиной и только сестрою принцепса, взывая к именам их общих предков Германиков³⁶ и, наконец, Агриппины, при жизни которой, пусть в несчастливом замужестве, она все же оставалась живою и невредимою. Ее связывают и вскрывают ей вены на руках и ногах; но так как стесненная страхом кровь вытекала из надрезанных мест слишком медленно, смерть ускоряют паром в жарко натопленной бане. К этому злодеянию была добавлена еще более отврати-

тельная свирепость: отрезанную и доставленную в Рим голову Октавии показали Поппее. Упомянуть ли нам, что по этому случаю сенат определил дары храмам? Да будет предуведомлен всякий, кому придется читать. — у нас ли, у других ли писателей, — о делах того времени, что сколько бы раз принцепс ни осуждал на ссылку или на смерть, неизменно воздавалась благодарность богам, и то, что некогда было знамением счастливых событий, стало тогда показателем общественных бедствий. Впрочем, мы и впредь не станем умалчивать о сенатских постановлениях, содержащих в себе новый вид лести или особо выдающихся своим раболепием.

65. В том же году Нерон, как полагают, умертвил ядом своих виднейших вольноотпущенников — Дорифора, якобы противодействовавшего его браку с Поппеей, и Палланта, который, дожив до глубокой старости, удерживал за собою огромное состояние. Тогда же Роман тайными доносами обвинил Сенеку в сообщничестве с Гаем Пизоном, но Сенека одолел его, ответив изобличением в том же. Это происшествие устрасило Пизона и способствовало возникновению многолюдного и неудачного заговора против Нерона.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

1. Между тем царь парфян Вологез, узнав об успехах Корбулона и о том, что после изгнания брата его Тиридата царем над Арменией поставлен чужеземец Тигран, возгорелся желанием отомстить за поруганное достоинство Арсакидов, но, принимая во внимание вновь возросшую римскую мощь и не решаясь пойти на разрыв заключенного с римлянами навечно мирного договора, колебался, медлительный от природы и к тому же связанный затяжной войной с отпавшим от него сильным народом гирканов. И вот среди этих колебаний его уязвляет весть о новом оскорблении: выйдя за пределы Армении, Тигран разоряет соседний народ адиабенцев, и притом на большем пространстве и дольше, чем если бы то был обычный разбойный набег, и это привело в негодование парфянскую знать: пренебрежение к ним уже дошло до того, что на них нападают не под предводительством римского полководца, а по прихоти недавнего заложника, столько лет проведенного на положении раба. Сверх того, их досаду растравлял правивший адиабенцами Монобаз, который добивался ответа, какой помощи и от кого ему ожидать. Армения отдана неприятелю, теперь он захватывает примыкающие к ней земли, и если парфяне не возьмут под защиту его страну, то им следует помнить, что рабство у римлян легче для сдавшихся, чем для покоренных оружием. Тяготил их и изгнанный из Армении Тиридат, который или молчал, или ограничивался скудными жалобами: большие государства не удерживаются бездеятельностью, на-

стала пора померяться силами на поле сражения; тот из властителей справедливее, кто могущественнее; оберегать свое — добродетель частного человека, тогда как царская — овладевать чужим.

2. Задетый этими словами, Вологез созывает совет и, предложив Тиридату место рядом с собой, начинает следующим образом: «Так как присутствующий здесь Тиридат, рожденный от того же отца, что и я, будучи моложе меня годами, уступил мне первенство, я отдал ему Армянское царство, которое в нашем роду считается третьей ступенью владычества, ибо мидян ранее принял под свою руку Пакор. Мне казалось, что, вопреки старым распрям и усобицам между братьями,¹ я упорядочил как должно наши семейные отношения. Но римляне препятствуют этому и на погибель себе нарушают мир, посягательства на целостность которого неизменно приводили их к поражениям. Не стану отрицать: я предпочитал удерживать приобретения предков, больше опираясь на справедливость, чем проливая кровь, больше основываясь на праве, чем на оружии. И если я повинен в промедлении, то я искуплю его доблестью. Ваша мощь и честь от этого нисколько не пострадали, и вы прославились теперь также и сдержанностью, которая к лицу могущественнейшим властителям и у богов в почете». И он тут же повязал диадемою голову Тиридата и, отдав под начало знатному мужу Монезу находившийся в боевой готовности сильный конный отряд, который обычно сопровождал царя и к которому он добавил вспомогательные войска адиабенцев, повелел ему изгнать из Армении Тиграна, между тем как сам, прекратив раздоры с гирканами, стягивает основные силы и выступает в поход с этими полчищами, угрожая римским провинциям.

3. Получив достоверные вести об этом, Корбулон отправляет на помощь Тиграну два легиона во главе с Веруланом Севером и Веттием Боланом, которым дает тайное предписание хранить спокойствие и избегать торопливости: он предпочитал состоять в войне, чем вести ее в полную силу; тогда же он написал Цезарю, что для защиты Армении следует назначить особого полководца, так как вторжение Вологеза в первую очередь угрожает Сирии. Тем временем он размещает остальные легионы на берегу Евфрата, наспех вооружает отряды провинциалов и отражает заслонами вражеские набеги. И так как местность была безводной, он разместил укрепления возле источников; некоторые ручьи он засыпал песком.

4. Пока Корбулон готовится к обороне Сирии, Монез, продвигаясь с такой быстротой, чтобы опередить слух о себе, бросается на Тиграна, для которого его нападение, однако, не было неожиданным и который успел принять необходимые меры предосторожности. Он укрылся в Тигранокерте, городе, располагавшем многочисленными защитниками и мощными стенами. К тому же часть городских укреплений обтекает довольно широкая река Никефорий, а там, где ее течение не обеспечивает надежной защиты, вырыт огромный ров. В городе находились римские воины

и припасенное заранее продовольствие, и когда при его подвозе несколько подгоняемых нетерпением воинов выдвинулось вперед и было окружено внезапно налетевшим на них врагом, то остальных это происшествие больше ожесточило, чем испугало. Но для ведения осады у парфянина не хватает смелости в рукопашных схватках: редкими стрелами он не может устрашить находящихся за укрытиями защитников и только обманывает сам себя. А когда адиабенцы стали придвигать лестницы и стенобитные орудия, наши без труда их отогнали и затем, сделав вылазку, истребили.

5. Но Корбулон, полагая, что не следует искушать судьбу, несмотря на успехи, послал к Вологезу спросить, на каком основании парфяне ввели свои силы в провинцию и осадили царя, друга и союзника римлян, и их когорты. Пусть лучше снимут осаду, иначе он сам расположит свой лагерь на вражеских землях. Отправленный с этим посольством центурион Касперий, встретив царя у города Нисибиса, отстоящего от Тигранокерты на тридцать семь тысяч шагов, в резких словах передает данное ему поручение. У Вологеза было давнее и неуклонное правило избегать вооруженного столкновения с римлянами, да и положение дел складывалось не в его пользу: осада бесплодна, Тигран обеспечен воинами и продовольствием, попытки взять город приступом отражены, в Армению направлены легионы, другие, стоящие на границах Сирии, готовы вторгнуться в его царство; к тому же появившаяся во множестве саранча истребила всю траву и листву, и его конница обессилена и небоеспособна, не имея корма. Итак, скрывая страх перед римским оружием и ссылаясь на миролюбие, он обещает направить послов к императору, чтобы добиться передачи ему Армении и закрепления мира; Монезу он приказывает оставить Тигранокерту, сам также отходит назад.

6. Многие превозносили этот успех, объясняя его испугом царя и угрозами Корбулона; другие, напротив, подозревали тайное соглашение, по которому после прекращения военных действий с обеих сторон и ухода Вологеза Тигран также должен будет покинуть Армению. Почему римское войско выведено из Тигранокерты? Почему оставлено то, что оно защищало во время войны? Или ему было удобнее зимовать где-то на краю Каппадокии в наскоро сложенных хижинах, чем в главном городе царства, которое оно только что отстояло? Война прервана, очевидно, ради того, чтобы Вологез сражался с кем угодно, но только не с Корбулоном и чтобы Корбулон не подвергался опасности потерять славу, которую он добывал для себя на протяжении стольких лет. Действительно, как я уже сообщил, он потребовал для защиты Армении назначить особого полководца, и говорили, что туда уже направляется Цезенний Пет. После его прибытия войско было поделено между ними так, что четвертый, двенадцатый и впридачу к ним недавно вызванный из Мезии пятый легион вместе со вспомогательными войсками из Понтийского царства, Галатии и Каппадокии отошли в подчинение Пету, тогда как третий,

шестой и десятый легионы, а также воины, имевшие постоянное местопребывание в Сирии, остались под началом у Корбулона; остальные части предполагалось объединить или разделить в зависимости от обстоятельств. Но и Корбулон не желал иметь возле себя соперника, и Пет, которому было довольно почетного наименования ближайшего соратника Корбулона, с пренебрежением отзывался о его действиях в последней войне, повторяя, что в ней не было ни истребления неприятеля, ни добычи, что завоевание городов было таковым только по имени; что до него, то победенные получают от него обложение данью, законы и вместо тени царя римское владычество.

7. К этому же времени послы Вологеза, которых, как я упоминал, он направил к принцепсу, возвратились ни с чем, и парфяне открыто возобновили войну. Не уклоняется от нее и Пет, и с двумя легионами, из которых четвертым в то время начальствовал Фунизулан Веттониан, а двенадцатым — Калавий Сабин, вступает в Армению при дурных предзнаменованиях: на переправе через Евфрат по мосту, безо всякой явной причины, вышла из повиновения и понеслась назад лошадь, на которой перевозились консульские знаки отличия; находившееся при возведении зимнего лагеря, тогда еще укрепленного только наполовину, жертвенное животное пустилось бежать и выскочило за вал; воспламенились дротики воинов, и это предвещание было тем более знаменательно, что у врагов парфян широко используется метательное оружие.

8. Но Пет, пренебрегая предзнаменованиями, не укрепив как следует зимнего лагеря, не приготовив запасов продовольствия, поспешно ведет войско через Таврские горы, чтобы вернуть, как он говорил, Тигранокерту и разорить области, оставленные Корбулоном нетронутыми. Было захвачено несколько крепостей, и это могло бы доставить Пету некоторую славу и добычу, если бы он удовольствовался умеренной славой и имел попечение о добыче. Обойдя дальними походами местности, которые не могли быть удержаны, и допустив порчу захваченного продовольствия, с приближением зимы он отвел войско назад и сочинил письмо Цезарю, полное пышных слов, как если бы война была победоносно закончена, но пустое на деле.

9. Между тем Корбулон, никогда не оставлявший своею заботой берег Евфрата, усилил его обороною расставленными невдалеке друг от друга сторожевыми постами; и чтобы вражеская конница не препятствовала постройке моста (а на противоположной равнине уже рыскали значительные ее отряды), он выдвигает на реке отличавшиеся большими размерами и скрепленные между собой бревнами корабли с возведенными на них башнями и отгоняет варваров с помощью катапульт и баллист, метавших камни и копья на расстоянии, намного превышавшее дальность полета вражеского метательного оружия. После того как мост был доведен до конца, холмы на противоположном берегу заняли сначала союзнические когорты, а затем на них расположились лагерем легионы. Это

было выполнено с такой быстротой и столь внушительными силами, что парфяне, оставив намерение вторгнуться в Сирию, все свои надежды перенесли на Армению, где Пет, не подозревая о нависшей над ним угрозе, держал пятый легион далеко в Понте, а остальные ослаблял неограниченным предоставлением отпусков, пока его не настигла внезапная весть о приближении Вологеза с огромными и готовыми к бою полчищами.

10. Тогда Пет вызывает двенадцатый легион; но эта мера, которая по его расчету должна была породить слухи об усилении его войска, только выдала его малочисленность. Впрочем, и с такими силами можно было бы отстаивать лагерь и, затянув войну, обмануть надежды парфян, если бы Пет твердо держался своих собственных или подсказанных ему планов. Но, ободряемый в угрожающих обстоятельствах сведущими в военном деле людьми, он тут же, чтобы не думали, что ему не обойтись без чужих указаний, принимал решения наперекор их советам, и притом худшие. Так и на этот раз он выступил из зимнего лагеря, повторяя, что для борьбы с врагом ему даны не рвы и валы, а люди и оружие, и повел легионы, как бы собираясь сразиться с парфянами. Однако, потеряв центуриона и нескольких воинов, высланных вперед для выяснения численности противника, он в страхе пред ним отступил. Но так как Вологез не очень настойчиво преследовал отходивших, Пет, снова проникшись необоснованной самоуверенностью, поставил три тысячи отборных пехотинцев у ближайшего перевала через Таврские горы, чтобы воспрепятствовать переходу царя, а паннонских всадников, ядро своей конницы, оставил внизу на равнине. Укрыв жену с сыном в крепости, носящей название Арсомасаты, он отрядил для ее защиты союзническую когорту и таким образом разъединил воинов, которые, будь они вместе, увереннее отражали бы беспорядочно продвигавшегося врага. Как говорят, его едва убедили оповестить Корбулона о нашествии неприятеля. Но Корбулон не спешил, считая, что с возрастом опасности для попавших в беду возрастает и слава за оказанную им помощь. Тем не менее он распорядился выделить из трех легионов по тысяче пехотинцев, из вспомогательной конницы восемьсот всадников и такое же число воинов из союзнических когорт и всем им приготовить к выступлению.

11. Между тем Вологез, узнав, что Пет преградил ему путь здесь пехотой, там конницей, не внес тем не менее никаких изменений в свой замысел, но мощным ударом и угрозой нападения раздавил легионеров и устроил всадников; и только центурион Тарквитий Кресцент осмелился защищать башню, которую занимал с гарнизоном: совершая частые вылазки, он истреблял подбиравшихся к ней на близкое расстояние варваров, пока не был со всех сторон закидан горящими головнями. Кому из пехотинцев удалось уцелеть, те бежали в отдаленные и глухие места; раненые вернулись в лагерь и со страху всячески преувеличивали доблесть царя, отвагу и многочисленность состоящих в его войске народов, находя доверчивых слушателей в тех, кто был охвачен таким же страхом. Сам

полководец, прекратив сопротивление и забросив все свои обязанности военачальника, снова отправил к Корбулону гонцов, умоляя его прийти как можно скорее и спасти значки, орлов и все то, что еще оставалось от несчастливой войска: они же, пока живы, будут верны своему долгу.

12. А Корбулон, оставив часть войска в Сирии для удержания построенных на Евфрате укреплений, бесстрашно прошел кратчайшим путем, и вместе с тем по местам, где было достаточно продовольствия, сначала в Коммагенскую область, затем в Каппадокию и, наконец, к армянам. Помимо всего, что нужно ведущему войну войску, его сопровождало большое число нагруженных пшеницей верблюдов, чтобы, отражая неприятеля, у него было чем отразить и голод. Из потерпевших поражение от Вологеца первым встретился Корбулону центурион примипилов Пакций, а затем и множество рядовых воинов; всех их, какими бы причинами они ни пытались оправдать свое бегство, полководец убеждал возвратиться к своим значкам и молить Пета о снисхождении: сам он милостив лишь к победителям. Не забывал Корбулон и своих: он обходил легионы, обращался к ним с увещанием, напоминал об их былых подвигах, призывал покрыть себя новою славой. Наградой за их воинский труд будут не армянские деревни и города, а римский лагерь, и в нем два легиона. И если рядовым воинам за спасение римского гражданина сам император² как особое отличие вручает венок, то каков и сколь велик будет почет при таком числе спасителей и спасенных! Всем внушали бодрость подобные речи (а были и такие, кого подгоняла и распаяла опасность, в которой пребывали их братья и родственники), и сны днем и ночью ускоренным шагом безостановочно продвигались вперед.

13. Тем настойчивее Вологец теснит осажденных, бросает своих то на вал, оплот легионов, то на крепость, служившую убежищем для неспособных носить оружие, и подступает к ним ближе, чем в обычае у парфян, рассчитывая эту дерзостью выманить врага из-за укрытий. Но воинов с трудом можно было извлечь из палаток, и они только обороняли укрепления, часть — выполняя приказ полководца, другие — из трусости или ожидая прибытия Корбулона, и на случай, если бы их одолел неприятель, имея в запасе примеры, оставленные поражениями в Кавдинском ущелье и под Нуманцией: да и неодинаковы силы италийского племени самнитов и парфян, соперников Римской державы. Даже воины доблестной и прославленной древности, когда судьба отворачивалась от них, не считали зазорным заботиться о своем спасении. Под давлением охватившего все войско отчаяния Пет составляет свое первое письмо к Вологецу, не смиренное и не просительное, но содержащее в себе как бы жалобу: Вологец начал военные действия из-за армян, всегда пребывавших под властью римлян или подчиненных царю, избранному для них императором; мир одинаково полезен для обеих сторон; пусть он, Вологец, не обольщается настоящим; сам он обрушился всеми

силами своего государства на два легиона; но весь остальной мир в распоряжении римлян, и он поможет им в этой войне.

14. На это Вологез, не коснувшись существа дела, ответил, что он должен дожидаться прибытия своих братьев Пакора и Тиридата; это место и время он назначил для совещания с ними о дальнейшей судьбе Армении; но боги даровали им достойную Арсакидов честь принять вместе с тем решение и о римских легионах. После этого Пет снова послал гонцов к Вологезу, прося о свидании с ним, но тот приказал отправиться для ведения переговоров своему начальнику конницы Вазаку. Пет говорил о Лукулле, Помпее³ и о том, что сделано Цезарями для овладения Арменией и для передачи ее царям, назначаемым Римом, Вазак — что мы лишь призрачно владели и распоряжались Арменией, тогда как действительная власть была у парфян. Наконец, после долгих споров для засвидетельствования условий, на которых они пришли к соглашению, на следующий день привлекается адиабенец Монобаз. А договорились они о следующем: легионы освобождаются от осады, римское войско вплоть до последнего воина уходит за пределы армян; крепости и продовольствие передаются парфянам; по исполнении этого Вологезу обеспечивается возможность направить послов к Нерону.

15. Между тем Пет навел мост через реку Арсаний — она протекала перед его лагерем — под предлогом, что готовит себе переправу, но на деле по приказу парфян в память одержанной ими победы, и действительно он им пригодился, а наши ушли в другом направлении. Молва добавляла, что римские легионы были проведены под ярмом и претерпели другие унижения, начало которым было положено армянами. Так, они вошли в укрепления прежде, чем римское войско выступило из них, стояли вдоль дорог, по которым оно проходило, и, заметив некогда захваченных нами рабов или вьючных животных, опознавали их как своих и уводили с собой; они также отнимали у наших одежду, отбирали у них оружие, и запуганные воины уступали им, чтобы не подавать повода к вооруженному столкновению. Вологез, собрав в груды оружие и тела убитых, с тем чтобы это было наглядным свидетельством нашего поражения, не стал смотреть на прохождение нашего поспешно уходившего войска; удовлетворив свою гордость, он хотел, чтобы разнеслась молва об его умеренности. Через реку Арсаний он переправился восседая на слоне, а его приближенные — пользуясь силой коней, потому что ходили слухи, что из-за коварства строителей мост не выдержит тяжести; но решившиеся вступить на него убедились в его прочности и надежности.

16. В дальнейшем стало известно, что у осажденных продовольствие было даже в избытке, так что, уходя, они подожгли свои склады, тогда как парфяне, по словам Корбулона,⁴ остро нуждались в нем и, не имея к тому же чем кормить лошадей, так как трава была вытоптана, уже собирались снять осаду с римского лагеря, да и он сам находился не далее трех дней пути. Он добавляет, что Пет поклялся перед боевыми знач-

ками в присутствии тех, кого царь прислал быть при этом свидетелями, что ни один римлянин не вступит в Армению, пока не придет ответ от Нерона, согласен ли он на мир. И если это вымышлено с целью усугубить бесчестие Пета, то остальное не вызывает сомнений, а именно что за один день он преодолел расстояние в сорок тысяч шагов, бросая в пути раненых, и что бежавшие были охвачены не менее безобразным страхом, чем если бы обратили тыл, разбитые на поле сражения. Корбулон, встретивший их со своим войском на берегу Евфрата, не показал его во всем блеске, в сверкании значков и оружия, чтобы это различие в облике не было в укор вновь прибывшим. Опечаленные манипулы, сочувствовавшие участи своих сотоварищей, не могли сдержать слезы; плач едва позволил обоим войскам обменяться обычным приветствием. Отступили назад соревнование в доблести, домогательства славы — то, что волнует счастливых людей; над всем взяло верх сострадание, и в особенности среди низших по положению.

17. Последовал короткий разговор между полководцами: один выразил сожаление, что его поход оказался излишним, тогда как войну можно было бы завершить разгромом парфян; другой ответил, что силы их обоих сохранены в целости; достаточно повернуть орлов и сообщая вторгнуться в пределы Армении, ослабленной уходом Вологеза. Корбулон возразил, что у него нет на это повеления императора; встревоженный угрозой легионам опасностью, он выступил из своей провинции, и так как намерения парфян ему неизвестны, он возвратится в Сирию; да и то нужно молить судьбу, чтобы истомленная долгим и трудным походом пехота поспела за свежей парфянской конницей, имеющей перед собой ровную местность. Пет зазимовал в Каппадокии. А Вологез прислал к Корбулону гонцов с требованием уничтожить укрепления за Евфратом, чтобы тем самым эта река сделалась пограничной, какою она ранее и была; Корбулон, в свою очередь, потребовал очистить Армению от неприятельских войск. В конце концов царь уступил, и было срыто все возведенное Корбулоном на той стороне Евфрата, а армяне оставлены без властителя.

18. А в Риме между тем в ознаменование победы над парфянами посередине Капитолийского холма воздвигались трофеи и триумфальная арка; распорядившись об этом еще в самый разгар войны, сенат не остановил работ и позднее, так как стремление к показному блеску заглушало в нем веления совести. Да и Нерон, желая скрыть свое беспокойство о внешних делах и вместе с тем поддержать уверенность в обеспечении города продовольствием, выбросил в Тибр предназначавшиеся для простого народа и испортившиеся от длительного хранения запасы зерна. Не поднял он и цены на него, хотя почти двести кораблей уже в гавани было уничтожено неистовой бурей, а сто других, прошедших по Тибру, — внезапно возникшим пожаром. После этого он назначил трех бывших консулов — Луция Пизона, Дучения Гемина, Помпея Паулина — здать

сбором налогов, предназначенных к поступлению в государственную казну, упрекнув при этом предыдущих принцепсов за то, что их непомерные траты превосходили собираемые в обычном порядке налоги: сам он ежегодно жертвует государству из личных средств шестьдесят миллионов сестерциев.

19. В то время в Риме стали широко прибегать к бесчестной уловке, состоявшей в том, что с приближением комиций или жеребьевки на управление провинциями очень многие бездетные граждане обзаводились детьми посредством показного усыновления, а получив наравне с подлинными отцами претуры или провинции, незамедлительно освобождали усыновленных от своей родительской власти...⁵ возмущенные этим, обращаются с жалобой в сенат, указывая, что на одной стороне право, даруемое самою природой, и труды, положенные на воспитание, а на другой — обман, хитрости и кратковременное усыновление. Довольно бездетным и того, что, без забот, ничем не обременяемые, они имеют свободный доступ к влиянию и почестям. А для тех, кто действительно вырастил детей, обещания закона после длительного ожидания оборачиваются насмешкой, так как всякий, кто, не неся заботы, стал отцом и, не пережив скорби, — снова бездетным, сразу уравнивается с подлинными отцами в том, что для них составляло предмет долгих чаяний. По этому поводу сенат принял постановление, согласно которому показное усыновление никоим образом не должно было содействовать занятию государственных должностей и служить к выгоде при получении наследств.

20. Затем предается суду критянин Клавдий Тимарх. Ему вменялись в вину не обычные преступления видных провинциалов, которые, обладая чрезмерным богатством, злоупотребляют своим могуществом, чтобы чинить обиды простому народу, а его оскорбительные для римского сената слова, ибо он не раз повторял, что, будет ли вынесена благодарность управлявшим Критом проконсулам, зависит исключительно от него. Используя этот случай, Тразев Пет высказал полезные для государства соображения: подав мнение, что подсудимый должен быть изгнан из критской провинции, он добавил следующее: «На опыте доказано, отцы сенаторы, что благодетельные законы и примерные наказания вводятся благонамеренными людьми из-за совершенных другими проступков. Так, необузданность ораторов породила предложение Цинция, происки кандидатов — законы Юлия, алчность должностных лиц — постановления Кальпурния;⁶ ибо провинность предшествует каре, меры исправления принимаются вслед за преступлением. Итак, для пресечения невиданной доселе надменности провинциалов давайте примем решение, достойное прямоты и твердости римской; нисколько не ослабляя попечения о союзниках, нужно отказаться от представления, что оценка деятельности наших людей может зависеть от чего-либо, кроме суждения римских граждан.

21. «В былое время не только преторов или консулов, но и частных лиц посылали в провинции с предписанием ознакомиться с положением дел и

доложить, в какой мере их обитатели покорствуют нашей воле; и целые народы трепетали пред приговором, выносимым отдельными гражданами. А теперь мы обхаживаем чужеземцев и подольщаемся к ним, и если по прихоти какого-либо из них выносятся благодарности, то точно так же, и притом еще чаще, предъявляется обвинение. Пусть и впредь предъявляются обвинения, пусть у провинциалов останется такая возможность кичиться своим могуществом; но незаслуженная и добытая домогательствами хвала должна преследоваться с не меньшей решительностью, чем злокозненность, чем жестокость. Наше старание нравиться часто влечет за собой более пагубные последствия, нежели возбуждение нами неудовольствия. Больше того, есть добродетели, навлекающие неприязнь, каковы непреклонная строгость, не идущий ни на какие поблажки ради снискания расположения несгибаемый дух. Вот почему у наших магистратов начало почти всегда лучше, а конец слаб, — ведь мы гоняемся за голосами, словно кандидаты на почетные должности; если с этим будет покончено, провинции будут управляться и справедливее, и с большей твердостью; ибо подобно тому как законом о вымогательствах обуздана алчность, так и запрещением выносить благодарности будет положен предел заискиваниям».

22. Это мнение встретило всеобщее сочувствие. И все-таки сенатское постановление не могло состояться, так как консулы заявили, что по данному вопросу не был представлен надлежащий доклад. В дальнейшем, по указанию принцепса, сенаторы приняли постановление, воспрещавшее кому бы то ни было выступать в собраниях союзников с предложениями о вынесении перед сенатом благодарностей пропреторам и проконсулам, равно как и брать на себя в этих целях посольство.

При тех же консулах сгорел от удара молнии гимнасий, а находившаяся в нем статуя Нерона расплавилась и превратилась в бесформенный медный слиток. Был также сильно разрушен землетрясением многолюдный кампанский город Помпеи. Скончалась весталка Лелия, на место которой была взята Аврелия из рода Коссов.

23. В консульство Меммия Регула и Вергиния Руфа⁷ у Нерона родилась дочь от Поппеи; восприняв это с чрезвычайной радостью, он назвал ее Августою, присвоив то же наименование и Поппее. Местом рождения девочки была колония Анций, в которой родился и он сам. Сенат уже ранее препоручил богам материнство Поппеи и дал от имени государства торжественные обеты, которые были теперь приумножены и исполнены. Сверх того, были добавлены благодарственные молебствия и решено воздвигнуть храм Плодовитости⁸ и учредить состязания по образцу священных игр в память актийской победы,⁹ а также поместить на троне Юпитера Капитолийского золотые изваяния обеих Фортун¹⁰ и дать цирковые представления в честь рода Юлиев в Бовиллах, Клавдиев и Домициев — в Анции.¹¹ Но все это рушилось, так как ребенок на четвертом месяце умер. И вот снова посыпались льстивые предложения причислить умер-

шую к сонму богов и для воздания ей божеских почестей соорудить храм и назначить жреца; сам Нерон как не знал меры в радости, так не знал ее и в скорби. Упоминают о том, что когда вскоре после разрешения Поппеи от бремени сенат в полном составе отправился в Анций, а Тразее это было воспрещено, он с неколебимою твердостью духа принял нанесенное ему оскорбление, предвещавшее скорую гибель. Говорят, что после этого Цезарь, похваляясь перед Сенекой, сказал ему, что примирился с Тразеей, и Сенека принес ему по этому поводу свои поздравления, из-за чего возросла слава этих выдающихся мужей и вместе с тем угрожавшая им опасность.

24. Между тем ранней весной прибыли парфянские послы с поручениями и посланием царя Вологеза: он, Вологез, не намерен более возвращаться к давним и столько раз возобновлявшимся спорам о том, кому обладать Арменией, ибо боги, вершители судеб даже наиболее могущественных народов, отдали владение ею в руки парфян не без позора для римлян. Недавно был обложен осадой Тигран; затем он, Вологез, отпустил невредимыми Пета и его легионы, хотя мог бы их уничтожить. Его сила в достаточной мере показана; представил он и доказательства своего миролюбия. Тиридат не стал бы возражать против поездки в Рим для принятия диадемы, если бы его не удерживали жреческие обязанности. Он готов отправиться к римским орлам и изображениям принцепса, дабы там, в присутствии легионов, венчаться на царство.

25. Так как письмо Вологеза противоречило тому, что писал Пет, сообщавший, что все обстоит по-прежнему, опросили прибывшего с послами центуриона, в каком положении он оставил Армению, и тот ответил, что она полностью покинута римлянами. Тогда, поняв, что варвары над ним издеваются и просят то, что захватили силою, Нерон созвал совещание первейших сановников государства и предложил им на выбор чреватую неожиданностями войну или бесславный мир. Не колеблясь, они предпочли войну. Досада на Пета еще не изгладилась, и, чтобы не допустить по чьей-либо неопытности новых ошибок, командование возлагается на Корбулона, успевшего за многие годы хорошо изучить как наших воинов, так и врагов. Итак, ничего не добившись, послы отбывают из Рима, впрочем с дарами, которые имели целью внушить Тиридату надежду, что если он лично обратится с такою же просьбой, то может рассчитывать на успех. Управление Сирией поручается Гаю Цестию, ее военные силы — Корбулону; к ним был добавлен пятнадцатый легион, переброшенный из Паннонии во главе с Марием Цельсом. Тетрархам,¹² царям, префектам и прокураторам, а также преторам — правителям соседних провинций — отдается письменное распоряжение повиноваться приказаниям Корбулона, власть которого увеличивается почти до таких же размеров, в каких римский народ наделил ею Помпея для войны с пиратами.¹³ Возвратившийся Пет боялся, что подвергнется суровому наказанию, но Цезарь удовольствовался насмешкой, сказав, что спешит

даровать Пету прощение, дабы, столь легко поддаваясь страху, он не заболел от долгой тревоги.

26. Перебросив в Сирию четвертый и двенадцатый легионы, казавшиеся малопригодными к боевым действиям, так как своих наиболее храбрых воинов они потеряли, а все остальные были подавлены страхом, Корбулон ведет оттуда в Армению шестой и третий легионы, которые не понесли потерь и к тому же были закалены в частых и успешных походах; к ним он присоединяет находившийся в Понте и поэтому не затронутый поражением пятый легион, воинов только что прибывшего пятнадцатого легиона, отборные подразделения из Иллирии и Египта, все бывшие у него под началом конные отряды и когорты союзников и присланные царями вспомогательные войска; эти силы он сосредоточил в Мелитене, откуда собирался переправиться через Евфрат. После принесения по обычаю искупительных жертв он созывает войско на сходку и обращается к нему с торжественной речью, в которой говорит, что они будут сражаться под верховным водительством самого императора,¹⁴ о своих прошлых деяниях, о том, что в недавних неудачах повинна неумелость Пета, — с твердостью и уверенностью, заменявшими этому доблестному воину красноречие.

27. Вслед за тем, расчистив завалы, произведенные временем, Корбулон устремляется по некогда проложенной Луцием Лукуллом дороге.¹⁵ Не отвергнув предложения о мирных переговорах, переданного ему прибывшими от Тиридата и Вологеза послами, он отправляет их вместе с центурионами, которым предписывает изложить его довольно умеренные условия: ведь дело еще не дошло до того, чтобы стала неизбежной борьба не на жизнь, а на смерть. Много успехов одержано римлянами, но кое-какие выпали и на долю парфян, и в этом — предостережение от заносчивости. И для Тиридата гораздо выгоднее получить в дар не подвергшееся опустошению царство, и Вологез проявит больше попечительности о парфянском народе, заключив договор с римлянами, чем ведя с ними войну, несущую урон обоим противникам. Ему, Корбулону, известно, сколько раздоров внутри Парфянского государства, над какими неукротимыми и дикими народами властвует Вологез; напротив, у римского императора везде нерушимый мир и только одна эта война. Наряду с преподанием этих советов не пренебрег Корбулон и устрашением армянских сановников, которые первыми отпали от нас, изгоняя их из родовых гнезд, разрушая их крепости, сея одинаковый ужас на равнинах и среди гор, у сильных и слабых.

28. Имя Корбулона не вызывало злобы или ненависти даже у варваров, и поэтому они считали его совет искренним. И Вологез, проявив уступчивость в самом существенном, в первую очередь добивается установления перемирия в нескольких префектурах, а Тиридат просит назначить место и день для открытия переговоров. Срок варвары предложили близкий, место — то самое, где недавно вместе с Петом были окружены легионы, так как оно напоминало о счастливых для них событиях; не воспротивился этому и Корбулон, полагая, что различие в обстоятельствах послужит

к возвеличению его славы. Не смущало его и бесчестье, которому подвергся там Пет, и это отчетливо проявилось в том, что он приказал его сыну, трибуну, отправиться туда во главе манипулов и прикрыть землею останки павших в этих злосчастных битвах. В назначенный день знатный римский всадник Тиберий Александр, данный на время этой войны Корбулону в помощники, и Анний Винициан, зять Корбулона, еще не достигший необходимого для сенаторского звания возраста и назначенный исполняющим обязанности легата пятого легиона, прибыли в лагерь Тиридата и ради того, чтобы его почитать, и чтобы, располагая такими заложниками, он не опасался, что ему подстроена западня; после этого из того и другого войска было выделено по двадцати всадников. Завидев Корбулона, царь первым спрыгнул с коня; не замедлил сделать то же и Корбулон, и, спешившись, они протянули друг другу руки.

29. После этого римлянин хвалит молодого человека за то, что, сойдя с чреватого опасностями пути, он предпочел ему верный и безопасный; Тиридат же, сначала многословно распространившись о знатности своего рода, об остальном говорил с подобающей в его положении скромностью: итак, он отправится в Рим и доставит Цезарю новую славу — ведь перед ним предстанет просителем Арсакид, хотя парфяне и не понесли поражения. В конце концов согласились на том, что Тиридат положит свою царскую корону к подножию статуи Цезаря и получит ее обратно не иначе как из рук самого Нерона; этим они завершили переговоры и на прощание обменялись поцелуем. Спустя несколько дней оба войска во всем своем блеске были выстроены друг против друга — с одной стороны конница, расставленная отрядами с отечественными отличиями, с другой — ряды легионов со сверкающими орлами, значками и изображениями богов, как в храме; посередине был сооружен трибунал с курульным креслом на нем и изваянием Нерона на кресле. После заклятия, согласно обычаю, жертвенных животных к нему приблизился Тиридат и положил у его ног снятую с головы диадему, что вселило в души присутствовавших волнение, усугублявшееся тем, что у них пред глазами все еще стояли картины истребления римских войск и осады, которой они подвергались; теперь счастье повернулось в другую сторону; Тиридат отправится в Рим напоказ всему миру, и намного ли он своей участью будет отличаться от пленника?

30. Ко всей своей славе Корбулон добавил еще обходительность и устроил пир; и всякий раз, когда царь подмечал нечто новое, например что смена караулов возвещается центурионом, что гости поднимаются из-за столов по сигналу трубой, что выложенный пред авгуралом¹⁶ жертвенник поджигается подносимым к нему снизу факелом, и расспрашивал, в чем сущность всех этих порядков, Корбулон, направляя свои ответы к возвеличению Рима, поверг царя в изумление пред нашими древними нравами. На следующий день Тиридат попросил позволить ему отлучиться, чтобы перед столь дальним путем встретиться с братьями и повидать мать;

тогда же он отдал Корбулону в заложницы дочь и вручил ему просительное письмо к Нерону.

31. Покинув наш лагерь, он находит Пакора у мидян, а в Экбатанах — Вологеза, который не оставлял своим попечением брата, ибо направил к Корбулону особых гонцов, прося оградить Тиридата от унижений, выпадающих на долю людей подневольных, чтобы у него не отобрали оружия, чтобы правители провинций при встрече с ним не отказывались почтить его поцелуем, чтобы они не принуждали его дожидаться их у дверей и чтобы в Риме ему были оказаны те же почести, какие принято воздавать консулам. Привыкший к свойственному чужеземцам пустому тщеславию, он, очевидно, не знал, что у нас дорожат силою власти, но не придают значения внешности.

32. В том же году Цезарь даровал латинское право¹⁷ обитающим в Приморских Альпах народностям. Римским всадникам он отвел места в цирке впереди простого народа, тогда как до этого при его посещении они не имели никаких преимуществ, поскольку закон Росция содержал в себе указание лишь о первых четырнадцати рядах в театре. Этот год также отмечен устройством гладиаторских игр, не уступавших в великолепии предыдущим; но при этом еще большее число знатных женщин и сенаторов запятнало себя выходом на арену.

33. В консульство Гая Лекания и Марка Лициния¹⁸ Нерон со дня на день проникался все более страстным желанием выступить на сцене общедоступного театра; до сих пор он пел лишь у себя во дворце или в своих садах на ювеналиях, к которым относился с пренебрежением, считая их слишком замкнутыми для такого голоса, каким он, по его мнению, обладал. Однако, не решившись начать сразу с Рима, он избрал Неаполь, представлявший ему как бы греческим городом: здесь он положит начало, а затем, переправившись в Ахайю и добыв в ней издавна почитаемые священными и столь ценимые повсюду венки, оваянный еще большею славой, завоеует одобрение соотечественников. И вот театр неаполитанцев заполняет собравшаяся толпа горожан, а также те, кого привлекла из ближайших колоний и муниципиев молва о предстоящем выступлении Цезаря, кто сопровождал его в почетной свите и для оказания ему всевозможных услуг и манипулы воинов.

34. Тут произошло нечто такое, в чем большинство увидело злоещее предзнаменование, а сам Нерон — скорее свидетельство заботы о нем благосклонных богов: театр, оставшийся пустым после того как зрители разошлись, рухнул, и никто при этом не пострадал. И принцепс, сочинив стихи, в которых приносил благодарность богам и прославлял счастливый исход недавнего происшествия, отправился в путь, намереваясь проследовать к месту переправы через Адриатическое море, но по дороге задержался в Беневенте, где при большом стечении зрителей Ватиний давал представления гладиаторов. Этот Ватиний был одним из наиболее чудовищных порождений императорского двора: выросший в сапожной лавке, уродливый

телом, площадной шут, он сначала был принят в окружение принцепса как тот, кого можно сделать всеобщим посмешищем, но с течением времени, возводя обвинения на лучших людей, обрел столько силы, что влиятельностью, богатством, возможностью причинять вред превзошел даже самых отъявленных негодяев.

35. Посещая даваемые им пиры, Нерон и посреди удовольствий не прекращал творить злодеяния. Именно в эти дни принудили к самоубийству Торквата Силана, ибо, помимо его принадлежности к славному роду Юниев, божественный Август приходился ему прапрадедом. Обвинителям было приказано заявить, что он расточает свое состояние на щедроты, и для него единственная надежда заключается в государственном перевороте, что среди его вольноотпущенников есть такие, которых он называет ведающими перепиской, ведающими приемом прошений, ведающими казною — наименования должностных лиц при верховном правителе, выдающие далеко заходящие замыслы. Тогда же всех его наиболее доверенных вольноотпущенников заковали в цепи и увели в темницу, и, так как стало очевидным, что его осуждение неминуемо, Торкват вскрыл себе вены на обеих руках; затем Нерон произнес речь, в которой по своему обыкновению заявил, что, сколь бы виновен ни был Торкват и как бы обоснованно ни было его неверие в возможность оправдания, ему была бы, однако, сохранена жизнь, если бы он дождался приговора своего милостивого судьи.

36. Немного спустя, отложив поездку в Ахайю (что было причиной этого, неизвестно), Нерон направился в Рим, затаив про себя мечту о посещении восточных провинций, преимущественно Египта. Вслед за тем он объявил в особом указе, что его отсутствие будет непродолжительным и никак не скажется на спокойствии и благополучии государства, и по случаю предстоящего путешествия поднялся на Капитолий. Принеся там обеты богам и войдя с тем же в храм Весты, он вдруг задрожал всем телом, то ли устранившись богини или потому, что, отягощенный памятью о своих злодеяниях, никогда не бывал свободен от страха, и тут же оставил свое намерение, говоря, что все его желания отступают перед любовью к отечеству: он видит опечаленные лица сограждан, слышит их тайные сетования на то, что собирается в столь дальний путь, тогда как даже кратковременные его отъезды невыносимы для них, привыкших к тому, что при одном только взгляде на принцепса стихают их опасения перед превратностями судьбы. И подобно тому как в личных привязанностях предпочтение отдают кровным родственникам, так и римский народ для него превыше всего, и, если он удерживает его при себе, надлежит этому подчиниться. Такие речи пришлось по душе простому народу как вследствие присущей ему жажды зрелищ, так прежде всего и из опасения, как бы в отсутствие принцепса не возникли затруднения с продовольствием. Для сената и знати было неясно, будет ли Нерон больше свирепствовать, находясь вдалеке или оставаясь на месте; впоследствии, как это обычно в страшных обстоятельствах, они сочли худшим то, что выпало на их долю.

37. Стараясь убедить римлян, что нигде ему не бывает так хорошо, как в Риме, Нерон принимается устраивать пиршества в общественных местах и в этих целях пользуется всем городом, словно своим домом. Но самым роскошным и наиболее отмеченным народной молвой был пир, данный Тигеллином, и я расскажу о нем, избрав его в качестве образца, дабы впредь освободить себя от необходимости описывать такое же расточительство. На пруду Агриппы¹⁹ по повелению Тигеллина был сооружен плот, на котором и происходил пир и который все время двигался, влекомый другими судами. Эти суда были богато отделаны золотом и слоновою костью, и гребли на них распутные юноши, рассаженные по возрасту и сообразно изощренности в разврате. Птиц и диких зверей Тигеллин распорядился доставить из дальних стран, а морских рыб — от самого Океана. На берегах пруда были расположены лупанары, заполненные знатными женщинами, а напротив виднелись нагие гетеры. Началось с непристойных телодвижений и плясок, а с наступлением сумерек роща возле пруда и окрестные дома огласились пением и засияли огнями. Сам Нерон предавался разгулу, не различая дозволенного и недозволенного; казалось, что не остается такой гнусности, в которой он мог бы выказать себя еще развращеннее; но спустя несколько дней он вступил в замужество, обставив его торжественными свадебными обрядами, с одним из толпы этих грязных распутников (звали его Пифагором); на императоре было огненно-красное брачное покрывало, присутствовали присланные женихом распорядители; тут можно увидеть приданое, брачное ложе, свадебные факелы, наконец все, что прикрывает ночная тьма и в любовных утехах с женщиной.

38. Вслед за тем разразилось ужасное бедствие, случайное или подстроенное умыслом принцепса — не установлено (и то и другое мнение имеет опору в источниках), но во всяком случае самое страшное и беспощадное из всех, какие довелось претерпеть этому городу²⁰ от неистовства пламени. Начало ему было положено в той части цирка, которая примыкает к холмам Палатину и Целию; там, в лавках с легко воспламеняющимся товаром, вспыхнул и мгновенно разгорелся огонь и, гонимый ветром, быстро распространился вдоль всего цирка. Тут не было ни домов, ни храмов, защищенных оградами, ни чего-либо, что могло бы его задержать. Стремительно наступавшее пламя, свирепствовавшее сначала на ровной местности, поднявшееся затем на возвышенности и устремившееся снова вниз, опережало возможность бороться с ним и вследствие быстроты, с какою надвигалось это несчастье, и потому, что сам город с кривыми, изгибавшимися то сюда, то туда узкими улицами и тесной застройкой, каким был прежний Рим, легко становился его добычей. Раздавались крики перепуганных женщин, дряхлых стариков, беспомощных детей; и те, кто думал лишь о себе, и те, кто заботился о других, таща на себе немощных или поджидая их, когда они отставали, одни медлительностью, другие торопливостью увеличивали всеобщее смятение. И нередко случалось, что на оглядывавшихся назад пламя обрушивалось с боков или спереди. Иные

пытались спастись в соседних улицах, а когда огонь настигал их и там, они обнаруживали, что места, ранее представлявшие им отдаленными, находятся в столь же бедственном состоянии. Под конец, не зная, откуда нужно бежать, куда направляться, люди заполняют пригородные дороги, располагаются на полях; некоторые погибли, лишившись всего имущества и даже дневного пропитания. другие, хотя им и был открыт путь к спасению, — из любви и привязанности к близким, которых они не смогли вырвать у пламени. И никто не решался принимать меры предосторожности, чтобы обезопасить свое жилище, вследствие угроз тех, кто запрещал бороться с пожаром; а были и такие, которые открыто кидали в еще не тронутые огнем дома горящие факелы, крича, что они выполняют приказ, либо для того, чтобы беспрепятственно грабить, либо и в самом деле послушные чужой воле.

39. В то время Нерон находился в Анции и прибыл в Рим лишь тогда, когда огонь начал приближаться к его дворцу, которым он объединил в одно целое Палатинский дворец и сады Мецената.²¹ Остановить огонь все же не удалось, так что он поглотил и Палатинский дворец, и дворец Нерона, и все, что было вокруг. Идя навстречу изгнанному пожаром и оставшемуся без крова народу, он открыл для него Марсово поле, все связанные с именем Агриппы сооружения, а также свои собственные сады и, кроме того, спешно возвел строения, чтобы разместить в них толпы обездоленных погорельцев. Из Остии и ближних муниципиев было доставлено продовольствие, и цена на зерно снижена до трех сестерциев. Принятые ради снискания народного расположения, эти мероприятия не достигли, однако, поставленной цели, так как распространился слух, будто в то самое время, когда Рим был объят пламенем, Нерон поднялся на дворцовую сцену и стал петь о гибели Трои, сравнивая постигшее Рим несчастье с бедствиями давних времен.

40. Лишь на шестой день у подножия Эсквилина был, наконец, укрощен пожар, после того как на обширном пространстве были срыты дома, чтобы огонь встретил голое поле и как бы открытое небо. Но еще не миновал страх, как огонь снова вспыхнул, правда в не столь густо застроенных местах; по этой причине на этот раз было меньше человеческих жертв, но уничтоженных пламенем святилищ богов и предназначенных для украшения города портиков еще больше. Этот второй пожар вызывал и больше подозрений, потому что начался с особняка Тигеллина в Эмилианах; пошли толки о том, что Нерон хочет прославить себя созданием на пожарище нового города, который собирается назвать своим именем. Из четырнадцати концов, на которые делится Рим, четыре остались нетронутыми, три были разрушены до основания; в прочих семи сохранились лишь ничтожные остатки обвалившихся и полусожженных строений.

41. Установить число уничтоженных пожаром особняков, жилых домов и храмов было бы нелегко; но из древнейших святилищ сгорели посвященный Сервием Туллеем храм Луне, большой жертвенник и храм,

посвященный аркадянином Эвандром Геркулесу в его присутствии, построенный Ромулом по обету храм Юпитера Остановителя, царский дворец Нумы и святилище Весты с Пенатами²² римского народа; тогда же погибли сокровища, добытые в стольких победах, выдающиеся произведения греческого искусства, древние и достоверные списки трудов великих писателей и многое такое, о чем вспоминали люди старшего возраста и что не могло быть восстановлено, несмотря на столь поразительное великолепие восставшего из развалин города. Некоторые отмечали, что этот пожар начался в четырнадцатый день до секстильских календ²³ — день, в который когда-то сенопы подожгли захваченный ими Рим. А другие в своем усердии дошли до того, что насчитывали между тем и другим пожаром одинаковое количество лет, месяцев и дней.²⁴

42. Используя постигшее родину несчастье, Нерон построил себе дворец, вызывавший всеобщее изумление не столько обилием пошедших на его отделку драгоценных камней и золота — в этом не было ничего необычного, так как роскошь ввела их в широкое употребление, — сколько лугами, прудами, разбросанными, словно в сельском уединении, тут лесами, там пустошами, с которых открывались далекие виды, что было выполнено под наблюдением и по планам Севера и Целера, наделенных изобретательностью и смелостью в попытках посредством искусства добиться того, в чем отказала природа, и в расточении казны принцепса. Так, они пообещали ему соединить Авернское озеро с устьем Тибра судоходным каналом, проведя его по пустынному побережью и через встречные горы. Но, кроме Помптинских болот, там не было влажных мест, которые могли бы дать ему воду, ибо все остальное представляло собою отвесные кручи или сплошные пески; и даже если бы им удалось пробиться сквозь них, это стоило бы непомерного и не оправданного действительной надобностью труда. Но страсть Нерона к неслыханному побудила его предпринять попытку прорыть ближайшие к Авернскому озеру горы; следы этих бесплодных усилий сохраняются и поныне.

43. Вся не отошедшая к дворцу территория города в дальнейшем застроилась не так скученно и беспорядочно, как после сожжения Рима галлами, а с точно отмеренными кварталами и широкими улицами между ними, причем была ограничена высота зданий, дворы не застраивались и перед фасадами доходных домов возводились скрывавшие их портики. Эти портики Нерон пообещал соорудить за свой счет, а участки для построек предоставить владельцам расчищенными. Кроме того, он определил им денежные награды — соответственно словию и размерам состояния каждого — за завершение строительства особняков и доходных домов в установленные им самим сроки. Для свалки мусора он предназначил болота близ Остии, повелев, чтобы суда, подвозящие по Тибру зерно, уходили обратно, погрузив мусор; самые здания он приказал возводить до определенной высоты без применения бревен, сплошь из габий-

ского или альбанского туфа,²⁵ ибо этот камень огнеупорен; и так как частные лица самочинно перехватывали воду, по его распоряжению были расставлены надзиратели, обязанные следить за тем, чтобы она обильно текла в большом количестве мест и была доступна для всех; домовладельцам было вменено в обязанность иметь наготове у себя во дворе противопожарные средства, и, наконец, было воспрещено сооружать дома с общими стенами, но всякому зданию надлежало быть наглухо отгороженным от соседнего. Все эти меры, принятые для общей пользы, послужили вместе с тем и к украшению города. Впрочем, некоторые считали, что в своем прежнем виде он был благоприятнее для здоровья, так как узкие улицы и высокие здания оберегали его от лучей палящего солнца: а теперь открытые и лишенные тени просторы, накалившись, обдают нестерпимым жаром.

44. Эти меры были подсказаны человеческим разумом. Затем стали думать о том, как умиловить богов, и обратились к Сивиллиным книгам, на основании которых были совершены молебствия Вулкану и Церере с Прозерпиною, а матроны принесли жертвы Юноне, сначала на Капитолии, потом у ближайшего моря, и зачерпнутой в нем водой окропили храм и изваяние этой богини; замужние женщины торжественно справили селлистернии²⁶ и ночные богослужения. Но ни средствами человеческими, ни щедротами принцепса, ни обращением за содействием к божествам невозможно было пресечь бесчестящую его молву, что пожар был устроен по его приказанию. И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время это зловерное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, избличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому.²⁷ Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах, или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения. Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады; тогда же он дал представление в цирке, во время которого сидел среди толпы в одежде возничего или правил упряжкой, участвуя в состязании колесниц. И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали самой суровой кары, все же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона.

45. Между тем денежные поборы опустошили Италию, разорили провинции, союзные народы и государства, именуемые свободными. Добыча была взята и с богов, ибо храмы в Риме были ограблены и у них отобрали золото, которое во все времена жертвовал им римский народ, празднуя триумфы и по обету, в дни благоденствия, и в страхе перед опасностями. А в Азии и Ахайе, после того как в эти провинции были направлены Акрат и Секунд Карринат, из святилищ изымались не только дары, но и статуи богов. Первый из названных был вольноотпущенник Цезаря, готовый на любое бесчестное дело, второй — усвоивший греческую философию лишь на кончике языка, но не подчинивший своей души добрым началам. Говорили, что Сенека, стремясь снять с себя ответственность за творимое святотатство, попросил дозволения уединиться в отдаленной деревне, но, получив отказ, сказался больным и под предлогом мышечного недомогания не выходил из своих покоев. Некоторые передают, что его вольноотпущенник, которого звали Клеоником, по приказанию Нерона изготовил для него яд и что Сенека избежал отравления либо потому, что вольноотпущенник открыл ему этот замысел, либо благодаря собственной предусмотрительности, побудившей его поддерживать себя самой простою пищей и полевыми плодами, а для утоления жажды употреблять проточную воду.

46. Тогда же гладиаторы в городе Пренесте попытались вырваться на свободу, но были усмирены приставленной к ним воинской стражей; а в народе, жаждущем государственных переворотов и одновременно трепещущем перед ними, уже вспоминали о Спартаке и бывших потрясениях. Немного позднее пришло сообщение о гибели большого числа кораблей, и не вследствие войны (никогда ранее не царил столь же устойчивый мир), а из-за того, что Нерон, не посчитавшись с возможностью морской бури, повелел флоту возвратиться к определенному дню в Кампанию. И вот кормчие, невзирая на неистовство моря, отплыли из Формий; и когда они пытались обогнуть Мизенский мыс, непреодолимый Африк погнал их на кумские берега, и они потеряли много трирем и еще больше кораблей меньших размеров.

47. В конце года народ устрашают зловещие знамения: частые как никогда удары молнии, звезда-комета, которую Нерон всякий раз старался умиловить пролитием славной крови, младенцы о двух головах, найденные на улицах, и такие же детеныши животных, обнаруженные при заклании жертв в тех случаях, когда обычай требует принесения в жертву беременного животного. В Плацентском округе близ дороги родился теленок, у которого голова срослась с ногой; согласно толкованию гаруспиков, это знамение означало, что главою дел человеческих готовится стать другой, но не обретет славы и не сможет сохранить свои намерения в тайне, ибо чудовищное порождение погибло уже в материнской утробе и появилось на свет возле людного места.

48. Затем вступают в консульство Силий Нерва и Аттик Вестин.²⁸

Тогда же возник заговор, который мгновенно распространился: один за другим вступали в него сенаторы, всадники, воины, даже женщины, как из ненависти к Нерону, так и из расположения к Гаю Пизону. Происходя из рода Кальпурниев, он по отцу был связан со многими знатными семьями и пользовался у простого народа доброю славой, которую снискали ему как истинные его добродетели, так и внешний блеск, похожий на добродетель. Он отдавал свое красноречие судебной защите граждан, был щедр с друзьями и даже с незнакомыми ласков в обхождении и речах; к этому присоединялись и такие дары природы, как внушительный рост, привлекательная наружность. Но вместе с тем он не отличался ни строгостью нравов, ни воздержностью в наслаждениях: он отдавал дань легкомыслию, был склонен к пышности, а порой и к распутству, что, впрочем, нравилось большинству, которое во времена, когда порок в почете, не желает иметь над собою суровую и непреклонную верховную власть.

49. Начало заговору было положено не Пизоном и не его честолюбивыми замыслами; но нелегко указать, кто был зачинщиком, по чьему побуждению сложилось это объединившее столь многих сообщество. Наиболее ревностными его участниками, судя по твердости, с какой они встретили смерть, были трибун преторианской когорты Субрий Флав и центурион Сульпиций Аспер; Анней Лукан и Плавтий Латеран привнесли в него свою жгучую ненависть к принцепсу. Лукана распаяли причины личного свойства, так как Нерон всячески душил его славу на поэтическом поприще и, обуреваемый завистью, препятствовал ему распространять свои сочинения; а консула на будущий год Латерана вовлекла в заговор не обида, но пламенная любовь к отечеству. В числе зачинщиков столь дерзкого предприятия оказались также — чего трудно было от них ожидать — Флавий Сцевин и Афраний Квинциан, оба из сенаторского сословия; у Сцевина от распутства ослабел разум, и он прозябал в бездеятельности и сонливом существовании, а Квинциан, ославленный из-за своей телесной распушенности и опозоренный Нероном в поносном стихотворении, хотел отомстить за нанесенное ему оскорбление.

50. И вот, заводя речь между собою или в кругу друзей о злодеяниях принцепса, о том, что его властвованию приходит конец, что вместо него нужно поставить такого, кто способен помочь угнетенному государству, они вовлекли в заговор римских всадников Клавдия Сенециона, Цервария Прокула, Вулкация Арарика, Юлия Авгурина, Мунация Грата, Антония Натала, Марция Феста; из них Сенецион некогда был близким другом Нерона, и так как тот все еще выказывал ему притворное благоволение, имел достаточно оснований страшиться самого худшего; Натала Пизон всегда посвящал в свои сокровенные замыслы; остальные связывали с государственным переворотом надежды на достижение собственных целей. Из военных людей, кроме уже упомянутых мною Субрия и Сульпиция, были приняты в соучастники трибуны преторианских когорт

Гавий Сильван и Стаций Проксум, а также Максим Скавр и Венет Павел, центурионы. Но своей главнейшей опорой заговорщики считали префекта преторианцев Фения Руфа, снискавшего добрую славу своим образом жизни, но обойденного расположением принцепса вследствие злобных и бесстыдных происков Тигеллина, который не переставал возводить на него всевозможные обвинения и нередко повергал Нерона в страх, нашептывая ему, что Руф, бывший якобы любовником Агриппины и охваченный тоскою по ней, вынашивает мысль с мщением. Итак, когда заговорщики уверились в том, что и префект на их стороне — а он сам постоянно подтверждал это в беседах с ними, — они принялись подробнее обсуждать, когда и где убить принцепса. Говорили, что Субрий Флав дважды проникался решимостью кинуться на него и тут же расправиться с ним: в первый раз — когда он пел на подмостках, во второй — когда дворец был охвачен огнем и он, без охраны, носился ночью то туда, то сюда.²⁹ В последнем случае Флава воодушевляло то, что Нерон был в одиночестве, в первом — самое обилие тех, кто стал бы свидетелями столь прекрасного деяния, но его удержало стремление обеспечить себе безнаказанность, которое всегда препятствует осуществлению значительных начинаний.

51. Между тем, пока они медлили, колеблясь между надеждой и страхом, некая Эпихарида, неведомо как дознавшись об их замысле (ранее она была далека от каких-либо забот об общественном благе), принимается распалать и корить заговорщиков и, в конце концов наскучив их нерешительностью, пытается в Кампании поколебать и связать сообщничеством видных начальников Мизенского флота. Приступила она к этому следующим образом. В этом флоте служил наварх Волузий Прокул, один из тех, кому было поручено умертвить мать Нерона, считавший, что, принимая во внимание значительность преступления, в котором он принимал участие, его недостаточно выдвинули. Был ли он давним знакомым Эпихариды или их приятельские отношения завязались незадолго пред тем, но, так или иначе, он рассказал ей об оказанных им Нерону услугах, о том, что они остались ненагражденными, и присоединил к этому жалобы и угрозу отомстить ему, как только представится случай, чем и внушил ей надежду, что он может быть втянут в заговор и затем вовлечь в него многих; а участие флота расширяло возможности, так как Нерон, бывая в Путеолах и Мизенах, постоянно развлекался морскими плаваниями. И Эпихарида идет все далее: она перечисляет злодеяния принцепса, говорит, что он отнял у сената последнюю власть.³⁰ Но приняты меры, чтобы наказать его за угнетение государства. Пусть только Прокул окажет содействие в этом деле, пусть приведет в стан заговорщиков наиболее отважных и решительных воинов, и он может ожидать достойной награды. Имен заговорщиков Эпихарида, однако, не назвала. Благодаря этому донос Прокула ни к чему не повел, хотя обо всем услышанном он известил Нерона. Эпихарида была вызвана на допрос,

и ей устроена очная ставка с доносчиком, но так как его показания не могли быть подтверждены свидетелями, ей было не трудно отвергнуть их. И все же ее удержали под стражею, так как Нерон остался при подозрении, что, хотя донос не доказан, он, возможно, соответствует истине.

52. Тем не менее заговорщики, опасаясь, что могут быть преданы, решили ускорить задуманное убийство и совершить его в Байях на вилле Пизона, где, привлекаемый ее прелестью, часто бывал Нерон, где без охраны и обычной толпы приближенных посещал бани и участвовал в пиршествах. Но Пизон воспротивился этому, ссылаясь на то, что покроет себя бесчестьем, если святость его пиршественного стола и боги гостеприимства будут осквернены пролитием крови принцепса, каким бы тот ни был; лучше выполнить то, что предпринято ради общего блага, в Риме, в столь ненавистном для всех, сооруженном на побоиры с граждан дворце или в каком-нибудь общественном месте. Так он сказал для видимости, а в действительности втайне боялся, как бы Луций Силан, в котором выдающаяся знатность и воспитание выросшего его Гая Кассия возбуждали чаяния высокого жребия, не овладел верховною властью, получив поддержку тех, кто стоял в стороне от заговора и кто стал бы жалеть Нерона, как павшего жертвою преступления. Впрочем, многие полагали, что Пизон, помимо того, опасался, как бы отличавшийся своеволием консул Вестин не провозгласил возвращение к народовластию или, избрав императора по своему усмотрению, не поднес ему государство как свой подарок. В действительности Вестин не был причастен к заговору, хотя впоследствии, возведя на него это ложное обвинение, Нерон насытил свою давнюю ненависть к нему.

53. Наконец, они условились исполнить намеченное в день посвященных Церере цирковых игр, так как Цезарь, запершись у себя во дворце и в своих садах, редко показывался в народе, но не пропускал представлений в цирке, где к тому же среди множества зрителей было легко подойти к нему. Ониговорились, что Латеран обратится к Цезарю с просьбой о денежном вспомоществовании и, прижав к коленям принцепса со смиренной мольбой, внезапно повалит и подомнет его, сильный духом и огромный телом; после этого к нему, поверженному и беспомощному, сбегутся центурионы, трибуны и все, у кого достанет на это смелости, и прикончат его: нанести смертельный удар Нерону ревностно домогался Сцевин, носивший при себе кинжал, взятый им из храма Благополучия или, по другим сведениям, из храма Фортуны в городе Ферентине и посвященный свершению великого дела. Между тем Пизон должен был ждать в храме Цереры, откуда его вызовут префект Фений и остальные и понесут в преторианский лагерь, причем, чтобы привлечь к нему расположение простого народа, его будет сопровождать Антония, дочь Цезаря Клавдия. Так рассказывает об этом Гай Плиний. Мы сочли нужным не умалчивать об этом сообщении, на что бы оно ни опиралось, хотя нам

кажется совершенно несообразным, чтобы Антония ради пустой надежды решилась предоставить заговорщикам свое имя и подвергаться опасности, а Пизон, известный своею любовью к жене, связал себя обещанием вступить в брак с другою, если только жажда господства не берет верх над всеми остальными страстями.

54. Удивительно, как удалось сохранить все это под покровом молчания среди людей различного происхождения, сословия, возраста, пола, богатых и бедняков, пока в доме Сцевина не нашелся предатель. Накануне назначенного для покушения дня Сцевин, после продолжительного разговора с Антонием Наталом возвратившись домой, запечатал завещание, после чего вынул из ножен кинжал, о котором я упоминал выше, и заметив, что он затупился от времени, приказал отточить его на точильном камне до блеска; заботу об этом он возложил на вольноотпущенника Милиха. Тогда же он устроил более обильное, чем обычно, пиршество, и наиболее любимым рабам дал свободу, а остальных одарил деньгами; было видно, что он погружен в тягостные раздумья, хоть и пытается скрыть это оживленными речами. Наконец он велел приготовить повязки для ран и останавливающие кровь средства, поручив это тому же Милиху, то ли знавшему о существовании заговора и до той поры хранившему верность, то ли вовсе не осведомленному о нем и тогда впервые возымевшему подозрения, как сообщает большинство источников. Ибо когда его рабская душа углубилась в исчисление выгод, которые могло принести вероломство, и представила себе несметные деньги и могущество, перед этим отступили долг, совесть, попечение о благе патрона и воспоминание о дарованной им свободе. К тому же Милих прислушался к чисто женскому и по этой причине злокозненному рассуждению жены, постаравшейся вселить в него страх: многие вольноотпущенники и рабы видели то же, что видел он; молчание одного ничему не поможет, между тем награду получит тот, что опередит доносом всех остальных.

55. И вот на рассвете Милих отправляется в Сервилиевы сады. Остановленный в воротах, он заявляет, что принес важные и грозные вести, и привратники отводят его к вольноотпущеннику Нерона Эпафродиту, а тот к Нерону, которому он сообщает о нависшей над ним опасности, о решимости заговорщиков, обо всем, что слышал, и о своих догадках. Он также показывает приготовленное для умерщвления Нерона оружие и требует привести обвиняемого. Схваченный воинами, тот начал с опровержения возводимых на него обвинений и на вопрос о кинжале ответил, что, издавна почитаемый на его родине как священный, он хранился в его спальном покое и был обманным образом похищен вольноотпущенником. Таблицы завещания он запечатывал неоднократно, не дожидаясь каких-либо особых обстоятельств и дней. Деньги и свободу он и ранее дарил рабам, но на этот раз сделал это с большею щедростью, так как его состояние обременено долгами и он потерял уверенность в силе своего завещания. Он всегда задавал роскошные пиршества, ведя исполненную при-

ятности жизнь, не одобряемую строгими судьями. Никаких распоряжений о повязках для ран он не давал, но так как все прочие обвинения явно несостоятельны, Милих решил присовокупить к ним и это, выступив одновременно и как доносчик, и как свидетель. В сказанное он вложил столь непреклонную твердость, вольноотпущенника называл негодяем и подлым злодеем с такою убежденностью в голосе и во взоре, что донос был бы отвергнут как ложный, если бы жена Милиха ему не напомнила, что Антоний Натал долго беседовал наедине со Сцевинином и что они оба близки к Гаю Пизону.

56. Итак, вызывают Натала, и их порознь допрашивают о том, каков был предмет их беседы, и так как ответы их не совпали, возникли подозрения, и обоих заковали в цепи. Они не вынесли вида показанных им орудий пыток и угроз ими; первым заговорил Натал, более осведомленный во всем, что касалось заговора и заговорщиков и к тому же более искусственный в обвинениях и наветах: сначала он указал на Пизона, а вслед затем и на Аннея Сенеку, или потому, что был посредником в переговорах между ним и Пизоном, или, быть может, стремясь угодить Нерону, который, питая ненависть к Сенеке, изыскивал способы его погубить. Узнав о сделанном Наталом признании, Сцевин с таким же малодушием или сочтя, что уже все открыто и дальнейшее заpiresательство бесполезно, выдал всех остальных. Из них Лукан, Квинциан и Сенецион упорно и долго хранили молчание, но, в конце концов купленные обещанием безнаказанности, и они, чтобы загладить свою медлительность, назвали: Лукан — свою мать Ацилию, а Квинциан — Глития Галла, Сенецион — Анния Полиона, своих самых близких друзей.

57. Между тем Нерон, вспомнив, что по доносу Волузия Прокула содержится в заключении Эпихарида и полагая, что женское тело не вытерпит боли, велит терзать ее мучительными пытками. Но ни плети, ни огонь, ни ожесточение палачей, раздраженных тем, что не могли справиться с женщиной, не сломили ее и не вырвали у нее признания. Итак, в первый день допроса ничего от нее не добились. Когда на следующий день ее в носильном кресле тащили в застенки, чтобы возобновить такие же истязания (изувеченная на дыбе, она не могла стоять на ногах), Эпихарида, стянув с груди повязку и прикрепив к спинке кресла сделанную из нее петлю, просунула в нее шею и, навалившись всей тяжестью тела, пресекла свое и без того слабое дыхание. Женщина, вольноотпущенница, в таком отчаянном положении оберегавшая посторонних и ей почти неизвестных людей, явила блистательный пример стойкости, тогда как свободнорожденные, мужчины, римские всадники и сенаторы, не тронутые пытками, выдавали тех, кто каждому из них был наиболее близок и дорог. Ведь даже Лукан, Сенецион и Квинциан не переставали называть одного за другим участников заговора, от чего Нерон со дня на день проникался все большим страхом, несмотря на то, что окружил себя усиленно охраной.

58. Да и весь Рим он как бы отдал под стражу, расставив на городских стенах манипулы воинов и отгородив его от моря и от реки. По площадям, домам, селениям и ближайшим муниципиям рыскали пехотинцы и всадники, перемешанные с германцами, к которым принцепс питал доверие, так как они чужестранцы. Отсюда непрерывным потоком гнали они толпы закованных в цепи и приводили их ко входу в сады. И когда задержанные входили туда и подвергались допросу, им вменялись в преступление радость, обнаруженная когда-либо при виде того или иного из заговорщиков, случайный разговор, уличные встречи, совместное присутствие на пиршестве или на представлении. В свирепом дознании, чинимом Нероном и Тигеллином, с таким же ожесточением действовал и еще не названный в показаниях Фений Руф, который, стараясь отмежеваться от заговорщиков, был беспощаден к своим сотоварищам. И он же движением головы пресек порыв стоявшего рядом Субрия Флава, который, взявшись за рукоять меча, спросил взглядом, не извлечь ли его и не поразить ли Нерона тут же во время расследования.

59. Были и такие, которые после раскрытия заговора, пока допрашивали Милиха, пока колебался Сцевин, убеждали Пизона отправиться в преторианский лагерь или взойти на ростры и попытаться склонить на свою сторону воинов и народ. Если участники заговора поддержат его усилия, за ними последуют и те, кто ранее был непричастен к нему; молва не замедлит возвеличить переворот, а это — самое главное при осуществлении больших замыслов. Нерон не предусмотрел никаких мер для пресечения мятежа. Даже храбрых мужей неожиданность приводит в смятение, и этот лицей, за которым пойдут лишь его наложницы да Тигеллин, разумеется, не посмеет поднять оружие на возмутившихся. Дерзанием свершается много такого, что коснеющим в бездействии кажется недостижимым. Тщетно надеяться на молчание и на верность такого множества заговорщиков, каждый из которых наделен духом и телом: для пытки и подкупа нет ничего недоступного. Вот-вот придут и закуют его самого в оковы, и он будет предан бесславной смерти. Сколь почетнее для него погибнуть, отдав себя общему делу, подняв клич в защиту свободы. Пусть лучше ему откажут в поддержке воины и его покинет народ, но его смерть, если придется расстаться с жизнью, будет оправдана перед душами предков и перед потомством. Не вняв этим увещаниям, ненадолго показавшись в народе, а потом уединившись у себя дома, Пизон укреплял в себе дух в предвидении близкой гибели, пока к нему не пришел отряд воинов, составленный Нероном из новобранцев и недавно вступивших на службу, ибо старых воинов опасались, считая, что они проникнуты благожелательностью к Пизону. Он умер, вскрыв себе вены на обеих руках. Свое завещание он наполнил отвратительной лестью Нерону, что было сделано им из любви к жене, женщине незнатного происхождения и не отмеченной другими достоинствами, кроме телесной красоты, отнятой им у друга, за которым она ранее была замужем. Звали ее Сатрия Галла, ее

прежнего мужа — Домиций Сил. Он — своей снисходительностью, она — бесстыдством усугубили впоследствии бесчестье Пизона.

60. Вслед за Пизоном Нерон казнил избранного консулом на будущий год Плавтия Латерана, и притом так торопился с его убийством, что не позволил ему обнять напоследок детей и не предоставил тех кратких мгновений, в которые он мог бы сам себя лишиться жизни. Приведенный на место, предназначенное для казни рабов, он умерщвляется рукою трибуна Стация, до конца стойко храня молчание и даже не укорив трибуна, участника того же заговора.

Затем следует умерщвление Аннея Сенеки, особенно приятное принцепсу, и не потому, что он доподлинно выяснил причастность Сенеки к заговору, но потому, что, не достигнув успеха ядом, получил возможность прибегнуть к железу. Назвал Сенеку лишь Натал, да и он заявил только о том, что был послан к больному Сенеке, чтобы повидать его и спросить, почему он не допускает к себе Пизона: им было бы лучше поддерживать дружбу в личном общении; на что Сенека ответил ему, что как обмен мыслями через посредников, так и частые беседы с глазу на глаз не послужат на пользу ни тому, ни другому; впрочем, его спокойствие зависит от благополучия Пизона. Трибун преторианской когорты Гавию Сильвану отдается распоряжение передать это Сенеке и спросить у него, подтверждает ли он слова Натала и свой ответ. Как раз в тот день Сенека либо случайно, либо намеренно возвратился из Кампании и остановился в своем пригородном поместье, отстоявшем от Рима на четыре тысячи шагов. Туда уже под вечер прибыл трибун и, окружив виллу отрядами воинов, изложил Сенеке, обедавшему в обществе жены Помпеи Паулины и двух друзей, поручение императора.

61. Сенека показал, что к нему был прислан Натал и от имени Пизона выразил сожаление, что он, Сенека, не принимает его, а он в свое извинение сослался на нездоровье и на то, что ему всего важнее покой. У него не было никаких причин подчинять свое благоденствие благополучию частного лица; к лести он ни в малой мере не склонен. И никто не знает этого лучше Нерона, которому чаще доводилось убеждаться в независимости суждений Сенеки, чем в его раболепии. Трибун доложил об этом в присутствии Помпеи и Тигеллина, ближайших советников принцепса во всех его злодеяниях, и Нерон спросил, не собирается ли Сенека добровольно расстаться с жизнью. На это трибун, не колеблясь, ответил, что он не уловил никаких признаков страха, ничего мрачного ни в его словах, ни в выражении лица. И трибун получает приказ немедленно возвратиться к Сенеке и возвестить ему смерть. Фабий Рустик передает, что он направился не тою дорогой, какою пришел, а свернул по пути к префекту Фению, и, изложив приказание Цезаря, спросил, следует ли повиноваться ему, и тот посоветовал делать что велено: такова была охватившая всех роковая трусость. Ведь и Сильван тоже был участником заговора и тем не менее содействовал преступлениям, ради от-

мщения которых примкнул к заговорщикам. Все же он не решился, глядя в глаза Сенеке, произнести слова беспощадного приговора и послал к нему для этого одного из центурионов.

62. Сохраняя спокойствие духа, Сенека велит принести его завещание, но так как центурион воспрепятствовал этому, обернувшись к друзьям, восклицает, что раз его лишили возможности отблагодарить их подобающим образом, он завещает им то, что остается единственным, но зато самым драгоценным из его достояния, а именно образ жизни, которого он держался, и если они будут помнить о нем, то заслужат добрую славу, и это вознаградит их за верность. Вместе с тем он старается удерживать их от слез то разговором, то прямым призывом к твердости, спрашивая, где же предписания мудрости, где выработанная в размышлениях стольких лет стойкость в бедствиях? Кому неизвестна кровожадность Нерона? После убийства матери и брата ему только и остается, что умертвить воспитателя и наставника.

63. Высказав это и подобное этому как бы для всех, он обнимает жену и, немного смягчившись по сравнению с проявленной перед этим непоколебимостью, просит и умоляет ее не предаваться вечной скорби, но в созерцании его прожитой добродетельно жизни постараться найти достойное утешение, которое облегчит ей тоску о муже. Но она возражает, что сама обрекла себя смерти, и требует, чтобы ее поразила чужая рука. На это Сенека, не препятствуя ей прославить себя кончиной и побуждаемый к тому же любовью, ибо страшился оставить ту, к которой питал редкостную привязанность, беззащитную перед обидами, ответил: «Я указал на то, что могло бы примирить тебя с жизнью, но ты предпочитаешь благородную смерть; не стану завидовать возвышенности твоего деяния. Пусть мы с равным мужеством и равною твердостью расстанемся с жизнью, но в твоём конце больше величия». После этого они одновременно вскрыли себе вены на обеих руках. Но так как из старческого и ослабленного скудным питанием тела Сенеки³¹ кровь еле текла, он надрезал себе также жилы на голеньях и под коленями; изнуренный жестокой болью, чтобы своими страданиями не сломить духа жены и, наблюдая ее мучения, самому не утратить стойкости, он советует ей удалиться в другой покой. И так как даже в последние мгновения его не покинуло красноречие, он вызвал писцов и продиктовал многое, что было издано; от пересказа его подлинных слов я воздержусь.

64. Но Нерон, не питая личной ненависти к Паулине и не желая усиливать вызванное его жестокостью всеобщее возмущение, приказывает не допустить ее смерти. По настоянию воинов рабы и вольноотпущенники перевязывают ей руки и останавливают кровотечение. Вероятно, она была без сознания; но так как толпа всегда готова во всем усматривать худшее, не было недостатка в таких, кто считал, что в страхе перед неумолимой ненавистью Нерона она домогалась славы верной супруги, решившейся умереть вместе с мужем, но когда у нее возникла надежда

на лучшую долю, не устояла перед соблазном сохранить жизнь. Она лишь на несколько лет пережила мужа, с похвальным постоянством чтя его память; лицо и тело ее отличались той мертвенной бледностью, которая говорила о невозместимой потере жизненной силы. Между тем Сенека, тяготясь тем, что дело затягивается и смерть медлит приходом, просит Стация Аннея, чьи преданность в дружбе и искусство врачевания с давних пор знал и ценил, применить заранее припасенный яд, которым умерщвляются осужденные уголовным судом афинян;³² он был прине-сен, и Сенека его принял, но тщетно, так как члены его уже похолодели и тело стало невосприимчивым к действию яда. Тогда Сенеку погрузили в бассейн с теплой водой, и он обрызгал ею стоявших вблизи рабов со словами, что совершает этой влагою возлияние Юпитеру Освободителю. Потом его переносят в жаркую баню, и там он испустил дух, после чего его тело сжигают без торжественных погребальных обрядов. Так распорядился он сам в завещании, подумав о своем смертном часе еще в те дни, когда владел огромным богатством и был всемогущ.

65. Ходил слух, что на тайном совещании Субрия Флава с центурионами было решено, и не без ведома Сенеки, сразу же после убийства Нерона, которое должен был подстроить Пизон, умертвить и его, а верховную власть вручить Сенеке, как избранному главой государства ввиду его прославленных добродетелей людьми безупречного образа жизни. Распространялись в городе и слова Флава, якобы говорившего, что позор отнюдь не уменьшится, если по устранении кифареда его место займет трагический актер, ибо если Нерон пел под кифару, то Пизон — в трагическом одеянии.

66. Но очень скоро открылось, что в заговоре участвовали и военные люди, ибо многие из задержанных возгорелись желанием разоблачить Фения Руфа, который возбудил их ненависть тем, что, будучи таким же заговорщиком, как они, подвергал их допросам в качестве следователя. И вот однажды, когда он угрозами вымогал показания, Сцевин, усмехаясь, сказал, что никто не знает об этом деле больше, чем он, и начал увещевать его отплатить признательностью столь доброму принцепсу. На это Фений не ответил ни словами, ни молчанием, а запинаясь и борючая что-то невнятное, сам себя выдал своим замешательством. Все прочие, и особенно римский всадник Церварий Прокул, постарались его обличить, и по приказанию императора обладавший выдающейся телесною силой и по этой причине находившийся при нем воин Кассий хватает Фения и налагает на него цепи.

67. Далее по доносу тех же берут под стражу Субрия Флава. Сначала он отпирался от участия в заговоре, ссылаясь на различие в нравах, на то, что он, человек военный, не стал бы связываться для выполнения столь великого злодеяния с людьми изнеженного образа жизни, не владеющими оружием. Но в конце концов, неотступно изобличаемый, он решился признанием обрести славу. На вопрос Нерона, в силу каких при-

чин он дошел до забвения присяги и долга, Флав ответил: «Я возненавидел тебя. Не было воина, превосходившего меня в преданности тебе, пока ты был достоин любви. Но я проникся ненавистью к тебе после того, как ты стал убийцей матери и жены, колесничим, лицедеем и поджигателем». Я привел его подлинными словами, потому что в отличие от слов Сенеки они не были обнародованы, а между тем эти бесхитростные и резко выраженные мысли солдата не менее достойны широкой огласки. Не было ничего во всем следствии по этому заговору, что тяжелее уязвило бы слух Нерона, который насколько легко творил злодеяния, настолько же был непривычен выслушивать укоры за то, что содеял. Совершение казни над Флавом поручается трибуну Вейанию Нигеру. По его приказанию на ближнем поле была вырыта яма, которую Флав с пренебрежением назвал тесною и недостаточно глубокою; обратившись к расставленным вокруг нее воинам, он бросил: «Даже это сделано не по уставу». И когда Вейаний предложил ему смело подставить шею, Флав сказал: «Лишь бы ты столь же смело ее поразил!». И тот, дрожа всем телом, двумя ударами едва отсек Флаву голову, однако, похваляясь своей бесчувственностью перед Нероном, доложил ему, что с полутора ударов умертвил Флава.

68. Такой же пример твердости был показан центурионом Сульпицием Аспером, который, когда Нерон спросил, почему он вступил в заговор против его жизни, кратко ответил, что другого способа пресечь его гнусности не было; тотчас же по приказанию Нерона он был казнен. Не уронили себя и другие центурионы, идя на казнь; только Фений Руф не проявил силы духа, внося слезливые жалобы даже в свое завещание.

Нерон ожидал, что и консул Вестин будет изобличен как участник заговора, ибо считал его своевольным и враждебно настроенным; но никто из заговорщиков не посвятил Вестина в задуманное, одни — из-за давней вражды к нему, большинство — потому что находили его опрометчивым и несговорчивым. Ненависть Нерона к Вестину выросла из существовавшей некогда между ними дружбы, ибо тот, познав до конца низость принцепса, стал относиться к нему с презрением, тогда как Нерон страшился прямоты и резкости своего друга, часто осмеивавшего его в едких остротах, которые, если в них вложено много истинного, оставляют по себе злобное воспоминание. С недавних пор к этому добавилось еще одно обстоятельство: Вестин сочетался браком со Статилией Мессалиной, хорошо зная о том, что один из ее любовников — Цезарь.

69. И так как не было налицо ни преступления, ни обвинителя, то Нерон, не имея возможности прикрыться личиной судьи, обратился к насильно самовластью. Он посылает трибуна Гереллана с когортою воинов, приказав ему предупредить намерения консула, занять его подобный крепости дом и подавить охранявшую его отборную молодежь; ибо Вестин в своем высившемся над форумом доме держал подобранных по возрасту красивых рабов. Завершив на этот день свои консульские обязанности,

он давал пиршество, ничего не опасаясь или скрывая свои опасения, когда внезапно вошедшие в покой воины сказали ему, что его вызывает трибун. Вестин без промедления встает из-за стола, и все совершается мгновенно: он уединяется с врачом в спальном покое; надрезаются вены; еще полного сил, его переносят в баню и погружают в теплую воду, причем он ни единым словом не пожаловался на свою участь. Всех возлежавших с ним на пиру окружает стража, и их отпускают только поздно ночью, лишь после того как Нерон, представив себе ужас гостей, ожидавших сразу же вслед за пиршеством гибели, и вдоволь насмеявшись над ними, изрек, наконец, что они достаточно поплатились за предоставленное им консулом угощение.

70. Вслед за тем он велит умереть Аннею Лукану. И когда тот, истекая кровью, почувствовал, что у него холодеют руки и ноги и жизненная сила понемногу покидает тело, хотя жар его сердца еще не остыл и сознание не утратило ясности, ему вспомнились сочиненные им стихи, в которых изображался умиравший такой же смертью раненый воин.³³ Он прочел эти стихи, и то были последние произнесенные им слова. После него погибли Сенецион, Квинциан и Сцевин, возвысившиеся при этом над своим прежним малодушием, а затем и остальные заговорщики, не свершив и не высказав ничего, достойного упоминания.

71. Но если в городе не было конца похоронам, то не было его и жертвоприношениям на Капитолии: и тот, у кого погиб сын или брат, и тот, у кого — родственник или друг, возносили благодарность богам, украшали лавровыми ветвями свои дома, припадали к коленям Нерона, осыпали поцелуями его руку. И он, увидев в этом выражение радости, оплатил безнаказанностью поспешившим с разоблачениями Антонию Наталу и Церварию Прокулу. Обогащенный наградами Милих присвоил себе прозвание, которое по-гречески означает Спаситель.³⁴ Из числа трибунов Гавий Сильван, несмотря на помилование, поразил себя собственной рукой, а Стацию Проксуму не пошло впрок прощение, которое ему даровал император, и он сам повинен в своей бессмысленной гибели. От должности трибуна были отставлены...³⁵ Помпей, Корнелий Марциал, Флавий Непот и Стаций Домиций не из-за явной враждебности к принцепсу, но так как их сочли недостаточно благонадежными. Новию Приску из-за его близости к Сенеке, Глтию Галлу и Аннию Поллиону, скорее оговоренным, чем изблеченным, была определена ссылка. За Приском и Галлом последовали их жены Аргория Флакцилла и Эгнация Максимила; большое богатство Максимила сначала было за нею сохранено, в дальнейшем — отобрано; и то и другое содействовало ее славе. Под предлогом участия в заговоре изгоняется также Руфрий Криспин, но подлинною причиною этого была давнишняя ненависть к нему принцепса, ибо ранее он состоял в браке с Поппеей. Вергиния Флава и Музония Руфа обрекла на изгнание их известность: Вергиний привлек к себе расположение молодежи своим красноречием, Музоний — наставлениями в фило-

софии. Клувидиену Квиету, Юлию Агриппе, Блитию Катулину, Петронию Приску и Юлию Альтину, как бы для того, чтобы они образовали целое поселение, предоставляются местом ссылки острова Эгейского моря. Жена Сцевина Цедиция и Цезенний Максим высылаются из Италии, только по этому наказанию узнав о своей причастности к делу. Мать Аннея Лукана Ацилия была обойдена и карою, и прощением.

72. По свершении всего этого Нерон, созвав собрание воинов,³⁶ роздал им по две тысячи сестерциев на человека и, сверх того, освободил их от оплаты хлеба, за который они прежде платили по казенной цене. Затем, как бы для доклада о свершенных на войне подвигах, он созывает сенат и награждает триумфальными отличиями бывшего консула Петрония Турпилиана, претора на следующий год Кокцея Нерву и префекта преторианцев Тигеллина, настолько превознеся при этом Тигеллина и Нерву, что, помимо триумфальных статуй на форуме, им определяются изваяния и в Палатинском дворце. Консульские знаки отличия были пожалованы Нимфидию ...³⁷ и так как речь о нем заходит впервые, я посвящу ему несколько слов, тем более что в дальнейшем и он станет жертвою³⁸ обрушившихся на римлян бедствий. Рожденный матерью-вольноотпущенницей, промышлявшей своей красотой среди рабов и вольноотпущенников из дома принцепсов, он утверждал, что его отцом был Гай Цезарь, то ли потому, что по какой-то случайности походил на него высоким ростом и свирепым лицом, или так как Гай Цезарь, не гнушавшийся даже уличных женщин, и в самом деле потешился с его матерью³⁹ ...

73. Нерон, не удовольствовавшись созывом сената и речью к сенаторам, издал также указ к народу и приложил к нему собранные в отдельную книгу показания и признания осужденных. Ибо народная молва его не щадила: повсюду говорили, что он истребил столько славных и ни в чем не повинных мужей исключительно из зависти и из страха. Но что заговор возник, разросся и был раскрыт, в этом и тогда не сомневался никто из стремившихся доискаться истины, да и некоторые после гибели Нерона вернувшиеся в Рим признавались, что были его участниками. И вот, когда все в сенате соревновались в низменной лести, и тем усерднее, чем тяжелее была понесенная кем-либо утрата, на Юния Галлиона, уstraшенного умерщвлением его брата Сенеки и смиренно молившего о пощаде, обрушился с обвинениями Салиен Клемент, называя Галлиона врагом и убийцею, пока его единодушно не остановили остальные сенаторы, заявившие, что в его поведении может быть усмотрено намерение воспользоваться общественным бедствием для сведения личных счетов и что не подобает призывать к новым жестоким карам по делу, которое благодаря милосердию принцепса сочтено исчерпанным и предано забвению.

74. Вслед за этим назначаются дары и благодарственные молебствия божествам, и особенные почести — богу солнца,⁴⁰ чей древний храм нахо-

дился в цирке, где предполагалось осуществить злодеяние, и чьим благоволением были раскрыты тайные умыслы заговорщиков; выносятся постановления и о том, чтобы цирковое представление в честь богини Цереры было отмечено большим числом конных ристаний, чтобы месяц апрель впредь носил имя Нерона⁴¹ и чтобы в том месте . . .,⁴² где Сцевин добыл свой кинжал, был воздвигнут храм богине Благополучия. Этот кинжал, повелев на нем начертать: «Юпитеру Мстителю», — Нерон самолично осыятил на Капитолии; тогда на эти слова не обратили внимания, но, после того как Юлий Виндекс поднял мятеж, в них стали видеть прорицание и предсказание грядущего мщения. Я обнаружил в протоколах сената, что консул на будущий год Аниций Цериал, высказываясь об этом постановлении, предложил возможно скорее соорудить на государственной счет храм божественному Нерону. Он исходил, разумеется, из того, что принцепс якобы неизмеримо возвысился над жребием смертных и заслуживает их поклонения, но Нерон воспротивился этому, опасаясь, что некоторые могут истолковать сооружение подобного храма как предзнаменование его скорой смерти: ведь принцепс удостоивается божеских почестей, лишь завершив существование среди людей.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1. Вслед за тем над Нероном потешилась судьба, чему способствовали его легкомыслие и посулы Цезеллия Басса, пунийца родом, который, обладая суетным нравом, уверовал в то, что привидевшееся ему ночью во сне несомненно отвечает действительности; отправившись в Рим и добившись подкупом, чтобы его допустили к принцепсу, он сообщает ему, что на своем поле обнаружил пещеру безмерной глубины, таящую великое множество золота, не в виде денег, а в грубых старинных слитках. Там лежат огромной тяжести золотые кирпичи, а с другой стороны поднимаются золотые колонны: все это было сокрыто на протяжении стольких веков, чтобы обогатить их поколение. При этом он высказал предположение, что эти сокровища были припрятаны бежавшей из Тира и основавшей Карфаген финикиянкою Дидоной,¹ дабы ее новый народ, располагая столь несметным богатством, не развратился и не погряз в лени и чтобы царей нумидийцев, и без того враждебных, не разжигала к войне жажда золота.

2. Не задумываясь, заслуживает ли веры рассказчик и насколько правдоподобен его рассказ, не послав никого из своих, чтобы проверить полученное им сообщение, Нерон умышленно распространяет слухи о сокрытых богатствах и отправляет людей с приказанием доставить их,

как если бы он уже владел ими. Снаряжаются триремы с отборными гребцами, чтобы ускорить плавание. В те дни только об этом и толковали, народ — со свойственным ему легковерию, люди рассудительные — обсуждая одолевавшие их сомнения. Случилось так, что в это самое время проводились — во второй раз после их учреждения — пятилетние игры,² и ораторы, превознося принцепса, обращались преимущественно к тому же предмету. Ведь теперь землей порождаются не только обычно производимые ею плоды и золото в смешении с другими металлами, но она одаряет своими щедротами как никогда ранее, и боги посылают лежащие наготове богатства. Присоединяли они к этому и другие раболопные выдумки, изоощряясь одинаково в красноречии и льстивости, убежденные в том, что их слушатель поверит всему.

3. Основываясь на этих вздорных надеждах, Нерон день ото дня становился все расточительнее; истощались скопленные казною средства, как будто уже были в его руках такие сокровища, которых хватит на многие годы безудержных трат. В расчете на те же сокровища он стал широко раздавать подарки, и ожидание несметных богатств стало одной из причин обнищания государства. Ибо Басс, за которым следовали не только воины, но и согнанные для производства работ сельские жители, беспрестанно переходя с места на место и всякий раз утверждая, что именно здесь находится обещанная пещера, перекопал свою землю и обширное пространство вокруг нее и, наконец, изумляясь, почему лишь в этом случае сновидение впервые обмануло его, хотя все предыдущие неизменно сбывались, оставил бессмысленное упорство и добровольную смертью избежал поношений и страха перед возмездием. Впрочем, некоторые писатели сообщают, что он был брошен в темницу и затем выпущен, а в возмещение царской сокровищницы конфисковали его имущество.

4. Следует указать, что, еще до того как начались пятилетние состязания, сенат, пытаясь предотвратить всенародный позор, предложил императору награду за пение и в добавление к ней венок победителя в красноречии, что избавило бы его от бесчестья, сопряженного с выступлением на подмостках. Но Нерон, ответив, что ему не нужны ни побрякки, ни поддержка сената и что, состязаясь на равных правах со своими соперниками, он добьется заслуженной славы по нелицеприятному приговору судей, сперва декламирует поэтические произведения; затем по требованию толпы, настаивавшей, чтобы он показал все свои дарования (именно в этих словах она выразила свое желание), он снова выходит на сцену, строго соблюдая все принятые между кифаредами правила: не присаживаться для отдыха, не утирать пота ничем, кроме одежды, в которую сблачен, не допускать, чтобы были замечены выделения изо рта и ноздрей. В заключение, преклонив колено, он движением руки выразил свое глубочайшее уважение к зрителям, после чего, притворно волнуясь, застыл в ожидании решения судей. И римская чернь, привыкшая отмечать понравившиеся ей жесты актеров, разразилась размеренными возгласами одоб-

рения и рукоплесканиями. Можно было подумать, что она охвачена ликованием; впрочем, эти люди, равнодушные к общественному бесчестью, пожалуй, и в самом деле искренно ликовали.

5. Но прибывшим из отдаленных муниципиев все еще суровой и оберегавшей древние нравы Италии и обитателям далеких провинций, приехавшим в качестве их представителей или по личным делам и непривычным к царившей в Риме разнузданности, трудно было спокойно взирать на происходившее вокруг них; не справлялись они и с постыдной обязанностью хлопать в ладоши: их неумелые руки быстро уставали, они сбивали со счета более ловких и опытных, и на них часто обрушивали удары воины, расставленные между рядами с тем, чтобы не было ни мгновения, заполненного нестройными криками или праздным молчанием. Известно, что многие всадники, пробираясь через тесные входы среди напиравшей толпы, были задавлены, а других, проведших день и ночь на своих скамьях, постигли губительные болезни. Но еще опаснее было не явиться на зрелище, так как множество соглядатаев явно, а еще большее их число — скрытно запоминали имена и лица входящих, их дружественное или неприязненное настроение. По их донесениям мелкий люд немедленно осуждали на казни, а знатных впоследствии настигала затаенная на первых порах ненависть принцепса. Рассказывали, что Веспасиан, одолеваемый сном, смежил глаза, за что на него напустился с ругательствами вольноотпущенник Феб; едва вызволенный заступничеством благонамеренных и честных людей, он и впоследствии избежал верной гибели,³ предназначенный судьбой для высокого положения.

6. Вслед за окончанием состязаний скончалась Поппея; причиною ее смерти был муж, который в припадке внезапной ярости ударил ее беременную ногой. Я не склонен верить, что она погибла от яда, хотя некоторые писатели сообщают об этом, скорее из ненависти к Нерону, чем из добросовестного убеждения; ведь он хотел иметь от нее детей и вообще очень любил жену. Тело ее не было сожжено на костре, как это в обычае римлян, но по обыкновению чужеземных царей его пропитывают благовониями и бальзамируют, после чего переносят в гробницу Юлиев.⁴ Все же ей были устроены похороны на счет государства, и Нерон с ростральной трибуны произнес над ней похвальное слово, в котором говорил о ее красоте, о том, что она была матерью божественного младенца, и о прочих дарах судьбы, вменяя их ей в заслугу.

7. Убийство Поппеи, которому, наружно скорбя, радовались все те, кто вспоминал о ее бесстыдстве и кровожадности, Нерон дополнил новым зловонным деянием: он воспретил Гаю Кассию участвовать в ее погребении, что было первым предвестием грозившей ему беды. Она и не замедлила обрушиться на него, а вместе с ним — и на Силана, хотя за ними не было другой вины, кроме того, что Кассий выделялся своим унаследованным от предков богатством и строгостью нравов, а Силан — знатностью происхождения и скромностью, в какой проводил свою

юность. Итак, Нерон направил сенату речь, в которой настаивал на отстранении их обоих от государственных дел и обвинял Кассия в том, что среди изображений предков он окружает почитанием и статую Гая Кассия с начертанной на ней надписью: «Вождю партии»; ведь это — зародыш гражданской войны и призыв изменить дому Цезарей; но для разжигания междоусобия Кассий не только возвеличивает память ненавистного имени, он также сделал своим сообщником Луция Силана, юношу знатного рода с честолюбивыми стремлениями, чтобы выставить его знаменем переворота.

8. Далее он обрушивался на Силана с теми же обвинениями, которыми ранее погубил его дядю Торквата, а именно будто он уже распределил между своими вольноотпущенниками обязанности по управлению государством, возложив на них заведование казною, прием прошений и ведение переписки, — обвинениями пустыми и ложными, ибо Силан, утраченный гибелью дяди, соблюдал величайшую осторожность. После этого под видом свидетелей ввели в сенат тех, кто возвел клевету на Лепиду, жену Кассия и тетку Силана, утверждая, что она повинна в кровосмесительной связи с сыном своего брата и в злокозненных священнодействиях. Были привлечены к суду как соучастники также сенаторы Вулкаций Туллин и Марцелл Корнелий и римский всадник Кальпурний Фабат; обратившись с апелляцией к принцепсу, они избежали безотлагательного вынесения приговора, а затем, так как Нерон был поглощен разбором важнейших государственных преступлений, и вовсе от него ускользнули, поскольку их дело было сочтено менее существенным.

9. Сенатским постановлением Кассию и Силану определяется ссылка; решить судьбу Лепиды предоставляется принцепсу. Кассий был отправлен на остров Сардинию доживать свою старость. Силана под предлогом высылки на остров Наксос доставили в Остию, а затем заточили в апулийском муниципии, носящем название Барий. Там, мудро перенося незаслуженно постигшую его кару, он погибает от руки присланного для его умерщвления центуриона; когда тот стал советовать ему вскрыть себе вены, он ответил, что, приуголовив к смерти свой дух, все же не желает лишать убийцу похвалы за выполнение отданного ему приказа. И хотя Силан был безоружен, центурион, видя его могучее телосложение и что он скорее охвачен гневом, чем страхом, велит воинам умертвить его. Силан не преминул оказать им сопротивление и, насколько голыми руками мог отбиваться от них, осыпал их ударами, пока не пал, словно на поле битвы, от ран, которые центурион нанес ему в грудь.

10. С не меньшей твердостью встретили смерть Луций Ветер, его теща Секстия и дочь Поллитта, ненавистные принцепсу как живой укор, ибо он предал казни Рубеллия Плавта, зятя Луция Ветера. Повод к свирепому преследованию подал его вольноотпущенник Фортунат, который, расхитив имущество патрона, обратился к его обвинению при соучастии Клавдия Демиана, за позорные поступки брошенного в темницу Ветером,

в бытность того проконсулом Азии, и освобожденного из нее Нероном в награду за выдвинутое им обвинение. Узнав об этом и о том, что вольноотпущенника выставляют против него как равного, обвиняемый удалился в свое поместье близ Формий, и там его окружают воины, получившие предписание вести за ним тайное наблюдение. Вместе с ним была его дочь, ожесточенная не только нависшей над ним опасностью, но и давнею скорбью, охватившей ее с тех пор, как она увидела убийцу своего мужа Плавта; она тогда обняла его окровавленную шею и сохраняла у себя омокшую его кровью одежду, безутешная вдова, погруженная в траур и не знающая другой пищи, кроме необходимой для поддержания жизни. По просьбе отца она выезжает в Неаполь и, так как ее не допустили к Нерону, подстерегает его у дверей, дожидаясь, пока он выйдет, молит, чтобы он выслушал ни в чем не повинного и не отдал того, кто одновременно с ним был облечен званием консула,⁵ в жертву вольноотпущеннику, то по-женски проливая слезы, то, превышая силы своего пола, твердым и негодующим голосом, пока принцепс не показал, что равно бесчувствен и к мольбам, и к ненависти.

11. Итак, она возвещает отцу, что нужно отбросить надежду и подчиниться необходимости. Одновременно приходит весть, что готовится расследование сената и беспощадный приговор. Многие убеждали Ветера отказать значительную часть своего состояния Цезарю и тем самым сохранить остальное за внуками. Но он отверг эти советы, не желая напоследок запятнать раболопием жизнь, прожитую как подобает свободному, и, раздав рабам все наличные деньги, велит им взять себе также то, что могло быть вынесено из дома, оставив в нем только три ложа, чтобы было на чем умереть. После этого в одном и том же покое, одним и тем же ножом они вскрывают себе вены. Их переносят в баню, покрытых лишь той одеждой, которой требовала благопристойность. Взоры отца были устремлены на дочь, бабки — на внучку, а той — на обоих, и каждый, желая покинуть близких умирающими, но еще живыми, молится о скорейшем окончании своей затухающей жизни. Судьба соблюла естественную последовательность, и сначала угасли старшие, а за ними та, которая только вступала в жизнь. Обвинение против них было выдвинуто после их похорон, и сенат определил совершить казнь над ними по обычаю предков, но Нерон выступил с интерцессией⁶ и разрешил осужденным избрать смерть по своему усмотрению. Таким издевательствам подверглись люди, уже истребленные.

12. Римского всадника Публия Галла за то, что он был близок к Фению Руфу и не чужд Ветеру, лишили воды и огня. Обвинителю-вольноотпущеннику в награду за оказанные услуги жалуются место в театре среди отведенных для гонцов при народных трибунах. Были переименованы месяцы, следующие за апрелем, или, что то же, неронеем: май наречен именем Клавдия, июнь — Германика, причем Корнелий Орфит, по чьему предложению это было исполнено, обосновывал переименование июня

тем, что в этом месяце были умерщвлены за свои преступления два Торквата,⁷ вследствие чего название июня стало зловещим.

13. Этот год, омраченный столькими злодеяниями, боги отметили также бурями и моровым поветрием. Вся Кампания была опустошена вихрем, который, повсеместно сметая постройки, древесные насаждения и собранный в закрома урожай, донес свое неистовство до окрестностей Рима, где род человеческий истреблялся повальной болезнью, хотя и не было никаких заметных отклонений в погоде. Дома наполнялись бездыханными телами, улицы — погребальными шествиями; ни пола, ни возраста не щадила эта пагуба; смерть с одинаковою стремительностью уносила и рабов, и свободнорожденных из простого народа среди причитаний их жен и детей, которые, находясь при них, плача над ними, нередко сжигались на тех же кострах, что они. Об умерших всадниках и сенаторах, хотя и их было великое множество, горевали меньше, считая, что, разделив общую участь, они упредили жестокость принцепса.

В том же году в Нарбоннской Галлии, Африке и Азии был проведен набор для пополнения легионов иллирийского войска, из которого уволялись непригодные к службе по возрасту и здоровью. Претерпевшему бедствие Лугдуну⁸ на восстановление разрушенных в этом городе зданий принцепс выдал четыре миллиона сестерциев; такая же сумма была предоставлена нам лугдунцами, когда Рим постигло несчастье.⁹

14. В консульство Гая Светония и Лукция Телезина¹⁰ Антистий Социан, который, как я сказал, за сочинение поносящих Нерона стихов был отправлен в изгнание, прослышав о том, в каком почете доносчики и как скор принцепс на казни, наделенный беспокойной душою и ради достижения своих целей хватавшийся за любую возможность, сближается в силу общности участи с сосланным в то же место, что и он, Памменом, слывшим знатоком искусства халдеев и вследствие этого связанным со многими дружбой, полагая, что не без причины к нему постоянно прибывают и совещаются с ним гонцы, и зная к тому же, что Публий Антей ежегодно выдает ему денежное пособие. Был он осведомлен и о том, что Нерон ненавидит Антея за его преданность памяти Агриппины, что богатства Антея недостаточны, чтобы пробудить его алчность, которая была причиною гибели многих. И вот, перехватив присланное Антеем письмо, выкрыв хранившийся у Паммена гороскоп Антея с предсказанием его жребия и завладев, кроме того, его же запискою о рождении и жизни Остория Скапулы, он пишет принцепсу, что доставит ему важные и касающиеся его безопасности сведения, если его возвратят на короткое время из ссылки: ведь Антей и Осторий посягают на верховную власть и пытаются узнать, какая судьба уготована им и Цезарю. Немедленно были снаряжены либурны, и Социана спешно привезли в Рим. Как только распространилась весть о его доносе, Антея и Остория стали считать скорее осужденными, чем обвиняемыми, и дело дошло до того, что никто не пожелал бы приложить к завещанию Антея свою печать, если бы не

воспринятые как повеление слова Тигеллина, незадолго пред тем напомнимшего Антею, что ему не следует мешкать со своими последними распоряжениями. И тот, приняв яд и томясь его слишком медленным действием, ускорил наступление смерти, вскрыв себе вены.

15. Осторий находился тогда в дальнем поместье, на границе с лигурами, и туда был послан центурион с поручением принудить его к незамедлительной смерти. Такая торопливость была вызвана тем, что, овевянный громкой боевой славою и заслужив в Британии гражданский венок, он своей огромной телесною силой и искусством, с которым владел оружием, устрашал Нерона, и без того находившегося в постоянной тревоге, а после недавнего раскрытия заговора особенно опасавшегося возможного нападения. Итак, преградив выходы из виллы Остория, центурион передает ему приказание императора. И Осторий обратил против себя ту самую доблесть, которую столь часто выказывал в битвах с врагами. Но так как из надрезанных вен вытекало малое количество крови, он воспользовался рукою раба, но лишь для того, чтобы тот недвижно держал перед собою кинжал, и, ухватив его крепко за правую руку, приник горлом к кинжалу и поразил себя насмерть.

16. Даже если бы я описывал внешние войны и говорил о павших в них за отечество, подобное однообразие обстоятельств их гибели и во мне самом породило бы пресыщение, и я бы наскучил другим, которых отвратил бы этот мрачный и непрерывный рассказ о смертях римских граждан, с каким бы мужеством и достоинством они их ни встретили; а тут — рабское долготерпение и потоки пролитой внутри страны крови угнетают душу и сковывают ее скорбью. Но у тех, кто ознакомится с этим моим трудом, я прошу снисхождения не за что другое, как только за то, что не питаю ненависти к отдавшим себя с такою покорностью на истребление. То был гнев божеств, обрушенный ими на Римское государство, и пройти мимо него, один раз упомянув, как если бы дело шло о поражениях войск или о взятии городов, невозможно. Воздадим же должное памяти этих именитых мужей, и если похороны людей подобного рода принято отличать от всех остальных пышностью и торжественностью обрядов, то пусть они будут почтены и повествованием о постигшей их участи.

17. В течение нескольких дней погибли один за другим Анней Мела, Аниций Цериал, Руфрий Криспин и Гай Петроний, Мела и Криспин — римские всадники в сенаторском достоинстве. Криспин, бывший в прошлом префектом преторианских когорт, потом удостоенный консульских знаков отличия и по обвинению в причастности к заговору¹¹ незадолго пред тем сосланный на остров Сардинию, получив известие, что ему велено умереть, покончил самоубийством. Мела, происходивший от тех же родителей, что и Галлион с Сенекой, движимый нелепым тщеславием, воздержался от соискания высших государственных должностей, чтобы, оставаясь во всадническом сословии, сравняться могуществом и влиянием

с теми, кто был облечен консульским саном. К тому же он находил, что кратчайший путь к обогащению — это заведование имуществом принцепса в качестве его прокуратора. Он же был отцом Аннея Лукана, что также немало способствовало обретению им известности. По умерщвлении сына он настойчиво изыскивал способы завладеть его состоянием, чем навлек на себя обвинение со стороны Фабия Романа, одного из ближайших друзей Лукана. И вот измышляется, что и отец, и сын в равной мере были связаны с заговорщиками, и в доказательство этого подделывается письмо Лукана. Ознакомившись с ним, Нерон повелел отнести его Меле, на богатство которого взирал с вождедением. И Мела вскрыл себе вены, что было в то время самой легкой дорогою к смерти; в оставленном им завещании он отказал крупные суммы Тигеллину и его зятю Коссуциану Капитону, с тем чтобы сохранить за наследниками все остальное. Передают, что в своем завещании он, как бы жалуясь на несправедливость вынесенного ему приговора, также указывал, что, тогда как он умирает, не зная за собою вины, Руфрий Криспин и Аниций Цериал, заклятые враги принцепса, по-прежнему наслаждаются жизнью. Считали, что он написал это о Криспине, так как тот был уже мертв, а о Цериале — чтобы его умертвили. И действительно, немного спустя Цериал сам пресек свои дни, оставив по себе меньшее сожаление, чем остальные, ибо еще не изгладилось в памяти, что он выдал заговор, составленный против Гая Цезаря.¹²

18. О Гае Петронии подобает рассказать немного подробнее. Дни он отдавал сну, ночи — выполнению светских обязанностей и удовольствиям жизни. И если других вознесло к славе усердие, то его — праздность. И все же его не считали распутником и расточителем, каковы в большинстве проживающие наследственное достояние, но видели в нем знатока роскоши. Его слова и поступки воспринимались как свидетельство присущего ему простодушия, и чем непринужденнее они были и чем явственней проступала в них какая-то особого рода небрежность, тем благосклоннее к ним относились. Впрочем, и как проконсул Вифинии, и позднее, будучи консулом, он выказал себя достаточно деятельным и способным справляться с возложенными на него поручениями.¹³ Возвратившись к порочной жизни или, быть может, лишь притворно предаваясь порокам, он был принят в тесный круг наиболее доверенных приближенных Нерона и сделался в нем законодателем изящного вкуса, так что Нерон стал считать приятным и исполненным пленительной роскоши только то, что было одобрено Петронием. Это вызвало в Тигеллине зависть, и он возненавидел его как своего соперника, и притом такого, который в науке наслаждений сильнее его. И вот Тигеллин обращается к жестокости принцепса, перед которою отступали все прочие его страсти, и вмняет в вину Петронии дружбу со Сцевином. Донес об этом поступает от подкупленного тем же Тигеллином раба Петрония; большую часть его челяди бросают в темницу, и он лишается возможности защищаться.

19. Случилось, что в эти самые дни Нерон отбыл в Кампанию; отправился туда и Петроний, но был остановлен в Кумах. И он не стал длить часы страха или надежды. Вместе с тем, расставаясь с жизнью, он не торопился ее оборвать и, вскрыв себе вены, то, сообразно своему желанию, перевязывал их, то снимал повязки; разговаривая с друзьями, он не касался важных предметов и избегал всего, чем мог бы способствовать прославлению непоколебимости своего духа. И от друзей он также не слышал рассуждений о бессмертии души и мнений философов. Но они пели ему шуточные песни и читали легкомысленные стихи. Иных из рабов он оделил своими щедротами, некоторых — плетью. Затем он пообедал и погрузился в сон, дабы его конец, будучи вынужденным, уподобился естественной смерти. Даже в завещании в отличие от большинства осужденных он не льстил ни Нерону, ни Тигеллину, ни кому другому из власть имущих, но описал безобразные оргии принцепса, назвав поименно участвующих в них распутников и распутниц и отметив новшества, вносимые ими в каждый вид блуда, и, приложив печать, отправил его Нерону. Свой перстень с печатью он сломал, чтобы ее нельзя было использовать в злонамеренных целях.

20. Между тем Нерон, теряясь в догадках, каким образом стали известны подробности его изощренных ночных развлечений, вспоминает о неизвестной благодаря браку с сенатором Силии, которую он сам принудил к соучастию в своих грязных любострастных забавах и которая к тому же была приятельницей Петрония. И вменив ей в вину, что она будто бы не умолчала о виденном и о том, что претерпела сама, он проникся к ней злобою и отправил ее в изгнание. Тогда же он отдал бывшего претора Минуция Терма на расправу жаждавшему отомстить ему Тигеллину; дело в том, что вольноотпущенник Терма в поданном им доносе обличал Тигеллина в некоторых преступлениях, за что он сам поплатился жесточайшими пытками, а его патрон Терм — головою.

21. По уничтожении стольких именитых мужей Нерон в конце концов возымел желание истребить саму добродетель, предав смерти Тразею Пета и Барею Сорана — они оба издавна были ненавистны ему, и в особенности Тразея: ведь он покинул сенат, о чем я упоминал выше, во время прений об Агриппине, ведь и в ювеналиях он почти не принял участия, и это тем глубже задело Нерона, что тот же Тразея в Патавии, откуда был родом, на учрежденных в ней троянцем Антенором . . .¹⁴ играл пел в одеянии трагического актера. Да и в тот день, когда претор Антистий за поносящие Нерона стихи был уже почти приговорен к казни,¹⁵ Тразея выступил с предложением менее сурового наказания и настоял на своем; к тому же он умышленно не явился в сенат при определении Пoppее божеских почестей и отсутствовал на ее похоронах. Забыть обо всем этом препятствовал Коссуиан Капитон, который, помимо прирожденной ему злокозненности, был заклятым врагом Тразеи, так как тот, поддержав своим веским словом представителей киликийцев, предъ-

явивших ему обвинение в лихоимстве, помог им добиться его осуждения.¹⁶

22. Упрекал Коссуциан Тразею и в том, что он уклоняется от принесения в начале года торжественной присяги на верность указам принцев, что отсутствует при провозглашении обетов богам, хотя и состоит в жреческой коллегии квиндецимвиров, что не заклал ни единой жертвы за благополучие принцепса и за его божественный голос; прежде ревностный и неутомимый, всегда заявлявший себя сторонником или противником даже самых маловажных сенатских постановлений, он за три последних года ни разу не вошел в курию, а совсем недавно, когда все наперебой стекались в нее ради обуздания Силана и Ветера, предпочел заниматься частными делами своих клиентов. Это — не что иное, как отчуждение и враждебность, и если на то же самое дерзнут многие, то и прямая война. «И подобно тому как некогда жадный до гражданских раздоров Рим толковал о Гае Цезаре и Марке Катоне, — говорил Коссуциан, — так теперь он толкует о тебе, Нерон, и Тразее. И у него есть последователи, вернее сообщники, правда, еще не усвоившие его упорства в отстаивании своих воззрений, но подражающие ему в одежде и облике, суровые и угрюмые, всем своим видом как бы упрекающие тебя в распущенности. Один он не печется о твоей безопасности, один — не признает твоих дарований. Он несколько не радуется благоденствию принцепса; так ужели ему все еще мало его печалей и огорчений? Неверие в божественность Понтея и уклонение от присяги на верность указам божественного Августа и божественного Юлия — это проявления одного и того же духа строптивости. Он презирает религиозные обряды, подрывает законы. Ежедневные ведомости римского народа с особым вниманием читаются в провинциях и в войсках, потому что все хотят знать, что еще натворил Тразея. Или примем предлагаемые им учреждения, если они лучше нынешних, или пусть будет устранен вождь и вдохновитель жаждущих новшеств. Эта самая школа породила Туберонов и Фавониев — имена, ненавистные даже старой республике. Чтобы низвергнуть единовластие, они превозносят свободу, но, низвергнув его, точно так же посягнут на свободу. Напрасно, Нерон, ты убрал Кассия, если намерен терпеть, чтобы multiplied соперники Брутов.¹⁷ Наконец, ты можешь и не предписывать, что сделать с Тразеей; предоставь сенату быть судьей в нашем споре». Нерон разжигает пыл и без того готового к нападкам Коссуциана и придает в помощь ему язвительное красноречие Эприя Марцелла.

23. А Барею Сорана привлекли к суду на основании обвинения, которое выдвинул против него римский всадник Осторий Сабин по окончании срока его проконсульства в провинции Азии, где он вызвал неудовольствие принцепса своим справедливым и попечительным управлением, а также тем, что позаботился о расчистке эфесской гавани и оставил безнаказанными насильственные действия общины пергамцев, помешавших вольноотпущеннику Нерона Акрату вывезти из их города статуи и кар-

тины. Но открыто ему вменялось в вину не это, а дружеские отношения с Плавтом и происки, имевшие целью привлечение провинции к соучастию в государственном перевороте. Для осуждения обвиняемых Нерон выбрал те самые дни, когда ожидалось прибытие Тиридата для его возведения на армянский престол, что было сделано преднамеренно, либо чтобы толками о внешних делах отвлечь внимание от преступления внутри государства, либо, может быть, с тем, чтобы казнь именитых мужей показать воочию всемогущество императора, столь же единовластного, как цари.¹⁸

24. И вот, когда весь город высыпал приветствовать принцепса и посмотреть на царя, Тразея, которому было воспрещено присоединиться к встречающим, не утратив душевной стойкости, составил письмо к Нерону, спрашивая, что именно вменяется ему в преступление, и утверждая, что легко отведет от себя обвинения, если будет осведомлен, в чем они состоят, и ему будет дана возможность представить свои оправдания. Нерон поспешил прочесть это послание, в надежде, что уstraшенный Тразея высказал в нем нечто такое, что, послужив к прославлению принцепса, навлечет бесчестие на писавшего. Однако, не найдя того, чего ожидал, и мысленно представив себе облик, смелость и свободолюбие не совершившего никаких преступлений Тразея, он сам проникся страхом пред ним и распорядился созвать сенаторов.

25. Тогда Тразея обратился за советом к ближайшим друзьям, стоит ли ему защищаться или разумнее пренебречь такою попыткой. Приводились различные доводы в пользу того и другого. Считавшие, что он должен присутствовать в курии при разбирательстве его дела, говорили, что они уверены в его стойкости: все, что он скажет, поведет лишь к возвеличению его славы. Только ленивые и малодушные окружают тайною последние мгновения своей жизни; пусть народ увидит мужа, бестрепетно смотрящего в глаза смерти, пусть сенат услышит слова, возмвшающиеся над человеческими и как бы исходящие от некоего божества. Быть может, это чудо тронет даже Нерона; а если оно и не смягчит его кровожадности, то по крайней мере потсмки выделат Тразею из сонма трусливо и безмолвно погибших и сохрвят память о его доблестном конце.

26. Напротив, полагавшие, что Тразее следует дожидаться решения своей участи у себя дома, говоря о нем то же самое, предупреждали, что в курии он может подвергнуться издевательствам и оскорблениям; так пусть же он оградит свой слух от брани и поношений. Не только Коссудиан и Эприй готовы на преступление; и помимо них найдутся такие, которые дерзнут по бесчеловечности поднять на Тразею руку; за ними из страха последуют и люди порядочные. Пусть он лучше избавит сенат, украшением которого постоянно являлся, от бесчестия, что падет на него, допустившего столь гнусное дело, пусть оставит неясным, какой приговор вынесли бы сенаторы, имея перед собой подсудимым Тразею. Рассчиты-

вать, что Нерон устыдится собственной гнусности, безнадежно; скорее следует опасаться, как бы он не обрушил свою свирепость на супругу Тразея, его дочь и на всех, кто ему дорог. Поэтому пусть Тразея, ничем не запятанный и не опороченный, идет навстречу своему концу, не сходя со славного пути тех, по следам которых он шел и устремлениями которых руководствовался всю жизнь. На этом совещании присутствовал Арулен Рустик, молодой человек пылкого нрава; увлекаемый стремлением к славе, он заявил, что воспротивится сенатскому постановлению, — в то время он был народным трибуном. Тразея, однако, пресек его смелый порыв, убедив не предпринимать этого безрассудного и бесполезного для подсудимого, но пагубного для его заступника шага. Он, Тразея, прожил свой век, и ему не пристало отступать от жизненных правил, которых он неизменно придерживался на протяжении стольких лет, тогда как Арулен только начинает восхождение по ступеням магистратур и все они открыты пред ним. Итак, пусть он предварительно основательно поразмыслит, на какой путь ему подобает вступить, чтобы в такое время открыть себе доступ к государственной деятельности. Решение вопроса о том, следует ли ему явиться в сенат, Тразея оставил на свое усмотрение.

27. На следующее утро две когорты в полном вооружении заняли храм Венеры Родительницы.¹⁹ У входа в сенат толпились люди, не прятавшие мечей под тогами, а по площадям и возле базилик²⁰ располагались воинские отряды. Сенаторы проходили в курию под устремленными на них взглядами и среди угроз и выслушали речь принцепса, оглашенную его квестором. Не называя имен, он порицал сенаторов за уклонение от возложенных на них государством обязанностей, тем более что, следуя их примеру, становятся нерадивыми и римские всадники; и нечего удивляться, что они не прибывают из отдаленных провинций, если многие, достигшие в свое время консульства и жреческих должностей, поглощены заботами о благоустройстве своих садов. И обвинители ухватились за это, как за оружие.

28. Начал Коссуциан; с еще большей горячностью говорил Марцелл, восклицая, что дело идет о самом существовании Римского государства; строптивость подчиненных полагает предел милосердию властителя. Слишком мягкими вплоть до этого дня были сенаторы, допускаявшие, чтобы ускользали от наказания враждебный государству Тразея, его зять Гельвидий Приск, одержимый тем же безумием, и вместе с ними Паконий Агриппин, унаследовавший отцовскую ненависть к принцепсам, и кропающий мерзостные стишки Курций Монтан. Он, Марцелл, требует, чтобы Тразея присутствовал в сенате — как бывший консул, при провозглашении обетов — как жрец, при принесении присяги — как гражданин, если только он открыто не стал предателем и врагом отечества, отвергающим завещанные предками учреждения и священнодействия. Пусть, наконец, является в курию разыгрывать сенатора минувших времен, пусть пусть своему обыкновению заступается за недоброжелателей принцепса, пусть

выскажет, что, по его мнению, должно быть исправлено или изменено. Сенаторам будет легче вынести порицание им чего-то определенного, чем выносить, как ныне, его молчаливое осуждение всего, что ни есть. Или, быть может, ему не нравится, что на земле царит мир и что победы одержаны без потерь в войске? Они, сенаторы, больше не должны потакать извращенному честолюбию человека, которого общественное благополучие повергает в скорбь, который считает пустынею площади, театры и храмы, который угрожает, что добровольно удалится в изгнание. Он не видит здесь ни сенатских постановлений, ни магистратов, ни самого города Рима. Так пусть же он прервет жизнь, связывающую его с государством, которое уже давно перестало быть для него дорогим, а ныне и терпимым.

29. И когда Марцелл с огнем в голосе, лице, взоре бросал такие слова, сенаторов охватило не давно знакомое и ставшее привычным в испытаниях, которым они постоянно подвергались, уныние, а внушенный видом воинских отрядов во всеоружии еще не изведанный ими глубокий страх. К тому же в их воображении витал почтенный облик самого Тразея. Были и такие, которые жалели Гельвидия, обрекаемого казни не за совершенные им преступления, а только за то, что он с ним породнился: и Агриппину также ничего не вменяют в вину, кроме грустной судьбы отца, который, столь же ни в чем не повинный, как он, погиб от свирепости Тиберия. Да и Монтана, благонравного юношу, никогда не сочинявшего поносных стихов, собираются изгнать на чужбину лишь потому, что он обнаружил дарование.

30. Между тем в сенат входит обвинитель Сорана Осторий Сабин и начинает с того, что говорит о дружбе Сорана с Рубеллием Плавтом и о том, что в бытность проконсулом провинции Азии он не столько пекся об общественном благе, сколько о снискании расположения ее обитателей и с этою целью потворствовал мятежным общинам. Но это дела давнишние, а было и нечто новое, чем Осторий впутывал и дочь в затейный против отца судебный процесс, утверждая, что она издержала много денег на магов. Действительно, Сервилия — так звали молодую женщину, — движимая тревогою за отца, из любви к нему и по свойственной ее возрасту неосмотрительности, обратилась к ним, запросив их, однако, только о том, все ли будет благополучно с семьей, можно ли мольбами смягчить Нерона и не принесет ли сенатское расследование чего-либо страшного. Ее вызвали в сенат, и у трибунала консулов встали друг против друга престарелый отец и юная дочь, которой шел лишь двадцатый год, с недавних пор, после того как ее муж Анний Поллион был отправлен в ссылку, осиротелая и одинокая, не смевшая даже взглянуть на отца, ибо считала себя виноватою в том, что усугубила тяжесть его положения.

31. На вопрос обвинителя, не продала ли она свадебных уборов или снятого с шеи ожерелья, чтобы добыть деньги для магических таинств, она, простершись ниц, долго плакала, не произнося ни слова, а затем, обняв жертвенник с алтарем, сказала: «Я не призывала злых богов, не

произносила заклятий и в моих злосчастных молитвах смиренно просила только о том, чтобы ты, Цезарь, и вы, сенаторы, оставили жизнь этому лучшему из отцов. Я отдала драгоценности, наряды и знаки моего достоинства, как отдала бы кровь и самую жизнь, если бы их от меня потребовали. Только этих прежде мне совсем неизвестных людей касается, какая слава утвердилась за ними и каким ремеслом они занимаются. А принцепса я называла лишь в ряду остальных божеств. Несчастнейший мой отец ни о чем не был осведомлен, и если содеянное мной — преступление, то совершила его я одна».

32. Не дав ей закончить, Соран восклицает, что она не последовала за ним в провинцию, что по молодости лет не могла знать Плавта, что не была замешана в преступлениях мужа и, повинная лишь в чрезмерной любви к отцу, должна быть оставлена в стороне от дознания по его делу; сам же он покорится уготованной ему участи, какой бы она ни была. И он кинулся бы в объятия устремившейся к нему дочери, если бы подоспевшие ликторы не отстранили их друг от друга. Затем приступили к опросу свидетелей; и если необоснованность жестокого обвинения возбудила глубокое сочувствие к подсудимому, то презрение и гнев навлек на себя свидетель Эгнаций. Этот клиент Сорана, подкупленный, чтобы погубить друга, носил личину последователя стоической школы; искусенный в притворстве, он внешностью и речами изображал добродетель, но в душе был хитер, коварен, жаден и похотлив. Деньги вызвали все это наружу, и на своем примере он воочию показал, что нужно остерегаться не только погрязших в обмане и запятнавших себя дурными поступками, но и тех, кто под покровом добропорядочности лжив и вероломен в дружбе.

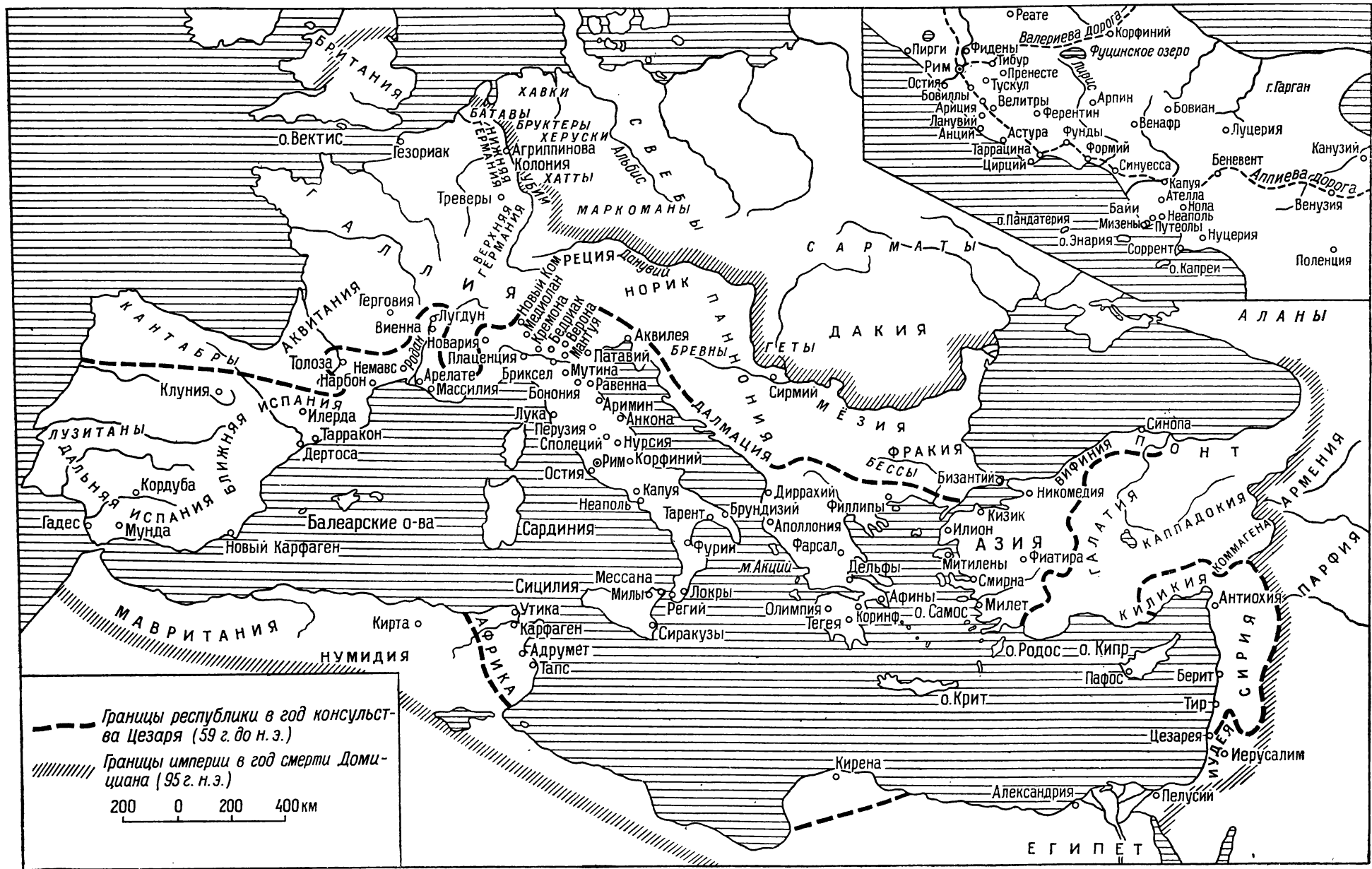
33. Тот же день принес, однако, и возвышенный образец честности, явленный Кассием Асклепидотом, выдававшимся среди вифинцев несметным богатством; почитая Сорана, когда тот был на вершине могущества, он не покинул его и в беде, за что и был лишен достояния и отправлен в ссылку, показав своею судьбой, сколь безразличны боги к добру и злу. Тразее, Сорану и Сервилию предоставляется избрать для себя смерть по своему усмотрению; Гельвидий и Паконий изгоняются из Италии; Монтан, во внимание к просьбе отца,²¹ был прощен, впрочем с оговоркою, воспрещавшей ему отправление государственных должностей. Обвинителям Эприю и Коссуциану было пожаловано по пяти миллионов сестерциев, Осторию — миллион двести тысяч и квесторские знаки отличия.

34. Между тем к Тразее, который оставался у себя в садах, уже под вечер был послан консульский квестор. Тразея в тот день созвал к себе многих знатных мужчин и женщин и главное внимание уделял учитель кинической философии Деметрию, с которым, как можно было предполагать по выражению лиц и доносившимся до слуха словам, когда они начинали говорить громче, обсуждал вопрос о природе души и о раздельном существовании духовного и телесного, пока не прибыл один из его бли-

жайших друзей Домиций Цецилиан, сообщивший о принятом сенатом решении. Узнав о нем, все разразились слезами и сетованиями, и Тразея стал убеждать их покинуть его возможно скорее, дабы не навлечь на себя опасности подвергнуться участи осужденного; обратился он с увещанием и к Аррии, высказавшей желание умереть вместе с мужем, последовав в этом примеру своей матери Аррии,²² и уговаривал ее не расставаться с жизнью и не лишать единственной опоры их общую дочь.

35. Затем он направился к портику, где скорее обрадованного вестью о том, что его зять Гельвидий только изгоняется за пределы Италии, чем погруженного в скорбь, его и находит квестор. Получив от него сенатское предписание, Тразея уводит в спальный покой Гельвидия и Деметрия; там он протягивает обе руки, чтобы ему надрезали вены, и, когда из них хлынула кровь, окропив ею пол и подзвав к себе квестора, говорит: «Мы совершаем возлияние Юпитеру Освободителю; смотри и запомни, юноша. Да сохраняют тебя от этого боги, но ты родился в такую пору, когда полезно закалять дух примерами стойкости». Но смерть медлила, и он, испытывая тяжелые страдания, обратив к Деметрию...²³.

Карта Римской империи.

МАЛЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЮЛИЯ АГРИКОЛЫ

1. Сообщать потомству о деяниях и нравах знаменитых мужей повелось истари, и даже в наши дни столь равнодушное к своим современникам поколение не пренебрегало этим обычаем, лишь только чья-нибудь высокая и благородная добродетель осиливала и превозмогала общие как для малых, так и больших сообществ пороки — неведение справедливости и взаимную неприязнь. Но поскольку нашим предкам ничто не препятствовало совершать достопамятные дела и у них были бóльшие, чем у нас, возможности к этому, всякий, наделенный выдающимся дарованием, побуждался к увековечению в памяти образцов добродетели не личным пристрастием или стремлением к выгоде, а только тою наградой, которая даруется чистою совестью. И многие сочли, что собственноличный рассказ о прожитой ими жизни скорее свидетельствует об их уверенности в своей нравственной правоте, чем об их самомнении; так, например, поступили Рутилий и Скавр,¹ и это не навлекло на них ни недоверия, ни порицания: и выходит, что добродетели превыше всего почитаются именно в те времена, когда они легче всего возникают. А ныне, вознамерясь поведать о жизни покойного мужа, я вынужден просить снисхождения, которого не искал бы, собираясь выступить против него с обвинениями: вот до чего свирепо и враждебно добродетелям наше время.

2. Мы прочитали² о том, что восхвалявшие Тразею Пета — Арулен Рустик, Гельвидия Приска — Геренний Сенецион были осуждены за это на смерть и что казни подергались не только сами писатели, но и их книги, ибо триумвирам³ вменили в обязанность сжечь в той части форума, где приводятся в исполнение приговоры, творения этих столь светлых умов. Отдавшие это распоряжение, разумеется, полагали, что подобный костер заставит умолкнуть римский народ, пресечет вольнолюбивые речи в сенате, задушит самую совесть рода людского; сверх того, были изгнаны учителя философии⁴ и наложен запрет на все прочие возвышен-

ные науки, дабы впредь нигде более не встречалось ничего честного. Мы же явили поистине великий пример терпения; и если бывшие поколения видели, что представляет собою ничем не ограниченная свобода, то мы — такое же порабощение, ибо нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы забывать было столько же в нашей власти, как безмолвствовать.

3. Только теперь, наконец, мы приходим в себя; и хотя Цезарь Нерва в самом начале нынешней благословенной поры совокупил вместе вещи, дотоле несовместимые, — принципат и свободу, а Траян Нерва что ни день приумножает счастье нашего времени, и установление общественного правопорядка⁵ — уже не только предмет всеобщих надежд и желаний, а то, в осуществлении чего мы твердо уверены, однако в силу природы человеческого несовершенства целебные средства действуют на нас медленнее недугов и, как наши тела растут постепенно и мало-помалу, а разрушаются сразу, точно так же легче угасить дарования и душевный пламень, чем их разжечь заново: ведь нас покоряет сладость безделья, и прежде ненавистную праздность мы в конце концов начинаем любить. Да и о чем толковать, если в течение целых пятнадцати лет,⁶ срока очень значительного для брэнного века людского, многих сразили роковые удары судьбы, а всякого, наиболее деятельного и ревностного, — свирепость принцепса? Лишь в малом числе пережили мы их и, я бы сказал, даже самих себя, изъятые из жизни на протяжении стольких, и притом лучших, лет, в течение которых, молодые и цветущие, мы приблизились в полном молчании к старости, а старики — почти к крайним пределам преклонного возраста. И все же я не пожалею труда для написания сочинения, в котором — пусть неуклюжим и необработанным языком — расскажу о былом нашем рабстве и о нынешнем благоденствии.⁷ А тем временем эта книга, задуманная как воздаяние должного памяти моего тестя Агриколы, будет принята с одобрением или во всяком случае снисходительно; ведь она — дань сыновней любви.

4. Гней Юлий Агрикола родился в древней и знаменитой колонии Форум Юлия; оба деда его были прокураторами Цезарей, и это говорит об их всадническом достоинстве.⁸ Отец его, Юлий Грецин, принадлежал к сенаторскому сословию; он приобрел известность как красноречивый оратор и как философ и этими дарованиями навлек на себя гнев Гая Цезаря,⁹ ибо, получив приказание выступить с обвинительной речью против Марка Силана, отказался от этого поручения, за что и был предан смерти. Мать Агриколы, Юлия Процилла, была женщиной редкой нравственной чистоты. Воспитанный ею в нежной заботе и ласке, Агрикола провел детство и юность в изучении всех благородных наук. Помимо прирожденного целомудрия и благонравия, его уберегло от соблазнов дурного общества также и то, что уже с малых лет его местопребыванием и наставницею в науках стала Массилия, город, в котором переплетаются и уживаются в добром

согласии греческая обходительность и провинциальная бережливость. Помню, как он неоднократно рассказывал, что в ранней молодости предался бы изучению философии с непопозволительным для римлянина и будущего сенатора жаром, если бы благоразумие матери не охладило пыл его горячей души. Его возвышенный и порывистый ум и в самом деле домогался с неосмотрительной и безрассудною страстностью великолепия и блеска огромной и всезатмевающей славы. Но размышления и годы в дальнейшем его образумили, и он, что труднее всего, удержался в пределах мудрой умеренности.

5. Своё военное поприще он начал в Британии и произвел настолько хорошее впечатление на Светония Паулина, полководца деятельного и осторожного, что тот отметил его и приблизил к себе. И Агрикола, вопреки обыкновению знатных юношей, превращающих военную службу¹⁰ в непрерывный разгул, не распустился и не проводил времени в праздности, используя свое трибунское звание, чтобы предаваться утехам, и уклоняясь от дела под предлогом неопытности; напротив, он старался как можно лучше узнать провинцию, добиться, чтобы его знали в войсках, учиться у сведущих, следовать во всем самым лучшим; ни на что он не напрашивался из похвалы, ни от чего не отказывался из страха и любое поручение выполнял осмотрительно и вместе с тем не щадя себя. В те дни Британия была охвачена смутю и положение в ней было тревожным как никогда: ветераны перебиты, колонии сожжены, воинские части разгромлены;¹¹ тогда наши сражались, чтобы спастись от гибели, несколько позднее — ради победы. И хотя все делалось в соответствии с решениями и под начальством другого и слава за удачный поход и возвращение этой провинции досталась военачальнику, все же юный Агрикола вынес из этих событий знания, опыт и честолюбивое стремление выдвинуться, и его обуяло желание покрыть себя боевой славой, весьма неблагоприятною в те времена, ибо все выдающиеся люди подозревались в самых злостных намерениях и благожелательная молва в городе была чревата не меньшей опасностью, чем дурная.¹²

6. Возвратившись из Британии в Рим для соискания государственных должностей, Агрикола женился на Домиции Децидиане, происходившей из славного рода, и этот брак доставил ему, жаждавшему возвыситься, как почет, так и влиятельную поддержку. Супруги жили в поразительном единодушии и взаимной любви, соревнуясь в старании угодить друг другу, если только заслуга в этом не принадлежит главным образом хорошей жене, как вина за раздоры ложится прежде всего на плохую. Жребий предназначил Агриколе квестуру в провинции Азии, дав ему проконсулом Сальвия Тициана, но ни то, ни другое не поколебало его безупречной честности, хотя и провинция была богатою и как бы созданной для стяжательства лихоимцев, и проконсул, отличаясь неимоверною алчностью, обнаруживал явную готовность покрывать на основе взаимности любые злоупотребления. Там же в Азии Агрикола был осчастливлен рождением

дочери,¹³ ставшей для него одновременно и опорой, и утешением, ибо вскоре он потерял родившегося ранее сына. В дальнейшем время, протекшее между квестурой и днем, когда он стал народным трибуном, а также год своего трибуната он прожил в покое и в стороне от общественных дел, ибо хорошо понимал, что в обстоятельствах, сложившихся при Нероне, благоразумнее всего ни во что не вмешиваться. Так же вел он себя и так же молчал и в бытность претором; ведь на его долю не выпало отправления правосудия. Проводя игры и исполняя прочие связанные с его должностью суетные обязанности, он соблюдал середину между расчетливостью и расточительностью и чем дальше держался от роскоши, тем большее одобрение находил в народе.¹⁴ Вслед за тем он был избран Гальбией для выяснения, как обстоят дела с хранившимися в храмах дарами, и, проведя тщательнейшее обследование, добился, что государство не претерпело ущерба от каких-либо иных святотатств, кроме Нероновых.¹⁵

7. На следующий год Агриколу и его семью поразил тяжелый удар, повергший его в глубокую скорбь. Моряки из флота Отона,¹⁶ бесчинствовавшие, слоняясь по побережью, и опустошавшие Интимилий (это — область в Лигурии), как если бы то была вражеская страна, убили в ее поместье мать Агриколы, а самое поместье разграбили, похитив значительную часть доставшихся ей по наследству ценностей, из-за которых она и погибла. Отправившись туда, чтобы воздать ей последний сыновний долг, Агрикола был застигнут в пути известием о выдвинутых Веспасианом притязаниях на верховную власть и, не колеблясь, присоединился к его сторонникам. В начале принципата управление государством и поддержание спокойствия в городе Риме осуществлял Муциан, так как Домициан был еще слишком молод¹⁷ и возвышение отца использовал лишь для того, чтобы беспрепятственно предаться распутству. Муциан поручил Агриколе произвести набор войска и, после того как тот честно и успешно выполнил это, поставил его во главе двадцатого легиона,¹⁸ медлившего принести присягу на верность Веспасиану, поскольку, как говорили, его прежний начальник склонял воинов к мятежу; справиться с этим легионом оказалось непосильной задачей для опасавшихся его легатов в консульском ранге; не смог укротить его и легат в ранге претора, по своей вине или из-за упорства воинов — неизвестно. Назначенный преемником этих военачальников и получив предписание наказать непокорных, Агрикола, проявив исключительную умеренность, предпочел сделать вид, будто нашел воинов готовыми к повиновению, а не принудил их стать таковыми.

8. Тогда в Британии начальствовал Веттий Болан, правивший с излишней для столь беспокойной провинции мягкостью. Привыкший к повиновению и умевший сочетать полезное с честным, Агрикола умерил свой пыл и ослабил рвение. Вскоре Британия получила наместником Петилия Цериала. Теперь для способностей Агриколы открылся широкий простор, но сначала Цериал делил с ним только тяготы и опасности, а затем стал делиться и славой: нередко, чтобы проверить его на деле, он отдавал ему

под начало часть войска, порою, удостоверившись в успешности его действий, — и бóльшие силы. Но Агрикола никогда не распространялся о своих успехах и не домогался известности; напротив, удачу он приписывал полководцу, замыслы которого, как подчиненный, приводил в исполнение. Таким образом, образцовое повиновение и скромность в речах ограждали его от зависти, но не от соучастия в славе.

9. Сдав легион преемнику, Агрикола возвратился в Рим, и Веспасиан причислил его к патрициям; вслед за тем он назначил его правителем провинции Аквитании; это была блестящая должность и по своему значению, и потому, что она открывала прямой доступ к консульству, к которому Веспасиан и предназначил Агриколу. Считают, что большинство военных людей неспособно разбираться в тонкостях судопроизводства, так как чинимое в лагерях правосудие отличается простотой и решительностью и многое рубит с плеча, обходясь без дотошности и хитроумия форума. Но Агрикола благодаря природному здравому смыслу, сколько бы гражданских лиц ни предстало пред ним, легко улавливал сущность их тяжб и выносил справедливые приговоры. Время, отводимое на отправлении служебных обязанностей, он строго отграничивал от часов досуга: где надлежало — а именно в провинциальных собраниях и в суде, — он был важен, внимателен, строг и чаще милостив, но, отдав должное службе, сбрасывал с себя обличие власти и прогонял прочь непреклонность, надменность и замкнутость, и, что встречается исключительно редко, ни его доступность не умаляла внушаемого им уважения, ни суровость — любви к нему. Подчеркивать в столь выдающемся муже неподкупность и бескорыстие было бы несправедливостью по отношению к остальным его добродетелям. И даже доброй молвы о себе, ради которой многие вполне честные люди не останавливаются перед заискиванием и лестью, он достиг, не выставляя напоказ своих добродетелей и не прибегая к проискам и уловкам. Далекий от соперничества с равными по положению, далекий от борьбы с прокураторами, он считал недостойным и грязным как подминать под себя слабейших, так и пресмыкаться пред сильными. Менее трех лет задержавшись на этой должности, он был отозван для незамедлительного предоставления ему консульства, причем повсюду толковали о том, что ему будет вручена власть над Британией, и не потому, что сам он обмолвился об этом хоть словом, но так как все находили, что он как бы создан для этого. Не всегда молва заблуждается, порой и она делает правильный выбор. Став консулом, Агрикола просватал за меня, еще совсем юного, дочь, в которой уже тогда можно было провидеть прекрасные качества и которую он отдал мне в жены, завершив свое консульство.¹⁹ Сразу после нашего обручения он был назначен правителем Британии и, кроме того, верховным жрецом.

10. О местоположении Британии и об обитающих в ней народах сообщалось уже у многих писателей; остановлюсь на этом и я, но не с тем, чтобы состязаться с ними в учености и дарованиях, а потому, что только

тогда было завершено ее покорение. Итак, располагая более точными данными, я поведу речь о том же, о чем с таким блеском и красноречием писали мои менее осведомленные предшественники. Британия — наибольший из известных римлянам островов, с востока по своему положению и по разделяющему их расстоянию ближе всего к Германии, с запада — к Испании,²⁰ с юга — к Галлии, откуда она даже видна; у северного ее побережья, против которого нет никакой земли, плещется беспредельное открытое море. Исходя из общих ее очертаний, красноречивейшие писатели, среди древних — Ливий, среди новейших — Фабий Рустик,²¹ сравнили Британию с продолговатым блюдом и обоюдоострой секирой. Таков, действительно, ее облик вплоть до границ Каледонии, из-за чего утвердилась эта молва. Но для проплывших огромное расстояние вдоль ее изрезанных берегов, образующих длинный выступ, которым кончается суша, Британия как бы суживается клином. Впервые обогнув эту омываемую последним морем оконечность земли, римский флот доказал, что Британия — остров; тогда же им были открыты и покорены дотоле неизвестные острова, прозывающиеся Оркадскими.²² Уже виднелась и Фула, но было приказано дойти только до этого места, и к тому же приближалась зима. Утверждают, что море там неподвижное и очень плотное, вследствие чего трудно грести; да и ветры не поднимают на нем волнения, полагаю, из-за того, что равнины и горы, в которых причина и происхождение бурь, здесь очень редки; к тому же и громада глубокого и безграничного моря медленно и с трудом раскачивается и приходит в движение. Задерживаться на рассмотрении природных свойств Океана и приливов и отливов на нем не входит в задачу настоящего сочинения; да и многие уже писали об этом;²³ я бы только добавил одно: нигде море не властвует так безраздельно, как здесь; оно заставляет множество рек течь то в одну, то в другую сторону; оно не только вспухает и опадает у побережья, но также вливается и прокрадывается в глубь суши и проникает даже к подножиям горных кряжей и гор, как если бы то были его владения.

11. Кто населял Британию в древнейшие времена, исконные ли ее уроженцы или прибывшие сюда чужестранцы, как обычно у варваров, никому не известно. Внешность же у британцев самая разнообразная, и отсюда обилие всевозможных догадок. Русые волосы и высокий рост обитателей Каледонии говорят об их германском происхождении; смуглые лица силуров, их чаще всего курчавые волосы и места поселения против Испании дают основание предполагать, что они — потомки некогда переправившихся оттуда и осевших на этих землях иберов;²⁴ живущие в ближайшем соседстве с Галлией похожи на галлов, то ли потому, что все еще сказывается общность происхождения или одинаковый климат в этих расположенных друг против друга странах придал их обитателям те же черты. Взвесив все это, можно считать вероятным, что в целом именно галлы заняли и заселили ближайший к ним остров. Из-за приверженности к тем же религиозным верованиям здесь можно увидеть такие же священные действия, как

у галлов; да и языки тех и других мало чем отличаются; больше того, британцы так же отважно рвутся навстречу опасностям и, столкнувшись с ними, столь же малодушно норовят от них уклониться. Правда, в британцах больше упорства и дикости, ибо их еще не укротил длительный мир. Но мы знаем, что и галлы так же славились доблестью, но, с той поры как у них установилось спокойствие и вместе со свободой ими было утрачено мужество,²⁵ угасла и их воинственность. То же произошло и с теми британцами, которых мы уже давно покорили, тогда как все прочие и ныне остаются такими, какими были когда-то галлы.

12. Их главная сила — в пешех; впрочем, некоторые народности сражаются и с колесниц.²⁶ Начальствует возничий; подчиненные ему воины оберегают его от врагов. Прежде британцы повиновались царям; теперь они в подчинении у вождей, которые, преследуя личные цели, вовлекают их в междоусобные распри. И в борьбе против таких сильных народов для нас нет ничего столь же полезного, как их разобщенность. Редко, когда два-три племени объединятся для отражения общей опасности; таким образом, каждое из них сражается в одиночку, а терпят поражение — все. Климат в Британии отвратительный из-за частых дождей и туманов, но жестокой стужи там не бывает. Продолжительность дня больше, чем в наших краях; ночи светлые и в оконечной части — короткие, так что вечерняя и утренняя заря отделяются лишь небольшим промежутком времени. И если небо не заволокли тучи, то и ночью можно видеть, как утверждают, сияние солнца, и оно там не заходит и не восходит, но перемещается по небосклону. Пространства на краю круга земного,²⁷ без сомнения, плоские и поэтому стбрасывают ничтожно малую тень, которая не обволакивает тьмою, из-за чего и ночь не достигает неба и звезд. Кроме оливы, виноградной лозы и других растений теплых краев, почва пригодна для прочих плодов земных и хорошо их родит; они медленно созревают, но стремительно идут в рост; причина того и другого — обилие влаги в земле и с неба. Доставляет Британия также золото, серебро и другие металлы — дань победителям. Да и Океан порождает жемчужины, правда тусклые и с синеватым отливом. Иные находят, что виной этому — неумелость тех, кто их добывает; ведь в Красном море раковины отдираются от подводных скал еще живыми и дышащими, а тут подбирают лишь выброшенные прибоем; я же склонен считать, что скорее здешним жемчужинам недостает их природных качеств, чем нам — корысти.

13. Теперь о самих британцах. Они не уклоняются от наборов в войско, столь же исправны в уплате податей и несении других налагаемых Римским государством повинностей, но только пока не чинятся несправедливости; их они не могут стерпеть, уже укрощенные настолько, чтобы повиноваться, но еще недостаточно, чтобы проникнуться рабскою покорностью. Итак, первым римлянином, вступившим с войском на землю Британии, был божественный Юлий,²⁸ и хотя, выиграв сражение, он устранил ее обитателей и захватил побережье, все же в нем следует видеть не столько

завоевателя этой страны, сколько того, кто указал на нее потомкам. Затем последовали гражданские войны, когда вожди партий подняли оружие на республику, и о Британии, даже после установления мира, надолго забыли: божественный Август называл это государственной мудростью,²⁹ Тиберий — наказом Августа. Хорошо известно, что о вторжении в Британию помышлял Гай Цезарь, и такая попытка была бы предпринята, если бы не его легко воспламеняющаяся и так же быстро остывающая душа и оказавшиеся бесплодными огромные приготовления против Германии.³⁰ Божественный Клавдий задумал и осуществил повторное завоевание этого острова:³¹ он переправил туда легионы и вспомогательные войска и привлек к участию в походе Веспасиана,³² что положило начало будущему его возвышению: были покорены народы, пленены цари и всесильным роком впервые замечен Веспасиан.

14. Первым правителем Британии был назначен бывший консул Авл Плавтий; непосредственно за ним ту же должность занял Осторий Скапула,³³ оба — выдающиеся военачальники; ближайшая к нам часть Британии, претерпев преобразования в управлении, в конце концов стала римской провинцией, и в ней была основана колония ветеранов.³⁴ Некоторые племена были отданы в подчинение царю Когидумну (еще на нашей памяти он хранил безупречную верность по отношению к нам) в силу древнего и давно усвоенного римским народом обыкновения — иметь и царей орудиями порабощения.³⁵ В дальнейшем Дидий Галл удержал завоеванное предшественниками и продвинул вперед весьма небольшое число укреплений, рассчитывая снискать себе похвалу за выполнение большего, чем требовалось его обязанностями.³⁶ Преемником Дидия стал умерший в том же году Вераний.³⁷ Далее здесь в течение двух лет сряду успешно действовал Светоний Паулин, покоривший несколько племен и усиливший укрепления; понадеявшись на них и напав на остров Мону, откуда оказывалась помощь еще неукротенным народам, он тем самым создал в своем тылу благоприятную обстановку для мятежа.³⁸

15. Осмелев в связи с отлучкой легата, британцы принимают толковать между собою о тяготах рабства, обмениваясь сообщениями о творимых римлянами насилиях и своими рассказами и пояснениями разжигать друг в друге негодование: от терпения ни малейшей пользы, больше того, не встречая отпора, римляне возлагают на них бремя, еще невыносимее прежнего. Раньше каждый имел над собой одного властителя, теперь над ним ставят двоих; легат свирепствует, проливая их кровь, прокуратор — грабя их достояние. Для подчиненных одинаково пагубны как раздоры между начальниками, так и единодушие их; прислужники одного — центурионы, другого — рабы, только и знают, что чинить насилия и надругательства. И уже ничто не ограждает от их жадности и любострастия. В бою снимает доспехи с поверженного более доблестный, а ныне чаще всего трусливые и малодушные изгоняют их из домов, отнимают у них детей, принуждают служить по набору в войске у римлян, как будто един-

ственное, за что они не умеют отдать свою жизнь, — их родина. Не покажутся ли ничтожною горсткой переправленные к ним римские воины, если британцы сопоставят их с собственной численностью? Ведь Германия сбросила с себя римское иго, хотя ее ограждает не Океан, а река.³⁹ Британцы ведут эту войну, защищая родину, жен и близких, римляне — побуждаемые алчностью и распутством. И как удалится божественный Юлий, так удалятся и остальные, лишь бы британцы отважились на состязание в доблести со своими предками. И пусть их не пугает неудачный исход одной, другой битвы: у одержавших успех больше воодушевления, у терпящих бедствия — больше упорства. Да и боги уже пожалели британцев: ведь это они услали прочь римского полководца, и они же удерживают его войско на другом острове, как если бы оно было отправлено туда в ссылку; а британцы между тем — что было труднее всего — начали размышлять; наконец, быть застигнутым на сходке такого рода еще опаснее, чем дерзнуть.⁴⁰

16. Распаялая друг друга такими и подобными речами, они под предводительством женщины царского рода Боудикки (ведь применительно к верховной власти над войском они не делают различия между полами) все как один поднялись против нас.⁴¹ Истребив рассеянных по заставам воинов и захватив приступом крепости, они ворвались в колонию, видя в ней оплот поработившего их владычества римлян, и, упиваясь яростью и своим торжеством, расправились с побежденными, не упустив ни одной из жестокостей, какие только в ходу у варваров. И если б Паулин, узнав о восстании в провинции, не поспешил к ней на помощь, Британия была бы нами потеряна. Одной удачною битвой он принудил ее к прежней покорности, хотя очень многие не сложили оружия. — отчасти, так как сознавали тяжесть своей вины, а больше из страха перед легатом, который, несмотря на врожденное великодушие, мог, как они полагали, отнестись к сдавшимся с высокомерной суровостью и подвергнуть их бесщадной каре, отняв за нанесенные как бы лично ему оскорбления. И вот в Британию был прислан Петроний Турпиллиан, так как считалось, что, менее непреклонный и непосредственно не задетый преступлениями врагов, он проявит больше снисходительности к раскаявшимся. Восстановив былое спокойствие и ни на что помимо этого не отважившись, Турпиллиан передал власть над провинцией⁴² Требеллию Максиму. Тот, еще менее деятельный и в военном деле совершенно несведущий, удерживал провинцию благодаря своеобразному добродушию, с каким управлял ею. Варвары стали уже привыкать к его столь приятным для них недостаткам, да и возобновившиеся гражданские распри доставляли законное оправдание для его бездеятельности.⁴³ Но положение осложнилось смутой в самом римском войске, так как длительная праздность развратила привыкших к походам воинов. Требеллий, бежав и надежно укрывшись, спасся от гнева возбужденного войска и в дальнейшем, после того как между ними было заключено своего рода молчаливое соглашение, по которому войску предо-

ставлялось безнаказанно своевольничать, а полководцу обеспечивалась личная безопасность, обесславленный и униженный сохранял лишь видимость власти; что касается мятежа, то он заглох сам собою без пролития крови. В последующем и Веттий Боан из-за все еще не утихших гражданских войн не докучал Британии строгостью: такая же бездеятельность по отношению к неприятелю, такая же разнузданность в лагерях и единственное отличие, пожалуй, лишь в том, что безупречно честный, неповинный ни в малейших злоупотреблениях и поэтому не возбудивший личной ненависти Боан все же снискал любовь, хотя и не внушил к себе должного уважения.

17. Но когда вместе с остальным миром Веспасиан получил в свою власть и Британию, все в ней стало иным: блестящие полководцы, превосходное войско, померкшие надежды врагов. И сразу же они были повергнуты в страх Петилием Цериалом, напавшим на племя бригантов, считавшееся самым многочисленным в провинции.⁴⁴ Произошло много битв, и среди них несколько кровопролитных; побеждая бригантов и преследуя их или сражаясь с ними, он прошел значительную часть их владений. И Цериал затмил бы своим усердием и своей доброю славой любого преемника, если бы его не сменил и не справился с выпавшей на его долю тяжелой задачей муж исключительно выдающихся качеств — Юлий Фронтин, который подчинил силой оружия могучую и воинственную народность силуров и, помимо стойкости неприятеля, преодолел также труднопроходимую местность.

18. Переправившись в Британию уже по прошествии половины лета,⁴⁵ Агрикола застал там протекавшие с переменным успехом военные действия и такое положение дел: наши воины, сочтя, что летний поход, очевидно, не состоится, впали в беспечность, а враги выжидали удобного случая для нападения. Незадолго до прибытия Агриколы племя ордовиков почти полностью истребило размещенный в его пределах отряд вспомогательной конницы, и это событие положило начало охватившему всю провинцию возбуждению. Хотевшие поднять ее против нас одобряли показанный ордовиками пример и присматривались к вновь назначенному легату. И хотя лето уже миновало, и войсковые подразделения были разбросаны по провинции, и воины утвердились в мысли, что в этом году им дадут отдохнуть, — короче говоря, хотя все препятствовало и противодействовало собиравшемуся начать поход полководцу и к тому же большинству представлялось более правильным неусыпно следить за подозрительным оживлением во внутренних областях провинции, — Агрикола все же решил пойти навстречу опасности. Итак, он стянул подразделения легионов, добавив к ним относительно небольшой отряд вспомогательных войск, и, поскольку ордовики не осмеливались спуститься вниз на равнину, двинулся в горы, идя впереди боевого порядка, дабы, разделяя вместе со всеми одинаковую опасность, вселить решимость и в остальных. Уничтожив почти целиком племя ордовиков и хорошо зная,

что славу нельзя упускать, ибо успешное начало внушает страх и другим врагам, он вознамерился захватить остров Мону, овладеть которым помешало Паулину, как я упоминал выше, восстание всей Британии. Но как всегда при принятии внезапных решений возникли непредвиденные псмехи; оказалось, что отсутствуют корабли; тем не менее находчивость и упорство военачальника переправили войско. Освободив от поклажи отборных воинов вспомогательного отряда, которым были известны отмели и которые с малолетства усвоили завещанное от предков умение плавать, и притом так, что, заботясь о себе, они одновременно управляют с оружием и конями, он настолько неожиданно бросил их на врагов, что те, ошеломленные и опешившие, опасавшиеся только флота, кораблей и нападения со стороны открытого моря, решили, что для идущих подобным образом в бой не существует ничего непосильного и неисполнимого. Запросив мира, они сразу же сдали остров, и Агриколу стали повсюду возвеличивать и прославлять, ибо, едва высадившись в провинции, он не побоялся трудов и опасностей, тогда как другие стараются употребить это время, чтобы показать себя во всем блеске и для снискания расположения. Не воспользовался своею удачей Агрикола и для тщеславной похвалы и свой победоносный поход называл не иначе как обузданием побежденных; да и о достигнутых им успехах оповестил он не в увенчанном лаврами донесении;⁴⁶ но скромность, с какою он говорил о своих славных деяниях, только приумножила его славу, ибо все задавались вопросом, сколь великими должны быть вынашиваемые им замыслы, если даже о столь блистательных подвигах он предпочел умолчать.

19. Внимательно следя за настроениями в провинции и познав к тому же на чужом опыте, как мало пользы в оружии, если за его применением следуют беззакония, он решил искоренить самые причины восстаний. Начав с себя и своих приближенных, он обуздал и свою домашнюю челядь, что для многих не менее трудно, чем править провинцией. Никогда не препоручал он государственных дел своим вольноотпущенникам или рабам и, назначая на государственные должности центуриона или рядовых воинов, никогда не руководствовался ни личными склонностями, ни благоприятными отзывами и просьбами со стороны, но всякого отлично несущего службу считал заслуживающим безоговорочного доверия. Знал он обо всем, но не за все взыскивал. Прощая небольшие проступки, он строго карал за существенные да и то не всегда налагал на виновного наказание, а чаще довольствовался его раскаянием. Обязанности и поручения разного рода он охотнее возлагал на тех, в чьей честности был убежден, чем на неизвестных ему, которых впоследствии, быть может, пришлось бы осудить за бесчестность. Бремя хлебных поставок и податей он облегчил справедливым распределением этих повинностей и отменой придуманных ради личной наживы порядков, вызывавших в британцах еще большее недовольство, чем подати. Ведь их издевательски заставляли подолгу дожидаться у запертых государственных складов и даже поку-

пать хлеб не иначе, как вручив взятку;⁴⁷ им указывали для сдачи хлеба отдаленные округа, куда можно было попасть лишь кружными путями, так что общины должны были доставлять его в глухие и бездорожные местности, тогда как римские зимние лагеря находились поблизости, и лишь насытив алчность немногих, они добивались того, что было удобно для всех.

20. Устранив эти злоупотребления уже в первом году своего легатства, Агрикола наглядно показал бесценные преимущества мира, которого из-за нерадивости или заносчивости его предшественников британцы боялись не менее, чем войны. Но с наступлением лета он собрал войско и повел его на врага; неутомимый и вездесущий в походе, он ободрял и хвалил исполнительных, подтягивал разбредавшихся и отстававших, сам выбирал места для разбивки лагеря, сам обследовал леса и затопляемые приливом низины и вместе с тем не давал врагам роздыха, внезапными набегами разоряя их земли. Но вселив в них подобающий страх, он милостивым обращением с ними показал им и привлекательность мира. Благодаря этому многие общины, ранее с ожесточением отстаивавшие свою независимость, прекратили сопротивление и, выдав заложников, изъявили покорность, после чего были окружены нашими заставами и укреплениями, размещенными с такою предусмотрительностью и тщательностью, что ни одна из прежде завоеванных нами частей Британии не приняла нашего господства столь же легко, как эта.

21. Следующая зима была отдана Агриколой проведению полезнейших мероприятий. Рассчитывая при помощи развлечений приучить к спокойному и мирному существованию людей, живущих уединенно и в дикости и по этой причине с готовностью берущихся за оружие, он частным образом и вместе с тем оказывая поддержку из государственных средств, превознося похвалами усердных и порицая мешкотных, настойчиво побуждал британцев к сооружению храмов, форумов и домов, и соревнование в стремлении отличиться заменило собой принуждение. Больше того, юношей из знатных семейств он стал обучать свободным наукам, причем природную одаренность британцев ценил больше рвения галлов, и те, кому латинский язык совсем недавно внушал откровенную неприязнь, горячо взялись за изучение латинского красноречия. За этим последовало и желание одеться по-нашему, и многие облеклись в тогу. Так мало-помалу наши пороки соблазнили британцев, и они пристрастились к портикам, термам и изысканным пиршествам. И то, что было ступенью к дальнейшему порабощению, именовалось ими, неискушенными и простодушными, образованностью и просвещенностью.

22. На третий год своего легатства Агрикола совершил поход, познакомивший нас с дотоле неизвестными племенами, ибо он разорил народы, обитавшие до Таная (название залива на морском побережье). Это настолько устрасило врагов, что они не дерзнули напасть на римское войско, хотя оно было изрядно ослаблено свирепыми бурями; осталось

время и на то, чтобы построить опорные укрепления. Сведущие люди не раз отмечали, что никакой другой полководец не умел лучше Агриколы выбрать места для их возведения; и действительно, ни одно из построенных Агриколой укреплений не было взято врагами или покинуто из-за капитуляции и бегства размещенных в нем воинов; ибо, чтобы они могли выдержать длительную осаду, Агрикола оставлял им годичный запас продовольствия. Таким образом, воины спокойно и уверенно зимовали в своих укреплениях; больше того, они часто делали вылазки, хорошо понимая, что могут рассчитывать лишь на себя. Но враги против них были бессильны, и это их приводило в отчаяние, так как они привыкли вознаграждать себя в большинстве случаев зимними успехами за летние неудачи; однако на этот раз их били и зимою, и летом. Агрикола не был завистлив и никогда не посягал на чужую славу; напротив, каждый центурион и префект имел в его лице беспристрастного свидетеля своих деяний. Некоторые передавали, что, выражая кому-нибудь свое порицание, Агрикола бывал чрезмерно горяч; действительно, насколько ласков он был с добросовестными, настолько же резок с бесчестными. Впрочем, он был незлопамятен и весь свой гнев изливал сразу, ничего не утаивая, так что его молчания не нужно было бояться: он считал более порядочным высказать все, что думал, чем копить в себе ненависть.

23. Четвертое лето было отдано им обеспечению за нами столь стремительно занятых областей; и если бы доблесть нашего войска и слава римского имени позволили это, то в самой Британии война была бы завершена, поскольку мы вышли к ее границе; ибо Клото и Бодотрия, гонимые навстречу друг другу напором простирающегося за ними моря, на такую глубину вторгаются в сушу, что между ними остается лишь узкий перешеек; на нем тогда строились римские укрепления⁴⁸ и одновременно очищался от неприятеля весь вновь захваченный нами выступ от старой границы наших владений; и враги были отброшены как бы на другой остров.

24. На пятый год походов Агрикола, переправившись на головном из своих кораблей к неизвестным дотеле народам, покорил их многочисленными удачными битвами, после чего в обращенной к Гибернии части Британии разместил войско, не столько опасаясь нагадения из-за моря, сколько помышляя о будущем, ибо Гибернию, расположенную между Британией и Испанией⁴⁹ и легко доступную также со стороны Галльского моря, можно было связать ко взаимной выгоде более тесными узами с этими важнейшими частями империи. Площадь Гибернии, если сопоставить ее с Британией, меньше, но превосходит величиною острова нашего моря.⁵⁰ Почва, погода, нрав и образ жизни ее обитателей мало чем отличаются от знакомых нам по Британии; подходы к Гибернии и ее порты известны благодаря торговле и купцам. Агрикола приютил у себя одного из правивших ее народом царьков, который был изгнан на чужбину внутренним переворотом, и под предлогом дружеского участия на

всякий случай держал его при себе. Я не раз слышал от самого Агриколы, что силами одного легиона с приданным ему относительно небольшим количеством вспомогательных войск можно овладеть Гибернией и закрепитесь на ней; говорил он и о том, что, если бы римское оружие находилось также и там, то это было бы полезно и для Британии, ибо с ее глаз был бы удален, так сказать, соблазн независимости.

25. Тем летом, в которое начинался шестой год его пребывания в должности легата Британии, Агрикола задумал покорить живущие за Бодотрией племена; но так как возникли опасения, что все народы по ту сторону от наших владений могут объединиться для борьбы с нами и наше продвижение будет затруднено вражеским войском, он заранее разведал при помощи флота⁵¹ порты на морском побережье. Впервые привлеченный Агриколой для совместного участия в боевых действиях, он двигался вслед за войском, и это было невиданным ранее зрелищем, ибо мы вели войну одновременно на суше и на море. И нередко собравшиеся в том же лагере пехотинцы, конные воины и моряки, делясь съестными припасами и коротая досуг, в оживленной беседе похвалялись друг перед другом, как водится у военного люда, своими подвигами, расписывая выпавшие на их долю трудности, одни — чащи лесов и крутизну гор, другие — неистовство ветров и волн, иные — как они одолели препятствия, воздвигаемые самою землей, и врагов, иные — как справились с Океаном. Британцев же, о чем сообщали пленные, появление нашего флота повергло в уныние, ибо они хорошо понимали, что, если тайны их моря будут разгаданы, им в случае поражения больше податься некуда. Наконец, населявшие Каледонию племена прониклись решимостью действовать и взялись за оружие; они повели обширные приготовления, как обычно, когда речь идет о недостаточно установленном, непомерно преувеличенными молвой, и больше того, дерзнули напасть на римское укрепление; поскольку вызов был брошен ими, они стали казаться еще страшнее. «Нужно вернуться на тот берег Бодотрии; лучше отступить, чем быть прогнанными врагом», — настаивали трусливые, прикрываясь личиной благоразумия. Между тем Агрикола узнает, что каледонцы собираются накинуться на него еще большими толпами. И чтобы не быть окруженным превосходящим численностью противником, который к тому же был хорошо знаком с местностью, он разделил войско на три отряда и двинулся в путь.

26. Когда это стало известно врагу, он, внезапно изменив прежний замысел, глухой ночью напал всеми силами на расположение девятого легиона, так как тот был слабее других,⁵² и, перебив дозорных, среди смятения, охватившего наших еще полусонных воинов, ворвался в лагерь. И уже сражались между палатками, когда Агрикола, извещенный разведчиками о том, куда направился неприятель, поспешил по его следам; наиболее стремительным всадникам и пехотинцам он приказал налететь на него, теснящего наших, с тыла, всему остальному своему

отряду — в подобающее для этого время разразиться громкими криками; и вскоре в первых лучах восходящего солнца повсюду засверкали римские боевые значки. Британцев между тем охватил страх перед грозившей им с обеих сторон опасностью, тогда как воины девятого легиона воспрянули духом и, уверенные в близком спасении, стали биться уже ради снискания славы. Больше того, они даже перешли в наступление, и в узком проходе ворот завязалась ожесточенная схватка, прекратившаяся лишь после того, как враги были выброшены из лагеря; оба наших отряда как бы соревновались в доблести: одни — чтобы не было сомнений, что они действительно оказали помощь, другие — что они в этой помощи не нуждались. И если бы болота и леса не укрыли бежавших, то этой победой война была бы завершена.

27. Сознывая это, гордое добытой им славой и охваченное по этой причине боевым пылом войско на все лады толковало о том, что для его доблести не существует неодолимого и что нужно пройти насквозь Каледонию и отыскать, наконец, хотя бы ценою непрерывных сражений, окончность Британии. И кто только что был осмрителен и исполнен благоразумия, тот сразу же после достигнутого успеха обрел решительность и стал хвастлив и самонадеян. Ведь во всякой войне неизменно действует следующий, в высшей степени несправедливый закон: удачу каждый приписывает себе, а вину за несчастья возлагают на одного. Да и британцы, считая, что их победила не доблесть, а роковое стечение обстоятельств и искусство военачальника, нисколько не поубавили прежней заносчивости: они вооружили всех боеспособных мужчин, переправили в безопасные места жен и детей и на сходках, а также совместными закляннями жертв торжественно скрепили нерасторжимый союз племен. И противники разошлись, унося в себе непримиримую враждебность друг к другу.

28. Тем же летом когорты узипов, набранная в Германии и оттуда переправленная в Британию, отважилась на дерзновеннейшее и заслуживающее того, чтобы упомянуть о нем, преступление. Убив центуриона и воинов, распределенных по манипулам ради обучения новобранцев и в качестве образцов для подражания, и воспитателей, вставшие погрузились на три либурны⁵³ и принудили кормчих отправиться вместе с ними; один из них был убит, стоя у кормила, двое других — так как навлекли на себя какие-то подозрения, и узипы, проплывая вдоль побережья, пока еще не распространился слух об их бегстве, повсюду привлекали к себе всеобщее любопытство. Но в дальнейшем они стали сходиться с кораблей за водою и чтобы добыть для себя продовольствие и вступать со многими отстаивавшими свое добро британцами в ожесточенные схватки, нередко выходя из них победителями, а иной раз и прогоняемые с пустыми руками, и постепенно дошли до такой нужды в жизненно необходимых припасах, что сперва начали поедать наиболее обесилевших из своих спутников, а затем тех, на кого падал жребий. И так,

обойдя всю Британию и потеряв корабли из-за неумения править ими, они в конце концов были приняты за морских разбойников и захвачены частью свебами, а затем и фризами. И среди них оказались такие, которых продали в рабство и которые, переходя от одного владельца к другому, попали на наш берег Рейна⁵⁴ и тут обрели известность своими рассказами о столь поразительных приключениях.

29. В начале следующего лета Агриколу постигло семейное горе: умер его годовалый сын. Это несчастье он перенес не с подчеркнутой стойкостью, как свойственно большинству доблестных мужей, и вместе с тем не раздражаясь рыданиями и не предаваясь безутешному горю, как женщины, но находя в ведении войны отвлечение от своей скорби. Итак, выслав перед собой флот, с тем чтобы, производя опустошения и грабежи во многих местах, он держал врагов в неослабном страхе пред неизвестностью, Агрикола во главе рвущегося в бой войска с добавленными к нему наиболее храбрыми и проверенными за время длительного мира британцами подошел к горе Гравпий, на которой засел неприятель. Ведь враждебные нам британцы, нисколько не сломленные исходом состоявшегося в предыдущем году сражения, предвидевшие, что их ожидает возмездие и, быть может, даже порабощение, и постигшие, наконец, что общей опасности надлежит противопоставить единство, отправив ко всем племенам посольства и заключив соглашения с ними, призвали в помощь себе их силы. У них уже насчитывалось свыше тридцати тысяч вооруженных бойцов, и к ним все еще продолжала прибывать боеспособная молодежь, а также те, кто, несмотря на преклонные лета, сохранил юношескую свежесть и бодрость, заслуженные в войнах и украшенные своими боевыми отличиями; и вот один из многочисленных их вождей по имени Калгак, выделявшийся среди них своей доблестью и знатностью происхождения, обратился, как рассказывают, к собравшейся и требовавшей, чтобы ее вели в бой, толпе с такими словами.

30. «Всякий раз, как я размышляю о причинах этой войны и о претерпеваемых нами бедствиях, меня наполняет уверенность, что этот день и ваше единодушие положат начало освобождению всей Британии: ведь вы все как один собрались сюда, и вы не знаете оков рабства, и за нами нет больше земли, и даже море не укроет нас от врага, ибо на нем римский флот, и нам от него не уйти. Итак — только бой и оружие! Для доблестных в них почет, и даже для трусов — единственный путь к спасению. Предыдущие битвы с римлянами завершались по-разному, но, и понеся поражение, британцы хорошо знали, что мы сильны и не оставим их своею поддержкой, потому что мы — самый древний народ Британии и по этой причине пребываем в сокровеннейшем лоне ее и не видим тех ее берегов, где обитают рабы, и, не сталкиваясь с чужестранными поработителями, не осквернили даже глаз наших лицемерием их. Живя на краю мира и единственные, не утратившие свободы, мы вплоть

до последнего времени были защищаемы отдаленностью нашей родины и заслоном молвы; но теперь крайний предел Британии стал доступен, а все неведомое кажется особенно драгоценным; за нами нет больше ни одного народа, ничего, кроме волн и скал и еще более враждебных, чем они, римлян, надменность которых не смягчить ни покорностью, ни уступчивостью. Расхитителям всего мира, им уже мало земли: опустошив ее, они теперь рыщут по морю; если враг богат — они алчны; если беден — спесивы, и ни Восток, ни Запад их не насытят; они единственные, кто с одинаковой страстью жаждет помыкать и богатством, и нищетой; отнимать, резать, грабить на их лживом языке зовется господством; и создав пустыню, они говорят, что принесли мир.

31. «Природа устроила так, что самое дорогое для каждого — его дети и родичи; но их у нас отнимают наборами в войско, чтобы превратить в рабов где-нибудь на чужбине, а нашим женам и сестрам и тогда, когда они избегли насилия, враги наносят бесчестие, присваивая себе имя наших друзей и гостей. А между тем имущество и богатства британцев уничтожаются подаями, ежегодные урожаи — обязательными поставками хлеба, самые силы телесные — дорогами, которые они своими руками, осыпаясь побоями и поношениями, прокладывают сквозь леса и болота. Обреченных неволе раз и навсегда продают в рабство, и впредь об их пропитании заботится господин. А Британия что ни день платит за свое рабство и что ни день все больше закабляет себя. И как раба, включенного в домашнюю челядь последним, стоварищи-рабы встречают насмешками и издевательствами, так и мы, новички в этом мире закоренелого рабства, ничего в нем не стоим и подлежим уничтожению: ведь у нас нет ни тучных пажитей, ни рудников, ни гаваней, где бы мог быть приложен наш труд, и поэтому щадить нас незачем. Доблесть же и строптивость подвластных не по нутру властителям; да и сама отдаленность наша, равно как и таинственность, которой окутано наше существование, чем безопасней для нас, тем подозрительнее врагам. Итак, отбросьте надежду на их снисходительность и исполнитесь мужества, как те, для кого дороже всего спасение, так и те, для кого — слава. Бриганты под предводительством женщины сожгли колонию, захватили приступом укрепленный лагерь и, если бы упоение успехом не обернулось для них беспечностью, могли бы сбросить с себя ярмо рабства;⁵⁵ да и мы, незатронутые войной и не раздавленные врагом, взялись за оружие, чтобы отстоять нашу свободу, а не чтобы предстать перед ним с повинною; так давайте покажем ему в первой же схватке, каких мужей поберегла для себя Каледония.

32. «Или вы думаете, что на войне римляне столь же доблестны, как разнузданны в мирное время? Сильные нашими распрями и усобицами, они обращают пороки врага ко славе своего войска, набранного из самых различных народов; сплавиваемое удачами, оно распадется при первых же неудачах, если только вы не считаете, что галлов, германцев и (стыдно сказать!) многих британцев, — хотя, давнишние враги римлян, а рабы

их недавние, они и служат чужому господству своею кровью, — удерживает в повиновении им преданность и любовь. Боязнь и устрашение — слабые скрепы любви: устранить их — и те, кто перестанет бояться, начнут ненавидеть. На нашей стороне все, что увлекает к победе: ведь у римлян нет с собой жен, чтобы воодушевлять их на бой, нет и родичей, готовых корить за бегство; у большинства нет и родины или она вне Италии. Малочисленных, трепещущих пред неизвестностью, недоверчиво взирающих на небо, на море, на леса, на все неведомое и знакомое, боги предали их в ваши руки как бы загнанными в ловушку и скованными. Да не страшат вас ни их чванный вид, ни блеск золота и серебра, — ведь они не защищают и не разят. В самом вражеском войске мы найдем тех, кто на него же поднимет оружие. Британцы поймут, что мы отстаиваем их дело, галлы вспомнят свою былую свободу, покинут их и остальные германцы, как недавно оставили их узипы.⁵⁶ А сверх этого у них нет ничего, что могло бы нас испугать: опустевшие укрепления, населенные стариками колонии, хилые и слабые муниципии, охваченные раздорами между дурно повинующимися и несправедно правящими. Здесь пред нами их полководец, их войско; они несут нам подати, рудники и все прочие, уготованные порабощенным страдания, и на этом поле битвы для нас решится, претерпевать ли их вечно или разом от них избавиться. Посему, идя в бой, размышляйте о предках и о потомках ваших!».

33. На эту речь, принятую ими с воодушевлением, они ответили, по обыкновению варваров, воплями, пением и разноголосыми выкриками; и тотчас пришли в движение их отряды, и засверкало оружие, так как самые смелые бросились на врага; тем временем и наше войско строилось в боевой порядок, и, хотя воины рвались в бой и их едва можно было удерживать внутри укреплений, Агрикола все же счел нужным еще сильнее разжечь их пыл и, обратившись к ним, сказал следующее: «Вот уже седьмой год, мои доблестные товарищи по оружию, как, выполняя повеление Римской империи, вы своею отвагою, при моих неустанных стараниях, завоевываετε Британию. В стольких походах, в стольких сражениях требовались от вас и стойкость против врага, и терпение, и усилия в борьбе чуть ли не с самою природой, но ни я никогда не жаловался на моих воинов, ни вы — на своего полководца. Итак, перейдя рубежи, я — за которые не ступали мои предшественники-легаты, вы — действовавшие до вас войска, — мы удерживаем оконечность Британии, и это не похвальба и не голословное утверждение, расположившись в ней лагерем и посредством оружия; и теперь уже вся Британия нами пройдена и покорена. И сколько раз в рядах продвигавшегося вперед войска, когда вас мучили топи, горы и реки, мне приходилось слышать возгласы самых отважных: „Когда же, наконец, наткнемся мы на врагов, когда же сразимся с ними?“ И вот, вытесненные из своих тайных убежищ, они идут нам навстречу: желания ваши сбылись, и вам есть, где выказать свою доблесть; но если все склоняется пред победителями, то точно так же

все ополчается на побежденных. И хотя прекрасно и достопамятно, преследуя неприятеля, осилить такой дальний путь, миновать благополучно леса, преодолеть столько водных преград, все эти столь блистательные успехи, если мы дрогнем и побежим, завтра же обернутся для нас величайшей опасностью; ведь и местность мы знаем не так, как враги, и съестные припасы у нас не в таком изобилии, как у них; единственное, чем мы располагаем, — наши руки и наше оружие, и рассчитывать мы должны только на них. Что до меня, то я уже давно пришел к твердому убеждению: отступление отнюдь не обеспечивает безопасности ни войску, ни полководцу. Вот почему честная смерть лучше позорной жизни, и спасение там, где доблесть: да и пасть на краю земли и природы⁵⁷ никоим образом не бесславно.

34. «Если бы пред вами стояли неведомые народы и воины, с которыми вы сталкиваетесь впервые, я бы, чтобы вселить в вас бодрость, сослался на пример других наших войск; но теперь вам достаточно вспомнить о ваших былых деяниях и спросить свои собственные глаза. Ведь пред вами те самые, которые в прошлом году, подкрavшись ночью, напали на один легион и которых вы сокрушили одним только боевым кличем; изо всех британцев они самые быстроногие, и лишь благодаря этому все еще живы. Когда вы пробирались сквозь чащи горных лесов, наиболее смелые звери бросались на вас, тогда как робких и боязливых прогонял прочь поднимаемый войском шум; так и самые горячие из британцев давно пали в сражениях — осталось лишь скопище трусов и малодушных. И если вы, наконец, отыскали их, то не потому, что они решили померяться с вами силами, а потому, что податься им больше некуда: безнадежность и порожденное крайним страхом оцепенение приковали их к месту, где они были настигнуты вами, и здесь вы одержите великолепную и знаменательную победу. Положите конец походам, увенчайте пятьдесят лет борьбы⁵⁸ блистательным днем, покажите нашему государству, что войско никогда не заслуживало упрека ни за то, что эта война так затянулась, ни за то, что она постоянно возобновлялась».

35. Пока Агрикола говорил, воспламененные его речью воины едва сдерживали охватившее их нетерпение, и, когда он закончил ее, они в единомудном порыве мгновенно изготовились к бою. Свое возбужденное и жаждавшее кинуться на противника войско он расположил таким образом, чтобы вспомогательная пехота, в которой насчитывалось восемь тысяч воинов, находилась посередине, а три тысячи всадников прикрывали ее с обеих сторон. Легионы он поставил перед лагерным валом, чем оказывал вспомогательным войскам великую честь добиваться победы без пролития римской крови и на случай, если бы они были разбиты, сохраняя в целости силы, на которые можно было бы опереться. Британское войско ради устрашения неприятеля своим внушительным видом разместилося на ближних высотах, причем передовые части стояли на равнине у их подножия, а все остальные как бы висели над ними плот-

ным скопищем на склонах холмов. Поле между обоими станами оглашалось стуком носившихся взад и вперед колесниц и криками возничих и воинов. И Агрикола, опасаясь, как бы нашему войску из-за численного превосходства врагов не пришлось одновременно сражаться как с теми, кто был перед ним, так и с теми, которые могли бы устремиться на него с обеих сторон, приказал ему разомкнуться и, хотя это и растягивало вширь его боевой порядок и многие советовали призвать легионы, исполненный решимости и уверенности, готовый к преодолению трудностей, спешился и, отослав коня, стал перед боевыми значками.

36. Сначала, пока противники не сошлись вплотную, бой велся ими на расстоянии, и британцы при помощи своих огромных мечей⁵⁹ и небольших щитов упорно и вместе с тем ловко или перехватывали пущенные нашими дротики, или отбивали их налету, одновременно осыпая нас градом стрел, пока Агрикола не обратился, наконец, к четырем когортам батавов и двум — тунгров, призвав их пустить в ход мечи и вступить в рукопашную схватку, в чем благодаря длительной службе в войске они были опытны и искусны и что давало им перевес над врагами, ибо лишенный острия меч британцев непригоден для боя, в котором враги, столкнувшись грудью с грудью, вступают в единоборство. И вот батавы стали обрушивать удары своих мечей на британцев, разить их выпуклостями щитов, колоть в ничем не прикрытые лица и, сокрушив тех, кто стоял на равнине, подниматься, сражаясь, по склону холма, а остальные когорты, соревнуясь с ними и поддержанные их натиском, — рубить всех попадавших им навстречу; и торопясь довершить победу, наши оставляли за собой легко раненных и даже невредимых врагов. Между тем и отряды конницы, после того как колесницы британцев были обращены в бегство, ринулись на неприятеля, с которым уже дрались наши пехи. И хотя они своим появлением вселили в него еще больший страх, все же из-за плотных скопищ врага и неровности местности их порыв вскоре выдохся; и все происходившее здесь меньше всего походило на боевые действия конницы, ибо с трудом удерживавшихся на склоне всадников теснили к тому же тела сбившихся в беспорядочную кучу коней; и нередко ведомо как затесавшиеся в эту суматоху колесницы, а также перепуганные, оставшиеся без всадников кони наскakивали на них, как кого заносил страх, и сбоку, и спереди.

37. Тогда те из британцев, которые, не участвуя в битве, все еще занимали вершины холмов и, стоя в бездействии, насмеялись над малочисленностью римского войска, стали понемногу спускаться с возвышенностей и обходить побеждающих с тыла, в чем они и успели бы, если б Агрикола, именно этого и опасавшийся, не бросил на наступающего противника четыре конных отряда, прибереженные им на случай возможных в сражении неожиданностей; и чем яростнее враги набегали на них, с тем большим ожесточением были отбиваемы и обращаемы в бегство. Таким образом, замысел британцев против них же и обернулся, и передвинутые

с переднего края по распоряжению полководца подразделения конницы врезались в боевые порядки бегущего неприятеля. И тут на открытой местности взорам представилось величественное и вместе с тем страшное зрелище: наши гнались по пятам за врагами, рубили их, брали в плен и, захватив новых пленников, убивали ранее взятых. И в зависимости от твердости духа одни в полном вооружении целыми толпами убегали от уступавших им в численности преследователей, тогда как другие, безоружные и по своей воле, устремлялись навстречу им и искали для себя смерти. Повсюду — оружие, трупы, обрубки тел и пропитавшаяся кровью земля; но порою даже у побежденных вспыхивало ожесточение и к ним возвращалось мужество. Так, достигнув лесов, они собрались с духом и попытались окружить тех из наших, кто вырвался вперед, увлекшись погоней. И они бы исполнили это; и если бы вездесущий Агрикола не приказал могучим и готовым к бою когортам прочесать леса, как это делается при облавах, частично спешившись, где они были слишком густыми, и в конном строю, где они были более редкими, то чрезмерная самонадеянность наших стоила бы нам излишних потерь. Но когда британцы снова увидели, что их преследуют приведенные в порядок и построены правильными рядами воины, они и на этот раз обратились в бегство, но уже не целыми отрядами, как до того, и не оглядываясь один на другого: поодиночке и сторонясь друг друга, устремились они в отдаленные и глухие углы. Конец преследованию положили ночь и пресыщение. Врагов было убито до десяти тысяч, наших пало триста шестьдесят, и среди них — префект когорты Авл Аттик, завлеченный в гущу врагов молодым задором и неукротимым конем.

38. Обрадованные столь счастливым исходом сражения и добычею, победители всю эту ночь ликовали, тогда как британцы, — мужчины и женщины, — бродя по окрестностям и оглашая их стенаниями, выносили раненых, призывали невредимых откликнуться, выбирали убежища, где бы укрыться, и сразу же их оставляли, сообщая принимали те или иные решения и тотчас же поступали каждый по-своему; глядя на тех, кто был им дороже всего, они иногда впадали в отчаяние, чаще приходили в неистовство. Известно, что некоторые из жалости к своим женам и детям собственноручно лишили их жизни. Лишь следующий день полностью показал облик победы: повсюду немое безмолвие, пустынные холмы, дымящиеся вдалеке строения и никого, кто бы попался навстречу разведчикам. Поскольку, разосланные во все концы, они наткнулись лишь на неясные следы беглецов и не обнаружили никаких скоплений противника и так как из-за окончания лета исключалась возможность распространения войны на соседние области, Агрикола отводит войско в пределы борестов. Там, приняв заложников, он предписывает начальнику флота обогнуть оконечность Британии. Для этого были выделены необходимые силы, да и флоту предшествовал всеобщий страх. Пехоту и конницу, умышленно не торопясь, дабы самою длительностью

передвижения устроить вновь покоренные племена, Агрикола разместил в зимних лагерях. А флот, благоприятствуемый погодой и ограждаемый опережавшей его молвой, достиг гавани Трукул, откуда, пройдя вдоль всей этой стороны Британии, благополучно вернулся.

39. Известие о таком положении дел, хотя Агрикола в своем донесении ничего не преувеличил и в его словах не было никакой похвалы, Домициан по своему обыкновению принял с внешним выражением радости, но с досадою в сердце. Ведь ему было известно, что недавно справленный им мнимый триумф над германцами вызвал бесчисленные насмешки,⁶⁰ ибо, приобретя покупкой рабов, он распорядился привести их одежду и волосы в соответствующий вид и выдал за пленников; а теперь — подлинная и решительная победа с истреблением стольких тысяч врагов, так восторженно отмечаемая молвой. Особую опасность для себя он усматривал в том, что имя его подчиненного ставится выше его имени, имени принцепса: стоило ли принуждать к молчанию гражданское красноречие и душисть почетную деятельность на общественном поприще, если другой стяжает себе военную славу, — все остальное так или иначе можно стерпеть, но честь слыть выдающимся полководцем должна принадлежать императору. Тревожимый такими заботами и удовольствовавшись, что было признаком зловещих намерений, вынашиванием в себе этих мыслей, он счел за лучшее приберечь свою ненависть до того времени, когда пойдут на убыль превозносящие Агриколу толки и любовь к нему войска, — ведь тогда тот еще управлял Британией.

40. Итак, Домициан приказал сенату определить Агриколе триумфальные знаки отличия,⁶¹ почетную, увенчанную лавровым венком статую и все, что полагается вместо триумфа, присовокупив к этому пышные словесные восхваления, а также распространить слух, что ему предназначена провинция Сирия, место правителя которой за смертью Атилия Руфа было свободным и сохранялось для кого-нибудь из заслуженных мужей. Многие были убеждены, что посланный к Агриколе вольноотпущенник из числа используемых для особо доверительных поручений получил приказание вручить ему указ о назначении в Сирию, если застанет его в Британии, и что этот вольноотпущенник, встретив корабль Агриколы в проливе между Галлией и Британией и даже не окликнув его, возвратился к Домициану. Не знаю, правда ли это или только правдоподобный, принимая во внимание нрав принцепса, вымысел. Между тем Агрикола передал провинцию, в которой водворились мир и спокойствие, своему преемнику.⁶² И чтобы его прибытие не было отмечено стечением вышедших приветствовать его толп, он, упредив рвение друзей, въехал в Рим ночью и ночью же явился, как было предписано, во дворец; встреченный равнодушным поцелуем и не удостоившись ни единого слова, он замешался в толпу раболепных придворных. Не желая отягощать праздных людей, среди которых он оказался, своей славою военачальника, он постарался смягчить ее добродетелями иного свойства и повел спокойное

и свободное от всяких занятий существование, скромный в образе жизни, любезный в речах, сопровождаемый одним, много двумя друзьями и вообще настолько простой и доступный. что те, у кого в обычае судить о великих мужах в меру их самонадеянности и надменности, увидев Агриколу и присмотревшись к нему, задавались вопросом, чем он достиг знаменитости, и лишь немногие находили этому объяснение.

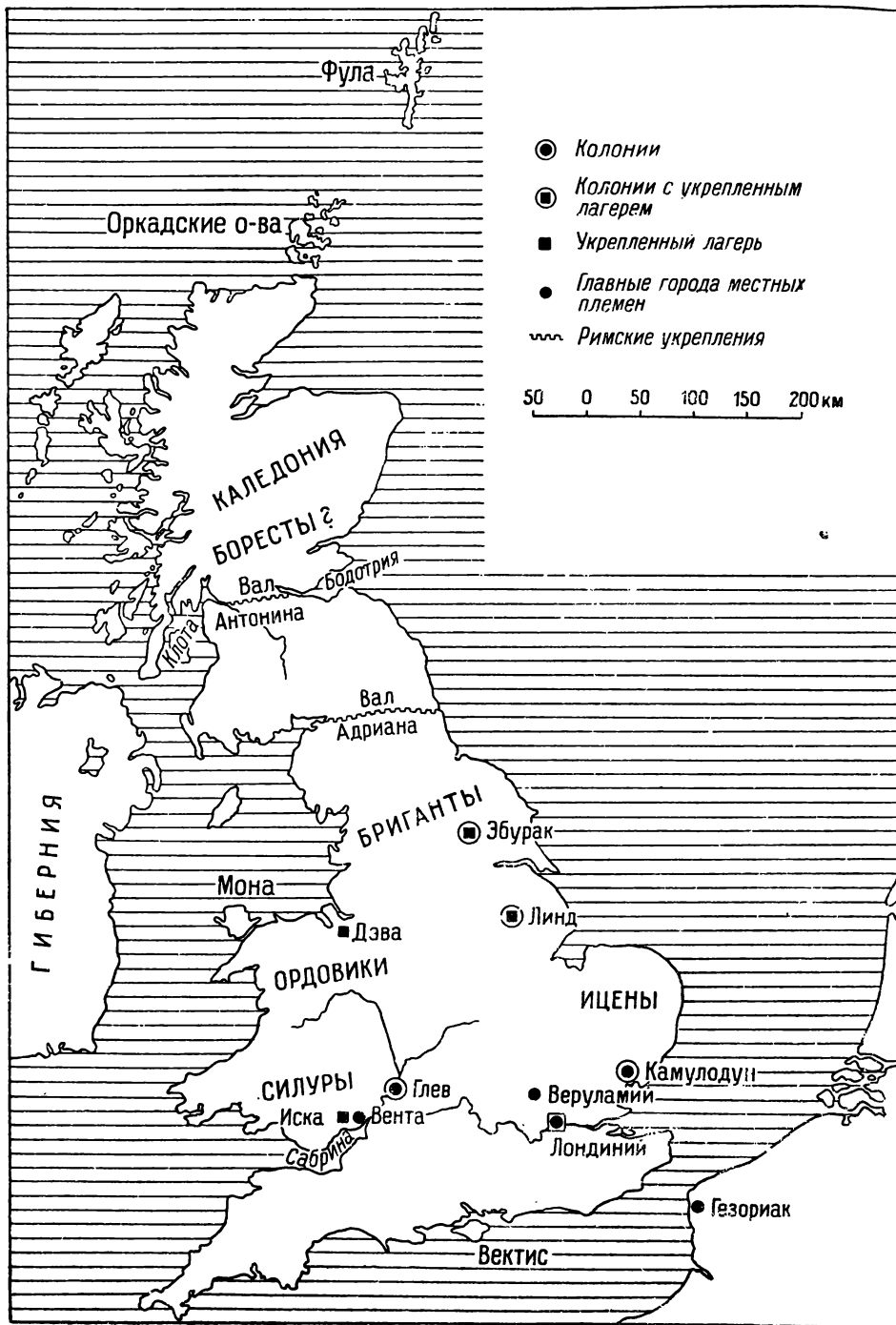
41. В эти дни Агрикола не раз был обвинен заочно перед Домицианом и так же заочно оправдан. И причина нависшей над ним опасности — не какое-нибудь определенное, вменявшееся ему в вину преступление и не жалоба кого-либо, считавшего себя оскорбленным, а сам неприязненно относившийся к какой бы то ни было добродетели принцепс, и полководческая слава Агриколы, и самая зловредная порода врагов — хвалящие. К тому же вскоре последовали такие обстоятельства для государства, которые больше не позволяли обходить молчанием имя Агриколы: столько войск в Мезии и Дакии, в Германии и Паннонии потеряно из-за беспечности или малодушия полководцев, столько военачальников вместе со столькими когортами разгромлено и захвачено в плен; под угрозой не только пограничные укрепления и берега Дуная, но и зимние лагеря наших войск, да и все наши владения в этих краях. И так как мы терпели урон за уроном и всякий год ознаменовывался новыми похоронами и новыми поражениями,⁶³ народная молва стала настойчиво требовать вручения Агриколе верховного начальствования над войском, причем все сравнивали его энергию, твердость и испытанное в стольких войнах мужество с бездеятельностью и трусливостью остальных. Как известно, эти толки раздражали Домициана, ибо лучшие из вольноотпущенников, побуждаемые любовью и преданностью, худшие — злокозненностью и завистью, всячески распалаяли принцепса, и без того склонного ко всему дурному и низменному. Таким образом, слава Агриколы и вследствие собственных его добродетелей, и вследствие присущих другим недостатков возростала и ширилась и тем самым влекла его на край пропасти.

42. И вот настал год, в котором ему предстояло получить по жребию должность проконсула Африки или Азии, но после расправы, недавно учиненной над Цивикой,⁶⁴ ни Агрикола не нуждался в совете соблюдать осторожность, ни Домициан — в примере для устрашения. Но к Агриколе все же явились некоторые из посвященных в замыслы принцепса и без околичностей спросили его, намерен ли он уехать в провинцию. Сначала они говорили намеками, всячески расхваливая покой и досуг, затем обещали ему оказать содействие в удовлетворении его просьбы, буде он откажется от преконсульства, и, наконец, потребовали этого уже не таясь, а настаивая и угрожая, и повлекли его с собой к принцепсу. Тот, заранее готовый к притворству, с надменным и неприступным выражением лица выслушал молившего снизить к его просьбе Агриколу, изъявил согласие и позволил, чтобы за это ему была принесена благодарность, не постыдившись выдать за благодеяние то, чего домогался из ненависти.

Обычно выплачиваемого проконсулам содержания, которое им самим было предоставлено некоторым, он, однако, Агриколе не дал, то ли задетый тем, что тот не добивался его, или, быть может, из опасения, как бы не показалось, что он купил то, чего в действительности не допустил. Человеческой природе свойственно питать ненависть к тем, кому мы нанесли оскорбление: и душа Домициана так же легко распалялась гневом, и чем сдержаннее он был, тем более неумолим, но благоразумная умеренность Агриколы смягчила его, ибо тот не искал славы и не искал судьбы ни непреклонностью, ни выставлением напоказ своей независимости. И да будет ведомо тем, у кого в обычае восторгаться недозволенной дерзостью по отношению к наделенным верховною властью, что и при дурных принцепсах могут существовать выдающиеся мужи и что послушание и скромность, если они сочетаются с трудолюбием и энергией, достойны не меньшей славы, чем та, которую многие снискали решительностью своего поведения и своею впечатляющей, но бесполезной для государства смертью.⁶⁵

43. Кончина Агриколы повергла нас в скорбь, его друзей — в глубокую печаль; огорчила она и посторонних и даже вовсе его не знавших. Простой народ и вечно поглощенные своими заботами занятые люди то и дело собирались у его дома, толковали о нем и в общественных местах, и в тесном кругу; и не было никого, кого бы обрадовало известие о смерти Агриколы или кто бы тотчас забыл про него. Сожаления о нем усиливал и упорно державшийся слух, что его умертвили ядом: не решусь ничего утверждать, поскольку ничто не доказано. Во всяком случае во время последней болезни Агриколы его навещали чаще, чем это принято при дворе, который обычно довольствуется сообщениями посылных, и виднейшие из императорских волноотпущенников и приближенные врачи принцепса, то ли из-за его забот о больном или, может быть, для наблюдения за происходящим с ним и вокруг него. В день смерти Агриколы мельчайшие подробности в состоянии умирающего докладывались императору при посредстве расставленных определенным образом скороходов, и никто не верил, что необходима такая поспешность, чтобы узнать печальную весть. Впрочем, Домициан казался подавленным, и весь его облик выражал душевную горесть — возможно, и искреннюю, ведь того, кого он так ненавидел, не было больше в живых, а возможно, и потому, что он принадлежал к числу тех, кому легче скрывать ликование, нежели страх. Достоверно известно, что, прочитав оставленное Агриколой завещание, в котором он назначил Домициана сонаследником⁶⁶ лучшей из жен и почтительнейшей из дочерей, тот не скрыл своей радости, как если бы был по заслугам отмечен этим знаком признательности покойного. Его душу вконец ослепила и развратила непрерывная лесть, и он оставался в неведении, что хороший отец избирает в сонаследники только дурного принцепса.

44. Родился Агрикола в третье консульство Гая Цезаря, в самые июльские иды; скончался на пятьдесят четвертом году отроду, в десятый

Карта Римской Британии.

день перед сентябрьскими календами, в консульство Коллеги и Присципа.⁶⁷ Что касается его внешности, то, если бы потомки пожелали узнать, какую она была, замечу: скорее приятною, чем внушительной: в его чертах не было ничего властного; его лицо неизменно выражало благожелательность. В нем легко можно было признать хорошего человека и охотно — великого. И, действительно, хотя он был похищен смертью на полпути и в цветущем возрасте, принимая во внимание его славу, он прожил очень долгую жизнь. Ведь по достижении им истинных благ, которые покоятся в добродетелях, а также консульских и триумфальных отличий чем еще могла бы его одарить судьба? Чрезмерными богатствами он не обладал, но состояние его все же было весьма значительным. И так как жена и дочь пережили его, он может быть сочтен даже счастливым: ведь он избежал неотвратимых в будущем бедствий, уйдя с ничем не омраченным достоинством, в сиянии славы, при благополучно здравствующих родичах и друзьях. И раз ему не дано было дожить до зари, возвестившей наш счастливейший век, и увидеть Траяна принцепсом,⁶⁸ что он в нашем присутствии пророчески предвещал и чего хотел всей душою, грустным утешением в его безвременной смерти может быть то, что ему не пришлось изведать бедствий уже после него наступившего времени, когда Домициан уже не с роздыхами и передышками, а с ослабленною силой и как бы не разжимая рук принялся душить Римское государство.

45. Не увидел Агрикола ни осады курии,⁶⁹ ни того, как силой оружия был разогнан сенат, ни учиненных при том же погроме умерщвлений стольких сенаторов, ни изгнания и ссылки стольких женщин из знатнейших родов. При его жизни о Каре Меттии можно было судить лишь по одной одержанной им победе, и еще за стенами альбанской твердыни⁷⁰ выкрикивал свои приговоры Мессалин, и уже тогда было предъявлено обвинение Бебию Массе. Но затем нашими собственными руками мы отвели в темницу Гельвидия; нас потряс вид Маврика и Рустика,⁷¹ нас обрызгала невинная кровь Сенециона.⁷² Нерон по крайней мере отводил глаза в сторону, и лишь после этого приказывал творить преступления, и не смотрел, как они совершаются; но в правление Домициана злейшее из наших мучений заключалось в том, что мы видели его и были у него на виду, что любой наш вздох отмечался и записывался, что для того чтобы указать своим приспешникам на стольких побледневших людей, было достаточно его хорошо известного свирепого взгляда и заливавшей его лицо краски, которую он отгораживался от укоров совести.

Ты истинно счастливцев, Агрикола, и не только потому, что прожил славную жизнь, но и потому, что вовремя умер. Как передают слышавшие последние произнесенные тобой слова, ты с твердостью и готовностью подчинился велению рока и как бы старался в меру сил подчеркнуть, что принцепс в смерти твоей не повинен. Но меня и его дочь, при всей нашей скорби из-за потери отца, охватывает еще и горькое сожаление

ние, что нам не пришлось находиться при нем во время его болезни, окружать нашим вниманием умирающего, запечатлеть в себе его образ, обнять его напоследок. Мы, разумеется, знаем, в чем состояли его напутствия и каковы были сказанные им перед кончиною слова, и все они глубоко запали нам в душу. Но наша печаль, наша сердечная рана в том, что из-за нашего длительного отсутствия он был потерян нами за четыре года до этого.⁷³ Без сомнения, о лучший из отцов, тебе были оказаны все полагающиеся погребальные почести, ибо возле тебя пребывала бесконечно любящая и преданная жена, но из-за того, что нас не было, на твоих похоронах было пролито меньше слез, и, когда ты в последнее мгновение обвел взглядом присутствующих, твои глаза тщетно кого-то искали и не нашли.

46. Если манам⁷⁴ праведных уготовано особое обиталище, если, как утверждают философы, великие души не распадаются вместе с телами, покойся в мире и призови нас и своих близких от бесплодной тоски и женских жалоб к созерцанию твоих добродетелей, скорбеть о которых и оплакивать которые — святотатство. И мы почтим тебя, что гораздо пристойнее, восхищением нашим и неиссякающими хвалами и постараемся стать похожими на тебя, если только нас хватит на это; в этом — неподдельное почитание, в этом — благоговение тех, кто теснее всего связан с тобою. Я хотел бы внушить твоей дочери и твоей супруге такое преклонение пред памятью отца, пред памятью мужа, чтобы они постоянно перебирали в уме все его дела и слова и лелеяли в себе в большей мере воспоминание об облике и чертах его духа, нежели тела, и не потому, что я считаю необходимым устранить изваянные из мрамора или меди изображения, но потому, что как лица живых людей, так и воспроизведения этих лиц хрупки и преходящи, тогда как облик души вечен; сохранить и выразить его нельзя в другом веществе и средствами другого искусства, чем собственными его природе, и единственный способ достигнуть этого — воссоздать в себе те же нравы. Все, что мы любили в Агриколе, чем восхищались в нем, остается и останется в душах людей, в вечном круговращении времени, в славе его деяний; многих выдающихся мужей древности поглотило забвение, как если бы они были бесславными и неизвестными; но Агрикола, чей образ обрисован и запечатлен для потомства, пребудет всегда живым.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЕРМАНЦЕВ И МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ГЕРМАНИИ

1. Германия отделена от галлов, ретов и паннонцев реками Рейном и Дунаем, от сарматов и даков — обоюдною боязнью и герами;¹ все прочие ее части охватывает Океан,² омывающий обширные выступы суши и огромной протяженности острова³ с некоторыми, недавно узванными нами

народами и царями, которых нам открыла война.⁴ Рейн берет начало на неприступном и крутом кряже Ретийских Альп и, отклонившись на небольшое расстояние к Западу, впадает в Северный Океан.⁵ Дунай, изливаясь с отлогой и постепенно повышающейся горной цепи Абнобы, протекает по землям многих народов, пока не прорывается шестью рукавами в Понтийское море; ⁶ седьмой проток поглощается топиями.

2. Что касается германцев, то я склонен считать их исконными жителями этой страны, лишь в самой ничтожной мере смешавшимися с прибывшими к ним другими народами и теми переселенцами, которым они оказали гостеприимство, ибо в былое время старавшиеся сменить места обитания передвигались не сухим путем, но на судах, а безбрежный и к тому же, я бы сказал, исполненный враждебности Океан редко посещается кораблями из нашего мира. Да и кто, не говоря уже об опасности плавания по грозному и неизвестному морю, покинув Азию, или Африку, или Италию, стал бы устремляться в Германию с ее неприютной землей и суровым небом, безрадостную для обитания и для взора, кроме тех, кому она родина? ⁷

В древних песнопениях, — а германцам известен только один этот вид повествования о былом и только такие анналы,⁸ — они славят порожденного землей бога Туистона. Его сын Манн — прародитель и праотец их народа; Манну они приписывают трех сыновей, по именам которых обитающие близ Океана прозываются ингевонами, посередине — гермионами, все прочие — истевонами.⁹ Но поскольку старина всегда доставляет простор для всяческих домыслов, некоторые утверждают, что у бога было большее число сыновей, откуда и большее число наименований народов, каковы марсы, гамбрийи, свебы, вандилии, и что эти имена подлинные и древние. Напротив, слово Германия — новое и недавно вошедшее в обиход, ибо те, кто первыми переправились через Рейн и прогнали галлов, ныне известные под именем тунгров, тогда прозывались германцами. Таким образом, наименование племени постепенно возобладало и распространилось на весь народ; вначале все из страха обозначали его по имени победителей, а затем, после того как это название укоренилось, он и сам стал называть себя германцами.

3. Говорят, что Геркулес ¹⁰ побывал и у них, и собираясь сразиться, они славят его как мужа, с которым никому не сравняться в отваге. Есть у них и такие заклятия, возглашением которых, называемым ими «бардит»,¹¹ они распаляют боевой пыл, и по его звучанию судят о том, каков будет исход предстоящей битвы; ведь они устрашают врага или, напротив, сами трепещут пред ним, смотря по тому, как звучит песнь их войска, причем принимают в расчет не столько голоса воинов, сколько показали ли они себя единокорными в доблести. Стремятся же они больше всего к резкости звука и к попеременному нарастанию и затуханию гула и при этом ко ртам приближают щиты, дабы голоса, отразившись от них, набирались силы и обрели полную звучность и мощь. Иные счи-

тают также, что, занесенный в этот Океан во время своего знаменитого, долгого и баснословного странствия, посетил земли Германии и Одиссей и что расположенный на берегу Рейна и донныне обитаемый город Ассибургий был основан и наречен им же; ведь некогда в этом месте обнаружили посвященный Одиссеею алтарь и на нем, кроме того, имя Лаэрта, его отца; да и некоторые памятники и могилы с начертанными на них греческими письменами¹² и посейчас существуют на границах Германии с Рецией. Я не собираюсь ни подкреплять доказательствами это суждение, ни утверждать обратное. Пусть каждый в меру своего разума примет его на веру или отвергнет.

4. Сам я присоединяюсь к мнению тех, кто полагает, что населяющие Германию племена, никогда не подвергавшиеся смешению через браки с какими-либо иноплеменниками, искони составляют особый, сохранивший изначальную чистоту и лишь на себя самого похожий народ. Отсюда, несмотря на такое число людей, всем им присущ тот же облик: жесткие голубые глаза, русые волосы, рослые тела, способные только к кратковременному усилию; вместе с тем им не хватает терпения, чтобы упорно и напряженно трудиться, и они совсем не выносят жажды и зноя, тогда как непогода и почва приучили их легко претерпевать холод и голод.¹³

5. Хотя страна кое-где и различается с виду, все же в целом она ужасает и отвращает своими лесами и топиями; наиболее влажная она с той стороны, где смотрит на Галлию, и наиболее открыта для ветров там, где обращена к Норик и Паннонии; в общем достаточно плодородная, она непригодна для плодовых деревьев; мелкого скота в ней великое множество, но по большей части он малорослый. Да и быки лишены обычно венчающего их головы горделивого украшения, но германцы радуются обилию своих стад, и они — единственное и самое любимое их достояние. В золоте и серебре боги им отказали,¹⁴ не знаю, из благосклонности к ним или во гневе на них. Однако я не решусь утверждать, что в Германии не существует ни одной золотоносной или сереброносной жилы; ведь кто там их разыскивал? Германцы столь же мало заботятся об обладании золотом и серебром, как и об употреблении их в своем обиходе. У них можно увидеть полученные в дар их послами и вождями серебряные сосуды, но дорожат они ими не больше, чем вылепленными из глины; впрочем, ближайšie к нам знают цену золоту и серебру из-за применения их в торговле и разбираются в некоторых наших монетах, отдавая иным из них предпочтение; что касается обитателей внутренних областей, то, живя в простоте и на старом ладе, они ограничиваются меновой торговлей. Германцы принимают в уплату лишь известные с давних пор деньги старинной чеканки, те, что с зазубренными краями, и такие, на которых изображена колесница с парной упряжкой.¹⁵ Серебро они берут гораздо охотнее, нежели золото, но не из-за того, что питают к нему пристрастие, а потому, что покупающим простой и дешевый товар легче и удобнее рассчитываться серебряными монетами.

6. Да и железо, судя по изготавливаемому ими оружию, у них не в избытке. Редко кто пользуется мечами и пиками большого размера; они имеют при себе копья, или, как сами называют их на своем языке, фрамей, с узкими и короткими наконечниками, однако настолько острыми и удобными в бою, что тем же оружием, в зависимости от обстоятельств, они сражаются как издали, так и в рукопашной схватке. И всадник также довольствуется щитом и фрамеей, тогда как пешие, кроме того, мечут дротики, которых у каждого несколько, и они бросают их поразительно далеко, совсем нагие или прикрытые только легким плащом. У них не заметно ни малейшего стремления щегольнуть убранством, и только щиты они расписывают яркими красками. Лишь у немногих панцири, только у одного-другого металлический или кожаный шлем. Их кони не отличаются ни красотой, ни резвостью. И их не обучают делать повороты в любую сторону, как это принято у нас: их гонят либо прямо вперед, либо с уклоном вправо, образуя настолько замкнутый круг, чтобы ни один всадник не оказался последним.¹⁶ И вообще говоря, их сила больше в пехоте; по этой причине они и сражаются вперемешку; пешие, которых они для этого отбирают из всего войска и ставят впереди боевого порядка, так стремительны и подвижны, что не уступают в быстроте всадникам и действуют сообща с ними в конном сражении. Установлена и численность этих пеших: от каждого округа по сотне; этим словом они между собою и называют их, и то, что ранее было численным обозначением, ныне — почетное наименование. Боевой порядок они строят клиньями. Податься назад, чтобы затем снова броситься на врага, — считается у них воинскою сметливостью, а не следствием страха. Тела своих они уносят с собою, даже потерпев поражение. Бросить щит — величайший позор, и подвергшемуся такому бесчестию возбраняется присутствовать на священнодействиях и появляться в народном собрании, и многие, сохранив жизнь в войнах, покончили со своим бесславием, накинув на себя петлю.

7. Царей¹⁷ они выбирают из наиболее знатных, вождей — из наиболее доблестных. Но и цари не обладают у них безграничным и безраздельным могуществом, и вожди начальствуют над ними, скорее увлекая примером и вызывая их восхищение, если они решительны, если выдаются достоинствами, если сражаются всегда впереди, чем наделенные подлинной властью. Впрочем, ни карать смертью, ни налагать оковы, ни даже подвергать бичеванию не дозволено никому, кроме жрецов, да и они делают это как бы не в наказание и не по распоряжению вождя, а якобы по повелению бога, который, как они верят, присутствует среди сражающихся. И они берут с собой в битву некоторые извлеченные из священных роц изображения и святыни;¹⁸ но больше всего побуждает их к храбрости то, что конные отряды и боевые клинья составляют у них не по прихоти обстоятельств и не представляют собою случайных скопищ, но состоят из связанных семейными узами и кровным родством; к тому же

их близкие находятся рядом с ними, так что им слышны вопли женщин и плач младенцев, и для каждого эти свидетели — самое святое, что у него есть, и их похвала дороже всякой другой; к матерям, к женам несут они свои раны, и те не страшатся считать и осматривать их, и они же доставляют им, дерущимся с неприятелем, пищу и ободрение.

8. Как рассказывают, неоднократно бывало, что их уже дрогнувшему и пришедшему в смятение войску не давали рассеяться женщины, неотступно молившие, ударяя себя в обнаженную грудь, не обречь их на плен, мысль о котором, сколь бы его ни страшились для себя войны, для германцев еще нестерпимее, когда дело идет об их женах.¹⁹ Вот почему прочнее всего удерживаются в повиновении племена, которым было предъявлено требование выдать в числе заложников также девушек знатного происхождения. Ведь германцы считают, что в женщинах есть нечто священное и что им присущ пророческий дар, и они не оставляют без внимания подаваемые ими советы и не пренебрегают их прорицаниями.²⁰ В правление божественного Веспасиана мы видели среди них Веледу, долгое время почитавшуюся большинством как божество; да и в древности они поклонялись Альбруне и многим другим, и отнюдь не из лести и не для того, чтобы впоследствии сделать из них богинь.²¹

9. Из богов они больше всего чтят Меркурия и считают должным приносить ему по известным дням в жертву также людей. Геркулеса и Марса они умилоствуют заклятиями обрекаемых им в жертву животных.²² Часть свевов совершает жертвоприношения и Изиде; в чем причина и каково происхождение этого чужестранного священнодействия, я не мог в достаточной мере выяснить, но, поскольку их святыня изображена в виде либурны, этот культ, надо полагать, завезен к ним извне.²³ Впрочем, они находят, что вследствие величия небожителей богов невозможно ни заключить внутри стен, ни придать им какие-либо черты сходства с человеческим обликом. И они посвящают им дубравы и рощи и нарекают их именами богов; и эти святилища отмечены только их благочестием.

10. Нет никого, кто был бы проникнут такою же верою в приметы и гадания с помощью жребия, как они. Вынимают же они жребий безо всяких затей. Срубленную с плодового дерева²⁴ ветку они нарезают плашками и, нанеся на них особые знаки,²⁵ высыпают затем, как придется, на белоснежную ткань. После этого, если гадание производится в общественных целях, жрец племени, если частным образом, — глава семьи, вознося молитвы богам и устремив взор в небо, трижды вынимает по одной плашке и толкует предрекаемое в соответствии с выскобленными на них заранее знаками. Если оно сулит неудачу, повторный запрос о том же предмете в течение этого дня возбраняется, если, напротив, благоприятно, необходимо, чтобы предреченное, сверх того, было подтверждено и птицегаданием.²⁶ Ведь и здесь также принято отыскивать предвещения по голосам и полету птиц; но лишь у германцев в обыкновении обращаться за предсказаниями и знаменами также к коням.²⁷ Принадлежит всему пле-

мени, они выращиваются в тех же священных дубравах и рощах, ослепительно белые и не понуждаемые к каким-либо работам земного свойства; запряженных в священную колесницу, их сопровождают жрец с царем или вождем племени и наблюдают за их ржаньем и фырканием. И никакому предзнаменованию нет большей веры, чем этому, и не только у простого народа, но и между знатными и между жрецами, которые считают себя служителями, а коней — посредниками богов. Существует у них и другой способ изыскивать для себя знамения, к которому они прибегают, когда хотят предузнать исход тяжелой войны. В этом случае они stalkивают в единоборстве захваченного ими в любых обстоятельствах пленника из числа тех, с кем ведется война, с каким-нибудь избранным ради этого соплеменником, и те сражаются, каждый применяя отечественное оружие. Победа того или иного воспринимается ими как предуказание будущего.

11. О делах, менее важных, совещаются их старейшины, о более значительных — все; впрочем, старейшины заранее обсуждают и такие дела, решение которых принадлежит только народу. Если не происходит чего-либо случайного и внезапного, они собираются в определенные дни, или когда луна только что родилась, или в полнолуние, ибо считают эту пору наиболее благоприятствующей началу рассмотрения дел.²⁸ Счет времени они ведут не на дни, как мы, а на ночи.²⁹ Таким обозначением сроков они пользуются, принимая постановления и вступая в договоры друг с другом; им представляется, будто ночь приводит за собой день. Но из их свободы проистекает существенная помеха, состоящая в том, что они сходятся не все вместе и не так, как те, кто повинуется приказанию, и из-за медлительности, с какою они прибывают, попусту тратится день, другой, а порою и третий. Когда толпа сочтет, что пора начинать, они рассказываются вооруженными.³⁰ Жрецы велят им соблюдать тишину, располагая при этом правом наказывать непокорных. Затем выслушиваются царь и старейшины в зависимости от их возраста, в зависимости от знатности, в зависимости от боевой славы, в зависимости от красноречия, больше воздействуя убеждением, чем располагая властью приказывать. Если их предложения не встречают сочувствия, участники собрания шумно их отвергают; если, напротив, нравятся, — раскачивают поднятые вверх фреймы: ведь воздать похвалу оружием, на их взгляд, — самый почетный вид одобрения.³¹

12. На таком народном собрании можно также предъявить обвинение и потребовать осуждения на смертную казнь. Суровость наказания определяется тяжестью преступления: предателей и перебежчиков они вешают на деревьях, трусов и оплошавших в бою, а также обесчестивших свое тело — топят в грязи и болоте, забрасывая поверх валежником.³² Различие в способах умерщвления основывается на том, что злодеяния и кару за них должно, по их мнению, выставлять напоказ, а позорные поступки — скрывать. Но и при более легких проступках наказание сораз-

мерно их важности: с избыточных взыскивается определенное количество лошадей и овец. Часть наложенной на них пени передается царю или племени, часть — пострадавшему или его родичам. На тех же собраниях также избирают старейшин, отправляющих правосудие в округах и селениях; каждому из них дается охрана численностью в сто человек из простого народа — одновременно и состоящий при них совет, и сила, на которую они опираются.³³

13. Любые дела — и частные, и общественные — они рассматривают не иначе как вооруженные. Но никто не осмеливается, наперекор обычаю, носить оружие, пока не будет признан общиной созревшим для этого. Тогда тут же в народном собрании кто-нибудь из старейшин, или отец, или родичи вручают юноше щит и фреамю: это — их тога,³⁴ это первая доступная юности почесть; до этого в них видят частицу семьи, после этого — племени. Выдающаяся знатность и значительные заслуги предков даже еще совсем юным доставляют достоинство вождя; все прочие собираются возле отличающихся телесною силой и уже проявивших себя на деле, и никому не зазорно состоять их дружинниками. Впрочем, внутри дружины, по усмотрению того, кому она подчиняется, устанавливаются различия в положении; и если дружинники упорно соревнуются между собой, добиваясь преимущественного благоволения вождя, то вожди — стремясь, чтобы их дружина была наиболее многочисленной и самой отважною.³⁵ Их величие, их могущество в том, чтобы быть всегда окруженными большой толпой отборных юношей, в мирное время — их гордостью, на войне — опорой. Чья дружина выделяется численностью и доблестью, тому это приносит известность, и он прославляется не только у себя в племени, но и у соседних народов; его домогаются, направляя к нему посольства и осыпая дарами, и молва о нем чаще всего сама по себе предотвращает войны.

14. Но если дело дошло до схватки, постыдно вождю уступать кому-либо в доблести, постыдно дружине не уподобляться доблестью своему вождю. А выйти живым из боя, в котором пал вождь, — бесчестье и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать, совершать доблестные деяния, помышляя только о его славе, — первейшая их обязанность: вожди сражаются ради победы, дружинники — за своего вождя. Если община, в которой они родились, закосневает в длительном мире и праздности, множество знатных юношей отправляется к племенам, вовлеченным в какую-нибудь войну, и потому, что покой этому народу не по душе, и так как среди превратностей битв им легче прославиться, да и содержать большую дружину можно не иначе, как только насилием и войной; ведь от щедрости своего вождя они требуют боевого коня, той же жаждущей крови и победоносной фреамей; что же касается пропитания и хоть простого, но обильного угощения на пирах, то они у них вместо жалованья. Возможности для подобного расточительства доставляют им лишь войны и грабежи. И гораздо труднее убедить их распахать поле и ждать целый

год урожая, чем склонить сразиться с врагом и претерпеть раны; больше того, по их представлениям, потом добывать то, что может быть приобретено кровью, — лень и малодушие.

15. Когда они не ведут войн,³⁶ то много охотятся, а еще больше проводят время в полнейшей праздности, предаваясь сну и чревоугодию, и самые храбрые и воинственные из них, не неся никаких обязанностей, препоручают заботы о жилище, домашнем хозяйстве и пашне женщинам, старикам и наиболее слабосильным из домочадцев, тогда как сами погревают в бездействии, на своем примере показывая поразительную противоречивость природы, ибо те же люди так любят безделье и так ненавидят покой. У их общин существует обычай, чтобы каждый добровольно уделял вождям кое-что от своего скота и плодов земных, и это, принимаемое теми как дань уважения, служит также для удовлетворения их нужд. Особенно радуют их дары от соседних племен, присылаемые не только отдельными лицами, но и от имени всего племени,³⁷ каковы отборные кони, великолепно отделанное оружие, фалеры и почетные ожерелья;³⁸ а теперь мы научили их принимать и деньги.

16. Хорошо известно, что народы Германии не живут в городах и даже не терпят, чтобы их жилища примыкали вплотную друг к другу. Селятся же германцы каждый отдельно и сам по себе, где кому приглянулись родник, поляна или дубрава. Свои деревни они размещают не так, как мы, и не скучивают теснящиеся и лепящиеся одно к другому строения, но каждый оставляет вокруг своего дома обширный участок, то ли, чтобы обезопасить себя от пожара, если загорится сосед, то ли из-за неумения строить. Строят же они, не употребляя ни камня, ни черепицы; все, что им нужно, они сооружают из дерева, почти не отделывая его и не заботясь о внешнем виде строения и о том, чтобы на него приятно было смотреть.³⁹ Впрочем, кое-какие места на нем они с большой тщательностью обмазывают землей, такой чистой и блестящей,⁴⁰ что создается впечатление, будто оно расписано цветными узорами. У них принято также устраивать подземные ямы, поверх которых они наваливают много навоза и которые служат им убежищем на зиму и для хранения съестных припасов, ибо погреба этого рода смягчают суровость стужи, и, кроме того, если вторгается враг, все неприбранное в тайник подвергается разграблению, тогда как о припрятанном и укрытом под землей он или остается в неведении или не добирается до него, хотя бы уже потому, что его нужно разыскивать.

17. Верхняя одежда у всех — короткий плащ, застегнутый пряжкой, а если ее нет, то шипом. Ничем другим не прикрытые, они проводят целые дни у разожженного в очаге огня. Наиболее богатые отличаются тем, что, помимо плаща, на них есть и другая одежда, но не развевающаяся, как у сарматов или парфян, а узкая и плотно облегающая тело. Носят они и шкуры диких зверей, те, что обитают у берегов реки,⁴¹ — какие придется, те, что вдалеке от них, — с выбором, поскольку у них нет достав-

ляемой торговлей одежды. Последние убивают зверей с разбором и по снятии шерсти нашивают на кожи куски меха животных, порождаемых внешним Океаном или неведомым морем.⁴² Одежда у женщин не иная, чем у мужчин, разве что женщины чаще облачаются в льняные накидки, которые они расцвечивают пурпурною краской, и с плеч у них не спускаются рукава, так что их руки обнажены сверху донизу, как открыта и часть груди возле них.⁴³

18. Тем не менее браки у них соблюдаются в строгости, и ни одна сторона их нравов не заслуживает такой похвалы, как эта. Ведь они почти единственные из варваров довольствуются, за очень немногими исключениями, одною женой, а если кто и имеет по несколько жен, то его побуждает к этому не любострастие, а занимаемое им видное положение.⁴⁴ Приданое предлагает не жена мужу, а муж жене.⁴⁵ При этом присутствуют ее родственники и близкие и осматривают его подарки; и недопустимо, чтобы эти подарки состояли из женских украшений и уборов для новобрачной, но то должны быть быки, взнузданный конь и щит с фремей и мечом. За эти подарки он получает жену, да и она взамен отдаривает мужа каким-либо оружием; в их глазах это наиболее прочные узы, это — священные таинства, это — боги супружества. И чтобы женщина не считала себя непричастной к помыслам о доблестных подвигах, непричастной к превратностям войн, все, знаменующее собою ее вступление в брак, напоминает о том, что отныне она призвана разделять труды и опасности мужа и в мирное время и в битве, претерпевать то же и отваживаться на то же, что он; это возвещает ей запряжка быков, это — конь наготове, это — врученное ей оружие. Так подобает жить, так подобает погибнуть; она получает то, что в целости и сохранности отдаст сыновьям, что впоследствии получат ее невестки и что будет отдано, в свою очередь, ее внукам.

19. Так ограждается их целомудрие, и они живут, не зная порождаемых зрелищами соблазнов, не развращаемые обольщениями пиров.⁴⁶ Тайна письма равно неведома и мужчинам, и женщинам. У столь многочисленного народа прелюбодеяния крайне редки; наказывать их дозволяется незамедлительно и самим мужьям: обрезав изменнице волосы и раздев донага, муж в присутствии родственников выбрасывает ее из своего дома и, настегивая бичом, гонит по всей деревне; и сколь бы красивой, молодой и богатой она ни была, ей больше не найти нового мужа. Ибо пороки там ни для кого не смешны, и развращать и быть развращаемым не называется у них — идти в нсгу с веком. Но еще лучше обстоит с этим у тех племен, где берут замуж лишь девственниц и где, дав обет супружеской верности, они окончательно утрачивают надежду на возможность повторного вступления в брак.⁴⁷ Так они обретают мужа, одного навеки, как одно у них тело и одна жизнь, дабы впредь они не думали ни о ком, кроме него, дабы вождедели только к нему, дабы любили в нем не столько мужа, сколько супружество. Ограничивать число детей или умерщвлять

кого-либо из родившихся после смерти отца считается среди них постыдным,⁴⁸ и добрые нравы имеют там бóльшую силу, чем хорошие законы где-либо в другом месте.⁴⁹

20. В любом доме растут они голые и грязные, а вырастают с таким телосложением и таким станом, которые приводят нас в изумление. Мать сама выкармливает грудью рожденных ею детей, и их не отдают на попечение служанкам и кормилицам.⁵⁰ Господа воспитываются в такой же простоте, как рабы, и долгие годы в этом отношении между ними нет никакого различия: они живут среди тех же домашних животных, на той же земле, пока возраст не отделит свободнорожденных, пока их доблесть не получит признания. Юноши поздно познают женщин, и от этого их мужская сила сохраняется неистраченной; не торопятся они отдать за муж и девушек, и у них та же юная свежесть, похожий рост.⁵¹ И сочетаются они браком столь же крепкие и столь же здоровые, как их мужья, и сила родителей передается детям.⁵² К сыновьям сестер они относятся не иначе, чем к своим собственным.⁵³ Больше того, некоторые считают такие кровные узы и более священными, и более тесными и предпочитают брать заложниками племянников, находя, что в этом случае воля сковывается более прочными обязательствами и они охватывают более широкий круг родичей. Однако наследниками и преемниками умершего могут быть лишь его дети; завещания у них неизвестны. Если он не оставил после себя детей, то его имущество переходит во владение тех, кто по степени родства ему ближе всего — к братьям, к дядьям по отцу, дядьям по матери. И чем больше родственников, чем обильнее свойственники, тем бóльшим вниманием окружена старость; а бездетность у них совсем не в чести.⁵⁴

21. Разделять ненависть отца и сородичей к их врагам и приязнь к тем, с кем они в дружбе, — непреложное правило; впрочем, они не закосневают в непримиримости; ведь даже человекоубийство у них искупается определенным количеством быков и овец, и возмещение за него получает весь род, что идет на пользу и всей общине, так как при безграничной свободе междоусобия особенно пагубны.

Не существует другого народа, который с такой же охотою затевал бы пирушки и был бы столь же гостеприимен. Отказать кому-нибудь в крове, на их взгляд, — нечестие, и каждый старается попотчевать гостя в меру своего достатка. А когда всем его припасам приходит конец, тот, кто только что был хозяином, указывает, где им окажут радушный прием, и вместе со своим гостем направляется к ближайшему дому, куда они и заходят без приглашения. Но это несущественно: их обоих принимают с одинаковою сердечностью.⁵⁵ Подчиняясь законам гостеприимства, никто не делает различия между знакомым и незнакомым. Если кто, уходя, попросит приглянувшуюся ему вещь, ее, по обычаю, тотчас же вручают ему. Впрочем, с такою же легкостью дозволяется попросить что-нибудь взамен отданного. Они радуются подаркам; не считая своим должником

того, кого одарили, они и себя не считают обязанными за то, что ими получено.

22. Встав ото сна, который у них обычно затягивается до позднего утра, они умываются,⁵⁶ чаще всего теплой водою, как те, у кого большую часть года занимает зима. Умывшись, они принимают пищу; у каждого свое отдельное место и свой собственный стол.⁵⁷ Затем они отправляются по делам и не менее часто на пиршества,⁵⁸ и притом всегда вооруженные. Беспробудно пить день и ночь ни для кого не постыдно. Частые ссоры, неизбежные среди предающихся пьянству, редко когда ограничиваются словесною перебранкой и чаще всего завершаются смертоубийством или нанесением ран. Но по большей части на пиршествах они толкуют и о примирении враждующих между собою, о заключении браков, о выдвигании вождей, наконец о мире и о войне, полагая, что ни в какое другое время душа не бывает столь же расположена к откровенности и никогда так не воспламеняется для помыслов о великом. Эти люди, от природы не хитрые и не коварные,⁵⁹ в непринужденной обстановке подобного сборища открывают то, что доселе таили в глубине сердца. Таким образом, мысли и побуждения всех обнажаются и предстают без прикрас и покровов. На следующий день возобновляется обсуждение тех же вопросов, и то, что они в два приема занимают ими, покоится на разумном основании: они обсуждают их, когда неспособны к притворству, и принимают решения, когда ничто не препятствует их здравомыслию.

23. Их напиток — ячменный или пшеничный отвар, превращенный посредством брожения в некое подобие вина;⁶⁰ живущие близ реки покупают и вино. Пища у них простая: дикорастущие плоды, свежая дичина, свернувшееся молоко, и насыщаются они ею безо всяких затей и приправ. Что касается утоления жажды, то в этом они не отличаются такой же умеренностью. Потворствуя их страсти к бражничанью и доставляя им столько хмельного, сколько они пожелают, сломить их пороками было бы не трудней, чем оружием.

24. Вид зрелищ у них единственный и на любом сборище тот же: обнаженные юноши, для которых это не более как забава, носятся и прыгают среди врытых в землю мечей и смертоносных фреамей. Упражнение породило в них ловкость, ловкость — непринужденность, но добивались они их не ради наживы и не за плату; вознаграждение за легкость их пляски, сколь бы смелой и опасной она ни была, — удовольствие зрителей. Играют германцы и в кости, и, что поразительно, будучи трезвыми и смотря на это занятие как на важное дело, причем с таким увлечением и при выигрыше, и при проигрыше, что, потеряв все свое достояние и бросая в последний раз кости, назначают ставкою свою свободу и свое тело. Проигравший добровольно отдает себя в рабство и, сколь бы моложе и сильнее выигравшего он ни был, безропотно позволяет связать себя и выставить на продажу. Такова их стойкость в превратностях этого рода, тогда как ими самими она именуется честностью. Рабов, приобре-

тенных таким образом, стараются сбыть, продавая на сторону; поступают же они так и для того, чтобы снять с себя сопряженное с подобной победой бесчестье.

25. Рабов они используют, впрочем, не так, как мы: они не держат их при себе и не распределяют между ними обязанностей; каждый из них самостоятельно распоряжается на своем участке и у себя в семье. Господин облагает его, как если б он был колоном,⁶¹ установленной мерой зерна, или овец и свиней, или одежды, и только в этом состоят отправляемые рабом повинности. Остальные работы в хозяйстве господина выполняются его женой и детьми. Высечь раба или наказать его наложением оков и принудительной работой — такое у них случается редко; а вот убить его — дело обычное, но расправляются они с ним не ради поддержания дисциплины и не из жестокости, а сгоряча, в пылу гнева, как с врагом, с той только разницей, что это сходит им безнаказанно.⁶² Вольноотпущенники по своему положению не намного выше рабов; редко, когда они располагают весом в доме патрона, никогда — в общине,⁶³ если не считать тех народов, которыми правят цари. Там вольноотпущенники возвышаются и над свободнорожденными, и над знатными; а у всех прочих приниженность вольноотпущенников — признак народоправства.

26. Ростовщичество и извлечение из него выгоды им неизвестно, и это оберегает их от него надежнее, чем если бы оно воспрещалось.⁶⁴ Земли для обработки они поочередно занимают всю общиной по числу земледельцев, а затем делят их между собою смотря по достоинству каждого; раздел полей облегчается обилием свободных пространств. И хотя они ежегодно сменяют пашню, у них всегда остается излишек полей. И они не прилагают усилий, чтобы умножить трудом плодородие почвы и возместить таким образом недостаток в земле, не сажают плодовых деревьев, не огораживают лугов, не поливают огороды. От земли они ждут только урожая хлебов.⁶⁵ И по этой причине они делят год менее дробно, чем мы: ими различаются зима, и весна, и лето, и они имеют свои наименования, а вот название осени и ее плоды им неизвестны.⁶⁶

27. Похороны у них лишены всякой пышности; единственное, что они соблюдают, это — чтобы при сожжении тел знаменитых мужей употреблялись определенные породы деревьев. В пламя костра они не бросают ни одежды, ни благовоний; вместе с умершим предается огню только его оружие, иногда также и его конь. Могилу они обкладывают дерном. У них не принято воздавать умершим почет сооружением тщательно отделанных и громоздких надгробий, так как, по их представлениям, они слишком тяжелы для покойников. Стенаний и слез они не затягивают, скорбь и грусть сохраняют надолго. Женщинам приличествует оплакивать, мужчинам — помнить.⁶⁷

Вот что нам удалось узнать о происхождении и нравах германцев в целом; а теперь я поведаю рассказ об учреждениях и обычаях отдельных на-

родностей и о том, насколько они между собой различаются и какие племена переселились из Германии в Галлию.

28. О том, что галлы некогда были несравненно сильнее, сообщает самый сведущий в этом писатель — божественный Юлий;⁶⁸ отсюда вполне вероятно, что часть галлов перешла в Германию. Могло ли столь незначительное препятствие, как река,⁶⁹ помешать любому окрепшему племени захватывать и менять места обитания, никем доголе не занятые и еще не поделенные между могущественными властителями? Таким образом, между Герцинским лесом и реками Рейном и Меном⁷⁰ осели гельветы, еще дальше — бойи, причем оба племени — галлы. До сих пор эта область носит название Бойгем, и в нем сохраняется память о ее давнем прошлом, хотя обитают в ней ныне совсем другие.⁷¹ Но арависки ли переселились в Паннонию, отколовшись от германской народности осов, или осы — в Германию, отколовшись от арависков, при том что язык, учреждения, нравы у них и посейчас тождественны, неизвестно, так как между обоими берегами, при повсеместной в то время бедности и свободе, не было различия ни в лучшую, ни в худшую сторону. Треверы и нервии притязают на германское происхождение и, больше того, тщеславятся им, как будто похвальба подобным родством может избавить их от сходства с галлами и присущей тем вялости. Берег Рейна заселяют несомненно германские племена — вангионы, трибоки, неметы. И даже убии, хотя они и удостоились стать римской колонией и охотнее именуют себя агриппинцами по имени основательницы ее, не стыдятся своего германского происхождения; вторгшись ранее в Галлию, они были размещены ради испытания их преданности на самом берегу Рейна, впрочем не для того, чтобы пребывать под нашим надзором, но чтобы отражать неприятеля.

29. Из всех этих племен самые доблестные батавы, в малом числе обитающие на берегу реки Рейна, но главным образом на образуемом ею острове;⁷² эта народность, бывшая некогда ветвью хаттов, из-за внутренних распрей перешла на новые места обитания, где и подпала власти Римской империи. Но батавам по-прежнему воздается почет, и они продолжают жить на положении давних союзников: они не унижены уплатою подарков и не утесняются откупщиком; освобожденных от налогов и чрезвычайных сборов, их предназначают только для боевых действий, подобно тому как на случай войны приберегаются оружие и доспехи. Столь же послушно нам и племя маттиаков: величие римского народа внушило почтение к его государству и по ту сторону Рейна, по ту сторону старых границ. Вот почему, при том что их места обитания и пределы находятся на том берегу, они помыслами и душой всегда с нами; во всем остальном они схожи с батавами, разве что самая почва и климат их родины придают им большую подвижность и живость.

Я не склонен причислять к народам Германии, хотя они и осели за Рейном и за Дунаем, тех, кто возделывает Десятинные земли;⁷³ всякий сброд из наиболее предприимчивых галлов, гонимых к тому же нуждою,

захватил эти земли, которыми никто по-настоящему не владел: впоследствии после проведения пограничного вала и размещения вдоль него гарнизонов обитатели Десятинных земель стали как бы выдвинутым вперед заслоном Римской империи, а вся эта область — частью провинции.

30. За ними вместе с Герцинским лесом начинаются поселения хаттов, обитающих не на столь плоских и топких местах, как другие племена равнинной Германии; ведь у них тянутся постепенно редеющие цепи холмов, и Герцинский лес сопутствует своим хаттам и расстается с ними только на рубеже их владений. Этот народ отличается особо крепким телосложением, сухощавостью, устрашающим обликом, необыкновенной непреклонностью духа. По сравнению с другими германцами хатты чрезвычайно благоразумны и предусмотрительны: своих военачальников они избирают, повинуются тем, кого над собою поставили, применяют различные боевые порядки, сообразуются с обстоятельствами, умеют своевременно воздерживаться от нападения, с пользой употребляют дневные часы, окружают себя на ночь валом, не уповают на военное счастье, находя его переменчивым, и рассчитывают только на доблесть и, наконец, что совсем поразительно и принято лишь у римлян с их воинской дисциплиной, больше полагаются на вождя, чем на войско. Вся их сила в пехоте, которая, помимо оружия, переносит на себе также необходимые для производства работ орудия и продовольствие. И если остальные германцы сшибаются в схватках, то о хаттах нужно сказать, что они воюют. Они редко затевают набеги и стремятся уклониться от внезапных сражений. И если стремительно одолеть врага и столь же стремительно отступить — несомненное преимущество конницы, то от поспешности недалеко и до страха, тогда как медлительность ближе к подлинной стойкости.

31. И что у остальных народов Германии встречается редко и всегда исходит из личного побуждения, то превратилось у хаттов в общераспространенный обычай: едва возмужав, они начинают отращивать волосы и отпускать бороду и дают обет не снимать этого обязывающего их к доблести покрова на голове и лице ранее, чем убьют врага. И лишь над его трупом и снятой с него добычей они открывают лицо, считая, что наконец уплатили сполна за свое рождение и стали достойны отечества и родителей; а трусливые и невоинственные так до конца дней и остаются при своем безобразии. Храбрейшие из них, сверх того, носят на себе похожую на оковы железную цепь (что считается у этого народа постыдным), пока их не освободит от нее убийство врага. Впрочем, многим хаттам настолько нравится этот убор, что они доживают в нем до седин, приметные для врагов и почитаемые своими. Они-то и начинают все битвы. Таков у них всегда первый ряд, внушающий страх как все новое и необычное; впрочем, и в мирное время они не стараются придать себе менее дикую внешность. У них нет ни поля, ни дома, и ни о чем они не несут забот. К кому бы они ни пришли, у того и кормятся, расточая чужое, не жалея своего, пока

из-за немощной старости столь непреклонная доблесть не станет для них непосильной.

32. Ближайшие соседи хаттов — проживающие вдоль Рейна, где он уже имеет определенное русло и может служить границей,⁷⁴ узипы и тенктеры. Наделенные всеми подобающими доблестным воинам качествами, тенктеры к тому же искусные и лихие наездники, и конница тенктеров не уступает в славе пехоте хаттов. Так повелось от предков, и, подражая им, о том же пекутся потомки. В этом — забавы детей, состязания юношей; не оставляют коня и их старики. Вместе с рабами, домом и наследственными правами передаются и кони, и получает их не старший из сыновей, как все остальное, а тот из них, кто выказал себя в битвах наиболее отважным и ловким.

33. Рядом с тенктерами ранее жили бруктеры; теперь, как сообщают, туда переселились хамавы и ангриварии, после того как бруктеры были изгнаны и полностью истреблены соседними племенами,⁷⁵ то ли раздраженными их надменностью, или из-за соблазна добычи, или вследствие благоволения к нам богов — ведь они даже удостоили нас зрелища этого кровопролития. Пало свыше шестидесяти тысяч германцев, и не от римского оружия, но, что еще отраднее, для услаждения наших глаз.⁷⁶ Да пребудет, молю я богов, и еще больше окрепнет среди народов Германии если не расположение к нам, то по крайней мере ненависть к своим соотечественникам, ибо, когда империи угрожают неотвратимые бедствия, самое большее, чем может порадовать нас судьба, — это распри между врагами.⁷⁷

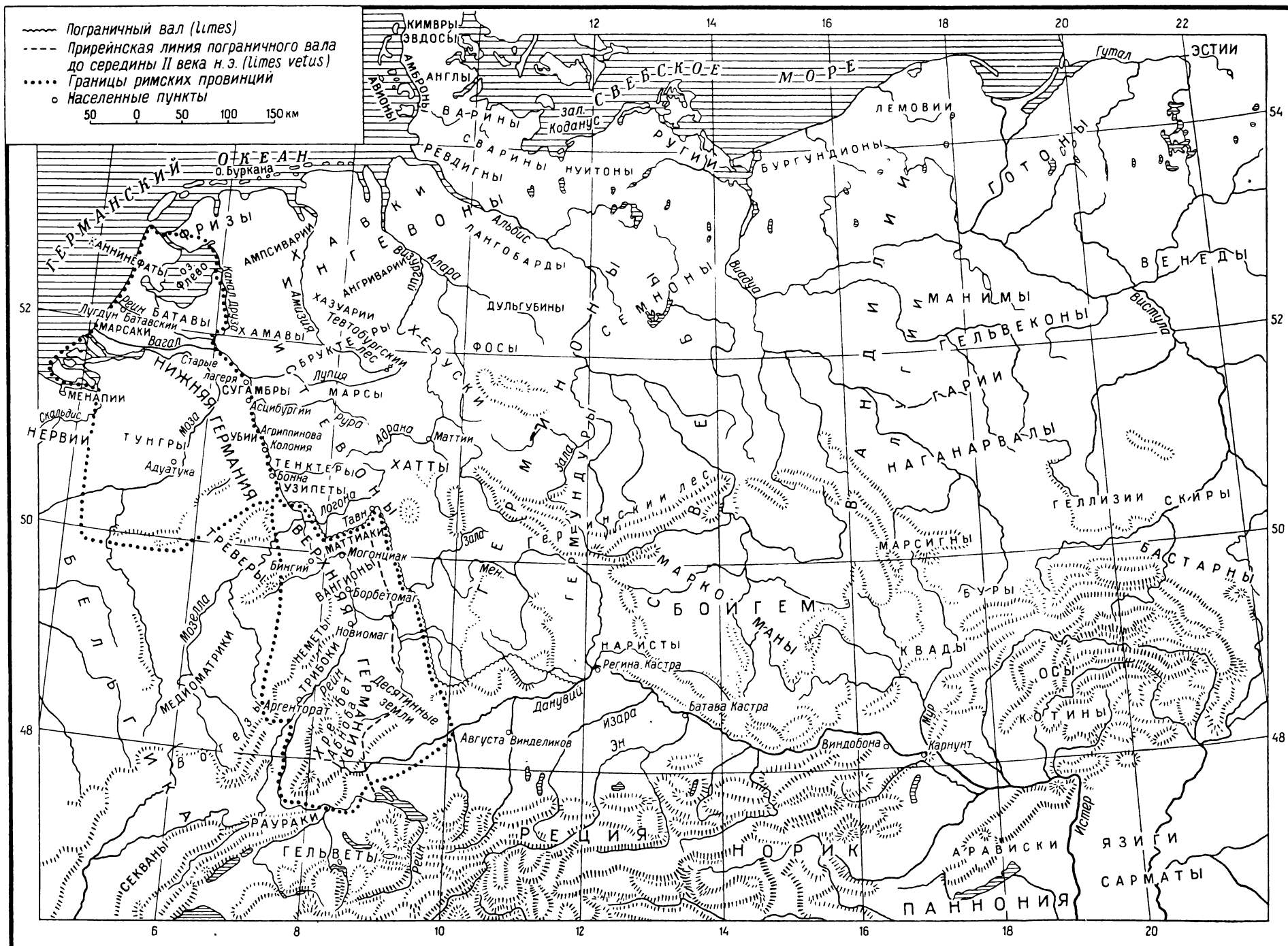
34. Сзади к ангривариям и хамавам примыкают дульгубины и хауарии, а также другие, менее известные племена, спереди их заслоняют собою фризы.⁷⁸ Фризов, сообразно их силе, называют Большими и Малыми. Поселения обоих этих народностей тянутся вдоль Рейна до самого Океана; обитают они, сверх того, и вокруг огромных озер,⁷⁹ по которым плавали и римские флотилии. Именно отсюда отважились мы проследовать в Океан: ведь молва сообщала, что и в нем все еще существуют Геркулесовы столбы, прозванные так или потому, что Геркулес и в самом деле посетил эти края, или из-за усвоенного нами обыкновения связывать с его прославленным именем все наиболее замечательное, где бы оно ни встретилось. У Друза Германика не было недостатка в решимости, но Океан не пожелал раскрыть ему свои тайны и то, что касается Геркулеса. С той поры никто не возобновлял подобных попыток,⁸⁰ и было сочтено, что благочестивее и почтительнее безоговорочно верить в содеянное богами, чем тщиться его познать.

35. Вот что известно нам о Германии, обращенной к западу; далее, образуя огромный выступ,⁸¹ она уходит на север. И тут перед нами сразу же племя хавков. И хотя хавки начинаются от пределов фризов и занимают часть океанского побережья, они соприкасаются и с перечисленными мной племенами, пока не сворачивают в сторону, чтобы достигнуть херусков. И эти раскинувшиеся на столь непомерном пространстве земли

хавки не только считают своими, но и плотно заселяют; среди германцев это самый благородный народ, предпочитающий оберегать свое могущество, опираясь только на справедливость. Свободные от жадности и властолюбия, невозмутимые и погруженные в собственные дела, они не затевают войн и никого не разоряют грабежом и разбоем. И первейшее доказательство их доблести и мощи — это проявляемое ими стремление закрепить за собой превосходство, не прибегая к насилию. Но при этом оружие у них всегда наготове, а если потребуют обстоятельства, — то и войско, и множество воинов и коней; но и тогда, когда они пребывают в покое, молва о них остается все той же.

36. Бок о бок с хавками и хаттами никем не тревожимые херуски долгие годы пользовались благами слишком безмятежного и поэтому порождающего расслабленность мира. Для них такое положение было скорее приятным, чем безопасным, потому что в окружении хищных и сильных предполагать, что тебя оставят в покое, — ошибочно: где дело доходит до кулаков, там такие слова, как скромность и честность, прилагаются лишь к одержавшему верх. И вот херусков, еще недавно слывших добрыми и справедливыми, теперь называют лентяями и глупцами, а удачу победителей-хаттов относят за счет их высокоумудрия.⁸² В своем падении херуски увлекли за собою и соседнее племя фосов, которые в бедственных обстоятельствах превратились в их товарищей по несчастью, тогда как в лучшие времена состояли у них в подчинении.

37. Упомянутый выше выступ Германии занимают живущие у Океана кимвры, теперь небольшое, а некогда знаменитое племя. Все еще сохраняются внушительные следы их былой славы, остатки огромного лагеря на том и другом берегу, по размерам которого можно и ныне судить, какой мощью обладал этот народ, как велика была его численность и насколько достоверен рассказ о его поголовном переселении.⁸³ Нашему городу шел шестьсот сороковой год,⁸⁴ когда в консульство Цецилия Метелла и Папия Карбона мы впервые услышали о кимврских полчищах. С той поры до второго консульства императора Траяна⁸⁵ насчитывается почти двести десять лет. Вот как долго мы покоряем Германию. За столь длительный срок обе стороны причинили друг другу не мало ущерба. Ни Самний, ни пунийцы, ни Испании и Галлии,⁸⁶ ни даже парфяне — никто так часто не напоминал нам о себе, как германцы: их свобода оказалась неодолимым самовластьем Арсака.⁸⁷ Ведь что иное, кроме умерщвления Красса, может предъявить нам Восток, склонившийся перед каким-то Вентидием⁸⁸ и сам потерявший Пакора? А германцы, разгромив или захватив в плен Карбона, и Кассия, и Аврелия Скавра, и Сервилия Цепиона, и Максима Малия, отняли у римского народа пять консульских войск и даже у Цезаря⁸⁹ похитили Вара и вместе с ним три легиона.⁹⁰ Не без тяжелых потерь нанесли им поражения Гай Марий в Италии,⁹¹ божественный Юлий в Галлии,⁹² Друз, и Нерон,⁹³ и Германик — на их собственных землях. Затем последовали устрашающие, но обернувшиеся посмешищем приготовления

Карта к «Германии» Тацита.

Гая Цезаря.⁹⁴ После этого царило спокойствие, пока, воспользовавшись нашими смутами и гражданской войной,⁹⁵ германцы не захватили зимних лагерей легионов и не посягнули даже на Галлию; и после нового изгнания их оттуда, уже в самое последнее время, мы не столько их победили, сколько справили над ними триумф.⁹⁶

38. А теперь следует рассказать о свебах, которые не представляют собою однородного племени, как хатты или тенктеры, но, занимая большую часть Германии, и посейчас еще расчлениаются на много отдельных народностей, носящих свои наименования, хотя все вместе они и именуются свебами. Своеобразная особенность этого племени — подбирать волосы наверх и стягивать их узлом; этим свебы отличаются от остальных германцев, а свободнорожденные свебы — от своих рабов. Либо вследствие родственных связей со свебами, либо из подражания им, что имеет довольно широкое распространение, такая прическа встречается и у других племен, но изредка и только у молодежи, тогда как свебы вплоть до седин не прекращают следить за тем, чтобы их стоящие торчком волосы были собраны сзади, и часто связывают их на самой макушке; а у вождей они убраны еще тщательнее и искуснее. В этом забота свебов о своей внешности, но вполне невинная: ведь они прихорашиваются не из любопытства и желания нравиться, но стараясь придать себе этим убором более величественный и грозный вид, чтобы, отправившись на войну, вселять страх во врагов.

39. Среди свебов, как утверждают семионы, их племя самое древнее и прославенное; что их происхождение и в самом деле уходит в далекое прошлое, подтверждается их священнодействиями. В установленный день представители всех связанных с ними по крови народностей сходятся в лес, почитаемый ими священным, поскольку в нем их предкам были даны прощания и он издревле внушает им благочестивый трепет, и, начав с заклания человеческой жертвы, от имени всего племени торжественно отправляют жуткие таинства своего варварского обряда. Благоговение перед этою рощей⁹⁷ проявляется у них и по-другому: никто не входит в нее иначе, как в оковах, чем подчеркивается его приниженность и бессилие перед всемогуществом божества. И если кому случится упасть, не дозволено ни поднять его, ни ему самому встать на ноги, и они выбираются из рощи, перекатываясь по земле с боку на бок. Все эти религиозные предписания связаны с представлением, что именно здесь получило начало их племя, что тут местопребывание властвующего над всеми бога и что все прочее — в его воле и ему повинуетя. Влиятельность семионов подкрепляется их благоденством: ими заселено сто округов,⁹⁸ и их многочисленность и сплоченность приводят к тому, что они считают себя главенствующими над свебами.

40. Лангобардам, напротив, стяжала славу их малочисленность, ибо, окруженные множеством очень сильных племен, они оберегают себя не изъявлением им покорности, а в битвах и идя навстречу опасностям. Оби-

тающие за ними ревдигны, и авионы, и англии, и варины, и эвдосы, и свардоны, и нуитоны защищены реками и лесами. Сами по себе ничем не примечательные, они все вместе поклоняются матери-земле Нерте, считая, что она вмешивается в дела человеческие и навещает их племена. Есть на острове⁹⁹ среди Океана священная роща и в ней предназначенная для этой богини и скрытая под покровом из тканей повозка; касаться ее разрешено только жрецу. Ощутив, что богиня прибыла и находится у себя в святилище, он с величайшей почитательностью сопровождает ее, влекомую впряженными в повозку коровами. Тогда наступают дни всеобщего ликования, празднично убираются местности, которые она удостоила своим прибытием и пребыванием. В эти дни они не затевают походов, не берут в руки оружия; все изделия из железа у них на запоре; тогда им ведомы только мир и покой, только тогда они им по душе, и так продолжается, пока тот же жрец не возвратит в капище насытившуюся общением с родом людским богиню. После этого и повозка, и покров, и, если угодно поверить, само божество очищаются омовением в уединенном и укрытом ото всех озере. Выполняют это рабы, которых тотчас поглощает то же самое озеро. Отсюда — исполненный тайны ужас и благоговейный трепет пред тем, что неведомо и что могут увидеть лишь те, кто обречен смерти.

41. И та часть свебов, о которой я сейчас поведам рассказ, также обитает на землях, простирающихся до самых глубин Германии. Ближе всего, — ибо я буду следовать вниз по Дунаю, как незадолго пред этим следовал по течению Рейна, — племя гермундуров, верное римлянам; по этой причине с ними одними из всех германцев торговля ведется не только на берегу, но и внутри страны, а также в самой цветущей колонии провинции Реции.¹⁰⁰ Они повсюду свободно передвигаются, и мы не приставляем к ним стражи; и если другим племенам мы показываем лишь наше оружие и наши укрепленные лагеря, то для них, не проявляющих ни малейшей жадности, мы открыли наши дома и поместья. В краю гермундуров начинается Альбис, река знаменитая и некогда нам хорошо известная,¹⁰¹ а ныне мы знаем ее только по имени.

42. Рядом с гермундурами живут наристы, потом маркоманы и квады. Особенно прославлены и сильны маркоманы, которые даже свои места поселения приобрели доблестью, изгнав занимавших их ранее бойев. Они как бы передовая застава Германии, поскольку ее граница — Дунай. У маркоманов и квадов еще на нашей памяти сохранялись цари из соплеменников, из знатных родов Маробода и Тудра (теперь они уже мирятся и с чужестранцами), но эти цари располагают силою и могуществом благодаря поддержке из Рима. Изредка они получают от нас помощь оружием, чаще деньгами, но это несколько не умаляет их власти.

43. Зади к маркоманам и квадам примыкают марсигны, котины, осы и буры. Из них марсигны и буры наречием и образом жизни схожи со свебами; а что котины и осы не германцы, доказывают их языки, галльский у первых, паннонский у вторых, и еще то, что они мирятся с уплатою по-

датель. Часть податей на них, как на иноплеменников, налагают сарматы, часть — квады, а котины, что еще унизительнее, добывают к тому же железо. Все эти народности обосновались кое-где на равнине, но главным образом на горных кручах и на вершинах гор и горных цепей.¹⁰² Ведь Свeбию делит и разрезает надвое сплошная горная цепь, за которою обитает много народов; среди них самые известные — расчленившиеся на различные племена лугии. Будет достаточно назвать лишь наиболее значительные из них, это — гарии, гельвеконы, манимы, гелизии, наганарвалы. У наганарвалов показывают рощу, освященную древним культом.¹⁰³ Возглавляет его жрец в женском наряде, а о богах, которых в ней почитают, они говорят, что, если сопоставить их с римскими, то это — Кастор и Поллукс. Такова их сущность, а имя им — Алки. Здесь нет никаких изображений, никаких следов иноземного культа; однако им поклоняются как братьям, как юношам. А теперь о гариях: превосходя силою перечисленные только что племена и свирепые от природы, они с помощью всевозможных ухищрений и используя темноту, добываются того, что кажутся еще более дикими: щиты у них черные, тела раскрашены; для сражений они избирают непроглядно темные ночи и мрачным обликом своего как бы призрачного и замогильного войска вселяют во врагов такой ужас, что никто не может вынести это невиданное и словно уводящее в преисподнюю зрелище; ведь во всех сражениях глаза побеждают первыми.

44. За лугиями живут готоны, которыми правят цари, и уже несколько жестче, чем у других народов Германии, однако еще не вполне самовластно. Далее, у самого Океана, — ругии и лемовии; отличительная особенность всех этих племен — круглые щиты, короткие мечи и покорность царям.

За ними, среди самого Океана,¹⁰⁴ обитают общины свионов; помимо воинов и оружия, они сильны также флотом. Их суда примечательны тем, что могут подходить к месту причала любую из своих оконечностей, так как и та и другая имеют у них форму носа. Парусами свионы не пользуются и весел вдоль бортов не закрепляют в ряд одно за другим; они у них, как принято на некоторых реках, съемные, и они гребут ими по мере надобности то в ту, то в другую сторону.¹⁰⁵ Им свойственно почитание власти, и поэтому ими единолично, и не на основании временного и условного права господствовать,¹⁰⁶ безо всяких ограничений повелевает царь. Да и оружие в отличие от прочих германцев не допускается у них иметь каждому: оно всегда на запоре и охраняется стражем,¹⁰⁷ и притом рабом: ведь от внезапных набегов врага они ограждены Океаном, а руки пребывающих в праздности вооруженных людей сами собой поднимаются на бесчинства; да и царям не на пользу вверять попечение об оружии знатному, свободнорожденному и даже вольноотпущеннику.

45. За свионами еще одно море¹⁰⁸ — спокойное и почти недвижимое, которым, как считают, опоясывается и замыкается земной круг, и достоверность этого подтверждается тем, что последнее сияние заходящего солнца

не гаснет вплоть до его восхода и яркость его такова, что им затмеваются звезды,¹⁰⁹ да и воображение добавляет к этому, будто при всплытии солнца слышится шум расступающейся пред ним пучины и видны очертания коней и лучезарная голова.¹¹⁰ Только до этого места — и молва соответствует истине — существует природа.¹¹¹ Что касается правого побережья Свевского моря, то здесь им омываются земли, на которых живут племена эстиев, обычаи и облик которых такие же, как у свебов, а язык — ближе к британскому.¹¹² Эстии поклоняются праматери богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображения вепрей; они им заменяют оружие и оберегают чтящих богиню даже в гуще врагов.¹¹³ Меч у них — редкость; употребляют же они чаще всего дреколье. Хлеба и другие плоды земные выращивают они усерднее, чем принято у германцев с присущей им нерадивостью. Больше того, они обшаривают и море и на берегу, и на отмелях единственные из всех собирают янтарь, который сами они называют глезом. Но вопросом о природе его и как он возникает, они, будучи варварами, не задавались и ничего об этом не знают; ведь он долгое время лежал вместе со всем, что выбрасывает море, пока ему не дала имени страсть к роскоши. У них самих он никак не используется; собирают они его в естественном виде, доставляют нашим купцам таким же необработанным и, к своему изумлению, получают за него цену.¹¹⁴ Однако нетрудно понять, что это — древесный сок, потому что в янтаре очень часто просвечивают некоторые ползающие по земле или крылатые существа; завязнув в жидкости, они впоследствии оказались заключенными в ней, превратившейся в твердое вещество. Таким образом, я склопен предполагать, что на островах и на землях Запада находятся дубравы и рощи, подобные тем сокровенным лесам на Востоке, где сочатся благовония и бальзамы; из произрастающих в них деревьев соседние лучи солнца¹¹⁵ выжимают обильный сок, и он стекает в ближайшее море и силою бурь выносятся на противоположные берега. При поднесении к янтарию, ради познания его свойств, огня он вспыхивает как факел, вслед за чем расплавляется, словно смола или камедь.

К свионам примыкают племена ситонов. Во всем схожие со свионами, они отличаются от них только тем, что над ними властвует женщина: вот до чего пали ситоны, не говоря уже об утрате свободы, даже в претерпеваемом ими порабощении.

46. Здесь конец Свебии. Отнести ли певкинов, венедев и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и

передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне. У феннов — поразительная дикость, жалкое убожество; у них нет ни оборонительного оружия, ни лошадей, ни постоянного крова над головой; их пища — трава, одежда — шкуры, ложе — земля; все свои упования они возлагают на стрелы, на которые, из-за недостатка в железе, насаживают костяной наконечник. Та же охота доставляет пропитание как мужчинам, так и женщинам; ведь они повсюду сопровождают своих мужей и притязают на свою долю добычи. И у малых детей нет другого убежища от дикого зверя и непогоды, кроме кое-как сплетенного из ветвей и доставляющего им укрытие шалаша; сюда же возвращаются фенны зрелого возраста, здесь же пристанище престарелых. Но они считают это более счастливым уделом, чем изнурять себя работою в поле и трудиться над постройкой домов и неустанно думать, переходя от надежды к отчаянью, о своем и чужом имуществе; беспечные по отношению к людям, беспечные по отношению к божествам, они достигли самого трудного — не испытывать нужды даже в желаниях.¹¹⁶ Все прочее уже баснословно: у геллузиев и оксионов головы и лица будто бы человеческие, туловища и конечности — как у зверей; и так как ничего более достоверного я не знаю, пусть это останется нерешенным и мною.¹¹⁷

ДИАЛОГ ОБ ОРАТОРАХ

1. Ты часто спрашиваешь меня, Фабий Юст, почему предшествующие столетия отличались таким обилием одаренных и знаменитых ораторов, а наш покинутый ими и лишенный славы красноречия век едва сохраняет самое слово *оратор*; ведь мы называем им только тех, кто жил в древности, тогда как наши умеющие хорошо говорить современники именуются нами судебными стряпчими, защитниками, правозаступниками и как угодно, но только не ораторами. Ответить на твой вопрос и взвалить на себя столь тяжелое бремя его рассмотрения, чтобы пренебрежительно отозваться или о дарованиях наших, если мы не в силах достигнуть того же, или о наших вкусах, если не хотим этого, я бы, по правде говоря, не отважился, если бы был поставлен в необходимость изложить мое собственное суждение; но я намерен ограничиться пересказом беседы красноречивейших по нашим временам людей, при которой я присутствовал, будучи еще юношей, и в которой они обсудили тот же вопрос. Таким образом, от меня потребуются не какая-то особая пронизательность, а память и точность, чтобы воспроизвести со всеми подробностями, с теми же обоснованиями и сохраняя последовательность этого спора, все,

что я слышал и что было так тонко продумано и так веско высказано столь замечательными мужами, когда каждый из них в соответствии со своими душевными склонностями и особенностями ума выдвигал противоположные объяснения. Впрочем, был среди них и такой, кто решительно разошелся с общепринятыми воззрениями на красноречие нашего времени и, вдоволь пощипав старину и насмеявшись над нею, поставил его несравненно выше ораторского искусства древних.

2. Так вот, на другой день после публичного чтения Куриацием Матерном своего «Катона», поскольку, как говорили, он навлек на себя неудовольствие располагающих властью,¹ ибо, развивая свою трагедию, забыл о себе и помышлял лишь о Катоне, и толками об этом был полон весь Рим, к Матерну пришли Марк Апри и Юлий Секунд, тогдашние светила в нашем судебном мире. Что до меня, то я усердно слушал и того и другого не только в судах, но и у них на дому, и, сверх того, неизменно сопровождал их в общественные места, охваченный поразительной жаждой к учению и какой-то юношеской увлеченностью; мне хотелось запечатлеть в себе даже их обыденные разговоры, а также ученые споры и доверительные беседы с глазу на глаз, хотя многие по злобе считали, что речь Секунда лишена плавности, а Апри прославили в красноречии скорее дарование и природные данные, чем образованность и начитанность в литературе. Но в действительности и речь Секунда была чистой и сжатой и в той мере, в какой это необходимо, достаточно плавной, и Апри, насквозь пропитанный всевозможными знаниями, скорее презрительно относился к литературе, чем был в ней несведущ, считая, что достигнет гораздо большей славы за трудолюбие и старательность, если будет казаться, что его дарование не поддерживается опорами, позаимствованными из других наук и искусств.

3. Итак, мы вошли в занимаемый Матерном покой и застали его сидящим с книгой в руках, той самой, которую он накануне публично прочел.

Тогда Секунд произнес: «Ужели, Матерн, тебя несколько не утрашили наговоры завистников и тебе по-прежнему любы нападки твоего Катона? Или, быть может, ты взялся за свое сочинение, чтобы тщательнее поразмыслить над ним и, убрав все подавшее повод к злонамеренному истолкованию, издать „Катона“ если не в лучшем, то, по крайней мере, в более безопасном виде?».

На это Матерн ответил: «Ты прочтешь в нем то, что Матерн считал своим долгом высказать, и обнаружишь все, что уже слышал. И если Катон что-нибудь упустил, то в следующем публичном чтении скажет об этом Фивест;² трагедию о нем я уже мысленно наметил и набросал. И я тороплюсь поскорее выпустить в свет „Катона“, чтобы, освободившись от этой заботы, отдаться всей душой новому замыслу».

«И тебе не надоели вконец эти трагедии? — заметил Апри. — Забросив судебные гяжбы и речи по ним, ты отдаешь все свое время то Ме-

дее,³ то, как сейчас, Фиесту, тогда как тебя призывают на форум дела стольких друзей, стольких подзащитных из колоний и муниципиев? Тебя едва ли бы хватило на них, даже если бы ты не взвалил на себя новой задачи — добавить Домиция⁴ и Катона, то есть тех, кто принадлежит нашей истории и носит римские имена, к побасенкам гречишек».⁵

4. На это Матерн сказал: «Я был бы обеспокоен суровостью твоего замечания, если б у нас с тобой не происходили по этому поводу частые, больше того, постоянные стычки, превратившиеся почти что в привычку. Ибо и ты не перестаешь преследовать и задевать поэтов, и я, кого ты упрекаешь в уклонении от судебных речей, ежедневно выполняю обязанности защитника, отстаивая от тебя искусство поэзии. Поэтому я бесконечно рад, что у меня появился новый судья,⁶ который или воспретит мне впредь сочинять стихи, или, напротив, побудит меня своим веским решением покинуть теснины судебных дел, в которых я пролил столько пота, и отдаться более возвышенной и более священной разновидности красноречия».⁷

5. «Я же, — сказал Секунд, — прежде чем Агр отведет меня как судью, последую примеру честных и добросовестных судей, у которых в обычае отказываться от рассмотрения таких дел, относительно которых им заведомо ясно, какой стороне они отдадут свою благосклонность. Кому неизвестно, что нет никого, с кем бы я был связан теснее, и в силу давнишней дружбы, и вследствие длительной жизни вместе, чем Салей Басс, прекраснейший человек и великолепный поэт, и если поэтическому искусству будет предьявлено обвинение, то другого, более подходящего подсудимого я не вижу».

«Пусть успокоится, — проговорил Агр, — и Салей Басс, и всякий, кто занимается поэзией и ищет славы на поэтическом поприще, раз судебных дел он вести не может. И поскольку для разрешения этого спора...⁸ найден третейский судья, я не допущу, чтобы ради защиты Матерна к его процессу были приобщены другие, но буду порицать перед всеми лишь его одного, ибо прирожденный оратор в полном смысле этого слова, наделенный даром неподдельного мужественного красноречия, через которое мог бы приобрести и сохранить многих друзей, завязать связи, защитить провинции, он оставил это занятие, хоть в нашем государстве невозможно представить себе другое более плодотворное, учитывая его полезность, более приятное, учитывая даруемое им наслаждение, более достойное, учитывая сопряженное с ним положение, более заманчивое, учитывая громкую славу в городе Рима, более блестящее, учитывая известность во всей империи и у всех народов. И если во всех наших замыслах и поступках мы должны руководствоваться соображениями их житейской полезности, то существует ли что-нибудь столь же бесспорно полезное, как занятие этим искусством, вооружившись которым ты всегда несешь защиту друзьям, помощь посторонним, спасение тем, кто на краю гибели, тогда как в завистников и недругов вселяешь боязнь и страх, сам

вне опасности, как бы огражденный пожизненной властью и таким же могуществом? Сила и полезность этого искусства познаются в том, что оно — прибежище и оплот для других; если же зашевелится подстерегающая тебя самого опасность, то, право, панцирь и меч — опора в бою несколько не лучшая, чем красноречие для пребывающих под судом и находящихся на краю гибели, — ведь оно и оборонительное, и наступательное оружие, которым можно как отражать удары, так и разить, будь то в суде, или в сенате, или у принцепса. Что иное противопоставил недавно Эприй Марцелл неприязненности сенаторов, как не свое красноречие?⁹ Препоясавшись им, грозный им, он взял верх над мудростью даже умевшего говорить, но неопытного и неумелого в схватках такого рода Гельвидия. О полезности красноречия я больше распространяться не буду; полагаю, что и мой друг Матерн с этой стороны меньше всего станет меня оспаривать.

б. «Перехожу к наслаждению, даруемому подлинно ораторским красноречием; оно — не мимолетное удовольствие и ощущается не от случая к случаю, а постоянно, почти всякий день и почти всякий час. В самом деле, может ли что-либо быть приятнее и дороже свободной, благородной и созданной для возвышенных наслаждений душе, чем видеть свой дом заполненным целой толпою самых блестящих людей? И знать, что их привлекают не деньги хозяина, и не то, что он бездетен и не имеет наследников, и не необходимость являться к нему по обязанности,¹⁰ но он сам и ничто иное? Больше того, — что и бездетные старики, и богачи, и могущественные люди приходят, как это чаще всего бывает, к молодому и бедному, чтобы поручить ему ведение в суде существенно важных дел, как своих собственных, так и своих друзей? Может ли несметное богатство и безграничное могущество хоть в малой мере возместить это наслаждение: видеть пред собой людей опытных и почтенного возраста, пользующихся влиянием во всем мире и располагающих в изобилии всеми благами земными, но вместе с тем признающих, что у них нет того, что всего лучше?¹¹ А множество ожидающих твоего выхода и затем сопровождающих тебя именитых граждан! А какое великолепное зрелище в общественном месте! Какое уважение в судьях! Какая радость подняться со своего места и стоять перед хранящими молчание и вперившими взгляды в тебя одного! А народ сходится и растекается вокруг оратора и проникается чувствами, какие ты внушаешь ему! Но я перечисляю хорошо известные радости, открытые и взорам непосвященных; а ведь еще сильнее и бесценнее те, что запрятаны глубже и доступны лишь говорящему. Если он выступает с хорошо обдуманной и тщательно отделанной речью, то и в том, как он ее произносит, и в его радостных переживаниях есть особого рода непоколебимость и твердость; если же он оглашает не без некоторого душевного трепета произведение новое, только что завершённое, то самое волнение придает для него особую ценность успеху и обостряет испытываемое им наслаждение. Но ни с чем не срав-

нимое удовольствие — выступление без предварительной подготовки и самое сознание смелости и дерзания. Ибо с дарованием происходит то же, что и с плодами на поле; как бы долго за иными из них ни ухаживали и сколько бы труда к их выращиванию ни прилагалось, приятнее все же те, что рождаются сами собой.

7. «Что до меня, то я не так радовался, признаться, в тот день, когда был удостоен пурпурной полосы на тунике,¹² и не в те, когда, человек безвестный и новый и к тому же происходящий из племени, отнюдь не отмеченного благоволением Римского государства,¹³ получил квестуру, или трибунат, или претуру, как в те счастливые для меня дни, в которые мне выпадало, сколь бы посредственным и ничтожным ни было мое умение говорить, либо благополучно защитить подсудимого, либо удачно выступить на судебном разбирательстве пред центумвирами,¹⁴ либо доказать самому принцепсу невиновность влиятельных императорских вольноотпущенников и прокураторов и добиться их оправдания.¹⁵ В такие дни мне казалось, что я возношусь и над трибунатом, и над претурую, и над консульством и владею тем, что может быть только моим собственным порождением и не передается по завещанию и не приходит по чьей-либо милости. Больше того! Существует ли другое искусство, известность которого, равно как и расточаемые ему похвалы могут быть сопоставлены со славой ораторов? Больше того! Не знамениты ли они в городе и не только среди торговых и занятых другими делами людей, но и среди юношей и даже подростков, наделенных хотя бы некоторыми способностями и рассчитывающими на свои силы? А чьи имена прежде всего сообщают своим детям родители? Кого называет по имени и на кого указывает пальцем этот темный, неискушенный в науках люд, этот прикрытый одною туникою¹⁶ народ? И пришельцы, и чужестранцы, наслышанные о них еще у себя в муниципиях и колониях, едва вступив в пределы города Рима, принимаются разыскивать их и жаждут увидеть их своими глазами.

8. «Осмелюсь утверждать, что тот самый Эприй Марцелл, о котором я только что говорил, или Вибий Крисп (я охотнее привожу примеры из недавнего прошлого и еще свежие в памяти, чем далекие от нас и забытые) даже где-нибудь на краю света пользуются не меньшей известностью, нежели в Капуе или Верцеллах, откуда, как говорят, они родом.¹⁷ И эту известность доставило им не состояние в двести миллионов сестерциев у одного и в триста у другого, хотя до такого богатства они дожили, по-видимому, только благодаря красноречию, но их красноречие как таковое; и хотя его божественное происхождение и небесная мощь во все века, сколько бы их ни протекло, явили на многих примерах, сколь высоко вознесла некоторых сила их дарования, я удовольствуюсь, как сказал выше, лишь ближайшими к нам, для ознакомления с которыми не требуются свидетельства из чужих уст, а нужны только глаза, чтобы их рассмотреть. Ведь чем более убогой и жалкой была обстановка, в ко-

торой родились эти люди, чем неприкрытее были нищета и нужда в самом насущном, окружавшие их после рождения, тем ярче и нагляднее для доказательства полезности красноречия явленные ими примеры, ибо лишённые всякой поддержки со стороны предков, не располагая ни малейшими средствами, при том, что ни тот ни другой не отличались безупречностью нравов, а второй из них к тому же наделен безобразной наружностью, они уже многие годы не имеют в Римском государстве равных себе по влиятельности и, пока им было угодно, первенствовали в наших судах, а теперь первенствуют среди тех, кого Цезарь¹⁸ обласкал своей дружбой, и действуют во всем и распоряжаются всем как им заблагорассудится, отмеченные особо уважительным отношением к ним самого принцепса; ибо Веспасиан, старец почтеннейший¹⁹ и с величайшей терпимостью прислушивающийся ко всякому правдивому слову, хорошо понимает, что все остальные его приближенные находят опору лишь в том, что ими получено от его щедрот и что он может по своему усмотрению отобрать и раздать другим, тогда как Марцелл и Крисп отдали его дружбе только такое, чего не получили от принцепса и что получить от него вообще невозможно. Среди столь многих и столь существенных преимуществ их положения ничтожное значение имеют их изображения и выбитые в их честь памятные надписи и их статуи, хотя ими тоже не пренебрегают, как и богатством и имуществом, — ведь легче найти таких, кто их порицает, чем тех, кому они и в самом деле не по душе. И мы видим, что этими почетными отличиями, украшениями и бесценными сокровищами заполнены дома тех, кто с ранней юности отдал себя деятельности в суде и ораторскому искусству.

9. «Ведь поэзия и стихи, которым Матерн хочет полностью посвятить жизнь (отсюда и проистекла вся моя речь), не снискивают своим творцам никаких отличий и званий и не приносят роду людскому никакой осязаемой пользы; порождаемое ими наслаждение быстротечно, а слава — призрачна и бесплодна. Пусть то, что я сейчас собираюсь произнести, и все, что намерен сказать в дальнейшем, покоробит, Матерн, твой слух, но, право, служит ли ко благу кому-нибудь, что Агамемнон или Ясон изъясняются у тебя красиво и убедительно? Кто благодаря этому возвратится домой оправданным и в связи с этим обязанным тебе благодарностью? Кто провожает нашего Салея, превосходного поэта либо, если так будет еще почтительнее, наиславнейшего песнопевца, или встречает его приветствиями, или следует за ним по пятам? Но если у кого-нибудь из его друзей или родственников или у него самого возникнет то или иное дело в суде, он, без сомнения, обратится к тому же Секунду или к тебе, Матерн, и не потому, конечно, что ты поэт, и не ради того, чтобы ты сочинил в его защиту стихи; они создаются в доме самого Басса, и даже прекрасные и прелестные, но все это ведет лишь к тому, что, трудясь над ними в течение целого года все дни напролет и значительную часть ночи, он, написав и отделив в величайшем напряжении книгу,

вынужден к тому же упрашивать и заискивать, чтобы найти таких, кто соизволил бы прослушать ее; но и это дается ему не без известных затрат: ведь он нанимает дом, соответствующим образом оборудует помещение, берет напрокат скамьи, рассылает приглашения. И если его чтение увенчает даже самый блестящий успех, все эти похвалы продолжают день, другой и не приносят никаких ощутимых и явных плодов, подобно растению, сорванному в ту пору, когда оно еще ничем не отличается от травы или только в цвету; и его творение не доставляет ему ни друзей, ни клиентов, ни прочно укоренившегося в чьей-либо душе чувства признательности, но только невнятный шум, и пустые возгласы, и мимолетную радость. Недавно мы превозносили щедрость Веспасиана, называя ее редкостной и поразительной, ибо он пожаловал Бассу пятьсот тысяч сестерциев. Прекрасно, разумеется, заслужить своим дарованием благоволение принцепса; но насколько прекраснее, если этого потребуют имущественные дела, возложить заботу о них на себя самого, быть в долгу лишь перед самим собою, быть одаряемым только собственными щедротами! Добавь к этому, что поэтам, если они хотят усердно трудиться над созданием чего-нибудь и в самом деле достойного, нужно отказаться от общения с друзьями и городских удовольствий, нужно бросить все остальные занятия и, как говорят они сами, удалиться в леса и рощи, то есть уединиться.²⁰

10. «Но одобрение и громкая слава,— а домогаются они только этого и только в этом, по их словам, видят единственную награду за все положенные ими труды,— более благосклонны к ораторам, чем к поэтам; ведь посредственные поэты никому не известны, а хороших знают лишь очень немногие. И бывало ли, чтобы молва о чтении какого-нибудь на редкость замечательного произведения захватила весь Рим? Тем более, чтобы она дошла до провинций? Много ли таких, кто, прибыв в Рим из Испании или Азии (не говоря уже о наших земляках галлах²¹), стал бы разыскивать, скажем, Салея Басса? А если кто и предпримет такие розыски, то, увидев его один единственный раз, довольствуется этим и тотчас уходит прочь, как если бы ему довелось посмотреть на какую-нибудь статую или картину. Но я не хотел бы, чтобы мои слова были превратно поняты и обо мне думали, будто я стараюсь отвратить от поэзии также и тех, кому природа отказала в ораторском даровании, но кто может занятием этого рода усладить свой досуг и покрыть свое имя славой. Ведь я считаю все разновидности красноречия священными и заслуживающими величайшего уважения и нахожу, что не только возвышенности вашей трагедии и звучности героических поэм, но и очарованию лириков, и игривости элегий, и горечи ямбов,²² и остроумию эпиграмм, и любому другому виду поэзии, на какие только распадается красноречие, должно быть отдано предпочтение перед занятиями всеми другими искусствами. Но у нас с тобой, Матерн, речь идет о том, что, хотя твои природные дарования возносят тебя в самое святилище красноречия, ты предпочитаешь блуждать из стороны в сторону

и, постигнув высшее, ограничиваешься более доступным и легким. И если бы местом твоего рождения была Греция, где считается почетным даже сценическое искусство,²³ и боги одарили тебя могучим телосложением и силою Никострата, то и в этом случае я бы не потерпел, чтобы ты расслаблял свои громадные, созданные для кулачного боя руки легким дротиком и метанием диска; так и теперь я призываю тебя из помещений для публичного чтения и из театров на форум и на судебные разбирательства, к настоящим сражениям, тем более что ты не можешь прибегнуть к доводу, на который так часто ссылаются, а именно, что занятие поэзией не столь чревато опасностью вызвать неудовольствие, как ораторское искусство. Ведь в тебе бурлят силы твоей великолепной природы, и ты навлекаешь на себя неудовольствие, не отстаивая кого-нибудь из друзей, а, что гораздо опаснее, — прославляя Катона. И твои выпады не могут быть оправданы необходимостью, в которую ты был поставлен своими обязанностями, или верностью своему долгу защитника, или порывом, увлекшим тебя при произнесении случайной и внезапной для тебя самого речи; напротив, всякому очевидно, что ты обдуманно выбрал своим героем столь знаменитую личность, ибо хотел, чтобы вложенные тобою в ее уста речи обладали особой вескостью. Предвижу, что мне можно ответить: „Вот это и порождает единодушное одобрение и именно это превозносится в помещениях для публичного чтения и затем становится предметом всех разговоров“. Раз так, то перестань извинять себя соображениями спокойствия и безопасности — ведь ты бросаешь вызов противнику, который сильнее тебя. А что касается нас, то мы удовольствуемся выступлениями по частным и относящимся к нашему времени тяжбам, при разборе которых если когда и появится необходимость ради спасения подвергшегося опасности друга оскорбить уши тех, кто наделен властью, то и наша преданность доставит нам одобрение и наша дерзость будет сочтена извинительной».

11 Высказав это с обычною для него горячностью и убежденностью, Апр умолк, и тогда спокойно, с улыбкою на устах заговорил Матерн: «Я готовился обвинять ораторов не менее пространно, чем их превозносил Апр (ведь я полагал, что, покончив с их восхвалением, он накинется на поэтов и обрушит на поэтическое творчество грома и молнии), но, дозволив сочинять стихи тем, кто не способен к произнесению судебных речей, он довольно ловко умерил мой пыл. Что до меня, то, хотя я и способен достигнуть кое-чего выступлениями в суде и, быть может, даже добиться в этом успеха, но вместе с тем и публичное чтение сочиненных мною трагедий нашло благосклонный прием и осенило меня первым отблеском славы, когда я ниспроверг в „Нероне“ всемогущего до того негодяя Ватиния, своими стишками осквернявшего святость поэзии, и если ныне я и мое имя пользуются кое-какою известностью, то она создана скорее славой моих стихов, чем речей. А теперь я решил окончательно отойти от трудов на судебном поприще, и меня так же мало привлекают упоминавшееся здесь обилие встречающих и провожающих и толпы приветствующих».

щих, как мои медные статуи и другие изображения, которые, вопреки моему нежеланию, все же прорвались в мой дом.²⁴ Ведь общественное положение и безопасность каждого надежнее оберегаются его незапятнанностью, чем собственным или чужим красноречием; и я не боюсь, что мне придется когда-нибудь говорить в сенате при иных обстоятельствах,²⁵ чем защищая того, кому грозит гибель.

12. «А дубравы и роши и пресловутое уединение, на которое напустился Апр, доставляют мне такую отраду, что одну из наиболее привлекательных сторон стихотворства я склонен усматривать в том, что стихи слагаются не в шуме, когда перед дверью торчит истец, не среди рубищ²⁶ и плача ответчиков; для этого нужно, чтобы дух удалился в первозданно чистые и ничем не поруганные края и, пребывая в этом святилище, наслаждался созерцанием окружающего; таковы истоки подлинного вдохновенного красноречия, такова изначальная его сущность; в таком обличии и облачении, благожелательное к роду людскому, оно излилось впервые в еще целомудренные и не тронутые пороками человеческие сердца; и именно так вещали оракулы. А что касается хорошо знакомого нам своекорыстного и кровожадного красноречия, то оно вошло в употребление лишь недавно,²⁷ порожденное порчею нравов и придуманное, чтобы служить, как ты, Апр, выразился, оружием. Но в том счастливом или, если сохранить принятое у нас наименование, золотом веке, бедном ораторами и преступлениями, изобилывали поэты и прорицатели, дабы было кому воспевать благостные деяния, а не для того, чтобы защищать дурные поступки. Но никто не пользовался большей славой, чем они, и никому не воздавался столь безграничный почет, сначала у богов, на пиршествах которых, как говорили, они присутствовали и ответы которых передавали людям, а затем и у знаменитых, рожденных богами и священными царей. И среди этих поэтов и прорицателей мы не найдем ни одного судебного стряпчего, но зато — Орфея и Лина и, пожелай ты заглянуть глубже, то и самого Аполлона.²⁸ Впрочем, если это кажется тебе чересчур баснословным и пустой выдумкой, то уж, конечно, Апр, ты не станешь оспаривать, что Гомер почитается потомками не менее, чем Демосфен, и что известность Еврипида и Софокла не замыкается в более тесных пределах, чем известность Лисия и Гиперида. А ныне, сверх того, ты обнаружишь больше таких, кто не прочь скорее отказать в славе Цицерону, чем Вергилию; и ни одно сочинение Азиния Мессалы не прославлено так, как „Медея“ Овидия или „Фиест“ Вария.

13. «Больше того, я не побоюсь сопоставить жребий поэтов и их столь благостное общение с музами с тревожной и всегда настороженной жизнью ораторов. Пусть борьба и опасности, в которых они пребывают, доводят их порою до консульства, но мне милее безмятежное уединение, какое избрал для себя Вергилий,²⁹ что нисколько не помешало ему снискать у божественного Августа благосклонность, а среди римского народа — известность. Свидетели этого — письма Августа, свидетель — сам римский народ, который, прослушав в театре стихи Вергилия, поднялся как один

и воздал случайно присутствовавшему между зрителями Вергилию такие почести, как если бы то был сам Август. Да и в наше время Помпоний Секунд не уступит Домицию Афру ни в значительности занимаемого им положения, ни в прочности славы. А что завидного в жребии твоего Криспа или твоего Марцелла, которых ты мне приводишь в пример? То, что они живут в постоянном страхе и нагоняют страх на других? То ли, что от них ежедневно требуют помощи, и те, кому они ее не оказывают, негодуют на них? Что, обреченные лстить, они никогда не кажутся властителям в достаточной мере рабами, а нам — достаточно независимыми? В чем же заключается их могущество? Таким могуществом обычно располагают и вольноотпущенники. Так пусть же сладостные музы, как назвал их Вергилий, перенесут меня, удалившегося от тревожений и забот и необходимости ежедневно совершать что-нибудь вопреки желанию, в свои святилища, к своим ключам;³⁰ и да не буду я больше, трепеща и покрываясь мертвенной бледностью в ожидании приговора молвы, испытывать на себе власть безумного и своекорыстного форума. Пусть меня не будит горю явившихся с утренним приветствием или запыхавшийся вольноотпущенник; да не стану я, одолеваемый сомнениями относительно будущего, писать завещание по образцу поручительства;³¹ пусть мое состояние не превышает того, что я мог бы беспрепятственно завещать тем, кому пожелаю (ведь роковой день настигнет когда-нибудь и меня), пусть на памятнике, поставленном на моей могиле, я буду не скорбный и не суровый, а веселый и увенчанный лавровым венком, и пусть, наконец, никто не добивается сенатского постановления об увековечении моей памяти и не вымаливает на это согласия принцепса».³²

14. Едва Матерн кончил свою взволнованную и как бы внушенную вдохновением речь, как в его покой вошел Випстан Мессала и, заподозрив по сосредоточенному выражению лиц всех присутствовавших, что между ними происходит весьма значительный разговор, сказал: «Я появился, по-видимому, не вовремя и помешал вашему тайному совещанию, на котором вы обсуждали, что следует предпринять по какому-то занимающему вас судебному делу».

«Нисколько, нисколько, — отозвался Секунд, — напротив, мне очень жаль, что ты появился только сейчас, а не раньше; ты бы получил огромное удовольствие от тщательно продуманной речи нашего Апра, побуждавшего Матерна обратить все свое дарование и усердие исключительно на судебное красноречие, а также от ответного слова Матерна, отстаивавшего свою возлюбленную поэзию, как и подобает поэтам, в страстной, смелой и больше похожей на поэму, чем на ораторское выступление, отповеди».

«Конечно, — сказал Мессала, — эта беседа подарила бы мне безграничное наслаждение, но меня восхищает и то, что вы, почтеннейшие мужи и лучшие ораторы нашего времени, оттачиваете свои дарования не только в судебных тяжбах и упражняясь в искусстве декламации, но и вступая

в споры этого рода, дающие пищу уму и доставляющие приятнейшее, насыщенное ученостью и литературою, развлечение, и не только вам, спорящим об этих предметах, но и всякому, кто вас слушает. Итак, считая, что, составив жизнеописание Юлия Африкана и тем самым вселив в нас надежду на появление в недалеком будущем многих книг этого рода, ты, Секунд, заслуживаешь величайшего одобрения, я, право же, нахожу, что Апр в не меньшей мере заслуживает порицания за то, что все еще не расстался со школьной приверженностью к пустым словопрениям и предпочитает заполнять свой досуг по примеру новейших риторов, а не древних ораторов».

15. На это Апр заметил: «Ты не перестаешь, Мессала, восхищаться лишь старинным и древним, а над творениями нашего времени насмеяешься и ни во что их не ставишь. Ибо речи, подобные только что сказанному, я уже слышал не раз, когда, забыв о красноречии своем собственном и твоего брата,³³ ты утверждал, что в наши дни нет ни одного подлинного оратора, делая это, я полагаю, тем решительнее и смелее, что не боялся упрека в злокозненности, поскольку сам себе отказывал в славе, которой тебя венчают другие».

«И в своих словах я отнюдь не расканиваюсь,— ответил Мессала,— ведь и Секунд, и Матерн, да и ты сам хотя порою и спорите со мною, доказывая обратное, однако думаете, полагаю, совсем по-иному, и я бы очень хотел, чтобы кто-либо из вас разобрался, в чем причины этого разительного различия между былым и нынешним красноречием, и поделился с нами своими выводами,— ведь и я немало размышляю о том же. И то, что некоторых утешает, вызывает во мне еще большее недоумение, ибо я вижу, что похожее произошло и у греков, и прославленный Никет Сacerdot или кто другой, докучающий Митиленам или Эфесу хором славословящих его во весь голос учеников, отстоит от Эскина и Демосфена еще дальше, пожалуй, чем Апр и Африкан или вы сами отошли от Цицерона или Азиния».

16. «Ты затронул,— сказал Секунд,— очень важный вопрос, заслуживающий всестороннего рассмотрения. Но кто же способен разрешить его лучше, чем ты, к величайшей учености и проницательнейшему уму которого в этом случае присоединились к тому же любознательность и упорные размышления о том же предмете?».

«Хорошо, я выскажу свои мысли,— ответил Мессала,— но сначала я хочу получить от вас обещание, что и вы примете деятельное участие в предстоящем нам обсуждении».

«За двоих,— сказал Матерн,— готов поручиться, ибо и я, и Секунд возьмем на себя освещение тех сторон и частных, которые, как мы понимаем, ты не столько упустил из виду, сколько оставил для нас. Что же касается Апра, то он обычно отстаивает взгляды, противоположные нашим, и, как только что ты отметил,— да это очевидно и по всему его облику,— уже давно приготовил оружие, чтобы схватиться с нами, и никоим образом не безразличен к нашему единодушному восхвалению древности».

«Разумеется, я не потерплю,— заявил Агр,— чтобы, заранее вступив в сговор, не выслушав и не дав возможности представить свои оправдания, вы осудили наш век. Но прежде я должен услышать от вас, кого вы называете древними, какое поколение ораторов разумеете под этим обозначением? Ведь когда я слышу о древних, то представляю себе живших в пору седой старины и родившихся очень давно и перед моими глазами возникают Одиссей и Нестор, время жизни которых отстоит от нашего приблизительно на тысячу триста лет; вы же указываете на Демосфена и Гиперида, блиставших, как хорошо件 известно, при Филиппе и Александре и переживших и того и другого. Из чего явствует, что поколение Демосфена отделено от нашего тремястами с немногим годами. Этот отрезок времени при сопоставлении с нашей телесной немощностью, быть может, и кажется продолжительным, но, соотнеся его с действительной длительностью веков и принимая во внимание, сколь безграничен во времени каждый из них, мы поймем, что он крайне ничтожен и что Демосфен где-то совсем рядом с нами. Ибо, если, как пишет в „Гортензии“³⁴ Цицерон, великим и настоящим годом надлежит считать только тот, когда повторяется то же положение небесного свода и звезд, а такой год охватывает двенадцать тысяч девятьсот пятьдесят четыре отрезка времени,³⁵ именуемых нами годами, то окажется, что Демосфен, о котором вы воображаете, что он старинный и древний, появился на свет не только в том же году, что мы, но и в том же месяце.

17. «Но перехожу к латинским ораторам, из которых, как я думаю, вы противопоставляете нашим умеющим хорошо говорить современникам не Менения Агриппу, несмотря на то, что его можно считать древним, но Цезаря, и Цицерона, и Целия, и Кальва, и Брута, и Азиния, и Мессалу; но мне непонятно, почему вы относите их скорее к древности, чем к нашему времени. Ибо, если остановиться хотя бы на Цицероне, то он был убит в консульство Гирция и Пансы, в седьмой день до декабрьских ид,³⁶ как сказано у его вольноотпущенника Тирона, а это — тот самый год, в котором божественный Август поставил консулами вместо Пансы и Гирция себя самого и Квинта Педия. Прибавь пятьдесят шесть лет, отданных затем божественным Августом управлению государством; присчитай еще двадцать три года, приходящихся на Тиберия, почти четыре года — на Гая,³⁷ дважды по четырнадцать лет — на Клавдия и Нерона, всего один единственный, но бесконечно долгий год императорской власти Гальбы, Отона и Вителлия и, наконец, пять с лишним лет нынешнего счастливого принципата, в течение которых Веспасиан пестует Римское государство; таким образом, со времени гибели Цицерона по этот день набирается сто двадцать лет, т. е. один человеческий век. Ибо я сам видел в Британии старца, признавшегося, что он принимал участие в битве, в которой британцы напали на прибывшего к ним с войском Цезаря, надеясь прогнать его с побережья и сбросить в море. И получается, что, если бы его, сопротивлявшегося с оружием в руках Цезарю, занесли в Рим или

плен, или добрая воля, или какая-нибудь превратность судьбы, он мог бы слышать и самого Цезаря, и Цицерона и даже присутствовать на наших судебных процессах. При раздаче последнего конгиария мы видели нескольких стариков, рассказывавших, что они — кто раз, кто дважды — получили конгиарий, розданный божественным Августом. Из чего следует, что они могли слышать и Корвина, и Азиния, ибо Азиний дожил до середины правления Августа, а Корвин — почти до его конца. Так не делите же столетие на две половины и не именуите древними тех ораторов, которых могли слышать уши одних и тех же людей, ибо эти люди имеют достаточно оснований связывать и объединять их и нас в одно целое.

18. «Я предпослал такое вступление, чтобы показать, что если благодаря широкой известности и славе этих ораторов древность превозносится восхвалениями, то она обязана этим тем из них, кто находится между нею и нами и ближе к нам, чем к Сервию Гальбе или Гаю Карбону и всем прочим, сколько их ни есть, кого мы можем по справедливости назвать древними, — ведь они и в самом деле — дикие, и неотесанные, и невежественные, и в сущности никакие ни ораторы; о, если бы им ни в чем и никогда не подражали ваш возлюбленный Кальв, или Целий, или сам Цицерон! Я собираюсь высказать вещи еще более решительные и смелые, но сначала хочу отметить, что формы и разновидности ораторской речи меняются вместе со временем. Так, по сравнению с Катонем Старшим Гай Гракх содержательнее и глубже, по сравнению с Гракхом Красс утонченнее и изящнее, по сравнению с ними обоими Цицерон яснее, образованнее и возвышенней, а Корвин мягче и доступнее Цицерона, и к тому же требовательнее к себе в выборе выражений. Я не стану доискиваться, кто из них самый красноречивый; пока мне было достаточно доказать, что у красноречия не всегда одно и то же лицо, но что и у тех, кого вы именуете древними, обнаруживаются бесчисленные его оттенки, и тот, кто резко отличается от остальных, отнюдь не обязательно самый худший, и только в силу присущего людям порока недоброжелательства все старое неизменно расхваливается, а все современное вызывает пренебрежение. Но сомневаемся ли мы в том, что нашлись и такие, кого Аппий Слепой восхищал больше Катона? Хорошо известно, что даже у Цицерона не было недостатка в хулителях, которым он представлялся высокопарным, надутым, недостаточно четким, лишенным чувства меры и мало аттическим. Вы, конечно, прочли письма Кальва и Брута к Цицерону;³⁸ из них легко усмотреть, что Кальв казался Цицерону худосочным и бесстрастным, а Брут — бессодержательным и разбросанным, да и Кальв, в свою очередь, порицал Цицерона за расслабленность и вялость, а Брут, если воспользоваться его собственными словами, — за бессилие и отсутствие мужественности. Если ты пожелаешь знать мое мнение, то я считаю, что все они говорили сущую правду. Но к отдельным ораторам я перейду несколько позже, а сейчас должен рассмотреть их всех в совокупности.

19. «Поскольку среди поклонников древних укоренилось мнение, что конец древнему красноречию положил Кассий Север, которому они это вменяют в вину и который, по их словам, первым свернул с проторенного и прямого пути ораторского искусства,³⁹ я утверждаю, что он перешел к этой новой разновидности ораторской речи не из-за скудости своего дарования и невежественности, а совершенно сознательно и руководствуясь здравым смыслом. Ибо он увидел, что вместе с приносимыми временем сдвигами в обстоятельствах и общественных вкусах должны быть изменены, о чем я сказал несколько раньше, также форма и самое содержание ораторской речи. В былые дни наш неискушенный и еще совсем темный народ с легкостью выносил нескончаемые длинноты крайне тяжеловесных речей, и всякий, кто безостановочно проговорил полный день, уже этим одним вызывал его восхищение. Ведь тогда были в большой чести пространные предуведомления ко вступлениям, и начинаемое издали изложение дела во всех его мельчайших подробностях, и расчленение повествования на бесчисленное множество разделов и подразделов, и целая лестница из тысячи доводов и доказательств, и все прочее, чему только ни поучали на редкость сухие книги Гермагора и Аполлодора;⁴⁰ а если кто-нибудь казался хотя бы понюхавшим философии и к тому же включал в свою речь крупницы ее, того превозносили чуть ли не до небес. И неудивительно: ведь все это было новым и доселе неизвестным, да и между самими ораторами лишь ничтожно малая часть была знакома с предписаниями риторов и положениями философов; но когда и то и другое стало достоянием поистине всех и каждого, когда в кругу слушающих оратора едва ли найдется такой, кто бы, если он и не имеет глубоких познаний, не был во всяком случае наслышан об их основах, для красноречия необходимы новые и более тщательно проложенные пути, дабы оратор не нагонял скуку на слушателей и особенно на тех судей, которые ведут разборательство, творя насилие и пользуясь своей властью, а не в соответствии с правом и законами, и не предоставляют ему нужного времени, полагая, что им незачем ждать, пока он соизволит заговорить о существе дела, но часто одергивают его и призывают к порядку, когда он уклоняется в сторону, и не стесняются во всеуслышание заявлять, что они торопятся.

20. «Кто теперь потерпит оратора, начинающего речь с рассказа о своих немощах? А ведь таковы начала почти всех выступлений Корвина. У кого хватит терпения прослушать пять книг „Против Верреса“⁴¹? Кто способен выдержать целые и притом огромные сочинения об оговорке и формуле,⁴² которые мы читаем в речах „В защиту Марка Туллия“ или „В защиту Авла Цецины“.⁴³ В наше время судья обгоняет оратора и, если не будет захвачен и подкуплен цепью приводимых им доводов или красочностью высказываемых суждений или блеском и яркостью описаний, перестанет следить за его словами. Даже толпа присутствующих на суде и случайные, забредшие мимоходом слушатели привыкли требовать от судебной речи занимательности и красоты и не больше стали бы мириться с тем, чтобы

в судах дарила суровая и грубая старина, чем если бы кто-нибудь вздумал подражать на подмостках телодвижениям Росция или Амбивия Турпиона. Ведь ныне уже и юноши, и те, кто, пребывая в горниле учения, ради собственного усовершенствования ходят по пятам за ораторами, желают не только прослушать их речи, но и унести с собою домой что-нибудь замечательное и достойное запоминания; и они сообщают друг другу и нередко пишут в свои колонии и провинции, если в остроумном и кратком суждении блеснет какая-нибудь глубокая мысль или то или иное высказывание засверкает своим изысканным и поэтическим облачением. Больше того, от оратора требуется и умение привести к месту стихи, и не какую-нибудь ветость из Акция или Пакувия, а что-нибудь извлеченное из священной сокровищницы Горация, или Вергилия, или Лукана. Так, считаясь со вкусами и приговорами современников, и возникло поколение наших ораторов, овладевших более красивою и изящною речью. И наши выступления от того, что воспринимаются судьями с удовольствием, не стали менее убедительными. Ведь не сочтешь же ты современные храмы менее прочными, потому что они возводятся не из беспорядочных глыб и кирпича грубой выделки, а сияют мрамором и горят золотом?

21. «Признаюсь вам откровенно, что при чтении некоторых древних ораторов я едва подавляю смех, а при чтении других — сон. И из всего их сонма я имею в виду не какого-нибудь Кануция или Аттия, но, не говоря уже о Фурнии и Торании,⁴⁴ и всех тех, у которых, как если бы они пребывали в одной больнице, одинаково торчат кости и которые одинаково худосочны; да и сам Кальв, оставивший после себя, сколько я знаю, двадцать одно ораторское произведение, едва удовлетворяет меня в одной-двух небольших речах. Я вижу, что и все остальные не возражают против моего приговора: ведь кто же теперь читает речи Кальва „В защиту Азиция“ или „В защиту Друза“? Но все-таки в руках всех изучающих красноречие находятся его речи, именуемые „Против Ватиния“, и особенно вторая из них; в ней есть и слова, и мысли, все, чему полагается быть, и она приспособлена ко вкусам судей, так что нетрудно заметить, что и сам Кальв понимал, как добиваться лучшего, и что ему недоставало не стремления выразиться возвышенной и изящнее, а дарования и сил. А речи Целия? Ведь среди них нам, полностью или частями, нравятся только те, в которых мы ощущаем блеск и возвышенность современного красноречия. Но низменные слова, и бессвязное построение, и неуклюжие предложения отдают седой стариной; и я думаю, что не найдется ни одного столь ярого любителя древности, который стал бы хвалить в Целия именно то, в чем он больше всего устарел. Разумеется, мы простим Гаю Цезарю, что, вынашивая великие замыслы и постоянно погруженный в дела, он достиг в красноречии меньшего, чем от него требовал его божественный гений, равно как уступим, право же, Брута его возлюбленной философии; ведь речи менее всего доставили ему славу, и это признают даже его поклонники. Кто же читает речь Цезаря „В защиту Децидия Самнита“ или речь Брута „В за-

шиту царя Дейотара“⁴⁵ и другие их ораторские произведения, отличающиеся той же медлительностью и вялостью, кроме тех, кто восхищается, пожалуй, и их стихами? Ведь они сочиняли также стихи и сдавали их на хранение в библиотеки; сочиняли не лучше Цицерона, но оказались удачливее его, ибо о том, что они их сочиняли, знает меньше народу.⁴⁶ И даже Азиний, хотя и родился уже не в столь отдаленное от нас время, кажется мне трудившимся в пору Менения и Аппия. А уж Пакувию и Акцию он подражал не только в своих трагедиях, но и в речах,— настолько он угловат и сух. А между тем, как и человеческое тело, прекрасна только та речь, в которой не выпирают жилы и не пересчитываются все кости, в которой равномерно текущая и здоровая кровь заполняет собою члены и приливает к мышцам, и ее алый цвет прикрывает сухожилия, сообщая прелесть и им. Я не хочу нападать на Корвина, потому что не от него зависело придать своим речам свойственные лишь нашему времени живость и блеск, и все же мы видим, что сил его души и дарования с избытком хватило для выполнения тех задач, которые он себе ставил.

22. «Перехожу к Цицерону, у которого шли такие же сражения с его современниками, какие у меня с вами. Ведь они восхищались древними, а он предпочитал красноречие своего времени. И ни в чем он не ушел так далеко от ораторов своего поколения, как во вкусе. Он первым стал заботиться об украшении ораторской речи, первый обратил внимание на выбор наиболее подходящих слов и на искусство их сочетания; он решился включать в изложение более живые места и создал некоторое количество метких выражений, особенно в тех речах, которые сочинил уже стариком и под конец жизни, т. е. после того как добился многого и благодаря своим навыкам и опытности постиг, какая разновидность красноречия наилучшая. Ибо прежние его речи не свободны от пороков глубокой древности: он расплывчат в началах, слишком пространен в изложении, безучастен к концу; он медленно раскачивается, редко воспламеняется; лишь немногие периоды он заканчивает удачно и с некоторым блеском. Ничего у него нельзя позаимствовать, ничего запомнить, и все в целом напоминает стену грубо возведенного здания: она, пожалуй, прочна и долговечна, но шероховата и не излучает сияния. Я же хочу, чтобы оратор уподобился богатому и рачительному главе семейства, заботящемуся не только о том, чтобы его жилище было под крышей, которая защищала бы от дождя и ветра, но чтобы оно также радовало взор и глаза; не только о том, чтобы обставить его лишь тою утварью, которая необходима для удовлетворения насущных потребностей, но чтобы в его убранстве было и золото, и серебро, и драгоценные камни, дабы их можно было взять в руки и любоваться ими всякий раз, как только захочется. Конечно, из речи нашего времени кое-что должно быть изгнано прочь, как приевшееся и устарелое: пусть в ней не будет ни единого изъеденного ржавчиной слова, пусть не будет и предложений, вялых и неуклюжих, скроенных по образцу, принятому составителями анналов; пусть оратор решительно избегает в ней отвратительного

и пошлого шутовства, пусть, наконец, разнообразит ее построение и не заканчивает периодов всегда и везде на одинаковый лад.

23. «Не хочу потешаться над колесом Фортуны, или порядком Верреса,⁴⁷ или втиснутым в каждый третий период решительно всех речей в качестве подводящего итог выражения и так, очевидно.⁴⁸ Ведь и эти примеры я привел неохотно и еще большее число их опустил, а между тем только этим одним восхищаются и лишь этому подражают все те, кто именует себя последователями древних ораторов. Я не стану называть их имена и удовольствуюсь лишь упоминанием об этом разряде людей; ведь они у вас всегда перед глазами — это те, кто предпочитает читать не Горация, а Луцилия, не Вергилия, а Лукреция, кому столь блестящие писатели, как Авфидий Басс или Сервилий Нониан, по сравнению с Сизенною или Варроном кажутся жалкими пачкунами, кто с презрением отвергает сборники наших риторов и в восторге от речей Кальва. И когда они разглагольствуют на старинный лад пред судьбою, на разборительство не стекаются слушатели, не слушает их и народ, да и едва выносит даже сам тяжущийся, за которого они выступают. Бесконечно унылые и бесцветные, они достигают той пресловутой „здравости“ красноречия, которою так похваляются, не избытком силы, а ее скудостью. Но, как считают врачи, немногого стоит здоровое тело, если оно наделено робкой душой; мало не быть больным; я хочу, чтобы человек был смел, полнокровен, бодр; и в ком хвалят только его здоровье, тому рукой подать до болезни. Вы же, красноречивейшие мужи, прославьте наш век, как только можете, как уже делаете, прекраснейшей разновидностью ораторского искусства. Ибо я вижу, что и ты, Мессала, заимствуешь у древних лишь самое светлое, и вы, Матерн и Секунд, блестяще сочетаете глубокое содержание с великолепием слога; вам присущи такая утонченная изобретательность, такая последовательность в изложении, такая, когда требует дело, велеречивость, такая, когда оно допускает, краткость, такая убедительность в выводах; вы так выражаете свои чувства, так умеете удержаться на грани дозволенного, что даже если бы зависти и недоброжелательству удалось временно очернить эту нашу оценку, правду о вас все-таки скажут потомки».

24. После того как Апр закончил, Матерн сказал: «Узнаете ли вы мощь и горячность нашего Апра? С какой страстностью, с каким пылом защищал он наш век! Какую неиссякаемость и разнообразие проявил в нападениях на древних! С какими не только дарованием и остроумием, но также ученостью и искусством, которые он у них позаимствовал, на них же накинулся! И все же не подобает тебе, Мессала, отступить от своего обещания. Мы не требуем, чтобы ты выступил защитником древних или кого-либо из нас; и хотя мы только что удостоились похвалы, у нас и в помыслах нет равнять себя с теми, на кого ополчился Апр. Да он и сам не думает того, что утверждает, но по старинному обыкновению, которого нередко придерживались и наши философы, взял на себя обязанность

во что бы то ни стало отстаивать противоположные общепринятым взгляды. Итак, не занимайся восхвалением древних (ведь они достаточно восхваляемы своей славой), но объясни, почему мы так далеко отошли от их красноречия, хотя из расчета времени вытекает, что со дня гибели Цицерона минуло только сто двадцать лет».

25. Тогда начал Мессала: «Я последую указанным тобою, Матерн, путем; да и незачем пространно возражать Апру, который, по-моему, в первую очередь спорит против названия,— не пристало будто бы называть древними тех, кто, как известно, жил за сто лет до нас. Препираться из-за слова я не намерен: пусть называет их хоть древними, хоть предками, хоть еще по-иному, как ему больше нравится, лишь бы им было признано, что красноречие той поры превосходит наше. Не стану опровергать и еще одно выдвинутое им положение, ибо и сам нахожу, что не только на протяжении различных столетий, но и в пределах одного и того же возникло множество разновидностей красноречия. Но подобно тому как первенство среди ораторов Аттики безоговорочно отводится Демосфену, а ближайшее к нему место занимают Эсхин, и Гиперид, и Лисий, и Ликург и это поколение ораторов с общего согласия считается наиболее выдающимся, так и наш Цицерон опередил в красноречии остальных ораторов своего времени, тогда как Кальв, и Азиний, и Цезарь, и Целий, и Брут по праву ставятся выше и предшественников, и тех, кто жил после них. И несущественно, что между ними отмечаются некоторые отличия, раз в основном они сходны. В Кальве больше сжатости, в Азинии — остроумия, в Цезаре — четкости, в Целии — язвительности, в Бруте — основательности, в Цицероне — страстности, полноты и мощи. Однако все они отличаются здравостью своего красноречия, так что, взяв в руки речи любого из них, чувствуешь, что при всем различии дарований их объединяет некое сходство и общность вкусов и направления. И если они неприязненно относились друг к другу, а в их письмах есть кое-какие места, в которых проглядывает взаимное недоброжелательство, то это порок не ораторов, но людей. Ибо, по-моему, и Кальву, и Азинию, и самому Цицерону нередко доводилось испытывать ревность и жгучую зависть, и вообще они не были свободны от присущих человеческому несовершенству пороков; единственный среди них, кому, как я считаю, были неведомы зависть и недоброжелательство,— это Брут, откровенно и искренне высказывавший все, что было у него на душе. Ужели завидовал Цицерону тот, кто не завидовал, как мне кажется, даже Цезарю с его безграничным могуществом? Что же касается Сервия Гальбы и Гая Лелия или кого другого из древних, которых не упустил задеть Апру, то тут не требуется защитника, ибо готов признать, что их только нарождавшееся и еще не достигшее зрелости красноречие и в самом деле не было лишено кое-каких изъянов.

26. «Но если, оставив в стороне этот наилучший и совершеннейший род красноречия, я был бы вынужден избрать какую-нибудь иную форму ораторского искусства, то для меня предпочтительнее неистовость Гая

Гракха или зрелое спокойствие Луция Красса, чем кудрявость Мецената и бубенчики Галлиона: все-таки много лучше одеть речь в грубошерстную тогу, чем обрядить ее в кричащее тряпье уличной женщины. Ведь недостойно оратора и, право же, отнюдь не мужское дело облачать речь в одеяние, которым очень многие судебные стряпчие нашего времени пользуются столь широко, что непристойностью слов, легковесностью мыслей и произволом в ее построении воспроизводят песенки лицедеев. И нельзя слушать без содрогания, как в доказательство своей славы и даровитости очень многие бахвалятся тем, что их изделия распевают и пляшут. Отсюда проистекает и отвратительное, чудовищное, но частое утверждение, будто ораторы наши сладострастно говорят, а лицедеи — красноречиво пляшут. Не стану отрицать, что Кассий Север — единственный, кого решился назвать наш Агр, — если сравнить его с жившими позже, и в самом деле может быть назван оратором, хотя в значительной части своих речей он обнаруживает больше желчи, чем крови. Ведь, будучи первым, кто пренебрег последовательностью в построении речи и нарушил скромность и целомудрие в выборе выражений, он не овладел как следует тем оружием, которое применял, и чаще всего, встретив сопротивление, поникает духом и в общем не столько сражается, сколько бранится. И все же, как я сказал, по сравнению с последовавшими за ним он широтой учености, и утонченностью остроумия, и мощью своего дарования намного превосходит всех прочих, кого Агр не осмелился ни назвать, ни вывести в бой. А между тем я ожидал, что, забросав обвинениями Азиния, и Целия, и Кальва, он выставит перед нами целый отряд и назовет многих или по крайней мере стольких же, с тем чтобы мы могли противопоставить такого-то Цицерону, такого-то Цезарю и каждого каждому. Но, обругав древних ораторов поименно, он этим и удовольствовался и не решился похвалить тех, кто за ними следовал, иначе как скопом и в общем и в целом, опасаясь, как я предполагаю, обидеть многих, выделив нескольких. Но кто же из едва приступивших к изучению красноречия не тешит себя убеждением, что, безусловно превосходя Цицерона, он уступает в даровании только Габиниану? А я не побоюсь назвать каждого по отдельности, дабы из приведенных мною примеров стало яснее, через какие ступени прошло красноречие на пути к своему нынешнему упадку и вырождению».

27. «Погоди, — сказал Матерн, — лучше исполни свое обещание. Ведь мы не нуждаемся в доказательствах, что древние были красноречивее, что для меня по крайней мере не подлежит сомнению, но хотим разобратся в причинах этого, а ты, как сказано тобой несколько выше, постоянно размышляешь о них; правда, пока Агр не обидел тебя своими нападками на твоих предшественников и предков,⁴⁹ ты говорил спокойнее и не с таким раздражением против современного красноречия».

«Я несколько не обижен резкостью моего Агра, — ответил Мессала, — да и вам не следует обижаться, если и впредь он чем-нибудь заденет ваш

слух; ведь вы хорошо знаете, что таков закон бесед этого рода — высказывать свои убеждения не в ущерб дружеским чувствам».

«Продолжай,— сказал Матерн,— и когда станешь говорить о древних ораторах, делай это с древнею прямою, от которой мы отошли еще дальше, чем от древнего красноречия».

28. На это Мессала сказал: «Причины, которых ты, Матерн, доискиваешься, не скрыты от взора и хорошо известны и тебе самому, и Секунду, и Апру, хоть вы и обяжали меня высказаться о том, что нам и так понятно и ясно. Кто же не знает, что и красноречие и другие искусства пришли в упадок и растеряли былую славу не из-за оскудения в дарованиях, а вследствие нерадивости молодежи, и беспечности родителей, и невежества обучающихся, и забвения древних нравов? Это зло сначала возникло в Риме, затем охватило Италию, а теперь уже проникает в провинции. Впрочем, ваши дела вам виднее. Я же буду говорить только о Риме и о наших местных пороках, которые заражают нас с часа рождения и множатся по мере того, как мы поднимаемся по ступеням жизни; но прежде я скажу несколько слов о том, с какой строгостью и требовательностью обучали и воспитывали детей наши предки. Ибо некогда в каждой римской семье сын, родившийся от порядочной женщины, возрастал не в каморке на руках покупной кормилицы, а окруженный попечением рачительной матери, которую больше всего хвалили за образцовый порядок в доме и неустанную заботу о детях. Подыскивалась также какая-нибудь пожилая родственница, чьи нравы были проверены и признаны безупречными, и ей вручался надзор за всеми отпрысками того же семейства; в ее присутствии не дозволялось ни произнести, ни сделать такое, что считается непристойным или бесчестным. И мать следила не только за тем, как дети учатся и как выполняют свои другие обязанности, но и за их развлечениями и забавами, внося в них благочестие и благопристойность. Мы знаем, что именно так руководили воспитанием сыновей и мать Гракхов Корнелия, и мать Цезаря Аврелия, и мать Августа Атия, взрастившие своих детей первыми гражданами Римского государства. И эти строгость и требовательность в обучении приводили к тому, что чистая, целостная и не извращенная никакой порчей природа каждого тотчас же с жадностью усваивала возвышенные науки и, если ее влекло к военному делу, или к законоведению, или к занятиям красноречием, полностью отдавалась лишь избранной ею области знания и исчерпывала ее до дна.

29. «А теперь новорожденного ребенка препоручают какой-нибудь рабыне-гречанке, в помощь которой придаются один-два раба из числа самых дешевых и не пригодных к выполнению более существенных дел. Их рассказы и заблуждения впиваются в себя еще совсем нежные и восприимчивые детские души; и никто во всем доме не задумывается над тем, что именно они говорят и делают в присутствии своего юного господина. Да и сами родители приучают малолетних детей не к добропорядочности и скромности, а к распушенности и остроловию, и вот не-

заметно в их души вкрадываются бесстыдство и презрение и к своему, и к чужому. И, наконец, особенно распространенные и отличающие наш город пороки — страсть к представлениям лицедеев, и к гладиаторским играм, и к конным ристаниям — как мне кажется, зарождаются еще в чреве матери; а в охваченной и поглощенной ими душе отыщется ли хоть крошечное местечко для добронравия? Найдешь ли ты в целом доме кого-нибудь, кто говорил бы о чем-либо другом? Слышим ли мы между юношами, когда нам доводится попасть в их учебные помещения, разговоры иного рода? Да и сами наставники чаще всего болтают со своими слушателями о том же; и учеников они привлекают не своей требовательностью и строгостью и не своими проверенными на опыте дарованиями, а искательными посещениями с утренними приветствиями и приманками лести.

30. «Опущу начальное обучение; впрочем, скажу все же о том, что и оно требует от учащихся слишком мало усилий; ведь они не прилагают достаточного труда ни для ознакомления с творениями великих писателей, ни для понимания древности, ни для познания вещей и людей, а также событий прошлого. Все торопятся как можно скорее перейти к тем, кого именуют риторам. Предполагая чуть дальше остановиться на том, когда именно в нашем городе впервые обосновались люди этого ремесла и сколь малое уважение оказывали им наши предки, я нахожу, что сейчас мне следует мысленно перенестись к той науке, которая, как мы знаем, усердно изучалась теми ораторами, чей бесконечный труд, и повседневное размышление, и непрерывные занятия всеми, какие только ни существуют, отраслями науки засвидетельствованы и их собственными сочинениями. Вам, конечно, известно сочинение Цицерона, которое носит название „Брут“⁵⁰ и в заключительной части которого (ибо предыдущая содержит в себе повествование о древних ораторах) он рассказывает о своих первых шагах в учении, о своих успехах и как бы историю развития и совершенствования его красноречия: гражданское право он изучил у Квинта Муция; все разделы философии основательно усвоил у Филона Академика и Диодота Стойка;⁵¹ но, не удовольствовавшись этими преподавателями, которых ему пришлось слушать в Риме, перебрался в Ахайю и в Азию,⁵² чтобы охватить все многообразие всех известных наук. И действительно, по сочинениям Цицерона можно установить, что ему поистине не были чужды ни геометрия, ни музыка, ни грамматика, ни любая другая из высоких наук. Он знал до тонкостей диалектику, знал, как применить с пользой раздел философии, разбирающий, что есть нравственность, знал движение явлений и их причины. Да, наилучшие мужи, да, из этой величайшей учености и множества наук и знания всего сущего проистекает и различается полноводной рекою это поразительно щедрое красноречие; ведь мощь и богатство оратора не замыкаются, как все прочее, в тесных и узких пределах, но настоящий оратор — лишь тот, кто может говорить по любому вопросу красиво, изящно и убедительно, сообразно значительности пред-

мета, на пользу современникам и доставляя наслаждение всякому, кто его слушает.

31. «И древние твердо усвоили это и понимали, что для достижения такой цели нужны не декламации в школах риториков и не упражнение языка и гортани в надуманных и никоим образом не соприкасающихся с действительностью словесных схватках, а обогащение души такими науками, в которых идет речь о добре и зле, о честном и постыдном, о справедливом и несправедливом; ведь только с этим приходится иметь дело оратору. Ибо в суде мы почти всегда толкуем о справедливости, на совещаниях — о пользе, при произнесении похвальных речей — о честности и в большинстве случаев связываем и перемешиваем одно с другим. Но говорить обо всем этом пространно, разнообразно и убедительно может лишь тот, кто познал человеческую природу, и могущество добродетелей, и извращенность пороков, и смысл всего остального, что не причисляется ни к добродетелям, ни к порокам. Из этих источников проистекает и прямая поддержка, ибо знающий, что есть гнев, может легче разжечь или смягчить разгневанного судью, а знающий, что есть милосердие, — легко склонить его к состраданию. Вот какие науки и упражнения поглощают оратора, и выпадет ли на его долю выступать перед судьями, враждебно настроенными, или перед пристрастными, перед завистливыми или перед угрюмыми, или перед боязливыми, он должен чувствовать, что у них в глубине души, и, взявшись за поводья, соразмерять стремительность своей речи с тем, к чему больше привержена их природа, имея при этом в запасе любые средства и готовый применить их при первой необходимости. Существуют судьи, которым внушает больше доверия сжатый, собранный и тотчас снабжающий выводом отдельные доказательства род красноречия, — здесь принесут пользу прилежные занятия диалектикой. Другим больше по вкусу речь многословная, ровная и исходящая из обыденных мыслей и чувств; чтобы воздействовать на таких, давайте позаимствуем у перипатетиков⁵³ подходящие к случаю и для любого судебного разбирательства заранее подобранные места. Академики⁵⁴ снабдят нас задором, Платон — возвышенностью, Ксенофонт — живостью, а если потребуют обстоятельства, то пусть не будут чужды оратору и иные добропорядочные высказывания даже Эпикура и Метродора.⁵⁵ Ведь мы поучаем не философа и не приверженца стоиков, а того, кому необходимо некоторые науки знать досконально, а остальные только отведать. Вот почему старинные ораторы усваивали науку гражданского права и впитывали в себя и грамматику, и музыку, и геометрию. Ведь случаются судебные разбирательства, — и их больше всего, да и почти все такие, — для ведения которых требуется знание гражданского права, но при многих других желательно также знакомство и с остальными науками.

32. «И пусть никто не вздумает ответить на это, что нам достаточно, если в этом возникнет нужда, изучить что-нибудь простое и относящееся только к определенному случаю. Во-первых, мы совершенно по-разному

пользуемся своей личной собственностью и взятым нами со стороны, и сразу бросается в глаза различие между тем, кто высказывается, владея своим предметом, и тем, кто признал сведения у других. Затем, знание многих наук, даже если мы говорим о совсем ином, украшает, а также отмечает и выделяет нас, когда мы и не помышляем об этом. И это понимает не только просвещенный и мыслящий слушатель, но и народ, тотчас же воздающий нам похвалу и тем самым свидетельствующий, что тот, кто выступает пред ним, и в самом деле учился как следует, превзошел все разделы красноречия, наконец, что он — настоящий оратор; и я утверждаю, что стать оратором может лишь тот — и никто другой никогда им не становился, — кто приходит на форум, вооруженный всеми науками, как если бы он шел в бой, запасшись необходимым оружием. Но этим настолько пренебрегают современные краснобаи, что в их судебных выступлениях встречается отвратительные и постыдные ошибки, присущие повседневной речи; они невежественны в законах, не знают сенатских постановлений, больше того, потешаются над гражданским правом и испытывают величайший страх перед изучением философии и наставлениями философов. Как бы изгнанное из своего царства красноречие они сводят к крайне скудному кругу мыслей и нескольким избитым суждениям, и оно, которое некогда, властвуя над всеми науками, наполняло сердца блеском своего окружения, ныне ошипанное и обкорнанное, утратившее былую пышность, былой почет, почти лишившееся, я бы сказал, своего благородства, изучается как одно из самых презренных ремесел. Я считаю это первой и главной причиной, почему мы так далеко отошли от красноречия древних ораторов. Если нужны свидетели, то назову ли я среди греков кого-нибудь, кто внушал бы больше доверия, чем Демосфен, относительно которого передают, что он был усерднейшим слушателем Платона?⁵⁶ И Цицерон, сколько мне помнится, именно в таких словах говорит, что всем, чего он достиг в красноречии, он обязан не заведениям риторов, а садам Академии.⁵⁷ Существуют и другие причины, значительные и важные, но было бы справедливо, если бы их вскрыли вы сами, поскольку я уже выполнил взятые на себя обязанности, и по своему обыкновению обидел достаточно многих, которые, если бы им довелось выслушать это, сказали бы, я уверен, что, восхваляя знание законовещения и философии как необходимое для оратора, я наградил рукоплесканиями свои собственные никчемные и бессмысленные занятия».

33. На это Матерн заметил: «А мне кажется, что ты не выполнил принятой на себя обязанности; больше того, как мне кажется, ты лишь приступил к ее выполнению и, так сказать, только расставил точки и провел кое-какие линии. Правда, ты говорил, какими науками старались вооружиться ораторы прошлого, и показал различие между нашими леностью и невежеством и их напряженнейшими и плодотворнейшими занятиями; теперь, однако, я жду дальнейшего и, выслушав от тебя, в чем именно они были сведущи, а мы не сведущи, хочу точно так же узнать,

какими упражнениями, становясь юношами и готовясь ступить на судебное поприще, они старались поддерживать и растить свои дарования. Не станешь же ты отрицать, полагаю, что красноречие опирается не только на научные знания, но в еще большей мере — на способности и на опыт, с чем, судя по выражению лиц, согласны и остальные».

И после того как Апри и Секунды подтвердили, что таково и их мнение, Мессала, как бы начиная новую речь, сказал: «Поскольку истоки и корни красноречия, сообщив, какими науками старались вооружиться и просветить себя ораторы прошлого, я показал, по-видимому, с достаточной полнотой, перейду теперь к их упражнениям. И хотя занятия науками включают в себя упражнение, все же постигнуть такое множество столь глубоких и разнообразных предметов никто не может иначе, как сочетая знание с размышлением, размышление со способностями и способности с опытом в красноречии. Отсюда следует, что способ постижения того, что высказываешь, и высказывания того, что постигаешь, — один и тот же. А если кому-нибудь это кажется темным и он ограничивает знание от упражнения, то пусть такой согласится хотя бы с тем, что вооруженный и заполненный этими науками дух придет гораздо более подготовленным к тем упражнениям, которые, как очевидно, — неотъемлемая принадлежность ораторов.

34. «Так вот, юношу, предназначившего себя к политической деятельности и судебному красноречию, по завершении домашнего обучения, которое снабдило его обильными познаниями в благородных науках, отводили у наших предков отец или родственники к самому знаменитому во всем государстве оратору.⁵⁸ У этого юноши входило в привычку постоянно находиться при нем, повсюду сопровождать его и присутствовать при всех его выступлениях в суде и в народных собраниях, ловя каждое его слово во время прений сторон и в жарких спорах с противниками, — короче говоря, он учился сражаться, так сказать, прямо на поле боя. И это сразу же наделяло таких юношей большим опытом, похвальным упорством, исключительной проницательностью в суждениях, — ведь их наставницей была сама жизнь, и свою науку они одолевали в гуще ожесточенной борьбы, где никто не может безнаказанно произнести ничего глупого, ничего несуразного, что не было бы сразу отклонено судьей, осмеяно противником и отвергнуто даже друзьями. Таким образом, эти юноши постигали подлинное и ничем не извращенное красноречие и, хотя они сопровождали лишь одного и того же, тем не менее при рассмотрении самых различных тяжб и всевозможных судебных дел знакомились с речами всех защитников своего времени; они также располагали возможностью изучать бесконечно разнообразные вкусы народа, благодаря чему могли с легкостью определить, что именно в том или ином ораторе находит его одобрение, а что не нравится. Итак, у них был учитель, и даже наилучший из всех, который показывал им истинное лицо красноречия, а не его подобие; пред ними были его противники и соперники, сражавшиеся

с ним мечами, а не учебными палками,⁵⁹ была и толпа пришедших его послушать, каждый раз новых, неприязненных или благосклонных и поэтому подмечавших все его удачи и промахи. Ведь, как вы знаете, настоящую и прочную славу красноречие обретает не меньше у наших противников, чем у сторонников; больше того, именно там оно набирается силы и там же закрепляется и держится с большей устойчивостью. И юноша, о котором мы говорим, воспитанный такими наставниками, выученик столь крупных ораторов, внимательный слушатель всего, что говорится на форуме, усердный посетитель судов, овладевший своим искусством и с ним освоившийся на примере других, изучивший законы, так как их ежедневно при нем оглашают, знающий судей в лицо, присмотревшийся к царящим на народных собраниях нравам, потому что они постоянно у него пред глазами, хорошо осведомленный во вкусах народа, поскольку ему не раз приходилось их наблюдать, право же, сможет самостоятельно справиться с любым делом в суде, возьмет ли он на себя обвинение или защиту. На девятнадцатом году отроду Луций Красс выступил против Гая Карбона, на двадцать первом — Цезарь против Долабеллы, на двадцать втором — Азиний Поллион против Гая Катона, лишь немного превосходивший его возрастом Кальв — против Ватиния, — и с такими речами, которые и ныне мы читаем все еще с восхищением.

35. «А теперь наших подростков отводят в школы так называемых риторов, впервые появившихся у нас незадолго до времени Цицерона и пришедших не по душе нашим предкам, что явствует из отданного им цензорами Крассом и Домицием приказа закрывать, как говорит Цицерон, эту „школу бесстыдства“.⁶⁰ Итак, повторяю, наших подростков отводят в школы, в которых, затрудняюсь, право, сказать, что погубнее — самое место, соученики или способ занятий — действует на их души. Что касается места, то в нем нет ничего внушающего благоговения, потому что те, кто его посещает, равно несведущи; в соучениках тоже нет ничего назидательного, так как мальчики среди мальчиков и подростки среди подростков с одинаковой беспечностью и говорят, и выслушиваются другими,⁶¹ а что до упражнений, то они чаще всего только вредны. В самом деле, ведь у риторов занимаются лишь речами двух видов — свасориями и контрверсиями;⁶² свасории как якобы несомненно более легкие и не требующие зрелости мысли поручаются мальчикам, а контрверсии — более взрослым, и на какие поистине несообразные, какие нелепые темы!⁶³ И на такую надуманную, оторванную от жизни тему все же сочиняется декламация. Вот и выходит, что в школе ежедневно произносятся речи о наградах тираноубийцам,⁶⁴ или о выборе, предоставляемом претерпевшими насилие девушками своим похитителям,⁶⁵ или о мерах пресечения моровой язвы,⁶⁶ или о кровосмесительных связях матерей с сыновьями,⁶⁷ или о чем-либо ином в этом же роде, что рассматривается в суде или исключительно редко, или вообще никогда; но перед настоящими судьями...⁶⁸

36. . . . обдумывать дело, нельзя было высказать ничего бездоказательного, ничего легковесного. Для великого красноречия, как и для пламени, нужно то, что его питает, — нужны дуновения, придающие ему силу, и, лишь окрепнув, оно начинает отбрасывать яркие отблески. Наличие этих условий и в нашей общественной жизни породило красноречие древних. Ведь если даже современные нам ораторы достигли всего, что оно может дать в упорядоченном, спокойном и процветающем государстве, то среди былых смут и былой необузданности⁶⁹ им казалось, что они добиваются еще большего, ибо при общем смятении и отсутствии наделенного верховной властью правителя всякий оратор мнил о себе в меру своей способности воздействовать на мечущийся народ. Отсюда непрерывные предложения новых законов и домогательства народного расположения, отсюда народные собрания и выступления на них магистратов, проводивших едва ли не всю ночь на трибунах, отсюда обвинения и предание суду именитых граждан и враждебность, питаемая по отношению к целым родам, отсюда происки знатных и непрерывная борьба сената с простым народом. И хотя все это само по себе вносило разлад в государство, однако оттачивало и щедро вознаграждало, как казалось ораторам, их красноречие, ибо чем лучше тот или иной из них владел словом, тем легче добивался избрания на почетные должности, тем больше, отправляя их, выдвигался среди своих сотоварищей, тем бóльшую благосклонность снискивал себе у первых людей государства, бóльшую влияние у сенаторов, бóльшую известность и большее расположение у простого народа. Таких ораторов осаждали просившие о защите и покровительстве, и не только соотечественники, но и чужеземцы,⁷⁰ их боялись отправлявшиеся в провинции магистраты, обхаживали возвратившиеся оттуда; казалось, что без всяких усилий с их стороны им прямо в руки плывут претуры и консульства, и они, даже сложив по миновании срока свои обязанности, не лишались власти и направляли сенат и народ своими советами и своим влиянием.⁷¹ И в конце концов они убедили себя, что без помощи красноречия никто в нашем государстве не может ни достигнуть заметного и выдающегося положения, ни удержать его за собою. И не удивительно, раз даже вопреки желанию их вынуждали выступать перед народом, раз, подавая голос в сенате, нельзя было ограничиться односложным высказыванием, но от каждого требовалось, насколько позволяли ему дарование и красноречие, обосновать свое мнение, раз, представ перед судом из-за клеветнического навета или выдвинутого против них обвинения, они должны были лично держать ответ, раз даже свидетельские показания нельзя было дать заочно и в письменном виде, а нужно было присутствовать на разбирательстве и произнести их собственными устами. Таким образом, к огромным, доставляемым красноречием преимуществам добавлялась также прямая необходимость в нем, и если обладать даром слова считалось блистательным и достохвальным, то, напротив, казаться немым и безъязыким — постыдным.

37. «Итак, древние стремились хорошо говорить, побуждаемые к этому не менее честолюбием, чем сопряженными с красноречием выгодами: никто не хотел числиться скорее среди нуждающихся в защите, чем среди оказывающих ее, утрачивать на пользу другому унаследованные от предков связи⁷² и либо вовсе не добиваться избрания на почетные должности, как бы признаваясь тем самым в лености и непригодности к ним, либо, добившись их, плохо справляться с ними. Не знаю, приходилось ли вам держать в руках те сочинения древних, которые и поныне хранятся в библиотеках любителей старины, а в наши дни с особенным усердием собираются Муцианом; им подобрано и уже издано, насколько я знаю, одиннадцать книг „Судебных речей“ и три книги „Посланий“.⁷³ Из этих сочинений нетрудно понять, что Гней Помпей и Марк Красс возвысились, опираясь не только на войско и силу оружия, но также и на свои дарования и красноречие, что Лентулы, и Метеллы, и Лукуллы, и Курионы, и вся остальная когорта прославленных мужей древности отдавали занятию им много труда и старания и что никто в те времена не мог достигнуть большого могущества, не обладая хотя бы некоторым красноречием. К этому присоединялись и занимаемое подсудимыми видное положение, и значительность судебных процессов, что само по себе тоже много дает красноречию. Ибо большая разница, предстоит ли тебе говорить о краже, о формуле, об интердикте⁷⁴ или о подкупе избирателей на народном собрании, об ограблении союзников, об умерщвлении римских граждан.⁷⁵ Конечно, было бы лучше, если бы преступления этого рода никогда не происходили, и наилучшим следует признать такое государственное устройство, при котором подобное вообще не случается, но поскольку они все-таки происходят, красноречие извлекает из них необходимую для него пищу. Ведь в зависимости от важности дела возрастает мощь дарования, и никто не может выступить с блестящей и яркой речью, пока не возьмется за способный вдохновить на нее судебный процесс. Демосфена, я полагаю, прославили не те речи, что он произнес против своих опекунов,⁷⁶ и знаменитым оратором делают Цицерона не его выступления в защиту Публия Квинкция и Лициния Архия; настоящую славу принесли ему речи против Катилины,⁷⁷ в защиту Милона, против Верреса⁷⁸ и Антония.⁷⁹ Я указываю на это отнюдь не с намерением утверждать, что государству сто́ит терпеть дурных граждан, дабы ораторы находили для себя обильную пищу и им было о чем говорить, но ради того, чтобы мы хорошо помнили, о чем я не перестаю повторять, какой вопрос мы разбираем, и знали, что нас занимает предмет, для которого наиболее благоприятны смутные и беспокойные времена. Кому не известно, что полезнее и лучше наслаждаться благами мира, чем выносить невзгоды войны? Тем не менее хорошие воины порождаются главным образом войнами, а не миром. То же и с красноречием. Ибо чем чаще оно, так сказать, скреждает оружие, чем больше ударов наносит и получает, чем более сильных противников и более ожесточенные схватки само для себя избирает, тем возвышенней и внушительнее становится и, прославленное этими битвами,

вырастает в глазах людей, устроенных природою таким образом, что, находясь в безопасности, они любят следить за опасностями, угрожающими другому.

38. «Перехожу к принятым в древних судах порядкам. Хотя нынешние суды более приспособлены для выяснения истины, однако форум былых времен предоставлял красноречию больше простора,— ведь там не ограничивали ораторов всего несколькими часами, беспрепятственно предоставляли отсрочки,⁸⁰ каждый сам устанавливал размер своего выступления, и заранее не определялось ни количество дней, отводимых на судебное разбирательство, ни число защитников. Первым в свое третье консульство урезал эти свободы и как бы надел узду на красноречие Гней Помпей,⁸¹ однако так, чтобы все вершилось на форуме, все по законам, все у преторов; все важнейшие дела некогда всегда рассматривались у них, и это подтверждается тем, что подведомственные центумвирам дела, которым ныне отводится первое место, настолько затмевались блеском других судов, что ни Цицерон, ни Цезарь, ни Брут, ни Целий, ни Кальв, ни, наконец, кто другой из крупных ораторов не обнародовали ни одного выступления пред центумвирами: единственное исключение — речи Азиния, именуемые „В защиту наследников Урбинии“, но они были произнесены Поллионом в середине правления божественного Августа, после того как долгие годы мира, нерушимо хранимое народом спокойствие, неизменная тишина в сенате и беспрекословное повиновение принцепсу умиротворили красноречие, как и все прочее.

39. «То, о чем я собираюсь сказать, может быть, покажется несущественным и смешным, но я все-таки выскажу свою мысль, хотя бы для того, чтобы вы посмеялись. Сознаем ли мы, сколько унижения доставили красноречию эти обязательные для нас плащи,⁸² стиснутые и как бы скованные которыми мы обращаемся к судьям? Отдаем ли мы себе отчет в том, сколько силы отняли у ораторской речи эти судебные помещения и архивы,⁸³ в которых теперь рассматривается чуть ли не большинство дел? Благородным коням, чтобы выказать резвость, требуется необходимое для разбега пространство; так и ораторам нужен известный простор, и если они не могут свободно и беспрепятственно отдаться своему порыву, их красноречие слабеет и истощается. Все мы испытываем озабоченность и мешающую нам робость в выборе выражений, потому что нас часто прерывает судья, спрашивая, когда же мы, наконец, приступим к существу дела, после чего в ответ на этот вопрос нам приходится приступать к его изложению; нередко принуждает он нас к молчанию и тогда, когда нами приводятся доказательства и когда опрашиваются свидетели. При этом присутствуют и слушают выступающего один-два человека, и судебное разбирательство происходит как бы в пустыне. А между тем оратору необходимы возгласы одобрения и рукоплескания и, я бы сказал, своего рода театр; все это ежедневно выпадало на долю ораторов древности, когда одновременно столько и притом столь знатных мужей теснилось на форуме, когда клиенты, и

трибы, и даже представители муниципиев, и, можно сказать, половина Италии оказывали поддержку представшим пред судьями, когда при разбирательстве многих дел римский народ считал для себя исключительно важным, какой именно приговор будет вынесен судьями. Хорошо известно, что Гай Корнелий, и Марк Скавр, и Тит Милон, и Луций Бестия, и Публий Вагиний были осуждены или оправданы при стечении всего Рима, так что даже самых бесстрастных ораторов смогли расшевелить и разжечь не затухавшие в народе жаркие споры. И, право же, до нас дошли произведения этого рода, и по ним можно полнее и правильнее судить о тех, кто выступил с ними, чем по всем остальным их речам.

40. «А постоянные народные собрания и возможность беспрепятственно задевать всякого, сколь бы могущественным он ни был, и громкая известность, приобретаемая этими проявлениями враждебности (ведь большинство умевших хорошо говорить не воздерживались от поношений даже Публия Сципиона, или Суллы, или Гнея Помпея и, нападая на первейших мужей государства, как это свойственно зависти, старались, словно лицедеи, уладить своими выступлениями народ), каким горением наделяли умы, какой насменностью ораторов!⁸⁴

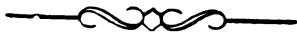
«Мы беседуем не о чем-то спокойном и мирном, чему по душе честность и скромность; великое и яркое красноречие — дитя своеволия, которое неразумные называют свободой; оно неизменно сопутствует мятежам, подстрекает предающийся буйству народ, вольнолюбиво, лишено твердых устоев, необузданно, безрассудно, самоуверенно; в благоустроенных государствах оно вообще не рождается. Слышали ли мы хоть об одном ораторе у лакедемонян, хоть об одном у критян?⁸⁵ А об отличавших эти государства строжайшем порядке и строжайших законах толкуют и посейчас.⁸⁶ Не знаем мы и красноречия македонян и персов и любого другого народа, который удерживался в повиновении твердой рукою. Было несколько ораторов у родосцев и великое множество — у афинян, у которых народ был всевластен, всевластны невежественные, всевластны, я бы сказал, решительно все. Да и в нашем государстве, пока оно металось из стороны в сторону, пока не покончило со всевозможными кликами и раздорами и междоусобицами, пока на форуме не было мира, в сенате — согласия, в судьях — умеренности, пока не было почтительности к вышестоящим, чувства меры у магистратов, расцвело могучее красноречие, несомненно превосходившее современное, подобно тому как на невозделанном поле некоторые травы разрастаются более пышно, чем на возделанном. Но красноречие Гракхов не дало нашему государству столь многого, чтобы оно стерпело и их законы, да и Цицерон, хотя его и постиг столь прискорбный конец, едва ли сполна оплатил славу своего красноречия.⁸⁷

41. «Форума древних ораторов больше не существует; наше поприще несравненно уже, но и то, с чем нам приходится сталкиваться, наглядно показывает, что Римское государство не свободно от недостатков и что еще многое нужно в нем упорядочить. Кто приглашает нас для ведения судеб-

ного дела, кроме тех, на ком тяготеет вина или кого постигло несчастье? Какой муниципий обращается к нам за помощью, кроме ввергнутых в распри с соседями или во внутренние раздоры? Какую провинцию мы берем под защиту, кроме обираемых и утесняемых? Но было бы лучше не иметь оснований жаловаться, чем взывать к правосудию. И если бы нашлось какое-нибудь государство, в котором никто не преступает дозволенного законами, то среди беспорочных людей судебный оратор был бы так же не нужен, как врач среди тех, кто никогда не болеет. И подобно тому как искусство врачевания менее всего применяется и менее всего совершенствуется у народов, наделенных отменным здоровьем и телесною крепостью, так и оратор пользуется наименьшим почетом и наименьшею славой там, где царят добрые нравы и где все беспрекословно повинуются воле правителя. Нужно ли, чтобы каждый сенатор пространно излагал свое мнение по тому или иному вопросу, если благонамеренные сразу же приходят к согласию? К чему многочисленные народные собрания, когда общественные дела решаются не невеждами и толпою, а мудрейшим и одним? К чему по собственному почину выступать с обвинениями, если преступления так редки и их так немного? К чему эти нудные и превышающие всякую допустимую меру речи защитников, если милосердие вершащего суд торопится вызволить подсудимого? Поверьте, превосходнейшие и, в какой степени это необходимо, красноречивейшие мужи, что если бы вы родились в более раннюю пору, а те, кем мы восхищаемся,— в нашу или какой-нибудь бог внезапно поменял бы вас с ними местами, так чтобы вы жили в их дни, а они — в ваши, то и вы снискали бы за свое красноречие величайшие похвалы и славу, и они были бы проникнуты чувством меры и осмотрительностью; а теперь, поскольку никому не дано домогаться славы и одновременно соблюдать должную сдержанность, пусть каждый пользуется благами своего века, не порицая чужого».

42. Матерн умолк. Тогда Мессала сказал: «Было у тебя и такое, на что я мог бы тебе возразить, и такое, о чем следовало сказать подробнее, но день уже на исходе». «В следующий раз, — ответил на это Матерн, — я исполню твое пожелание и, если в моей речи что-нибудь показалось тебе неясным, мы еще потолкуем об этом». С этими словами он поднялся со своего места и, обняв Апра, сказал: «Погоди, мы предъявим тебе обвинение, я — от лица поэтов, Мессала — от лица поклонников старины». «А я, — поговорил Апр, — обвиню вас от лица риториков и учителей декламации».

Все рассмеялись, и мы разошлись.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ

Перевод произведений Тацита, вошедших в этот том, выполнен по следующим изданиям.

«Анналы»: *Cornelii Taciti Annalium ab excessu divi Augusti libri*. Oxonii, 1917, P. Cornelius Tacitus, erklärt von K. Nipperdey. Berlin, 1904 и *P. Cornelii Taciti libri qui supersunt*, t. I. Lipsiae, 1962;

«Жизнеописание Агриколы», «О происхождении германцев и местоположении Германии», «Диалог об ораторах»: *P. Cornelii Taciti libri qui supersunt*, t. II. Lipsiae, 1962.

Имена собственные, географические и этнические названия в комментариях т. I, как правило, не поясняются; сведения о них см. в Аннотированном указателе имен, географических и этнических названий в томе II настоящего издания Тацита.

КОММЕНТАРИИ К «АННАЛАМ»

Книга первая

Введение и события 14—15 гг. н. э.

1. Согласно установившейся в древности традиции, Рим был основан, в переводе на наше летосчисление, в 754—753 гг. до н. э. Та же традиция рассказывает о 7 римских царях, правивших до установления в Риме республиканского строя, — Ромуле, основателе города, Нуме Помпилии, Тулле Гостилии, Анке Марции, Тарквинии Древнем, Сервии Туллии и Тарквинии Гордом.

2. В случае каких-либо чрезвычайных обстоятельств сенат мог повлечь консулу назначить кого-либо диктатором. С назначением диктатора как бы восстанавливалась прежняя царская власть, но на короткий срок (6 месяцев).

3. В 451 г. до н. э. под давлением простого народа в Риме была избрана комиссия десяти с задачей сформулировать в виде законов нормы обычного права; члены этой комиссии получили название децемвиров (*decemviri legibus scribundis*, что означает: 10 мужей для записи законов). Децемвиры были наделены чрезвычайной властью: во время их деятельности не избирались ни консулы, ни народные трибуны. Плодом их работы явились Законы двенадцати таблиц. Несмотря на ограничение 2 годами срока

пребывания у власти, децемвиры удержали ее за собой и на третий год (449 г. до н. э.), в связи с чем римская историческая традиция считала их узурпаторами.

4. В период с 444 по 367 г. до н. э. вместо консулов в Риме избирались военные трибуны с консульскими полномочиями (сначала 3, потом 8).

5. С 31 г. до н. э. Октавиан на каждый год избирался консулом; в 29 г. он получил цензорские полномочия, на основании которых в 29—28 гг. составил новый список сенаторов (в нем его имя стояло первым, откуда и его титул *Princeps senatus* (первый в сенате)). В 27 г. Октавиан сложил с себя чрезвычайные полномочия, но уже спустя несколько дней получил их заново и, кроме того, прозвание Августа. Не желая подчеркивать самодержавный характер своего правления, он именовал себя принцепсом; с Августа слово «принцепс» приобретает ранее не свойственное ему значение «самодержец», «государь».

6. Т. е. в 42 г. до н. э.

7. В 36 г. до н. э., в битвах при Милах и Навлохе.

8. Вызванный со своим войском для борьбы с Секстом Помпеем Лепид после разгрома Помпея в 36 г. до н. э. сделал попытку захватить Сицилию, но был нейтрализован Октавианом.

9. Антоний покончил самоубийством в 30 г. до н. э.

10. Юлианской партией Тацит называет партию сторонников Юлия Цезаря, вступившей после его убийства в длительную борьбу с республиканцами.

11. Октавиан получил пожизненную трибунскую власть (т. е. был провозглашен народным трибуном) еще в 36 г. до н. э., после победы над Секстом Помпеем; с 23 г. до н. э. трибунская власть стала обозначаться и в его титулатуре.

12. Проскрипциями назывались как списки лиц, объявленных в силу тех или иных политических причин вне закона, так и их физическое уничтожение. Впервые прибег к проскрипциям Сулла. В результате проскрипции 43 г. до н. э. было умерщвлено, согласно свидетельствам древних авторов, 300 сенаторов и 2000 всадников, не говоря уже о массовых убийствах, которыми сопровождалась проскрипция.

13. Коллегия верховных жрецов (вначале из 4, потом 8 и, наконец, из 15 членов) ведала всеми вопросами религиозного культа.

14. Эдилы ведали устройством зрелищ, городским благоустройством, наблюдали за состоянием общественных зданий, осуществляли полицейский надзор. С 493 г. до н. э. в г. Риме было 2 народных эдила (*aediles plebis*), в 367 г. прибавилось еще 2 курульных эдила (*aediles curules*), в 46 г. — еще 2, обеспечивавших продовольственное снабжение города (*aediles cereales*). На курульных эдилов возлагался главным образом полицейский надзор. Курульными они назывались из-за того, что им, наравне с консулами и преторами, была присвоена привилегия отправлять свои обязанности, сидя в особом, выложенном слоновой костью или позднее мрамором, а также металлическом складном кресле (*sella curulis*).

15. Агриппа занимал должность консула в 28 и 27 гг. до н. э.

16. Т. е. будущего императора Тиберия и его младшего брата полководца Друза Старшего.

17. Со времени Октавиана, внучатого племянника и приемного сына Юлия Цезаря, римские императоры называли себя и своих сыновей (преимущественно наследников) Цезарями. Таким образом, наименование одной из ветвей рода Юлиев превратилось в конце концов в титул.

18. Тогу претексту носили мальчики свободных сословий до шестнадцатилетнего возраста.

19. Глава молодежи (*Princeps iuventutis*) — первый в списке всадников; в императорскую эпоху главами молодежи были сыновья императора, наследники престола.

20. В Списке деяний Августа, найденном в Анкире (нынешняя Анкара в Турции), сообщается о том, что «сенат и римский народ назначили их [Гая и Луция] консулами, когда им пошел пятнадцатый год, с тем чтобы они вступили в должность по миновании пяти лет» (Анкирский памятник, II, 46).

21. Друз Младший.
22. Битва при Акции произошла в 31 г. до н. э.; гражданские войны — после убийства Юлия Цезаря (44 г. до н. э.). Таким образом, характеризую состояние Римского государства при Августе, Тацит имеет в виду последние годы его правления.
23. Ко двору принцепса Тиберий попал на девятом году отроду после смерти своего отца (Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Тиберий, 6); консулом в первый раз он был в 29 г., во второй — в 13 г., в третий — в 7 г. до н. э. До своего удаления на остров Родос он дважды справлял триумф, в 9 и в 7 гг. до н. э.
24. Тиберий жил на Родосе с 6 г. до н. э. по 2 г. н. э. Официально он не был отправлен в изгнание, но фактически его пребывание на Родосе представляло собой ссылку, и на его просьбу разрешить ему возвратиться в Рим Август ответил отказом. О пребывании Тиберия на Родосе см.: Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Тиберий, 11—13.
25. Т. е. сыну Тиберия Друзу и племяннику и приемному сыну Тиберия Германнику.
26. Преторианская когорта — первоначально отряд лучших воинов, состоявших при полководце и несших его охрану. Август сформировал 9 когорт численностью по 1000 человек каждая, которым присвоил то же название. При нем 3 когорты, являясь императорской гвардией, имели постоянное местопребывание в Риме. В дальнейшем количество преторианских когорт увеличилось и преторианцы стали играть большую роль в политической жизни Рима, возводя или свергая по своей воле императоров.
27. Т. е. в сенат.
28. Т. е. весталками, жрицами богини Весты; при ее храме их было 6; взятые в храм в возрасте 6—10 лет, они были обязаны в течение 30 лет соблюдать обет безбрачия, после чего возвращались к частной жизни и могли вступать в брак. Важные документы и деньги обычно сдавались на хранение в храмы, в Риме — в храм Весты.
29. Ливия принадлежала к роду Ливиев (ее отец — Ливий Друз); чтобы она вошла в род Юлиев, к которому принадлежал усыновленный Юлием Цезарем Август, требовалось ее удочерение Августом, что и было сделано им в завещании, составленном за 1 год и 4 месяца до смерти.
30. Иначе говоря, в случае смерти Тиберия и Ливии права наследования переходили к внукам и правнукам, а в случае их смерти — к названным Августом в завещании наиболее знатым гражданам.
31. Сестерций — римская серебряная монета, равная 4 ассам; в переводе на золото стоимость сестерция — приблизительно 5—6 копеек.
32. Августом были сформированы 3 когорты городской стражи, предназначенные для несения полицейской службы в г. Риме.
33. Когорты римских граждан — отдельные войсковые подразделения, не сведенные в легионы; в императорскую эпоху их насчитывалось, по имеющимся данным, свыше 30.
34. После сожжения трупа Юлия Цезаря возбужденная толпа направилась разрушать дома заговорщиков — убийц Цезаря; с большим трудом удалось предотвратить погром и пожары.
35. Август умер 19 августа 14 г. н. э., впервые был избран консулом 19 августа 43 г. до н. э. (см.: Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Август, 100); другие античные авторы сопоставляли дату его смерти с датой битвы при Акции или с датой присвоения ему титула Августа.
36. Август был консулом 13 раз, Валерий Корв — 6, Гай Марий — 7 раз.
37. Здесь имеется в виду почетный титул, присуждаемый войском своему военачальнику.
38. Т. е. — к войне против республиканцев во главе с Брутом и Кассием, после убийства Юлия Цезаря.
39. По настоянию Антония был проскрибирован и Цицерон, убитый 7 декабря 43 г. до н. э.
40. Этот — Лепид, тот — Антоний.

41. Т. е. находящимися в отдаленных от Рима землях.
42. В 44 г. Август переманил к себе на службу IV (Скифский) и XIV (Марсов) легионы, находившиеся ранее в подчинении у Антония.
43. Соглашение в Брундизии было заключено в 40 г. до н. э., соглашение в Таренте — в 37 г.; Антоний женился на сестре Октавиана Октавии вскоре после соглашения в Брундизии.
44. Это произошло в 38 г. до н. э.; Ливии было тогда 19 лет.
45. В этом месте рукопись не дает достоверного чтения; наш перевод исходит из предположительного чтения этого места некоторыми издателями.
46. О Ветии Поллионе многие античные авторы сообщают, что он кормил рыб в своих садках живыми рабами.
47. Официальное обожествление Августа, как видно из дальнейшего, состоялось только после его смерти. Но с 29 г. до н. э. он разрешил возводить храмы (правда, с обязательным двойным посвящением, а именно ему и Рому, богине-покровительнице города Рима), и в таких храмах, построенных как частными лицами, так и общинами (особенно в провинции), ему воздавались божеские почести. Жрец — родовое название всякого священнослужителя; фламин — жрец определенного божества, в данном случае, очевидно, Августа.
48. В 9 г. н. э.
49. Об этой памятной записке сообщает и Светоний (Жизнь двенадцати цезарей. Август, 101).
50. Речь идет о постановлении консулов, которым Тиберию препоручался принцепат и на которое Тиберий, располагая трибунской властью, мог наложить запрет.
51. Ливия, после смерти Августа принятая в род Юлиев, именовалась порой, как в этом случае, Юлией, хотя обычно ее называли Августой.
52. Т. е. жертвенник в память ее удочерения по завещанию Августа.
53. Проконсул — наместник сенатской провинции.
54. Трибы — подразделения населения города Рима, объединяемые сначала по родовому признаку, впоследствии по территориальному.
55. 4 кандидатов в преторы из 12 подлежавших избранию.
56. Т. е. были бы внесены в государственный календарь и тем самым узаконены раз навсегда.
57. Триумфальная одежда состояла из расшитой тоги, вышитой узором из пальмовых ветвей туники, и т. д.
58. Приезжать в цирк или театр на колесницах разрешалось лишь преторам, и притом только в тех случаях, когда им поручалось устройство зрелищ.
59. А именно VIII (Августов), IX (Испанский) и XV (Аполлонов).
60. Вексилларии — отслужившие срок (20 лет) воины, до фактического ухода из армии освобождаемые от работ в лагере, но обязанные сражаться с врагами в случае нападения.
61. Денарий был равен 16 ассам.
62. Увольняемые в отставку ветераны награждались земельными наделами, но так как эти наделы, как указано выше, часто не имели никакой реальной ценности, Перценний выдвинул требование о выдаче ветеранам денежного вознаграждения.
63. Каждый легион имел своего орла; каждая когорта (а в легионе их было 10) по 3 значка (когорта подразделялась на 3 манипула, манипул состоял из 2 центурий).
64. Насыпь, возвышение.
65. Муниципий — город, пользовавшийся самоуправлением; жителям муниципия были присвоены права римских граждан.
66. В обязанности префекта лагеря входил надзор за возведением лагерных укреплений и поддержанием их в исправности, а также за обозом, лагерным лазаретом и т. д., иными словами, за хозяйственными и тыловыми подразделениями.
67. Т. е. римскими легионами, размещенными в Верхней и Нижней Германии, о восстании которых см. главу 31 и сл.

68. Таким образом, воины требовали сокращения срока службы с 20 до 16 лет.
69. Т. е. Луна — богиня луны, дочь Латоны (римская мифология).
70. Их было 8, тогда как паннонских только 3. В Нижнем войске I (Германский), V (Жаворонки), XX (Валериев Победоносный) и XXI (Стремительный); в Верхнем II (Августов), XIII (Сдвоенный), XIV (Сдвоенный Марсов Победоносный) и XVI (Галльский).
71. Эта армия называлась германской, так как ее назначение было вести военные действия против германцев; прозвание Германик (Germanicus — «германский») было присвоено к тому времени брату Тиберия Друзу Старшему и его сыну Юлию Цезарю, обычно именуемому просто Германиком.
72. В легионе было 60 центурий и, стало быть, столько же центурионов.
73. Т. е. Тиберия и Августы.
74. Caligula — по-латыни «сапожок».
75. По рассказу Светония (Жизнь двенадцати цезарей. Юлий, 70), Цезарь начал свое выступление перед взбунтовавшимся X легионом, не желавшим отправиться вместе с ним в Африку, с обращения — «квириты!» (т. е. «граждане!») вместо обычного — «воины!».
76. В 30 г. до н. э. в Брундизии, когда взбунтовались ветераны, требовавшие увольнения и наград.
77. После поражения Вара I легион был заново сформирован и отправлен на Рейн под началом Тиберия, где он и выдал ему значки.
78. Т. е. Тиберию, усыновившему Германика по желанию Августа в 4 г. н. э.
79. Т. е. главнокомандующим; для этой поры за словом «император» еще не закрепилось значение самодержавного властителя.
80. Милиарий — столб с указанием расстояния от того или иного пункта в тысячах двойных шагов, откуда и название меры длины — миля; таким образом, зимние лагеря V и XXI легионов отстояли от местопребывания Германика (города убиен, в будущем Кельна) на расстоянии 60 римских миль.
81. Старые лагеря (Vetera castra) находились близ нынешнего Ксантена на берегу Рейна.
82. Т. е. на правый (германский) берег Рейна.
83. Во время похода в Германию в 10—11 гг. н. э.
84. Помимо Регия у Мессинского залива (ныне Реджо), был еще один Регий — в Циспаданской Галлии на Эмилиевой дороге (ныне Реджо д'Эмилия), чем и объясняется уточнение Тацита.
85. Юлия Старшая пребывала в ссылке 16 лет (со 2 г. до н. э. по день смерти, последовавшей в 14 г. н. э.).
86. Августалы — жреческая коллегия, созданная Тиберием для отправления и поддержания культа обожествленного после смерти Августа.
87. В «Истории» (II, 95) Тацит говорит о том, что коллегия титиев была создана Ромулом; версия о создании этой коллегии Титом Татием приводится у Варрона Реатинского (О латинской речи, V, 85).
88. Это восстание под предводительством Арминия произошло в 9 г. н. э. Арминий ранее служил в римском войске, получил от Августа римское гражданство и был возведен во всадническое достоинство; пользуясь полным доверием Вара, он тайно подготовил восстание и нанес римлянам тяжелое поражение, в результате которого римляне лишились плодов своих предшествующих успехов.
89. В городе убиен (в последующем Colonia Agrippina — ныне Кельн) существовал храм в честь Августа; Сегимунд, имея римское гражданство, как и его отец Сегест, был назначен жрецом при этом храме.
90. Рассказ о судьбе сына Арминия был приведен Тацитом в не дошедших до нас книгах «Анналов»; по сообщению Страбона (VII, 1), этого сына Арминия звали Тумеликом.
91. Речь идет о поражении, нанесенном Арминием Вару.

92. Т. е. на левом (галльском) берегу Рейна.
93. Т. е. Августа, которого Арминий не желал признавать богом.
94. К 5 г. н. э. римляне, как им казалось, прочно закрепили за собой территорию между Рейном и Эльбой и создали на ней провинцию Германия. Восстание Арминия лишило их господства на этой территории. Розги, секиры и тога — символы римской власти (как военной, так и гражданской).
95. Германику во время летнего похода 15 г. н. э. было неполных 30 лет.
96. Т. е. римским поселениям на правом берегу Рейна, на территории германцев.
97. Римский лагерь строился по определенному, раз навсегда установленному плану: у палатки командующего оставлялось свободное пространство — главная лагерная площадь — на котором полководец собирал воинов на сходку; таким образом, размеры этой площади косвенным образом указывают на численность собранных в лагере войск.
98. Трибунами и центурионами первых центурий первого манипула первой когорты назначались наиболее заслуженные офицеры легиона.
99. По представлениям римлян, прикосновение к мертвым оскверняло священнослужителей; авгур — жрец-птицегадатель.
100. В не дошедшем до нас сочинении «Германские войны».
101. Т. е. Визургия.
102. По сообщению Страбона (VII, 1), этого сына звали Сеситаком.
103. В 42 г. до н. э. триумвиры (Октавиан, Антоний и Лепид) поклялись нерушимо соблюдать все законы и распоряжения, изданные Юлием Цезарем. В дальнейшем, в эпоху империи, вошло в обыкновение в первый день нового года присягать на верность распоряжениям правящего принцепса и всех его умерших предшественников.
104. Этот закон (обычно его называют законом об оскорблении величества, что не совсем точно, так как под величеством подразумевается достоинство властителя, монарха) был издан во время диктатуры Корнелия Суллы (приблизительно в 80 г. до н. э.) и именовался *Lex Cornelia*. Сообщаемое Тацитом о его первоначальной направленности подтверждается Цицероном в «Письмах к друзьям» (III, 11).
105. В правление Августа было принято постановление, согласно которому часть провинций переходила в непосредственное подчинение принцепса, часть оставалась в ведении сената. Наместники сенатских провинций обычно именовались проконсулами. Граний Марцелл был бывшим претором, и в данном месте Тацит именует его по званию.
106. Рекуператоры — особая судебная коллегия, занимавшаяся рассмотрением имущественных тяжб между римлянами и чужестранцами; из факта передачи дела Марцелла рекуператорам следует, что ему, кроме того, было предъявлено обвинение и в вымогательстве.
107. По преданию, при царе Тарквинии Гордом (в действительности, вероятно, в первые годы республики) в Риме появились так называемые Сивиллины книги, составление которых приписывалось прорицательнице Сивилле из г. Кум в Кампании. Эти тексты, написанные по-гречески, представляли собой собрание всевозможных оракулов. В дальнейшем Сивиллины книги были помещены на хранение в храм Юпитера, и в трудных для государства обстоятельствах к ним стали обращаться за прорицаниями, соответственно которым принимались те или иные решения. Истолкование Сивиллиных книг было поручено особым жрецам, сначала 2, потом 10, в правление Суллы и Августа — 15 (квиндецивирам).
108. Ахая (Ахея) и Македония принадлежали к числу сенатских провинций, подати с которых поступали в общегосударственную казну; передача их в управление императору могла лишь в очень незначительной мере облегчить бремя взимаемых с них поборов.
109. Кровавые побоища на арене были в Риме обычным и желанным зрелищем и никого не трогали; в данном случае зрителей возмутила «чрезмерная» кровожадность Друза, распорядившегося на этих представлениях (от распорядителя зависело, поща-

доть ли того или иного раненого гладиатора или повелеть, чтобы он был добит победителем, зависели условия поединков или групповых боев и т. д.).

110. См.: Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Август, 45.

111. Зрители театральных и цирковых представлений шумно и непринужденно выражали свое одобрение или неодобрение того или иного зрелища или тех или иных актеров и гладиаторов. Среди зрителей постоянно вспыхивали на этой почве ссоры и потасовки, в которые вмешивались присутствовавшие на представлениях воинские ряды; о подобных беспорядках сохранились многочисленные свидетельства античных авторов, неоднократно упоминает о таких бесчинствах театральной толпы и Тацит (см., например: *Анналы*, XIII, 25; XIV, 17).

112. Впрочем. Светоний сообщает о нескольких случаях, когда актеров подвергли телесному наказанию по распоряжению Августа (*Жизнь двенадцати цезарей*. Август, 45).

113. Т. е. во время мятежа паннонских и германских легионов в 14 г. н. э.

114. Союзниками (*socii*) издавна назывались покоренные римлянами народы, с которыми Рим как бы вступал в союз (объединение). В данном случае термин «союзники» по отношению к обитателям Италии — явный анахронизм, так как подавляющее большинство италиков получило римское гражданство после Союзнической войны, закончившейся в 88 г. до н. э.

Книга вторая

С о б ы т и я 16—19 гг. н. э.

1. Речь идет о поражении Антония в 36 г. до н. э.

2. Вонона и еще 3 сыновей и 4 внуков.

3. Т. е. Август.

4. Т. е. будущий император Тиберий.

5. Его сына Тиграна IV и его дочери Эрато; ссылаясь на чужеземный обычай, Тацит, по-видимому, имел в виду брак Птолемея и Клеопатры в Египте, Мавзола и Артемисии в Карию и т. д.

6. Артавазд III был либо отцом упоминаемого ниже Арнобарзана, либо братом Артаксия и Тиграна III.

7. О судах, способных причаливать к берегу носом и кормой, см. также: Тацит. *Германия*, 44.

8. Авгурал — место, в котором производились ауспиции (птицегадания); в лагере авгурал устраивали в отдельной палатке, справа от палатки полководца.

9. Т. е. обещание Арминия.

10. В римском войске от наступления темноты до рассвета происходило 4 смены караула, отсюда и обозначение ночного времени: в такую-то стражу.

11. Час по римскому счету — $\frac{1}{12}$ светлого времени в течение суток; таким образом, длительность часа в зависимости от времени года была неодинаковой.

12. Это описание бури, очевидно, позаимствовано Тацитом у эпического поэта Альбинована Педона (в «Свасориях» Сенеки Старшего — I, 15 — приводится фрагмент в 22 стиха из его поэмы, в котором эта буря изображается почти в тех же словах); Педон был современником и другом Овидия и, возможно, участвовал в походе 15—16 гг. н. э., будучи начальником конницы в войске Германика (упоминание о Педоне см.: Тацит. *Анналы*, I, 60).

13. Речь идет о сыне Тиберия Друзе Младшем, которого Тиберий называет братом Германика, поскольку последний был им усыновлен.

14. Т. е. Гай и Луций, дети Випсания Агриппы и Юлии, дочери Августа, умершие первый — в 4 г. н. э., второй — во 2 г. н. э.

15. Аппиева дорога — дорога из Рима на юг Италии, проложенная в 312 г. до н. э. по инициативе Аппия Клавдия (Слепого); сначала она доходила до г. Капуи, а затем (при имп. Траяне) была доведена вплоть до г. Брундизия.

16. Т. е. вне очереди.

17. Т. е. 13 сентября.

18. Т. е. засечением насмерть с последующим обезглавливанием.

19. Ценз — общая стоимость имущества; для сенаторов Августом был установлен имущественный ценз в размере 1 000 000 сестерциев; имущественный ценз всадников — 400 000 сестерциев.

20. Имеются в виду лучшие места в театре, отведенные для сенаторов и всадников (по закону Росция в 67 г. до н. э. всадникам были отведены первые 14 рядов).

21. См. прим. 19.

22. Отец Марка Гортала Квинт Гортензий Гортал после убийства Юлия Цезаря сначала примкнул к партии цезаряницев, затем перешел в стан Брута и Кассия, вследствие чего лишился всего своего имущества; был убит в битве при Филиппах (42 г. до н. э.).

23. Из предков Марка Гортала консулами были его дед оратор Квинт Гортензий Гортал (в 67 г. до н. э.) и Луций Гортензий (в 108 г. до н. э.); диктатором — Квинт Гортензий (в 286 г. до н. э.); выдающимися деятелями в республиканский период были и его предки по женской линии.

24. Т. е. в Риме.

25. Храм Сатурну находился на Римском форуме у подножия Капитолия.

26. 26 мая 17 г. н. э.

27. Мать Германика Антония была дочерью Октавии, сестры Августа и жены Марка Антония.

28. Мать Друза Випсания (у Светония она именуется Агриппиной) по материнской линии была внучкой Помпония Аттика; Тиберий принадлежал к знатному роду Клавдиев, и его брак с правнучкой простого римского всадника считался неравным.

29. Т. е. Квинтилия Вара (9 г. н. э.).

30. См.: Тацит. *Анналы*, I, 57—58.

31. В 6 г. н. э. Тиберий готовился напасть на Маробода одновременно с юга и с запада, чему, однако, помешало восстание в Паннии и Далмации.

32. Большой цирк находился между Авентинским и Палатинским холмами в Риме.

33. Овощной рынок находился между Капитолием и Тибром.

34. Речь идет об изданном Августом в 18 г. до н. э. законе о прелюбодеяниях, согласно которому избалованные в них карались изгнанием и конфискацией части имущества.

35. По-видимому, мать Гатерия Агриппы была дочерью Марка Агриппы и Марцеллы, дочери Октавии, бабки Германика.

36. Имеется в виду закон Паппия и Поппея, изданный в 9 г. н. э. и отдававший предпочтение тем из соискателей на управление сенатскими провинциями, кто был женат и у кого было больше детей.

37. Речь идет о Марке Фурии Камилле — римском полководце, 5 раз избиравшемся диктатором и в 390 г. до н. э. освободившем Рим от захвативших его галлов.

38. После разгрома Антония и Клеопатры в битве при Акции (31 г. до н. э.).

39. На острове Самофрака сохранялся и поддерживался культ древнейших греческих божеств Кабиров; этот культ уже и тогда (в I в. н. э.) представлялся современникам таинственным и загадочным; о Кабирах см.: Геродот, II, 51.

40. Имеется в виду версия о происхождении римлян от Энея, бежавшего вместе со спутниками из захваченной греками Трои и ставшего родоначальником римлян.

41. Во время первой войны с Митридатом царем Понтийским (88—84 гг. до н. э.).

42. Т. е. за поражение Греции македонянами в IV в. до н. э.

43. Т. е. за несправедливости афинян по отношению к таким людям, как Фемистокл, Аристид, Перикл, Сократ, Фоксион, Демосфен и т. д.

44. Ареопаг — верховное судилище афинян на горе Ареса
45. Тацит возвращается к рассказу о событиях в Армении, прерванному им в главе 4 книги II.
46. Речь идет о Публии Корнелии Сципионе Африканском во время Второй пунической войны; см.: Тит Ливий, XXIX, 19.
47. Ключами Египта считались с суши — укрепленный город Пелузий, близ устья восточного рукава Нила, с моря — о. Фарос близ Александрии со знаменитым маяком, сооруженным при Птолемеях Филадельфе.
48. О звуке, издававшемся этой статуей при восходе солнца (до ее реставрации в правление римского императора Септимия Севера), см. также: Страбон, XVII, 1.
49. Речь идет о ныне высохшем озере в Фаюмском оазисе; было ли оно действительно искусственным или возникло естественным образом, не установлено. Древние греки называли его Меридой.
50. Намек на распространенные в то время слухи о том, что Пизон и Планцина действовали по прямому указанию Тиберия и его матери Юлии Августы.
51. Этот легион назывался Fegata, т. е. «Закованный в железо».
52. См.: Тацит. *Анналы*, II, 55.
53. См. прим. 14 к книге I «Анналов».
54. См. прим. 48 к книге I «Анналов»; Германик был фламином Августа.
55. В помещении библиотеки Палатинского дворца, где находились медальоны с изображениями выдающихся писателей и ораторов. См.: Тацит. *Анналы*, II, 37.
56. Тиберия Гемелла (умер в 37 г. н. э.) и Германика Младшего (умер в 23 г. н. э.).
57. Об аналогичных случаях сообщает и Светоний (*Жизнь двенадцати цезарей*. Тиберий, 35).
58. По свидетельству Плиния Старшего (*Естественная история*, XXXV, 4), этот Титидий Лабен умер в глубокой старости и в свое время был претором и наместником Нарбоннской Галлии.
59. Это были иудеи; значительное количество их, проданное в рабство после захвата Иудеи Помпеем (67 г. до н. э.), было доставлено в Рим; здесь некоторые из них, получив свободу и став вольноотпущенниками, поселились в Заречье, за Тибром.
60. Модий — римская мера сыпучих тел, около 8.5 кг.

Книга третья

События 20—22 гг. н. э.

1. В знак траура.
2. Трабея — парадная одежда (белый плащ с пурпурными полосами, а в правление императоров — пурпурный плащ), который в торжественных случаях надевали всадники и авгуры.
3. Душам усопших (манам) римляне воздавали божеские почести.
4. Т. е. с Нероном, Друзом, Агриппиной и Друзиллой.
5. «Ежедневные ведомости» — римская хроника происшествий, дневник постановлений и распоряжений городских властей и пр. (род газеты).
6. В построенный Августом мавзолей на берегу Тибра, к северу от Марсова поля.
7. Тиберий был усыновлен Августом, но по крови не происходил от него, тогда как матерью Агриппины была дочь Августа Юлия.
8. Т. е. Друз и Тиберий.
9. Гая и Луция Цезарей.
10. Эти празднества происходили с 4 по 10 апреля, когда давались ежедневные сценические и цирковые представления. Культ Великой Матери был заимствован из

Малой Азии, где это божество именовалось Кибелой, или Реей; введен он был в Риме после Второй пунической войны на основании указаний, якобы обнаруженных в Сивилинских книгах. Великая Мать или, точнее, Великая Мать богов считалась началом всякой жизни, как божеской, так и человеческой. Поклоняющиеся ей верили, что от нее также зависит жизнь животных и растений, что она царит на земле и в подземном мире.

11. Речь идет о мавзолее, о котором см. прим 6.

12. Эти слова Тиберия и ответ Пизона Марсу Вибию (см.: II, 79) указывают на то, что дела такого рода, как дело Пизона (обвинение в преднамеренном отравлении), рассматривались не сенатом, а в обычном порядке.

13. В этом месте в рукописи довольно значительный пропуск.

14. Гемонии — высеченная на скалистом склоне Капитолийского холма лестница, по которой стаскивались в Тибр трупы казненных.

15. В этом месте в рукописи пропуск.

16. Т. е. с Марка Пизона.

17. В остальных случаях, когда в сенате докладывал консул, претор или кто-нибудь другой из должностных лиц, высшие магистраты (начиная с квестора) имели право высказаться по данному делу, не дожидаясь опроса.

18. Гней Пизон в соответствии с этим постановлением стал именоваться Луцием.

19. Т. е. в память отмищения.

20. Т. е. чтобы снова принять командование над войском, что было обязательным условием для празднования триумфа.

21. Здесь Тацит имеет в виду, по-видимому, его детей от брака с Юлией Старшей: Гая и Луция Цезарей (см.: I, 3), Юлию Младшую (сообщая о ее смерти в IV, 71, Тацит, впрочем, прямо не говорит о том, что и она умерла насильственной смертью), Агриппину Старшую (см.: VI, 25) и Агриппу Постума (см.: I, 6). Випсания была дочерью Агриппы от его первой жены Помпонии, дочери друга Цицерона Помпония Аттика.

22. Это наказание называлось децимацией.

23. Почетная награда за спасение римского гражданина.

24. Расторжение брака происходило у римлян свободно, по желанию обоих супругов или лишь одного из них, без объявления причин; по изданному при Августе Юлиеву закону о нарушении супружеской верности, о расторжении брака надлежало объявить в присутствии 7 свидетелей, вручив супругу или супруге разводное письмо.

25. Избранные на следующий год консулами при опросе сенаторов обычно первыми излагали свое мнение по обсуждавшимся в сенате делам.

26. Театр на Марсовом поле был возведен Помпеем Великим и носил его имя.

27. Лишение воды и огня — старинное наименование наказания; приговоренный к нему утрачивал гражданскую правоспособность, и его имущество подлежало конфискации.

28. Обвинение против Лепиды было выдвинуто Квинрием не сразу после развода, а спустя некоторое время; в дни разбирательства его дела Лепида состояла в браке со Скавром.

29. Т. е. Юлии Старшей и Юлии Младшей.

30. По приказанию Августа покончил самоубийством любовник Юлии Старшей Антоний Юл; удалиться из Рима должен был любовник Юлии Младшей Децим Силан.

31. Тацит говорит здесь, по-видимому, о своем намерении написать историю Августа, что, однако, им не было выполнено.

32. Юлиев закон был издан в 18 г. до н. э., закон Папия и Поппея — в 9 г. н. э.

33. В этих словах Тацита излагается широко распространенная концепция о так называемом золотом веке.

34. Ливий Друз собирался предложить закон о предоставлении римского гражданства всем италийским союзникам; проведенный с большим трудом в сенате, этот закон был вслед за тем отменен.

35. Итальянская, или Союзническая, война происходила в 90—88 гг. до н. э. и закончилась предоставлением римского гражданства всем италикам; гражданская война — с 88 по 82 г. до н. э.

36. Консул в 78 г. до н. э. Марк Лепид вскоре после смерти Суллы выступил против сулланской конституции; после окончания срока своего консульства, не добившись осуществления своих предложений, он двинул подчиненное ему войско на Рим, но был разбит на Марсовом поле, после чего удалился в Сардинию, где вскоре умер.

37. Власть народных трибунов была полностью восстановлена в консульство Красса и Помпея (70 г. до н. э.).

38. В 52 г. до н. э. и, вопреки принятому обыкновению, без коллеги.

39. Тацит имеет в виду строгие законы Помпея против виновных в насилии и подкупе (52 г. до н. э.), давление, которое он оказывал на суды, господство военной силы, огромную власть, которой он располагал, сосредоточив в своих руках различные магистратуры (консульство, проконсульство в Испании, чрезвычайные полномочия по снабжению продовольствием Рима).

40. Тацит подразумевает закон *De iure magistratuum* (о праве на занятие магистратур), проведенный Помпеем и им же нарушенный в своих интересах и интересах Юлия Цезаря.

41. От битвы при Фарсале (48 г. до н. э.) до шестого консульства Августа (28 г. до н. э.).

42. Вигинтивират — коллегия из 20 членов (*vigintiviri*), состоявшая из 4 самостоятельных коллегий: коллегии, ведавшей чеканкой монеты (из 3 лиц), надзиравшей за тюрьмами и приведением в исполнение приговоров по уголовным делам (из 3 лиц), следившей за состоянием и постройкой дорог (из 4 лиц) и судебной коллегии (из 10 лиц).

43. По закону должность квестора могла быть предоставлена лишь по достижении 24 лет.

44. Т. е. Друзе Старшем.

45. Конгнирий — определенное количество продуктов (зерна, масла, вина и т. д.), которые в известных случаях бесплатно раздавались городской бедноте, воинам и пр.

46. Это был Друз Клавдий Нерон, сын Клавдия от его первой жены Ургуланиллы; Друз умер в отроческом возрасте спустя несколько дней после помолвки с дочерью Сеяна.

47. Речь идет о Планцине, жене Гнея Пизона.

48. Преторий — штаб главнокомандующего, канцелярия наместника провинции.

49. Оппиев закон — закон, направленный к пресечению роскоши среди женщин; был издан народным трибуном Гаем Оппием в 215 г. до н. э. и отменен в 195 г. н. э.

50. В 215 г. до н. э. Вторая пуническая война была в полном разгаре: Ганнибал, разгромив римлян во многих сражениях в Италии (битва при Каннах произошла в 216 г. до н. э.), угрожал самому Риму, и вообще положение Римского государства было крайне тяжелым.

51. Прикосновение к изображению императора, — понимать ли соответствующие слова Тацита буквально или видеть в них, как выдающийся филолог-классик прошлого века Карл Гиппердей, лишь переносное выражение, — заключало в себе угрозу выдвинуть обвинение в оскорблении особы императора или в каком-нибудь другом важном государственном преступлении.

52. Друз был увлечен возведением зданий, но не общественного назначения, а, видимо, для себя.

53. Т. е. Реметалка.

54. В Августодуне еще при Августе была основана римская школа, в которой обучались сыновья знатных галлов.

55. Круппеларии — воины, облаченные в тяжелые доспехи, латники; круппеларии — слово кельтского происхождения.

56. В непосредственном подчинении римлян находилось 60 галльских племен и 4 племени в Аквитании; помимо этого, в Галлии были и другие, меньшие племена, которые в этот счет не входили, так как были подвластны какому-либо из этих племен.

57. В этом месте в рукописи пропуск.

58. Овация — малый триумф.

59. Строго говоря, Клуторий Приск не мог быть осужден по закону об оскорблении величия, так как закон предусматривал в это время лишь оскорбление принцепса и его матери.

60. В храме Сатурну у подошвы Капитолийского холма помещалось государственное казначейство и там же — государственная канцелярия; сенатские постановления приобретали силу лишь после того, как передавались туда для регистрации и хранения.

61. Имеется в виду закон о предельных размерах расходов на стол, одежду, убранство и т. д., изданный Юлием Цезарем и в 22 г. до н. э. дополненный Августом.

62. Ср.: Тацит. *Анналы*, II, 33, где сообщается о запрещении «унижать мужское достоинство шелковыми одеждами».

63. Рим жил привозным хлебом, доставлявшимся из Сицилии, Египта и других римских провинций.

64. Битва при Акции произошла в 31 г. до н. э.; Гальба стал императором в 68 г. н. э.

65. Будущего императора Тиберия.

66. Бывший консул Корнелий Лентул Малугинский имел право, поскольку подошла его очередь, на получение наместничества в одной из консульских провинций — Африка или Азия, и так как Блезу были продлены полномочия на управление Африкой, заявил о своих притязаниях на управление Азией.

67. Фламин Юпитера Корнелий Мерула покончил самоубийством в 87 г. до н. э., и замещение этой жреческой должности последовало только при Августе (в 11 г. до н. э.).

68. Со времени Августа верховным главой понтификов сенат неизменно избирал принцепсов.

69. Т. е. Тиберий.

70. Правом предоставления убежища пользовались лишь некоторые храмы, которым оно было даровано в разное время и за которыми оно было признано римлянами.

71. Здесь и дальше греческие боги названы Тацитом именами соответствующих им римских богов: Артемида — Дианой, Зевс — Юпитером, Дионис — Либером, Афродита — Венерой, Геката — Тривией, Посейдон — Нептуном.

72. Как повествует миф, Аполлон, мстя за своего сына Эскулапия, убитого молнией, истребил киклопов, которые ее выковали для Зевса, и этим навлек на себя его гнев.

73. По преданию, Эфес был основан амазонками. Версия о том, что Дионис вступил в борьбу с амазонками и привел их к покорности, — местная и в миф о деяниях Диониса не включена. Помимо Тацита, о победе Диониса над амазонками сообщает также Плутарх (*Греческие вопросы*, 56 и Павсаний, VI, 2, 7).

74. Речь идет о храме в честь Артемиды, которая в культе малоазийских греков сближалась с женским божеством персов и армян Анаит (Великой Матерью).

75. Речь идет о храме Афродите в г. Старый Пафос на о. Кипре.

76. Имеется в виду храм Афродите в г. Амафунт на юге о. Кипра.

77. Речь идет о храме Зевсу в г. Саламин на восточном побережье о. Кипра.

78. После возвращения из-под Трои Тевкр, как повествует легенда, был изгнан Теламоном с о. Саламина из-за того, что не отомстил за смерть своего сводного брата Аякса Теламонида, впавшего в безумие и заколовшегося, после того как пришел в себя, вина за это пала на Одиссея и сыновей Атрея.

79. Септемвиры — коллегия семи, члены которой распоряжались на священных пиршествах в честь богов.

80. Коллегия из 20 жрецов в Риме, в ведении которых находилось рассмотрение вопросов международных отношений.

81. Т. е. жрецы Августа.

82. Между 132 и 129 г. до н. э.

83. К роду Атиев принадлежала и мать Августа Атия.

84. Культ Фортуны среди римлян пользовался большой популярностью: в Риме в разное время существовали святилища Патрицианской и Всаднической Фортуны, а также Фортуны племса, детей, девственниц и т. д. Из дальнейшего видно, что в 22 г. н. э. храм Всаднической Фортуны, возведенный Квинтом Фульвием Флакком в 173 г. до н. э., уже не существовал.

85. Базилика — парадное здание, предназначенное для торговых рядов, с залами для судебных заседаний и заключения сделок. Базилика Павла называлась так по имени ее строителя, консула 50 г. до н. э. Луция Эмилия Павла.

86. Луций Статилий Тавр в 30 г. до н. э. построил каменный амфитеатр на Марсовом поле, Луций Марций Филипп перестроил на том же Марсовом поле храм Геркулесу, Луций Корнелий Бальб в 13 г. до н. э. воздвиг там же театр.

87. Под старой провинцией подразумеваются давние владения карфагенян, к которым Юлий Цезарь, победив в 46 г. до н. э. царя Юбу, присоединил Нумидию.

88. Одной из дочерей Германика.

Книга четвертая

События 23—28 гг. н. э.

1. Сыновья Германика Друз и Тиберий.

2. См.: Тацит. *Анналы*, III, 29.

3. В 19 г. н. э., после завершения войны с кантабрами и астурами.

4. Речь идет о Юбе II, сыне царя Нумидии Юбы, побежденного Юлием Цезарем в 46 г. до н. э. при Тапсе.

5. Т. е. там, где искони обитали латины, а также в древнейших колониях (в пределах Италии), выведенных римлянами.

6. См.: Тацит и т. *Анналы*, III, 29. Тацит, передавая слова Друза, сообщает и то, что Друз говорил ранее (в 20 г. н. э.), еще до вступления дочери Сеяна в брак с сыном Клавдия Друзом, умершим спустя несколько дней после свадьбы.

7. В 31 г. н. э., после смерти Сеяна. Начало книги VI, где должен был находиться рассказ об этом, утрачено.

8. Консулы обычно сидели на некотором возвышении, где были поставлены их курульные кресла.

9. Т. е. Нерона и Друза.

10. К роду Юлиев Друз принадлежал вследствие усыновления Юлием Цезарем Октавиана и Октавианом — Тиберия.

11. К роду Клавдиев Друз принадлежал по крови.

12. Германик вследствие усыновления Тиберием приходился Августе внуком; таким образом, Августа была бабкою и Агриппины.

13. На о. Самосе находился храм Гере; среди римских божеств Гере соответствовала Юнона (ср. прим. 70 к книге III «Анналов»).

14. Амфикионы — религиозно-политические союзы племен и городов-государств в древней Греции, созданные для охраны общих святилищ и собранных в них сокровищ и организации межплеменных празднеств.

15. В 88 г. до н. э.

16. Речь идет, очевидно, об ателлане, первоначально бесхитростном народном фарсе, исполнявшемся на оскском языке актерами-импровизаторами по определенной схеме с определенными персонажами — масками (ср. с итальянской комедией дель арте).

В дальнейшем ателлана, что означает ательское представление (Ателла — город в области осков), утрачивает импровизационный характер и успешно разрабатывается на латинском языке римскими комедиографами легкого жанра, усложнявшими ее сюжетные ходы, насыщавшими ее злободневностью и при этом пренебрегавшими запретами официальной морали, что и приводило к осуждению ателланы со стороны блюстителей нравственности.

17. Родившихся в 19 г. н. э. (Тацит. *Анналы*, II, 84); речь идет о смерти Германика.

18. Об осуждении Гая Силана см.: Тацит. *Анналы*, III, 66—69.

19. Конфарреация — наиболее торжественно обставляемый и почитавшийся самым священным вид бракосочетания (существовало еще 2 других вида бракосочетания), к которому допускались только патриции. Обряд конфарреации совершался в присутствии великого понтифика, фламينا Юпитера и 10 свидетелей, причем в жертву Юпитеру приносился хлеб из полбы (far — полба).

20. Т. е. юридически порывают связи со своими кровными родственниками, теряют права наследования и т. д.

21. Пребывание с оружием в общественных местах было у римлян категорически воспрещено.

22. Клятва перед голосованием приносилась в сенате в тех случаях, когда голосующие подтверждали ею свою убежденность в правильности принятого ими решения.

23. В этом предложении в рукописи есть слово *calles* (тропы, дороги), которое некоторые издатели (например, Ниппердей) предпочитают читать как *Cales*. Переводчик не усмотрел необходимости в подобной замене, тем более что рукописное чтение не препятствует удовлетворительному пониманию текста.

24. Т. е. Тарпейской скалой.

25. Отцеубийцы подлежали следующей казни: засеченного до крови осужденного полагалось зашить в мешок вместе с собакой, петухом, змеей и обезьяной, и этот мешок бросить в море.

26. См. прим. 18 к книге II «Анналов».

27. Т. е. после захвата полноты власти Августом и фактического превращения Римской республики в империю.

28. До нас дошли эпитафии Катулла на Юлия Цезаря, но стихи Бибакула на Юлия Цезаря и Августа не сохранились.

29. Т. е. Август.

30. Эти идущие с древнейших времен празднества общин Лация ежегодно происходили на Альбанской горе в присутствии обоих консулов; для проведения Латинских празднеств назначался особый префект; на этот раз им был Друз.

31. Обращение Сальвиана к Друзу повлекло за собой кару, так как его поступок был сочтен нечестивым и поэтому чреватым опасными для Римского государства последствиями.

32. См. прим. 71 к книге III «Анналов».

33. Мать — Антония, бабка — Августа.

34. Брата — Германика, отца — Друза Старшего.

35. Сослан на Балеарские острова, где и умер в 28 г. н. э.

36. См. прим. 34 к книге II «Анналов».

37. Согласно мифу, после смерти Геркулеса его сын Гилл и другие потомки были изгнаны из Тиринфа (в Арголиде), где вырос Геркулес, и Пелопоннеса. На протяжении двух столетий гераклиды многократно, но тщетно пытались возвратиться туда. Наконец им удалось осуществить это намерение; при разделе завоеванных областей Эврисфен и Прокл получили во владение Лакедемон, Темен — Арголиду, Крессфонт — Мессанию; другим потомкам Геркулеса достались Коринф, Лидия и Македония.

38. Этот храм, по преданию, был основан Энеем (Вергилий. *Энеида*, V, 759), считавшимся родоначальником Юлиев, к роду которых благодаря усыновлению принадлежал и Тиберий.

39. Т. е. в 25 г. н. э.
40. В 10 г. до н. э.
41. Гнея Домиция, консула 32 г. до н. э.; к Октавиану он примкнул в 31 г. перед битвой при Акции.
42. Эта усыпальница находилась в Риме.
43. В 26 г. н. э.
44. В 21 г. н. э.; см.: Тацит. *Анналы*, III, 38 и 39.
45. Здесь в рукописи небольшой пропуск.
46. Т. е. во дворце Тиберия.
47. А именно с Митридатом Евпатором, Фарнаком и парфянами.
48. Имеются в виду лидяне и тирренцы (этруски).
49. Имеется в виду война римлян с Персеем (171—167 гг. до н. э.).
50. Именем римского бога Юпитера Тацит как всегда называет Зевса.
51. Речь идет о Союзнической войне (90—88 гг. до н. э.).
52. Старика — Тиберия, юноши — Нерона, сына Германика.
53. Т. е. Юлия, дочь Друза Младшего.
54. В 27 г. н. э.
55. В 111 г. до н. э. и во 2 г. н. э.
56. По отцу Тиберий происходил из рода Клавдиев.
57. Этрусков римляне называли также тусками.
58. Фавоний — теплый западный ветер, начинавший дуть в начале февраля. Этот момент римляне считали началом весны.
59. Речь идет об извержении Везувия в 79 г. н. э., сопровождавшемся гибелью Помпей, Геркуланума и Стабии.
60. 28 г. н. э.
61. 1 января считалось праздничным днем.
62. По мнению Тацита, Тиберий воздерживался от назначения главнокомандующего для войны с германцами, страшась наделить кого-нибудь слишком значительной властью.
63. Сравни эти жертвенники в честь милосердия и дружбы с жертвенникамв Удочерения (*Анналы*, I, 14) и Мщения (*Анналы*, III, 18).

Книга пятая

(Отрывок)

События 29 г. н. э.

1. 29 г. н. э.
2. Ее отец, сын Аппия Клавдия, в 91 г. до н. э. был усыновлен Марком Ливием Друзом.
3. В конце 41 г. до н. э. в Италии вспыхнуло восстание против Октавиана; полководцу Октавиана Марку Агриппе удалось запереть силы восставших в г. Перузии (ныне Перуджа) и принудить их к капитуляции весной 40 г.; эти военные действия получили название Перузинской войны.
4. Имеется в виду соглашение в Путеолах (39 г. до н. э.).
5. Агриппина была внучкой Августа.
6. Т. е. детей Германика и Агриппины.
7. Тиберий имел в виду Юния Рустика.
8. В этом месте в рукописи пропущено всего несколько букв, но после пропуска начинается изложение событий двух последних месяцев 31 г. Таким образом, в утраченной части книги V должно было содержаться повествование о событиях почти всего

29 г., всего 30 г. и первых десяти месяцев 31 г., т. е. о ссылке Агриппины на остров Пандатерию, об умерщвлении ее сына Нерона, о заключении в темницу другого сына — Друза, о низложении и казни Сеяна (18 октября 31 г.) и о многом другом. В той же Медицейской рукописи начало книги VI не указано. Можно думать, принимая во внимание драматизм концовок других книг «Анналов», что книга V завершалась казнью Сеяна.

Книга шестая

События двух последних месяцев 31 г., а также 32—37 гг. н. э.

Первые шесть глав этой книги ранее относились издателями к книге V; в современных изданиях, во избежание трудностей при обращении к отмеченным ссылками местам текста, за этими главами сохраняют их прежний порядковый номер (от 6-го до 11-го включительно), после чего начинают новую нумерацию глав.

1. Предполагают, что здесь говорится о процессе Ливии, осужденной за соучастие в отравлении Сеяном ее мужа Друза Младшего (см.: Тацит. *Анналы*, IV, 3 и 8).

2. В этом месте в рукописи снова довольно значительный пропуск. Далее идут слова одного из приверженцев Сеяна (кого, не установлено), обращенные к собравшимся у него друзьям

3. Т. е. Тиберий, который не дал окончательного ответа Сеяну, просившему о разрешении вступить в брак с Ливией, вдовой его сына Друза (см.: Тацит. *Анналы*, IV, 40); к тому же в утраченной части книги V, быть может, содержались какие-то дополнительные сообщения Тацита об отношении Тиберия к сватовству Сеяна.

4. Т. е. морем, омывающим западные берега Греции.

5. В 32 г. н. э.

6. Речь идет о садах на правом берегу Тибра, завещанных римскому народу Юлием Цезарем (см.: Тацит. *Анналы*, II, 41).

7. О том же сообщает Светоний (*Жизнь двенадцати цезарей*. Тиберий, 43).

8. Под *Сципионами* здесь имеются в виду, как предполагают, Публий Корнелий Сципион (см.: Тацит. *Анналы*, III, 74); под *Силанами* — Марк Юний Силан, консул 19 г. н. э. (II, 59) и Аппий Юний Силан, консул 28 г. н. э. (IV, 68); под *Кассиями* — братья Луций Кассий Лонгин и Гай Кассий Лонгин, консулы 30 г. н. э. (VI, 15 и XII, 11, 12).

9. Т. е. приравнять в этом отношении отставных преторианцев римским всадникам.

10. Имеется в виду Сократ, названный так дельфийским оракулом.

11. В чем Арузей и Санквиний обвиняли Луция Аррунция, неизвестно; вероятно, Тацит рассказал об этом в утраченной части книги V «Анналов».

12. См.: Тацит. *Анналы*, IV, 7 и V, 6.

13. О расправе Тиберия с Фуфием Геминим Тацит сообщал, очевидно, в утраченной части книги V «Анналов».

14. О судьбе Курция Аттика Тацит сообщал, надо полагать, в утраченной части книги V «Анналов».

15. Т. е. коллегия квиндецемвиров.

16. Магистры — сведущие в этих вопросах люди, которые консультировали коллегию. Во времена Августа коллегия квиндецемвиров располагала 5 магистрами.

17. В действительности Капитолий сгорел в 83 г. до н. э., во время гражданской войны между сулланцами и марианцами; Союзническая война происходила с 90 по 88 г. до н. э.

18. Итальянские колонии — греческие поселения на юге Италии, так называемая Великая Греция.

19. В 33 г. н. э.

20. Отец — Публий Виниций — был консулом во 2 г. н. э.; дед — Марк Виниций — консулом-суффектом в 19 г. до н. э.
21. Луцием Кассием Лонгином, консулом-суффектом в 11 г. н. э.
22. Макрон возглавлял группу врагов Сеяна, добившихся его низложения, и о нем должна была идти речь в утраченной части книги V «Анналов».
23. В нарушение запрета присутствовать на любом собрании, не говоря уже о сенате, с оружием.
24. См. прим. 3 к книге I «Анналов».
25. Первоначально в римской весовой (и денежной) мере — ассе (фунте) — было 12 унций; Законами двенадцати таблиц разрешалось взимать в качестве максимального годового процента ex asse uncia, т. е. $1/12$ отданной взаймы суммы, иначе говоря около $8\frac{1}{3}\%$.
26. Неизвестный по названию закон 347 г. до н. э. снизил наполовину максимальную процентную ставку по долговым обязательствам до $1/24$ отданной взаймы суммы (ex asse semuncia), иначе говоря до $4\frac{1}{6}\%$ (округленно).
27. В 342 г. до н. э., по закону Генуция.
28. Слова: *каждого должника немедленно внести такую же часть своего долга* — в рукописи отсутствуют; эти слова взяты из Светония (Жизнь двенадцати цезарей. Тиберий, 48), где, как полагает Ниппердей, впервые перенесший их в текст Тацита, они представляют собой цитату из сенатского постановления. Так ли это или не так, но мы все же сочли возможным включить их в текст нашего перевода, находя, что это сообщение Светония дополняет картину и придает ей большую четкость.
29. Матери — Агриппины Старшей, братьев — Нерона и Друза. (Гибель Друза описана в главе 23 этой же книги).
30. Имеются в виду последователи учения Эпикура.
31. Имеются в виду стоики.
32. Т. е. пасынку Клавдия, будущему императору.
33. Азиний Галл был консулом в 8 г. до н. э.; 3 его сына были консулами: Гай Азиний (в 23 г. н. э.), Марк Азиний Агриппа (в 25 г. н. э.) и Сервий Азиний Целер (консул-суффект в 38 г. н. э.). Рассказ о заключении под стражу Азиния Галла должен был содержаться в утраченной части книги V «Анналов».
34. Зная о ненависти Друза к Сеяну, в котором он видел основного виновника своих бедствий, и надеясь на поддержку народных масс, если во главе их будет поставлен Друз, Тиберий рассчитывал справиться с Сеяном. Об этом его плане рассказывает и Светоний (Жизнь двенадцати цезарей. Тиберий, 65).
35. Под невесткой здесь можно подразумевать как Ливию, жену Друза Младшего и сообщницу Сеяна, так и Агриппину, жену Германика, которая в то время гомилась в ссылке и про которую ее сын Друз мог не знать, жива ли она; под племянником подразумевается Германик, под внуками — брат Друза Нерон и он сам.
36. Агриппина умерла на о. Пандатерии.
37. Т. е. по обвинению в умерщвлении Германика.
38. Луций Аррунций был назначен наместником Тарраконской Испании на место убитого там в 25 г. н. э. Луция Пизона.
39. В 34 г. н. э.
40. Вера в реальное существование птицы феникс была чрезвычайно широко распространена в древности.
41. Подсчитывая возможный возраст птицы феникс, Тацит говорит, что «древность гемна». Если от Амасиса (Яхмоса II) до Тиберия он насчитывает 500 лет, то в этом случае его ошибка в подсчетах невелика; но что касается Сесосиса (Сесостриса — у Геродота и Диодора Сицилийского), то современная египтология отождествляет его с Сенусертом III, фараоном XII династии, правившем в XIX в. до н. э.
42. Мирра — душистая смола некоторых африканских и азиатских деревьев, употреблявшаяся в древности как приправа для вина и для изготовления благовоний и косметических средств.

43. Эта трагедия, по сообщению Диона Кассия, называлась «Атрей».
44. Вдовой Друза Младшего.
45. В 35 г. н. э.
46. Т. е. владения Кира Старшего, захваченные впоследствии Александром Македонским.
47. Скептух — жезлоносец; вождь, сановник у восточных народов.
48. Т. е., как предполагается, вверх по течению Терека, через Дарьяльское ущелье, затем вдоль Арагвы, до ее слияния с Курой, и далее тем путем, который и ныне ведет из Грузии в Армению.
49. Тацит в этом месте вспоминает широко известный греческий миф о походе аргонавтов за золотым руном.
50. Т. е. подступить к границам Мидии и Армении.
51. Т. е. совершил жертвоприношение Марсу (suovetaurilia).
52. Об обожествлении и культе рек у персов см.: Геродот, I, 138.
53. В 6—9 гг. н. э., во время антиримского восстания в Паннонии и Иллирии.
54. 35 и частично 36 гг. н. э. К рассказу о военных действиях на Востоке в 36 г. Тацит возвращается в гл. 41.
55. В 36 г. н. э.
56. Здесь пропуск в рукописи.
57. О каком Тигране идет речь, не установлено.
58. Сообщение о женитьбе Друза, сына Германика, на Эмилии Лепиде находилось очевидно, в утерянной части книги V «Анналов».
59. Здесь и в XII, 55 «Анналов» Тацит, как полагают, называет клитами киев — племя, обитавшее в западной части Киликии.
60. Сувеиа — первый министр в Парфянском царстве.
61. Гней Домиций — муж Агриппины Младшей, дочери Германика; Кассий Лонгин — Друзиллы, дочери Германика; Марк Виниций — Юлии, дочери Германика и Рубеллий Бланд — дочери Друза Младшего Юлии.
62. В 37 г. н. э.
63. Тиберий Гемелл, родившийся в 19 г. н. э.; см.: Тацит. Анналы, II, 84.
64. Речь идет о Калигуле, родившемся в 12 г. н. э.
65. Клавдий, брат Германика, римский император, родился в 10 г. до н. э.
66. Т. е. Тиберия Гемелла, в 38 г. н. э. умерщвленного Калигулой.
67. Калигула был убит в 41 г. н. э.
68. Ему было свыше 70 лет, так как уже в 6 г. н. э. он занимал должность консула, которая становилась доступной по достижении 43 лет.
69. Преувеличение Калигуле было 25 лет.
70. Во время гражданской войны отец Тиберия сражался на стороне Секста Помпея.
71. Во 2 г. н. э.

Книга одиннадцатая

События 47—48 гг. н. э.

VII, VIII, IX, X и начало XI книги утрачены. В них содержалось повествование о смерти Тиберия, последовавшей 16 марта 37 г. н. э., до начала 47 г., т. е. обо всем правлении Калигулы и первых шести годах правления Клавдия.

1. В рукописи текст начинается с середины предложения.

2. Публий Валерий Азиатик был консулом в 46 г. н. э.; в каком году он был консулом-суффектом (в тексте говорится, что он дважды был консулом), не установлено.

3. Речь идет о Поппее Сабине, матери Поппеи Сабини, жены Нерона.
4. Из дальнейшего ясно, что «она» — Мессалина, жена Клавдия.
5. В 43 г. н. э.
6. При опросе сенаторов перед вынесением постановления.
7. Суиллий выдвинул против Самия обвинение, и тот вручил ему взятку, чтобы от него откупиться; однако Суиллий не снял выдвинутого им обвинения.
8. Возобновляя повествование о делах на Востоке, Тацит сообщает о событиях 43 или, возможно, 42 г. н. э.
9. Рассказ об этом содержится в утраченных книгах «Анналов»; о вызове Митридата в Рим и о его содержании под стражей сообщают Дион Кассий (LX, 8) и Сенека Младший (О спокойствии духа, 11); слова: *и по приказу Гая* — добавлены Ульрихсом (в рукописи здесь незначительный пропуск).
10. Как считают, в 45 г. н. э.
11. Т. е. в четвертое консульство Клавдия и третье Вителлия.
12. Секулярные игры (*Saeculum* — «столетие») устраивались один раз в сто лет на основании вычитанного в Сивилиных книгах указания; такие игры были устроены в 249 н. 149 гг. до н. э. и затем Августом в 17 г. до н. э.
13. Т. е. в несохранившихся книгах «Истории» Тацита.
14. В 88 г. н. э.
15. Луций Домиций Агенобарб был сыном Гнея Домиция Агенобарба и дочери Германика Агриппины Младшей; Клавдий, вступив в брак с Агриппиной в 49 г. н. э., в следующем 50 г. усыновил Луция Домиция, получившего имя Тиберия Клавдия Нерона, или Нерона.
16. Троянское представление — скачки, а также потешные конные бои и поединки.
17. Симбруинские холмы — гряда холмов в Лации, у подножия которых находилось местечко Сублаквей (ныне Субьяко), откуда в правление Клавдия была проведена вода; остатки построенных Клавдием акведуков сохраняются и поныне.
18. См. об этом: Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Клавдий, 41.
19. Текст в этом месте дефектен.
20. О смерти Санквиния Тацит сообщил, по-видимому, в утраченной части книги XI «Анналов».
21. О поражении Луция Апроция см.: Тацит. Анналы, IV, 73.
22. До принятия Виллиева закона (180 г. до н. э.) и дополнений к нему при Сулле, установивших минимальный возраст, лишь по достижении которого открывался доступ к занятию магистратур.
23. По этому закону цари, которые, как полагают, были выборными, приобрели верховную власть лишь после утверждения их полномочий народным собранием (собранием римских курий). После установления республики Луций Брут подтвердил курнатский закон и в отношении консулов. Таким образом, право назначения квесторов по своему выбору, составлявшее ранее прерогативу царей, унаследовали и пришедшие им на смену консулы. При переводе этого предложения допущено некоторое отступление от подлинника, в котором то же самое выражено предельно кратко и поэтому недостаточно ясно.
24. В 81 г. до н. э.
25. В 48 г. н. э.
26. Т. е. народы Италии.
27. ... *провели нас под ярмом*. По древнему обычаю, побежденных проводили под так называемым ярмом, т. е. под 2 врытыми в землю копиями с прикрепленным к ним в горизонтальном положении третьим копьём; проходя под ярмом, нужно было наклониться, и это служило как бы внешним знаком покорности по отношению к победителю.
28. В 45 и 29 гг. до н. э.
29. Т. е. Клавдий, облеченный также и цензорским званием.
30. Имеется в виду знаменитый актер (мим) Мнестер.

31. Т. е. Аппием Юнием Силаном, консулом 28 г. н. э., мужем матери Мессалины, не пожелавшим вступить с ней в любовную связь. Рассказ о его гибели содержался в утраченной части «Анналов». См. также: Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Клавдий, 37.

32. Имеются в виду Веттий Валент и Плавтий Латеран; множественное число использовано в целях усиления выразительности со значением: «со всякими веттиями и плавтиями».

33. Сады Лукулла находились в северной части Рима; они упоминались также в гл. 1 книги XI.

34. Т. е. с Клавдием, который, как и все принцепсы, был великим понтификом

35. Т. е. Гая Силия, в 24 г. н. э. осужденного по закону об оскорблении величия.

Книга двенадцатая

События с конца 48 по 54 г. н. э.

1. В 49 г. н. э.
2. Сперва Агриппина была замужем за Гнеем Домицием Агенобарбом, отцом Нерона, затем за известным оратором Гаем Пассиеном Криспом, который, как считали, был ею отравлен.
3. Намек на историю брака Августа с Ливией Друзиллой.
4. Сенека по интригам Мессалины в 41 г. н. э. был сослан Клавдием на о. Корсику.
5. См.: Тацит. Анналы, XI, 10.
6. Тиберий направил царями в Армению Тиридата и Фраата.
7. Геркулесом Тацит называет здесь или иранского бога Веретрагну, или, как предполагают другие, ассирийского бога Сандана.
8. Рассказ о низложении боспорского царя Митридата VII и о воцарении Котиса содержался в утраченной части «Анналов».
9. Митридат VII был потомком понтийских Митридатов, считавших себя Ахеменидами на том основании, что их предок был сыном Дария Гистаспа, основателя Персидского государства.
10. При Клавдии собственно Иудея на время стала вассальным царством во главе с Иродом Агриппой, объединившим в своих руках почти все земли Ирода Великого, но после смерти Агриппы была снова обращена в прокураторскую провинцию, подчиненную наместнику Сирии.
11. Лары — древнеримские боги домашнего очага.
12. В 50 г. н. э.
13. Город убитов получил название Colonia Agrippina (ныне Кёльн).
14. Сочинения Публия Помпония Секунда не сохранились; утрачено и сочинение Плиния Старшего «Жизнь Помпония Секунда» (в 2 книгах).
15. Южная часть Британии была завоевана в 43 г. н. э.
16. Истинное название племени, о котором здесь идет речь, не установлено. Написание в рукописи дает основание к различному чтению (на кангов, цангов и т. д.), тем более что наименование этого племени больше нигде не встречается.
17. Т. е. в 52 г. н. э.
18. В утраченной части «Анналов».
19. Изложение событий в Британии доведено Тацитом до 58 г. н. э.
20. В 51 г. н. э.; полное имя Клавдия было Тиберий Клавдий Друз Нерон Цезарь Август Германик; второго консула звали Сервий Корнелий Орфит, и в надписях он так и именуется, тогда как в рукописях «Анналов» он назван неполным именем Сервия Корнелия.
21. В мужскую тогу облачали подростков лишь по достижении ими шестнадцати лет, а Нерону в то время не исполнилось еще и четырнадцати.

22. Дочь Германика, сестрой Калигулы, женой Клавдия и матерью Нерона. Император по отношению к Германику — титул военачальника.

23. События на Востоке, о которых Тацит здесь возобновляет рассказ, происходили не в 51, а в 52 или даже в 53 г. н. э.

24. Акинак — короткая, прямая сабля.

25. В 52 г. н. э.

26. Она была послана по делу своего мужа, наместника Далмации Марка Фурия Камилла Скрибониана, в 42 г. н. э. поднявшего восстание, подавленное спустя несколько дней.

27. Здесь в рукописях пропуск. В пропущенном месте содержалось упоминание об указе императора Калигулы, повелевшего, чтобы в Иерусалимском храме ему была установлена статуя, что повело к волнениям в Иудее (см.: Тацит. История, V, 9).

28. По свидетельству Светония (Жизнь двенадцати цезарей. Клавдий, 20), работы по прорытию этого канала продолжались 11 лет.

29. Навмахия — потешное морское сражение или водоем, на котором его устраивали.

30. От Рима до Фуцинского озера около 150 км.

31. В 53 г. н. э.

32. Прокураторы — чиновники, назначавшиеся в провинции непосредственно императорами для управления их личным имуществом и взимания податей в императорскую казну. В так называемых императорских провинциях, и особенно в небольших, прокураторы выполняли функции наместников. В отличие от римских магистратов, которые набирались только из числа сенаторов, получавших управление сенатскими провинциями, прокураторами назначались главным образом лица, принадлежавшие к всадническому сословию и частично — даже вольноотпущенники императоров.

33. Т. е. Гая Семпрония Гракха в год его трибуната (123—122 до н. э.).

34. Т. е. Квинта Сервилия Цепиона, издавшего этот закон в 106 г. до н. э.

35. Имеется в виду Юлий Цезарь.

36. Лжефилипп (Андриск) в 149 г. до н. э. вступил в Македонию и разбил высланный против него римский легион; в дальнейшем Андриск был разгромлен, и в 148 г. Македония была обращена в римскую провинцию.

37. В 75 г. до н. э.

38. Слова о слепоте халкедонян, по словам Геродота (IV, 144), принадлежат персидскому полководцу Мегабазу.

39. В 54 г. н. э.

40. О каком консуле идет речь, не установлено. Вероятно, это был консул-суффект, так как об обоих упомянутых консулах 54 г. есть сведения, относящиеся к позднему времени.

41. С первой женой Плавтией Ургуланиллой Клавдий развелся из-за ее развратного поведения, со второй — Элией Петинией — из-за мелких ссор (Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Клавдий, 26); о судьбе третьей жены Мессалины рассказано в конце книги XI «Анналов».

42. Т. е. Клавдию.

43. Т. е. Британнику.

Книга тринадцатая

События 54—58 гг. н. э.

1. Мать его Эмилия Лепида, дочь Юлии, была внучкой Августа.

2. Император Клавдий — автор обширного исторического сочинения (из 41 книги), излагавшего историю Рима после установления гражданского мира (с 29 г. до н. э.); составил он и собственную биографию в 8 книгах, написал и другие сочинения. Ничего из трудов Клавдия не сохранилось.

3. По возвращении из ссылки в 49 г. н. э. Сенека был назначен воспитателем Нерона.

4. Ауспиции — в данном случае имеется в виду благоволение богов к императору как носителю верховной военной власти, главнокомандующему; в более узком смысле ауспиции — птицегадания, к которым римляне прибегали всякий раз, когда требовалось принять ответственное решение; совершать птицегадание перед открытием военных действий было прерогативой императора.

5. Т. е. в следующем, 55 г. н. э.

6. В 55 году н. э.

7. Императора Клавдия.

8. Слагая с себя по истечении срока магистратские обязанности, римские магистраты давали в народном собрании клятву, что честно и добросовестно отправляли должность.

9. Совершеннолетним, как уже указывалось выше, у римлян считался юноша по достижении им 16 лет; Нерон, надевший мужскую тогу на четырнадцатом году, естественно, опасался, что того же станет домогаться и Британник, а это повело бы к его вмешательству в управление государством и к соперничеству между обоими сводными братьями.

10. Сатурналии — древнеиталийское празднество, справлявшееся несколько дней подряд (с 17 декабря) в воспоминание о золотом веке.

11. Имеются в виду Атрей и Фиест, Этеокл и Полиник, а также другие персонажи греко-римской мифологии.

12. Т. е. с Октавией и Антонией, дочерью императора Клавдия от Петины.

13. Имеется в виду род Клавдиев.

14. См.: Тацит. *Анналы*, XI, 12.

15. Гаруспики — предсказатели, гадавшие по внутренностям жертвенных животных; обряд очищения состоял в заклании свиньи, овцы и быка (*suovetaurilia*), приносимых в жертву богам.

16. В 56 г. н. э.

17. Об изгнании из Италии актеров, астрологов и философов, а также о выставлении в театре и цирке воинских караулов Тацит неоднократно рассказывает в «*Анналах*»; мероприятия этого рода оставались, однако, совершенно безрезультатными, так как спустя короткое время все возвращалось к прежнему положению, и, относясь к ним отрицательно, Тацит иронически называет очередное изгнание актеров и выставление караула в театре «целебным средством».

18. Это предложение в рукописи дефектно. При переводе его переводчик исходил из соображений К. Ниппердея, изложенных им в его комментариях к «*Анналам*».

19. Патрон располагал правом выслать своего вольноотпущенника за сотый милярий (приблизительно за 150 км) от Рима, причем тот мог избрать местожительство по своему усмотрению; подвергшиеся подобному наказанию предпочитали поселиться где-нибудь в благоприятных местах, чаще всего на побережье Кампании, отстоявшей от Рима на 107 000 шагов.

20. Трибы — округа, на которые был разделен Рим (здесь — должностные лица в управлениях этих округов); декурии — собирательное название служебного персонала в управлениях римских магистратов.

21. В императорский период раб мог получить волю двумя способами: 1) посредством виндикты (объявлением о даровании воли с прикосновением к отпускаемому преторским жезлом, носившим то же название, в присутствии претора) и 2) сообщением об отпуске на волю в присутствии свидетелей или соответствующим письменным заявлением. Рабы, получившие волю первым способом, становились полноправными римскими гражданами, вторым — приобретали фактическую свободу, оставаясь вместе с тем юридически под покровительством (патронажем) своих бывших владельцев.

22. Т. е. Домиция Лепида, упоминавшаяся в «Анналах» (XIII, 19).
23. См. прим. 5 к книге III «Анналов».
24. Рассказ о его осуждении находился в утраченной части «Анналов», по-видимому, в начале книги XI.
25. См.: Тацит. Анналы, XIII, 1.
26. В 58 г. н. э.
27. Во время третьей войны с Митридатом VI Евпатором (74—64 гг. до н. э.).
28. Это был XII легион (Молниеносный), ранее находившийся в Сирии, затем переведенный оттуда для участия в британской экспедиции Клавдия и позднее дислоцированный на берегах Рейна.
29. См. гл. 9 книги XIII «Анналов».
30. Сенека был осужден за любовную связь с дочерью Германика Юлией Ливиллой.
31. Суиллий был наместником провинции Азии в конце правления Клавдия (точный год его наместничества не установлен).
32. Суиллий, очевидно, обвинял Квинта Помпония за его поведение после убийства императора Калигулы; будучи в то время консулом, Помпоний председательствовал в сенате, склонном восстановить республиканский образ правления, причем Помпония считали одним из наиболее ярких республиканцев.
33. О гибели дочери Друза Младшего Юлии см.: Тацит. Анналы, XIII, 32; о гибели Поппеи Сабины см.: XI, 2; О Валерии Азиатике см.: XI, 1 и сл., об обстоятельствах осуждения Лузия Сатурнина и Корнелия Лупа ничего не известно.
34. По закону Суллы об убийцах и отравителях, каравшему виновных в преступлениях этого рода конфискацией имущества и ссылкой в отдаленные местности (на острова).
35. Т. е. до выступления Гальбы в 68 г. н. э.
36. Декурионы — члены муниципального совета, управлявшие муниципиями.
37. Под пошлинами здесь разумеются все виды косвенных налогов, под налогами — прямые налоги.
38. Т. е. сбор в размере $2\frac{1}{2}$ и 2% от суммы, на которую совершалась сделка; с каких именно сделок взимали откупщики эти сборы, не установлено.
39. В последний раз Тацит рассказывал о германских делах в повествовании о событиях 50 г. н. э.
40. Т. е. войска, размещенные в провинциях Верхняя Германия и Нижняя Германия.
41. Из этих слов явствует, что строительство дамбы было закончено в 55 г. н. э., так как Друз Старший умер в 9 г. до н. э.
42. Мозелла и Арар находились в пределах Белгии.
43. Имеются в виду нынешний залив Зейдер-зе, в то время озеро Флево, и связанные с ним более мелкие озера, соединявшиеся узким протоком с Северным морем.
44. Места сенаторов находились в орхестре (площадка непосредственно перед сценой), всадников — в первых 14 рядах амфитеатра.
45. В 9 г. н. э.
46. Этой рекой была либо Верра, либо Заале, на которых и поныне существуют солеварни.
47. Именами римских богов Тацит называет германских богов Цну и Вогана.
48. Имеется в виду Colonia Agrippina (ныне Кёльн).
49. Считают, что причиной «вырвавшихся из-под земли огней» был загоревшийся торф, который в этом районе обильно залегает под поверхностным слоем почвы; предположение, что Тацитом описаны какие-то тектонические явления, полностью исключается.

Книга четырнадцатая

События 59—62 гг. н. э.

1. Нерон держал в своих руках верховную власть с 54 г. н. э.
2. Триумфальные отличия получил только ее двоюродный дед Гай Поппей Сабин.
3. Празднества в честь богини Минервы. Именуются в виду Большие Квинкватры, праздновавшиеся с 19 по 23 марта.
4. Т. е. Креперея Галла и Ацерронни.
5. При Августе Рим был разделен на 14 административных районов.
6. Ювеналии — буквально: юношеские (игры).
7. На правом берегу Тибра в садах Юлия Цезаря (об этом пруде Тацит упоминает в *Анналах* — XII, 56).
8. Август (Augustus) — священный, великий, — прозвание Октавиана, ставшее его именем; носили его и все последующие императоры; августианцы в данном случае можно было бы перевести как нероновцы. О происхождении этого названия см. Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Нерон, 25.
9. Иначе отзывается о поэтических увлечениях Нерона Светоний (Жизнь двенадцати цезарей. Нерон, 52). Он говорит, что Нерон занимался поэзией, «сочиняя стихи охотно и без труда. Неправы те, кто думает, что он выдавал чужие сочинения за свои: я держал в руках таблички и тетрадки с самыми известными его стихами, начертанными его собственной рукой, и видно было, что они не переписаны с книги или с голоса, а писались тотчас, как придумывались и сочинялись, — столько в них помарок, поправок и вставок».
10. Об исключении Ливиния Регула из сената Тацит сообщал в несохранившейся части «*Анналов*».
11. В 60 г. н. э.
12. Т. е. Олимпийских игр.
13. Светоний (Жизнь двенадцати цезарей. Нерон, 12) сообщает, что эти игры состояли из состязаний в музыке, поэзии и в конных ристаниях и получили название нероний.
14. Гимнасии — помещения для физических упражнений.
15. Цесты — обложенные железом или свинцом ремни, которыми кулачные бойцы обматывали себе руки.
16. В главах 23—26 Тацит рассказывает, как предполагают, о событиях 59 и 60 гг. н. э.
17. ПUTEОЛЫ официально стали именоваться так: Клавдия Нерона колония ПUTEОЛАНСКАЯ.
18. Преторами, обычно назначали после пребывания в должности командира легиона.
19. В 61 г. н. э.
20. Об этом и о последовавших событиях см.: Тацит. Жизнеописание Агриколы 14 и сл.
21. ДРУИДЫ — жрецы у кельтов.
22. Жители городов, именовавшихся колониями, пользовались всеми правами римских граждан, за исключением права избрания на высшие государственные должности.
23. Корнелиев закон — изданный Суллой закон, каравший изблщенных в ставлении подложных завещаний изгнанием с конфискацией всего имущества.
24. Одно и то же дело не могло одновременно рассматриваться в двух судебных учреждениях; обратившись к претору, Понтик предупредил предполагавших обвинить Валерия Фабиана и его соучастников перед префектом г. Рима, и так как он сделал это, имея в виду вызволить обвиняемых, его действия были сочтены подлежащими

наказанию; виновные в клеветническом обвинении, повлекшем за собой уголовный процесс, карались высылкой, изгнанием или конфискацией имущества.

25. Упоминаемое здесь древнее установление в 57 г. н. э. было подтверждено особым сенатским указом (см.: Тацит. *Анналы*, XIII, 32), который был издан в развитие и дополнение указа 10 г. до н. э., в свою очередь опиравшегося на предшествующие сенатские постановления.

26. В 62 г. н. э.

27. См.: Тацит. *Анналы*, XIII, 28.

28. Диссессия — процедура голосования, принятая в римском сенате и состоявшая в том, что в знак поддержки внесенного кем-либо предложения сенаторы становились возле его автора.

29. При императорах порой случалось, что люди, вынужденные хранить про себя свое недовольство режимом, позволяли себе откровенно высказаться о нем или о том или ином императоре в своих завещаниях (см., например: Тацит. *Анналы*, VI, 38); так поступил и Вейнтон в своем мнимом завещании.

30. Сенэка был возвращен из ссылки в 49 г. н. э., Нерон стал принцепсом в 54 г.

31. Отец Плавта Гай Рубеллий Бланд был женат на Юлии, дочери Друза (см.: Тацит. *Анналы*, VI, 27).

32. Т. е. в Риме.

33. В этом месте в рукописи незначительный пропуск; по Диону Кассию (XII, 14), Нерон якобы сказал: «И ты (Нерон) боялся носатого человека?».

34. Рукопись в этом месте не отмечает пропуска, но он несомненен, и в пропущенных словах, очевидно, содержалось сообщение о том, что в народе распространился ложный слух о возвращении Нероном Октавию.

35. Т. е. Октавию.

36. Имеются в виду: Друз Старший Германик, отец Клавдия Германика и Гая Юлия Цезаря Германика; Клавдий Германик или император Клавдий — отец Октавии и приемный отец Нерона; Гай Юлий Цезарь Германик или просто Германик — дед Нерона и двоюродный дед Октавии.

Книга пятнадцатая

События 63—65 гг. н. э.

1. *Между братьями* — речь идет не столько о конкретной борьбе между братьями за парфянский престол, сколько о внутрисемейной борьбе за верховную власть, особенно острой в странах Востока из-за господствовавшей в них полигамии. См. также: Тацит. *Анналы*, IV, 60; XIII, 17.

2. Т. е. принцепс; ранее право вручать награду за спасение в бою римского гражданина принадлежало командующему того войска, на участке которого был совершен подвиг такого рода; однако со времени императора Калигулы верховное командование на любом участке боевых действий формально принадлежало принцепсу.

3. Луций Лициний Лукулл в 69 и 68 гг. до н. э. одержал победу над царем Армении Тиграном II Великим; Гней Помпей в 66 г. принудил его к подчинению Риму.

4. Корбулон говорит об этом в своих не дошедших до нас записках о походах против парфян в Армению в 55—63 гг. н. э., неоднократно использованных Плинием Старшим в «Естественной истории» (II, 70, 180; V, 24, 83; VI, 8, 23).

5. В этом месте в рукописи незначительный пропуск.

6. Имеются в виду Цинциев закон 204 г. до н. э., воспрещавший адвокатам брать со своих подзащитных какое-либо вознаграждение, Юлиев закон о вымогательствах провинциальных властей (принят по предложению Юлия Цезаря в 59 г. до н. э.)

и Кальпурний закон о том же, изданный в 149 г. до н. э. по предложению Луция Кальпурния Пизона.

7. В 63 г. н. э.

8. О подобных храмах и жертвенниках в честь отвлеченных понятий, например о жертвеннике Удочерению, см.: Тацит. *Анналы*, I, 14; о жертвеннике Милосердию и Дружбе — IV, 74; о жертвеннике Мщению — III, 18.

9. Священные игры в честь Актийской победы (31 г. до н. э.) были учреждены Августом в г. Акции (сев. Греция) и происходили один раз в 4 года при храме Аполлона.

10. Предположительно речь идет о золотых фигурах Фортун — сестер, изображения которых находились в храме Всаднической Фортуны в г. Анции.

11. Нерон по отцу принадлежал в роду Домициев, по матери — к роду Юлиев, через усыновление императором Клавдием — к роду Клавдиев. О культе Юлиев в Бовиллах см.: Тацит. *Анналы*, II, 41.

12. Захватив то или иное самостоятельное государство, римляне три четверти его территории обыкновенно оставляли за собой, а четвертую часть отдавали в управление кому-либо из местных властителей, часто бывшему царю. Такие зависимые от римлян цари и назывались тетрархами (четверовластник).

13. Имеется в виду Гней Помпей (Великий), в 67 г. до н. э. наделенный по Габиневу закону неограниченными полномочиями для войны с пиратами.

14. Т. е. Нерона, формально считавшегося верховным главнокомандующим.

15. В 69 г. до н. э.

16. См. прим 8 к книге II «Анналов».

17. Лагинское право — права, которыми пользовались до завершения Союзнической войны (90—88 гг. до н. э.) народы собственно Италии; дарование латинского права населению Приморских Альп (римской провинции со времен Августа) предоставляло ему ряд привилегий по сравнению с другими провинциалами и облегчало доступ к занятию общественных должностей и тем самым к римскому гражданству.

18. В 64 г. н. э.

19. Пруд Агриппы предположительно находился на поле Агриппы, к востоку от Марсова поля.

20. Т. е. Риму

21. Сады Мецената находились на Эсквилинском холме; в собственность принцев-сов они перешли по завещанию Мецената.

22. Пенаты — боги-хранители как всего государства, так и домашнего очага;

23. Секстилий — по римскому счету шестой, по современному — восьмой месяц в году. В 44 г. до н. э. квинтилий (пятый месяц) был в честь Юлия Цезаря переименован в июль, а в 8 г. н. э. секстилий в честь Октавиана Августа — в август, приводимая здесь дата соответствует по современному счету 19 июля (390 г. до н. э.).

24. 418 лет, 418 месяцев и 418 дней (впрочем, дней насчитывается, несколько больше).

25. Габийский туф добывался в Габиях, близ Рима, альбанский — на Альбанской горе (ныне гора Кава, или Альбано).

26. Селлистернии — род жертвоприношения богиням (то же, что лектистернии для богов), состоявший в том, что перед фигурками богинь ставился стол со всевозможными яствами.

27. Члены раннехристианских общин, по преимуществу представители обездоленных масс и рабов, питали жгучую ненависть к Римскому государству; они были исполнены веры в скорую гибель Рима, в то, что на смену его господству придет царство божие на земле; отказываясь соблюдать культ императора, христиане жили замкнуто, таясь от властей, в страхе перед доносами. Их образ жизни вызывал со стороны народных масс ответную неприязнь и обвинение «в ненависти к роду людскому».

28. В 65 г. н. э.

29. Во время пожара Рима в 64 г. н. э.
30. В этом месте текст, видимо, испорчен: последнее предложение переведено не вполне точно, однако с сохранением его смысла.
31. См. главу 45.
32. Имеется в виду цикута.
33. Предполагают, что это были стихи 635—646 из книги III «Фарсалий».
34. Т. е. Сотер.
35. В этом месте в рукописи пропущено второе имя Помпея (или личное, или фамильное).
36. Имеются в виду преторианцы.
37. В этом месте в рукописи незначительный пропуск.
38. В 68 г. н. э. Нимфидий был убит войсками при попытке захватить верховную власть.
39. Некоторые издатели предполагают здесь лакуну.
40. Т. е. Солу — древнеримскому богу солнца, сыну Гипериона и Теи, брату Луны и Авроры, впоследствии отождествленному с Аполлоном.
41. Апрель получил наименование неронея.
42. В этом месте в рукописи предполагается не отмеченный переписчиками незначительный пропуск, в котором, возможно, уточнялось название места, откуда Сцевин взял кинжал.

Книга шестнадцатая

События конца 65 и 66 гг. н. э.

1. По рассказу Вергилия (Энеида, 1, 343 и сл.), Дидона бежала из Тира после того, как ее муж Сихей был убит ее братом Пигмалионом.
2. См. прим 14 к книге XIV «Анналов».
3. Тацит имеет в виду неприязненное отношение Нерона к Веспасиану, который, сопровождая Нерона во время поездки по Греции, приводил его в бешенство тем, что иногда вовсе не присутствовал на его выступлениях, а иной раз, присутствуя на них, засыпал.
4. Т. е. в мавзолее Августа на берегу Тибра, упоминация о котором см.: Тацит. Анналы. III, 4 и 9.
5. Нерон и Луций Антистий Ветер были консулами в 55 г. н. э.
6. Интерцессия — протест, вето, которое принцепс мог наложить на любое решение сената, поскольку был наделен также трибунской властью.
7. Т. е. Децим Юний Силан Торкват (см.: Анналы, XV, 35) и Луций Юний Силан Торкват (см.: Анналы, XVI, 7—9).
8. О каком бедствии в Лугдуне идет речь, неясно. В 58 г. н. э. Лугдун сильно пострадал от пожара, но здесь подразумевается, очевидно, не этот пожар.
9. Имеется в виду пожар Рима в 64 г. н. э.
10. В 66 году н. э.
11. Подразумевается заговор Пизона.
12. Речь идет о каком-то заговоре против Калигулы в 40 г. н. э. (в этом году было раскрыто несколько заговоров).
13. Ни годы наместничества Петрония в Вифинии, ни год, когда он был консулом-суффектом, неизвестны; даже личное имя его не то Гай, как у Тацита, не то Тит, как в других источниках. Но, несмотря на скудость биографических данных, Петроний у Тацита и автор «Сатирикона», очевидно, — одно и то же лицо.
14. В этом месте, в рукописи стоит непонятное слово *setastis*; Ниппердей в своих комментариях к «Анналам» Тацита предлагает читать его как *setariis*, но и такое чтение не вполне разъясняет его значение.

15. См.: Тацит. *Анналы*, XIII, 28.
16. См.: Тацит. *Анналы*, XIII, 33.
17. Коссуций, говоря о Кассии, имеет в виду Гая Кассия Лонгина, сосланного Нероном на о. Сардинию в предыдущем 65 г. н. э., говоря о Брутах — Марка Юния Брута и Децима Юния Брута Альбина, участников убийства Юлия Цезаря; вместе с тем имена Кассия и Брута как бы олицетворяли собой непреклонных врагов принципата и приверженцев старой республики.
18. Подразумевается: как цари на Востоке.
19. Храм Венере Родительнице, в котором на этот раз был собран сенат, находился на Форуме Юлия Цезаря, к северо-востоку от Римского форума.
20. Базилики — здесь торговые ряды.
21. Отец Монтана был участником оргий Нерона и пользовался его благосклонностью.
22. Плиний Младший (*Письма*, III, 16) рассказывает, что она первая пронзила себя кинжалом и, передавая его мужу, сказала, чтобы придать ему решительности: «Пет, не больно».
23. Рукопись «Анналов» на этом обрывается.

КОММЕНТАРИЙ К «ЖИЗНЕОПИСАНИЮ АГРИКОЛЫ»

1. Автобиографии Рутилия и Савра не сохранились.
2. В официальных протоколах сената (*acta senatus*).
3. Речь идет о *triumviri capitales*, на которых был возложен надзор над тюрьмами и за исполнением казней. Сожжением книг обычно ведали эдилы; передача на этот раз их функций триумвирам свидетельствует о стремлении Домициана придать этому акту особую торжественность.
4. При Домициане философы дважды изгонялись сенатскими указами из Италии (в 88/89 г. и в 95 г. н. э.).
5. О счастье нашего времени и об общественном правопорядке говорится в одном из указов императора Нервы (Плиний Младший. *Письма*, X, 58, 7).
6. Домициан правил 15 лет (81—96 г. н. э.).
7. Этот замысел был осуществлен Тацитом позже, в его крупных исторических сочинениях.
8. Прокураторами императорских провинций чаще всего назначались лица, принадлежавшие к всадническому сословию, хотя среди них было и немало вольноотпущенников.
9. Т. е. императора Калигулы.
10. По указу Августа, считавшего военную службу подготовительной школой к политической деятельности, сыновья сенаторов направлялись в войска в звании военных трибунов.
11. Речь идет о восстании в 61 г. н. э. (см.: Тацит. *Анналы*, XIV, 29—39). Восставшими были сожжены Камулодун, Лондиний и Веруламей, — из них только Камулодун пользовался правами колонии; несколько преувеличены в изображении Тацита и размеры поражения римлян — был разгромлен только IX легион под командованием Петилия Церяла, направлявшийся на выручку осажденному Камулодуну.
12. Возможно, что в этих словах заключен намек на судьбу знаменитого полководца Гнея Домиция Корбулона, который, завершив победоносный поход против парфян, навлек на себя подозрения Нерона и вынужден был покончить самоубийством.
13. Речь идет о будущей жене Тацита.
14. Значительное увеличение числа преторов при Юлии Цезаре и первых принципсах повело к тому, что некоторые избранные на эту должность освобождались от своих прямых обязанностей в суде; устройство общественных игр первоначально возлагалось на эдилы; Август поручил их проведение преторам.

15. После пожара Рима в 64 г. н. э. Нерон изъял храмовые сокровища, чтобы отстроить Рим и свои дворцы (Т а ц и т. *Анналы*, XV, 45).

16. Сейчас же после убийства императора Гальбы преторианцы провозгласили принцепсом Отона (15 I 69 г. н. э.), который, потерпев поражение в битве с войском Вителлия, также провозглашенного принцепсом нижегерманскими легионами, покончил самоубийством (16 IV 69). Подробнее о бесчинствах моряков Отона см.: Т а ц и т. *История*, II, 12—15.

17. Домициан родился в 51 г. н. э.

18. Речь идет о легионе, носившем название «Валериев Победоносный» (*Valeria victrix*) и со времен Клавдия размещенном в Британии. В гражданской войне 69 г. н. э. британские легионы поддержали Вителлия и после провозглашения Веспасиана императором заняли выжидательную позицию. Предшественник Агриколы по командованию XX легионом — Марк Росций Целий (Т а ц и т. *История*, I, 60); упоминаемые Тацитом легаты в консульском ранге — наместник Британии Требеллий Максим (см.: Агрикола, 16) и Веттий Болан (см.: Агрикола, 8).

19. Дочь Агриколы родилась в 64 г. н. э. (Агрикола, 6). Таким образом, она была выдана замуж за Тацита в возрасте 13 лет; Тациту было в то время немногим более 20 лет (родился в 56 или 57 г.).

20. Тацит говорит это в соответствии с географическими представлениями своего времени. То же у Цезаря в «Записках о галльской войне» (V, 13).

21. В утраченной книге 105 «*Ab urbe condita*» Ливий рассказывает об экспедициях в Британию Юлия Цезаря; Фабий Рустик, как предполагают, говорил о Британии в связи с ее завоеванием Клавдием в несохранившейся «Истории цезарей». Из греческих авторов о Британии писали Пифей, Посидоний, Диодор Сицилийский и Страбон, из римских — Юлий Цезарь, Тит Ливий, Фабий Рустик, Помпоний Мела и Плиний Старший.

22. Называя Оркады дотоле неизвестными островами, Тацит допускает неточность: приблизительно за 40 лет до того они были описаны Помпонием Мелой в его сочинении «О положении мира» (III, 6), упоминает о них и Плиний Старший (Естественная история, IV, 16, 103).

23. О приливах и отливах писали Пифей, Посидоний, Варрон в сочинении «О морском побережье».

24. Предположение Тацита об иберийском происхождении силуров основывается, очевидно, на его ошибочных географических представлениях, о чем см. прим. 20.

25. Т. е. со времени завоевания Галлии Юлием Цезарем (58—51 гг. до н. э.).

26. Действия британских боевых колесниц описаны Юлием Цезарем в «Записках о галльской войне» (IV, 33).

27. Учение древнегреческой науки V в. до н. э. (Парменид) о том, что земля — шар, не получило признания и было забыто. В античном мире господствовало представление о земле как о круглой плоскости, плавающей в мировом Океане; отсюда и римское обозначение мира — *orbis terrarum, terrae* (круг земель или земной круг). Тех же воззрений придерживался и Тацит.

28. Т. е. Гай Юлий Цезарь. Цезарь предпринял 2 похода в Британию (в 55 и 54 гг. до н. э.), о которых рассказал в «Записках о галльской войне» (IV, 23 и сл. и V, 8 и сл.). Обожествление Цезаря произошло в 42 г. до н. э. Обозначение «божественный» при упоминании обожествленных принцев нередко опускается и Тацитом, и в официальных документах.

29. Юлий Цезарь был убит заговорщиками 15 марта 44 г. до н. э. После его убийства началась длительная борьба за власть между Октавианом, Антонием, Лепидом и Секстом Помпеем, вызвавшая кровопролитные гражданские войны (вплоть до 30 г.). Несколькими раньше, в 31 г., главой Римского государства становится Октавиан, в 27 г. получивший почетный титул Август (*augustus* по-латыни — «возвышенный», «священный»). Обожествление Августа произошло после его смерти, в 14 г. н. э. Указывая, что Август не помышлял о завоевании Британии, Тацит не точен:

Август дважды собирался предпринять поход против британцев (в 34 и 27 гг. до н. э.). О преемственности внешней политики Тиберия см.: Тацит. *Анналы*, I, 11.

30. О намерениях Калигулы завоевать Британию упоминает Светоний (*Жизнь двенадцати цезарей*. Калигула, 19). О приготовлениях Калигулы против Германии см.; там же, 43 и сл.

31. Завоевание Британии начато было в 43 г. н. э. при императоре Клавдии (см.: Светоний. *Жизнь двенадцати цезарей*. Клавдий, 17). Клавдий был обожествлен тотчас же после смерти, в 54 г. н. э.

32. Веспасиан в этом походе командовал легионом. О его боевых действиях см.: Тацит. *История*, III, 44; Светоний. *Жизнь двенадцати цезарей*. Веспасиан, 14 и сл.

33. О деятельности в Британии Остории Скапулы см. также: Тацит. *Анналы*, XII, 31—39.

34. Речь идет о колонии Камулодун (ныне Колчестер), основанной в 50-е годы н. э.

35. Ср. слова Августа в Списке деяний (27), найденном в Анкире (нынешняя Анкара): «Хотя я мог... превратить Армению в провинцию, я предпочел по обыкновению наших предков тотчас же передать это царство... Тиграну».

36. О деятельности Диция Галла в Британии см. также: Тацит. *Анналы*, XII, 40 и XIV, 29.

37. О Верании Тацит говорит и в «*Анналах*» (XIV, 29).

38. Об экспедиции Светония Паулина на остров Мону и о последовавших за этим событиях см. также: Тацит. *Агрикола*, 18 и *Анналы*, XIV, 29 и 30.

39. После разгрома Арминием легионов Вара в 9 г. н. э. границей между римскими владениями и свободной Германией снова стал Рейн.

40. Излагаемые в этой главе речи британцев во многом перекликаются с соответствующими местами «*Анналов*» (см.: Тацит. *Анналы*, XIV, 35 и сл.).

41. О Боудикке и о восстании британцев подробнее см.: Тацит. *Анналы*, XIV, 31 и сл. Это восстание началось в 60 г. н. э.

42. Приблизительно то же самое говорит Тацит о Турпиллиане и в «*Анналах*» (XIV, 39).

43. Гражданские распри, о которых упоминает Тацит, — борьба за власть в 68—69 гг. н. э. между Гальбой, Отонсом, Вителлием и Веспасианом.

44. О сопротивлении бригантов римским завоевателям см.: Тацит. *Анналы*, XII, 32 и *История*, III, 45.

45. Как принято считать, летом 77 г. В руках наместника были сосредоточены верховное командование войсками (4 легиона и контингенты конных и пеших вспомогательных войск, главным образом германцев, всего около 40 000—50 000 человек), высшая административная и судебная власть; финансовые дела подлежали ведению прокуратора.

46. Донесения об одержанной победе обвивались обычно лавровою ветвью, см.: Плиний Старший. *Естественная история*, XV, 133.

47. Области, не собиравшие достаточно хлеба, были принуждены ради выполнения возложенной на них хлебной повинности покупать зерно в римских государственных складах и затем сдавать его на сыпные пункты.

48. Раскопками обнаружены следы 9 укреплений, заложенных, как считают, в годы наместничества Агриколы. Позднее, в 122 г. н. э., император Адриан при посещении Британии повелел построить пограничный вал намного южнее (вал Адриана).

49. О каких областях на западе Британии идет речь, точно не установлено; об ошибочных представлениях древних относительно географического положения Испании см. прим. 20.

50. «Нашим морем» римляне называли Средиземное море.

51. Речь идет о кораблях, имевших стоянку в Гезорнаке (нынешняя Булонь). Эта еще в правление Клавдия сформированная эскадра была закреплена за провинцией Британией.

52. IX легион, разгромленный в 61 г. н. э. (см. прим. 11), к описываемому времени был полностью укомплектован; ослаблен же он был из-за отправки в 83 г. некоторых его подразделений к Домициану для участия в походе против германского племени хаттов.

53. Либурна — быстроходный корабль военного флота; тип корабля был заимствован Августом у жителей Либурии (так называлось побережье Иллирии между Истрией и Далмацией).

54. Т. е. левый, галльский, берег Рейна.

55. Речь идет о восстании под предводительством Боудикки; см. прим. 41.

56. См. главу 28.

57. Северная оконечность Британии, по представлению древних, находилась у границы земного круга.

58. Превеличение; в действительности завоевание Британии Клавдием было начато в 43 г. н. э. Описываемые события происходили в 83 г.

59. Мечи у британцев были в то время длиной в метр и больше; римские мечи были намного короче.

60. Триумф, о котором здесь говорит Тацит, был справлен Домицианом по завершении первого похода против германского племени хаттов (83 г. н. э.). Литературные памятники (Тацит, Светоний, Дион Кассий) приуменьшают значение этого похода и иронически относятся к триумфу Домициана. Как показывают новейшие разыскания, задачи, которые ставил перед собой Домициан, были римской армией выполнены и справленный им триумф был оправдан. Сообщение Тацита о покупке рабов, с тем чтобы они изображали собой пленных, повторяет, возможно, толки о Калигуле (см.: Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Гай Калигула, 47). На подобное освещение первого похода против хаттов Тацита толкнула, видимо, ненависть к Домициану.

61. Со времени Августа триумф могли справлять только принцепсы или члены правящей династии. Триумфальные отличия состояли из лаврового венка, расшитых золотом тоги и туники и украшенного орлом жезла из слоновой кости.

62. Кто был его преемником, не установлено. Предполагается, что им был Саллюстий Лукулл (см.: Светоний. Жизнь двенадцати цезарей Домициан, 10).

63. Зимой 85/86 г. н. э. даки вторглись в Мезию, разбили римское войско, причем был убит его командующий Оппий Сабин. После отвоевания этой провинции римляне потерпели от даков новое поражение (в том же 86 г.), потеряв своего главнокомандующего, начальника преторианцев Корнелия Фуска. В 88 г. поднял восстание наместник Верхней Германии Луций Антоний Сатурнин. Подавив это восстание, Домициан двинулся из Паннонии на германские племена маркоманов и квадов, оказавшие помощь дакам. В 91/92 г. язиги вместе с маркоманами и квадами вторглись в Паннонию и полностью уничтожили римский легион.

64. Цивика Цереал в бытность проконсулом провинции Азия был умерщвлен Домицианом (Светоний. Жизнь двенадцати цезарей Домициан, 10).

65. Сходные мысли содержатся и в высказываниях Тацита относительно поведения Тразей Пета (Анналы, XIV, 12).

66. К этому широко прибегали, чтобы закрепить за своими наследниками остальное имущество.

67. Таким образом, Агрикола родился 13 июня 40 г. н. э. и умер 23 августа 93 г.

68. Траян был провозглашен принцепсом 25 I 98 г. н. э.

69. Какое событие в правление Домициана Тацит называет «осадой курии», неизвестно. Светоний (Жизнь двенадцати цезарей Домициан, 10) перечисляет по имени сенаторов, казненных Домицианом. Об изгнании женщин из знатнейших родов сообщает Плиний Младший (Письма, III, 11; VII, 19; IX, 13); им названы жена Арулена Рустика Гратилла, вдова Тразей Пета Аррия, его дочь, жена Гельвидия Приска, Фанния.

70. Альбанская твердыня — летняя резиденция Домициана в усадьбе Альбан у подножия Альбанской горы (ныне Монте-Каво).

71. Юний Маврик был отправлен Домицианом в изгнание, а его брат Квинт Юний Арулен Рустик казнен. См. Тацит и т. Агрикола, 2.

72. Надо ли понимать это место буквально, неясно.

73. Где находился в эти годы Тацит с женой и какую государственную должность он занимал, неизвестно. Предположение, что он был в это время наместником Белгики, необоснованно.

74. Маны (manes) — души умерших.

КОММЕНТАРИЙ К «О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЕРМАНЦЕВ И МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ГЕРМАНИИ»

1. Т. е. Карпатами.

2. Под Океаном Тацит подразумевает Северное и Балтийское моря, так как Скандинавский полуостров вплоть до XI в считали огровом.

3. Т. е. Ютландский полуостров и Скандинавию (см. прим. 2).

4. Вероятно, Тацит имеет в виду поход Тиберия в 5 г. н. э.; Тиберий дошел до берегов нынешнего Каттегата.

5. Т. е. в Северное море.

6. Т. е. в Черное море.

7. Тацит выдвигает предположение о несмешанности германцев, основываясь на малой вероятности миграций по морю, но упускает при этом из виду непрерывные миграции по суше с их неизбежным следствием — смешением народностей.

8. *Анналы* — летописи; в широком смысле — сочинения исторического содержания.

9. Плиний Старший дает несколько иное деление германских племен. Он говорит: «Германские племена распадаются на пять групп: 1) вандалиев, часть которых составляют бургундионы, варины, харины, гутоны; 2) ингвеонов, к которым принадлежат кимвры, тевтоны и племена хавков; 3) иствеонов, ближе всего живущих к Рейну и включающих в себя сигамбров; 4) живущих внутри страны гермионов, к которым относятся свебы, гермундуры, хатты, херуски; 5) пятую группу — певкинов и бастарнов, которые граничат с вышеназванными даками» (*Естественная история*, IV, 99—101).

10. Здесь, возможно, имеется в виду германский бог грома воинственный Донар.

11. Германское слово бардит (лат. *barditus*) и поныне остается необъясненным; сопоставлять его с кельтскими бардами (сказителями) едва ли правомерно.

12. Речь идет, по-видимому, о надписях на кельтском языке; кельты пользовались греческим алфавитом, о чем свидетельствуют многие древние авторы.

13. См. прим. 7.

14. Это утверждение Тацита необоснованно. Уже в эпоху бронзы германцы изготовляли украшения и утварь из золота и серебра. Позднее сам Тацит упоминает о существовавших в Германии во времена Клавдия серебряных рудниках (*Анналы*, XI, 20).

15. Речь идет о так называемых серратах и бигатах — древнейших серебряных монетах достоинством в один денарий. В этих монетах содержалось больше чистого серебра, чем в денариях Нерона, и предпочтение, которое им оказывали германцы, очевидно, этим и объясняется.

16. Это место следует понимать, очевидно, следующим образом: германская конница или прямо неслась на неприятеля, или обходила его справа, так как левый бок всадника был прикрыт щитом. Если этот маневр удавался, неприятель попадал в окружение.

17. Тацит употребляет здесь слово *гех* — царь, король; сами германцы называли своих властителей словом *Kuning* (конунг). Их роль и прерогативы обрисованы Тацитом в соответствии с исторической истиной.

18. Изображения — это деревянные резные фигуры различных животных, посвященных тому или иному божеству (например, змея или волк — Вотану, медведь и баран — Донару и т. д.); святыни — атрибуты и символы богов (например, копье — Встана, молот — Донара, и т. д.).

19. О том же рассказывает Цезарь (Записки о галльской войне, I, 51).

20. То же у Цезаря (Записки о галльской войне, I, 50).

21. В заключительных словах этой главы Тацит, очевидно, иронизирует над случаями обожествления женщин из императорского рода, например сестры Калигулы, Друзиллы и умершей в четырехмесячном возрасте дочери Нерона.

22. Тацит называет германских богов римскими именами: Вотана — Меркурием, Донара — Геркулесом, Циу — Марсом, как как римская и германская мифологии наделяли их сходными чертами и сходными атрибутами.

23. Считают невероятным, чтобы культ египетской Изиды мог проникнуть к севрам. Высказывается предположение, что Изидой Тацит называет германскую богиню плодородия Нерту (см. главу 40), или, как полагают некоторые, Изиды появилась у него в тексте вследствие созвучия с именем германского божества Изы, иначе Цизы; что же касается ее святыни в виде либуры, то это — изображение или полумесяца, или лемеха плуга.

24. Здесь подразумевается бук или дуб, которые считались у германцев плодородными деревьями, так как буковые орешки и желуди съедобны и употреблялись в пищу людьми и животными.

25. Предполагается, что это были руноподобные знаки или, возможно, руны — г. е. древнегерманские письмена; руна — готское слово со значением «тайна».

26. Птицегадание, г. е. прорицание будущего по поведению птиц: их полету, крику и пр., — было широко распространено и у римлян, у которых им занимались жрецы-авгуры. Орлы и вороны, по представлениям германцев, сулили удачу и счастье, совы и воробьи — несчастье.

27. Этот способ гадания практиковался в древности не только германцами, но, если ограничиться индоевропейскими народами, то и индийцами, персами, греками, славянами.

28. О том же сообщает и Юлий Цезарь (Записки о галльской войне, I, 50), то же наблюдалось и у некоторых других индоевропейских народов древности.

29. То же относительно галлов см. у Юлия Цезаря (Записки о галльской войне, VI, 18). Такой же счет времени известен и у других народов древности, пользовавшихся лунным календарем (греков, иудеев и т. д.).

30. Римские обычаи воспрещали являться в народное собрание вооруженным. О том, что и галлы являлись в народные собрания вооруженными, рассказывает Тит Ливий (XXI, 20).

31. Так же выражали свое одобрение, по свидетельству Цезаря, и галлы (Записки о галльской войне, VII, 21).

32. Сообщение Тацита об этом подтверждается находением при осушке болот мумифицированных трупов; на некоторых из них были надеты оковы, некоторые были прикрыты поверх толстым слоем кожьей или валежника. Чаще всего это трупы женщин; отсюда вывод, что подобным образом карались преимущественно преступления против целомудрия.

33. Здесь, как и в главе 6, сообщение Тацита относительно «сотни» довольно «блуживо». В действительности, когда старейшина отправлялся творить суд в какой-нибудь округ, то в разборе дел участвовали все свободные из той «сотни», на территории которой происходило судебное разбирательство. Таким образом, никакого постоянного совета при старейшине не создавалось.

34. Вручение оружия у германцев Тацит сопоставляет с римским обрядом облачения юношей в мужскую тогу.

35. О наборе в дружину то же у Юлия Цезаря (Записки о галльской войне, VI, 23); об аналогичных отношениях между вождем дружины и дружинниками гово-

рит Юлий Цезарь, рассказывая о кельтском племени сонтиатов (Записки о галльской войне, III, 22). То же отмечается позднее и в дружинах славян и норманнов.

36. Речь идет о вожде дружины и о дружинниках.

37. Дары посылались вождям другими общинами и даже соседними племенами, чтобы оградить свои земли от разбойных набегов и вместе с тем чтобы обеспечить себе в случае нужды военную помощь.

38. Фалеры (металлические бляхи, нередко золотые или серебряные) и почетные ожерелья — римские знаки отличия; пожалование их, а также прямой подкуп деньгами — характерные черты римской политики в отношении с германскими племенами.

39. Каменные строения появились у германцев позднее и, как обнаруживается, по имеющимся в германских языках строительным терминам, умением их возводить германцы обязаны римлянам.

40. Т. е. глиной разных оттенков.

41. Т. е. Рейна или Дуная, по которым проходила граница с владениями римлян.

42. Т. е. Северным и Балтийским морями и морем, лежащим за Скандинавией, — иначе говоря, Северным Ледовитым океаном.

43. Описание одежды германцев не вполне точно: мужская одежда — и не только у знатных — состояла из льняной нижней одежды, штанов (коротких или длинных) и грубошерстной накидки; были в ходу также куртки с рукавами и овечьи и звериные шкуры; не точны сведения Тацита и о женской одежде: женщины носили льняные рубашки, платья и накидки. Об обнаженных руках у германских женщин Тацит особо упоминает в связи с тем, что платье римских женщин было снабжено рукавами.

44. Например, царь свебов Ариовист (Юлий Цезарь, Записки о галльской войне, I, 53), который, будучи женат, имел и вторую жену, сестру царя Норика Воккиона.

45. Сведения Тацита о приданом не вполне точны. В действительности жених вносил за невесту выкуп, а отец невесты, по-видимому, передавал его новобрачной. Кроме того, наутро после свадьбы молодая жена получала от мужа подарки.

46. Здесь, как и в других местах, Тацит отзываясь с похвалой о нравах германцев, молчаливо осуждает тем самым римские нравы.

47. Какие именно племена имел в виду Тацит, не установлено.

48. Это сообщение, по крайней мере в той части, где речь идет о родившихся после смерти отца, не соответствует действительности.

49. Снова намек на Рим и на ряд римских законов, издававшихся со времени Августа с целью стимулировать деторождение в знатных семьях и оставшихся безрезультатными.

50. В знатных римских семьях детей, напротив, препоручали кормилицам; Тацит подробно рассказывает об этом в «Диалоге об ораторах» (29).

51. О том же сообщает и Юлий Цезарь (Записки о галльской войне, VI, 21).

52. В Риме девушек выдавали замуж по достижении ими 13—14 лет; как видно из текста, Тацит отдает предпочтение принятому у германцев порядку.

53. Сообщаемое Тацитом объясняется тем, что германская женщина, вступая в замужество, не порывала со своим родом, как у римлян, а сохраняла свою принадлежность к нему.

54. И здесь Тацит намекает на римские нравы; богатый бездетный старик был окружен в Риме множеством заискивающих пред ним, ибо по римским законам он мог распорядиться имуществом по своему усмотрению.

55. О гостеприимстве германцев сообщает и Юлий Цезарь (Записки о галльской войне, VI, 23). Тацит особо упоминает о том, что явившихся без приглашения принимают столь же сердечно, как если бы они были приглашены, потому что у римлян отношение к незваному гостю было совершенно иным.

56. Римляне умывались после обеда.

57. В отличие от римлян.

58. Речь идет, разумеется, лишь о верхнем общественном слое.

59. Совсем иначе отзываясь о германцах и сам Тацит (Анналы, II, 14), и Веллей Патеркул, называющий их лукавыми и лживыми (Римская история, II, 118).

60. Речь идет о неизвестном римлянам пиве.

61. Колон — лично свободный крестьянин-арендатор, плативший землевладельцу за обрабатываемую им землю деньгами или натурой; положение рабов у германцев Тацитом несколько идеализировано.

62. Таким образом, и у германцев раб был вещью, принадлежащей своему господину, который был вправе распорядиться им по своему усмотрению; строгое обращение римлян с рабами возводилось ими в систему ради поддержания дисциплины и беспрекословного повиновения.

63. Напротив, вольноотпущенники в эпоху империи — весьма влиятельная прослойка римского общества: из них комплектовались административные кадры, многие из них занимали высшие должности в правительстве и при дворе.

64. И здесь Тацит противопоставляет «добрые» нравы германцев «дурным» нравам римлян. О бесплодной борьбе с ростовщичеством в Риме он говорит в «Анналах» (VI, 16—17).

65. Помимо ячменя, пшеницы, овса и ржи, германцы сеяли также чечевицу, горох, бобы, лук-порей, лён, коноплю и красильную вайду, или синильник.

66. Наименование осени у германцев действительно появилось позднее; под осенними плодами Тацит подразумевает плоды фруктовых деревьев и виноград.

67. И в рассказе о погребальных обрядах германцев Тацит отдает им предпочтение перед римскими, что особенно подчеркивается последней фразой первого абзаца этой главы.

68. Т. е. Юлий Цезарь. Цезарь считал, что галлы (кельты) — исконное население Галлии, тогда как, по современным научным воззрениям, Галлия была заселена кельтами, двигавшимися с Востока (около 2000 г. до н. э. кельтские поселения существовали на юге и юго-западе нынешней Германии).

69. Т. е. Рейн.

70. Здесь Тацит имеет в виду Швабскую Юру.

71. Тацит имеет в виду германское племя маркоманов, переселившееся на оставленную бойями территорию.

72. Пространство между 2 рукавами Рейна в его нижнем течении

73. Десятинные земли, или Декуматские поля, получили свое название либо из-за того, что были заселены 10 родоплеменными общинами, либо, как считалось ранее, потому, что поселившиеся здесь римские колонисты платили в казну подать в размере $\frac{1}{10}$ с собранного ими урожая; во второй половине I в. н. э. эта территория была присоединена к Римскому государству и вошла в состав римской провинции Верхняя Германия.

74. Т. е. границей с римскими владениями на левом берегу Рейна; в нижнем течении Рейн разделяется на множество рукавов и протоков и его берега во многих местах заболочены.

75. Сообщение Тацита о полном истреблении бруктеров не соответствует действительности: оправившись после поражения, нанесенного им соседними племенами, часть бруктеров, продвигаясь на юго-запад, позднее пробилась к Рейну.

76. Тацит уподобляет истребление бруктеров столь распространенному в Риме зрелищу — гладиаторским играм.

77. Из этих слов Тацита и из сказанного им в главе 37 видно, что он хорошо понимал бесперспективность борьбы с германцами и видел в них реальную угрозу для Римского государства. Понимал он и то, что римляне сильны только там, где их противника разобщают междоусобия; его мысли об этом см. также: Агрикола, 12.

78. Сзади — т. е. с востока; спереди — с северо-запада.

79. Из этих озер вследствие опускания суши впоследствии (в 1282 г.) образовался залив Зейдер-зе.

80. Тацит здесь не вполне точен: в 5 г. н. э. Тиберий, обогнув полуостров Ютландию, доплыл до пролива Каттегат, и, кроме того, 2 плавания по Северному морю были предприняты в 15 и 16 гг. н. э. Германиком.

81. Здесь Тацит имеет в виду п-ов Ютландию.

82. Ослабление херусков явилось следствием междоусобиц и столкновений с хавками, лангобардами и хаттами.

83. Во II в. до н. э. часть кимвров вместе с не упоминаемыми Тацитом тевтонами покинула свои поселения и двинулась на юг; в конце II в. кимвры и тевтоны стали непосредственно угрожать Риму, но были разбиты Марием: тевтоны — близ нынешнего Экса в Провансе (102 г. до н. э.), а кимвры — близ нынешнего города Верчелли в северной Италии (101 г. до н. э.). Рассказ об этом нашествии кимвров и тевтонов см.: Луций Анней Флор. Из истории римского народа, I, 38; а также: Плутарх. Жизнеописание Мария, 11 и сл. Говоря о лагере кимвров на том и другом берегу, Тацит имеет в виду берега Рейна.

84. По преданию, Рим был основан в 753 г. до н. э. Таким образом, 640-й год от основания Рима — 113 г. до н. э.

85. Второе консульство Траяна приходится на 98 г. н. э.

86. Испании и Галлии, так как римляне различали Испанию Ближнюю и Испанию Дальнюю, а также Галлию Цизальпийскую (т. е. Северную Италию, где обитали кельтские племена) и Трансальпийскую (по ту сторону Альп), а в Трансальпийской Галлии, кроме того, — Галлию Нарбоннскую, Лугдунскую и т. д. Здесь Тацит имеет в виду длительное и сопряженное с большими трудностями завоевание римлянами Испании и Галлии.

87. Говоря о самовластии Арсака, Тацит имеет в виду длительную борьбу с потомками Арсака из династии Арсакидов.

88. Презрительный тон, в котором Тацит говорит о Вентидии, объясняется темным происхождением последнего; Вентидий был выдвинут Юлием Цезарем и при его содействии стал претором.

89. Здесь Тацит называет Цезарем Августа.

90. О разгроме войска Вара см. рассказ Тацита в «Анналах» (I, 61—62).

91. В битве с кимврами близ города Верцеллы (ныне Верчелли) в 101 г. до н. э.

92. Во время завоевания Юлием Цезарем Галлии (58—51 гг. до н. э.).

93. Т. е. будущий император Тиберий.

94. Т. е. Калигулы; об этих приготовлениях в 39—40 гг. н. э. см.: Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Калигула, 43—47.

95. Смуты и гражданская война — борьба за власть в 68—69 гг. н. э. (Гальба, Отон, Вителлий и Веспасиан); говоря о захвате германцами римских зимних лагерей и об их попытках поднять против римлян Галлию, Тацит имеет в виду восстание батавов в 69—70 гг. н. э.

96. Тацит говорит здесь о походе Домициана против хаттов в 83 г. н. э. См. о том же: Тацит. Агрикола, 39.

97. Местонахождение священной рощи семионов не установлено. Божество, которому они поклонялись, видимо, Вотан (его эпитет — Alwaldand, что означает всемогущий).

98. Сообщение Тацита о том, что семионами заселено 100 округов, восходит, очевидно, к Цезарю (Записки о галльской войне, IV, 1).

99. Предположительно — о Зеландия, на котором ныне находится Копенгаген, или какой-нибудь небольшой остров у побережья нынешнего Шлезвиг-Гольштейна.

100. Тацит имеет в виду город Augusta Vindelicorum, нынешний Аугсбург.

101. В 9 г. до н. э. римское войско под начальством Друза дошло до Альбиса (Эльбы); переправился через Эльбу (в неустановленном году) также Луций Домиций Агенбарб (Тацит. Анналы, IV, 44) и в 5 г. н. э. Тиберий. После разгрома в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.) римлянам больше не удавалось так далеко проникать в глубь Германии.

102. Эти горы — Кркóноше (Исполиновы горы) и Судеты.
103. Священная роща наганарвалов находилась, по-видимому, возле нынешнего города Еленя-Гура (Польша, близ границы с Чехословакией).
104. См. прим. 2.
105. Рассказ Тацита о кораблях свионов подтверждается находкой такого корабля в толще трясины на восточном побережье северного Шлезвига; этот корабль находится в музее в г. Киле. Весла на кораблях свионов свободно перемещались, тогда как на римских были закреплены в гнездах, — вот почему Тацит и останавливается на этой подробности.
106. В отличие от других германских племен, о которых упоминалось ранее.
107. Это сообщение Тацита считается недостоверным: полагают, что оружие и у свионов содержалось под охраной только в дни некоторых празднеств. Ср. со сказанным в главе 40.
108. Т. е. Северный Ледовитый океан.
109. Примерно то же об особенностях высоких широт сообщает Тацит и в главе 12 «Жизнеописания Агриколы».
110. Древние греки и римляне обожествляли солнце, представляя его себе в виде лучезарного Феба, ежедневно выезжающего на небосклон в запряженной четверкой лошадей колеснице.
111. Ибо, по представлениям древних, здесь проходит граница мира.
112. Эстии не были предками нынешних эстонцев, которые угро-финского происхождения и лишь унаследовали наименование эстиев; что касается языка эстиев, то он едва ли и в то время был ближе к британскому (кельтскому) языку, чем к германским; отмечаемые Тацитом черты сходства объясняются тем, что и язык эстиев, и язык британцев, равно как и германцев, — индоевропейские.
113. По-видимому, речь идет о культе, сходном с поклонением Нерте (см. гл. 40). И среди германских племен, например англосаксов, также были распространены подобные амулеты с изображением вепря, олицетворявшего неукротимость и свирепость.
114. В данном случае Тацит ошибается: еще в эпоху каменного века, задолго до установления сношений с римлянами, германцы собирали янтарь и выделяли из него всевозможные украшения. Особенно много находили его на побережье Ютландского полуострова и в западной части Балтийского моря.
115. По представлениям древних (земля — круг), местности на Крайнем Западе и Крайнем Востоке расположены одинаково близко к солнцу.
116. Все сказанное Тацитом о феннах относится к лопарям (лопь, лапландцы), так как финны в его времена уже жили оседло, занимаясь земледелием и разведением скота.
117. Ср. заключительные слова «Германии» с «Анналами» (II, 24).

КОММЕНТАРИЙ К «ДИАЛОГУ ОБ ОРАТОРАХ»

1. Главное действующее лицо этой трагедии — Марк Порций Катон Утический (95—46 гг. до н. э.). Убеденный сторонник старой аристократической республики. Катон с тревогой следил за возвышением Юлия Цезаря и, когда борьба между Помпеем и Цезарем привела к гражданской войне, примкнул к помпеевцам. После битвы при Тапсе (Северная Африка), закончившейся полным поражением помпеевцев, Катон покончил самоубийством. Его честность и непреклонность, а также стойкость, с какой он умер, впоследствии восхвалялись римскими республиканцами, так что вполне правильно, что Матерн своей трагедией вызвал неудовольствие в придворных кругах.

2. Борьба Фiestа с Атреем, судьбы потомков Атрея, над которыми тяготеет проклятие за совершенные им злодеяния. — сюжеты, неоднократно трактовавшиеся в античной литературе («Орестея» Эсхила, «Фiest» Сенеки, не дошедшая до нас одноименная трагедия Вария).

3. История Медеи — также излюбленный сюжет античной литературы: к нему обращались Еврипид, Сенека, Овидий (в не дошедшей до нас трагедии).

4. По-видимому, здесь идет речь о Луции Домиции Агенобарбе, последовательном противнике Юлия Цезаря (Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Юлий, 23—24; Нерон, 2).

5. В латинском тексте использовано слово *graculus*, которому присущ пренебрежительно-презрительный оттенок. Давнее неумеренное пристрастие ко всему греческому (ремесленным изделиям, произведениям искусства, науке и литературе) вызвало в качестве ответной реакции отмеченное пренебрежительно-презрительное отношение к грекам, тем более что еще во II в. до н. э. римляне, завоевав Грецию, лишили их политической самостоятельности.

6. Т. е. Юлий Секунд.

7. Красноречие в этом понимании — словесное искусство вообще.

8. Текст в этом месте дефектен.

9. О столкновении в сенате между Гельвидием Приском Старшим, зятем Тразена Пета, и обвинителем Тразена Эприем Марцеллом см.: Тацит. История, IV, 6 и сл., а также: История, IV, 43.

10. У римлян было принято являться с утренним приветствием к могущественным и влиятельным людям.

11. Т. е. дара речи.

12. Т. е. сенаторского достоинства, отличительным знаком которого была широкая пурпурная полоса на тунике.

13. Агр был уроженцем Галлии (см. гл. 10), но из каких именно мест, неизвестно.

14. Центумвиры — члены судебной коллегии ста (фактически ста пяти, а в эпоху империи — ста восьмидесяти), разбиравшей преимущественно дела о наследстве.

15. Император (принцепс) мог затребовать любое судебное дело для личного рассмотрения, отменить ранее вынесенный по нему приговор и решить его наново.

16. Простолюдины обычно не носили тоги: их одежда состояла из туники, поверх которой в холодное время года надевался плащ (*pallium*).

17. Вибий Крисп был родом из Капуи, Эприй Марцелл — из Верцеллы (ныне Верчелли в северной Италии).

18. Т. е. император Веспасиан.

19. Веспасиан родился в 7 г. н. э., умер в 79 г.

20. Высказывания подобного рода можно встретить у многих римских поэтов (Горация, Овидия и др.).

21. Матерн, по-видимому, был также родом из Галлии, хотя не исключено, что его родина — Испания.

22. Римская любовная элегия широко представлена в творчестве Тибулла, Проперция и Овидия; ее содержание — «трудная» любовь поэта к своей «владычице», заставившей его испытать невзгоды любви, благодаря чему он становится наставником в ней, мастером «любовного искусства»; здесь ямбы — особый жанр сатирических стихотворений.

23. В отличие от Рима, где занятие сценическим искусством считалось позорным и унижительным.

24. Подобные статуи устанавливались в первом (от входа) помещении дома (атрий) по решению сената и с одобрения императора.

25. Т. е. не в качестве подсудимого.

26. Т. е. траурной одежды, в которую, по римскому обычаю, облачались ответчики и подсудимые.

27. Т. е. после установления режима единоличной власти.

28. Речь идет о пребывании Аполлона в течение 8 лет у царя Адмета, к которому он удалился по решению Зевса во искупление совершенного им греха — убийства обитавшего на горе Парнасе дракона Пифона (греческая мифология).

29. Вергилий, владея домом в Риме, предпочитал жить в южной Италии и на Сицилии.

30. Музам и Аполлону был посвящен источник Касталия на горе Парнасе у г. Дельф в Фокиде (Греция).

31. Т. е. отказывая часть имущества императорам, чтобы тем самым обеспечить все остальное своим наследникам.

32. Имеются в виду статуи в общественных местах, мемориальные надписи и т. д.

33. Речь идет об известном ораторе Марке Аквиле Регуле, сводном брате Випстана Мессалы, начавшем деятельность политического обвинителя в последние годы правления Нерона.

34. Диалог Цицерона «Гортензий» до нас не дошел; о нем часто упоминают и сам Цицерон, и многие позднейшие авторы. Из чего можно заключить, что это сочинение, посвященное рассмотрению этических проблем, пользовалось в свое время большой популярностью.

35. Речь идет о так называемом Великом мировом годе, учение о котором излагается в космогонии философских школ платоников и стоиков.

36. Т. е. 7 декабря 43 г. до н. э.

37. Т. е. императора Калигулу.

38. Упоминаемые здесь письма до нас не дошли.

39. Кассий Север крайне отрицательно относился к декламационному стилю ораторской речи. В «Контroversиях» Сенеки Старшего (введение к книге III) приводятся высказывания Кассия по этому поводу: «Я привык, — говорит он, — смотреть не на слушателя, а на судью; я привык отвечать не себе самому, а противнику; я избегаю говорить пустое и противоречивое». Речи Кассия отличались ясностью, энергией, едкостью; современниками он был прозван Бешеным.

40. Эти книги до нас не дошли.

41. Имеются в виду 5 речей Цицерона, в которых он обвинял бывшего правителя Сицилии Гая Корнелия Верреса в 70 г. до н. э.

42. В случае, если ответчик в римском суде оспаривал справедливость притязаний истца, судья (претор) включал в так называемую формулу (юридическую формулировку разбираемого судом спора сторон) особую оговорку (exceptio).

43. Обе речи написаны Цицероном: первая сохранилась в крупных связанных фрагментах, вторая полностью (в собрание речей Цицерона обычно включают 57 речей, дошедших до нас либо полностью, либо в связанных отрывках; сохранились также незначительные фрагменты еще 17 речей, и, кроме того, 30 его не дошедших до нас речей упоминаются у различных авторов).

44. В этом месте рукописи не дают достоверного чтения: возможно, что некоторые приводимые здесь имена прочитаны неправильно, так, например, называемого Апром Аттия идентифицировать не удалось. Идентификации упоминаемых тут Фурния Кануция и Торания также предположительны.

45. Эта не дошедшая до нас речь была произнесена Брутом перед Юлием Цезарем в Никее в 47 г.; известна и сохранившаяся речь Цицерона в защиту Дейотара (45 г. до н. э.).

46. О поэтических произведениях Юлия Цезаря см.: Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Юлий, 56; о стихах Брута, Цицерона и других видных ораторов сообщает Плиний Младший в «Письмах» (V, 3).

47. Первое выражение Цицерон употребил в речи против Пизона, второе, приведя его как распространенную среди сицилийцев остроту, во второй речи против Верреса (121) дело в том, что латинское *ius virginum* переведенное нами как «правопорядок Верреса», одновременно может означать и «свиная похлебка».

48. Хотя Цицерон и злоупотреблял порой приводимыми Апром словами, все же Апром явно несправедлив по отношению к Цицерону.

49. Из всех собеседников «Диалога об ораторах» один Випстан Мессала римлянин по рождению, все прочие — уроженцы Галлии; вот почему Матерн называет ораторов прошлого предками Мессалы.

50. «Брут» написан Цицероном в 47 г. до н. э.

51. О своих занятиях с Диодотом Стоиком Цицерон рассказывает в «Бруте» (309).

52. В Греции Цицерон провел 2 года, возвратившись в Рим в 77 г. до н. э.; об этой поездке в Грецию и Малую Азию он рассказывает в «Бруте» (315). Цицерон бывал в Греции и позднее.

53. Перипатетики — созданная Аристотелем философская школа (считается, что ее название происходит от греческого слова *περιπατος*, что означает «прогулка», так как Аристотель проводил занятия с учениками в рощах афинского Ликея); виднейшие перипатетики — Эвдем, Аристоксен, Теофраст.

54. Академики — последователи Платона (Платон собирав своих учеников в саду, посвященном легендарному герою Академу, откуда созданная им философская школа получила название Академии, а его ученики и последователи стали называться академиками). Со времен античности принято различать древнюю и новую Академию.

55. Данное место характеризует отношение Тацита к философскому учению Эпикура: не одобряя его в целом, он все же относился к нему терпимо и находил в нем кое-что приемлемым для себя.

56. Сообщение об этом можно найти у Плутарха (Демосфен, 5), у Цицерона (Брут, 121; Об ораторе, 1, 89), у Апулея (Апология, 15) и у других античных авторов.

57. Цицерон. Оратор, 12.

58. Так, например, отец Цицерона определил его в обучение к Квинту Муцию Сцеволе, а Целий стал учеником Цицерона; да и с Тацитом, судя по «Диалогу об ораторах» (2), дело обстояло подобным же образом.

59. Имеются в виду палки с тупым концом, которыми пользовались для обучения фехтованию воинов и гладиаторов.

60. См.: Цицерон. Об ораторе, III, 94.

61. Аналогичные высказывания о школах риториков можно встретить и у других античных авторов, например у Плиния Младшего (Письма, VIII, 23), у Квинтилиана (Воспитание оратора, II, 2, 9) и др.

62. Свасории — риторические упражнения, представлявшие собой размышления, вкладываемые в уста историческим лицам или (реже) мифологическим персонажам в какой-либо острой ситуации; контрверсии — также риторические упражнения, состоявшие в произнесении речей на надуманные, далекие от реальной жизни темы. Характеристику контрверсий см также: Светоний. О грамматиках и раторах, 25.

63. Ср.: Петроний. Сатирикон, 1.

64. Речи на тему о наградах тираноубийцам широко практиковались в школах риториков, см.: Сенека Старший. Контрверсии, I, 7; II, 5; IV, 7; VII, 6; IX, 4; Квинтилиан. Воспитание оратора, VII, 2, 3, 4, 7, 8, и др.; очевидно, в этом сказывались антимонархические тенденции в эпоху империи. Немало риториков было казнено или изгнано за волюнтаристские Калигулой, Нероном и Домицианом.

65. См.: Сенека Старший. Контрверсии, I, 5; II, 11; III, 5 и т. д. В 1, 5 похищенная требует или предания смерти похитившего ее, или чтобы он женился на ней, не домогаясь приданого.

66. См., например: Квинтилиан. Воспитание оратора, II, 10; Петроний. Сатирикон, 1, — речь идет о принесении в жертву богам ради их умилостивления и прекращения таким образом морской язвы дочерей и сыновей видных лиц, и т. п.

67. См.: Сенека Старший. Контрверсии, I, 3; VI, 6; Квинтилиан. Воспитание оратора, VII, 8, и др.

68. В этом месте в рукописях «Диалога об ораторах» большой пропуск (в некоторых рукописях указано, что отсутствует 6 листов, в других — 6 страниц). Таким

образом, речь Мессалы лишена окончания. В главе 36 отсутствует начало речи Матерна или, как находят некоторые исследователи, Секунда.

69. Т. е. в республиканский период.

70. Т. е. жители провинций, обвинявших в злоупотреблениях римских правителей этих провинций

71. Например, Цицерон, после убийства Цезаря в 44 г. до н. э., вступивший в борьбу с Антонием (в то время Цицерон не занимал никаких официальных должностей), или Марк Лициний Муциан, обеспечивший императорскую власть Веспасиану, и др.

72. Т. е. клиентуру в адвокатской практике.

73. Эти сборники до нас не дошли.

74. Так называлось в римском судопроизводстве предварительное определение, выносимое судьей (прегором) впредь до окончательного решения дела на судебном разбирательстве, например интердикт об охране спорной собственности и т. п.

75. По Порциеву закону воспрещалось казнить или подвергать бичеванию римских граждан: должностные лица, повинные в нарушении этого закона, могли быть привлечены (и порою привлекались) к суду.

76. В 364 г. до н. э. Демосфен произнес в суде 5 речей против недобросовестных огекунов, присвоивших большую часть оставленного ему и его сестре наследства, и выиграл этот процесс.

77. Против Катилины Цицерон в 63 г. до н. э. произнес 4 речи.

78. Против Верреса Цицероном в 70 г. до н. э. было написано 7 речей.

79. Речи Цицерона против Антония (всего 14), называемые также «Филиппиками», относятся к 44—43 гг. до н. э.

80. Речь идет о так называемых *comperendinationes* — трехдневных отсрочках для вынесения решения по не требующим доследования судебным делам.

81. В 52 г. до н. э.

82. Речь идет о так называемой *raepula* — дорожном плаще узкого покроя, стеснявшем движения оратора.

83. *Auditoria* и *tabularia* — собственно залы для декламации и помещения для хранения архивов.

84. Исследователи «Диалога об ораторах» считают, что, начиная с 36 главы (см. прим. 68) и вплоть до слов: «Мы беседуем не о чем-то спокойном...», — говорит Секунда, полагают, что и в этом месте недостает части текста, а именно окончания речи Секунда и начала речи Матерна.

85. Аналогичное высказывание см.: Цицерон. Брут, 50. Впрочем, о критянах Цицерон не упоминает.

86. Ср.: Тацит. Анналы, III, 26.

87. Цицерон, как известно, в течение 44 и 43 гг. выступил с 14 речами против Антония, но после того как Октавиан помирился с Антонием последний категорически потребовал внесения имени Цицерона в первый же проскрипционный список. Цицерон сделал попытку покинуть Италию морем, но из-за дурной погоды принужден был сойти с корабля, и 7 декабря 43 г. его настигли и убили люди Антония. Голова и правая рука Цицерона были отрублены и отправлены Антонию в Рим.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции 5

АННАЛЫ

Перевод *А. С. Бобовича*, ред. *Я. М. Боровского*

Книга первая	7
Книга вторая	45
Книга третья	82
Книга четвертая	114
Книга пятая	150
Книга шестая	152
Книга одиннадцатая	179
Книга двенадцатая	196
Книга тринадцатая	223
Книга четырнадцатая	252
Книга пятнадцатая	280
Книга шестнадцатая	312

МАЛЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Перевод *А. С. Бобовича*, ред. *М. Е. Сергеев*

Жизнеописание Юлия Агриколы	327
О происхождении германцев и местоположении Германии	353
Диалог об ораторах	373

ПРИЛОЖЕНИЕ

Комментарии (сост. <i>А. С. Бобович</i>)	403
К «Анналам»	403
К «Жизнеописанию Юлия Агриколы»	430
К «О происхождении германцев и местоположении Германии»	434
К «Диалогу об ораторах»	439

Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах Том первый. АННАЛЫ. МАЛЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Утверждено к печати Редакцией серии Литературные памятники

Редактор издательства *Е. Г. Дагин*. Художник *Д. С. Данилов*
Технический редактор *Н. А. Круликова*. Корректоры *Е. В. Вивчар* и *Э. В. Коваленко*

Сдано в набор 24/VIII 1967 г. Подписано к печати 28/XI 1967 г. РИСО АН СССР № 11—181В. Формат бумаги 70 × 90¹/₁₆. Бум. л. 14¹/₈. Печ. л. 27³/₄ + 2 вкл. (1¹/₂ печ. л.) = 33.05 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 33.18. Изд. № 3442. Тип. зак. № 509. Тираж 30000. Бумага типографская № 1. Цена 2 р. 29 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука» Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука» Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И О ПЕ ЧАТ К И

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
109 и др.	18-ая сверху	квиндецемвиров	квиндецимвиров
190	9-ая сверху	хотя и	хотя их
238	2-ая снизу	ликинцами	ликийцами
276	7-ая »	подверженному опасности	способному дать отпор
312	8-ая сверху	на Капитолии	в Капитолии
350	1-ая снизу	июльские	июньские
414	12-ая »	Плутарх (Греческие вопросы, 56 и Павсаний, VII, 2,7).	Плутарх. Греческие вопросы, 56 и Павсаний, VII, 2, 7.
414	3-ья »	за это	за что

А н н а л ы.

КОРНЕЛИЙ
ТАЦИТ

2

— КОРНЕЛИИ ТАЦИТ

